

87.2

122

1100

рег

87.2

831082

1М

Л 22 Ланге Ф.А.

История материализма и  
критика его значения в  
настоящем. Т. 2: История  
материализма со времени

1900

95-00

831082

209 5 (P)

рег

201/100-7

1911-12

1911-12

شماره ۱۰۰



5/11  
Ф. А. Ланге.

*В. В. Соловьев*  
1900  
87.2  
122

# ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛИЗМА

И

КРИТИКА ЕГО ЗНАЧЕНИЯ ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПЯТАГО НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛИЗМА СО ВРЕМЕНИ КАНТА.



ЮЖНО-РУССКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

Ф. А. ЮГАНСОНА.

Кіевъ.

1900.

Харьковъ.

134  
122 V

Центральная типо-литография М. Я. Милкова, 3-я Рождественская, 7.

831082

ЦГПБ им. Н.А. Некрасова

Отдел хранения и  
обслуживания читателей  
Сектор хранения фондов

# ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛИЗМА

И

КРИТИКА ЕГО ЗНАЧЕНИЯ ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ.

---



Принужденный болѣзною глазь отказаться на неопредѣленное время отъ всякихъ письменныхъ и книжныхъ занятій, я къ сожалѣнію поставленъ въ невозможность исполнить высказанныя въ предисловіи къ первому тому обѣщанія относительно примѣчаній къ обоимъ томамъ Ланге. Въ этихъ примѣчаніяхъ я имѣлъ въ виду оговорить и выяснить тѣ пункты, въ которыхъ я существенно несогласенъ съ авторомъ «Исторіи матеріализма».

*Владиміръ Соловьевъ.*

31 августа 1899 г.



## Предисловіе автора ко второму тому.

Появленіе второго тома и особенно послѣдней его части весьма замедлилось, вслѣдствіе того, что усилилась тяжкая болѣзнь, лишающая меня въ значительной мѣрѣ способности работать. Та же причина сдѣлала для меня невозможнымъ внести въ кругъ моего изслѣдованія нѣкоторыя важныя явленія послѣдняго времени, близко касающіяся моего предмета. Я особенно жалѣю о томъ, что мнѣ не пришлось остановиться на рѣчи Тиндаля о религіи и наукѣ и на «Трехъ опытахъ о религіи» Стюарта Милля.

Рѣчь Тиндаля какъ бы оффиціально возвѣщается для Англій, играющей столь видную роль въ исторіи матеріализма, новый періодъ. Старый худой миръ между естествознаніемъ и теологіей, который былъ уже нарушенъ Гексли, а незадолго передъ тѣмъ и Дарвиномъ, подорванъ окончательно. Естествоиспытатели требуютъ себѣ права дѣлать выводы изъ своего міровоззрѣнія, не считаясь съ какими бы то ни было церковными преданіями. Религіи обезпечивается дальнѣйшее существованіе лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы она опиралась на философію Спенсера, и отнынѣ уже не представляется безразличнымъ, въ какихъ догматахъ выражаются религіозныя чувства, и каковы ихъ требованія относительно вѣры. Но съ этимъ вмѣстѣ здѣсь, какъ ранѣе въ Германіи, открывается борьба, которая можетъ найти себѣ мирное завершеніе только лишь съ возвышеніемъ религіи въ область идеала.

Весьма замѣчательнымъ представилось мнѣ, до какой степени Милль въ своей статьѣ о теизмѣ, послѣдней изъ его крупныхъ работъ, приблизился къ той точкѣ зрѣнія, обоснованіе которой составляетъ результатъ нашей исторіи матеріализма. Безпощадный эмпирикъ, защитникъ утилитарной философіи, — человекъ, который въ многихъ изъ прежнихъ своихъ произведеній исповѣдывалъ какъ будто одну лишь разсудочность, — дѣлаетъ здѣсь уступку въ томъ смыслѣ, что узкая и скудная жизнь человека весьма нуждается въ открытіи ея высшими надеждами относительно нашего предназначенія, и что разумно будетъ предоставить нашей фантазіи развитіе этихъ надеждъ, — лишь бы

только она не приходила въ столкновение съ очевидными фактами. Цѣнная всѣми ясность духа — разсуждаетъ Милль — покоится на склонности останавливаться мысленно на лучшей сторонѣ настоящаго и будущаго — а вѣдь это собственно значить ничто иное, какъ произвольно идеализировать жизнь: вотъ почему намъ слѣдуетъ думать о міроуправленіи и о нашемъ будущемъ послѣ смерти болѣе благопріятно, чѣмъ это позволяетъ намъ ничтожная вѣроятность этихъ вещей. Мало того — даже идеальный образъ Христа не только представляется какъ главное преимущество христіанства, но и какъ нѣчто такое, что можетъ быть усвоено и невѣрующимъ.

Далеко ли отъ этого до нашей точки зрѣнія идеала? Ничтожная, почти незамѣтная вѣроятность, что образы нашей фантазіи, можетъ быть, обладаютъ реальностью, является только слабою связью между религіей и наукой и въ сущности составляетъ даже недостатокъ всей этой точки зрѣнія, ибо этой вѣроятности противостоитъ другая, далеко ее перевѣшивающая — вѣроятность противоположнаго; а въ области реального нравственность мышленія требуетъ отъ насъ, чтобы мы не держались туманныхъ возможностей, но отдавали всегда предпочтеніе болѣе вѣроятному. Разъ признано въ принципѣ, что мы должны создать себѣ въ мысляхъ міръ болѣе прекрасный и болѣе совершенный, нежели міръ дѣйствительности, то надо будетъ признать значеніе и за мѣломъ — какъ мѣломъ. Важнѣе однако, чтобы мы возвысились до познанія, что та же необходимость, тотъ же трансцендентный корень нашего человѣческаго существа, которые черезъ посредство нашихъ чувствъ даютъ намъ образъ міровой дѣйствительности, ведутъ насъ и къ тому, что мы въ высшемъ отпавленіи творческаго синтеза создаемъ міръ идеала, куда мы можемъ уйти отъ предѣловъ, положенныхъ нашимъ чувствамъ, и гдѣ мы вновь обрѣтаемъ истинную родину духа.

*А. Ланге.*

Марбургъ, конецъ января 1875 г.



## ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
20	5 снизу	исканіями	изысканіями
23	15 —	дасть	дасть.
—	— —	мышенія	мышленія
32	11 сверху	эти понятія	это понятіе
33	13 —	ченіе	значеніе
34	21 —	выводъ возможное	выводъ—возможное
37	24—25 —	бурномъ—этомъ океанѣ	бурномъ океанѣ—этомъ
45	24 снизу	Кантомъ	Коптомъ.
54	2 сверху	является	являются
61	22—22 —	собственную матерію	собственный матеріалъ
86	18 —	а монады	монады, а
99	10 снизу	такомъ случаѣ	въ такомъ случаѣ
102	18—19 сверху	предполагается, предположеніе, тѣмъ	предполагается, тѣмъ
124	22—23 —	представленнымъ	представлено
129	16 снизу	этого объясня	этого; объясняя
133	26 сверху	28)	38)
135	15 —	несколько удивительно	несколько не удивительно
149	2—3 —	монада	монера
166	11 снизу	Боннетъ	Беннетъ
187	19 —	возвратеній	возвратній.
196	5 снизу	Вольнеромъ	Вагнеромъ
202	21 —	энергію	энергію
241	5 —	свою характеристику	свою характеристику
243	1 сверху	Спенсера	Спенсера
251	26 снизу	кризисы части	кризисы болѣе часты
274	19 —	эгоизмъ съ сознательною цѣлю путемъ	эгоизмъ, съ сознательною цѣлю—путемъ
286	20 сверху	находящихся	находящихся
305	2 —	Привлечены будутъ	Привлекаются
309	7 снизу	можно бы	могла бы



# Содержаніе.

Предисловіе ко второму тому. . . . . Стр. V

## Отдѣлъ первый. Новѣйшая философія.

**I. Кантъ и матеріализмъ . . . . . 1**

Поворотъ нѣмецкой философіи къ Канту.—Непреходящее значеніе критицизма.—Кантъ выворачиваетъ на изнанку воззрѣніе метафизики.—Движеніе и ощущеніе; міръ какъ явленіе.—Опытъ какъ продуктъ организаціи.—Кантъ въ его отношеніи къ Платону и Эпикуру.—Рѣзкое отличіе философіи Канта отъ субъективизма и скептицизма.—Вліяніе Юма; точка зрѣнія послѣдняго.—Кантъ и опытъ. — Анализъ опыта.—Синтетическія сужденія а priori. — Открытіе апріорныхъ элементовъ.—Чувственность и разумъ.—Пространство и время какъ формы чувственности.—Нельзя-ли ощущеніе измѣрять ощущеніемъ-же? Психифизика. — Апріорность пространства и времени допустимы.—Отношеніе матеріализма къ ученію о пространствѣ и времени.—Категоріи.—Юмовская критика понятія причинности. — Дедукція категорій.—Ошибка дедуктивнаго приѣма. — Здравый человѣческій разумъ.—Основа апріорныхъ понятій. — Различныя воззрѣнія на понятіе причинности. — Отношеніе эмпириковъ и матеріалистовъ къ понятію причинности.—Вещь въ себѣ.—Выведеніе категорій и происхожденіе идей.—Свобода воли и нравственный законъ.—Умопостигаемый міръ какъ идеаль.

**II. Философскій матеріализмъ со времени Канта . . . . 45**

Коренныя мѣста новѣйшей философіи обращаются къ реальной жизни, Германія же достается метафизика. — Ходъ духовнаго развитія въ Германіи. — Причина возрожденія матеріализма; вліяніе естествознанія; Кабанисъ и соматическій методъ въ физиологіи; вліяніе привычки къ философской борьбѣ мнѣній и къ свободѣ мысли; натурфилософское направленіе; поворотъ къ реализму съ 1830 года.—Фейербахъ.—Максъ Штирнеръ.—Упадокъ поэзіи; развитіе промышленной дѣятельности и естествознанія. — Теологи-

ческая критика и «молодая Германія»; возрастающее брожение умовъ вплоть до 1848 года. — Реакція и матеріальные интересы; свѣжій подъемъ естественныхъ наукъ.—Начало матеріалистическаго спора.—Бюхнеръ и философія.—Бюхнеръ; его личность; вліяніе на него Молешота; темноты и недостатки его матеріализма. — Молешотъ; вліяніе на него Гегеля и Фейербаха; не-матеріалистическая гносеологія Молешота.—Возможность матеріализма послѣ Канта.— Категорическій императивъ: «удовлетворяйся даннымъ міромъ!» — Чодльбе.

## Отдѣлъ второй. Естествознаніе.

### I. Матеріализмъ и точное изслѣдованіе. . . . . 81

Матеріалисты и спеціальные изслѣдователи; дилетантизмъ и школа въ естествознаніи и въ философіи. — Естественно-научный и философскій образъ мышленія. — Границы познанія природы; Дюбуа-Реймонъ; недоразумѣнія матеріалистовъ и теологовъ.— Исправленіе слѣдствій, вытекающихъ изъ предположеній Дюбуа-Реймона.—Границы познанія природы суть границы познанія вообще.—Механическое міровоззрѣніе не въ состояніи раскрыть глубочайшую сущность вещей.—Матеріализмъ превращаетъ теорію въ дѣйствительность, а непосредственно данное—въ видимость.—Ощущеніе есть фактъ болѣе коренной, нежели подвижность матеріи. — Даже предположеніе ощущающей матеріи не устраняетъ всѣхъ трудностей; неизвѣстное третье. — Несправедливыя упреки матеріализму. — Преодоленіе матеріализма съ помощью философскаго и историческаго образованія. — Значеніе теорій. — Матеріализмъ и идеализмъ въ изслѣдованіи природы.

### II. Сила и вещество . . . . . 111

Исторія понятія атома.—Бойль.—Вліяніе Ньютоновскаго закона тяготѣнія; превращеніе Гоббсомъ понятія атома въ относительное.—Дальтонъ.—Рихтеръ.—Гэй-Люссакъ. — Молекулярная теорія Авогадро. — Берцелій. — Дюлонгъ и Пти.—Мичерлихъ и изоморфизмъ.—Теорія типовъ.—Сомнѣніе въ теоріяхъ; болѣе строгое различіе между фактомъ и гипотезой. — Математики и физики.—Предположеніе непротяженныхъ атомовъ.—Фехнеръ.—Возраженіе противъ непротяженныхъ атомовъ. — Веберовское понятіе массы безъ протяженія. — Вліяніе новѣйшихъ химическихъ теорій и механической теоріи тепла на понятіе атома.—Попытка матеріалистовъ подчинить силу матеріи; критика ея. — Молекулы становятся все болѣе извѣстными, а атомы все менѣе опредѣленными.—Законъ сохраненія силы.—Вліяніе его на понятіе матеріи.—Релятивистическія опредѣленія вещи, силы и матеріи.—Воззрѣнія Фехнера и Целльнера.—Проблема силы и матерія есть проблема гносеологическая.

### III. Естественно-научная космогонія . . . . . 138

Новѣйшая космогонія примыкаетъ къ Ньютону.—Теорія уплотненія.—Геологическая теорія устойчивости.—Продолжительные періоды времени.—Заключенія относительно необходимой гибели солнечной системы и жизни во вселенной.—Происхождение организмовъ.—Гипотеза о произвольномъ зарожденіи (generatio aequivoca).—Теорія перенесенія по Томсону и Гельмгольцу; упреки Целльнера.—Воззрѣнія Фехнера.

### IV. Дарвинизмъ и телеологія . . . . . 152

Интересъ къ дарвинистическому спору возросъ; вопросы специализировались, но основныя черты остались безъ измѣненія.—Сувѣріе «вида».—Необходимость эксперимента.—Телеологія.—Индивидъ.—Классификаціонная сѣть животнаго царства къ низшимъ животнымъ совершенно непримѣнима.—Устойчивость органическихъ формъ какъ слѣдствіе борьбы за существованіе.—Равновѣсіе формъ.—Подражаніе (mimicry).—Соотносительность роста.—Морфологическіе виды.—Прогрессивное развитіе.—Различіе между одинаковыми по внѣшнему виду первичными формамъ.—Монофилетическое и полифилетическое происхождение организмовъ.—Телеологія Эд. Гартмана какъ образчикъ ложной телеологіи, основанной на грубомъ непониманіи теоріи вѣроятностей.—Цѣнность «философіи безсознательнаго» этимъ однако еще не опредѣляется.

Отдѣлъ третій. Естествознаніе (продолженіе): человекъ и душа.

### I. Положеніе человека въ царствѣ животныхъ . . . . . 184

Усиленіе интереса къ антропологическимъ вопросамъ.—Успѣхи антропологическихъ наукъ.—Примѣненіе дарвиновскаго ученія о происхожденіи къ человеку само собою понятно.—Сужденіе Кювье.—Открытіе остатковъ дилувіальнаго человека.—Возрастъ этихъ остатковъ.—Слѣды древней культуры.—Вліяніе чувства красоты.—Отвѣсное положеніе тѣла.—Образованіе рѣчи.—Ходъ культурнаго развитія: сначала медленный, а затѣмъ все болѣе быстрый.—Вопросъ о происхожденіи человека изъ одного вида.—Отношеніе человека къ обезьянѣ.

### II. Мозгъ и душа . . . . . 199

Трудности предмета выяснились только съ успѣхами наукъ.—Вредное дѣйствіе школьной психологіи.—Френологія.—Рефлекторное движеніе какъ основной элементъ психической дѣятельности.—Опыты Пфлюгера.—Различныя недоразумѣнія и ошибочныя истолкованія физиологическихъ опытовъ.—Мозгъ не производитъ психологической отвлеченности.—Ошибочная теорія Каруса и Гушке.—Прежде всего необходимо устранить психологическія школьныя по-

ятія.— Живучесть предрасудка о локалізації духовныхъ способностей.—Ислѣдованіе мозга Мейнертомъ.—Психологическая важность двигательныхъ путей.—Одинаковость процесса возбужденія во всѣхъ нервахъ.—Опыты Гицига, Нотнагеля и Феррье.—Толкованіе ихъ.—Взглядъ Вундта на элементарныя физиологическія явленія, которыми сопровождаются психическія функціи.—Необходимость провести законъ сохраненія силы по отношенію къ отправленіямъ мозга.—Духовная цѣнность содержанія ощущенія.

### III. Естественно-научная психологія . . . . . 229

Ошибки въ опытахъ естественно-научной и математической психологіи; Гербартъ и его школа.—Необходимость критики психологіи.—Гипотезы о «сущности души».—Психологія безъ души.—Критика самонаблюденія и наблюденія при помощи «внутренняго чувства».—Естественно-научный методъ и умозрѣніе. — Животная психологія.—Психологія народовъ; этнографическія сообщенія о путешествіяхъ.—Вліяніе Дарвина.—Соматическій методъ.—Примѣнимость эксперимента.—Опытная психологія въ Англіи: Милль, Спенсеръ, Бэнъ.—Моральная статистика.

### IV. Физиологія органовъ чувствъ и міръ какъ представленіе . . . . . 252

Физиологія органовъ чувствъ показываетъ, что мы не вѣшніе предметы воспринимаемъ, а создаемъ представленіе о нихъ. — Перенесеніе предметовъ во внѣ и прямое видѣніе по Гоганну Мюллеру и Ибервегу.—Дальнѣйшая обработка и критика Ибервеговской теоріи.—Гельмгольцъ о сущности чувственныхъ впечатлѣній.—Органы чувствъ какъ аппараты отвлеченія.—Аналогія съ отвлеченіемъ въ мышленіи.—Психологическое объясненіе явленій не исключаетъ существованія механической причины.—Чувственный міръ есть продуктъ нашей организаціи.—Безсознательныя заключенія.—Предположеніе механизма для всѣхъ психическихъ отправленій не обусловливаетъ матеріализма, ибо и механизмъ есть только представленіе.—Попытка Ибервега доказать трансцендентную реальность пространства.—Результаты.—Объясненіе Рокитанскаго: именно атомистическая теорія и является поддержкой для идеалистическаго міровоззрѣнія.

Отдѣлъ четвертый. Этическій матеріализмъ и религія.

### I. Экономическая область и догматика эгоизма . . . . . 269

Происхожденіе теоретическаго предположенія чисто эгоистическаго общества.—Право и предѣлы отвлеченія; смѣшеніе отвлеченія съ дѣйствительностью.—Накопленіе капитала и законъ роста потребностей.—Мнимая польза отъ эгоизма.—Происхожденіе эгоизма и симпатіи.—Нравственный прогрессъ, несправедливо отрицаемый Боклемъ.—Эгоизмъ какъ нравственный принципъ и гармо-

нія интересовъ.—Провѣрка ученія о гармоніи интересовъ.—Причины неравенства и происхожденіе пролетаріата.

## II. Христіанство и просвѣщеніе . . . . . 290

Идеи христіанства какъ цѣлебное средство противъ соціальныхъ золъ; кажущаяся бесплодность ихъ по Миллю.—Косвенное и постепенное дѣйствіе.—Связь между христіанствомъ и соціальною реформой.—Нравственное дѣйствіе вѣры: частью благопріятное, частью неблагопріятное.—Значеніе формы въ нравственности и въ религіи.—Притязаніе религіи на истинность.—Невозможность религіи отъ разума безъ поэзіи.—Пасторъ Лангъ и его возраженія противъ этого ученія.

## III. Теоретическій матеріализмъ въ его отношеніи къ нравственности и религіи . . . . . 304

Характеръ обычныхъ нападокъ на религію.—Преобладаніе разсудочнаго принципа.—Планы новой религіи; новая іерархія Контанта.—Свѣдѣнія по естественнымъ наукамъ должны трактоваться не въ церковномъ, а въ чисто свѣтскомъ духѣ.—Не нравственное поученіе составляетъ сущность религіи, а трагическое потрясеніе души.—Нашъ культъ гуманности не нуждается въ религіозныхъ формахъ.—Матеріализмъ вполне послѣдователенъ, когда совершенно отвергаетъ религію.—Разборъ связи между этическимъ и теоретическимъ матеріализмомъ.—Развитіе матеріализма у Ибервега.—Прежняя его точка зрѣнія.—Матеріалистическая закваска его психологіи.—Его телологія.—Сознаніе ея слабыхъ сторонъ.—Существованіе Бога.—Переходъ къ матеріализму: свидѣтельства этого въ его письмахъ къ Чольбе и къ автору.—Сомнѣнія въ атеизмъ, приписываемомъ Чольбе Ибервегу.—Этическія слѣдствія его міровоззрѣнія; отношеніе къ христіанству.—Давидъ Фридрихъ Штраусъ; его послѣднее и окончательное міровоззрѣніе въ существѣ матеріалистично.—Его матеріализмъ послѣдователенъ и продуманъ.—Поверхностность въ трактованіи соціальныхъ и политическихъ вопросовъ; консервативное направленіе.—Онъ отвергаетъ специфическія черты христіанской эпохи; оптимизмъ; благопріятный отзывъ о культѣ свободныхъ общинъ.—Невниманіе къ народу и къ его потребностямъ.—Склонность состоятельныхъ классовъ къ матеріализму.—Соціалисты и опасность разрушенія нашей культуры.

## IV. Точка зрѣнія идеала . . . . . 328

Матеріализмъ какъ философія дѣйствительности; сущность дѣйствительности.—Функции синтеза въ умозрѣніи и въ религіи.—Происхожденіе оптимизма и пессимизма.—Цѣлность и значеніе дѣйствительности.—Предѣлы ея; приближеніе къ идеалу; пессимизмъ рефлексіи и оптимизмъ идеала.—Дѣйствительность нуждается въ восполненіи идеальнымъ міромъ; философская поэзія Шиллера.—Будущее религіи и внутренняя ея сущность.—Философія религіи, въ особенности Фихте.—Группировка людей по формѣ ихъ

внутренней жизни. — Судьбы религіи въ критическія времена; возможность новыхъ формъ религіи; условія существованія религіи; условія міра между противоположными точками зрѣнія. — Матеріалистическій споръ какъ серьезное знаменіе времени; соціальный вопросъ и предстоящая борьба; возможность смягченія ея.

Примѣчанія къ I отдѣлу . . . . .	345
Примѣчанія къ II отдѣлу . . . . .	365
Примѣчанія къ III отдѣлу . . . . .	386
Примѣчанія къ IV отдѣлу . . . . .	404
Указатель именъ . . . . .	411



## ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

### Новѣйшая философія.

#### I. Кантъ и матеріализмъ.

Выдающееся мѣсто, какое мы отвели Канту уже однимъ раздѣленіемъ нашего изслѣдованія, теперь уже гораздо менѣе нуждается въ оправданіи или даже только въ объясненіи, чѣмъ при появленіи перваго изданія, почти тридцать лѣтъ тому назадъ. Впрочемъ, отступленіе нѣмецкой умозрительной романтики еще задолго до того было рѣшено. Подобно тому какъ разбитая армія ищетъ кругомъ твердаго пункта въ надеждѣ, что она опять съумѣетъ собраться и придти въ порядокъ, такъ повсюду въ философскихъ кругахъ раздавался лозунгъ: «назадъ къ Канту!» Однако только въ новѣйшее время это возвращеніе къ Канту приняло серьезную форму, и тутъ-то оказалось, что, въ сущности, точка зрѣнія великаго кенигсбергскаго философа никогда не могла быть съ полнымъ правомъ обозначена какъ пройденная,—и что даже есть полное основаніе путемъ серьезнѣйшаго изслѣдованія проникнуть въ глубины Кантовской системы, какъ это до сихъ поръ изъ всѣхъ философвъ было сдѣлано только по отношенію къ Аристотелю.

Недоразумѣнія и бурный творческій порывъ протянули другъ другу руки для того, чтобы въ эпоху необычайно дѣятельную въ духовномъ отношеніи прорвать тѣ строгія границы, какія Кантъ положилъ умозрѣнію. Отрезвленіе, которое слѣдовало за метафизическимъ опьяненіемъ, тѣмъ болѣе побуждало возвратиться къ послѣдно оставленной позиціи, что опять очутились лицомъ къ лицу съ матеріализмомъ, безслѣдно исчезнувшимъ нѣкогда, съ появленіемъ Канта. — Теперь у насъ не только имѣется молодая школа кантіанцевъ <sup>1)</sup> въ тѣсномъ и широкомъ смыслѣ, но даже тѣ, которые пытаются идти другими путями, считаютъ себя обязанными какъ бы свести счеты съ Кантомъ и специально обосновать свое уклоненіе отъ его путей. Даже искусственно возросшее движеніе въ пользу Шопенгауэровской философіи отчасти произошло отъ близкихъ этому причинъ, отчасти же представляло для болѣе глубокихъ умовъ переходъ къ Канту. Въ особенности же слѣдуетъ здѣсь отмѣтить тотъ фактъ, что и естествоиспытатели шли навстрѣчу этому движенію: по сколько ихъ не удовлетворялъ матеріализмъ, они преимущественно склонялись къ мировоззрѣнію, совпадающему въ существенныхъ чертахъ съ кантовскимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не правовѣрному кантіанству должны мы придать рѣшающее значеніе,—менѣе же всего тому догматическому направленію,

какимъ Шлейденъ полагалъ окончательно поразить матеріализмъ, сравнивая Канта, Фриза и Апелъта съ Кепплеромъ, Ньютономъ и Лапласомъ и доказывая, что работами этихъ мыслителей идеи—душа, свобода, божество — такъ же твердо установлены, какъ законы движенія звѣздъ <sup>2)</sup>). Такой догматизмъ чуждъ самому духу «Критики разума», хотя Кантъ лично придавалъ наибольшее значеніе тому, что эти идеи были имъ поставлены въ школьныхъ споровъ—тѣмъ именно, что онъ отнесъ ихъ, какъ совершенно недоступныя для положительныхъ и отрицательныхъ доказательствъ, въ область практической философіи. Но вся практическая философія, какъ бы могущественно она ни вліяла на современниковъ, есть измѣнчивая и преходящая часть Кантовой философіи. Вѣчно только ея мѣсто, но не то зданіе, которое мастеръ возвелъ на этомъ мѣстѣ. Дажя доказательство того, что это мѣсто является приближищемъ для построеніе этическихъ системъ, едва ли можно отнести къ непреходящимъ составнымъ частямъ системы, и поэтому, если исходнымъ пунктомъ служить спасеніе нравственныхъ идей, то ничто не является столь мало подходящимъ, какъ сравненіе Канта съ Кепплеромъ—не говоря уже о Ньютонѣ и Лапласѣ. Все значеніе великой реформы, предпринятой Кантомъ, слѣдуетъ, наоборотъ, искать въ его критикѣ теоретическаго разума; даже и по отношенію къ нравственной области именно въ этомъ заключается не преходящее значеніе критицизма, который не только содѣйствовалъ возникновенію опредѣленной системы этическихъ идей, но при надлежѣщемъ развитіи способенъ точно также служить мѣняющимся требованіемъ разнородныхъ культурныхъ періодовъ.

Самъ Кантъ былъ очень далекъ отъ того, чтобы сравнивать себя съ Кепплеромъ; но онъ сдѣлалъ другое сравненіе, которое глубже и основательнѣе. Онъ сравнилъ свое дѣяніе съ дѣяніемъ Коперника. Дѣяніе же это состояло въ томъ, что онъ перевернулъ вверхъ дномъ прежнее воззрѣніе метафизики. Коперникъ — «въ противность нашимъ чувствамъ, но совершенно правильно»—дерзнулъ искать наблюдаемыхъ движеній не въ небесныхъ тѣлахъ, а въ наблюдающемъ ихъ человѣкѣ. Не менѣе «нелѣпнымъ» должно представиться лѣнивому человѣческому уму, что Кантъ совокупный опытъ со всѣми историческими и точными науками осторожно, но увѣренно выворачиваетъ на изнанку тѣмъ простымъ положеніемъ, что не наши понятія сообразуются съ предметами, а предметы съ нашими понятіями <sup>3)</sup>. Изъ этого непосредственно слѣдуетъ, что предметы опыта вообще суть только наши предметы, что вся, однимъ словомъ, объективность не есть абсолютная объективность,—она только объективность для людей и для нѣкоторыхъ существъ со сходною организаціей, между тѣмъ какъ за міромъ явленій абсолютная сущность вещей—«вещь въ себѣ»—окутана непроницаемымъ мракомъ.

Воспользуемся этою мыслью для цѣлей нашего изслѣдованія! Какъ доказывалъ ее Кантъ, насъ пока не касается; но тѣмъ болѣе занимаетъ насъ вопросъ, каково съ этой новой точки зрѣнія положеніе матеріализма.

Въ концѣ первой книги мы видѣли нѣмецкую школьную философію въ опасной борьбѣ съ матеріализмомъ. Излюбленный образъ гидры, у которой, послѣ того, какъ борющійся съ ней полубогъ отрубилъ ей одну голову, постоянно вырастаютъ новыя двѣ, отнюдь не подходитъ къ тому зрѣлищу, какое представляется слѣдующему за этой борьбой. Ко-

нечно, материализмъ каждый разъ получаетъ ударъ, котораго отразить не можетъ; это все тотъ же фехтовальный приемъ (Quart), который всегда попадаетъ въ цѣль, какъ бы смѣшно и неуклюже онъ ни былъ исполненъ. Сознаніе материальными движеніями объяснить невозможно; какъ бы краснорѣчиво ни было доказано, что оно безусловно зависитъ отъ материальныхъ процессовъ, тѣмъ не менѣе связь между внѣшнимъ движеніемъ и ощущеніемъ остается непостижимою и, чѣмъ ярче она освѣщается, тѣмъ рѣзче раскрываемыя ею противорѣчія. Но тутъ однако оказывается, что всѣ тѣ системы, которыя выдвигаются въ борьбѣ противъ материализма, какъ бы онѣ ни назывались,—картезианство, спинозизмъ, лейбниціанство, вольфианство или даже аристотелизмъ,—носятъ въ себѣ то же противорѣчіе, а кромѣ этого еще съ дюжину худшихъ. При сведенія счетовъ съ материализмомъ, все это выступаетъ наружу. Мы здѣсь совершенно оставляемъ въ сторонѣ преимущества, какими обладаютъ другія системы благодаря своему глубокомыслию, сродству съ искусствомъ, религіей и поэзіей, благодаря своимъ, полнымъ чаянія проблескамъ духа и возбуждающей игрѣ мысли. Такими сокровищами материализмъ бѣденъ, но зато онъ бѣденъ также тѣми до крайности грубыми заблужденіями и утонченными увертками, съ помощью которыхъ другія системы добываютъ свои мнимыя истины. Въ борьбѣ съ материализмомъ, гдѣ дѣло идетъ о доказательствахъ и опроверженіяхъ, никакія преимущества глубокомыслия помочь не могутъ, и скрытыя противорѣчія выступаютъ на свѣтъ.

Однако, мы подъ разными формами познали одинъ принципъ, противъ котораго материализмъ безоруженъ, и который въ самомъ дѣлѣ выводитъ за предѣлы этого міровоззрѣнія къ болѣе высокому взгляду на вещи. Въ самомъ началѣ нашего изслѣдованія предъ нами выступилъ этотъ принципъ. Мы видѣли, какъ Протагоръ уклонился отъ Демокрита и пошелъ далѣе его. Затѣмъ въ послѣднемъ разсмотрѣнномъ нами періодѣ мы встрѣтили двухъ людей, различныхъ по національности, образу мысли, званію, вѣрѣ и характеру, которые однако оставляютъ почву материализма на томъ же самомъ мѣстѣ, именно — епископа Берклея и математика д'Аламбера. Первый смотрѣлъ на міръ явленій какъ на одинъ великій обманъ чувствъ, а второй сомнѣвался въ томъ, существуетъ ли вообще что нибудь внѣ насъ, соотвѣтствующее тому, что представляется нашему зрѣнію. Мы видѣли, какъ Гольбахъ сердится на Берклея, но не въ силахъ его опровергнуть.

Существуетъ одна область точнаго изслѣдованія природы, которая, къ великой досадѣ нашихъ современныхъ материалистовъ, препятствуетъ имъ отвернуться отъ сомнѣній въ дѣйствительности міра явленій: это — физиологія органовъ чувствъ. Поразительные успѣхи въ этой области, о которыхъ намъ предстоитъ говорить позднѣе, могутъ, повидимому, всецѣло служить для того, чтобы подтвердить старое положеніе Протагора, что человѣкъ есть мѣра вещей. И разъ доказано, что качество нашихъ чувственныхъ воспріятій вполнѣ и совершенно зависитъ отъ устройства нашихъ органовъ, то нельзя уже болѣе устранять предикатомъ «безспорно, но нелѣпо» то положеніе, что и вся та связь, въ которую мы приводимъ наши чувственные воспріятія, короче говоря — весь нашъ опытъ обусловленъ психическою организаціей, которая заставляетъ насъ испытывать то, что мы испытываемъ, и мыслить такъ, какъ мы мыслимъ,—между тѣмъ какъ при другой организаціи тѣ же предметы мо-

гуть представиться совершенно иными, а вещь въ себѣ не можетъ быть представлена никакимъ конечнымъ существомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, мысль, что міръ явленій есть только помутненное отраженіе другого міра истинныхъ объектовъ, проходитъ красною нитью черезъ всю исторію человѣческаго мышленія. У мыслителей древней Индіи, также какъ и у грековъ выступаетъ уже въ разныхъ формахъ та самая основная идея, особая форма которой у Канта приравняется къ дѣянію Коперника. Платонъ вѣрилъ въ міръ идей—вѣчныхъ и завершенныхъ первообразовъ земного процесса. Кантъ называетъ его значительнѣйшимъ философомъ интеллектуальнаго момента, Эпикура же, напротивъ, онъ называетъ значительнѣйшимъ философомъ чувственности. Но до какой степени положеніе Канта по отношенію къ материализму отличается отъ положенія Платона, ясно видно уже изъ того, что Кантъ открыто воздастъ Эпикуру похвалу за то, что онъ со своими заключеніями никогда не выходилъ за предѣлы опыта, тогда какъ, напримѣръ, Локкъ, «послѣ того какъ онъ вывелъ понятіе изъ основнаго положенія опыта, заходитъ въ примѣненіи его такъ далеко, что утверждаетъ, будто бытіе Бога и безсмертіе души (не смотря на то, что оба предмета лежатъ внѣ границъ возможнаго опыта) могутъ быть доказаны съ такою же очевидностью, какъ особая математическая теорема<sup>4)</sup>».

Съ другой стороны, Кантъ не менѣе рѣзко отличался отъ тѣхъ философовъ, которые удовлетворяются доказательствомъ, что міръ явленій есть продуктъ нашихъ представленій. Протагоръ чувствуетъ себя въ этомъ мірѣ явленій какъ дома. Онъ совершенно отказался отъ мысли объ абсолютной истинѣ и всю свою систему основалъ на положеніи, что для человѣка истинно то, что ему представляется истиной, благо то, что ему представляется благомъ. Берклею своею борьбою противъ міра явленій хотѣлъ очистить почву для увяющей вѣры, и его философія кончается именно тамъ, гдѣ выступаетъ его истинная цѣль. Скептики и вопліи удовлетворяются разрушеніемъ всякой мнимой истины и сомнѣваются не только въ мірѣ идей и въ мірѣ явленій, но даже въ безусловной годности законовъ нашего мышленія. Однако никто иной какъ скептикъ могучимъ ударомъ столкнулъ Канта съ пути нѣмецкой школьной мудрости и привелъ его къ тому направленію, въ какомъ онъ, размышляя и работая впродолженіе ряда лѣтъ, достигъ наконецъ той цѣли, которую онъ оповѣстилъ въ своей бессмертной «Критикѣ чистаго разума». Если мы желаемъ точно опредѣлить основную идею Канта, не подвергая анализу всего строя его системы, то необходимо должны коснуться Давида Юма.

Юмъ примыкаетъ какъ равный къ ряду англійскихъ мыслителей, обозначаемому именами Бэкона, Гоббса и Локка; можно даже задаться вопросомъ, не принадлежитъ ли ему между всѣми ими первое мѣсто. Отпрыскъ дворянскаго рода въ Шотландіи, онъ родился въ Эдинбургѣ 1711 году. Уже въ 1737 году явился его трактатъ о человѣческой природѣ, написанный во время его пребыванія во Франціи при полномъ научномъ досугѣ. Лишь четырнадцать лѣтъ спустя онъ обратился къ тѣмъ историческимъ изслѣдованіямъ, которымъ онъ въ значительной долѣ обязанъ своей славой. Послѣ разнаго рода занятій онъ получилъ наконецъ мѣсто секретаря послѣства въ Парижѣ, а затѣмъ мѣсто помощника государственнаго секретаря. Насъ нѣмцевъ, представляющихъ себѣ по произвольной ассоціаціи

идей философа въ видѣ профессора, стоящаго на каедрѣ, съ поднятымъ указательнымъ пальцемъ, необходимо долженъ поразить тотъ фактъ, что среди англійскихъ философовъ было такъ много государственныхъ людей; но, пожалуй, еще замѣчательнѣе то, что въ Англии государственные люди являются иногда философами.

Юмъ по своимъ воззрѣнїямъ стоитъ къ материализму настолько близко, насколько это вообще возможно для такого рѣшительнаго скептика. Онъ стоитъ на почвѣ, созданной Гоббсомъ и Локкомъ. При случаѣ онъ объясняетъ возникновеніе заблужденія, не придавая, впрочемъ, своей гипотезѣ большой важности, неправильнымъ устройствомъ въ мозгу, въ которомъ онъ представляетъ себѣ локализованными всѣ понятія. Для того слабого пункта материализма, котораго не могутъ защитить и сами материалисты, Юмъ нашелъ достаточное прикрытіе. Допуская, что переходъ отъ пространственнаго движенія къ представленію и мышленію непостижимъ, онъ обращаетъ вниманіе на то, что эта непостижимость вовсе не составляетъ отличительной особенности этой проблемы. Онъ показываетъ, что точно такое же противорѣчіе присуще всякой связи причины и дѣйствія. «Подвѣсьте тѣло тяжестью въ одинъ фунтъ на конецъ рычага, а другое, такого же вѣса на другой конецъ, то вы такъ же мало найдете въ этихъ тѣлахъ основанія для движенія, зависящаго отъ разстоянія ихъ отъ срединнаго пункта, какъ основаніе мышленія и представленія»<sup>5)</sup>.

Наша теперешняя механика, можетъ быть, возразила бы противъ этого; однако надо принять въ соображеніе, что всѣ успѣхи науки не разрѣшили той трудности, на которую ссылается Юмъ, а лишь отодвинули ее. Стоитъ только остановить свое вниманіе на двухъ мельчайшихъ молекулахъ матеріи или на двухъ небесныхъ тѣлахъ, изъ которыхъ движеніе одного вліяетъ на движеніе другого, и все остальное сразу выяснится само собою, но отношеніе силы притяженія, служащей посредницей этого вліянія, къ самымъ тѣламъ, скрываетъ въ себѣ всю непостижимость каждаго природнаго явленія въ отдѣльности. Конечно, этимъ переходъ пространственнаго движенія въ мышленіе не объясненъ; однако же доказано, что эта необъяснимость не говоритъ ничего противъ зависимости мышленія отъ пространственнаго движенія. Правда, плата за это заступничество въ пользу материализма не меньше той, которую въ сказкѣ требуетъ за свою помощь дьяволъ. Съ принятіемъ положенія о необъяснимости всѣхъ природныхъ процессовъ, весь материализмъ погибъ на вѣки. Какъ только материализмъ мирится съ этой необъяснимостью, онъ перестаетъ быть философскимъ принципомъ; но онъ, конечно, можетъ дальше существовать въ качествѣ руководящаго начала частнаго научнаго изслѣдованія. И таково въ самомъ дѣлѣ положеніе большинства нашихъ теперешнихъ «матеріалистовъ». Они по существу скептики; они не вѣрятъ болѣе въ то, что матерія въ томъ видѣ, въ какомъ она представляется нашимъ чувствамъ, содержитъ въ себѣ конечное разрѣшеніе всѣхъ загадокъ природы; но они однако поступаютъ совершенно такъ, какъ будто бы это на самомъ дѣлѣ было, и ждутъ, чтобы изъ самихъ положительныхъ наукъ для нихъ выросла необходимость прибѣгнуть къ другимъ посылкамъ.

Еще поразительнѣе, можетъ быть, близость Юма къ материализму въ его рѣзкой борьбѣ съ ученіемъ о тожествѣ личности, единствѣ сознанія, простотѣ и невещественности души.

«Существуютъ философы, которые воображаютъ, будто мы въ любой моментъ совершенно ясно сознаемъ то, что мы называемъ нашею само-стью (на нѣмецкомъ философскомъ языкѣ наше «я»),—будто мы ощущаемъ его дѣйствительное и непрерывное существованіе, и будто мы обладаемъ относительно ея тождественности, какъ и простоты достовѣрностью болѣе высокой, нежели наочевиднѣйшее доказательство»...

«Къ несчастію, всѣ эти положительныя утвержденія находятся въ противорѣчii съ тѣмъ опытомъ, который приводится въ подтвержденіе ихъ, и мы вовсе не имѣемъ, того понятія объ «я», на какое здѣсь указывается... Что касается меня, то когда я весьма глубоко проникаю въ то, что я называю своимъ «я», я всякій разъ наталкиваюсь на извѣстныя частныя представленія, либо на ощущенія тепла или холода, свѣта или тѣни, любви или ненависти, удовольствія или страданія. Но я никогда не могу достигнуть своего «я» помимо ка-кого либо представленія, и все, что я наблюдаю, никогда не есть что либо иное, какъ представленіе. Если мои представленія на нѣкоторое время исчезаютъ, какъ, напримѣръ, въ состояніи глубокаго сна, то я, въ продолженіе этого времени вовсе не чувствую своего «я», и можно бы поистинѣ сказать, что оно вовсе не существуетъ». Кто ощущаетъ въ себѣ другое «я», съ тѣмъ Юмъ не споритъ. «Можетъ быть онъ и замѣчаетъ нѣчто простое и непрерывное, что онъ называетъ своимъ «я»,—я же съ своей стороны увѣренъ, что во мнѣ ничего такого нѣтъ. Однако, если исключить нѣсколькихъ метафизиковъ, то смѣло могу утверждать о всѣхъ остальныхъ людяхъ, что они суть ничто иное какъ пучекъ или собраніе различныхъ представленій, слѣдующихъ другъ за другомъ съ неистожимою быстротою и пребывающихъ въ постоянномъ потокѣ и непрерывномъ движеніи»<sup>6)</sup>.

Тонкая иронія, направленная здѣсь противъ метафизиковъ, въ другомъ мѣстѣ поражаетъ теологовъ. Что при возрѣніяхъ Юма о безсмертіи души въ церковномъ смыслѣ не можетъ быть болѣе и рѣчи, понятно само собою. Не смотря на то, ему при случаѣ угодно сдѣлать коварное замѣчаніе, что всѣ доказательства въ пользу безсмертія души при его возрѣніяхъ сохраняютъ ту же доказательную силу, какъ и при обычномъ предположеніи простоты и тождества ея.

Что именно этотъ человѣкъ произвелъ на Канта такое захватывающее дѣйствіе, и что Кантъ всегда произноситъ его имя съ глубочайшимъ почтеніемъ, съ самаго начала должно представить намъ отношеніе Канта къ матеріализму въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ его обыкновенно видѣть не желаютъ. Какъ бы рѣшительно Кантъ ни опровергалъ матеріализмъ, все же этотъ великій умъ никоимъ образомъ не можетъ быть причисленъ къ тѣмъ, которые обнаруживаютъ свою способность къ философіи лишь безграницнымъ презрѣніемъ къ матеріализму.

«Естественная наука» пишетъ Кантъ въ «Пролегоменахъ», «никогда не откроетъ намъ внутренняго содержанія вещей, т. е. того, что не будучи явленіемъ, можетъ однако же служить высшимъ основаніемъ для объясненія явленій; но она въ этомъ и не нуждается для своихъ физическихъ объясненій; и если бы даже было предложено со стороны что нибудь подобное (напримѣръ, дѣйствіе духовныхъ существъ), то она должна бы была

отказаться и не вводить ничего такого въ ходъ своихъ объясненій, а основывать ихъ всегда только на томъ, что какъ предметъ чувства, можетъ принадлежать къ опыту и можетъ быть приведено въ связь съ нашими дѣйствительными воспріятіями и опытными законами<sup>7)</sup>.

Коротко говоря, Кантъ вполне признаетъ только два міровоззрѣнія—материализмъ и скептицизмъ, какъ законныя подготовительныя ступени къ критической философіи; оба они представляются ему заблужденіями, но такими, которыя необходимы были для развитія науки. Онъ допускаетъ, что первое изъ нихъ, вслѣдствіе своей удобопонятности, можетъ стать гибельнымъ для большой массы, тогда какъ послѣднее, вслѣдствіе своей трудности, не выйдетъ за предѣлы школы; но что касается чисто научной опѣнки, то оба они представляются ему одинаково достойными вниманія, хотя преимущество все же должно быть отдано скептицизму. Не существуетъ ни одной философской системы, къ которой Кантъ не отнесся бы еще болѣе отрицательно чѣмъ къ этимъ обѣимъ. Что касается въ особенности обычнаго идеализма, то онъ находится къ «трансцендентальному» идеализму Канта въ самой рѣзкой противоположности. По скольку идеализмъ старается доказать, что міръ явленій не показываетъ намъ вещей такими, какія онѣ сами по себѣ, Кантъ съ нимъ согласенъ, но какъ только идеализмъ хочетъ что нибудь преподавать объ этомъ мірѣ чистыхъ вещей, или даже поставить это позваніе на мѣсто опытныхъ наукъ, у него нѣтъ болѣе непримиримаго врага, нежели Кантъ.

Какой-то опрометчивый рецензентъ нашелъ въ кантовской «Критикѣ чистаго разума» «высшій идеализмъ». Кантъ принялъ это приблизительно такъ, какъ если бы его упрекнули въ высшемъ тупоуміи,—до такой степени онъ считалъ себя непонятымъ. Надо удивляться сдержанности и въ то же время глубинѣ великаго мыслителя, который выставляетъ противъ этого два положенія, проливающія даже для самого слѣпого свѣтъ на сущность кантовской философіи.

«Тезисъ всякаго настоящаго идеалиста отъ элеатской школы до епископа Берклея содержитъ въ слѣдующей формулѣ: всякое познаніе черезъ чувства и опытъ есть лишь одинъ призракъ, и истина заключается только въ идеяхъ чистаго разсудка и разума».

«Принципъ, всецѣло направляющій и опредѣляющій мой идеализмъ, есть напротивъ слѣдующій: всякое познаніе вещей изъ одного чистаго разсудка или чистаго разума есть ничто иное, какъ призракъ, и лишь въ опытѣ есть истина<sup>8)</sup>».

Яснѣе не могъ бы высказаться объ этомъ даже чистый эмпирикъ; но какъ же однако примирить съ этимъ совершенно опредѣленнымъ положеніемъ странныя слова, что предметы сообразуются съ нашими понятіями.

Очевидно, что здѣсь дѣло не въ понятіяхъ, дѣйствительно образовавшихся у философствующаго индивида. Въ извѣстномъ смыслѣ, конечно, и по представленію закоренѣлаго гегеліанца или аристотелика предметы сообразуются съ его понятіями. Онъ живетъ въ мірѣ своихъ призраковъ и умудряется привести все въ соотвѣтствующій этому порядокъ. Уже для того одного, чтобы предметъ сталъ для него предметомъ, онъ вынужденъ былъ сформироваться сообразно съ его понятіями. Однако не всѣ предметы такъ гибки, и именно опытъ часто продѣлываетъ

съ такого рода философи самыя дурныя шутки. Вспомнимъ о Кремониани, который остерегался смотрѣть въ телескопъ, чтобы не натолкнуться на мятежныхъ спутниковъ Юпитера! Кантъ, усматривавшій всю истину въ опытѣ, конечно не такъ понималъ согласіе между предметами и нашими понятіями. Скорѣе вліяніе «нашихъ понятій» какъ представлялъ себѣ дѣло Кантъ, по характеру своему таково, что оно выражается въ наиболѣе общихъ и прочныхъ чертахъ опыта и индивидуальному произволу совершенно недоступно. Загадка такимъ образомъ разрѣшится путемъ анализа самого опыта, въ которомъ необходимо доказать существованіе логическаго фактора, берущаго свое начало не въ вещахъ, а въ насъ.

По Канту всѣ сужденія либо аналитическія, либо синтетическія. Аналитическія сужденія высказываютъ въ предикатѣ только то, что уже было мыслимо въ понятіи субъекта. Когда я говорю: всѣ тѣла протяженны,—то я этимъ положеніемъ своего знанія о тѣлахъ не расширилъ, ибо я вовсе и не могу выставить понятія тѣла, не мысля при этомъ о протяженности. Сужденіе только разлагаетъ субъекта на его составныя части, для того чтобы съ помощью предиката выдвинуть какую нибудь изъ нихъ на первый планъ и тѣмъ лучше привести въ сознаніе. Напротивъ, синтетическія сужденія расширяютъ наше знаніе о субъектѣ. Когда я говорю: всѣ небесныя тѣла подчиняются закону тяготѣнія, что я со всѣми небесными тѣлами привожу въ связь такое свойство, которое въ понятіи небеснаго тѣла еще не содержится.

И такъ, ясно, что знаніе наше дѣйствительно расширяется только синтетическими сужденіями, между тѣмъ какъ аналитическія служатъ только для общенія, для поясненія и для опроверженія заблужденій, ибо сужденіе, которое не высказываетъ въ предикатѣ ничего, чего бы не содержалось въ субъектѣ, въ лучшемъ случаѣ можетъ мнѣ напомнить о свѣдѣніи, которымъ я уже обладаю, или указать на частности, которыхъ я бы въ противномъ случаѣ не замѣтилъ; но ни въ чемъ дѣйствительно новомъ оно меня наставитъ не можетъ. Тѣмъ не менѣе существуетъ цѣлая наука, и можетъ быть важнѣйшая изъ всѣхъ, относительно которой можно усомниться, суть ли ея сужденія синтетическія или аналитическія: это именно математика.

Прежде чѣмъ обратиться къ этому важному примѣру, намъ необходимо въ краткихъ чертахъ напомнить о томъ, что такое сужденіе а priori и сужденіе а posteriori. Первое основываетъ свое значеніе на опытѣ, второе—нѣтъ. Сужденіе а priori, хотя и можетъ косвенно опираться на опытъ, но не въ качествѣ сужденія, а лишь постольку, поскольку его составныя понятія суть опытные понятія. Такъ, напримѣръ, всѣ правильныя аналитическія сужденія имѣютъ силу также а priori, ибо для того, чтобы вывести предикатъ изъ понятія субъекта, мнѣ нѣтъ надобности прибѣгать еще къ опыту. Однако самъ субъектъ въ этомъ случаѣ можетъ обозначать предметъ, съ которымъ я познакомился только путемъ опыта. Такъ, напримѣръ, понятіе льда есть понятіе опытное; но положеніе: ледъ есть твердое тѣло—аналитическое, такъ какъ предикатъ содержался уже въ субъектѣ при самомъ образованіи понятія.

Синтетическія сужденія служатъ Канту полемъ для изслѣдованія. Всѣ ли они суть сужденія а posteriori, т. е. всѣ ли они выведены изъ опыта, или существуютъ и такія, которыя не имѣютъ надобности опираться свое



значеніе на опытъ? существуютъ ли синтетическія сужденія а priori? Метафизика утверждаетъ, что она расширяетъ наше познаніе, не имѣя надобности прибѣгать для этого къ опыту. Но возможно ли это? Возможна ли вообще метафизика? Или, придавая этому вопросу наиболѣе общую форму — какъ возможны синтетическія положенія а priori?

Остановимся на минуту! Такіе отвѣты, какъ: «благодаря откровенію», «черезъ внушеніе генія», «благодаря воспоминанію души о мірѣ идей, въ которомъ она прежде пребывала», «путемъ развитія врожденныхъ идей, которыя безсознательно дремлютъ въ человѣкѣ съ самаго его рожденія», — такіе отвѣты потому уже нисколько не нуждаются въ опроверженіи, что метафизика до сихъ поръ несомнѣнно блуждала въ потьмахъ. Если бы можно было показать, что на почвѣ такихъ ученій вырастаетъ настоящая наука, которая твердымъ шагомъ все болѣе развивается, а не начинается каждый разъ сначала, то можно было бы пожалуй успокоиться на этомъ недостаткѣ дальнѣйшаго обоснованія, подобно тому какъ въ математикѣ успокоились на недоказуемости аксіомъ; но при данныхъ условіяхъ всякое дальнѣйшее построеніе метафизиковъ будетъ тщетно, пока не установлено, можетъ ли вообще ихъ построеніе имѣть какой либо фундаментъ.

Скептики и эмпирики заключаютъ между собою союзъ и отдѣляются отъ поставленнаго вопроса простымъ: во все невозможны! Если имъ удастся это доказать, то они въ тѣсномъ союзѣ между собою могутъ навсегда занять всю область философіи. Тогда настала бы также конецъ догматическому материализму, ибо онъ строитъ свои теоріи на аксіомѣ постижимости міра и упускаетъ при этомъ изъ виду, что въ сущности эта аксіома есть только принципъ порядка въ явленіяхъ; но материализмъ долженъ отказаться отъ притязанія на то, будто онъ представилъ конечныя причины всѣхъ явленій. Правда, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ откажется и отъ своей первоначальной сущности, но въ союзѣ со скептицизмомъ и формальнымъ эмпиризмомъ, онъ тѣмъ паче грозитъ поглотить всѣ прочія философскія системы. Противъ этого-то Канта привлекаетъ на свою сторону могущественнаго союзника — математику.

Юмъ, который сомнѣвался въ каждомъ сужденіи, выходящемъ за предѣлы опыта, высказывалъ также сомнѣніе, не будутъ ли, напри- мѣръ двѣ прямыя линіи, вмѣсто того, чтобы, какъ утверждаетъ математика, пересѣкаться въ одной единственной точкѣ, — не будутъ ли онѣ при чрезвычайно маломъ углѣ имѣть общій сегментъ извѣстнаго протяженія. Тѣмъ не менѣе Юмъ признавалъ особенную доказательную силу математики и основывалъ на это на томъ, что всѣ математическія положенія покоятся на законѣ противорѣчія, иными словами, что они сплошь аналитическія. Въ противоположность этому Кантъ утверждаетъ, что всѣ математическія положенія суть сужденія синтетическія и, слѣдовательно, синтетическія сужденія а priori, такъ какъ математическія положенія въ подтвержденіи опыта не нуждаются.

Для того, чтобы правильно понять Канта, необходимо строго различать воззрѣніе (Anschauung) и опытъ. Напримѣръ, созерцаніе (воззрѣніе) ряда треугольниковъ со все болѣе тупыми углами въ вершинѣ и со все болѣе большими основаніями — тоже конечно опытъ, но въ этомъ случаѣ опытъ заключается только въ томъ, что я вижу предъ собою этотъ

опредѣленный рядъ треугольниковъ и когда я изъ созерцанія этихъ треугольниковъ при помощи фантазіи, представляющей себѣ удлинненіе основанія до безконечности, почерпаю то положеніе, что сумма угловъ—постоянство которой мнѣ уже прежде было доказано — равняется двумъ прямымъ угламъ, то это положеніе вовсе не есть опытное положеніе. Мой опытъ заключается только въ томъ, что я видѣлъ эти треугольники и нашелъ въ нихъ то, что я долженъ признать общею истиною. Опытное положеніе, какъ таковое, можетъ быть во всякое время опровергнуто новымъ опытомъ. На протяженіи столѣтій въ неподвижныхъ звѣздахъ, насколько онѣ были извѣстны, не замѣчали никакого движенія,—на этомъ основаніи пришли къ убѣжденію, что онѣ неподвижны. Это было опытное положеніе; оно могло было быть исправлено болѣе точными наблюденіями и вычисленіями—и было исправлено. Такіе же примѣры исторіи наукъ представляетъ на каждой своей страницѣ. Главнымъ образомъ превосходному логическому таланту французовъ мы обязаны тѣмъ, что въ настоящее время точныя науки во всѣхъ вообще предметахъ опыта не выставляютъ никакихъ абсолютныхъ истинъ, а однѣ лишь относительныя,—что всегда упоминается объ условіяхъ пріобрѣтеннаго знанія, и точность всѣхъ ученій основана именно на оговоркѣ касательно дальнѣйшаго развитія воззрѣнія. Къ математическимъ положеніямъ это не относится; всѣ они—все равно, выражаютъ ли они только выводы, или основныя познанія,—сопровождаются сознаніемъ безусловной необходимости. Однако это сознаніе не возникаетъ само собою,—математическія положенія, даже аксіомы въ началѣ, безъ сомнѣнія, надо было открыть. Они должны были быть найдены путемъ напряженія мысли и воззрѣнія, или же путемъ быстрого и счастливаго соединенія того и другого. Но это нахожденіе въ существенномъ поκειται на точномъ направленіи ума на извѣстный вопросъ. Поэтому-то математическія положенія въ формѣ теоремъ въ той же мѣрѣ легко преподать ученикамъ, въ какой ихъ трудно было найти.

Того, кто изслѣдуетъ днемъ и ночью небесное пространство, пока не найдетъ новой кометы, можно сравнить съ тѣмъ, кто пытается открыть въ математическомъ воззрѣніи какую нибудь новую сторону. Подобно тому какъ можно установить телескопъ такимъ образомъ, что каждый, у кого здоровыя глаза, необходимо увидитъ комету, точно также математическія положенія можно представить такъ, что истинность ихъ долженъ познать всякій, кто вообще способенъ къ правильному воззрѣнію—будь то путемъ нарисованной фигуры или же путемъ воображенія. То обстоятельство, что на исканіе и открытіе математическихъ истинъ часто затрачиваются огромныя усилія, ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ, что Кантъ называетъ ихъ апіорностью. Подъ этимъ послѣднимъ надѣо понимать то, что математическія положенія, какъ только они доказываются путемъ воззрѣнія, тотчасъ же сопровождаются сознаніемъ ихъ общности и необходимости. Такъ, на примѣръ, для того чтобы доказать, что 7 и 5 въ суммѣ даютъ 12, я прибѣгну къ воззрѣнію,—буду считать точки, черточки маленькіе предметы и тому подобное. Опытъ въ этомъ случаѣ заключается только въ томъ, что именно эти опредѣленные точки, черточки и т. д. на этотъ разъ привели меня къ этой опредѣленной суммѣ. Для того чтобы я изъ опыта вывелъ то, что оно всегда такъ, я дол-

жень этотъ опытъ повторять до тѣхъ поръ, пока у меня путемъ идейныхъ ассоціацій или привычки не укрѣпится это убѣжденіе, либо же я долженъ производить систематическіе эксперименты относительно того, не получится ли, сверхъ ожиданія, при совершенно разнородныхъ тѣлахъ, при другомъ сочетаніи ихъ или же при какихъ либо иныхъ обстоятельствахъ, вѣчто другое.

Указанное выше немедленное и безусловное обобщеніе разъ видѣннаго не можетъ быть объяснено попросту очевидною правильною всѣхъ числовыхъ отношеній. Если бы положенія алгебры или ариѳметики были опытными положеніями, то убѣжденіе въ независимости всѣхъ числовыхъ отношеній отъ качества и порядка считаемихъ тѣлъ получилось бы именно въ самомъ концѣ, такъ какъ всякая индукція даетъ болѣе общія положенія позднѣе частныхъ. Положеніе, что числовыя отношенія не зависятъ отъ природы считаемаго, само апріорное. Легко также показать, что оно и синтетическое. Его можно было бы липить синтетической природы, включивъ его въ опредѣленіе того, что я разумѣю подъ числами. Тогда тотчасъ же получилась бы замкнутая въ себѣ алгебра; но мы однако вовсе не знали бы, примѣнима ли она къ предметамъ. Но всякій знаетъ, что наше убѣжденіе въ истинности алгебры и ариѳметики вмѣстѣ съ тѣмъ заключаетъ въ себѣ убѣжденіе въ примѣнимости ихъ ко всѣмъ тѣламъ, какія только могутъ встрѣтиться. То обстоятельство, что предметы природы въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ не о счисленіи отдѣленныхъ другъ отъ друга тѣлъ или частей, а объ измѣреніи и взвѣшиваніи, никогда не могутъ вполне соответствовать опредѣленнымъ числамъ, что они всѣ вмѣстѣ несоизмѣримы, нисколько не измѣняетъ положенія дѣла. Числа примѣнимы къ любому предмету въ любой степени точности. Мы убѣждены, что желѣзная палка, постоянно подвергающаяся вліяніямъ измѣняющейся температуры въ безконечно малую частицу времени, имѣетъ до безконечности точную мѣру, хотя у насъ никогда не будетъ средствъ къ опредѣленію этой мѣры. То обстоятельство, что мы получаемъ это убѣжденіе только путемъ физико-математическаго образованія, не наноситъ ея апріорности никакого уцѣрба. По несравненному опредѣленію Канта, при познаніи а priori дѣло не идетъ ни о врожденныхъ представленіяхъ, лежащихъ готовыми въ душѣ, ни о неорганическихъ внушеніяхъ, ни же о непостижимыхъ откровеніяхъ. Познаніе а priori развивается въ чловѣкѣ столь же закономѣрно и изъ его природы, какъ и познаніе, получаемое путемъ опыта. Оно отличается только тѣмъ, что связано съ сознаниемъ всеобщности и необходимости, и слѣдовательно, значеніе его отъ опыта не зависитъ.

Впрочемъ, здѣсь передъ нами вопросъ, который вплоть до нашихъ дней служить предметомъ живѣйшихъ пререканій. Съ одной стороны оспариваютъ апріорность математическаго познанія, а съ другой—не допускаютъ синтетической природы математическихъ сужденій. Воззрѣніе на математику является для обоснованія кантовскаго міровоззрѣнія столь важнымъ, что мы не можемъ не остановиться на обоихъ этихъ вопросахъ.

Относительно апріорности математики наиболѣе оживленные споры шли въ Англии, гдѣ вліяніе Юма было особенно глубоко. Здѣсь Юелль, почтенный теоретикъ и историкъ индукціи, защищалъ ученіе объ

опріорности математики и о происхожденіи приписываемой нами математическимъ положеніямъ необходимости изъ элемента. дѣйствующаго а priori, именно,—изъ условій или формы нашихъ познаній. Противъ него выступили астрономъ Гершель и согласный съ послѣднимъ во всѣхъ почти пунктахъ Джонъ Стюартъ Милль<sup>9)</sup>.

Ученіе этихъ эмпириковъ слѣдующее: строгая необходимость господствуетъ въ математикѣ лишь постольку, но сколько она покоится на опредѣленіяхъ и слѣдствіяхъ изъ этихъ опредѣленій. Такъ называемыя аксіомы большею частью не болѣе какъ опредѣленія, или же могутъ быть сведены къ опредѣленіямъ. Остатокъ же, а именно, основныя положенія эвклидовой геометріи, что двѣ прямыя линіи не могутъ обнять пространство, и что двѣ параллельныя, удлиненныя до безконечности, никогда другъ съ другомъ не пересѣкаются—эти единственно истинныя аксіомы суть не болѣе какъ обобщенія изъ опыта, результаты индукціи. Онѣ, слѣдовательно, лишены также той строгой необходимости, какая свойственна опредѣленіямъ (въ кантовскомъ смыслѣ можно было бы сказать: всѣмъ аналитическимъ сужденіямъ). Ихъ необходимость въ нашемъ сознаніи—только субъективная, подлежащая психологическому объясненію. Она возникаетъ такимъ же образомъ, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы, напримѣръ, воображаемъ себѣ необходимость положеній, которыя даже не истинны, или объявляемъ непостижимымъ и немислимымъ нѣчто такое, что мы сами можетъ быть считали раньше истиннымъ. Если математическія аксіомы возникаютъ изъ однѣхъ только идейныхъ ассоціацій и съ психологической точки зрѣнія по своему происхожденію не лучше, чѣмъ нѣкоторыя наши заблужденія, то изъ этого вовсе, конечно, не слѣдуетъ, что намъ надо опасаться, что и онѣ когда нибудь будутъ опровергнуты; но изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что приписываемая имъ нами достовѣрность имѣетъ тотъ-же источникъ, что и всѣ наши опытные познанія, которыя, смотря по силѣ индукціи, служащей для нихъ основаніемъ, представляются намъ вѣроятными, достовѣрными или абсолютно необходимыми.

Такимъ образомъ, согласно этому воззрѣнію, въ математикѣ, хотя и существуютъ синтетическія сужденія, но они не суть сужденія а priori; существуютъ сужденія а priori, но эти сужденія суть лишь сужденія аналитическія или, какъ выражается Милль, тождественныя.

Согласно этому воззрѣнію въ примѣненіи къ предметамъ опыта всѣ сужденія имѣютъ только гипотетическое значеніе. Природа нигдѣ не представляетъ намъ формъ геометріи въ чистомъ видѣ, и никакая алгебраическая форма не представитъ намъ съ абсолютной точностью мѣру величины или силы. Мы можемъ поэтому только сказать: если и поскольку, напримѣръ, путь, совершаемый планетами, соотвѣтствуетъ принятой нами линіи, называемой эллипсисомъ, ему необходимо присущи всѣ свойства, выведенныя нами изъ этого понятія. Но о каждомъ изъ этихъ свойствъ мы можемъ лишь въ этомъ—гипотетическомъ смыслѣ сказать, что оно относится къ орбитѣ планетъ, мало того—дѣйствительный планетный тутъ никогда не будетъ соотвѣтствовать этимъ нашимъ предположеніямъ.

Такова суть ученіе; что же касается полемики противъ Юелля, то она не совсѣмъ справедлива и не свободна отъ предразсудковъ, хотя въ общемъ весь этотъ долгій споръ велся въ самой вѣжливой формѣ.

Милль, который въ другихъ случаяхъ относится обыкновенно къ воззрѣнiямъ противника вполне честно и излагаетъ ихъ совершенно ясно, на этотъ разъ передаетъ ихъ не совсѣмъ точно и приводитъ нѣкоторыя положенiя противника въ такія связи, въ какой они у него не стояли<sup>10)</sup>. Причина этого страннаго явленiя заключается въ томъ, что у Милля всегда предъ глазами призракъ старыхъ врожденныхъ идей и платоновскихъ откровенiй, нисходящихъ изъ сверхчувственного міра, — призракъ, который столь долгое время властвовалъ въ метафизикѣ, и тѣсная связь котораго съ неясностями самаго дурнаго свойства особенно пригодна на то, чтобы вызвать раздраженіе у трезваго, питающаго отвращеніе ко всякой мистикѣ противника. Это та же причина, которая и Ибервега привела къ самымъ жестокимъ несправедливостямъ по отношенію къ Кантовой системѣ, за «а priori» которой ему чудился цѣлый аппаратъ сверхестественныхъ откровенiй. Кантовская же апіорность есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ апіорность старой метафизики, и все воззрѣніе Канта на эти вопросы даже рѣшительно противоположно тенденціи Лейбница ставить истины отъ разума выше опытныхъ познанiй. Мы сейчасъ покажемъ, каково должно быть отношеніе къ эмпиризму Милля со строго кантовской точки зрѣнiя; но ранѣе выставимъ слабыя стороны этого эмпиризма, поскольку онѣ проявились въ пререканiи между Миллемъ и Юеллемъ.

Самое явное затрудненіе мы встрѣчаемъ на первыхъ же шагахъ въ аксіомахъ геометріи. Наше убѣжденіе, что двѣ прямыя линіи, даже продолженныя до безконечности, не могутъ обнять собою никакого пространства, получается будто бы путемъ индукціи изъ опыта,—а между тѣмъ мы изъ опыта, въ обычномъ смыслѣ слова, ничего узнать объ этомъ не можемъ. Милль допускаетъ, что здѣсь внѣшнее воззрѣніе замѣняется воззрѣніемъ фантазіи, и тѣмъ не менѣе полагаетъ, что доказательство по характеру своему все же индуктивное; въ этихъ случаяхъ фантазія будто бы можетъ замѣнить внѣшнее воззрѣніе, такъ какъ мы знаемъ, что образы нашей фантазіи относятся между собою точно такъ, какъ внѣшніе предметы. Откуда однако мы это знаемъ?—изъ опыта? Но вѣдь въ такомъ случаѣ мы знаемъ объ этомъ соотвѣтствіи лишь поскольку дѣло идетъ о конечныхъ разстоянiяхъ.

Вторая трудность состоитъ въ томъ, что и предположеніе объ одномъ лишь гипотетическомъ значенiи математики оказывается неудовлетворительнымъ. Юелль обращаетъ вниманіе на то, что естественно-научныя гипотезы никогда не представляются необходимыми. Онѣ болѣе или менѣе вѣроятны, но всегда могутъ быть замѣнены другими; математическія же положенiя—необходимы, слѣдовательно, они не просто гипотетическія. Милль выставляетъ противъ этого съ виду уничтожающее замѣчаніе, что необходимыя гипотезы суть все же гипотезы: допустимъ, что мы по природѣ нашего духа вынуждены принять, что существуютъ круги, прямые углы и т. д., то развѣ это наше предположеніе не гипотетично? мы вѣдь вовсе не знаемъ, существуютъ ли въ природѣ круги, прямые углы и т. д., которые вполне соотвѣтствуютъ нашимъ математическимъ предположенiямъ? Противъ этого слѣдуетъ, однако, возразить, что было бы очень нецѣлесообразно сводить столь важный вопросъ къ пустому спору о словахъ. Разъ существуетъ такой родъ гипотезъ, которыя необходимою возникновенiемъ въ нашемъ умѣ отличаются отъ

всѣхъ прочихъ, то отъ обобщенія, что это все же гипотезы, мы ровно ничего не выигрываемъ; задача, наоборотъ, заключается въ томъ, чтобы опредѣлить внутреннія основанія ихъ особенной природы. Но затѣмъ здѣсь можно еще вставить важное замѣчаніе касательно отношенія вѣшняго міра къ нашимъ математическимъ предположеніямъ. А именно: въ сущности совершенно невѣрно, будто мы создаемъ гипотезу, что существуютъ тѣла или вещи, соотвѣтствующія предположеніямъ математическихъ сужденій. Математика развиваетъ свои положенія при помощи созерцанія (воззрѣнія) фигуръ, не обращая никакого вниманія на самыя тѣла; при этомъ онъ однако убѣжденъ, что нигдѣ и никогда не встрѣтится на опытѣ объектъ, который противорѣчилъ бы этимъ положеніямъ. Вѣщный предметъ можетъ не соотвѣтствовать вполне ни одной изъ формъ, изложенныхъ въ математикѣ; въ такомъ случаѣ мы предполагаемъ, что дѣйствительная форма предмета чрезвычайно сложная и, можетъ быть, измѣнчивая, такъ что наши простыя математическія воззрѣнія не могутъ исчерпать всего ея существа; но въ тоже время мы предполагаемъ, что она въ каждую безконечно малую частицу времени съ совершенною точностью опредѣляется тѣми же математическими законами, изъ которыхъ намъ извѣстны и доступны только первыя начала.

Наконецъ, мы приближаемся къ центральному пункту этихъ пререканій—къ понятію необходимыхъ математическихъ сужденій и его происхожденію. Здѣсь Милль считаетъ особенно сильнымъ доводомъ историческое доказательство, что уже часто считалось совершенно немислимымъ то, что оказалось истиннымъ, или наоборотъ — необходимымъ, что позднѣе признано было грубою ошибкой. Напротивъ — это именно и есть наиболѣе слабый пунктъ изъ всего эмпиризма: разъ доказано будетъ, что сознаніе извѣстныхъ познаній находится въ связи съ нашимъ воззрѣніемъ на природу познавательной способности, то главный пунктъ окончательно рѣшенъ противъ односторонняго эмпиризма, какъ бы много ни было сдѣлано ошибокъ въ томъ отношеніи, что то или иное предположеніе выводилось изъ природы этой познавательной способности.

Поясимъ это положеніе простымъ примѣромъ. Допустимъ, что контрастирующія краски пріобрѣтаютъ въ моихъ глазахъ особенную живость. Прежде всего это будетъ индукціей изъ нѣсколько разъ повтореннаго опыта. Я могу предположить, что такъ будетъ всегда, но знать этого я не могу. Какоенибудь неожиданное наблюденіе можетъ опрокинуть всѣ мои расчеты и заставить меня искать другого высшаго понятія для того, что есть общаго въ явленіяхъ. Но представимъ себѣ—я дѣлаю открытіе, что причина моего наблюденія заключается въ устройствѣ моего глаза; тогда я тотчасъ же сдѣлаю выводъ, что это должно имѣть мѣсто во всѣхъ случаяхъ. Для того чтобы вполне выяснить вопросъ, предположимъ, что и это ошибка, — что, напримѣръ, не контрастъ самъ по себѣ вызываетъ указанный эффектъ, а лишь какое-нибудь побочное вліяніе, связанное съ контрастомъ въ большинствѣ случаевъ. Тогда я, какъ и въ первомъ случаѣ, вынужденъ измѣнить свое сужденіе, хотя въ первомъ случаѣ оно было утвердительно, а во второмъ аподиктическимъ. Меня могъ бы даже—еще до того, какъ я какимъ-нибудь образомъ открылъ неточность моихъ фізіологическихъ предположеній,—какой-нибудь фактъ изъ опыта заставить отказаться отъ моего яко бы необходимаго сужденія.—Что же это доказываетъ? Во всякомъ случаѣ не то, что мое предположе-

ніе о необходимости беретъ свое начало въ опытѣ: я могъ его сдѣлать до всякаго спеціальнаго опыта. Если я, напримѣръ, знаю, что телескопъ имѣеть на своемъ стеклѣ пятна, то я еще до всякаго опыта знаю, что эти пятна должны появиться на всякомъ предметѣ, на который я направляю трубу. Но представимъ себѣ, я беру трубу, направляю на ландшафтъ—и никакихъ пятенъ не вижу! Что же тогда? По содержанию (materiell) мое сужденіе было ложно, но форма необходимости вполне соответствовала положенію дѣла. Я зналъ причину всеобщности ожидаемаго явленія, а это именно и есть то, что даетъ мнѣ право примѣнить аподиктическую форму по отношенію ко всему частному, которое подходитъ подъ этотъ случай. Я, можетъ быть, замѣнилъ телескопъ съ пятнами тутъ же лежащимъ чистымъ, или можетъ быть то, что мнѣ показалось пятномъ на стеклѣ, было тѣнью, пятномъ въ собственномъ глазу, или что либо другое—словомъ, я ошибся; и тѣмъ не менѣе я былъ вправѣ, поскольку я вообще могъ произносить сужденіе, приносить это сужденіе въ аподиктической формѣ.

Наибольшая всеобщность въ томъ, что касается нашего познанія, принадлежитъ очевидно тому, что обуславливается природою нашей познавательной способности, и только въ этомъ смыслѣ можно говорить о вещахъ немислимыхъ или необходимо мыслимыхъ. Но здѣсь, если не проводить строгаго различія, прежде всего можетъ имѣть мѣсто не только заблужденіе, но и явное злоупотребленіе словомъ. Люди, какъ совершенно правильно указалъ Стюартъ Милль, до такой степени находятся подъ вліяніемъ привычки, что они, для того, чтобы подтвердить какое нибудь ходячее предположеніе, или для того, чтобы отвергнуть какое нибудь новое утвержденіе, представляющееся имъ чудовищнымъ, весьма охотно прибѣгаютъ къ тому, что относятъ къ способности мышленія и такія вещи, которыя очевидно подлежатъ только опыту. Тамъ же, гдѣ дѣйствительно можно было бы принять, что дѣло идетъ о познавательной способности, какъ это, напримѣръ, имѣеть мѣсто при ньютоновскомъ законѣ, если считать нецѣпымъ дѣйствіе на разстояніи,—это во всякомъ случаѣ можетъ быть опровергнуто путемъ опыта,—все равно, заблуждались ли мы дѣйствительно относительно природы нашего мышленія, или при какомъ нибудь выводѣ изъ нея упустили изъ виду какое нибудь побочное обстоятельство.

Милль, пожалуй, подумаетъ, что этимъ онъ выигралъ все дѣло, ибо вѣдь доказательная сила истинности утвержденія заключается въ опытѣ. Но не объ этомъ пока рѣчь. Здѣсь рѣчь идетъ о происхожденіи аподиктической формы сужденія. Эта форма вполне законна, разъ только я вывожу свое сужденіе не изъ частнаго наблюденія, а изъ общаго источника, познаннаго притомъ въ своей общности.

Попытаемся теперь, поскольку это уже теперь возможно, представить точку зрѣнія Канта со всею ясностью. Возвратимся къ аксіомамъ Эвклида! По Миллю доказательная сила того положенія, что двѣ прямыя линіи не могутъ замкнуть пространства, находится въ опытѣ, — т. е. положеніе это есть индукція изъ опыта въ связи съ воззрѣніемъ фантазіи. Противъ этого съ кантовской точки зрѣнія можно возразить только очень немногое. Что воззрѣніе фантазіи причисляется къ опыту, могло бы — самое бѣльшее — привести къ спору о словахъ: что уразумѣніе истинности положенія пріобрѣтается путемъ чувственнаго воззрѣнія и такимъ образомъ возникаетъ до нѣкоторой степени индуктивно, — это уклоняется

отъ Канта по выраженію, но по существу совершенно совпадаетъ съ его воззрѣніями<sup>11)</sup>. Различіе только то, что Кантъ начинается именно съ того пункта, на которомъ Милль кончаетъ. Для Милля дѣло этимъ вполне выяснено; для Канта тутъ только и начинается настоящая проблема. Проблема эта гласитъ: какъ вообще возможенъ опытъ? На этомъ мѣстѣ дѣло, однако, не идетъ еще о разрѣшеніи этой проблемы, а лишь о доказательствѣ того, что она существуетъ, — что здѣсь есть еще вопросъ, котораго эмпиризмъ разрѣшить не можетъ. Этому именно служить доказательствомъ то, что имѣется сознаніе необходимости, строгой общегодности положенія, и что это сознаніе не въ опытѣ брать свое начало, хотя оно развивается только вмѣстѣ съ опытомъ или во время (bei Gelegenheit) опыта.

Напомнимъ здѣсь опять слѣдующій вопросъ: откуда мы знаемъ, что наши внутреннія представленія о двухъ прямыхъ линіяхъ относятся между собою такъ, какъ дѣйствительныя линіи?<sup>12)</sup> Отвѣтъ Канта гласитъ: мы знаемъ это потому, что мы сами устанавливаемъ это соотвѣтствіе, — конечно не актомъ нашей индивидуальной воли, а самой сущностью нашего духа, которая во всѣхъ представленіяхъ необходимо должна соединяться съ впечатлѣніемъ, приходящимъ извнѣ. Пространственное воззрѣніе со всеми присущими ему основными свойствами есть продуктъ нашего духа въ процессѣ опыта, и именно поэтому оно одинаково и необходимо относится ко всякому вообще возможному опыту, также какъ и ко всякому воззрѣнію фантазіи. — Но мы однако забѣгаемъ впередъ. Каковъ бы ни былъ отвѣтъ, для насъ теперь достаточно показать, что отвѣтъ на этотъ вопросъ необходимъ. Точно также вопросъ о томъ, исполнѣ ли правильно это категорическое сужденіе и откуда оно происходитъ, тоже еще сюда не относится. Мы увидимъ ниже, что вопросъ этотъ вовсе не психологическій, а «трансцендентальный», и попытаемся разъяснить это выраженіе Канта. Здѣсь дѣло идетъ только о существованіи въ сужденіяхъ строгой необходимости и о происхожденіи этого сознанія необходимости изъ иного источника, помимо пассивной части нашего опыта.

Мы перейдемъ теперь къ тѣмъ возраженіямъ, которыя направлены не противъ апіорности, а противъ синтетической природы математическихъ сужденій. Здѣсь главное возраженіе направлено не противъ пониманія величины, какъ въ вышеприведенномъ случаѣ, а противъ пониманія числа, хотя, конечно, и геометрическія аксіомы, если послѣдовательно провести этотъ принципъ, необходимо лишаются своей синтетической природы.—Новѣйшій, наиболѣе знаменитый представитель этого воззрѣнія Р. Циммерманъ<sup>13)</sup> написалъ статью: О математическомъ предразсудкѣ Канта и его послѣдствіяхъ. Правильнѣе было бы говорить о математическомъ предразсудкѣ Лейбница и обозначить этимъ то воззрѣніе, будто вообще изъ какихъ либо простыхъ положеній чисто аналитическимъ путемъ можетъ произойти цѣлая наука, полная непредвидѣнныхъ частныхъ результатовъ! Именно строгія дедукціи Эвклида были причиною того, что изъ-за силлогистики совершенно почти оставленъ былъ безъ вниманія синтетическій факторъ въ геометріи. Полагали, что имѣютъ дѣло съ наукою, которая всѣ свои познанія развиваетъ изъ простѣйшихъ началъ по одному лишь закону противорѣчія. Изъ этой ошибки выросло то предубѣжденіе, будто такое твор-



чество изъ ничего одними чарами формальной логики вообще возможно, ибо на самомъ дѣлѣ, для того возрѣнія, которое, допуская апіорность, полагаетъ однако возможнымъ получить все аналитическимъ путемъ, дѣло, строго говоря, сводится къ тому, чтобы устранить такъ же и аксіомы или привести ихъ къ тождественнымъ сужденіямъ<sup>14)</sup>.

Всѣ попытки этого рода приводятъ къ нѣкоторымъ общимъ понятіямъ о сущности пространства, и понятія эти безъ соотвѣтствующаго возрѣнія суть пустыя слова. Но тѣмъ, что аксіомы вытекаютъ изъ общей познаваемой въ возрѣніи сущности пространства, ученіе Канта отнюдь не опровергается, а наоборотъ — подтверждается и поясняется. Впрочемъ, большая ошибка думать, что тѣми немногими положеніями, которыя посылаются въ качествѣ аксіомъ или же въ качествѣ описанія общей природы пространства, исчерпываются математическіе элементы геометріи. Всякое вспомогательное построеніе, которое приводится для цѣлей доказательства, по природѣ своей синтетично, причѣмъ совершенно неправильно вмѣстѣ съ Ибервегомъ допускать синтетическую природу этихъ фактовъ и въ то же время отказывать имъ въ какомъ бы то ни было значеніи для доказательства<sup>15)</sup>. Ибервегъ полагаетъ, что для изобрѣтателя математическихъ положеній математическій «тактъ», «ясный взглядъ» на построенія имѣетъ, конечно, огромную важность, но для научной строгости развитія этотъ геометрический взглядъ имѣетъ значеніе не болѣе, чѣмъ въ другихъ дедукціяхъ тактъ при выборѣ цѣлесообразныхъ посылокъ. Этимъ однако рѣшающій пунктъ совершенно обойденъ, — а именно: даже только для того, чтобы признать возможность построенія, его необходимо видѣть или представлять себѣ въ фантазіи. Эта необходимость возрѣнія простирается даже на опредѣленія, которыя въ этомъ случаѣ далеко не всегда являются чисто аналитическими положеніями. Если, напримѣръ, опредѣляютъ плоскость какъ такую поверхность (Лержандръ), въ которой всякая прямая линія между любыми ея двумя точками на всемъ своемъ протяженіи лежитъ на поверхности, то, если не взять въ помощь возрѣнія, представляется даже неизвѣстнымъ, всѣ ли вообще точки поверхности могутъ быть соединены между собою прямыми линіями. Пусть попробуютъ соединить силлогизмами опредѣленіе плоскости съ опредѣленіемъ прямой линіи, не прибѣгая для этого въ какой либо моментъ къ возрѣнію — цѣль не будетъ достигнута.

Далѣе, возьмемъ одно изъ тѣхъ многочисленныхъ доказательствъ, въ которыхъ какое нибудь свойство фигуръ доказывается тѣмъ, что онѣ накладываются другъ на друга, чтобы достигнуть затѣмъ цѣли аналогическимъ путемъ. Здѣсь дѣло не только въ томъ, какъ полагаетъ Ибервегъ, чтобы выбрать посылки, а затѣмъ уже одною силою силлогизма представить доказательство: въ этомъ случаѣ по меньшей мѣрѣ одна изъ посылокъ становится вообще возможною лишь послѣ того, какъ возрѣніе прибѣгло къ возрѣнію наложенныхъ другъ на друга фигуръ. Поэтому для главнаго вопроса не имѣетъ ровно никакого значенія, будетъ ли вмѣстѣ съ Пиммерманомъ призвано аналитическимъ то положеніе, что прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками: Кантъ случайно выбралъ этотъ примѣръ, чтобы доказать противное. Онъ въ своемъ опредѣленіи прямой линіи не находитъ ничего такого, откуда можно было бы почерпнуть понятіе кратчайшаго разстоянія<sup>16)</sup>. Допустимъ, что это понятіе можно внести въ опредѣленіе и такимъ образомъ пре-

*Савичев*

вратить положеніе въ аналитическое; въ такомъ случаѣ, вслѣдъ за этимъ возникаютъ другія опредѣленія о сущности прямой линіи, которыя правда весьма «очевидны», но не иначе, какъ при помощи возрѣнія. Лежандръ, много работавшій надъ возможнымъ упрощеніемъ аксіомъ, выбралъ такое опредѣленіе; однако тутъ же слѣдуетъ добавленіе: очевидно, что если двѣ части двухъ прямыхъ линій совпадаютъ, то онѣ будутъ совпадать на всемъ своемъ протяженіи. Откуда беретъ начало эта очевидность? Изъ возрѣнія!

И въ самомъ дѣлѣ, до сихъ поръ никому еще не удалось, даже только съ виду или въ формѣ опыта, совершенно выдѣлить синтетическіе элементы изъ геометріи, и Ибервегъ, удѣлившій этой области чрезвычайно много вниманія, видѣлъ себя поэтому вынужденнымъ стать на точку зрѣнія Милля, который признаетъ въ геометріи синтетическій элементъ, но выводитъ его изъ опыта. Венеке, къ которому Ибервегъ ближе всего примкнулъ по этому вопросу, объясняетъ всеобщность синтетическихъ положеній геометріи быстрымъ сравненіемъ безконечнаго числа случаевъ. Вслѣдствіе той непрерывной связи, въ какой находятся между собою различныя формы (какъ, напримѣръ, уголь треугольника, варьирующій отъ нуля градусовъ до двухъ прямыхъ черезъ всѣ переходныя ступени), этотъ обзоръ, полагаетъ онъ, совершается почти въ незамѣтное время. Безъ сомнѣнія, въ этомъ съ психологической точки зрѣнія есть нѣчто истинное; однако изъ нашихъ замѣчаній къ первому возраженію стало ясно, что только ложно понимая кантовское ученіе, можно думать, будто этимъ оно опровергается.

Гораздо сильнѣе, какъ указано, возраженіе противъ синтетической природы ариметическихъ положеній. Циммерманъ утверждаетъ, что сужденіе:  $7 + 5 = 12$ , которое Кантъ считаетъ синтетическимъ, не только аналитическое, но даже тождественное. Онъ признаетъ, что для сложенія 7 и 5 необходимо выйти за предѣлы понятія 7 также какъ и за предѣлы понятія 5; однако, этимъ путемъ получается еще не сужденіе, а лишь подлежащее  $7 + 5$ ; но вѣдъ съ нимъ-то предикатъ 12 безусловно тождественъ.

Какъ жаль, что Циммерманъ не правъ! Ибо въ такомъ случаѣ учителя начальныхъ школъ могли бы освободить себя отъ преподаванія сложенія: счисленіемъ все было бы завершено. Какъ только ребенокъ на пальцахъ или по числовымъ таблицамъ получилъ бы представленіе о 5 и о 7, а затѣмъ узналъ бы, что число которое слѣдуетъ за 11 называется 12, ему должно было бы стать яснымъ и то, что семь плюсъ пять равняются двѣнадцати, ибо вѣдъ эти понятія тождественны! Противъ этого существуетъ, одно весьма напрашивающееся возраженіе, а именно: недостаточно знать что  $11 + 1 = 12$ , чтобы имѣть понятіе о двѣнадцати. Это понятіе въ полномъ своемъ развитіи заключаетъ въ себѣ знаніе всѣхъ способовъ его полученія и  $11 + 1$ ,  $10 + 2$ ,  $9 + 3$  и т. д. Это требованіе можетъ имѣть смыслъ для математика, развивающаго ученіе о числахъ по отвлеченному принципу, хотя тотчасъ же видно, что такое же требованіе примѣнимо и къ полученію двѣнадцати изъ его факторовъ и ко всякимъ другимъ дѣйствіямъ. Можно было бы себѣ также представить такой методъ преподаванія ариметики, который по крайней мѣрѣ на каждомъ числѣ, начиная съ единицы продѣлывалъ бы всѣ способы полученія по четыремъ правиламъ—по тому же принципу, по которому, прежде чѣмъ

перейти къ большимъ числамъ, эти операціи продѣлываются надъ числами отъ 1 до 100. Въ такомъ случаѣ счисленіе, сложеніе, вычитаніе, умноженіе и дѣленіе были бы усвоены въ одно и то же время, и этимъ путемъ съ самаго начала было бы дано болѣе содержательное понятіе о числахъ. По отношенію къ такимъ возможностямъ положеніе Канта оправдано тѣмъ простымъ фактомъ, что именно такъ не поступаютъ <sup>17)</sup>,—что на дѣлѣ, наоборотъ, прежде всего образуется понятіе чиселъ, а затѣмъ учатся какъ чему-то новому, какое получится большее число, если я два меньшихъ разложу на единицы и буду считать ихъ вмѣстѣ, начиная сначала.

Можно было бы еще возразить, что изученіе сложенія есть только упражненіе въ примѣненіи словъ и знаковъ съ цѣлью выразить данное число наиболѣе простымъ образомъ; чистое понятіе числа 12 съ полностью дано каждымъ отдѣльнымъ способомъ его полученія, будь то  $1 + 1 + 1 + 1$  и т. д., или  $6 + 5$ , или хотя бы  $9 + 3$ . Но и это не выдерживаетъ критики, ибо всякое числовое понятіе мы первоначально получаемъ въ формѣ чувственно опредѣленнаго образа цѣлой группы предметовъ, хотя бы нашихъ пальцевъ, пуговицъ, или шаровъ какойнибудь машины для счисленія. Здѣсь въ качествѣ достовѣрнаго доказательства синтетической природы числовыхъ понятій можно привести методъ счисленія и числовыя выраженія первобытныхъ народовъ и зачаточной культуры. Здѣсь повсюду въ основѣ лежитъ чувственный образъ группы или положеніе пальцевъ, въ которомъ число приобрѣло наглядность <sup>18)</sup>. Затѣмъ, если вмѣстѣ со Стюартомъ Миллемъ исходить изъ того, что всѣ числа суть «числа чегонибудь», и что предметы, о вычисленіи которыхъ идетъ рѣчь, своею массою производятъ на чувства опредѣленное впечатлѣніе, то невозможно сомнѣваться въ синтетической природѣ такого дѣйствія, которое—будь то въ дѣйствительности или въ умѣ—соединяетъ вмѣстѣ двѣ такія группы одинаковыхъ предметовъ. Поэтому-то Милль, вѣрный своему принципу, доказываетъ, что то, что три предмета, соединенные въ какойнибудь формѣ въ одну группу, составляютъ ту же сумму, если одинъ изъ нихъ нѣсколько отодвинуть въ сторону, такъ чтобы сумма представлялась теперь раздѣленною на двѣ части—въ видѣ  $2 + 1$ ,—есть знаніе, получаемое путемъ опыта <sup>19)</sup>. Какъ далеко Кантъ отъ того, чтобы отвергать такого рода «опытъ», явствуетъ уже изъ того, что онъ для нагляднаго доказательства положенія  $7 + 5 = 12$  заставляетъ прибѣгнуть къ помощи воззрѣнія пяти пальцевъ или также точекъ. Но Кантъ нѣсколько глубже взглянулъ на ту, указанную Миллемъ, «замѣчательную особенность» положеній, касающихся чиселъ,—«что эти положенія относятся ко всѣмъ предметамъ, ко всѣмъ вещамъ, ко всевозможнымъ существамъ, какія только знаетъ нашъ опытъ», и что демонстрація на какомънибудь одномъ родѣ предметовъ достаточна для того, чтобы вызвать въ насъ убѣжденіе, что это должно относиться и ко всему тому, съ чѣмъ мы вообще можемъ встрѣтиться. Это, впрочемъ, находится въ связи съ предшествующимъ положеніемъ, здѣсь же мы имѣемъ дѣло только съ синтетической природой числовыхъ понятій, и по этому вопросу Милль въ главномъ придерживается того же воззрѣнія, что и Кантъ <sup>20)</sup>.

Односторонніе эмпирики упускаютъ изъ виду то обстоятельство, что опытъ—не открытыя ворота, черезъ которыя внѣшнія предметы проникаютъ въ насъ такими, какіе они въ дѣйствительности, а процессъ, посредствомъ котораго въ насъ возникаетъ явленіе вещей.

Что при этомъ процессъ всё свойства этихъ «предметовъ» приходятъ извнѣ, и что воспринимающій ихъ человѣкъ нисколько будто бы въ этомъ не участвуетъ, находится въ противорѣчїи со всякой аналогіей природы при какомъ либо возникновенїи новой вещи изъ сочетанїя двухъ другихъ. Хотя «Критика чистаго разума» выходитъ далеко за предѣлы этого образа—соединенїя двухъ силъ въ третью равнодѣйствующую, тѣмъ не менѣе не подлежитъ никакому сомнѣнїю, что этотъ образъ вполне пригоденъ для первой оріентировки въ вопросѣ объ опытѣ. Что наши вещи отличаются отъ вещей самихъ по себѣ,—можетъ быть подтверждено простою противоположностью между звукомъ и производящими его колебанїями струны. Правда, изслѣдованіе познаетъ затѣмъ и въ этихъ колебанїяхъ явленїя и, достигнувъ своей цѣли, въ концѣ концовъ отодвигаетъ «вещь самое по себѣ» въ недостигаемую сферу вещи только мыслимой; но право критики и смыслъ ея первыхъ подготовительныхъ шаговъ можно себѣ во всякомъ случаѣ вполне выяснитъ изъ указанной противоположности между звукомъ и его вѣдшей причиной. То самое въ насъ—все равно, понимать ли его физиологически или психологически,—что вызываетъ превращеніе колебаніе струны въ звукъ, является въ этомъ процессѣ опыта априорнымъ элементомъ. Если бы у насъ не было никакого чувства, кромѣ чувства слуха, то весь нашъ опытъ состоялъ бы изъ звуковъ, и хотя бы затѣмъ все остальное наше познаніе вытекало изъ опыта, все же природа этого опыта вполне опредѣлилась бы природою нашего слуха, и можно было бы не только съ вѣроятностью, но и съ аподиктической увѣренностью сказать, что всё наши явленїя должны были бы звучать. Такимъ образомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что возникновеніе изъ опыта совершенно не то, что выводъ изъ опыта. Тотъ фактъ, что мы вообще испытываемъ, во всякомъ же случаѣ обусловлено устройствомъ нашего мышленїя<sup>21)</sup>, и это устройство существуетъ до всякаго опыта. Оно приводитъ насъ къ тому, что мы различаемъ отдѣльные признаки въ вещахъ, и что мы представляемъ себѣ въ формѣ слѣдованїя во времени то, что въ природѣ нераздѣльно слито и одновременно, и выражаемъ это представленїе въ сужденїяхъ съ субъектомъ и предикатомъ. Все это не только существуетъ до опыта,—оно есть условїе опыта. Вотъ это-то опредѣленїе первыхъ условїй всякаго опыта въ мышленїи и чувственности и есть ближайшая цѣль «Критики чистаго разума». Кантъ прежде всего на примѣрѣ математики показалъ, что наше мышленїе дѣйствительно обладаетъ извѣстными познанїями *a priori*, и что даже обыкновенный разсудокъ никогда не обходится безъ такого рода познанїя. Отправляясь отъ этого далѣе, онъ стремится доказать, что не только въ математикѣ, но и во всякомъ вообще познавательномъ актѣ участвуютъ априорные элементы, которые опредѣляютъ весь нашъ опытъ.

Какъ однако открыть эти элементы? Здѣсь передъ нами темный пунктъ кантовской системы, который едва ли когда либо будетъ устраненъ даже самыми тщательными исканїями подлиннаго мнѣнїя великаго мыслителя. Тѣмъ не менѣе мы со всею рѣшительностью можемъ устранить весьма распространенное недоразумѣнїе, которое возникло въ связи съ этимъ вопросомъ. А именно, полагали возможнымъ выставить слѣдующую дилемму: либо априорные элементы мышленїя и сами вытекаютъ изъ ка-

кого нибудь а priori вѣрнаго (gültig) принципа, или они добываются эмпирическимъ путемъ; такого принципа у Канта не существуетъ, а выведение путемъ опыта никакихъ строго необходимыхъ результатовъ дать не можетъ, — слѣдовательно, вся трансцендентальная философія Канта въ лучшемъ случаѣ есть не болѣе, какъ отдѣлъ опытной психологіи. Доходили даже до утверженія, что положенія имѣющія аподиктическое значеніе должны также получиться аподиктическимъ путемъ. т. е. изъ принципа, установленнаго а priori.<sup>22)</sup> Какъ будто бы дѣло шло о доказательствѣ этихъ положеній! Для Канта все дѣло только въ томъ, чтобы ихъ отыскать, а для этого у него нѣтъ никакой иной путеводной нити, кромѣ вопроса: что долженъ я предположить заранее для того, чтобы объяснить себѣ фактъ опыта? Психологическая сторона вопроса не только не есть для него главная, но онъ даже явно старается ее обойти, ставя вопросъ въ столь общей формѣ, что отвѣтъ на него въ одинаковой степени мирится съ самыми различными психологическими теоріями<sup>23)</sup>. Выведеніе изъ какого либо метафизическаго принципа, подобно тому, какое сдѣлано было всѣми его послѣдователями, начиная съ Фихте, уже потому не могло быть цѣлью Канта, что этимъ онъ уже заранее предположилъ бы тотъ метафизическій методъ, право и предѣлъ котораго онъ намѣревался изслѣдовать. Такимъ образомъ у него оставался только путь обыкновеннаго мышленія и анализа, — анализа хотя и методическаго, но все же исходящаго изъ фактовъ. Что Кантъ сознательно вступилъ на этотъ путь, доказано кажется достаточно; но все же ясно, что онъ, должно быть, обманывался насчетъ послѣдствій такого приѣма; въ противномъ случаѣ онъ не могъ бы столь рѣзко выдвигать абсолютную достовѣрность своего приѣма и отвергать съ такимъ пренебреженіемъ всякую вѣроятность, какъ онъ это дѣлалъ не разъ.<sup>24)</sup> Это былъ отголосокъ метафизической школы, въ которой выросъ Кантъ, а слишкомъ высокая оцѣнка всѣхъ подготовительныхъ работъ, которыя, полагалъ онъ, имъ найдены были для его цѣли въ прежней логикѣ, его повидимому еще болѣе въ этомъ подкрѣпили. Онъ упустилъ изъ виду, что его методъ отысканія апіорныхъ элементовъ въ сущности не могъ быть никакимъ инымъ, какъ методомъ индукціи.

Можетъ, конечно, представиться весьма вразумительнымъ, что конечныя понятія нашихъ познаній должны также получиться а priori, путемъ чистой дедукціи изъ необходимыхъ понятій; тѣмъ не менѣе это предположеніе ошибочно. Слѣдуетъ отличать необходимое положеніе отъ доказательства необходимаго положенія. Весьма легко себѣ представить, что положенія годныя а priori могутъ быть открыты только путемъ опыта, мало того — что границы между дѣйствительно необходимыми познаніями и такими предположеніями, отъ которыхъ мы при дальнѣйшемъ опытѣ должны отказаться, весьма неясна. Подобно тому какъ относительно туманныхъ пятенъ звѣзднаго неба представляется въ высокой степени вѣроятнымъ, что нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно состоятъ изъ туманныхъ массъ, тогда какъ телескопъ превращаетъ ихъ одно за другимъ въ группу отдѣльныхъ звѣздъ, — точно также ничего нельзя возразить и противъ того, когда мы при цѣломъ рядѣ основныхъ понятій и высшихъ основоположеній Канта разбиваемъ видимость познанія а priori и все же остаемся при томъ, что въ дѣйствительности имѣются такія фундаментальныя понятія и основоположенія, которыя существуютъ въ нашемъ

умѣ до всякаго опыта, и по которымъ самый опытъ направляется съ психологическою необходимостью. Во всякомъ случаѣ заслуга Милля заключается въ доказательствѣ того, что дѣльный рядъ положеній, которыя позднѣе оказались прямо ложными, считались прежде познаніями а priori. Какъ бы ошибочна ни была его попытка вывести математическія положенія изъ опыта, его заслуга однако отъ этого не меньше. Безспорно, что сознаніе всеобщности и необходимости какаго нибудь положенія можетъ быть обманчиво; но при этомъ однако не доказано, что такія положенія происходятъ всякій разъ изъ опыта. Самъ Милль говоритъ, хотя и не вполне правильно, о заблужденіяхъ а priori, и такихъ въ самомъ дѣлѣ очень много. Съ ошибочнымъ познаніемъ а priori дѣло обстоитъ такъ же, какъ и съ познаніемъ вообще: оно большею частью есть не бессознательно усвоенное опытомъ положеніе, а положеніе, необходимость котораго дана до всякаго отдѣльнаго опыта физико-психической организаціей человѣка<sup>25</sup>), и которая поэтому выступаетъ при первомъ же опытѣ безъ посредства индукціи; но положеніе это, въ силу глубже лежащихъ понятій а priori, съ тою же необходимостью опровергается, какъ только извѣстный рядъ опытовъ далъ перевѣсъ этимъ глубже лежащимъ понятіямъ.

Метафизикъ долженъ умѣть отличать эти неизмѣнныя апіорныя понятія, связанныя съ человѣческою природою по существу, отъ понятій переходящихъ, соответствующихъ только извѣстной ступени развитія, хотя оба эти рода познаній а priori въ одинаковой мѣрѣ сопровождаются сознаніемъ необходимости. Но при этомъ онъ, однако, не можетъ пользоваться положеніемъ а priori, а слѣдовательно и такъ называемымъ чистымъ мышленіемъ именно потому, что представляется сомнительнымъ, имѣютъ ли его положенія неизмѣнное значеніе или нѣтъ. Такимъ образомъ мы при отысканіи и провѣркѣ всеобщихъ положеній, начало которыхъ не въ опытѣ, ограничены исключительно только обычными средствами науки: мы можемъ выставить только вѣроятныя положенія относительно того, происходятъ ли понятія и формы мышленія, которыя мы теперь необходимо должны считать вѣрными безъ всякаго доказательства, изъ непреходящей природы человѣка, или нѣтъ, — иными словами: суть ли они истинныя понятія всякаго человѣческаго познанія, или же они могутъ когда нибудь оказаться «заблужденіями а priori».

Возвратимся къ важнѣйшему вопросу Канта: какъ возможны синтетическія сужденія а priori? Отвѣтъ гласитъ: они возможны благодаря тому, что во всякомъ познаніи имѣется факторъ, который происходитъ не отъ внѣшняго воздѣйствія, а отъ самой сущности познающаго субъекта, и который поэтому не случайный, подобно внѣшнимъ вліяніямъ, а необходимъ и неизмѣненъ во всемъ, чтобы ни произошло. Теперь дѣло идетъ объ отысканіи этого фактора, и Кантъ предполагаетъ достигнуть своей цѣли, если онъ, совершенно оставая въ сторонѣ психологическую связь между главными функціями духа въ познаніи, станетъ разсматривать ихъ отдѣльно, съ цѣлью опредѣлить, какіе въ нихъ заключаются апіорные элементы. При этомъ онъ принимаетъ два главныхъ источника человѣческаго познанія—чувственность и разумъ, съ глубокою проицательностью замѣчая, что оба они могутъ быть, происходить, отъ одного общаго, неизвѣстнаго намъ корня. Въ настоящее время эта догадка можетъ считаться уже подтвержден-

ной—не Гербартовой психологіей или Гегелевскою феноменологіей духа, а извѣстными фізіологическими опытами надъ органами чувствъ, неопровержимо доказывающими, что въ чувственныхъ впечатлѣніяхъ, съ виду даже вполне непосредственныхъ, участвуютъ процессы, которые при удаленіи или прибавленіи извѣстныхъ логическихъ звеньевъ поразительно соотвѣтствуютъ истиннымъ и ложнымъ выводамъ сознательнаго мышленія.

Кантъ не счумѣлъ воспользоваться для «Критики чистаго разума» тою мыслью, что чувственность и разумъ происходятъ, можетъ быть, изъ одного общаго корня, хотя напрашивался, какъ будто, вопросъ о томъ, не слѣдуетъ-ли искать истиннаго разрѣшенія трансцендентальной проблемы въ единствѣ чувствованія и мышленія. Правда, и онъ учитъ, что въ познаніи проявляется совмѣстное дѣйствіе обоихъ факторовъ, но даже въ той формѣ, въ какой онъ мыслить это совмѣстное дѣйствіе, сильно сказывается еще остатокъ того платонизирующаго ученія о чистомъ, свободномъ отъ всякаго чувствованія, мышленіи, которое выступаетъ по всей традиціонной метафизикѣ и въ концѣ-концовъ находитъ себѣ у Лейбница выраженіе, проникающее всю его систему и господствующее надъ воззрѣніями Вольфовой школы. По мнѣнію Лейбница, одно только логическое мышленіе въ состояніи понять вещи ясно и въ соотвѣтствіи съ ихъ существомъ; познаніе-же чувствъ не есть равноправный познавательный источникъ иного рода, а нѣчто безусловно низшее; оно — смутное познаніе, т. е. неясная и затемненная аналогія того, что въ высшемъ совершенствѣ даетъ чистое мышленіе. Тѣ преобразованія, которыя Кантъ вноситъ въ это совершенно ложное воззрѣніе, относятся къ лучшему, что имъ вообще сдѣлано; а то, что онъ удерживаетъ отъ прежняго воззрѣнія, относится къ худшимъ недостаткамъ его системы.

Заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ возвелъ чувственность въ источникъ познанія, равноправный разуму; недостатокъ его въ томъ, что онъ призывалъ еще существованіе разума, совершенно свободнаго отъ вліянія чувствъ. Превосходно его ученіе, что все мышленіе въ концѣ-концовъ должно быть сведено къ воззрѣнію, что безъ воззрѣнія никакой вообще предметъ нашего познанія намъ не можетъ быть данъ; шатокъ, напротивъ, тотъ его взглядъ, что въ то время, какъ одно воззрѣніе безъ всякаго участія мышленія не можетъ дать никакого познанія, одно мышленіе—безъ всякаго воззрѣнія—все-же дастъ еще форму мышленія <sup>26</sup>).

Его методъ, заключающійся въ томъ, чтобы путемъ изолированія чувственности опредѣлить, какія въ нее входятъ апріорныя элементы, точно также можетъ возбудить справедливыя сомнѣнія, ибо онъ покоится на фикціи, за методическій результатъ которой ничто ручаться не можетъ. Ни въ одномъ познавательномъ актѣ изолированная чувственность, такъ сказать, во время ея отправленія наблюдаема быть не можетъ. Кантъ-же полагаетъ, что это возможно, и результатомъ этого его предположенія является положеніе, что апріорнымъ элементомъ въ воззрѣніи необходимо должна быть форма явленій, матерія которыхъ получается путемъ ощущенія. Эту необходимую и всеобщую формулу явленій составляетъ для вышнихъ чувствъ — пространство, а для внутреннихъ — время.

Въ этомъ доказательствѣ много недостатковъ; особенно не убѣдительно ограниченіе апріорнаго элемента пространствомъ и временемъ. Можно

бы задаться вопросомъ, не относится ли сюда и движеніе; можно пожалуй доказать, что многія категоріи въ сущности не чистыя понятія, а воззрѣнія, какъ, напримѣръ, категорія устойчивой въ измѣненіи субстанціи. Даже качества чувственныхъ впечатлѣній, какъ-то: цвѣтъ, звукъ и т. д. не слѣдуетъ, можетъ быть, совершенно отвергнуть какъ нѣчто индивидуальное, субъективное, какъ нѣчто такое, что не можетъ служить источникомъ апріорныхъ положеній, а слѣдовательно и основой для объективности. Особенно же возбуждаетъ сомнѣніе то положеніе, которымъ Кантъ хочетъ показать, что нормирующая форма апріорна, — а именно то положеніе; что ощущеніе не можетъ сочетаться въ извѣстномъ порядкѣ съ другимъ ощущеніемъ. Между скудными зачатками будущей науки психологіи имѣется положеніе, которое учитъ, что — въ обычныхъ предѣлахъ — ощущеніе возрастаетъ вмѣстѣ въ логарифмомъ соотвѣтствующаго раздраженія: формула  $x = \log y$ , которую Фехнеръ въ качествѣ «Веберовскаго закона» положилъ въ основу своей психофизики. Не лишено вѣроятія, что законъ этотъ имѣетъ основаніе въ самомъ сознаніи, а не въ тѣхъ физическихъ процессахъ, которые занимаютъ мѣсто между внѣшнимъ (физическимъ) раздраженіемъ и актомъ сознанія <sup>27</sup>). Можно поэтому, не насилуя самаго предмета (имена должны подчиняться!), провести различіе между количествомъ ощущенія, стремящагося къ сознанію ( $y$ ) и тѣмъ, которое воспринимается сознаніемъ ( $x$ ). При такомъ предположеніи математическія формулы, къ которымъ приводитъ насъ точное изслѣдованіе, выражаютъ въ сущности только то, что количество ощущенія стремящееся въ каждый моментъ въ сознаніе, есть та единица, которою сознаніе всякій разъ измѣряетъ степень подлежащаго воспріятію приращенія.

Подобно тому какъ одно ощущеніе можетъ быть измѣряемо другимъ со стороны его интенсивности, точно также оно можетъ группироваться въ представленіе сосуществованія сообразно имѣющимся уже ощущеніямъ. Многочисленные факты доказываютъ, что ощущенія не группируются по формѣ — пространственному представленію, но что наоборотъ — само пространственное представленіе обусловлено нашими ощущеніями. Линія, составленная изъ многочисленныхъ вызывающихъ ощущеніе частицъ, представляетъ непосредственному сознанію болѣе длиною, нежели линія одинаковаго математическаго размѣра, которая не представляетъ никакихъ особенныхъ основаній для возбужденія впечатлѣнія. Именно поэтому наши обычные пространственныя представленія совершенно не математическаго характера и является неисчерпаемымъ источникомъ тонкихъ заблужденій, ибо наши ощущенія не находятъ въ умѣ никакой системы координатъ, по которой они съ увѣренностью могли бы группироваться: такая система развивается въ весьма несовершенномъ видѣ неизвѣстнымъ для насъ образомъ изъ естественной конкуренціи ощущеній.

При всемъ томъ мысль, что пространство и время суть формы, которыя человѣческой умъ придаетъ предметамъ опыта, вовсе не такова, чтобы она безъ дальнѣйшихъ разсужденій могла быть отвергнута. Она такъ же смѣла и величава, какъ и предположеніе, что всѣ явленія мнимаго тѣлеснаго міра со всѣмъ пространствомъ, въ которомъ они группируются, суть не болѣе какъ представленія чисто духовнаго существа. Но въ то время какъ этотъ матеріальн ый идеализмъ всегда ве-



детъ къ лишеннымъ всякой почвы умозрѣніямъ, Кантъ своимъ формальнымъ идеализмомъ только раскрываетъ передъ нами бездны метафизики, но при этомъ нисколько не теряетъ связи съ опытыми науками. Ибо по Канту эти формы нашего познанія, существующія до всякаго опыта, только путемъ опыта въ состояніи дать намъ познаніе, — за предѣлами же нашего опыта они теряютъ рѣшительно всякое значеніе. Ученіе о «врожденныхъ» представленіяхъ нигдѣ столь кореннымъ образомъ не устраняется, какъ именно здѣсь, ибо въ то время какъ по воззрѣнію старой метафизики врожденные представленія являются какъ бы свидѣтелями ихъ сверхчувственного міра и могутъ быть примѣняемы къ сверхчувственному — въ сущности они даже для того именно предназначены, — по Канту апіорные элементы познанія служатъ исключительно только для примѣненія на опытѣ. Ими опредѣляется весь нашъ опытъ и черезъ ихъ же посредство познаемъ мы всѣ необходимыя отношенія между предметами; но именно вслѣдствіе этой ихъ природы, какъ формы человеческого опыта, всякая попытка примѣненія такихъ же формъ къ области сверхчувственного совершенно безплодна. Но конечно здѣсь настоятельно выдвигается вопросъ: что же такое вся наша опытная наука, если мы находимъ въ вещахъ наши собственные, нами самими созданные законы, причѣмъ вещи не суть больше вещи, а суть «явленія»? къ чему ведетъ вся наша наука если мы абсолютно существующія вещи — «вещи сами по себѣ» — должны представлять себѣ внѣ пространства и времени, т. е. совершенно для насъ непостижимымъ образомъ? На эти вопросы мы отвѣтимъ пока встрѣчнымъ вопросомъ: кто же утверждаетъ, что мы вообще должны заниматься непостижимыми для насъ «вещами въ себѣ»? развѣ естественныя науки не суть во всякомъ случаѣ то, что они есть, и не даютъ того, что они даютъ, совершенно независимо отъ мысли о конечныхъ причинахъ всей природы, къ которымъ приводитъ насъ философская критика?

Если мы станемъ разсматривать вопросъ съ этой стороны, у насъ не будетъ никакого повода безъ всякой провѣрки отвергать ученіе объ апіорности пространства и времени. Но и тѣ сомнѣнія, которыя были выдвинуты нами касательно психологическаго возникновенія пространственнаго представленія недостаточны еще для такого отверженія.

Что касается нашего предположенія о возникновеніи пространственнаго представленія, изъ ощущеній, то этимъ дѣло еще не рѣшено. Одно — разсматривать пространственныя представленія въ ихъ развитіи, другое — ставить вопросъ, какимъ образомъ мы вообще воспринимаемъ представленіе пространства, т. е., какимъ образомъ наши ощущенія въ ихъ совмѣстномъ дѣйствіи порождаютъ представленія о существованіи, измѣряемомъ по тремъ протяженіямъ, къ которымъ затѣмъ какъ бы въ качествѣ четвертаго протяженія всего существующаго присоединяется представленіе о времени. Если даже пространство и время не суть готовыя формы, которымъ надлежитъ наполняться матеріей во время нашего обращенія съ вещами, то все же они могутъ быть формами, которыя въ силу органическихъ условій, отсутствующихъ, можетъ быть, у другихъ существъ, съ необходимостью подучаются изъ нашего механизма ощущенія. Въ этомъ болѣе ограниченномъ смыслѣ едва ли даже возможно сомнѣваться въ апіорности пространства и времени, и вопросъ будетъ собственно вращаться только около того, что Кантъ называетъ «трансцендентальной идеальностью» пространства и

времени. т. е. около вопроса о томъ, значать ли еще что нибудь пространство и время за предѣлами нашего опыта. Кантъ безъ сомнѣнія отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. По его воззрѣнью пространство и время дѣйствительны для области человѣческаго опыта, лишь постольку они суть необходимые формы нашего чувственного воззрѣнія; за предѣлами же его они, подобно все́мъ идеямъ, выходящимъ за кругъ нашего опыта, суть только иллюзіи.

Дѣло очевидно обстоитъ такъ, что психо-физическая организациа, въ силу которой мы вынуждены разсматривать вещи въ пространствѣ и времени, во всякомъ случаѣ дана до всякаго опыта, и постольку воспріятіе внѣшняго предмета должно соединяться хотя бы съ счень еще неяснымъ пространственнымъ представленіемъ, постольку слѣдовательно пространство есть а priori данная форма чувственного воззрѣнія; но то, что вообще существуютъ «вещи въ себѣ», которыя имѣютъ бытіе внѣ пространства и времени,—этого Кантъ, на основаніи своихъ принциповъ, вѣогда доказать бы не могъ, ибо это было бы трансцендентнымъ, хотя и отрицательнымъ познаніемъ свойствъ вещи самой по себѣ, а такое познаніе по собственной теоріи Канта совершенно невозможно. Но не таково вовсе мнѣніе Канта: для него достаточно было считать доказаннымъ, что пространство и время только потому имѣютъ абсолютное значеніе до всякаго опыта, что они въ качествѣ формъ опыта заложены въ предметѣ и, слѣдовательно, не могутъ распространить свое значеніе за предѣлами своей функціи, во съ другой стороны ничто не препятствуетъ намъ, разъ мы желаемъ вступить въ эту рискованную область, предполагать, что владѣнія ихъ простираются далѣе круга нашего опыта<sup>28</sup>). Самъ Кантъ какъ-то высказываетъ предположеніе, что «въ этомъ (въ формѣ воспріятія по пространству и времени) всѣ конечныя мыслящія существа необходимо (т. е. слѣдуя общему скрытому въ насъ принципу) сойдутся съ человѣкомъ»<sup>29</sup>), — что иными словами значитъ: возможно, что всякое познаніе предметовъ необходимо такое же, какъ наше, за исключеніемъ, однако, божественнаго, чисто проблематическаго способа познанія. А съ другой стороны можно допустить, что мыслимы, напримѣръ, такія существа, которыя въ силу своей организации не въ состояніи измѣрять пространства по тремъ протяженіямъ, которыя, можетъ быть, воспринимаютъ его только по двумъ протяженіямъ, а можетъ быть и не различаютъ ясно ни одного протяженія. Соотвѣтственно этому нельзя будетъ также отрицать возможность такого воспріятія, которое опирается на болѣе совершенныя пространственныя понятія, чѣмъ наши.

Если бы далѣе было вѣрно то, что всѣ предметы во вселенной находятся между собою во взаимодействіи, и все неизмѣнно связано между собою законами, то поэтическія слова Шиллера: «Съ симъ днемъ идетъ уже день завтрашній»—(Und in dem Heute wandelt schon das Morgen) было бы въ строгомъ смыслѣ слова метафизическою истиною, и можно было бы себѣ представить такіе интеллекты, которые воспринимаютъ одновременно то, что намъ представляется, какъ слѣдованіе во времени. Несомнѣнно, конечно, что мы обо всемъ этомъ знать не можемъ, и что никакая здравая философія такими вопросами заниматься не станетъ,—развѣ только когда необходимо опровергнуть догматическое утвержденіе абсолютной объективности нашихъ пространственныхъ представленій указаніемъ противоположныхъ возможностей. Кантъ во всякомъ случаѣ по-

стольку правъ, что принципъ возрѣнія въ пространствѣ и времени существуетъ въ насъ а priori, и остается его заслугой на всѣ времена, что онъ на этомъ первомъ великомъ примѣрѣ показалъ, почему то, чѣмъ мы обладаемъ а priori, именно потому, что оно обусловлено организаціей нашего духа, за предѣлами нашего опыта ни на какое значеніе притязать не можетъ.

Что касается отношенія къ материализму, то этотъ послѣдній считаетъ пространство и время — а въ сущности и весь чувственный міръ — попросту объективными. Уклоненія отъ этой точки зрѣнія, какія, напримѣръ, встрѣчаются у Молешота, суть уклоненія отъ материалистической системы. Именно въ вопросѣ о пространствѣ и времени материализмъ чувствуетъ себя по отношенію къ Кантовой критикѣ наиболѣе защищеннымъ, ибо здѣсь у насъ не только имѣется сознаніе того, что мы никоимъ образомъ не можемъ представить себѣ конца пространства и времени или созерцанія, совершенно не связаннаго съ пространствомъ и временемъ, но даже при высшемъ отвлеченіи мысли, совершенно отрекающейся отъ невозможной наглядности, намъ все еще кажется вѣроятнымъ, что, можетъ быть, у различно организованныхъ животныхъ существъ имѣютъ мѣсто различныя степени воспріятія пространства и времени, но что сами-то эти формы по внутреннему своему существу подходятъ ко всякому возможному воспріятію — именно потому, что онѣ заложены въ существѣ вещей. Желая дать больше, Кантъ въ дѣйствительности далъ меньше. Онъ закрѣпилъ сомнѣніе въ томъ, значатъ ли вообще чтонибудь пространство и время внѣ опыта мыслящихъ конечныхъ существъ; но очень далекій отъ того, чтобы оставить эти границы и переходить со своими метафизическими умозрѣніями въ непроходимую область, лежащую за предѣлами «абсолютнаго бытія», онъ сильнѣе поколебалъ первобытную наивность чувственной вѣры, лежащей въ основаніи материализма, чѣмъ это могла-бы сдѣлать какая бы то ни была система матеріальнаго идеализма. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только этотъ послѣдній представляетъ намъ свои идеи въ качествѣ истинной дѣйствительности, въ насъ пробуждается логическая совѣсть трезваго мыслителя, и мы весьма склонны вмѣстѣ съ поэтическими продуктами такого умозрѣнія отвергнуть и тѣ основанія, которыя выдвигаются противъ абсолютной дѣйствительности чувственнаго міра въ томъ видѣ, въ какомъ мы его себѣ представляемъ.

Подобно тому какъ Кантъ въ чувственной области въ качествѣ апріорныхъ формъ возрѣнія выставилъ пространство и время, онъ точно также полагалъ доказаннымъ, что въ области разсудка въ качествѣ основныхъ, а priori данныхъ понятій, являются категоріи. Это доказательство, какъ оно ни неудовлетворительно, стоило ему большихъ умственныхъ усилій. Черезъ посредство одного-единственнаго изъ этихъ понятій — понятія причинности, противъ котораго Юмъ направилъ свой разрушительный скептицизмъ, Кантъ, можно сказать, дошелъ до всей своей философіи и, вѣроятно, мнимое открытіе полной таблицы категорій подвинуло Канта на то, чтобы выступить реформаторомъ философіи, послѣ того какъ онъ достигъ уже довольно значительной славы въ качествѣ философа Вольфовской школы, и особенно въ качествѣ основателя знатока математики и естественныхъ наукъ. Послушаемъ, однако, что говоритъ самъ Кантъ о внутренней исторіи этого богатаго

послѣдствіями переворота! Для оцѣнки матеріализма понятіе причинности имѣетъ такое выдающееся значеніе, что важнѣйшій отдѣлъ изъ исторіи этого понятія заслуживаетъ мѣсто и въ исторіи матеріализма. Въ предисловіи къ своимъ «Прологоменамъ»<sup>30)</sup> Кантъ утверждаетъ, что со времени возникновенія математики не было ни одного факта, который могъ-бы болѣе рѣшительно повліять на ея судьбу, чѣмъ критика Юма, если-бы только она встрѣтила болѣе воспримчивую публику. Затѣмъ слѣдуетъ длинное, чрезвычайно замѣчательное мѣсто, которое мы приводимъ здѣсь безъ всякихъ урѣзокъ.

«Юмъ исходилъ главнымъ образомъ изъ одного, но важнаго понятія метафизики, именно понятія о связи причины и дѣйствія (съ вытекающими отсюда понятіями о силѣ и дѣйствии ит. д.); онъ вызывалъ разумъ, имѣющій притязаніе на произведеніе этого понятія, отвѣчать: по какому праву онъ мыслить, что нѣчто можетъ имѣть такое свойство, что черезъ его положеніе необходимо должно полагаться еще что нибудь другое (ибо таковъ смыслъ понятія причинности)? Онъ неопровержимо доказалъ, что для разума совершенно невозможно мыслить а priori и изъ понятій такую связь, ибо эта связь заключаетъ въ себѣ необходимость, а между тѣмъ невозможно понять, какимъ образомъ отъ того, что нѣчто есть, необходимо должно также быть нѣчто другое, и слѣдовательно какимъ образомъ можетъ быть введено а priori понятіе о такой связи? Отсюда онъ заключилъ, что разумъ себя совершенно обманываетъ этимъ понятіемъ, принимая его за свое собственное дѣйствіе, тогда какъ оно есть ничто иное, какъ незаконный плодъ воображенія, которое, оплодотворившись опытомъ, связало извѣстныя представленія закономъ ассоціаціи и подсунуло происходящую отсюда субъективную необходимость, т. е. привычку, на мѣсто объективной, разумной необходимости. Отсюда же Юмъ заключаетъ, что разумъ вовсе неспособенъ даже вообще мыслить подобныя соотношенія (ибо иначе его понятія былибы простыми выдумками), а что всѣ его мнимо-априорныя познанія суть ничто иное, какъ ложно обозначенные общіе результаты опыта, или, другими словами, что вообще нѣтъ и не можетъ быть никакой метафизики».

«Какъ ни было поспѣшно и невѣрно это заключеніе Юма, однако оно было основано по крайней мѣрѣ на изслѣдованіи, стоившемъ того, чтобы лучшіе умы его времени соединились для болѣе счастливаго, если возможно, разрѣшенія задачи въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ ее предложилъ, что произвело скоро совершенную реформу науки».

«Но издавна неблагоприятная метафизикѣ судьба захотѣла, чтобы Юмъ не былъ никѣмъ понятъ. Нельзя равнодушно видѣть, какъ его противники—Ридъ, Освальдъ, Битти и наконецъ Пристлей — совершенно не-попадаютъ въ главный пунктъ его задачи, какъ они постоянно принимаютъ за признанное именно то, въ чемъ онъ сомнѣвался, и напротивъ съ жаромъ доказываютъ то, въ чемъ сомнѣваться ему не приходило и въ голову; они совершенно не поняли его преобразовательной попытки, такъ что все осталось въ прежнемъ состояніи и послѣ него. Вопросъ былъ не въ томъ, правильно ли понятіе причинности, пригодно ли оно и необходимо ли для изученія природы: въ этомъ Юмъ никогда не сомнѣвался; но мыслится ли это понятіе разумомъ а priori и имѣетъ ли оно такимъ образомъ независимую отъ всякаго опыта внутреннюю истинность, а черезъ это и неограниченное одними предметами опыта примѣненіе, касательно этого Юмъ требовалъ объясненій. Рѣчь

шла о происхожденіи понятія, а не о необходимости его употребленія; если бы было объяснено его происхожденіе, то отсюда вышли бы сами собою условія его употребленія и объемъ его приложимости».

«Но, чтобы сколько нибудь удовлетворить задачѣ, противники Юма должны бы были глубоко проникнуть въ природу чистаго разума, что для нихъ было неудобно. Поэтому они выдумали болѣе удобное средство сопротивляться безо всякаго пониманія, именно аппеляцію къ общему человѣческому разуму или здравому смыслу. Правда, это великій даръ неба—обладать прямымъ (или, какъ недавно стали говорить простымъ) человѣческимъ разумомъ. Но его нужно доказывать на дѣлѣ разсудительностью своихъ мыслей и словъ, а не тѣмъ, что ссылаешься на него какъ на оракулъ, когда не умѣешь ничего разумнаго сказать въ пользу своего мнѣнія. Когда пониманіе и знаніе приходятъ къ концу—тогда, и не раньше—сослаться на здравый смыслъ—это одна изъ тѣхъ остроумныхъ изобрѣтеній новѣйшихъ временъ, благодаря которымъ пустѣйшій болтуны можетъ безопасно начинать и выдерживать споръ противъ чловѣка съ самымъ основательнымъ умомъ. Но пока есть еще малѣйшій остатокъ пониманія, всякій остережется прибѣгнуть къ этому крайнему средству. Если разсмотрѣть хорошенько, эта апелляция къ здравому смыслу есть ничто иное, какъ ссылка на сужденіе толпы, отъ одобренія которой философъ краснѣетъ, а популярный болтунъ торжествуетъ и дѣлается дерзкимъ. Но я думаю, Юмъ могъ бы изъяснить также притязаніе на здравый разумъ, какъ и какой нибудь Битти, да сверхъ того еще на нѣчто такое, чѣмъ Битти конечно не обладалъ, именно на критическій разумъ, который держалъ въ границахъ обыкновенный разумъ, чтобы онъ не забирался въ умозрѣнія и не желалъ давать о нихъ своего рѣшенія, не будучи самъ въ состояніи оправдать свои положенія; только въ такихъ границахъ остается онъ здравымъ разумомъ. Топоръ и пила вполнѣ годятся для обработки строевого лѣса, но для гравированія нужна гравировальная игла. Такъ и здоровый разумъ и умозрительный—оба должны быть употребляемы, но каждый въ своей сферѣ; первый—въ сужденіяхъ, имѣющихъ свое непосредственное примѣненіе въ опытѣ, второй же — въ общихъ сужденіяхъ изъ чистыхъ понятій, напримѣръ, въ метафизикѣ, гдѣ здравый разумъ (называющій такъ самъ себя, но часто *per antiphrasin*) не долженъ имѣть совершенно никакого сужденія».

«Я охотно признаюсь: указаніе Давида Юма было именно тѣмъ возбужденіемъ, которое впервые — много лѣтъ тому назадъ — прервало мою догматическую дремоту и дало моимъ изысканіямъ въ области умозрительной философіи совершенно иное направленіе. Но я далеко не послѣдовалъ за нимъ въ его заключенія, явившихся только вслѣдствіе того, что онъ не представилъ себѣ своей задачи въ ея цѣлости, а попалъ лишь на одну ея часть, отдѣльное изслѣдованіе которой не можетъ привести ни къ какому результату. Когда начинаешь съ основательной, хотя и не выполненной мысли, доставшейся намъ отъ другого, то можно надѣяться при продолженномъ размысленіи довести дѣло дальше, чѣмъ докуда дошелъ проницательный чловѣкъ, которому мы обязаны первой искрой этого свѣта».

«И такъ, я сначала попробовалъ, нельзя-ли представить въ общемъ

видѣ возраженіе Юма, и скоро нашель, что понятіе причинности далеко не есть единственное, въ которомъ разсудокъ мыслить а priori соотношенія вещей, и что даже вся метафизика вполне состоитъ изъ такихъ понятій. Я постарался уловить въ ихъ числѣ, и когда это мнѣ удалось и притомъ такъ, какъ я хотѣлъ, именно посредствомъ одного единственнаго принципа, то я приступилъ къ дедукціи этихъ понятій, относительно которыхъ я теперь убѣдился, что они не выведены изъ опыта, какъ это думалъ Юмъ, а произошли изъ чистаго разсудка. Эта дедукція, которая казалась невозможною моему проницательному предшественнику, и которая кромѣ него никому даже въ голову не могла придти, хотя всякій смѣло пользовался этими понятіями, не спрашивая, на чемъ основывается ихъ объективное значеніе, — эта дедукція, говорю я, была самымъ труднымъ изо всего, что когда-либо было предпринято для метафизики, и, что хуже всего, сама метафизика, сколько ея ни на есть, не могла мнѣ при этомъ оказать ни малѣйшей помощи, потому что только сама моя дедукція должна была рѣшить вопросъ о возможности метафизики вообще. Такъ какъ мнѣ удалось разрѣшить Юмову задачу не только въ одномъ частномъ случаѣ, но и относительно всей способности чистаго разума, то я и могъ теперь идти твердыми, хотя все еще медленными, шагами къ тому, чтобы наконецъ опредѣлить вполне и на общихъ принципахъ весь объемъ чистаго разума, какъ въ его границахъ, такъ и въ его содержаніи; и это было именно то, въ чемъ нуждалась метафизика для возведенія своей системы по вѣрному плану».

Изъ этихъ словъ Канта мы съ одного взгляда получаемъ представленіе о вліяніи Юма на нѣмецкую философію, имѣемъ передъ собою исторію возникновенія таблицы категорій, а слѣдовательно и всей критики разума, — вѣрную основную мысль и причину всѣхъ заблужденій нашего реформатора философіи. Заблужденіе очевидно состоитъ въ смѣшеніи методическаго и правильнаго примѣненія законовъ мышленія съ такъ называемымъ умозрѣніемъ, которое исходитъ изъ общихъ понятій.

Образъ гравировальной иглы лучше его примѣненія. Не совершенно различный исходный пунктъ мышленія и непротивоположный методъ обезпечивають философской критикѣ успѣхъ, а только лишь большая точность и ясность въ примѣненіи общихъ законовъ мышленія. Метафизика, какъ критика понятій, должна конечно дѣйствовать еще строже и еще осторожнѣе, чѣмъ филологическая критика древняго текста, чѣмъ историческая критика источниковъ какого-нибудь событія, чѣмъ физико-математическая критика какой-нибудь научной гипотезы; въ существенномъ же она, какъ и всякая критика, должна оперировать орудіями общей логики — то индуктивной, то дедуктивной, — отводя опыту все, что надлежитъ опыту, а понятіямъ все, что надлежитъ понятіямъ.

Затѣмъ, ошибка послѣдователей Common sense'a вовсе не въ томъ заключается, что они односторонне исходятъ изъ опыта. Дѣло стало бы яснѣе, если бы нѣмецкое выраженіе «здравый человѣчскій разсудокъ» (gesunder Menschenverstand) можно было бы, примѣрно, истолковать по аналогіи съ выраженіемъ: «хлопчатобумажный чулочный фабрикантъ» и тому подобными прекрасными словообразованіями. На дѣлѣ же, хотя и не этимологически, именно средній разсудокъ здороваго человѣка, т. е. человѣка, который кромѣ своей грубой логики примѣняетъ еще здоровыя чувства, въ сужденіяхъ котораго кромѣ разсудка участвуетъ также

въ неупорядоченной формѣ чувство, воззрѣніе, опытъ, знаніе условій, дасть въ вопросахъ повседневной жизни, въ предѣлахъ ходячихъ предразсудковъ дѣльное и ни въ коемъ случаѣ не эксцентричное сужденіе. Логика повседневной жизни поэтому именно и плодотворна, хотя она проглатываетъ верблюдовъ и не пропускаетъ ни одного комара. Вліяніе общаго предубѣжденія на ея результаты большинствомъ людей не замѣчается именно потому, что они сами находятся подъ вліяніемъ такихъ же заблужденій. Поэтому здравый человѣческій рассудокъ достигаетъ наибольшаго успѣха въ такихъ дѣлахъ, какъ насмѣшка надъ всѣми реформаторскими стремленіями, защита полицейской опеки, жестокихъ уголовныхъ наказаній, угнетеніе «простонародья», необходимость монархическихъ учрежденій и преимуществъ родного захолустья (Krahwinkel) передъ всѣми другими городами Европы. Но съ лучшей стороны здравый человѣческій рассудокъ представляется въ тѣхъ случаяхъ, когда предразсудокъ не имѣетъ никакого вліянія, и гдѣ сужденіе по самой природѣ предмета должно дѣйствовать совмѣстно съ воззрѣніемъ и съ опытомъ. Въ сущности даже успѣхи какогонибудь Бентлея въ критикѣ Горація, Нибура въ римской исторіи, Винкельмана въ распространеніи болѣе глубокаго пониманія древности, Гумбольдта въ смѣломъ планѣ общаго, охватывающаго весь міръ изслѣдованія покоятся въ большей части на соединеніи радикальнаго научнаго ума съ большимъ знаніемъ міра и людей или съ болѣе сильною чувственностью, чѣмъ это обыкновенно свойственно кабинетнымъ ученымъ; и даже въ философской критикѣ этотъ элементъ отступаетъ на задній планъ только относительно, не теряя однако своего значенія. Онъ содѣйствуетъ выполненію наиболѣе высокаго въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она поступаетъ въ услуженіе добросовѣстной техники и восполняетъ ее, тогда какъ въ качествѣ оппозиціи противъ научнаго мышленія она порождаетъ и дѣлаетъ всякаго рода суету. Кантъ живо почувствовалъ это при сравненіи такого высокаго ума, какъ Юмъ, съ представителями common sense'a, но онъ смѣшалъ при этомъ большую силу и строгость мышленія съ умозрительнымъ методомъ. Одною только силою логики пробудилъ его Юмъ изъ догматической спячки; если бы Кантъ реагировалъ на Юмовскую критику только открытіемъ категорій таблицъ, то его противодѣйствіе не было бы справедливымъ; но за этими обильно разросшимися сѣтями умозрѣнія скрывается однако болѣе глубокая мысль, которая могла сдѣлать изъ него реформатора философіи. Это именно то воззрѣніе, что опытъ человѣка есть продуктъ извѣстныхъ основныхъ понятій, сущность которыхъ тѣмъ и исчерпывается, что они опредѣляютъ опытъ. Споръ относительно понятія причинности представленъ въ общемъ видѣ. Юмъ оказывается правымъ въ уничтоженіи сверхъестественнаго, соответствующаго откровенію, источника этихъ понятій; но онъ не правъ въ томъ, что онъ выводитъ ихъ изъ опыта, такъ какъ нельзя вообще ничего «испытывать», не будучи съ самаго начала организованнымъ для соединенія субъекта и предиката, причины и дѣйствія.

Конечно, строго говоря, не сами понятія существуютъ до опыта, а лишь такая организація, благодаря которой воздѣйствіе внѣшняго міра тотчасъ же соединяется и группируется согласно нормѣ этихъ понятій. Можно было бы сказать, что a priori существуетъ тѣло, если бы само тѣло не было въ сущности только a priori данною формою представленія чисто интеллектуальныхъ отношеній (сравн. примѣч. 25). Мо-

жетъ быть, когда нибудь удастся найти основаніе понятія причинности въ механизмѣ рефлексовъ и симпатическаго возбужденія; тогда кантовскій чистый разумъ былъ бы переведенъ въ физиологію и отъ этого сталъ бы наглядиѣ. Но въ сущности вопросъ остался бы тѣмъ же, что и прежде, ибо разъ наивная вѣра въ дѣйствительность міра явленій устранена, то разстояніе между физическимъ и духовнымъ уже не такъ велико; и все таки чисто духовное всегда останется неизвѣстнымъ—именно потому, что мы можемъ воспринять его только въ чувственномъ образѣ.

Такъ какъ сужденіе о понятіи причинности приобрѣло такую огромную важность, то мы считаемъ необходимымъ изложить здѣсь наглядно въ четырехъ краткихъ положеніяхъ разныя воззрѣнія на эти понятія, также какъ и наше собственное воззрѣніе.

I. Старая метафизика: понятіе причинности беретъ свое начало не въ опытѣ, а въ чистомъ разумѣ и вслѣдствіе этого своего болѣе высокаго происхожденія оно имѣетъ значеніе и примѣнимо также за предѣлами человѣческаго опыта.

II. Юмъ: Понятіе причинности не можетъ быть выведено изъ чистаго разума,—оно беретъ свое начало въ опытѣ, границы его примѣненія сомнительны, но оно во всякомъ случаѣ не можетъ быть примѣнено ни къ чему, что выходитъ за предѣлы опыта.

III. Кантъ: понятіе причинности есть коренное понятіе чистаго разума и, какъ таковое, лежитъ въ основаніи всего нашего опыта. Поэтому оно въ предѣлахъ опыта имѣетъ неограниченное примѣненіе, но внѣ его оно не имѣетъ никакого значенія.

IV. Авторъ: понятіе причинности имѣетъ свои корни въ нашей организаціи и въ формѣ наклонности предшествуетъ всякому опыту. Поэтому оно въ предѣлахъ опыта имѣетъ неограниченное значеніе, но за его предѣлами—никакого.

Къ области опыта относится и все то, что вытекаетъ изъ непосредственнаго опыта, и вообще то, что мыслится по аналогіи съ опытомъ; такъ, напримѣръ, ученіе объ атомахъ<sup>31)</sup>. Но Эпикуръ безъ всякой причины предположилъ относительно своихъ атомовъ уклоненіе отъ прямой линіи—воззрѣніе, которое Кантъ, вообще столь сдержанный, обозначаетъ, какъ «безстыдное»<sup>32)</sup>. Ему, конечно, даже и не свилось, что полстольтія спустя соотечественникъ и единомышленникъ великаго Юма представитъ слѣдующее положеніе:

«Я убѣжденъ, что кто привыкъ къ отвлеченію и анализу, и кто искренно примѣняетъ къ этому свои способности, разъ его воображеніе научилось воспринимать и леплѣть такого рода представленіе, не найдетъ никакихъ трудностей въ томъ, что, напримѣръ, на одной изъ небесныхъ твердей, на которыя астрономія дѣлитъ теперь вселенную, событія могутъ слѣдовать другъ за другомъ какъ попало и безъ всякаго опредѣленнаго закона; и ни въ нашемъ опытѣ, ни въ нашемъ умѣ нѣтъ ничего такого, что могло бы служить достаточнымъ или хотя бы какимъ-либо основаніемъ для нашего предположенія о томъ, будто этого нигдѣ не бываетъ»<sup>33)</sup>.

Милль считаетъ вѣру въ законъ причинности только слѣдствіемъ изъ произвольной индукціи. Изъ этого необходимо вытекаетъ, что



какъ на нашей землѣ, такъ и на какой нибудь изъ наиболѣе отдаленныхъ небесныхъ твердей могло бы произойти что нибудь и безо всякой причины, и Эпикуръ, который только въ одномъ-единственномъ случаѣ измѣнилъ закону причинности, могъ бы съ полнымъ основаніемъ противопоставить Миллю свою любимую формулу: «тогда изъ всего могло бы произойти все!». «Конечно» — отвѣтитъ Милль — «но это вовсе не вѣроятно; мы поговоримъ объ этомъ опять, когда встрѣтится такой случай». И если затѣмъ встрѣтится такой случай, который какъ будто противорѣчатъ всѣмъ прежнимъ понятіямъ науки, то Милль, также какъ и мы, считающіе понятіе причинности понятіемъ, даннымъ а priori, отложить свое сужденіе объ этомъ случаѣ до того времени, пока наука не разсмотритъ его ближе. Онъ всегда можетъ утверждать, что для него ченіе индукціи настолько велико, что онъ еще не можетъ оставить надежду подвести этотъ случай подъ общій законъ причинности. Доказательство противнаго будетъ процессомъ in infinitum; дѣло грозитъ превратиться въ пустой споръ о словахъ, если не допустить, что приверженцы априорности закона причинности правы а priori и до всякаго опыта. Милль, можетъ быть, не уклонился бы такъ сильно отъ истиннаго пути, если бы онъ дѣлалъ различіе между закономъ причинности вообще и теперешнимъ естественно-научнымъ пониманіемъ его. Это послѣднее, согласно которому причины и дѣйствія стоятъ между собою въ строжайшей связи природныхъ законовъ, и вѣдь этихъ послѣднихъ ни за одной вещью или понятіемъ значеніе причины не признается, — это ясно очерченное научное пониманіе закона причинности во всякомъ случаѣ ново и получено путемъ индукціи въ исторически обозримое время. Вытекающая непосредственно изъ природы человѣческаго духа необходимость принять для каждой вещи причину на самомъ дѣлѣ часто очень ненаучна. Именно благодаря этому понятію причинности, обезьяна, которая повидимому въ этомъ отношеніи организована человѣчески, забирается лапой за зеркало или поворачиваетъ дразнящій приборъ, съ цѣлью найти причину появленія своего двойника. Слѣдуя тому же понятію причинности, дикарь приписываетъ громъ колесницѣ божества или представляетъ себѣ при солнечномъ затменіи дракона, который хочетъ поглотить носителя свѣта. Законъ причинности заставляетъ грудного младенца связывать спасительное появленіе матери со своимъ собственнымъ крикомъ и этимъ путемъ создаетъ опытъ. Привилегированный глупецъ, который все приписываетъ случаю, мыслитъ этотъ случай — поскольку онъ вообще мыслить — какъ демоническое существо, коварство котораго является достаточнымъ основаніемъ всѣхъ его неудачъ<sup>34</sup>).

Нынѣшніе наши материалисты окажутся, можетъ быть, по отношенію къ этому вопросу въ нѣкоторомъ разладѣ съ самими собою. Склонные, съ одной стороны, все выводить изъ опыта, они неохотно сдѣлаютъ исключеніе для закона причинности; но съ другой стороны, безусловное и неограниченное примѣненіе законовъ природы совершенно справедливо является ихъ излюбленнымъ положеніемъ. Правда, Чольбе какъ будто совершенно склоняется на сторону Милля (Czolbe: Sensualismus, стр. 64); но онъ однако понимаетъ подъ врожденными законами мышленія такіе, которые заложены въ сознаніи отъ рожденія въ формѣ логическихъ положеній. По какому направленію онъ пойдетъ послѣ устраненія этого недоразумѣнія, изъ его изложенія не вполне ясно. Во вся-

комъ случаѣ Чольбе въ постулатѣ наглядности нашихъ понятій установилъ такой метафизическій принципъ, который никоимъ образомъ не можетъ быть приведенъ въ согласіе съ системой Милля и ведетъ въ противоположномъ направленіи еще далѣе Канта. У Бюхнера необходимость и неизмѣнность естественныхъ законовъ выдвинуты самымъ настойчивымъ образомъ, и тѣмъ не менѣе вѣра въ эти законы выводится изъ опыта. Рядомъ же съ этимъ признается между прочимъ правильнымъ метафизическое положеніе Эрстеда (Oersted) о единствѣ законовъ мышленія и законовъ природы.

Но, можетъ быть, многіе изъ нынѣшнихъ нашихъ матеріалистовъ склонны будутъ возвести неточность, о которой мы упомянули, въ принципъ и признать все различіе между эмпирическимъ и раціональнымъ пониманіемъ закона причинности ненужною тонкостью; но это, конечно, значило бы оставить поле сраженія, ибо, что для практическаго примѣненія понятія причинности достаточно взять его изъ опыта, — разумѣется само собою; болѣе же точное изслѣдованіе можетъ имѣть свою цѣлью только чисто теоретическій интересъ. и тамъ, гдѣ дѣло идетъ о понятіяхъ, строгая логика такъ же необходима, какъ точный анализъ въ химіи.

Наиболѣе благоприятный выходъ для нашихъ теперешнихъ матеріалистовъ заключался бы въ томъ, чтобы они въ существенномъ слѣдовали Юму и Миллю, а роковой выводъ возможное исключеніе изъ закона причинности—пытались устранить указаніемъ на безконечно ничтожную вѣроятность такого предположенія. Этого, конечно, достаточно для опроверженія любителей чудесныхъ исторій, ибо всегда можно желать (это какъ бы требованіе нравственности мышленія), чтобы въ основѣ нашихъ предположеній была положена не туманная возможность, а вѣроятіе; но вопросъ такимъ путемъ собственно не разрѣшается, ибо настоящая трудность заключается въ томъ, что два ощущенія никогда бы не могли превратиться въ опытъ объ ихъ связи, если бы основаніе ихъ соединенія въ формѣ причины и дѣйствія не было обусловлено устройствомъ нашего духа.

Это, разумѣется, бросаетъ совершенно новый свѣтъ на отношеніе явленій къ «вещи самой по себѣ». Если понятіе причинности есть категорія въ смыслѣ Канта, то оно, подобно всѣмъ категоріямъ, имѣетъ значеніе только въ области опыта. Лишь въ связи съ воззрѣніями, которыя доставляютъ намъ чувственность, эти понятія вообще могутъ быть отнесены къ какому нибудь предмету. Чувственность даетъ реальность (realisirt) разсудку. Но если дѣло такъ, то какимъ образомъ возможно заключать о «вещи въ себѣ», которая находится за явленіями? Развѣ понятіе причинности не становится этимъ путемъ трансцендентнымъ? Развѣ оно не примѣняется къ мнимому предмету, который находится за предѣлами всего вообще возможнаго опыта?

Это возраженіе, начиная съ первыхъ полемикъ противъ критики чистаго разума вплоть до настоящаго времени, всегда считалось убійственнымъ для Канта, и мы сами въ первомъ изданіи этого сочиненія полагаемъ, что этимъ «панцырь системы» уничтоженъ. Однако, болѣе точныя изслѣдованія показываютъ, что этотъ ударъ не застаётъ Канта врасплохъ. То, что мы предложили какъ поправку системы, на самомъ дѣлѣ есть истинное мнѣніе Канта: «вещь въ себѣ» есть только ограничительное понятіе. «Рыба въ прудѣ» — замѣтили мы въ первомъ изда-

ній—«можетъ плавать только въ водѣ, но не на сушѣ,—все же она можетъ удариться головою о дно и о стѣнки». Точно также мы съ помощью понятія причинности могли бы пройти все царство опыта и найти, что за его предѣлами находится область, которая для нашего познанія абсолютно недоступна <sup>35</sup>).

Итакъ, мы въ самомъ дѣлѣ не знаемъ, существуетъ ли «вещь въ себѣ». Мы знаемъ только, что послѣдовательное примѣненіе законовъ нашего мышленія приводитъ насъ къ понятію совершенно проблематическаго нѣчто, которое мы принимаемъ за причину явленій, какъ только мы познали, что нашъ міръ можетъ быть только міромъ представленій. Если задаться вопросомъ, гдѣ же находятся вещи, то отвѣтъ гласитъ: въ явленіяхъ. Чѣмъ болѣе «вещь въ себѣ» сводится къ одному только представленію, тѣмъ реальнѣе становится міръ явленій. Міръ тотъ обнимаетъ все, что мы называемъ «дѣйствительнымъ». Явленіе есть то, что обыденный разумъ называетъ вещами; философъ называетъ вещи явленіями, желая этимъ обозначить то, что онѣ не суть нѣчто, попросту внѣ меня стоящее, а суть продуктъ законовъ моего разума и моей чувственности. Такіе же законы приводятъ меня къ тому, что я по аналогіи съ отношеніями причины и дѣйствія, какія у меня ежедневно передъ глазами въ отдѣльныхъ предметахъ опыта, представляю себѣ причину великаго цѣлаго являющагося мнѣ міра. Эмпирическое изслѣдованіе при помощи понятія причинности показало намъ, что міръ для уха не соотвѣтствуетъ міру для глаза, что міръ логическихъ слѣдствій не то, что міръ непосредственнаго созерцанія. Оно показываетъ намъ, что нашъ міръ явленій, какъ цѣлое, зависитъ отъ нашихъ органовъ. И непреходящая заслуга Канта заключается въ доказательствѣ того, что наши категоріи играютъ здѣсь такую же роль, какъ и наши чувства. Затѣмъ, разъ обширное наблюденіе міра явленій приводитъ насъ къ выводу, что и онъ во всей своей совокупности обусловленъ нашей организаціей, разъ мы, понуждаемые аналогіей, должны принять, что даже тамъ, гдѣ мы не можемъ найти никакого новаго органа, чтобы дополнить и исправить другіе, возможно еще безконечное число различныхъ представленій, что наконецъ въ основѣ всѣхъ этихъ формъ представленія различно организованныхъ существъ лежитъ одинъ общій неизвѣстный источникъ— вещь въ себѣ, въ противоположность вещамъ-явленіямъ,—то мы можемъ спокойно отдаться этому воззрѣнію, поскольку оно необходимое слѣдствіе употребленія нашего разума, хотя тотъ же разумъ при дальнѣйшемъ изслѣдованіи убѣждаетъ насъ въ томъ, что противоположность эта создана имъ самимъ. Мы нигдѣ не находимъ ничего, кромѣ обычной эмпирической противоположности между явленіемъ и сущностью — противоположности, которая, какъ извѣстно, представляется разуму въ безконечной градаціи. Чтò на этой ступени наблюденія представляется сущностью, то на другой, по отношенію къ глубже заложенной сущности, представляется явленіемъ; истинная же сущность вещей, конечная основа всѣхъ явленій, не только сама намъ не извѣстна, но даже понятіе ея есть не болѣе и не менѣе какъ порожденіе противоположности, обусловленной нашею организаціей— противоположности, о которой мы не знаемъ, имѣетъ ли она вообще какое нибудь значеніе внѣ нашего опыта.

Кантъ отрицаетъ даже за вопросомъ о сущности вещи самой по себѣ

всякій интересъ—до такой степени сходится онъ въ этомъ пунктѣ съ эмпирикомъ, который, пользуясь выраженіемъ Чольбе, удовлетворяется даннымъ міромъ. «Что такое вещи сами по себѣ» —говоритъ онъ въ отдѣлѣ объ амфиболіи рефлекторныхъ понятій—«я не знаю и не имѣю надобности знать, ибо вещь никогда не можетъ мнѣ представиться иначе, какъ въ явленіи». И затѣмъ онъ объявляетъ «внутреннюю сторону матеріи» (*das Innerliche der Materie*) или вещь въ себѣ, которая представляется намъ какъ матерія, «чистѣйшею химерой» (*eine blosse Grille*). Жалобы на то, что мы не можемъ проникнуть во внутреннюю сторону вещей — здѣсь ясный намекъ на изреченіе Галлера, которое и Гёте было такъ противно—«совершенно несправедливы и неразумны», ибо хотятъ, чтобы мы безъ чувствъ все же познавали, а слѣдовательно созерцали. «Во внутреннюю же сторону природы» т. е. въ закономѣрную связь явленій, «наблюденіе и анализъ явленій проникаютъ, и нельзя знать, какъ далеко это современемъ пойдетъ» <sup>36</sup>).

То, что сказано было о понятіи причинности, относится также и къ остальнымъ категоріямъ: онѣ лежатъ въ основѣ всего нашего опыта, но вовсе не пригодны на то, чтобы выйти за предѣлы возможнаго опыта и найти приложеніе къ тѣмъ трансцендентнымъ объектамъ, познаніе которыхъ составляло предметъ старой метафизики. То, что Кантъ создалъ новую метафизику, полагая возможнымъ съ увѣренностью вывести всѣ апіорныя положенія изъ единаго принципа, составляетъ слабую сторону его теоретической философіи. А если, несмотря на то, именно эта сомнительная находка побудила его выступить реформаторомъ философіи, то не слѣдуетъ забывать, что почти никто не можетъ противостоять чарамъ такихъ неожиданно открывающихся идей, и что—это еще важнѣе—въ основѣ даже здѣсь содержится зерно истины.

Дѣло въ томъ, что Кантъ полагалъ возможнымъ вывести основныя понятія разсудка изъ разныхъ формъ сужденія, какія преподаются, или должны бы преподаваться въ логикѣ. Если бы мы были увѣрены въ томъ, что намъ извѣстны дѣйствительныя и неизмѣнныя основныя формы сужденія, то было бы методически правильно по нимъ заключить о подлинныхъ основныхъ понятіяхъ, такъ какъ должно полагать, что тѣ самыя свойства нашего организма, которыя опредѣляютъ весь нашъ опытъ, кладутъ также отпечатокъ на разныя направленія дѣятельности нашего разсудка <sup>37</sup>). Но откуда однако намъ знать простые и необходимые элементы всякаго сужденія,—а вѣдь только они могли бы намъ дать истинныя категоріи?

«Выведеніе изъ единаго принципа», вообще въ высокой степени предательскій приемъ, заключался вѣдь въ сущности въ томъ, что проведены были пять вертикальныхъ линій и четыре горизонтальныхъ и наполнены двѣнадцать образовавшихся этимъ путемъ квадратовъ; а между тѣмъ совершенно, напримѣръ, ясно, что изъ сужденій возможности и необходимости въ лучшемъ случаѣ только одно можетъ быть первоначальною формою, изъ которой путемъ примѣненія отрицанія вытекаетъ другое. Въ такомъ случаѣ чисто эмпирической приемъ Аристотеля былъ въ сущности лучше, такъ какъ онъ по крайней мѣрѣ не приводилъ къ такому опасному самообману. Ошибка, сдѣланная въ данномъ случаѣ Кантомъ, была, конечно, вполне естественна для воспитанника нѣмецкой школьной философіи, который только съ большимъ

трудомъ и съ громадными усиліями духа освободился отъ традиціи. Кантъ переоцѣнивалъ значеніе «готовой предварительной работы», которую, какъ ему казалось, онъ нашелъ въ логикѣ, подобно тому какъ онъ переоцѣнивалъ также дѣленія эмпирической психологіи—по крайней мѣрѣ со стороны годности ихъ для классификаціи душевныхъ способностей. Онъ не принялъ во вниманіе того, что въ прежней логикѣ отъ естественнаго соединенія съ грамматикой и съ языкомъ остались еще скрытые психологическіе элементы, которые по своимъ антропоморфическимъ свойствамъ рѣзко отличаются отъ истинно логическаго элемента въ логикѣ, который, надо сказать, еще и понынѣ ждетъ своего отдѣленія отъ ненадлежащихъ примѣсей. Но такъ какъ онъ не перенялъ дѣленія сужденій отъ школьной логики въ неизмѣненномъ видѣ, а дошелъ до своихъ двѣнадцати категорій путемъ нѣкоторыхъ размысленій весьма различной цѣнности, то онъ очевидно слѣдовалъ тому зодческому побужденію метафизиковъ, которому мѣсто въ вымыслахъ умозрѣнія, но не въ критическомъ изслѣдованіи обь основахъ примѣненія разума. По-этому, чѣмъ болѣе онъ подвигался впередъ въ примѣненіи своихъ четырехъ главныхъ раздѣленій — количества, качества, отношенія и модальности съ трихотоміей ихъ подвидовъ, тѣмъ болѣе терялъ онъ подъ ногами здравую почву критики<sup>28)</sup> и переходилъ въ ту рискованную область созданія изъ ничего, въ которую его послѣдователи вскорѣ пустились на всѣхъ парусахъ, какъ будто бы они собирались завоевать міръ, тогда какъ дѣло шло только о безплодныхъ блужданіяхъ на самомъ Кантомъ такъ вѣрно охарактеризованномъ «широкомъ и бурномъ—этомъ океанѣ, истинномъ мѣстонахожденіи видимости».

Насъ завело бы слишкомъ далеко, если бы мы пожелали пуститься въ специальную критику таблицы категорій. Для вопроса о матеріализмѣ гораздо важнѣе, не останавливаясь на остальныхъ категоріяхъ, обратить вниманіе на происхожденіи только тѣхъ идей, которыя составляютъ ядро всего спора. Если вѣрить Шлейдену, Кантъ навсегда неизблемо установилъ идеи Бога, свободы и безсмертія. Въмѣсто этого мы въ области теоретической философіи находимъ на первомъ мѣстѣ отвлеченіе, которое пожалуй еще болѣе рискованно, чѣмъ отвлеченіе категорій. А именно, въ то время какъ эти послѣднія Кантъ вывелъ изъ формъ сужденія обыкновенной логики, онъ—трудно сказать почему—счелъ нужнымъ вывести идеи, какъ чисто разумныя понятія, изъ формъ умозаключенія. Онъ и въ этомъ усматривалъ ручательство полнаго распознанія чисто разумныхъ понятій и весьма искусственно вывелъ изъ категорическаго умозаключенія идею души, изъ гипотетическаго—идею міра и изъ раздѣлительнаго—идею Бога.

По Канту категоріи служатъ только для примѣненія разума на опытѣ. Чему же служатъ идеи? Въ виду важной роли, которую идеи играютъ въ матеріалистическомъ спорѣ нашего времени, будетъ не безинтересно припомнить нѣсколько словъ Канта по этому поводу. Какъ бы мало ни придавать значенія выведенію этихъ разумныхъ идей, все же при оцѣнкѣ той роли, какую онѣ играютъ въ нашемъ познаніи, вызываетъ удивленіе образцовая ясность этого реформаторскаго ума.

Кантъ въ «Пролегоменахъ» (§ 44) замѣчаетъ, «что идеи разума не приносятъ, подобно категоріямъ, какой либо пользы при употребленіи разсудка относительно опыта, а напротивъ не только совершенно бесполезны

въ этомъ отношеніи, но даже противорѣчатъ правиламъ разсудочнаго познаванія природы, хотя онѣ и необходимы для другой цѣли, которую нужно еще опредѣлить».

«Простая-ли субстанція душа, или нѣтъ — это совершенно безразлично для опредѣленія душевныхъ явленій, ибо мы не можемъ никакимъ опытомъ сдѣлать идею о простомъ существѣ понятною чувственно, *in concreto*, и потому эта идея совершенно пуста относительно всякаго предполагаемаго проникновенія въ причину явленій, и не можетъ служить никакимъ принципомъ для объясненія того, что дается внутреннимъ или внѣшнимъ опытомъ. Такъ же мало могутъ служить космологическія идеи о началѣ міра или его вѣчности для объясненія какого-нибудь событія въ самомъ мірѣ. Наконецъ, согласно хорошему правилу естественной науки, мы должны избѣгать объясненій волею высшаго существа, ибо это будетъ уже не естественная наука, а признаніе, что наши средства пришли къ концу».

Большаго не могутъ требовать и тѣ изъ нашихъ «матеріалистовъ», которые вовсе не желаютъ быть метафизиками и стремятся только вообще проложить во всѣхъ областяхъ свободный путь точному изслѣдованію, оставаясь совершенно равнодушными къ тому, что по какимъ-либо основаніямъ можетъ быть принято за этими предѣлами. Однако, догматическій матеріалистъ спроситъ, зачѣмъ же собственно нужны эти идеи, если онѣ не могутъ оказать рѣшительно никакого вліянія на ходъ положительныхъ наукъ. У него не только явится подозрѣніе, что онѣ черезъ какую-нибудь заднюю дверь опять проскользнутъ въ область изслѣдованія и станутъ препятствіемъ для поступательнаго движенія наукъ, но онѣ и вообще не хотятъ ничего признавать внѣ предѣловъ чувственнаго опыта, такъ какъ крѣпко держится той метафизической догмы, что міръ именно таковъ, какимъ онъ намъ представляется въ силу нашихъ чувствъ. Указанныя подозрѣнія, между прочимъ сказать, очень и очень основательны—особенно тамъ, гдѣ дѣло идетъ не о самомъ Кантѣ, а о нѣкоторыхъ кантіанцахъ. Было же соединеніе бюрократическаго фанатизма съ философскимъ безсиліемъ причиною того, что ученіе Канта о свободѣ послужило предметомъ злоупотребленій даже въ судебной психологической касты, какъ только она оставляетъ почву строжайшей эмпириі<sup>39)</sup>! Что-же касается, напротивъ, метафизической догмы объ абсолютной объективности чувственнаго міра, то по отношенію къ ней идеи легко счумѣютъ отстоять занятое ими своеобразное положеніе.

Разумъ—мать идей—по воззрѣнію Канта направленъ на совокупность всего возможнаго опыта, тогда какъ разсудокъ имѣетъ дѣло съ отдѣльными его сторонами. Разумъ не находитъ удовлетворенія ни въ одномъ рядѣ познаній, пока онъ не обнялъ всего въ совокупности. Разумъ, слѣдовательно, систематиченъ,—разсудокъ эмпириченъ. Идеи души, міра и Бога суть только выраженія этихъ стремленій къ единству, заложенныхъ въ нашей разумной организаціи. Если мы станемъ приписывать имъ объективное существованіе внѣ насъ, то мы этимъ самымъ попадаемъ въ безбрежное море метафизическихъ заблужденій. Но если мы имъ отдадимъ должное въ качествѣ нашихъ идей, то мы только выполнимъ неотразимое требованіе нашего разума. Идеи не для того

служать, чтобы расширить наше познаніе, а для того, чтобы устранить утвержденіе матеріализма и этимъ создать мѣсто для нравственной философіи, которую Кантъ считаетъ важнѣйшею частью философіи.

Такимъ образомъ, оправдываетъ идеи по отношенію къ матеріализму не притязаніе на высшую истину—будь то доказанную, будь то откровенную и недоказуемую,—а прямо этому противоположное: полное, рѣшительное отреченіе отъ всякаго теоретическаго значенія въ области познанія, направленнаго на внѣшній міръ. Отъ признаковъ воображенія идеи отличаются собственно тѣмъ, что онѣ не возникаютъ какъ нибудь мимолетно въ отдѣльномъ человѣкѣ, а заложены въ самой природѣ человѣка<sup>40)</sup> и имѣютъ такое значеніе, какое не можетъ быть приписано обыкновеннымъ признакамъ воображенія. Такимъ образомъ, критика не можетъ нанести никакого ущерба идеямъ, между тѣмъ какъ всякая догматическая метафизика, а слѣдовательно и догматическій матеріализмъ, ею устраняется.

Если-бы доказательство того, что идеи въ формѣ и числѣ, въ какихъ онѣ дедуцированы Кантомъ, съ полною необходимостью вытекаютъ изъ нашихъ природныхъ наклонностей, было непреложно, то онѣ конечно, были бы несокрушимы въ своемъ правѣ. И если-бы, далѣе, эти наши природныя наклонности могли быть найдены однимъ разумомъ безъ всякаго опыта, то мы бы несомнѣнно имѣли дѣло съ существенною областью науки. Представимъ себѣ, чтобы сдѣлать это яснымъ, человѣка, который считаетъ калейдоскопъ телескопомъ. Ему кажется, что онъ воспринимаетъ извнѣ весьма замѣчательные предметы и посвящаетъ наблюденію ихъ всяческое усердіе. Представимъ себѣ его замкнутымъ въ тѣсномъ пространствѣ. Съ одной стороны у него оконце, открывающее ему ограниченный и неясный видъ наружу; съ другой же стороны труба, при помощи которой онъ мнитъ себя глядящимъ въ даль, крѣпко вставлена въ стѣну. Этотъ послѣдній видъ онъ особенно любитъ. Онъ привлекаетъ его больше, чѣмъ оконце; онъ непрестанно стремится усовершенствовать на этомъ пути свое познаніе о дивной дали. Это—метафизикъ, который пренебрегаетъ узкимъ оконцемъ опыта и поддается обману со стороны калейдоскопа его міра идей. Представимъ себѣ, что онъ замѣтилъ этотъ обманъ, что онъ разгадалъ сущность калейдоскопа,—все-же послѣдній, не смотря на горькое разочарованіе, можетъ остаться для него предметомъ любознательности. Онъ не спрашиваетъ болѣе: что такое и что значать тѣ дивныя образы, которые я вижу тамъ въ отдаленіи?—онъ спрашиваетъ: каково устройство трубы, которая ихъ вызываетъ? Въ этомъ заключался бы источникъ познанія, которое, можетъ быть было бы не менѣе важно, чѣмъ видъ изъ оконца.

Читатель, вѣроятно, замѣтилъ, что здѣсь возникаетъ то же великое сомнѣніе, которое было выражено нами относительно категорій. Допустимъ, что въ нашемъ разумѣ могутъ быть заложены такія свойства, которыя съ необходимостью вызываютъ въ насъ идеи, не имѣющія никакого отношенія къ опыту. Допустимъ, что такія идеи даже послѣ того, какъ мы освободились отъ ложной видимости внѣшняго познанія, все еще, хотя бы въ теоретическомъ отношеніи, могутъ составить въ высокой степени цѣнное достояніе нашего ума. Однако у насъ нѣтъ никакого средства вывести ихъ съ увѣренностью изъ одного принципа. Здѣсь мы попросту находимся

въ области психологіи — по скольку такая наука можетъ считаться существующею, — и лишь общій методъ до спеціального научнаго изслѣдованія можетъ насъ привести къ познанію указанныхъ природныхъ задатковъ, если только такое познаніе вообще возможно <sup>41)</sup>

Что же касается необходимости идей, то объемъ, въ какомъ она представляется Кантомъ, рѣшительно споренъ. Вѣроятность ея можетъ быть допущена только относительно идеи души, какъ одинаго субъекта для множественности ощущеній. Относительно идеи Бога, по скольку міру противопоставляется разумный его творецъ, такой природной наклонности вовсе не существуетъ. Это доказываютъ не только матеріалисты однимъ фактомъ своего существованія, — это доказываютъ также многіе изъ величайшихъ мыслителей древняго и новаго времени: Демокритъ, Гераклитъ, Эмпедокль, Спиноза, Фихте и Гегель. Несмотря на то, что Фихте и Гегель въ главномъ вопросѣ оказались — на подобіе астронома Тихо — позади Канта, они все же служатъ примѣромъ дѣльныхъ, наклонныхъ къ абстрактному мыслителей, которые ни въ коемъ случаѣ не подтверждаютъ идеала чистаго разума касательно разумнаго творца міроваго цѣлаго въ смыслѣ Канта.

При обсужденіи идеи міра, какъ совокупности всѣхъ явленій въ ихъ связи въ формѣ причины и дѣйствія, Кантъ старается разрѣшить проблему о свободѣ воли. Именно эта проблема играетъ большую роль въ матеріалистическомъ спорѣ настоящаго времени, и въ то время какъ матеріалисты придерживаются обыкновенно простаго отрицанія свободы воли, неискусные ихъ противники довольно часто ссылаются на Канта, доказавшаго будто бы неопровержимымъ образомъ существованіе свободной воли. Мы думаемъ, что если намъ удастся въ нѣсколькихъ опредѣленныхъ и краткихъ чертахъ представить истинное возрѣніе Канта, то это выяснитъ вопросъ для обѣихъ сторонъ.

Въ мірѣ явленій все связано между собою въ формѣ причины и дѣйствія. Воля человѣка не составляетъ въ этомъ отношеніи никакого исключенія. Она всецѣло подчинена закону природы. Но самъ этотъ законъ природы со всѣмъ слѣдующимъ во времени рядомъ событій есть только явленіе, и природныя свойства нашего разума приводятъ насъ съ необходимостью къ тому, что мы рядомъ съ міромъ, который воспринимаемъ нашими чувствами, должны принять еще мысленный міръ. Этотъ мысленный міръ, поскольку мы можемъ составить себѣ о немъ какія-нибудь опредѣленные представленія, есть міръ видимости — призракъ воображенія. Поскольку однако мы разсматриваемъ его какъ общее понятіе о природѣ вещей, находящихся за предѣлами нашего опыта, онъ есть нѣчто болѣе, чѣмъ призракъ воображенія. Въ самомъ дѣлѣ, именно потому, что мы познаемъ міръ явленій какъ продуктъ нашей организаціи, мы должны предположить также міръ независимый отъ нашихъ формъ познанія — «умопостигаемый» міръ. Это предположеніе не есть трансцендентное познаніе, — оно лишь конечное слѣдствіе примѣненія разума при обсужденіи того, что дано.

Въ этотъ умопостигаемый міръ помѣщаетъ Кантъ свободу воли, т. е. онъ совершенно изымаетъ ее изъ того міра, который мы въ обыкновенномъ смыслѣ слова называемъ дѣйствительнымъ, — изъ нашего міра явленій. Въ этомъ послѣднемъ мірѣ все связано въ формѣ причины и дѣйствія. Только онъ одинъ, если оставить въ сторонѣ критику разума и



метафизику, может служить предметом научнаго изслѣдованія; только онъ одинъ можетъ быть положенъ въ основу сужденія о человѣческихъ дѣйствіяхъ повседневной жизни, при врачебныхъ, судебныхъ и тому подобнымъ изслѣдованіяхъ.

Совершенно иное въ практической области, въ борьбѣ съ собственными страстями, въ дѣлѣ воспитанія, или вообще повсюду, гдѣ дѣль заключается не въ томъ, чтобы произнести сужденіе о волѣ, а въ томъ, чтобы оказать нравственное воздѣйствіе. Тутъ мы должны исходить изъ того факта, что мы находимъ внутри насъ законъ, который въ безусловной формѣ предписываетъ намъ, какъ намъ слѣдуетъ дѣйствовать. Законъ этотъ необходимо связанъ съ представленіемъ, что онъ можетъ быть также и исполненъ. «Ты можешь, ибо ты долженъ»,— говоритъ намъ внутренній голосъ, — а не то, что «ты долженъ, ибо ты можешь», и это потому, что чувство долга существуетъ въ насъ совершенно независимо отъ нашей силы. Правъ ли Кантъ въ томъ, что онъ идею долга кладетъ въ основу всей своей практической философіи. — это мы оставляемъ пока въ сторонѣ. Мы указываемъ только на фактъ. Въ виду того огромнаго вліянія, которое вѣрно, также какъ и ложно понятый Кантъ оказалъ на разработку этихъ вопросовъ, мы избавимъ себя и нашихъ читателей отъ безконечныхъ объясненій относительно новыхъ пререканій, если намъ удастся ясно и полно установить главныя идеи Канта, не теряясь при этомъ въ лабиринтъ его безконечныхъ, напоминающихъ завитки готики опредѣленій.

Кантъ совершенно независимо отъ всякаго опыта предполагаетъ въ сознаніи человѣка нравственный законъ, который въ качествѣ внутренняго голоса повелѣваетъ безусловно, но конечно не исполняется безусловно. Но именно то, что человѣкъ мыслить безусловное исполненіе нравственнаго закона какъ возможное, оказываетъ во всякомъ случаѣ относительное вліяніе на его дѣйствительное, не воображаемое только, усовершенствованіе. Представленіе нравственнаго закона мы можемъ разсматривать только какъ элементъ согласнаго съ опытнымъ мыслительнаго процесса—элементъ, который долженъ бороться со всѣми другими элементами: съ инстинктами, наклонностями, привычками, вліяніями момента и т. д. И эта борьба вмѣстѣ со всѣмъ ея результатомъ—съ нравственнымъ или безнравственнымъ дѣяніемъ—во всемъ своемъ ходѣ слѣдуетъ общимъ законамъ природы, изъ которыхъ человѣкъ въ этомъ отношеніи не составляетъ никакого исключенія. Такимъ образомъ представленіе безусловнаго имѣетъ согласно опыту только условную силу; но эта условная сила именно тѣмъ выше, чѣмъ чище, яснѣе и сильнѣе человѣкъ въ состояніи внять своему безусловно повелѣвающему внутреннему голосу. Представленіе долга, которое взываетъ къ намъ: ты долженъ—никоимъ образомъ не можетъ остаться яснымъ и сильнымъ, если оно не соединено съ представленіемъ выполнимости этого велѣнія. Именно поэтому мы въ томъ, что касается нравственности нашихъ дѣяній, необходимо должны перенестись въ умопостигаемый міръ, въ которомъ одномъ только и мыслима свобода <sup>42</sup>).

До этого пункта ученіе Канта о свободѣ совершенно ясно и, если оставить въ сторонѣ вопросъ объ апіорности нравственнаго закона, не-

опровержимо. Но ему не достаетъ еще звена, которое, соединяя между собою практическую и теоретическую философію, тѣмъ придало бы ученію о свободѣ бѣльшую достовѣрность. Устанавливая эту связь между обѣими областями, онъ даетъ своему ученію о свободѣ мистическій фонъ, который повидимому очень способствуетъ нравственному подъему духа, но въ то же время значительно затемняетъ то чистое и строгое ученіе объ отношеніи міра явленій къ міру вещей въ себѣ, которое было нами предоставлено выше, и этимъ приводитъ въ колебаніе всю систему.

Звеномъ является здѣсь слѣдующая мысль: для того, чтобы остаться вѣрнымъ ученію о свободѣ на практикѣ, мы по меньшей мѣрѣ теоретически должны предполагать свободу возможною, хотя мы и не въ состояніи познать самую форму этой возможности.

Эта постулированная возможность строится на понятіи вещей въ себѣ въ противоположность явленіямъ. Если бы явленія, какъ утверждаетъ матеріализмъ, были вещами въ себѣ, то свободы спасти не возможно было бы. Одна идея свободы, если она относится къ явленіямъ престо какъ идея къ дѣйствительности, какъ поэзія къ исторіи, Канта не удовлетворяетъ. Онъ доходитъ даже до слѣдующаго выраженія: «человѣкъ былъ бы маріонеткой или вокасоновскимъ автоматомъ, сдѣланнымъ и приводимымъ въ движеніе верховнымъ мастеромъ всякихъ искусствъ», и сознание свободы было бы не болѣе какъ иллюзіей, если бы дѣйствія человѣка не были «только опредѣленіями его, какъ явленія».

Слѣдуетъ однако принять во вниманіе, что Кантъ и послѣ этого рискованнаго шага все еще остается въ мирѣ съ естественно-научнымъ возрѣніемъ на человѣка. Миръ явленій, въ который человѣкъ входитъ какъ членъ, всецѣло опредѣляется закономъ причинности, и нѣтъ ни одного дѣянія человѣка—вплоть до высочайшаго героизма долга,—которое, разсмотрѣнное съ фізіологической и психологической точки зрѣнія, не было бы обусловлено предшествующимъ развитіемъ индивида и особенностями того положенія, въ которомъ онъ находится. Но Кантъ считаетъ столь же неизбѣжною и ту мысль, что тотъ самый рядъ событій, который въ мирѣ явленій представляется рядомъ причинности, въ умопостигаемомъ мирѣ покоится на свободѣ. Съ теоретической точки зрѣнія эта мысль представляется только возможною, но практической разумъ относится къ ней какъ къ дѣйствительной; мало того — непреодолимою силою нравственнаго сознанія онъ превращаетъ ее утвердительное положеніе. Мы знаемъ, что мы свободны, хотя и не понимаемъ, какъ это возможно. Мы, какъ разумныя существа, свободны. Самъ субъектъ, увѣренный въ нравственномъ законѣ, возвышается надъ сферой явленій. Въ нравственномъ дѣяніи мы мыслимъ самихъ себя какъ вещь въ себѣ и имѣемъ на это право, хотя теоретической разумъ слѣдовать этому не можетъ. Ему, можно бы сказать, не остается ничего другого, какъ удивляться въ моментъ дѣйствія тому чуду, которое онъ однако въ моментъ провѣрки долженъ найти слишкомъ шаткимъ для того, чтобы включать его въ прочное достояніе познанія.

Весь этотъ рядъ мыслей ошибоченъ съ самаго начала. Кантъ желалъ избѣгнуть явнаго противорѣчія между «идеаломъ и жизнью», но оно однако неизбѣжно. Неизбѣжно оно потому, что субъектъ и въ нрав-

ственной борьбѣ не нумень, а феномень. Краеугольный камень критики разума—то, что мы и самихъ себя не можемъ познать такъ, какъ мы сами по себѣ, а лишь такъ, какъ мы являемся самимъ себѣ—не можетъ быть никоимъ образомъ опрокинуть ни нравственнымъ воленіемъ, ни воленіемъ вообще—по способу Шопенгауэра. Но если бы даже вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ принять, что воля есть вещь въ себѣ, или вмѣстѣ съ Кантомъ, что въ нравственной волѣ субъектъ есть разумное существо, то это все же не могло бы уберечь насъ отъ указаннаго противорѣчія, ибо во время нравственной борьбы дѣло идетъ не о волѣ самой по себѣ, а о нашемъ представленіи о насъ самихъ и о нашихъ желаніяхъ, а это представленіе несомнѣнно остается феноменомъ.

Кантъ, который въ «Прологоменахъ» объявляетъ своимъ подлиннымъ воззрѣніемъ то, что только въ опытѣ истина,—здѣсь однимъ почеркомъ пера превращаетъ весь опытъ въ кукольную комедію; а между тѣмъ все различіе между автоматомъ и нравственно дѣйствующимъ человекомъ несомнѣнно только различіе между двумя явленіями. Въ мірѣ явленій имѣютъ свои корни тѣ оцѣночныя понятія (Werthbegriffe), слѣдуя которымъ, мы одно считаемъ нелѣпою игрою, другое же—серьезнымъ и возвышеннымъ. Нашими чувствами и мыслями воспринимаемъ мы какъ одно, такъ и другое и устанавливаемъ различіе, которое нисколько не теряетъ отъ того, что мы въ нихъ обоихъ находимъ общую черту необходимости. Но если бы даже различіе отъ этого что либо теряло, то переведеніе его въ «вещь въ себѣ» нисколько бы не помогло. Вѣдь для того, чтобы сдѣлать сравненіе, надо было бы все — не одну только нравственную волю — перенести въ міръ нуменовъ. А что такое тамъ маріонетка? Что такое механизмъ природы вообще? Тамъ, можетъ быть, исчезнетъ то различіе въ оцѣнкѣ, которое въ мірѣ явленій имѣетъ свои прочныя корни, ни отъ какого психологическаго воззрѣнія на волю не зависящія

Всѣ эти возраженія касаются, однако, только того двусмысленнаго положенія, въ которое становится, вслѣдствіе указаннаго рокового оборота, вещь въ себѣ по отношенію къ дѣйствительности, а затѣмъ конструкція познанія, которое въ сущности не есть познаніе,—знанія, которое по предположеніямъ самого Канта не должно быть названо знаніемъ. Кантъ не хотѣлъ понять того, чего не хотѣлъ понять и Платонъ,—что «умопостигаемый міръ» есть міръ вымысла (Dichtung), и что на этомъ именно основано его значеніе и высота. Ибо вымыселъ въ высокому и широкому смыслѣ, въ какомъ онъ здѣсь долженъ быть принятъ, не можетъ быть разсматриваемъ какъ игра талантливаго произвола съ цѣлью забавлять пустыми измышленіями; онъ — необходимое порожденіе духа, вырастающее изъ глубочайшихъ жизненныхъ корней нашего рода,—источникъ всего высокаго и святаго и реальный противовѣсъ пессимизму, вытекающему изъ односторонняго пребыванія въ дѣйствительности.

Кантъ способенъ былъ къ такому пониманію умопостигаемаго міра, но весь ходъ его развитія и эпоха, въ которой коренилась его духовная жизнь, помѣшали полному развитію такого воззрѣнія. Подобно тому какъ ему не суждено было найти для гигантскаго строенія своихъ идей благородную форму, свободную отъ средневѣковой вычурности, такъ и его положительная философія не достигла полного и

свободнаго развитія. Его философія, подобно двуликому Янусу, стоит на границѣ двухъ эпохъ, и его отношеніе къ великой эпохѣ нѣмецкой поэзіи выходитъ далеко за предѣлы случайныхъ и разрозненныхъ вліяній. Поэтому могли такъ скоро забыться ложныя утонченности въ его дедукціи свободы: возвышенность его представленія о понятіи долга загло огонь въ юношески свѣжихъ умахъ, и нѣкоторыя мѣста его сочиненія при всей наивности ихъ неуклюжихъ выраженій дѣйствовали подобно героической пѣснѣ опьяняющимъ образомъ на души, охваченныя идеальнымъ направленіемъ времени. «Существуетъ еще учитель идеала», сказалъ Кантъ въ концѣ своей критики разума, и его одного мы должны назвать философомъ. Самъ онъ, не взирая на всѣ ошибки своихъ дедукцій, сталъ такимъ «учителемъ идеала».

Прежде всего Шиллеръ ясновидящею силою духа понялъ самую суть его ученій и очистилъ ихъ отъ схоластическаго шлама. Едва ли можно будетъ найти болѣе краснорѣчивое свидѣтельство того значенія, какое нами приписано было вымыслу, чѣмъ тотъ фактъ, что Шиллеръ въ своихъ прозаическихъ произведеніяхъ во многомъ раздѣляетъ заблужденіе учителя и идетъ даже далѣе его, тогда какъ въ поэзіи онъ стоитъ на всей высотѣ вывода. Кантъ полагаетъ, что «умопостигаемый міръ» можно «мыслить», но не созерцать, но то, что что онъ объ этомъ мыслить, имѣетъ, по его мнѣнію, «объективную реальность». Шиллеръ же сдѣлалъ умопостигаемый міръ нагляднымъ, отнесшись къ нему какъ поэтъ; и въ этомъ онъ пошелъ по слѣдамъ Платона, который, напротивъ, именно тогда, когда онъ въ мифѣ облакалъ сверхчувственное въ чувственныя формы.

Шиллеръ, «поэтъ свободы», могъ отважиться на то, чтобы открыто помѣстить свободу въ царство «видѣній» и въ царство «тѣней», ибо подъ его рукою видѣнія и тѣни возвышались до идеала. Колеблущееся стало надежною опорой, расплывчатое — божественнымъ образомъ, игра произвола—вѣчнымъ закономъ, когда онъ идеаль противопоставлялъ жизни. Все что только есть хорошаго въ религіи и нравственности, не можетъ быть представлено чище и могущественнѣе, нежели въ томъ божественномъ гимнѣ, который кончается вознесеніемъ на небо подвергшагося пыткамъ сына Божія. Въ этомъ воплощается удаленіе изъ области чувствъ въ умопостигаемый міръ. Мы слѣдуемъ за Богомъ, Который «пламенѣя, разлучается съ человѣкомъ», а затѣмъ сонъ и истина мѣняются ролями—тяжелое сновидѣніе жизни погружается все болѣе и болѣе.

\* \*  
\*

Мы еще встрѣтимся съ этою мыслью позднѣе. На этомъ мѣстѣ мы замѣтимъ только, что историческое значеніе, какое приобрѣла кантовская этика, представляется намъ не только понятнымъ, но и справедливымъ, какъ скоро мы рассматриваемъ ее въ истинномъ свѣтѣ. Прочныя результаты Кантовой философіи находятся и въ его «Критикѣ чистаго разума»,—да и здѣсь они сводятся къ немногимъ основнымъ положеніямъ; однако, его философія замѣчательна не только по тѣмъ ея частямъ, которыя выдерживаютъ провѣрку разума и могутъ быть причислены къ надежнымъ сокровищамъ человѣческаго познанія. Созданія смѣлой и какъ

бы бессознательно-поэтической комбинаціи, которыя строгой критикой впоследствии разрушаются, своимъ духомъ и содержаніемъ могутъ оказать болѣе глубокое и болѣе значительное воздѣйствіе, чѣмъ самыя ясныя теоремы, и человѣческая культура такъ же мало можетъ обойтись безъ возбуждающаго жара этихъ по своей формѣ преходящихъ откровеній, какъ и безъ освѣщающихъ лучей критики. Ни одна мысль до такой степени не пригодна на то, чтобы примирить между собою поэзію и науку, какъ та, что вся наша «дѣйствительность», безъ всякаго ущерба для строгой, не уступающей никакому произволу, связи, есть только явленіе; но для науки остается однако то, что «вещь въ себѣ» есть только ограниченное понятіе. Всякая попытка превратить отрицательное значеніе этого понятія въ положительное неукоснительно ведетъ въ область вымысла, и лишь то, что выдерживаетъ пробу поэтической чистоты и величія, можетъ притязать на то, чтобы служить своему поколѣнію наставленіемъ въ идеалѣ.

## II. Философскій матеріализмъ со времени Канта.

Англія, Франція и Нидерланды, истинныя коренныя мѣста новѣйшей философіи. около конца прошлаго столѣтія сошли съ арены метафизической борьбы. Со времени Юма Англія не дала ни одного великаго философа, если не возводить въ это званіе остроумнаго и энергичнаго Милля; такая же пропасть лежитъ во Франціи между Дидро и Кантомъ. Между тѣмъ въ обѣихъ странахъ мы находимъ въ другихъ областяхъ колоссальныя успѣхи и перевороты. Въ Англіи—безпримѣрный ростъ промышленности и міровой торговли, и рядомъ съ этимъ упроченіе всѣхъ отношеній, во Франціи—потрясающая Европу революція и развитіе огромной военной силы. Это были два совершенно различныхъ, даже прямо противоположныхъ направленія національнаго развитія, которыя однако сходились въ томъ, что «западно-европейскія державы» всецѣло обратились къ задачамъ реальной жизни. Намъ же нѣмцамъ досталась метафизика.

И все же было бы высочайшею неблагодарностью, если бы мы стали смѣрять на эту великую эпоху чисто духовнаго стремленія съ пренебреженіемъ или даже только съ неудовольствіемъ. Вѣрно, конечно, что мы, подобно Шиллеровскому поэту, остались при дѣленіи міра съ пустыми руками. Вѣрно, что опьяненіе идеализмомъ—можно, пожалуй, сказать: вмѣстѣ съ его дурными послѣдствіями — у насъ прошло, и что духовное пребываніе въ небесахъ Зевса насъ болѣе не удовлетворяетъ. Позднѣе другихъ народовъ вступаемъ мы въ зрѣлый возрастъ, но зато мы прожили болѣе красивую, болѣе богатую, хотя, можетъ быть, и слишкомъ мечтательную юность, и теперь должно обнаружиться, пришелъ ли нашъ народъ отъ этихъ духовныхъ наслажденій въ разслабленное состояніе, или, наоборотъ, именно это его идеальное прошедшее представляетъ собою неисчерпаемый источникъ силы и свѣжей жизни—источникъ, который слѣдуетъ только направить на путь новаго творчества, и онъ удовлетворительно разрѣшитъ великія задачи. Правда, единственное практиче-

ское дѣло, которое приходится на середину этого періода идеализма — народныя возстанія въ освободительныхъ войнахъ — носить характеръ поверхностной мечтательности, но оно въ то же время обнаруживаетъ мощную силу, которая только еще смутно сознаетъ свою цѣль.

Замѣчательно, что наше національное развитіе, болѣе правильное, чѣмъ развитіе древней Эллады, исходило изъ самаго идеальнаго и все болѣе и болѣе приближалось къ реальному. Въ началѣ — поэзія, великій расцвѣтъ которой достигъ своей высшей точки въ общемъ творчествѣ Гёте и Шиллера въ то время, когда философія, приведенная въ движеніе Кантомъ, начала свое бурное шествіе. Затѣмъ, послѣ того какъ угасти титаническія стремленія Шеллинга и Гегеля, на первый планъ выступило серьезное изслѣдованіе положительныхъ наукъ. За прежнюю славу Германіи въ филологической критикѣ слѣдуютъ блестящія пріобрѣтенія во всѣхъ областяхъ знанія. Нибуръ, Риттеръ и братья Гумбольдты должны быть прежде всѣхъ обозначены какъ пионеры на новыхъ путяхъ. Лишь въ области точныхъ наукъ, которыя при вопросѣ о материализмѣ касаются насъ ближе всего, Германія, какъ утверждаюгъ, осталась позади Англіи и Франціи, причѣмъ наши естествоиспытатели склонны сваливать вину на философію, которая-де заплонила все своими фантастическими порожденіями и подавила духъ здраваго изслѣдованія. Какъ на самомъ дѣлѣ обстоитъ дѣло, мы увидимъ ниже; здѣсь достаточно будетъ замѣтить, что во всякомъ случаѣ точныя науки ближе всего стоятъ къ тѣмъ задачамъ практической жизни, которыя подлежатъ разрѣшенію въ настоящее время, и что позднее развитіе ихъ въ Германіи совершенно соотвѣтствуетъ указанному нами ходу развитія.

Мы видѣли уже въ первой книгѣ, какъ рано пустилъ материализмъ корни въ Германіи, — что онъ вовсе не былъ сначала перенесенъ туда изъ Франціи, но что подъ прямымъ воздѣйствіемъ Англіи онъ пустилъ здѣсь свои особенныя корни. Мы видѣли, что материалистическій споръ прошлаго столѣтія вѣдѣнъ былъ съ особенною живостью именно въ Германіи, и что господствующая философія, несмотря на свои столь легкія побѣды, проявила въ этой борьбѣ только свою собственную безпомощность.

Безъ сомнѣнія, материализмъ возросъ въ общемъ мнѣніи, въ то время какъ въ области поэзіи Клопштокомъ уже давно было заложено зерно обильно разросшагося идеализма. Что материализмъ не могъ выступить открыто, — это при тогдашнихъ условіяхъ Германіи легко понятно. О его существованіи можно болѣе судить по непрестаннымъ нападкамъ на него, нежели по положительнымъ вкладамъ. Вѣдь въ сущности систему Канта можно разсматривать какъ грандіозную попытку навсегда покончить съ материализмомъ, не впадая при этомъ въ скептицизмъ.

Если имѣть въ виду внѣшніе результаты этой попытки, то представится достаточно замѣчательнымъ то, что со времени появленія Канта вплоть до близкаго намъ времени материализмъ казался почти что исчезнувшимъ. Разрозненныя попытки объяснить происхожденіе человѣка натуралистически, путемъ развитія животной формы, въ числѣ которыхъ наибольшей шумъ вызвала попытка Окена (1819), вовсе не могутъ быть отнесены къ ряду истинно материалистическихъ воззрѣній; наоборотъ — благодаря Шеллингу и Гегелю пантеизмъ сталъ господствующимъ направлениемъ въ натурфилософіи, а это такое мировоззрѣніе,

которое при известной мистической глубинѣ уже чуть ли не въ самомъ принципѣ заключаетъ въ себѣ опасность фантастическихъ порожденій. Въмѣсто того, чтобы строго отдѣлить опытъ и чувственный міръ отъ идеальнаго и искать затѣмъ примиренія обѣихъ областей въ природѣ человѣка, пантеистъ совершаетъ примиреніе духа и природы по велѣнію поэтизирующаго (*dichtende*) разума безъ всякаго критическаго посредства. Оттуда и притязаніе на познаніе абсолютнаго—притязаніе, которое, какъ казалось Канту, онъ своею критикой изгналъ навсегда. Правда, Кантъ зналъ очень хорошо и предсказалъ совершенно ясно, что его философія никоимъ образомъ не можетъ ждать немедленной побѣды: должны вѣдь были пройти столѣтія, прежде чѣмъ Коперникъ со своею теоріей одержалъ верхъ надъ противостоящимъ ему предразсудкомъ. Но могъ ли себѣ этотъ столь же трезвый, сколь сильный мыслитель представить, чтобы черезъ какія нибудь двадцать пять лѣтъ послѣ перваго появленія его критики въ Германіи вышло произведеніе подобное Гегелевой «Феноменологіи духа»? И все же именно его появленіе вызвало нашъ метафизическій періодъ бури и натиска. Этотъ мыслитель, котораго Шиллеръ сравнивалъ со строящимъ королемъ, не только далъ работу «ломовикамъ» (*Kärner*) интерпретаціи, но онъ породилъ также духовную династію честолюбивыхъ подражателей, которые, подобно фараонамъ, возводили одну воздушную парамиду за другою и при этомъ забыли укрѣпить ихъ на твердой почвѣ.

Не наше дѣло излагать здѣсь, какъ случилось то, что Фихте извѣлъ изъ философіи Канта одинъ изъ темнѣйшихъ пунктовъ — ученіе о первоначальномъ синтетическомъ единствѣ апперцепціи, чтобы вывести отсюда свое творческое «я»,—какъ затѣмъ Шеллингъ изъ  $A=A$  по волшебному мановенію какъ бы изъ пустого орѣха создалъ всю вселенную,—какъ Гегель могъ объявить тожественнымъ бытіе и небытіе при одобрительныхъ крикахъ радости любознательныхъ юношей нашихъ университетовъ. То время, когда на всѣхъ академическихъ перекресткахъ раздавались рѣчи о «я» и «не-я», объ абсолютномъ и о понятіи, прошло, и матеріализмъ не можетъ служить намъ поводомъ къ тому, чтобы снова преподнести ихъ читателю. Вся эта эпоха діалектической романтики не вызвала наружу ни одного момента непреходящаго значенія для точнаго обсужденія матеріалистическаго вопроса. Всякая оцѣнка матеріализма съ точки зрѣнія поэтизирующей метафизики можетъ имѣть только цѣлью разграниченіе двухъ координированныхъ воззрѣній. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ—какъ, на примѣръ, у Канта—невозможно найти болѣе высокую точку зрѣнія, мы должны отказаться отъ такого рода экскурсій.

Но что мы при всемъ томъ не можемъ смотрѣть на работы Шеллинга и Гегеля, въ особенности этого послѣдняго, съ тѣмъ пренебреженіемъ, которое стало теперь почти что модой, имѣеть свою особую причину. Человѣкъ, который далъ могущественное и захватывающее выраженіе мечтательнымъ стремленіямъ нѣсколькихъ десятилѣтій, никоимъ образомъ не можетъ быть по просту незначительнымъ. Если имѣть въ виду одно вліяніе Гегеля на историографію, въ особенности на разработку культурной исторіи, то надо будетъ признать, что человѣкъ этотъ по своему въ высокой степени содѣйствовалъ также и наукѣ<sup>43</sup>). Поэзія понятій имѣеть для науки высокое значеніе, если она вытекаетъ изъ богатаго и всесторонняго научнаго образованія. Понятія, которыя создаетъ философъ этого

склада, представляют для результатов изслѣдованія нѣчто большее, чѣмъ мертвыя рубрики; они находятся въ многообразныхъ отношеніяхъ къ существу нашего познанія, а слѣдовательно, и къ существу того опыта, который одинъ для насъ возможенъ. Если изслѣдованіе пользуется ими правильно, то они никоимъ образомъ не представляютъ для него препятствія; но если оно подпадаетъ подъ власть философскимъ приказамъ, то ему недостаетъ своеобразной жизни. Наше ученіе о негодности всякой метафизики по сравненію со строгимъ эмпиризмомъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о какомъ нибудь опредѣленномъ познаніи, бессознательно заложено въ человѣческой природѣ. Ясно видимому, а еще болѣе самимъ продѣланному эксперименту вѣрить всякій. Точное изслѣдованіе уже въ своихъ первыхъ младенческихъ зачаткахъ въ состояніи было разбить укрѣпившіяся на протяжении тысячелѣтій пути Аристотелевской метафизики, а какой нибудь Гегель могъ вытолкать его изъ Германіи въ зрѣломъ возрастѣ какъ бы однимъ проворствомъ? Въ слѣдующемъ отдѣлѣ для насъ станетъ понятнымъ, какъ это обстоитъ въ дѣйствительности.

Если мы теперь зададимъ себѣ вопросъ, какимъ образомъ матеріализмъ могъ возродиться послѣ Канта, то мы при этомъ должны принять во вниманіе, что бурное идеалистическое волненіе, которое охватило Германію, снесло не одинъ только матеріализмъ, но въ сущности также и истинно критическій элементъ въ «Критикѣ разума», такъ что въ этомъ отношеніи Кантъ пожалуй больше вліялъ на наше время, чѣмъ на своихъ современниковъ. Тѣ элементы Кантовской философіи, которые окончательно уничтожаютъ матеріализмъ, оказали очень мало вліянія; тѣ же, которые его отгѣсняють на время, вполнѣ понятно, въ свою очередь, могли быть оттиснуты новымъ направленіемъ духа времени.

Большинство нашихъ матеріалистовъ конечно склонны будутъ а priori и до всякой провѣрки самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицать связь своихъ воззрѣній съ воззрѣніями Ламеттри или даже съ воззрѣніями стараго Демокрита. Хотячѣе воззрѣніе заключается въ томъ, что нынѣшній матеріализмъ есть результатъ новѣйшаго естествознанія, и потому уже не можетъ быть вовсе приведенъ въ сравненіе съ родственными воззрѣніями древнѣйшихъ временъ, что теперешняго естествознанія прежде не было. Въ такомъ случаѣ намъ, конечно, не было бы надобности писать этой книги. Но если бы намъ позволили вывести послѣдовательно главнѣйшія основоположенія изъ болѣе простыхъ воззрѣній прежнихъ временъ, то намъ, по меньшей мѣрѣ, надо было бы помѣстить ближайшую главу ранѣе этой.

Остережемся однако совершенно понятнаго недоразумѣнія! Если мы защищаемъ историческую связь, то этимъ конечно мы вовсе, напримѣръ, не имѣемъ въ виду усматривать въ книгѣ Бюхнера «Сила и вещество» только плагиатъ изъ «Nomme machine». Для того чтобы принять историческую связь, нѣтъ надобности даже во вліяніи чтенія такихъ сочиненій и даже самаго поверхностнаго знакомства съ ними. Подобно тому какъ тепловые лучи горящаго угля распространяются отъ одного фокуса во всѣ стороны и, отраженные затѣмъ отъ вогнутаго зеркала, зажигаютъ въ другомъ фокусѣ тлѣющій труть, точно также воздѣйствіе писателя—и въ особенности философа—теряется въ сознаніи массы, а затѣмъ, уже опираясь на это сознаніе, разрозненные положенія и воззрѣнія дѣйствуютъ на вырастаю-



щихъ въ болѣе позднее время индивидуумовъ, которыхъ воспримчивость и положеніе въ жизни могутъ содѣйствовать накопленію такихъ лучей. Что наше сравненіе хромаетъ, разумѣется само собою, но одну сторону истины оно все же выясняетъ. А вотъ и другая!

Если Молешотъ могъ сказать, что человѣкъ есть сумма родителей и кормилицы, мѣста и времени, воздуха и погоды, звука и свѣта, питанія и одежды, то можно будетъ такое же положеніе выставить и для духовныхъ вліяній. «Философъ есть сумма преданій и опыта, мозгового строенія и окружающей среды, случая и изученія, здоровья и общества». Такъ приблизительно могло бы гласить положеніе, которое во всякомъ случаѣ достаточно наглядно выразило бы то, что и матеріалистическій философъ ее можетъ быть обязанъ своей системой исключительно своимъ изслѣдованіямъ. Въ исторической связи вещей одинъ шагъ затрагиваетъ тысячи нитей, а мы можемъ прослѣдить одновременно только одну изъ нихъ. Въ сущности мы даже и это не всегда можемъ, такъ какъ болѣе грубая, видимая нить развѣтвляется на безчисленное множество ниточекъ, которыя мѣстами уходятъ отъ нашего взора. Что вліяніе новѣйшаго естествознанія на развитіе, а особенно на распространеніе матеріализма въ широкихъ кругахъ очень велико, разумѣется само собою. Однако, наше изслѣдованіе въ достаточной мѣрѣ покажетъ, что болыпинство вопросовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, совершенно тѣ же, что и прежде: измѣнился только матеріалъ, но не цѣль и не способъ доказательства.

Прежде всего, конечно, необходимо указать на то, что вліяніе естественныхъ наукъ всегда, даже во время нашего идеалистическаго періода, клонилось къ тому, чтобы поддержать матеріалистическія воззрѣнія и способствовать развитію ихъ. Съ пробужденіемъ болѣе общаго и дѣятельнаго интереса къ естественнымъ наукамъ сами собою снова появились этого рода воззрѣнія, хотя они вначалѣ не выступали въ догматической формѣ. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что занятіе положительными науками осталось космополитическимъ, тогда какъ философія вступила въ Германію на изолированный путь, соответствовавшій общему настроенію націи. А вмѣстѣ съ интересомъ къ иностраннымъ изслѣдованіямъ нѣмецкій естествоиспытатель долженъ былъ проникнуться также тѣмъ духомъ, въ какомъ сдѣланы были эти изслѣдованія,—тѣми идеями, которыми отдѣльное приводилось въ общую связь. У наиболѣе вліятельныхъ націй въ общемъ остались господствующими воззрѣнія семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтія, хотя рѣзкаго выведенія слѣдствій болышею частью избѣгали. Во Франціи, на примѣръ, Кабанисъ далъ фізіологіи матеріалистическую основу въ то самое время, когда въ Германіи идеализмъ доведенъ былъ Шиллеромъ и Фихте до своего кульминаціоннаго пункта (съ 1795 года). Какъ философъ Кабанисъ былъ, впрочемъ, менѣе всего матеріалистомъ<sup>44</sup>). Онъ склонялся къ пантеизму, примыкающему къ ученію стоиковъ, но считалъ, однако, познаніе «первопричинъ» (на языкѣ Канта можно было-бы сказать: «вещи въ себѣ») невозможнымъ<sup>45</sup>). Довольно часто выступаетъ онъ противъ ученія Эпикура. Однако, въ научномъ воззрѣніи на человѣка онъ прокладываетъ путь соматическому методу. Въ явленіи—или, какъ онъ выражается: если держаться «вторичныхъ причинъ», только и доступныхъ людямъ—мы находимъ повсюду, что духовныя функціи находятся въ зависимости отъ организма, и что ощущеніе есть основа мышленія и дѣйствій. Но доказательству этой связи посвящено цѣлое

сочиненіе, и, конечно, его читатели, его ученики опираются на ближайшее, на цѣль и матеріальн сочиненія, очень мало заботясь о вводныхъ и мимоходныхъ соображеніяхъ философскаго содержанія. Поэтому, со времени Кабаниса сведеніе духовныхъ функцій къ дѣятельности нервной системы заняло въ физиологій господствующее положеніе, что бы тотъ или другой физиологъ ни думалъ о конечныхъ причинахъ всѣхъ вещей. Самою природою специальныхъ наукъ обусловлено то, что матеріаль и методъ переходятъ изъ рукъ въ руки, тогда какъ философскій фонъ, если онъ вообще существуетъ, постоянно мѣняется. Масса придерживается относительно твердаго фактора и считаетъ единственно правильнымъ ближайшее, полезное и практическое. Такимъ образомъ, покуда философія не въ состояніи оказать противодѣйствія во всѣхъ образованныхъ кругахъ, занятія специальными науками необходимо будутъ все снова порождать матеріализмъ, который, пожалуй, тѣмъ живучѣе, чѣмъ менѣе онъ является въ сознаніи его носителей въ формѣ философскаго міровоззрѣнія. Но по той же причинѣ этотъ матеріализмъ выходитъ обыкновенно очень недалеко за предѣлы специальныхъ изслѣдованій. Должны существовать болѣе глубокія причины, которыя внезапно побудили бы естествовѣда выдвинуть принципиальную сторону своего міропредставленія, и процессъ этотъ неразрывно связанъ съ извѣстными чувствами и съ объединеніемъ идей съ извѣстной точки зрѣнія, философскій характеръ которой совершенно очевиденъ.

Что такое направленіе наступило именно въ Германіи, тогда какъ въ Англіи и Франціи матеріализмъ не выступилъ на арену въ какой-нибудь рѣзкой формѣ, находится безъ сомнѣнія въ связи съ тѣмъ, что здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, привыкли къ философской борьбѣ мѣтній. Можно даже сказать, что самъ идеализмъ оказалъ содѣйствіе матеріализму—тѣмъ именно, что онъ пробудилъ стремленіе къ систематической разработкѣ руководящихъ идей и своимъ противодѣйствіемъ вызвалъ на бой полное юношескихъ стремленій естествознаніе. Къ этому присоединилось еще то, что ни въ одной странѣ не стали вообще въ столь свободное отношеніе къ религиознымъ предразсудкамъ и къ церковнымъ требованіямъ и не считали своего собственнаго мышленія какъ-бы жизненною потребностью всѣхъ образованныхъ людей. И въ этомъ отношеніи путь проложенъ былъ опять-таки идеализмомъ—тотъ путь, по которому позднѣе могъ двигаться матеріализмъ, не встрѣчая почти никакихъ значительныхъ препятствій,—и если это обстоятельство очень часто матеріалистами упускается изъ виду или даже выворачивается на изнанку, то это только одинъ изъ многихъ признаковъ недостатка историческаго смысла, которымъ такъ часто грѣшитъ матеріализмъ.

При всемъ томъ мы не должны забывать, что въ Германіи никогда не было недостатка въ пониманіи естественно-научнаго воззрѣнія на вещи, если даже направленіе это въ періодъ расцвѣта нашей національной литературы было заслонено этическимъ подъемомъ и умозрительнымъ воодушевленіемъ. Самъ Кантъ еще въ состояніи былъ примирить оба направленія въ своемъ мышленіи, и особенно въ своемъ до-критическомъ періодѣ онъ нерѣдко очень близко подходитъ къ матеріализму. Его ученикъ и противникъ Герднеръ <sup>46)</sup> былъ всецѣло проникнутъ естественно-научнымъ образомъ мыслей и вѣроятно могъ бы сдѣлать нѣчто гораздо большее для научнаго воззрѣнія въ Германіи, если бы онъ, вмѣсто того,

чтобы пускаться въ ожесточенный и избылиующій недоразумѣніями споръ съ Кантомъ относительно принциповъ, ограничился положительною защитой своихъ идей. До какой степени Гёте былъ проникнутъ истинно естественно-научнымъ воззрѣніемъ, признается въ настоящее время все болѣе и болѣе. Во многихъ его изреченіяхъ проявляется спокойная и мягкая терпимость по отношенію къ односторонности идеалистическаго направления, справедливое ядро котораго онъ умѣлъ цѣнить, тогда какъ его существо (Gemüth) все рѣшительнѣе склонялось къ объективному воззрѣнію на природу. Не слѣдуетъ ложно истолковывать его отношеніе къ натурфилософской школѣ. Онъ, поэтъ, былъ во всякомъ случаѣ болѣе свободенъ отъ фантастическихъ преувеличеній, чѣмъ какой-нибудь профессиональный естествоиспытатель; но въ сущности даже натурфилософы представляютъ странную смѣсь господствующаго повсюду романтизма съ истинною воспримчивостью къ наблюденію явленій и изслѣдованію ихъ связи. При такой подготовительной работѣ всеобщій переходъ націи отъ періода идеализма къ періоду трезваго, направленнаго на дѣйствительность воззрѣнія, необходимо долженъ былъ на протяженіи времени выдвинуть также и матеріализмъ.

Если задаться цѣлью указать опредѣленный пунктъ, который можно было бы обозначить концомъ идеалистическаго періода въ Германіи, то не представляется болѣе выдающагося событія, чѣмъ іюльская революція 1830 года во Франціи.

Идеальныя патристическія мечтанія эпохи освободительныхъ войнъ прокисли въ тюремной атмосферѣ, исчахли на чужбинѣ и улетучились вълѣдствіе равнодушія массы. Философія съ того времени, какъ она поступила въ услуженіе абсолютизму, потеряла свое обаяніе. Величественная абстракція, которая создала изреченіе: дѣйствительное есть въ то же время и разумное, достаточно долго оказывала на сѣверѣ Германіи самыя мелкія полицейскія услуги для того, чтобы послѣ отрезвленія сдѣлать недоувѣріе къ философіи всеобщимъ. Въ поэтической литературѣ романтика опостылѣла, и «Путевыя картины» Гейне приняли такой фривольный тонъ, какаго едва ли можно было ждать въ отечествѣ Шиллера. Авторъ этого характернаго продукта эпохи поселился съ 1830 года въ Парижѣ, и тогда-то вошло въ моду отчаиваться въ будущемъ Германіи и смотрѣть на реалистическую Францію какъ на образцовую страну новаго времени. Около того же времени началъ пробуждаться духъ предпримчивости въ области торговли и промышленности. Матеріальные интересы развернулись, и, подобно тому какъ и въ Англіи, они вскорѣ вступили въ союзъ съ естественными науками противъ всего того, что могло бы отклонить человѣка отъ его ближайшихъ задачъ. Тѣмъ не менѣе кругозоръ націи еще въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій находился подъ господствомъ литературы; но мѣсто классицизма и романтизма заняла «молодая Германія». Лучи матеріалистическаго воззрѣнія собирались. Люди, какъ Гуцковъ, Т. Мундтъ и Лаубе внесли въ свои произведенія кой-какой ферментъ эпикурейскаго воззрѣнія. Особенно послѣдній дерзко стягивалъ тотъ почтенный покровъ, которымъ наша философія прикрыла изъяны своей логики.

Тѣмъ не менѣе возрожденіе матеріализма приписывается обыкновенно эпигонамъ великой философской эпохи. Чольбе считаетъ родоначальникомъ нашего новѣйшаго матеріализма Д. Ф. Штраусса; другіе съ боль-

шимъ основаніемъ называютъ Фейербаха<sup>47</sup>). Несомнѣнно, при указаніи этихъ именъ болѣе чѣмъ слѣдуетъ вліяло отношеніе этихъ философовъ къ спорнымъ вопросамъ религіи; но Фейербахъ во всякомъ случаѣ такъ близокъ къ материализму, что онъ подлежитъ особому разсмотрѣнію.

Людвигъ Фейербахъ, сынъ знаменитаго криминалиста, очень рано обнаружилъ свою глубокую, дѣятельную натуру и проявилъ больше характера, чѣмъ ума и живости. Увлеченный водоворотомъ общаго преклоненія передъ Гегелемъ, онъ двадцати лѣтъ отъ роду, студентъ теологіи, совершилъ паломничество въ Берлинъ, гдѣ Гегель въ то время (1824) былъ надѣленъ уже высокимъ саномъ государственнаго философа. Философемы, въ которыхъ бытіе не было положено небытіемъ, а утвержденіе не было получено изъ отрицанія, обозначались въ официальныхъ указахъ «мелкими и поверхностными»<sup>48</sup>). Дѣльная натура Фейербаха оставила Гегелевскія бездны и доработалась до извѣстной «поверхностности», сохранивъ однако при этомъ отпечатокъ Гегелевскаго глубокомыслия. Ясной логики Фейербахъ однако никогда не достигъ. Нервомъ его философіи, какъ и повсюду въ идеалистическую эпоху, осталась догадка (Divination). «Слѣдовательно», не имѣетъ у Фейербаха, какъ у Канта и Гербарта, значеніе дѣйствительнаго, или по крайней мѣрѣ лежавшаго въ намѣреніи разумнаго вывода: оно, подобно тому, какъ у Шеллинга и Гегеля, обозначаетъ совершаемый въ мысляхъ скачекъ. Поэтому его система витаетъ въ нѣкоторомъ мистическомъ мракѣ, который вовсе не становится яснѣе вслѣдствіе оттѣненія чувственности и наглядности.

«Богъ былъ моею первою мыслью, разумъ — второю, человекъ — моею третьею и послѣднею мыслью». Этимъ изреченіемъ Фейербахъ обозначаетъ не различные фазисы своей философіи, а скорѣе только стадіи своего юношескаго развитія; ибо, вскорѣ уже послѣ защиты своей диссертации (1828) онъ выступилъ публично съ тѣми основоположеніями философіи человѣчества, которыхъ онъ съ того времени неизменно придерживался. Новая философія, по его мнѣнію, относится къ Гегелевой философіи разума, какъ эта послѣдняя къ теологіи; теперь, полагаетъ онъ, наступаетъ новая эпоха, въ которой не только теологія, но и метафизика представляются возрѣніемъ пройденнымъ.

Замѣчательно, какъ близко это возрѣніе сходится съ тѣми ученіями, которыя въ то же самое время пытался провести въ Парижѣ въ борьбѣ съ бѣдностью и съ меланхоліей благородный Контъ, одинокій мыслитель и другъ людей. И Контъ говоритъ о трехъ эпохахъ человѣчества: первая — теологическая, вторая — метафизическая, третья и послѣдняя — позитивная, т. е. та, въ которую человекъ со всѣми своими мыслями и стремленіями обращается къ дѣйствительности и находитъ себѣ удовлетвореніе въ рѣшеніи реальныхъ задачъ<sup>49</sup>).

Сходно съ Гоббсомъ Контъ усматриваетъ цѣль всякой науки въ познаніи законовъ, управляющихъ явленіями. «Видѣть для того, чтобы предвидѣть; изслѣдовать то, что есть, для того, чтобы по нему заключить о томъ, что будетъ» — вотъ какъ онъ понимаетъ задачу философіи. Въ противоположность этому Фейербахъ говоритъ. «Новая философія дѣлаетъ человека, включая сюда и природу, какъ базисъ человѣка, единственнымъ, универсальнымъ и высшимъ предметомъ философіи, — превращаетъ, слѣдовательно антропологію, со включеніемъ фізіологіи, въ универсальную науку<sup>50</sup>).

Въ этомъ одностороннемъ превозношеніи человѣка проявляется черта, которая беретъ свое начало въ Гегелевой философіи и собственно отдѣляетъ Фейербаха отъ настоящихъ матеріалистовъ. Въдѣ въ сущности здѣсь въ формѣ философіи чувственности опять выступаетъ передъ нами философія духа. Истинный матеріалистъ всегда склоненъ будетъ направить свой взоръ на великое дѣлое внѣшней природы и разсматривать человѣка, какъ волну въ океанѣ вѣчнаго движенія матеріи. Природа человѣка представляется матеріалисту не болѣе какъ частнымъ случаемъ въ общей физиологіи, подобно тому какъ мышленіе есть только частный случай въ рядѣ физическихъ процессовъ жизни. Онъ охотнѣе всего включаетъ физиологію въ общія явленія физики и химіи и скорѣе готовъ поставить человѣка назади, чѣмъ впереди, въ рядѣ другихъ существъ. Въ практической философіи онъ, конечно, тоже будетъ сводить все исключительно на природу человѣка, но онъ и здѣсь очень мало склоненъ будетъ, подобно Фейербаху, приписывать этой природѣ божественные атрибуты.

Великій регрессъ Гегеля по сравненію съ Кантомъ состоитъ въ томъ, что онъ совершенно утратилъ идею болѣе общаго способа познанія вещей, нежели способъ познанія человѣка. Вся его система движется въ предѣлахъ нашихъ идей и фантазій о вещахъ, которыя обозначаются всякаго рода громкими именами, и при этомъ онъ вовсе не задумывается о томъ, какое вообще значеніе могутъ имѣть явленія и выведенныя изъ нихъ понятія. Противоположность между «сущностью» и «видимостью» является у Гегеля не болѣе, какъ противоположностью между двумя человѣческими формами представленія, которая затѣмъ тотчасъ же исчезаетъ. Явленіе опредѣляется какъ наполненная сущностью видимость, а дѣйствительность мы, согласно этому воззрѣнію, имѣемъ тамъ, гдѣ явленіе есть полное и адекватное обнаруженіе сущности. Тотъ предразсудокъ, будто можетъ существовать нѣчто такое, что есть «полное и адекватное обнаруженіе сущности» въ явленіи, перешелъ и къ Фейербаху. Дѣйствительность онъ, впрочемъ, выводитъ просто изъ чувственности, и это именно есть то, что приближаетъ его къ матеріалистамъ.

«Истина, дѣйствительность, чувственность—между собою тождественны. Только чувственное существо есть истинное дѣйствительное существо, только чувственность есть истина и дѣйствительность». «Предметъ въ истинномъ смыслѣ (im wahren Sinne) дается только чувствами (Sinne), а не мышленіемъ самимъ по себѣ». «Гдѣ нѣтъ чувства—нѣтъ и сущности, нѣтъ дѣйствительнаго предмета».—«Если старая философія имѣла своимъ исходнымъ пунктомъ положеніе: я есмь отвлеченное, только мыслящее существо, тѣло не относится къ моей сущности, то новая философія начинаетъ съ положенія: я есмь дѣйствительное чувственное существо; тѣло относится къ моей сущности; мало того—тѣло въ своей цѣлокупности есть мое «я», самая моя сущность».—«Истинно и божественно только то, что не нуждается въ доказательствѣ, что само собою непосредственно достовѣрно, что непосредственно за себя говоритъ и завладѣваетъ (einnimmt), непосредственно влечетъ за собою утвержденіе, что оно есть попросту несомнѣнное, очевидное. Очевидно же только чувственное; только тамъ, гдѣ начинается чувственность, исчезаетъ всякое сомнѣніе и всякій споръ. Тайна непосредственнаго знанія—это чувственность»<sup>51</sup>).

Эти положенія, которыя въ Фейербаховскихъ «Основахъ философіи будущаго» (1849) является въ той же афористической формѣ, въ какой мы привели ихъ выше, носятъ въ достаточной мѣрѣ матеріалистическій характеръ. Но не слѣдуетъ однако забывать, что чувственность и матеріальность отнюдь не тождественныя понятія. Формы — не въ меньшей мѣрѣ предметъ чувствъ, чѣмъ вещества; мало того—истинная чувственность всегда представляетъ единство формы и матеріи. Эти понятія мы получаемъ только путемъ отвлеченія, путемъ мышленія. Дальнѣйшимъ мышленіемъ мы достигаемъ того, что представляемъ себѣ отношенія между ними опредѣленнымъ образомъ. Подобно тому какъ Аристотель отдастъ повсюду преимущество формѣ, такъ и весь матеріализмъ отдастъ преимущество матеріи. Въ число безусловнаго необходимыхъ критеріевъ матеріализма входитъ и то, что сила и вещество не только мыслятся неразрывно, но что сила представляется просто какъ свойство вещества, и что затѣмъ изъ взаимодѣйствія между веществами и ихъ силами выводятся всѣ формы вещей. Можно считать чувственность основнымъ началомъ и при этомъ въ существенныхъ чертахъ системы являться аристотеликомъ, спинозистомъ и даже кантіанцемъ. Допустимъ, напримѣръ, что то, что Кантъ высказываетъ какъ догадку, есть фактъ, именно, что чувственность и разумъ имѣютъ въ нашемъ существѣ общій корень. Сдѣлаемъ шагъ далѣе и выведемъ категорію разсудка изъ строенія нашихъ чувственныхъ органовъ,—при этомъ все таки останется нерушимымъ то положеніе, что сама чувственность, которая по этому возрѣнію лежитъ въ основѣ всего міра явленій, есть только та форма, въ которой одно существо, истинныя свойства коего намъ неизвѣстны, подвергается воздѣйствію со стороны другихъ существъ. А затѣмъ нѣтъ ужъ никакого логическаго препятствія къ тому, чтобъ въ опредѣленіи дѣйствительность совпадала съ чувственностью. Но при этомъ надо будетъ конечно, принять, что за тѣмъ, что такимъ образомъ представляется человѣку дѣйствительностью, скрывается болѣе общая сущность, которая, будучи воспринята разными органами, представляется въ различномъ видѣ. Можно было бы даже сохранить идеи разума вмѣстѣ съ характернымъ для Канта построеніемъ практической философіи на сознаніи дѣйствующаго лица,—но тогда надо было бы, конечно, мыслить умопостигаемый міръ въ образѣ чувственнаго міра. Вмѣсто трезвой Кантовской морали явилась-бы тогда полная красокъ и жизни религія, воображаемая чувственность которой хотя и не претендуетъ на дѣйствительность и объективность непосредственной чувственности, но все же, подобно идеямъ Канта, могла бы служить замѣстительницей высшей и болѣе общей дѣйствительности умопостигаемаго міра.

Во время этой маленькой прогулки по области возможныхъ системъ мы, конечно, довольно далеко ушли отъ Фейербаха, но едва-ли однако дальше, чѣмъ самъ Фейербахъ ушелъ отъ строгаго матеріализма. Разсмотримъ-же поэтому идеалистическую сторону этой философіи чувственности!

«Бытіе есть та й на созерцанія, ощущенія, любви.—Только въ ощущенія, только въ любви «это» (Dieses)—это лицо, эта вещь — т. е. отдѣльное имѣетъ абсолютное значеніе, есть конечность, безконечность—въ этомъ и только въ этомъ состоитъ безконечная глубина, божественность и истинность любви. Въ одной только любви Богъ, считающій волосы на головѣ, есть истина и реальность». Человѣческія ощу-

щенія не имѣютъ никакого эмпирическаго, антропологическаго значенія въ смыслѣ старой трансцендентальной философіи; они имѣютъ онтологическое, метафизическое значеніе: въ ощущеніяхъ, даже въ повседневныхъ ощущеніяхъ, скрыты высочайшія и глубочайшія истины. Такимъ образомъ любовь есть истинное онтологическое доказательство бытія предмета внѣ нашей мысли — и не существуетъ никакого иного доказательства бытія, кромѣ любви и ощущенія вообще. Только то и существуетъ, чье бытіе доставляетъ тебѣ радость, и чье небытіе причиняетъ тебѣ страданіе»<sup>52</sup>).

У Фейербаха несомнѣнно было столько пониманія, чтобы не отрицать, напримѣръ, возможности существованія живыхъ и мыслящихъ существъ на Юпитерѣ или на какой нибудь отдаленной системѣ неподвижныхъ звѣздъ. Но если однако вся философія строится такъ, какъ будто-бы человѣкъ былъ единственнымъ или даже единственно мыслимымъ существомъ съ развитою духовною чувственностью, то это, конечно, намѣренное самоограниченіе. Фейербахъ является въ этомъ отношеніи гегелианцемъ и въ сущности вмѣстѣ съ Гегелемъ слѣдуетъ основному положенію стараго Протагора, что человѣкъ есть мѣра вещей. Истинно для него то, что представляется истиннымъ человѣку, т. е. то, что воспринимается (erfasst) человѣческими чувствами. Поэтому онъ учитъ, что ощущенія имѣютъ не только антропологическое, но и метафизическое значеніе, т. е. что на нихъ слѣдуетъ смотрѣть не только какъ на естественные процессы въ человѣкѣ, но и какъ на доказательство истинности и дѣйствительности вещей. Но благодаря этому возрастаетъ также и субъективное значеніе чувственнаго. Если ощущенія суть основы метафизики, то они и съ психологической точки зрѣнія должны составлять истинную субстанцію всего духовнаго.

«Старая абсолютная философія загнала чувства въ область явленія, конечности, но она все же въ противорѣчіе съ этимъ опредѣляла абсолютное божественное какъ предметъ искусства. Но предметъ искусства есть предметъ зрѣнія, слуха, осязанія. Такимъ образомъ предметъ чувствъ есть не только конечное, являющееся, но и истинная, божественная сущность: чувство есть органъ абсолютнаго».

«Мы ощущаемъ не только камни и дерево, не только мясо и кости, мы ощущаемъ также чувства, пожимая руки чувствующаго существа или прикасаясь къ его губамъ; мы воспринимаемъ ушами не только шумъ воды и шуршаніе листьевъ, но и задумчивый голосъ любви и мудрости; мы видимъ не только зеркальныя поверхности и цвѣтвые призраки, мы улавливаемъ также взгляды человѣка. Слѣдовательно, предметомъ чувствъ является не только внѣшнее, но и внутреннее, не только плоть, но и духъ, не только вещь, но и наше «я». Поэтому, все можетъ быть воспринято чувствами, если не прямо, то косвенно, если не грубыми и неразвитыми чувствами, то чувствами развитыми, — если не глазами анатома или химика, то глазами философа»<sup>53</sup>).

Но развѣ «развитыя чувства», развѣ «глаза философа» не являются въ сущности совмѣстнымъ дѣйствіемъ чувствъ и влиянія пріобрѣтенныхъ представленій? Надо, разумѣется, согласиться съ Фейербахомъ, что это совмѣстное дѣйствіе не слѣдуетъ мыслить по просту механически, какъ сумму двухъ функцій — чувственной и духовной. Дѣйствительно, вмѣстѣ съ духовнымъ развитіемъ развиваются до познанія

духовнаго также и чувства, и очень вѣроятно, что при мышленіи возвышеннѣйшихъ и съ виду «вполнѣ сверхчувственныхъ» предметовъ оказываютъ еще значительное содѣйствіе чувственные центры мозга. Но если однако является желаніе отдѣлить въ мышленіи чувственный элементъ отъ духовнаго, то въ области искусства это въ такой же мѣрѣ выполнимо, какъ и во всякой другой области. Идеальный элементъ головы Юноны заключается не въ мраморѣ, а въ ея формѣ. Чувство, какъ таковое, видитъ прежде всего бѣлый блестящій мраморъ; для воспріятія формы требуется уже образованіе. для того же, чтобы оцѣнить ее по достоинству, необходимо, чтобы мысль художника встрѣтилась съ мыслью зрителя. Допустимъ, и это выходитъ еще за предѣлы фейербаховской точки зрѣнія,— что даже отвлеченнѣйшая мысль зиждется на матеріалѣ ощущеній, подобно тому, какъ и тончайшій рисунокъ не можетъ обойтись безъ мѣла или карандаша; все же мы при этомъ въ такой же мѣрѣ можемъ различать форму слѣдованія ощущеній, отъ ихъ матеріальнаго элемента, какъ, на примѣръ, форму Кельскаго собора отъ глыбъ трахита, изъ которыхъ онъ построенъ. Но вѣдь форму собора можно представить и въ рисунокѣ; и развѣ далека отъ этого мысль, что указанная форма слѣдованія ощущеній, составляющая духовный смыслъ въ созерцаніи предмета искусства, въ сущности своей не зависитъ отъ случайнаго матеріала человѣческаго ощущенія, съ которымъ она, правда, для насъ людей несомнѣнно связана? Эта мысль трансцендентна, но противорѣчія въ ней нѣтъ.

Наиболѣе слабый пунктъ въ сущности то, что Фейербахъ рядомъ съ ощущеніемъ, совершенно въ духѣ Гегеля, признаетъ еще всецѣло свободное отъ ощущеній мышленіе и этимъ путемъ вноситъ въ существо чловѣка непоправимый расколъ. То предубѣжденіе, будто существуетъ свободное отъ ощущеній, совершенно чистое, совершенно отвлеченное мышленіе, Фейербахъ раздѣляетъ съ большою массою людей—и къ сожалѣнію съ большинствомъ физиологовъ и философовъ. Но къ его системѣ оно подходитъ менѣе, чѣмъ ко всякой другой. Наиболѣе значительныя наши мысли проявляются именно наиболѣе тонко—а для небрежнаго самонаблюденія незримо тонко—въ чувственномъ матеріалѣ, между тѣмъ какъ сильнѣйшія ощущенія часто имѣютъ только второстепенное значеніе (*Werthbeziehung*) для нашей личности, а еще менѣе имѣютъ они логическаго содержанія. Однако едва ли существуетъ какое нибудь ощущеніе, въ составъ котораго не входило бы отношеніе къ другимъ ощущеніямъ того же класса. Когда я слышу звукъ колокола, то мое ощущеніе уже въ первоначальной своей непосредственности опредѣляется моимъ знакомствомъ съ колоколомъ. Поэтому именно совершенно чуждый намъ звукъ часто имѣетъ въ себѣ нѣчто крайне возбуждающее. Общее содержится въ частномъ, логическое—въ физиологическомъ, какъ вещество содержится въ формѣ. То, что Фейербахъ отдѣляетъ метафизически, слѣдуетъ отдѣлать только логически. Не существуетъ никакого чистаго мышленія, имѣющаго своимъ содержаніемъ одно лишь общее. Не существуетъ также никакого ощущенія, которое не заключало бы въ себѣ чего нибудь общаго. Въ отдѣльности чувственнаго, какъ понимаетъ это Фейербахъ, въ дѣйствительности не существуетъ, и поэтому оно не можетъ быть единственно реальнымъ.

Намъ всегда казалось страннымъ, что интеллигентные противники Фейербаха часто упрекали его въ томъ, будто его система съ нравствен-



ной стороны необходимо должна привести къ чистому эгоизму. Фейербаху можно было бы скорѣе сдѣлать противоположный упрекъ, а именно, что онъ открыто призналъ мораль теоретическаго эгоизма, тогда какъ его система необходимо приводитъ къ прямо противоположному. Кто даже понятіе бытія выводитъ изъ любви, тотъ никоимъ образомъ не можетъ удержать мораль «*Système de la nature*». Истинный нравственный принципъ Фейербаха, которому онъ, впрочемъ, при случаѣ грубо противорѣчить, слѣдуетъ скорѣе обозначить мѣстоименіемъ второго лица. Онъ избрѣлъ туизмъ (*Tuismus*). Каковы же его основанія?

«Всѣ наши идеи происходятъ отъ чувствъ—въ этомъ эмпиризмъ совершенно правъ; онъ забываетъ только то, что наиболѣе важный, наиболѣе существенный объектъ человѣческихъ чувствъ есть самъ человѣкъ, что только при взглядѣ одного человѣка на другого зажигается свѣтъ сознанія и разума. Поэтому идеализмъ правъ, когда ищетъ происхожденія идей въ человѣкѣ, но онъ не правъ въ томъ, что хочетъ вывести ихъ изъ изолированнаго, самаго по себѣ сущаго творенія—изъ человѣка, фиксированнаго какъ душа, короче говоря—что онъ хочетъ вывести ихъ изъ «я» безъ чувственно даннаго «ты». Только путемъ общенія, только изъ бесѣды одного человѣка съ другимъ возникаютъ идеи. Не одинъ, а вдвоемъ съ другимъ достигаетъ человѣкъ понятія и вообще разума. Два человѣка необходимы для созданія человѣка—духовнаго, какъ и физическаго: общеніе человѣка съ человѣкомъ есть первый принципъ и критерій истинности и всеобщности».

«Самъ по себѣ единичный человѣкъ не содержитъ въ себѣ сущности человѣка—не содержитъ онъ ея въ себѣ, ни какъ въ моральномъ, ни какъ въ мыслящемъ существѣ. Сущность человѣка содержится только въ общности, въ единеніи человѣка съ человѣкомъ—въ единеніи, которое опирается только на реальность различія между «я» и «ты».

«Уединеніе есть конечность и ограниченіе, общительность—свобода и безконечность. Человѣкъ самъ по себѣ есть человѣкъ (въ обычномъ смыслѣ); человѣкъ съ человѣкомъ—единство «я» и «ты»—есть Богъ»<sup>54</sup>).

Изъ этихъ положеній Фейербахъ при нѣкоторой послѣдовательности долженъ былъ-бы вывести, что вся человѣческая нравственность и вся высшая жизнь основаны на признаніи другого. Въмѣсто этого онъ впалъ въ теоретическій эгоизмъ. Вину этого надо искать въ безсвязности его мышленія, отчасти въ его борьбѣ съ религіей. Оппозиція противъ религіознаго ученія довела его, между прочимъ, до признанія Гольбаховской морали, которая противна его системѣ. Тотъ человѣкъ, который въ нѣмецкой литературѣ наиболѣе безопасно и наиболѣе послѣдовательно проповѣдовалъ эгоизмъ,—Максъ Штирнеръ—находится по отношенію къ Фейербаху въ самой рѣшительной оппозиціи.

Штирнеръ въ своемъ ославленномъ сочиненіи: «Единичная личность и ея собственность» (1845) доходитъ до того, что отвергаетъ всякую нравственную идею. Все, что какимъ-нибудь образомъ, въ качествѣ ли вѣншей силы, въ качествѣ ли вѣры, или просто какъ понятіе возвышается надъ индивидомъ и его произволомъ, Штирнеръ отвергаетъ какъ ненавистную препону для него самого. Жаль, что къ этой книгѣ—наиболѣе крайней, какая намъ только извѣстна—не написана вторая положительная часть. Это было бы легче, чѣмъ написать вторую часть кт

шеллинговской философии, ибо, исходя из неограниченного «я», можно въ качествѣ своей воли и своего представленія снова создать всякаго рода идеализмъ. Въ самомъ дѣлѣ, Штирнеръ до такой степени отбѣняетъ волю, что она представляется основною силою человѣческаго существа. Это напоминаетъ Шопенгауэра.—Такъ-то все имѣетъ свою изнанку!

Штирнеръ не находится ни въ какой тѣсной связи съ материализмомъ, затѣмъ, его книга не достигла такого вліянія, чтобы намъ стоило дальше на ней останавливаться. Намъ пора обратиться къ настоящему времени.

Паденіе нѣмецкаго идеализма, которое мы ведемъ съ 1830 года, постепенно перешло въ борьбу съ существующими силами государства и церкви; въ этой борьбѣ философскій материализмъ игралъ вначалѣ только второстепенную роль, а между тѣмъ все направленіе эпохи начинало склоняться къ материализму. Нѣмецкую поэзію можно было бы завершить 1830 годомъ, пріятномъ было бы упущено очень мало истинно значительнаго. Не только классическій періодъ закончился, — романтики тоже отпѣли свои пѣсни; Швабская школа пережила уже время своего расцвѣта, и даже Гейне, оказавшій на новый періодъ такое сильное вліяніе, написалъ все, что только еще оживлено идеальнымъ дуновеніемъ, ранѣе этого поворотнаго пункта. Знаменитые поэты умерли, смолкли или перешли на прозу; все, что еще создавалось, носило на себѣ печать искусственности. Нельзя требовать болѣе краснорѣчиваго доказательства внутренней связи между умозрѣніемъ и поэзіей, нежели той формы, въ которой этотъ поворотъ отразился въ философіи. Шеллингъ, нѣкогда наиболѣе сознательный носитель идеи времени, страстный апостолъ творчества, не творилъ болѣе ничего. Геніальность со своими скороспѣлыми плодами исчезла, подобно бурному приливу, уступившему мѣсто отливу. Гегель, который, по-видимому, господствовалъ надъ этой эпохой, пытался заключить идею въ окостенѣвшія формулы. Въ его системѣ дѣйствительно продолжалось еще самымъ рѣшительнымъ образомъ вліяніе великаго идеалистическаго періода на молодое поколѣніе — но въ какомъ видѣ! Особенно пошло на убыль пониманіе Шиллера, что доказывается тѣмъ одобреніемъ, какое нашла въ большей публикѣ безсудебная критика Бёрне.

Гервинусъ, который съ величайшей рѣшительностью высказалъ мысль о предстоящемъ завершеніи нашего періода поэзіи, обольщалъ себя надеждой, что теперь необходимо наступитъ періодъ политики, въ который Германія подъ предводительствомъ какого нибудь политическаго Лютера, достигнетъ лучшей формы существованія; но онъ забылъ при этомъ, что для возрожденія формы, какъ онъ его себѣ представлялъ, во всякомъ случаѣ необходимъ былъ новый порывъ идеализма, и что для начинавшагося теперь реалистическаго періода на первомъ мѣстѣ стояло матеріальное благосостояніе и развитіе промышленной дѣятельности. Правда, на «реалистическую» Францію взирали съ особенною любовью и съ политической стороны. Но что особенно возбуждало симпатіи къ іюльской монархіи и къ французскому конституціонализму въ тѣхъ кругахъ, мнѣніе которыхъ являлось теперь рѣшающимъ, было ихъ отношеніе къ матеріальнымъ интересамъ господствующихъ классовъ. Только теперь купецъ или основатель акціонерныхъ обществъ, какъ Ганземанъ, могъ

стать руководителемъ общественнаго мнѣнія Германіи. Промышленныя союзы и тому подобныя общества въ началѣ тридцатыхъ годовъ росли какъ грибы; въ учебной части горожанами вырастающихъ городовъ, открывались политехническіе институты, промышленныя школы и коммерческія училища, тогда какъ безспорные недостатки гимназій и университета разсматривались сквозь увеличительное стекло неблагоприятнаго настроенія. Правительства стремились одно защитить, другое предотвратить, но въ общемъ они были охвачены тѣмъ же духомъ. Мелкою характерною чертой является то, что преподаваніе гимнастики, устраненное нѣкогда изъ за его идеалистическихъ тенденцій, теперь снова было допущено по соображеніямъ здоровья. Важнѣйшая дѣятельность правительства была посвящена дѣлу сношеній и наиболѣе значительнымъ социально-политическимъ созданіемъ всего десятилѣтія былъ нѣмецкій таможенный союзъ. Еще важнѣе, правда, были позднѣе желѣзныя дороги, въ строеніи которыхъ съ середины десятилѣтія соперничали между собою наиболѣе выдающіеся торговые города. Въ то же самое время проявился наконецъ и въ Германіи интересъ къ естествознанію, и руководящую роль при этомъ играла наука, находящаяся съ практическими интересами въ наиболѣе тѣсной связи,— именно химія. Съ того времени, какъ Либихъ добился въ Гиссенѣ первой лабораторіи при нѣмецкомъ университетѣ, плотина предрасудковъ была прорвана, и послѣ того какъ Гиссенская школа стала выпускать дѣльныхъ химиковъ, прочіе нѣмецкіе университеты сочли себя одинъ за другимъ обязанными слѣдовать данному примѣру. Однимъ изъ самыхъ важныхъ питомниковъ естествознанія былъ Берлинъ, куда съ 1827 года переселился Александръ Гумбольдтъ, тогда уже европейская знаменитость. Эрейбергъ, Довэ и оба Розе, химикъ и минералогъ, дѣйствовали здѣсь уже съ тридцатыхъ годовъ. Къ нимъ присоединился здѣсь Іоганнесъ Мюллеръ, который хотя и прошелъ въ своей юности натурфилософскую школу, но при этомъ не потерялъ трезвой энергіи изслѣдователя. Въ своемъ руководствѣ по физиологіи (1833), такъ же какъ и въ своей неутомимой преподавательской дѣятельности онъ сталъ важнѣйшимъ піонеромъ строгаго естественно-научнаго направленія въ физиологіи; онъ нашелъ приэтомъ могущественную опору въ еще болѣе глубокихъ, особенно въ отношеніи математической точности, работахъ Эрнста Генриха Вебера, который дѣйствовалъ въ Лейпцигѣ. Къ этому присоединилось и то, что французское вліяніе, которое въ то время опять стало сильнымъ въ Германіи, все шло въ эту сторону. Изслѣдованія Флурана, Мажанди, Лере (Leuret), Лонже въ области физиологіи, въ особенности физиологіи мозга и нервной системы, произвели на профессиональныхъ ученыхъ Германіи огромное впечатлѣніе и подготовили почву для дальнѣйшей дѣятельности Фохта и Молешота. Въ Германіи уже тогда—хотя и не такъ гласно, какъ позднѣе—охотно дѣлались выводы относительно природы души. И въ реформѣ психіатріи наиболѣе важное воздѣйствіе оказала опять-таки Франція, ибо ничто въ такой мѣрѣ не было пригодно на то, чтобы навсегда покончить съ трансцендентными химерами теологизирующаго Гейнротта и его послѣдователей, какъ изученіе сочиненій почтеннаго Эскироля, которыя въ 1838 году были переведены на нѣмецкій языкъ. Въ томъ-же году явился переводъ сочиненія Кетлэ о чловѣкѣ, въ которомъ знаменитый бельгій-

скій астрономъ и статистикъ, опираясь на цифры, пытается дать физическое учение о человѣческихъ дѣйствіяхъ.

Наиболѣе значительное вліяніе отливъ идеализма оказалъ въ религіозной области. Увлеченіе благочестивымъ романтизмомъ и исполненною поэзіею церковностью исчезло, оставивъ по себѣ матеріализмъ новой вѣры въ букву и бездушнаго принципа авторитета. Въ то время, какъ Генгстенбергъ задавалъ въ этомъ направленіи тонъ въ Берлинѣ, на югѣ Германіи, напротивъ, Тюбингенская школа рѣзче чѣмъ до тѣхъ поръ, вооруженная строгой наукой, подошла къ области церковныхъ преданій. И если даже въ этихъ стремленіяхъ, которыя сначала связывались съ преклоненіемъ передъ Гегелемъ, несомнѣнно заключалось больше идеализма, чѣмъ въ дѣятельности Генгстенберга, его покровителей и послѣдователей, все же примѣненіе холодной, строго слѣдующей завѣтамъ разума критики, по отношенію къ Библии и къ исторіи церкви служило признакомъ новой эпохи, въ которую со всѣхъ сторонъ утверждалось практическое и рациональное.

Нельзя однако отрицать того, что на ряду съ этимъ общимъ стремленіемъ эпохи къ практическому и матеріальному, живое броженіе умовъ поддерживалось также жаждою лучшаго политическаго строя и ненавистью образованныхъ классовъ къ реакціонной дѣятельности правительства. Чувствовали себя слабыми въ области политики, но зато сильными въ области литературы, науки и беллетристики. Сочиненія «молодой Германіи», вслѣдствіе проявившагося въ нихъ духа оппозиціи, получили значеніе, которое далеко превышало ихъ внутреннюю цѣнность. Въ 1835 году — въ томъ самомъ году, въ которомъ было открыто движеніе на первой желѣзной дорогѣ нѣмецкой земли — появились «Мадонна» Мундта и «Валли» Гуцкова; послѣдняя книга, вслѣдствіе своихъ нападокъ на христіанство, повлекла для ея автора заключеніе въ крѣпость. Тѣмъ не менѣе другой книгѣ, явившейся въ томъ же году, суждено было нанести болѣе тяжкій ударъ правительственному христіанству, которое тогда уже почиталось оплотомъ всякихъ авторитетовъ: это именно сочиненіе Штраусса — «Жизнь Христа». Съ книгою Штраусса Германія переняла руководящую роль въ начатой Англіей и продолженной Франціей борьбѣ за примѣненіе свободной критики къ религіознымъ преданіямъ. И помимо того историко-филологическая критика была блестящимъ пунктомъ нѣмецкой науки. Здѣсь доводы за и противъ были болѣе осязательны, чѣмъ въ области умозрѣнія, и книга стала, такимъ образомъ, прямымъ обращеніемъ ко всякому, который полагалъ себя съ соответствующими знаніями и способнымъ къ критикѣ. Все, что еще осталось отъ идеальнаго окрашенныхъ, но неясныхъ среднихъ возрѣній изъ эпохи романтизма и болѣе ранняго рационализма, разбилося о критическіе вопросы, которые теперь овладѣли всей областью. Взгляды раздѣлились рѣзче, чѣмъ до тѣхъ поръ.

Въ сороковые годы стремленіе къ новому укладу стало агрессивнымъ. Не удовлетворялись уже болѣе тѣмъ, что отваживались на свободное слово или высказывали смѣлую идею: наличныя условія обозначались прямо-таки какъ несостоятельныя. Съ того времени, какъ Руге далъ лозунгъ въ «Hallische Jahrbücher», стремленіе къ политической свободѣ соединилось съ научными и социальными стремленіями всякаго рода въ одну общую оппозиціонную атаку. Предметомъ нападокъ служили главнымъ образомъ церковныя дѣла, и повтому матеріалистическія идеи считались въ общемъ

желанными союзниками, тогда какъ на первомъ планѣ стояли гегеліанство и рационалистическая критика. Въ религіи особенно возмущались тѣми оковами, которыя грозило наложить все болѣе расширявшееся стремленіе науки къ реабилитации. Въ области политики вызывали особенное негодованіе попытки туманнаго романтизма снова вызвать на свѣтъ Божій представленія прошедшихъ вѣковъ. Могло почти казаться, будто научное стремленіе въ борьбѣ съ помѣхами, выдвигаемыми государственною властью, было тайною того напряженія, которое вскорѣ начало раздражаться. Какъ это всегда бываетъ, движеніе по мѣрѣ развитія становилось все болѣе идеалистичткимъ. Къ борьбѣ были призваны религія и поэзія. Политическая поэзія достигла своего кульминаціоннаго пункта. Нѣмецкій католицизмъ нанесъ первый ударъ; за нимъ потянулся цѣлый рядъ бурь по всей Европѣ, и въ 1848 году долго сдерживаемая злоба наконецъ излилась.

Если въ зачаткахъ этого движенія матеріализмъ игралъ еще роль, то въ моментъ рѣшительной борьбы, онъ совершенно исчезъ за идеалистическими стремленіями. Только отпоръ реакціи навелъ умы на то, чтобы снова ревностно приняться за вопросъ о матеріализмѣ и выяснить всесторонне, хотя и не вполне основательно, всѣ доводы за и противъ.

Уже часто можно было замѣтить въ Германіи своеобразную смѣну въ направленіи общаго поступательнаго движенія. За эпохой, въ которую нѣкоторыя господствующія идеи собираютъ всѣ силы для общаго удара, слѣдуетъ другая, въ которую каждый работникъ углубляется въ свою собственную матерію. Такъ, теперь возникаютъ все въ большемъ числѣ конгрессы, временныя собранія, общія нѣмецкія празднества, центральные союзы для всевозможныхъ отраслей и стремленій, и въ этихъ товариществахъ тихо и практически формировалась новая соціальная сила. Но съ первыми признаками рѣшительнаго отлива съ особой энергіей поднялись послѣ идеально-политическаго прилива сорокъ восьмого года матеріальныя интересы. Австрія, поколебленная въ своихъ основахъ, стремилась достигнуть полнаго возрожденія на почвѣ промышленнаго прогресса. Съ лихорадочною поспѣшностью создавалъ фонъ-Брукъ одну дорогу за другой; договоры, спекуляціи, финансовыя мѣры тѣснили другъ друга. За этимъ слѣдовала частная дѣятельность. Въ Богеміи возникли угольные копи, домны, желѣзныя дороги. Въ южной Германіи достигла пышнаго расцвѣта хлопчатобумажная промышленность. Въ Саксоніи создались почти всѣ отрасли металлической и ткацкой промышленности въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ до того времени. Въ Пруссіи съ какимъ-то бѣшенствомъ бросились на горнозаводское дѣло. Уголь и желѣзо стали лозунгомъ времени. Въ Силезіи, а еще болѣе въ Нижне-Рейнской провинціи и Вестфаліи соперничали съ Англіей. Въ какіе-нибудь десять лѣтъ угольное производство въ королевствѣ Саксоніи удвоилось, на Рейнѣ и въ Вестфаліи утроилось, — Силезія занимала мѣсто въ серединѣ между ними. Стоимость произведеннаго чугуна удвоилась въ Силезіи, а въ западной части Прусской монархіи она увеличилась въ пять разъ. Стоимость всей горнозаводской промышленности возросла болѣе чѣмъ въ три раза, то же относится и къ продуктамъ плавильни. Желѣзныя дороги были приспособлены для огромной перевозки товаровъ и вслѣдствіе этого достигли такого движенія, о какомъ раньше и не мечтали. Рейды процвѣтали, и вывозная торговля приняла въ нѣкоторыхъ частяхъ поразительные размѣры. Нѣмецкое единство, послѣ потери парламента,

стараятся поддержать мѣроу вѣсовъ и монетой. Довольно характеренъ былъ вексельный уставъ—собственно одно, что осталось отъ великаго стремленія къ единству.

Рука объ руку съ матеріальнымъ прогрессомъ шель свѣжій подъемъ естественныхъ наукъ, и въ особенно тѣсное отношеніе къ жизни вступила химія. Можно было бы при этомъ удовлетвориться положительными фактами, именно полезными результатами естественныхъ наукъ, а во всемъ остальномъ слѣдовать удобной и безыдейной ортодоксіи. Тогда получился бы практическій матеріализмъ во всей своей законченности,—ибо ничто такъ не сберегаетъ силы для приобрѣтенія, ничто не обезпечиваетъ въ такой степени беззаботную способность къ наслажденію, ничто до такой степени не закаляетъ сердце противъ ненавистныхъ припадковъ состраданія и сомнѣнія въ собственномъ совершенствѣ, какъ полная духовная пассивность, которая отвергаетъ какъ нѣчто бесполезное всякое размышленіе о связи явленій и о противорѣчіяхъ опыта и традиціи.

Германія никогда не можетъ отдаться всецѣло такому матеріализму. Старый творческій инстинктъ искусства неутомимъ и неусыпимъ; можно было на время забыть стремленіе къ объединенію отечества, но нельзя было забыть объединительныхъ стремленій разума. Этого рода зодчество ближе нашему сердцу, чѣмъ архитектура средневѣковыхъ соборовъ. И когда патентованный строитель спитъ, тогда бойко дѣйствуетъ свобода промысла,—за лопатку метафизики хватаются химики и фізіологи. Германія, единственная на землѣ страна, въ которой аптекарь не можетъ приготовить лекарства, не сознавая связи своей дѣятельности съ существованіемъ вселенной. Эта идеальная черта во время глубочайшаго застоія въ философіи дала намъ по крайней мѣрѣ матеріалистическій споръ, какъ напоминаніе легко удовлетворяющейся массы «образованныхъ» о томъ, что за предѣлами повседневной привычки къ работѣ и экспериментированію находится еще безконечная область, погруженіе въ которую освѣжаетъ духъ и облагораживаетъ душу.

Одно во всякомъ случаѣ можетъ быть поставлено въ высокую заслугу нѣмецкимъ естествоиспытателямъ того времени, именно то, что они по своему разумнію подняли ту перчатку, которая была брошена наукѣ ничтожествами дерзкими. Нѣтъ болѣе вѣрнаго доказательства безсилія и униженія философіи, какъ то, что она молчала въ то время, когда жалкіе фавориты жалкихъ правителей собирались приказать мысли обратиться вспять.

Правда, естествоиспытатели были вызваны на это нѣкоторыми людьми изъ ихъ собственныхъ рядовъ—людьми, которые безъ малѣйшаго научнаго повода чувствовали побужденіе выступить противъ духа, господствовавшаго въ изслѣдованіи природы. «Всеобщая газета» (*Allgemeine Zeitung*), которая дошла до того, что предоставила столбцы своихъ, вѣкогда высоко стоявшихъ приложений, менѣе научной группѣ профессоръ, можетъ отчасти претендовать на инициативу при возбужденіи этого спора. 1852 годъ въ самомъ своемъ началѣ принесъ «Физиологическія письма» Р. Вагнера. Въ апрѣлѣ Мошотъ подписалъ предисловіе къ своему «Круговороту жизни», а въ сентябрѣ Фохтъ въ своихъ «Картинахъ изъ жизни животныхъ» заявилъ, что настало время выступить противъ все болѣе и болѣе распространяющейся жажды авторитета.

Изъ обоихъ этихъ застрѣльщикова матеріалистическаго направленія

одинъ былъ эпигономъ натурфилософіи, а другой—отставной государствен-  
ный правитель, слѣдовательно, отчаявшійся идеалистъ. Оба они, не ли-  
шенные стремленія къ самостоятельному изслѣдованію, все же главнымъ  
образомъ блестятъ талантомъ изложенія. Если Фохтъ ясніе и точнѣе въ  
частностяхъ, то Молешотъ, напротивъ, лучше продумалъ и округлилъ  
цѣлов. Фохтъ чаще противорѣчитъ самому себѣ; у Молешота больше  
положеній, у которыхъ нѣтъ никакого опредѣленнаго смысла. Главное сочи-  
неніе Фохта по этому спорному предмету («Простодушная вѣра и наука»)  
появилось впрочемъ только послѣ того Гѣттингенскаго собранія естество-  
испытателей (1854), которое приблизительно повторило картину великихъ  
религіозныхъ диспутовъ эпохи реформаціи. Къ тому времени, когда споръ  
достигъ наибольшей страстности (1855), относится также Бюхнеровское  
сочиненіе «Сила и матерія», которое возбудило больше толковъ и во  
всякомъ случаѣ подверглось болѣе строгой оцѣнкѣ, чѣмъ какое-либо дру-  
гое сочиненіе изъ этого рода литературы. Мы рѣшительно должны отвер-  
гнуть тѣ нравственные упреки, которые были брошены Бюхнеру по поводу  
перваго изданія его сочиненія; но съ другой стороны мы такъ же мало  
можемъ признать его притязаніе на самостоятельное философское значе-  
ніе, какое выставляетъ Бюхнеръ. Подвергнемъ поэтому прежде всего  
разсмотрѣнію требованія предъявляемыя имъ къ философіи.

Бюхнеръ, обосновавъ въ предисловіи къ своему сочиненію свое пре-  
небрежніе къ искусственному языку философіи, заявляетъ слѣдующее:

«Философія по самой своей природѣ есть общее достояніе. Философскія  
разсужденія, которыя не могутъ быть поняты каждымъ обра-  
зованнымъ человѣкомъ, не заслуживаютъ, по нашему мнѣнію, той  
типографской краски, которая на нихъ затрачена. Что ясно мыслится, то  
можетъ быть сказано такъ же ясно и безъ околичностей».

Этимъ Бюхнеръ выставляетъ совершенно новое понятіе въ философіи,  
не опредѣляя его однако точнѣе. Что до тѣхъ поръ называлось филосо-  
фіей, то никогда не было общимъ достояніемъ всѣхъ и не могло быть  
понято «каждымъ образованнымъ человѣкомъ»,—по крайней мѣрѣ, безъ  
глубокихъ и обстоятельныхъ подготовительныхъ занятій. Системы Гераклита,  
Аристотеля, Спинозы, Канта, Гегеля требуютъ самаго упорнаго труда, и  
если и послѣ того у нихъ не все ясно, то это, пожалуй, вина указан-  
ныхъ философовъ. Что ихъ сочиненія имѣли въ глазахъ нашихъ предковъ  
больше цѣны, чѣмъ типографская краска,—это несомнѣнно, ибо иначе они  
не были бы печатаемы, продаваемы, оплачиваемы, хвалимы, и даже часто  
читаемы. Но очевидно Бюхнеръ обращаетъ свои слова къ живымъ, въ  
наиболѣе смѣломъ значеніи этого слова. Онъ не даетъ себѣ труда изслѣдовать,  
какое значеніе эти системы имѣли въ прошедшемъ. Онъ не останавливается  
также на томъ, какое вліяніе это прошедшее имѣло на настоящее, и не  
связано ли необходимымъ ходомъ развитія наше настоящее мышле-  
ніе съ усиліями этихъ философовъ. Надо будетъ также допустить, что  
Бюхнеръ признаетъ нѣкоторое значеніе за исторіей философіи, ибо, по-  
добно многимъ предметамъ природы, заслуживаетъ во всякомъ случаѣ  
изслѣдованія и мышленія человѣка—притомъ такого изслѣдованія, при кото-  
ромъ не должно ограничиваться поверхностнѣйшими продуктами мыслитель-  
ной дѣятельности. Бюхнеръ написалъ даже статью о Шопенгауэрѣ, въ которой  
онъ правда старается дать большой публикѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о свое-  
образномъ мышленіи этого философа, но признаетъ также, что Шопен-

гауэръ и теперь еще долженъ оказать «важное воздѣйствіе на ходъ современнаго намъ философскаго развитія». А между тѣмъ Шопенгауэръ является представителемъ такого идеализма, который по сравненію съ Кантовскимъ долженъ быть обозначенъ реакціоннымъ, и сверхъ того, его вовсе не легко понять.

Не одного только лучшаго и удобопонятнаго изложенія философіи требуетъ Бюхнеръ; ибо въ томъ, что до того времени обозначалось именемъ философіи, возникали такіе вопросы, которые не стали бы понятнѣе отъ самаго популярнаго изложенія—именно потому, что трудность въ самомъ предметѣ. Но мы, конечно, вполне согласны съ Бюхнеромъ въ томъ, что рѣшительно пора уничтожить до остатка такъ называемую эзотерическую форму преподаванія. Правда, большинство философовъ лишилось бы при случаѣ своихъ кафедръ, если бы радикализмъ ихъ подлинныхъ основоположеній былъ въ такой же мѣрѣ понятенъ, какъ лояльность (Verträglichkeit) практическихъ примѣненій. къ которымъ они часто приходятъ самыми странными окольными путями; но это не было бы несчастіемъ для человѣческаго прогресса. Кантъ, который былъ благородно мыслящимъ человѣкомъ и кромѣ того могъ положиться на великаго короля и просвѣщеннаго министра фонъ-Зедлица, все же еще столько сохранилъ отъ прежнихъ эзотерическихъ взглядовъ, что считалъ, напримѣръ, матеріализмъ вслѣдствіе его удобопонятности болѣе опаснымъ, нежели скептицизмъ, который требуетъ большаго. Собственный глубокой радикализмъ Канта до такой степени прикрытъ частію трудностью точки зрѣнія, частію трудностью языка, что онъ выступаетъ вполне только послѣ самаго глубокаго и свободаго отъ предразсудковъ изученія, и что Бюхнеръ нашелъ бы у него, пожалуй, больше годнаго для теперешняго мышленія, чѣмъ у Шопенгауэра, если-бы пожелалъ надъ нимъ поработать. Хотя мы и должны согласиться съ Бюхнеромъ въ томъ, что надо разъ навсегда покончить съ умышленнымъ затрудненіемъ непосвященнымъ пониманія философіи, все же мы никоимъ образомъ не можемъ надѣяться и желать, чтобы когда либо были вытѣснены изъ области философіи и трудности, лежащія въ самомъ предметѣ. На одной сторонѣ стоитъ немигнуемое слѣдствіе великаго демократическаго міроворота, не допускающаго болѣе никакихъ тайнъ просвѣщенія и свободомыслія и хотеть также и массамъ доставить плоды того, что добыто общемою работою человѣчества; на другой сторонѣ—желаніе, вопреки этому соображенію о потребностяхъ массы, не дать оскудѣть и наукѣ и по возможности предотвратить паденіе современной культуры путемъ утвержденія всей нашей сокровищницы философскихъ воззрѣній. Указанная откровенность въ томъ, что касается слѣдствій философскаго ученія, необходима не столько какъ уступка большой публикѣ образованныхъ, сколько какъ путь къ эмансипаціи наибольшей публики, т. е. низшихъ классовъ народа, достигающихъ сознанія своего болѣе высокаго предназначенія. Наши «образованные», напротивъ, въ своей самодовольной поверхностности уже и безъ того такъ пресыщены, что положительно нѣтъ никакого смысла обольщать ихъ еще тою мыслью, будто въ философіи нѣтъ ничего, чѣмъ они—стоитъ имъ только протянуть руку—не могли бы въ такой же степени обладать, какъ самые знаменитые философы. Но если называть философіей популярное просвѣщеніе, которое изъ результатовъ науки дѣлаетъ употребленіе именно постольку, поскольку это нужно для устраненія самыхъ



разительныхъ предразсудковъ,—тогда для той философіи, которая содержитъ въ себѣ общую теорію всѣхъ наукъ, слѣдуетъ изобрѣсти новое названіе. Или можетъ быть станутъ отрицать, что возможна еще философія въ этомъ смыслѣ и при теперешней точкѣ зрѣнія науки?

Вообще положеніе, что все то, что ясно мыслится, должно быть еще и ясно выражено, какъ бы истинно оно само по себѣ ни было, подвержено крайнему злоупотребленію. Великій Лапласъ своею аналитическою теоріей вѣроятностей ужъ несомнѣнно далъ совершенный образецъ яснаго изложенія, — и тѣмъ не менѣе въ числѣ людей, которые немного занимались математикой въ цѣляхъ общаго образованія, найдется очень мало такихъ, которые даже при нѣкоторомъ стараніи въ состояніи были бы понять это изслѣдованіе. Вообще въ математикѣ даже самое ясное изложеніе будетъ, подобно незнакомому языку, непонятно всякому, кому не привычны тѣ понятія, которыми оперируютъ. То же самое можетъ встрѣтиться и въ философіи. Оставляя въ сторонѣ всякія другія доказательства, мы обратимъ здѣсь вниманіе лишь на то, что нѣтъ ни одной отрасли математики, которую нельзя было бы подвергнуть философской обработкѣ. Лапласъ самъ обработалъ философски основныя понятія теоріи вѣроятностей, и сочиненіе это не оттого болѣе удобопонятно, чѣмъ аналитическая теорія, что оно философское, а оттого, что оно разсматриваетъ основныя понятія. И при всемъ томъ «Философскій опытъ о вѣроятностяхъ» все еще представитъ для многихъ образованныхъ людей значительныя трудности.

Здѣсь, впрочемъ, въ пользу Бюхнера слѣдуетъ указать на то, что философія выступала не только какъ квинтъ-эссенція наукъ—какъ послѣдній выводъ изъ сравненія ихъ результатовъ, но не менѣе часто какъ введеніе и подготовленіе. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ понимала философію уже схоластика, и вплоть до новѣйшаго времени остался въ нашихъ университетахъ обычай предпосылать специальнымъ изслѣдованіямъ чтенія по философіи. А въ Англіи и Франціи философская разработка предмета очень часто смѣшивалась съ общедоступною. Этимъ объясняется то, что въ Германіи Бюхнеръ цѣнится въ качествѣ популярнаго полемическаго писателя, тогда какъ его многочисленные приверженцы въ Англіи и Франціи скорѣе склонны подтвердить его притязаніе на философское значеніе.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ примѣровъ относительности нашихъ понятій можно, далѣе, видѣть въ томъ, что тѣ самыя свойства, благодаря которымъ Бюхнеръ представляется большой публикѣ яснымъ, прямо противоположны тому, что считается яснымъ болѣе строгой наукой. Если бы, напримѣръ, Бюхнеръ употреблялъ понятіе гипотезы въ научномъ смыслѣ, то онъ, надо думать, сталъ бы для многихъ своихъ читателей непонятнымъ, такъ какъ требуется довольно большое логическое развитіе, а также нѣкоторая ориентировка въ исторіи наукъ для такого построенія этого понятія, которое было бы ясно и для отчетливо мыслящаго человѣка. У Бюхнера же «гипотеза» означаетъ всякаго рода необоснованныя предположенія, какъ, напримѣръ, дедуктивныя положенія философскаго умозрѣнія<sup>65)</sup>. Выраженіе «матеріализмъ» то является у него въ правильномъ, историческомъ смыслѣ, то отождествляется съ «реализмомъ» или съ «эмпиризмомъ»; встрѣчаются даже мѣста, гдѣ это, наиболѣе положительное изъ всѣхъ философскихъ понятій употребляется чисто отрицательно и почти совпадаетъ со скептицизмомъ. Еще сильнѣе варь-

ирует значеніе слова «идеализмъ», которое часто представляется чуть ли не синонимомъ «ортодоксіи». Но именно благодаря такому туманному представленію эти понятія являются ясными для тѣхъ, которые точнаго значенія такого рода выраженій не знаютъ и все же ощущаютъ потребность о нихъ поговорить. Это приблизительно то же, что дѣйствіе очковъ для различныхъ разстояній и различныхъ глазъ. Кто эти вещи своими глазами видитъ дальше, тому сквозь Бюхнеровскіе очки все покажется неяснымъ, но тотъ, кто крайне близорукъ, полагаетъ, что видитъ черезъ эту среду яснѣе, и онъ въ самомъ дѣлѣ видитъ яснѣе, чѣмъ безъ нихъ. Жаль только, что очки эти въ то же время сильно окрашены! Въ особенности часто случается, что Бюхнеръ считаетъ собственно философскія ученія очень наивными, ибо онъ замѣчаетъ, что въ дѣйствительности они въ своемъ консервативномъ стремленіи уживались съ грубыми представленіями повседневной жизни. Такъ, въ особенности глава о врожденныхъ и идеяхъ можетъ только пробудить въ насъ воспоминанія о риторическихъ украшеніяхъ какогонибудь невѣжественнаго проповѣдника или о сомнительныхъ оборотахъ какойнибудь книги для прилежныхъ мальчиковъ; но мы напрасно стали бы искать въ новѣйшей философіи такого положенія, въ которомъ дѣйствительно высказывались бы оспариваемыя Бюхнеромъ ученія. Здѣсь, правда, мы видимъ также то, что для нашихъ податливыхъ (zahmen) философовъ является справедливымъ наказаніемъ за ихъ недобросовѣстность: они, такъ сказать, получаютъ пощечины всенародно, не возбуждая къ себѣ въ публикѣ, слѣдующей здѣсь своему внутреннему расположенію, ни малѣйшаго сочувствія.

Разъ Бюхнеръ шатокъ и своеволенъ въ употребленіи отдѣльныхъ понятій, то онъ, конечно, и не можетъ быть разсматриваемъ какъ представитель ясно выраженнаго, опредѣленнаго, положительнаго принципа. Рѣзокъ, беспощаденъ и послѣдователенъ онъ только въ отрицаніи; но это рѣзкое отрицаніе вовсе не есть слѣдствіе сухого, чисто критическаго разсудка; оно скорѣе происходитъ отъ фанатическаго одушевленія прогрессомъ гуманности, побѣдой истиннаго и прекраснаго. То, что стоитъ этому на пути, онъ достаточно позналъ для того, чтобы его беспощадно преслѣдовать. Многое невинное представляется ему подозрительнымъ. Но все, что не подозрительно, гдѣ нѣтъ никакого плутовства, никакого подвоха противъ научнаго и нравственнаго прогресса, — все это ему подходитъ. Бюхнеръ, по существу своему, натура идеалистическая. Онъ происходитъ изъ семьи, поэтически весьма богато одаренной. Одинъ изъ его братьевъ, рано скончавшійся, былъ поэтомъ, подававшимъ большія надежды; другой точно также получилъ извѣстность въ качествѣ поэта и историка поэзіи; его сестра, Луиза Бюхнеръ, пользуется широкою славой какъ богато одаренная писательница и какъ составительница сборника нѣмецкихъ потессъ. Самъ онъ, подобно Ламеттри, еще ученикомъ выдавался своими литературными, философскими и поэтическими изслѣдованіями, а также стилистическими работами. И онъ точно также посвятилъ себя изученію медицины, по желанію отца; затѣмъ его можно сравнить съ его французскимъ предшественникомъ и въ томъ, что онъ въ этой новой для него области тотчасъ же примкнулъ къ опредѣленному направленію, именно—къ раціональной школѣ. Болѣе серьезный и дѣльный, нежели указанный французскій писатель, онъ съ того времени обратилъ свой богатый и многосторонній талантъ отчасти на научныя изслѣдованія, отчасти же на общедоступное

изложение и публицистическое примѣненіе результатовъ новѣйшихъ естественно-научныхъ изслѣдованій. Во время этой дѣятельности онъ никогда не упускалъ изъ виду отношенія къ великимъ задачамъ возрастающей гуманности.

Хотя Бюхнеръ, подъ вліяніемъ Молешота и въ такой же реторико-эмфатической формѣ, во многихъ своихъ изреченіяхъ высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ за матеріализмъ, все же его дѣйствительное направленіе—которое, впрочемъ, на основаніи противорѣчивыхъ мѣстъ весьма трудно возстановить съ увѣренностью—болѣе релятивистическое<sup>56)</sup>. Конечныя загадки жизни и бытія, по его многократно выраженному мнѣнію, не разрѣшимы<sup>57)</sup>. Эмпирическое изслѣдованіе, которое одно можетъ привести насъ къ истинѣ, не допускаетъ возможности предположить что либо сверхчувственное. Какъ только мы въ нашемъ мышленіи выступаемъ за предѣлы опыта, то неминуемо попадаемъ на путь заблужденій. Вѣра, которая въ такомъ случаѣ не имѣетъ ужь никакого отношенія къ фактической сторонѣ, можетъ переходить въ эти области, но разумъ за нею слѣдовать не можетъ и не долженъ. Философія должна исходить отъ естествознанія; того, что учить это послѣднее, мы должны держаться до тѣхъ поръ, пока мы на томъ же пути не добудемъ болѣе глубокаго воззрѣнія. Замѣчательно, что Бюхнеръ вовсе не допускаетъ поэтико-символическаго значенія философскихъ или религіозныхъ положеній. Въ отношеніи къ этимъ вопросамъ онъ порвалъ даже со своею собственною поэтической натурою, и все для него либо истина, либо ложь. Но этимъ въ сущности отвергается не только умозрѣніе и религіозная вѣра, но и всякая поэзія, выражающая идею въ образѣ.

При разборѣ отдѣльныхъ вопросовъ какъ Молешотъ, такъ и Бюхнеръ часто обнаруживаютъ большую, истинно философскую проницательность, которая затѣмъ опять смѣняется лишенными точнаго смысла тривиальностями. Такъ напримѣръ, въ книгѣ Бюхнера «Сила и матерія» большая часть главы «Мысль» является образцомъ осмотрительной діалектики—правда, только отрывокъ главы, ибо превосходная критика извѣстнаго изреченія Фохта объ отношеніи мысли къ мозгу кончаетъ совершеннымъ дуализмомъ силы и матеріи, и дуализмъ этотъ затѣмъ нигдѣ не устраняется, а лишь прикрывается быстро несущимся потокомъ рѣчи.

«Мысль, духъ, душа», говоритъ Бюхнеръ, «не есть что либо матеріальное и даже не вещество, а лишь сросшійся во-едино комплексъ многообразныхъ силъ, результатъ совмѣстнаго дѣйствія многихъ веществъ, одаренныхъ силами или свойствами». Онъ сравнивалъ это дѣйствіе съ дѣйствіемъ паровой машины, сила которой не видима, не обояема и не осязаема, ибо выбрасываемый паръ есть побочный элементъ и не имѣетъ никакого отношенія къ тому, «что составляетъ цѣль машины». О каждой силѣ можно «заклЮчить» только изъ ея проявленія, или, какъ это болѣе послѣдовательно и болѣе согласно съ общимъ ходомъ мыслей выражено въ первомъ изданіи—«идеально построить». Сила и вещество нераздѣльны, но въ понятіи они рѣзко расходятся другъ съ другомъ», и «въ нѣкоторомъ смыслѣ даже отрицаютъ другъ друга». «Мы по крайней мѣрѣ не знаемъ, можно ли иначе опредѣлить духъ, силу, кромѣ какъ нѣчто невещественное, само по себѣ исключющее вещество или противоположное ему».

Даже самому вѣрующему спиритуалисту не нужно ничего болѣе, чтобы возвести на этомъ основаніи все свое зданіе; и изъ этого опять-таки ясно

видно, какъ мало основательна надежда на то, будто одного распростра-  
ненія материалистическаго воззрѣнія на природу, со всѣми служащими  
ему опорой свѣдѣніями, когда либо будетъ достаточно, чтобы иско-  
ренилъ религіозныя или суевѣрныя мнѣнія, къ которымъ человѣкъ  
склоняется по причинамъ, заложеннымъ глубже, чѣмъ его теоретическое  
воззрѣніе на предметы природы. Что сила и матерія нераздѣльно между  
собою связаны, для видимой и осязаемой природы доказано въ достаточ-  
ной мѣрѣ. Но если сила по существу своему есть нѣчто сверхчувственное,  
то почему бы ей не пребывать въ мірѣ, для воспріятія нашихъ чувствъ  
недоступномъ — самой по себѣ или въ связи съ невещественными суб-  
станціями?

Несравненно правильнѣе и послѣдовательнѣе Бюхнера понимали дѣло  
болѣе ранніе материалисты, которые всю силу и движеніе, давленіе и ударъ,  
приводятъ къ матеріи и, какъ это въ особенности образцово провель То-  
ландъ, представляли матерію какъ нѣчто само по себѣ движущееся  
и даже покой понимали только какъ частный случай движенія.

Но не говоря уже о тѣхъ трудностяхъ, какія представляетъ для до-  
казательства этого воззрѣнія современная физика съ ея совершенно не-  
понятными дѣйствіями на разстояніи, остается еще другой пунктъ, оди-  
наково трудный для всякаго материализма; но въ крайне неясномъ воз-  
зрѣніи Бюхнера, безъ разбора смѣшивающемъ силу и духъ, эта трудность  
болѣе прикрыта. Дѣло въ томъ, что Бюхнеръ выработалъ себѣ все міро-  
воззрѣніе и написалъ главное свое сочиненіе, не зная еще закона со-  
храненія силы. Когда онъ затѣмъ узналъ этотъ законъ, онъ посвя-  
тилъ ему особую главу и по просту включилъ его въ число новыхъ до-  
казательствъ своего материалистическаго міровоззрѣнія, не провѣривъ  
связнова всѣхъ пунктовъ своего построенія при свѣтѣ этого, въ высокой  
степени важнаго ученія. Въ противномъ случаѣ, онъ легко долженъ былъ  
бы придти къ выводу, что и мозговые процессы строго подчинены  
закону сохраненія силы, а благодаря этому, какъ мы подробнѣе покажемъ  
впослѣдствіи, всѣ силы неизмѣнно становятся механическими, ста-  
новятся движеніемъ и потенціальными силами (*Spannkräfte*). Такимъ пу-  
темъ можно всего человѣка, со всѣми его значительными въ духовномъ  
отношеніи дѣяніями, конструировать механически, но все, что происходитъ  
въ мозгу, будетъ давленіемъ и движеніемъ, а отъ этого до «духа» или  
даже только до сознательнаго ощущенія разстояніе столь же велико, какъ  
и отъ матеріи до духа.

Какъ мало Бюхнеръ сознавалъ эту трудность, показываетъ въ высокой  
степени странное добавленіе, которое онъ — продолжая по прежнему смѣши-  
вать духъ съ силой — вноситъ въ позднѣйшее изданіе. Онъ находитъ,  
что мозгъ, который производитъ такой странный продуктъ, какъ духъ,  
одинъ изъ всѣхъ органовъ устаетъ и нуждается во снѣ; «это обстоя-  
тельство является весьма существеннымъ различіемъ не только между ука-  
занными органами. но и различіемъ между технической и механи-  
ческой дѣятельностью вообще». Затѣмъ ему приходятъ на мысль  
мышцы, и онъ съ непростительною для фвіолога поверхностностью прибав-  
ляетъ: «то же относится и къ тѣмъ органамъ, которые приводятся въ движеніе  
посредствомъ животной нервной системы, слѣдовательно, и къ произволь-  
нымъ мышцамъ». Что и мускулы устаютъ, когда накопленная въ нихъ  
потенція использована, между тѣмъ какъ мозгъ еще долго могъ бы при-

сылать имъ новыя освободительныя раздраженія, этого, очевидно, Бюхнеръ во вниманіе не принималъ.

Причина, почему столь одаренные и исполненные честныхъ стремлений люди, какъ Молешотъ и Бюхнеръ, не вникли въ свой матеріалъ глубже, не въ томъ только заключается, что они съ самаго начала замѣнили философію популярнымъ изложеніемъ и разъясненіемъ, ибо въ этихъ предѣлахъ можно было бы поставить значительно большія требованія, и общедоступное изложеніе можетъ заключать въ себѣ истинно философское содержаніе, не исчерпывая однако задачи философіи. Но въ такомъ случаѣ въ основу изложенія должно быть по меньшей мѣрѣ послѣдовательно и ясно положено опредѣленное возрѣніе, чего у большинства нашихъ матеріалистовъ мы не находимъ. Причину этого надо искать въ отголоскахъ Шеллинга-Гегелевой философіи.

Мы назвали выше Молешота эпигономъ натурфилософіи, и сдѣлали мы это вполне обдуманно. Не потому онъ эпигонъ натурфилософіи, что въ молодые свои годы усердно изучалъ Гегеля, а позднѣе слѣдовалъ Фейербаху, а потому, что это духовное направленіе замѣтно еще повсюду въ его какъ будто столь послѣдовательномъ матеріализмѣ, притомъ въ вопросахъ, въ метафизическомъ отношеніи рѣшающихся. То же относится и къ Бюхнеру, который не только часто выставлялъ какъ авторитетъ Фейербаха,—мыслителя совершенно неяснаго, хотя и съ могучей закваской,—но и своими собственными изреченіями довольно часто блуждаетъ въ смутномъ пантеизмѣ.

Вопросъ, о которомъ собственно идетъ рѣчь, можетъ быть совершенно ясно опредѣленъ. Онъ какъ бы яблоко въ логическомъ грѣхонпаденіи нѣмецкой философіи послѣ Канта,—это именно: отношеніе между субъектомъ и объектомъ въ познаніи.

По Канту наше познаніе происходитъ изъ взаимодѣйствія между ними обоими: положеніе необыкновенно простое, но все же постоянно упускаемое изъ виду. Изъ этого возрѣнія вытекаетъ, что нашъ міръ явленій есть не только продуктъ нашихъ представленій (Лейбницъ, Берклеи), что онъ не есть также адекватный образъ дѣйствительныхъ вещей—онъ продуктъ объективныхъ воздѣйствій и субъективной формировки. Не то, что въ той или иной формѣ позналъ какой нибудь отдѣльный человекъ, въ силу случайнаго настроенія или недостаточной организаціи, а то, что необходимо познается человѣчествомъ въ цѣломъ, въ силу его чувственности и разума,—вотъ что Кантъ назвалъ въ нѣкоторомъ смыслѣ объективнымъ. Онъ назвалъ это объективнымъ, поскольку рѣчь идетъ о нашемъ опытѣ; но онъ напротивъ считаетъ трансцендентнымъ, или, иначе говоря, ложнымъ примѣнять такія познанія къ вещамъ въ себѣ, т. е. къ вещамъ, существующимъ абсолютно и независимо отъ нашего познанія.

Но его послѣдователи снова ощутили жажду абсолютнаго познанія и, совершенно оставивъ тропу осматрительнаго мышленія, они создали такое познаніе догматикою своихъ философемъ. Возникла великая аксіома о единствѣ субъективнаго и объективнаго—легендарное *petitio principii* объ единствѣ мышленія и бытія, подъ влияніемъ котораго оказывается еще и Бюхнеръ.

По Канту такое единство существуетъ только на опытѣ; это единство есть сліяніе: оно не есть чистое мышленіе и не пред-

ставляетъ бытія. По Гегелю же выходитъ наоборотъ: именно абсолютное мышленіе совпадаетъ будто бы съ абсолютнымъ бытіемъ. Эта мысль, вслѣдствіе своей гравдіозной нелѣпости, соотвѣтствовавшей потребности эпохи, пустила корни. Она-то и есть основа прославленной натурфилософіи. Въ смутномъ броженіи Гегелевской школы часто невозможно было ясно опредѣлить, что собственно разумѣютъ подъ этой мыслью. Ее съ самаго начала можно было понять или какъ дѣйствительный метафизическій принципъ, или какъ гигантскій категорическій императивъ къ ограниченію метафизики. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ приближаются къ Протагору. Слѣдуетъ ли понятіе истиннаго, добраго и дѣйствительнаго и т. д. опредѣлять такъ: мы называемъ истиннымъ, дѣйствительнымъ добрымъ и т. д. то, что является таковымъ для человѣка,—или намъ слѣдуетъ себѣ представить, что то, что человѣкъ познаетъ какъ таковое, въ одинаковой мѣрѣ имѣетъ силу и для всѣхъ мыслящихъ существъ, какія существуютъ и могутъ существовать?

Послѣднее воззрѣніе, которое одно соотвѣтствуетъ истинному первоначальному гегелианству, необходимо приводитъ къ пантеизму, ибо въ немъ уже какъ аксіома предполагается единство человѣческаго духа съ духомъ вселенной и со всѣми другими духами. Однако, часть эпигоновъ придерживалась вмѣстѣ съ Фейербахомъ категорическаго императива: дѣйствительно то, что является таковымъ для человѣка, т. е. такъ какъ мы не можемъ ничего знать о вещахъ самихъ по себѣ, то мы и не хотимъ о нихъ ничего знать—и кончено!

Старая метафизика стремилась къ познанію вещей самихъ по себѣ; натурфилософія снова впала въ это заблужденіе. Одинъ Кантъ стоитъ на той рѣшительной и совершенно ясной точкѣ зрѣнія, что мы о вещахъ самихъ по себѣ знаемъ только одно то, чѣмъ Фейербахъ пренебрегъ, а именно, что мы ихъ должны предположить какъ необходимое слѣдствіе нашего собственнаго разума: т. е. человѣческое познаніе представляется только маленькимъ островкомъ на громадномъ океанѣ всего вообще возможнаго познанія.

Фейербахъ и его послѣдователи все снова впадаютъ въ трансцендентное гегелианство—именно потому, что они не обращаютъ вниманія на этотъ пунктъ. При «чувственности» Фейербаха часто даже трудно думать о глазѣ и ухѣ, не говоря уже о примѣненіи этихъ органовъ въ точныхъ наукахъ. Его чувственность есть новая форма абсолютнаго мышленія, которая совершенно не считается съ фактическимъ опытомъ. Что онъ несмотря на то именно на нѣкоторыхъ естествоиспытателей оказалъ огромное вліяніе, объясняется не характеромъ эмпирическихъ наукъ, а воздѣйствіемъ натурфилософіи на молодую Германію.

Остановимся на минуту на отголоскахъ абсолютнаго духа у Молешота.

Въ своемъ «Круговоротѣ жизни» этотъ ловкій писатель распространяется между прочимъ и объ источникахъ человѣческаго познанія. Послѣ крайне удивительной похвалы по адресу Аристотеля и одного мѣста о «Кантѣ», въ которомъ Молешотъ опровергаетъ призракъ этого философа такими положеніями, какія дѣйствительный Кантъ могъ бы допустить безъ всякаго вреда для своей системы, слѣдуетъ то мѣсто, которое мы имѣемъ въ виду. Оно начинается образцово ясно, но затѣмъ переходитъ постепенно въ такой метафизическій туманъ, подобный которому даже трудно найти въ нашемъ, богатомъ туманами отечествѣ. Соотвѣтственно

нашей цѣли, мы хотимъ сдѣлать замѣтными наиболѣе густыя туманныя массы раздвинутымъ шрифтомъ.

«Всѣ факты, всякое наблюдение надъ цвѣткомъ, жукомъ, открытіе міра, и уловленіе особенностей человѣка,—что они собственно такое, какъ не отношеніе предметовъ къ нашимъ чувствамъ? Если коловратка обладаетъ глазомъ, который состоитъ только изъ роговой оболочки, то развѣ она не будетъ получать другихъ представленій о предметахъ, чѣмъ паукъ, у котораго имѣется кромѣ того хрусталикъ и стекловидное тѣло? Поэтому, знаніе насѣкомаго, знакомство съ воздѣйствіями внѣшняго міра будетъ для насѣкомаго инымъ, чѣмъ для человѣка. Выше познанія указанныхъ отношеній къ орудіямъ своего воспріятія никакой человѣкъ и никакое божество не поднимается».

«Такимъ образомъ, мы, конечно, знаемъ все для себя—мы знаемъ, какъ солнце свѣтитъ для насъ, какъ пахнетъ цвѣтокъ для людей какое впечатлѣніе производятъ колебанія воздуха на человѣческое ухо. Это было названо ограниченнымъ знаніемъ,—человѣческимъ знаніемъ, обусловленнымъ чувствами,—знаніемъ, наблюдающимъ дерево только такимъ, какимъ оно является для насъ. Этого—говорили—мало, надо знать, что такое дерево само по себѣ, дабы не думать, что оно таково, какимъ оно намъ представляется».

«Что же однако это дерево само по себѣ, котораго искали? Развѣ всякое знаніе не предполагаетъ знающаго, а слѣдовательно, и связь между предметомъ и наблюдателемъ? Наблюдателемъ пусть будетъ червь, жукъ, человѣкъ, а если существуютъ ангелы, то и ангелы. Разъ имѣются на лицо оба—дерево и человѣкъ,—то для дерева, также какъ и для человѣка необходимо то, что онъ находится къ этому послѣднему въ отношеніи, которое проявляется наружу во впечатлѣніи на глазъ. Внѣ отношенія къ глазу, въ который оно посылаетъ свои лучи, дерево не существуетъ. Именно черезъ это отношеніе дерево существуетъ само по себѣ».

«Всякое бытіе есть бытіе въ свойствахъ. Но нѣтъ ни одного свойства, которое существовало бы помимо отношенія».

«Сталь тверда въ противоположность мягкому маслу. Холодный ледъ знаетъ только теплая рука, зеленыя деревья—только здоровый глазъ».

«И развѣ зеленый цвѣтъ есть что либо иное, какъ отношеніе свѣта къ нашему глазу? А если это такъ, то зеленый листъ не существуетъ самъ по себѣ—именно потому, что онъ зеленый для нашего глаза».

«А въ такомъ случаѣ перегородка между вещью для насъ и вещью въ себѣ прорвана. Вслѣдствіе того, что предметъ существуетъ только въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ предметамъ,—напримѣръ, въ своемъ отношеніи къ наблюдателю,—вслѣдствіе того, что знаніе предмета исчерпывается знакомствомъ съ его отношеніями, все наше знаніе есть предметное знаніе».

Конечно, все наше знаніе есть предметное знаніе, ибо оно относится къ предметамъ. Мало того: надо думать, что отношенія предмета къ нашимъ чувствамъ подчинены строгимъ законамъ. Благодаря чувственному опытному познанію, мы находимся къ предметамъ въ такомъ совершенномъ отношеніи, какое только допускаетъ наша природа. Чего же намъ

еще нужно для того, чтобы назвать это познание предметным? Однако, воспринимаем ли мы предметы такими, какіе они сами по себѣ, — вопросъ совершенно другой.

Обращаемся къ мѣстамъ, напечатаннымъ раздвинутымъ шрифтомъ, и спрашиваемъ себя: на какомъ мѣстѣ первобытнаго философскаго лѣса находимся мы? Обрѣтаемся ли мы у крайнихъ идеалистовъ, которые вообще не предполагаютъ, что нашимъ представленіямъ о вещахъ соответствуетъ что либо внѣ насъ?—дѣйствительно ли исчезаетъ дерево, когда я закрываю глаза?—не существуетъ развѣ никакого міра внѣ меня? Или мы находимся у пантеистическихъ мечтателей, которые воображали, будто человѣческой духъ можетъ постигнуть абсолютное?—развѣ въ самомъ дѣлѣ зеленый листъ именно потому самъ по себѣ зеленъ, что онъ производитъ такое впечатлѣніе на человѣческой глазъ, тогда какъ глаза пауковъ, жуковъ или ангеловъ являются менѣе рѣшающими? Въ самомъ дѣлѣ, существуетъ только немного философскихъ системъ, которыя не подходили бы къ указаннымъ положеніямъ болѣе, чѣмъ матеріализмъ. Какое же обоснованіе этихъ прорицаній оракула?

Если одна лишь противоположность температурѣ нашей крови побуждаетъ насъ назвать ледъ холоднымъ, то не существуетъ развѣ поэтому никакого опредѣленнаго, независимаго отъ ощущенія, свойства указанного тѣла, вслѣдствіе котораго онъ вступаетъ со своею средою—все равно, ощущаетъ ли она, или нѣтъ—въ опредѣленный обмѣнъ тепловыхъ лучей? И если этотъ обмѣнъ въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ температуры и другихъ свойствъ окружающихъ тѣлъ, то развѣ онъ въ то же время не зависитъ и отъ льда? Развѣ то свойство, вслѣдствіе котораго ледъ съ одной средою вступаетъ въ одинъ обмѣнъ тепловыхъ лучей, а съ другой—въ другой, не есть именно такое свойство, которое присуще льду самому по себѣ? По отношенію къ нашимъ ощущеніямъ это свойство регулярно производитъ впечатлѣніе холода. Мы обозначаемъ его по тому впечатлѣнію, которое оно на насъ производитъ,—мы называемъ его холодомъ; но мы однако дѣлаемъ различіе между фізіологическимъ процессомъ въ нашихъ нервахъ и физическомъ—въ самомъ тѣлѣ. Этотъ послѣдній процессъ по отношенію къ первому есть вещь въ себѣ. Слѣдуетъ ли, далѣе, отвлечься не только отъ нашихъ чувствительныхъ нервовъ, но и отъ разумнаго представленія и искать за льдомъ вещь въ себѣ, которая находится внѣ пространства и времени,—это мы здѣсь совершенно оставимъ въ сторонѣ. Намъ остается сдѣлать только еще одинъ шагъ, съ цѣлью показать, что слѣдуетъ отличать свойства вещей отъ нашихъ представленій, и что вещь можетъ имѣть свойства, можетъ существовать, хотя мы бы ея и не воспринимали.

Если червь, жукъ, человѣкъ и ангелъ разсматриваютъ дерево, то развѣ мы имѣемъ въ этомъ случаѣ пять деревьевъ? Эго—четыре представленія одного дерева, вѣроятно въ высокой степени различныя между собой; но они относятся къ одному и тому же предмету, о которомъ каждое отдѣльное существо не можетъ знать, какъ оно создано само по себѣ, ибо ему извѣстно только его собственное представленіе объ этомъ предметѣ. Человѣкъ имѣетъ только то преимущество, что онъ, путемъ сравненія своихъ органовъ съ органами животнаго міра и путемъ фізіологическихъ изслѣдованій достигаетъ того, что



считаетъ свое собственное представленіе столь же одностороннимъ и неполнымъ, какъ и представленія различныхъ классовъ животныхъ.

Какимъ же образомъ прорвана перегородка между вещью для насъ и вещью самою по себѣ? Если вещь существуетъ только въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ предметамъ, то это метафизическое положеніе Молешота можетъ быть разумно понято только такъ, что вещь въ себѣ существуетъ въ суммѣ всѣхъ отношеній своихъ къ другимъ предметамъ, а не въ ограниченной части ихъ. Когда я закрываю глаза, то свѣтовые лучи, которые направлялись отъ различныхъ частей дерева къ сѣтчаткѣ, будутъ теперь падать на внѣшнюю поверхность вѣкъ. Вотъ все, что измѣнилось. Но можетъ ли вообще существовать объектъ, который ни съ однимъ другимъ предметомъ не можетъ болѣе обмѣниваться свѣтовыми и тепловыми лучами, звуковыми колебаніями, электрическими токами, химическими веществами и механическими соприсношеніями—это, конечно, вопросъ. Онъ могъ бы служить прекрасною темой для натурфилософскихъ хитросплетеній. Но если бы даже вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ въ смыслѣ Молешота, то все же между вещью самою по себѣ и вещью для насъ оставалось бы различіе, которое приблизительно такъ же велико, какъ различіе между продуктомъ безконечнаго множества факторовъ и однимъ опредѣленнымъ факторомъ этого продукта<sup>58</sup>).

Нѣтъ! Вещь въ себѣ не есть вещь для меня; но я, пожалуй, могу вполне обдуманно поставить первое на мѣсто второго, подобно тому какъ я, напримѣръ, свое понятіе холода и тепла ставлю на мѣсто температуры тѣла. Материализмъ древнихъ наивно считалъ то и другое тождественнымъ. Двѣ вещи сдѣлали это навсегда невозможнымъ: побѣда теоріи волнъ (Undulationstheorie) и Кантовская философія. Можно конечно игнорировать ихъ значеніе; но этимъ не сдѣлаешь никакой эпохи. Надо было посчитаться съ Кантомъ. Это и сдѣлала натурфилософія въ формѣ опьяняющаго откровенія, возведшаго абсолютное мышленіе въ божество. Не таково должно быть трезвое отношеніе къ Канту. Необходимо либо допустить различіе между вещью въ себѣ и міромъ явленій и удивительнѣе исправленіемъ спеціальнаго разсужденія Канта, либо надо броситься въ объятія категорическому императиву и этимъ путемъ попытаться, такъ сказать, разбить Канта его собственнымъ оружіемъ.

Есть, впрочемъ, еще одинъ путь. Кантъ воспользовался безконечно пустымъ пространствомъ за предѣлами человѣческаго опыта для того, чтобы построить въ немъ свой умопостигаемый міръ. Сдѣлалъ онъ это въ силу категорическаго императива: «ты можешь, ибо ты долженъ»; слѣдовательно, должна существовать свобода. Въ дѣйствительномъ мірѣ нашего разума не существуетъ никакой свободы; слѣдовательно, она можетъ находиться въ умопостигаемомъ мірѣ. Правда, мы не въ состояніи мыслить свободу воли даже какъ возможную; но мы въ состояніи мыслить какъ возможное то, что въ вещи самой по себѣ существуютъ причины, которыя въ органѣ нашего разумнаго сознанія представляются свободой, тогда какъ, будучи разсматриваемы органомъ анализирующаго разсудка, онѣ даютъ только картину цѣпи причины и дѣйствія.

Но что—если начать съ другого категорическаго императива?—что если во главѣ всей положительной философіи поставить положеніе: «у д о в-

летворяйся даннымъ міромъ»? Развѣ миражъ умопостигаемаго міра не уничтоженъ въ такомъ случаѣ однимъ волшебнымъ ударомъ?

Кантъ прежде всего возразитъ противъ этого, что его категорическій императивъ, который въ груди нашей предписываетъ творить добро, есть фактъ внутренняго сознанія, фактъ столь же необходимый и всеобщій, какъ законъ природы во внѣшней природѣ; затѣмъ, что вышеприведенный императивъ, который мы назовемъ Фейербаховскимъ, вовсе не необходимо присущъ человѣку, а скорѣе основанъ на субъективномъ произволѣ. Здѣсь противная сторона находится еще въ довольно благопріятномъ положеніи. Не трудно показать, что нравственный законъ развивается медленно, культурно-историческимъ путемъ, и что присущій ему характеръ необходимости и безусловнаго значенія онъ можетъ получить только тогда, когда онъ вообще существуетъ въ сознаніи. И если дальнѣйшее культурно-историческое развитіе выдвигаетъ теперь, какъ основу нравственнаго сознанія, положеніе о довольствѣ даннымъ міромъ, то никто противъ этого возразитъ не можетъ. Оно должно себя оправдать!

Конечно, оно должно себя оправдать—и тутъ-то выступаетъ большая трудность. Кантъ имѣетъ за себя то, что у каждаго духовно развитаго индивида нравственный законъ является въ сознаніи. Содержаніе его можетъ быть во многихъ частяхъ весьма различно, но форма существуетъ. Наличие внутренняго голоса несомнѣнно. Можно относиться критически къ его всеобщности; можно наоборотъ распространить его и на высшихъ животныхъ,—но въ главномъ это не измѣняетъ ничего. Что же касается до Фейербаховскаго императива, то надо еще доказать, что въ самомъ дѣлѣ можно удовлетвориться міромъ явленій и чувственнымъ представленіемъ о немъ. Когда это доказательство будетъ приведено, тогда мы охотно повѣримъ, что и на немъ можетъ быть построена этическая система—чего только въ самомъ дѣлѣ нельзя построить!

Подобно тому какъ система Канта находилась бы въ противорѣчій съ согласнымъ разуму познаніемъ, если бы на это противорѣчіе не было обращено вниманіе съ самаго начала,—точно также система удовлетворенія находится съ виду въ противорѣчій съ объединительными стремленіями разума,—съ искусствомъ, поэзіей и религіей, въ которыхъ заложено стремленіе переноситься за предѣлы опыта. Остается еще сдѣлать попытку устранить эти противорѣчія.

Такимъ образомъ, въ наше время наивный матеріализмъ какъ будто уже не возникалъ въ систематической формѣ; послѣ Канта онъ вообще едва ли и можетъ возникнуть. Безусловная вѣра въ атомы исчезла такъ же, какъ и другія догмы. Не предполагаютъ уже, что міръ созданъ абсолютно такъ, какъ мы его воспринимаемъ ухомъ и глазомъ; но придерживаются того, что мы не имѣемъ никакого отношенія къ міру въ себѣ.

Изъ новѣйшихъ матеріалистовъ только одинъ попытался на самохотѣ дѣлѣ систематически разрѣшить тѣ трудности, которыя противопоставляются этой точкѣ зрѣнія. Тотъ же мыслитель пошелъ далѣе. Онъ сдѣлалъ даже попытку доказать или по крайней мѣрѣ представить вѣроятнымъ согласіе дѣйствительнаго міра съ міромъ нашихъ чувствъ. Это предпринялъ Чольбе въ своемъ новомъ изложеніи сенсуализма.

Генрихъ Чольбе, сынъ помѣщика вблизи Данцига, уже съ ранней юности обратился къ философскимъ и теологическимъ вопросамъ,

хотя специальностью своею избралъ медицину. И тутъ исходнымъ пунктомъ для позднѣйшаго направленія является та натурфилософія, которую вынѣшніе наши матеріалисты столь охотно изображаютъ какъ противоположный полюсъ ихъ собственныхъ стремленій, и отъ вліянія которой свободенъ былъ изъ главарей матеріализма одинъ только Карлъ Фохтъ. Для Чольбе рѣшающее значеніе имѣлъ «Nurregion» Гельдерлина—произведеніе, которое воплотило вызванный Шеллингомъ и Гегелемъ пантеизмъ въ величаво-дикой поэзіи и прославляло эллинское единство духа и природы въ противоположность культурнымъ условіямъ Германіи. Далѣе, рѣшающими для направленія молодого медика явились Штраусъ, Бруно Бауэръ и Фейербахъ. Замѣчательно, однако, что послѣдній толчекъ къ развитію его особой материалистической системы ему данъ былъ въ концѣ концовъ также философомъ—даже профессоромъ философіи, если это, слѣдуя Фейербаху, не есть противорѣчіе.

Это именно Лотце—тотъ самый, котораго Карлъ Фохтъ при случаѣ обозначаетъ какъ фабриканта подлинной гёттингенской душевной субстанции, и даетъ ему названіе философствующаго Степки-растрепки (Struwelpeter). Лотце, одинъ изъ проницательнѣйшихъ и въ научной критикѣ наиболѣе твердыхъ философовъ нашего времени, помимо воли оказалъ содѣйствіе матеріализму. Его статья о жизненной силѣ въ Вагнеровскомъ лексиконѣ, затѣмъ его «Общая патологія, и терапія какъ механическія естественныя науки», уничтожили призракъ жизненной силы и внесли нѣкоторый порядокъ въ тотъ хламъ суевѣрія и залутанныхъ понятій, который медики называли патологіей. Лотце вступилъ на вполне правильный путь; ибо одна изъ задачъ философіи заключается, въ самомъ дѣлѣ, въ томъ, чтобы опираясь на факты, взятые изъ положительныхъ наукъ, оказывать на эти послѣднія обратное воздѣйствіе и обмѣнять результаты болѣе широкой точки зрѣнія и болѣе строгой логики на чистое золото истиннаго спеціальнаго изслѣдованія. Онъ несомнѣнно встрѣтилъ бы на этомъ пути еще болѣе признанія, если бы въ качествѣ практическаго реформатора патологіи не выступалъ одновременно съ нимъ Вирховъ, и если бы самъ Лотце не слѣдовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ упрямой метафизикѣ, которая совершенно непонятнымъ образомъ удержалась рядомъ съ его особою критическою проницательностью.

Устраненіе «сверхчувственнаго понятія» жизненной силы послужило для Чольбе толчкомъ къ его попыткѣ сдѣлать устраненіе сверхчувственнаго принципомъ всего своего міровоззрѣнія. Уже въ его диссертаци на ученую степень: О принципахъ фізіологіи (1844) проявляются эти стремленія, однако, со своимъ «Новымъ изложеніемъ сенсуализма» Чольбе выступилъ только одиннадцатъ лѣтъ спустя, когда материалистическій споръ былъ уже въ полномъ ходу.

Такъ какъ мы въ общемъ понятіе философскаго матеріализма брали въ довольно узкомъ смыслѣ, то прежде всего должны (сбяснить, почему мы здѣсь удѣляемъ особенное вниманіе системѣ, которая выдаетъ себя за «сенсуализмъ». Самъ Чольбе выбралъ это обозначеніе по той причинѣ, что понятіе чувственной наглядности опредѣляетъ повсюду ходъ его мыслей. Но эта чувственная наглядность заключается именно въ томъ, что все сводится къ матеріи и ея движенію. Такимъ обра-

зомъ чувственная наглядность есть только регулятивный принципъ, метафизическимъ же принципомъ является матерія.

Для того чтобы ясно отличить сенсуализмъ отъ матеріализма, надо только первымъ именемъ обозначить тѣ системы, которыя придерживаются теоріи происхожденія нашего познанія изъ чувствъ и не придаютъ никакого значенія тому, что вселенная можетъ быть построена изъ атомовъ, молекулъ и другихъ формъ вещества. Сенсуалистъ можетъ принять, что матерія есть только представленіе—ибо то, что мы имѣемъ непосредственно въ воспріятіи, есть только ощущение, а не «вещество». Но онъ можетъ также, подобно Локку, склоняться къ тому, чтобы свести духъ къ матеріи. Какъ только это становится необходимою основою всей системы, мы имѣемъ предъ собою настоящій матеріализмъ.

И тѣмъ не менѣе, даже у Чольбе нѣтъ уже стараго наивнаго матеріализма прежнихъ періодовъ. Если почти повсюду авторъ высказываетъ свои воззрѣнія въ гипотетической формѣ, то въ этомъ выражается не только личная его скромность: онъ достаточно взялъ отъ Канта, чтобы понять все опасное въ метафизическихъ догмахъ. И вообще онъ находитъ къ системѣ Канта, преимущественно имъ оспариваемой, во взаимоотношеніи, которое представляетъ столько же аналогіи, сколько и противоположенія. Поэтому именно разсмотрѣніе воззрѣній Чольбе сдѣлаетъ много яснѣе результаты, добытые въ предшествующей главѣ.

Чольбе придерживается того мнѣнія, что несмотря на страстные споры за и противъ матеріализма не сдѣлано еще ничего для того, чтобы привести это воззрѣніе на вещи въ удовлетворительную систему. «То, что въ новѣйшее время сдѣлано для этого Фейербахомъ, Фохтомъ, Молешотомъ и другими,—только интересныя отрывочныя утвержденія, которыя при болѣе глубокомъ проникновеніи въ предметъ оставляютъ насъ неудовлетворенными. Такъ какъ они защищаютъ объяснимость всѣхъ вещей чисто естественнымъ путемъ только въ самыхъ общихъ чертахъ и ни разу не пытались показать это на частностяхъ, то они въ сущности находятся еще совершенно на почвѣ ненавидимой ими религіи и умозрительной философіи»<sup>59</sup>). Мы, однако, сейчасъ убѣдимся въ томъ, что и Чольбе не оставляетъ этой почвы.

Чольбе допускаетъ, что принципъ его сенсуализма—исключеніе сверхчувственнаго—можетъ быть названъ предубѣжденіемъ или предвзятымъ мнѣніемъ. «Однако, безъ такого предубѣжденія невозможно вообще образование воззрѣнія на связь всѣхъ явленій». На ряду съ внутреннимъ и внѣшнимъ опытомъ, онъ и гипотезы считаетъ необходимымъ элементомъ для образованія міровоззрѣнія.

Однако, есть-ли это предубѣжденіе или изреченіе оракула, гипотеза или вымыселъ, — будетъ рѣшено ниже. Но если гипотеза должна имѣть мѣсто не только на протяженіи философіи, но даже встрѣчаетъ насъ въ скромномъ облаченіи «предубѣжденія» на самомъ ея порогѣ, то мы должны задаться вопросомъ, что же собственно опредѣляетъ выборъ этой или другой первоначальной гипотезы. У Чольбе имѣется на этотъ вопросъ два весьма различныхъ отвѣта: по одному изъ нихъ онъ пришелъ къ этому предубѣжденію путемъ индукцій; по другому—мораль, какъ и у Канта, образуетъ основу всей положительной философіи, такъ какъ путемъ точнаго примѣненія разсудка невозможно найти ничего, подобнаго метафизическому принципу. Оба отвѣта правильны—каждый въ своемъ родѣ.

Чольбе видить, что Бэконъ достигаетъ успѣха въ философіи путемъ исключенія сверхчувственного,—почему бы нельзя было снова достигнуть успѣха, продолжая этотъ приѣмъ далѣе? Лотце устранилъ жизненную силу,—почему-бы нельзя было устранить всѣ трансцендентныя силы и сущности?

Но такъ какъ изложеніе сенсуализма примѣняетъ повсюду не индуктивный приѣмъ, а дедуктивный, то индукція не можетъ составлять истинной основы системы,—она была только поводомъ къ ней. Основа же заключается въ этикѣ, или точнѣе—въ много разъ упомянутомъ категорическомъ императивѣ: удовлетворяйся даннымъ міромъ.

Особенность матеріализма заключается въ томъ, что онъ умѣетъ строить свое нравственное ученіе, не прибѣгая къ такому императиву, тогда какъ натурфилософія опирается на практическое положеніе. Такъ, уже нравственное ученіе Эпикура опиралось на стремленіе самой природы: очищенію души отъ предрасудковъ путемъ познанія природы онъ придавъ форму нравственной заповѣди.

Чольбе, выводитъ нравственность изъ благожелательности, которая съестественною необходимостью развивается при сношеніи одного человѣка съ другимъ. Но принципъ исключенія сверхчувственного имѣетъ опредѣленную нравственную цѣль.

Тутъ корни воззрѣнія нашего философа идутъ очень глубоко, хотя онъ большею частью преподааетъ это воззрѣніе въ простыхъ, даже въ безпомощныхъ выраженіяхъ, или ссылается на какого нибудь свѣдущаго человѣка. Черезъ всю нашу эпоху проходитъ, какъ основная черта, ожиданіе величественной и фундаментальной, хотя, можетъ быть, тихо и мирно совершающейся реформы всѣхъ воззрѣній и отношеній. Чувствуется, что міровой періодъ средневѣковья только теперь клонится къ концу, и что реформація и даже французская революція суть, можетъ быть, не болѣе, какъ сумеречные лучи новаго свѣта. Въ Германіи вліяніе нашихъ великихъ поэтовъ соединилось съ политическими, церковными и соціальными стремленіями эпохи для того, чтобъ содѣйствовать такимъ настроеніямъ и воззрѣніямъ. Но лозунгъ, какъ и во многихъ отношеніяхъ, данъ былъ Гегелевскою философіей—его требованіемъ единства природы и духа, которые въ долгій періодъ средневѣковья представлялись въ рѣзкой противоположности другъ другу. Уже Фихте дерзнулъ истолковать обѣтованное въ Новомъ Завѣтѣ сошествіе Святаго Духа въ смыслѣ своей эпохи съ тою же смѣлостью, съ какою Христосъ и апостолы истолковали пророковъ Ветхаго Завѣта. Только въ нашу эпоху естественное воззрѣніе достигло полнаго развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ раскрывается какъ истинный Святой Духъ, который долженъ руководить нами во всей истинѣ. Гегель далъ этой мысли болѣе опредѣленное направленіе. Его воззрѣніе на всемірную исторію представляетъ дуализмъ между духомъ и природою какъ величественную переходную ступень между низшимъ и высшимъ, просвѣтленнымъ періодомъ единства; эта мысль съ одной стороны представляетъ связующія нити съ глубочайшими мотивами церковнаго ученія, а съ другой стороны — вызвала тѣ стремленія, которыя видятъ свою задачу въ полномъ устраниніи религіи. При распространеніи этихъ воззрѣній не обошлось безъ того, чтобы Германія не обратила свой взоръ на классическую древность, въ особенности, на родственную съ нею по духу Грецію, гдѣ то единство духа и природы, къ которому мы снова должны приблизиться, прояви-

лось въ наиболѣ совершенномъ видѣ. Въ одномъ мѣстѣ у Штраусса результатъ этихъ размышленій, по мнѣнію Чольбе, выраженъ особенно удачно.

«Со стороны содержанія», говоритъ Штрауссъ въ своемъ разсужденіи объ Юліанѣ, «то, что Юліанъ стремился удержатъ отъ прошлаго, родственно съ тѣмъ, что должно принести намъ будущее: свободная гармоническая человѣчность греческаго міра, покоящаяся на себѣ самой мужественность римскаго міра — вотъ чего мы опять намѣреваемся достигнуть, освободившись отъ долгаго христіанскаго средневѣковья, и обогатившись его духовными и нравственными приобрѣтеніями». Если задаться вопросомъ относительно міровоззрѣнія будущаго времени, то сенсуализмъ постольку будетъ соотвѣтствовать указанному воззрѣнію Штраусса, поскольку наглядность мышленія, повидимому, обуславливаетъ единство гармоніи всей нашей сознательной жизни, а отреченіе отъ того, что познание представляетъ какъ невозможное или какъ несуществующее, обуславливаетъ нѣкоторую мужественность чувства или духа».

Таково мнѣніе Чольбе, и то обстоятельство, что онъ въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи «О возникновеніи самосознанія» опять возвращается къ указанному мѣсту, представляетъ намъ его основное значеніе для сенсуализма еще въ болѣе ясномъ свѣтѣ.

«Къ тому, что раньше было сказано объ эстетическомъ значеніи матеріализма слѣдуетъ еще прибавить, что какъ правильная середина, чувство мѣры, составляло существенный признакъ греческихъ произведеній искусствъ, такъ наше стремленіе и въ этомъ отношеніи вполне отвѣчаетъ эстетикѣ. Но всемірно историческій идеалъ такого рода исканія отмѣченъ былъ съ радостною надеждой первымъ піонеромъ теперешняго матеріализма—Давидомъ Штрауссомъ». <sup>60)</sup>

Здѣсь мы видимъ такимъ образомъ, что Штрауссъ удостоивается даже титула родоначальника нынѣшняго матеріализма, ибо для Чольбе весь матеріализмъ въ самомъ дѣлѣ выросъ изъ указаннаго выше нравственно-эстетическаго зерна. Вся натура Чольбе въ сущности обращена въ сторону идеальнаго, и его духовное развитіе приводитъ его все рѣшительнѣе къ этому направленію. Но это нисколько не лишаетъ его изложенія сенсуализма того интереса, который оно представляетъ намъ по своеобразной своей разработкѣ. Приведемъ поэтому еще одно мѣсто отсюда.

«Такъ называемыя нравственныя потребности, выходящія изъ удовольствія земною жизнью, можно было бы съ такимъ же правомъ называть безнравственными. Не доказательствомъ смиренія, а наоборотъ — надменности и суетности является стремленіе исправить познаваемый міръ измышленіемъ міра сверхчувственнаго и черезъ прибавленіе сверхчувственной части сдѣлать человѣка существомъ, возвышающимся надъ природой. Несомнѣнно, недовольство міромъ явленій — это глубочайшее основаніе сверхчувственныхъ представленій—не есть нравственная сила, а наоборотъ—нравственная слабость! Подобно тому какъ движеніе машины, если напасть на настоящую ея пружину, требуетъ наименьшей затраты силы, точно такъ же систематическое развитіе правильныхъ идей требуетъ меньше остроумія, чѣмъ развитіе идей ложныхъ: сенсуализмъ не претендуетъ на большее остроуміе, онъ претендуетъ только на болѣе глубокую, болѣе чистую нравственность» <sup>61)</sup>.

«Система» Чольбе страдала многими неизлечимыми недостатками, но въ жизни своей онъ проявилъ глубокую и истинную нравственность. Онъ неустанно работалъ надъ усовершенствованіемъ своего міровоззрѣнія, и если онъ даже при этомъ вскорѣ покинулъ болѣе строгій матеріализмъ, все же онъ остался неизмѣнно вѣренъ принципу удовлетворенія даннымъ міромъ и исключенія всего сверхъестественнаго. Мнѣніе, что міръ въ его теперешнемъ состояніи вѣченъ и подлежитъ только самымъ ничтожнымъ колебаніямъ, и та теорія, что свѣтовые и звуковыя волны, которыя представляются ему уже самими по себѣ свѣтящими и звучащими, механически проникаютъ въ мозгъ черезъ посредство зрительныхъ и слуховыхъ нервовъ, составляютъ два основныхъ элемента его системы, которая такимъ образомъ ни съ какой стороны не была подвержена такимъ чувствительнымъ нападеніямъ, какъ со стороны точнаго изслѣдованія. Въ этихъ пунктахъ онъ упорствовалъ и считалъ всѣ возраженія науки пустою видимостью, которая при дальнѣйшемъ успѣхѣ ея изслѣдованія исчезнетъ<sup>62</sup>). Ему такимъ образомъ безъ всякаго сомнѣнія недоставало строгаго пониманія механическаго, а между тѣмъ самъ онъ полагалъ, что дѣлаетъ только крайніе выводы изъ механическаго міровоззрѣнія.

Съ другой стороны, онъ рано понялъ, что механизмъ атомовъ и ощущеніе суть два различные принципа, и онъ не останавливался поэтому передъ тѣмъ, чтобы внести выводы изъ такого рода познанія въ свое міровоззрѣніе, такъ какъ оно не противорѣчило его этическому принципу. Поэтому въ сочиненіи о границахъ и происхожденіи человѣческаго познанія, появившемся только въ 1865 году, онъ принимаетъ, нѣкотораго рода «міровую душу», которая состоитъ изъ ощущеній, неизмѣнно связанныхъ съ колебаніемъ атомовъ; въ человѣческомъ организмѣ ощущенія эти только сгущаются и сочетаются въ совокупный эффектъ душевной жизни. Къ этимъ двумъ принципамъ онъ прибавляетъ еще третій: основныя органическія формы, испоконъ вѣку крѣпко сплоченныя изъ атомныхъ группъ; участіемъ ихъ въ механизмѣ процесса могутъ быть объяснены организмы. При такихъ основоположеніяхъ Чольбе, совершенно понятно, не могъ сдѣлать никакого примѣненія изъ ученія Дарвина. Онъ допускалъ, что принципъ Дарвина остроумно и удачно объясняетъ нѣкоторыя видоизмѣненія въ составѣ организмовъ, но теорію происхожденія видовъ онъ никакъ себѣ не могъ усвоить.

Эти трудности его точки зрѣнія и слишкомъ большая склонность сстроить одну гипотезу надъ другою<sup>63</sup>) умалили значеніе философской попытки, которая по своему этическому исходному пункту и по отношенію теоріи къ этической основѣ, должна была возбудить большой интересъ. Уже въ «Происхожденіи самосознанія» Чольбе со свойственной ему открытенностью говоритъ: «Я могу легко себѣ представить, какъ станутъ... судить: вѣдь мнѣ и самому кажется, что благодаря тѣмъ заключеніямъ, къ которымъ принудилъ меня принципъ, я попалъ въ сказочный міръ идей». (стр. 53) Съ этимъ признаніемъ недостатковъ его собственной точки зрѣнія соединялась необыкновенная терпимость по отношенію къ чужимъ мнѣніямъ. «Никогда», говоритъ онъ въ сочиненіи, появившемся въ 1865 году, «не раздѣлялъ я мнѣнія наиболѣе выдающихся представителей матеріализма, будто сила естественно-научныхъ фактовъ необходимо приводитъ мышленіе къ принципиальному исключенію всего сверхъестественнаго. Я всегда былъ убѣжденъ въ томъ, что факты вѣшняго и внутренняго опыта

весьма многозначны, и даже если принять другой міръ, они могут быть съ полнымъ правомъ и безъ всякой логической ошибки истолкованы въ теологическомъ или спиритуалистическомъ смыслѣ». И затѣмъ далѣе. «Подобно тому какъ выразился нѣкогда Р. Вагнеръ, — что не фізіологія вынуждаетъ его къ принятію невещественной души, а имманентное въ немъ и неотдѣлимое отъ него представленіе нравственнаго мірового порядка, — подобно тому какъ онъ предполагалъ въ мозгу теологически мыслящаго чловека, въ качествѣ необходимаго условія этого представленія, органъ вѣры, — точно также я открыто заявляю, что не фізіологія и не разумный принципъ исключенія сверхъестественнаго, а прежде всего нравственное чувство долга по отношенію къ естественному міровому порядку — довольство этимъ порядкомъ — вотъ что необходимо приводитъ меня къ отрицанію сверхъестественной (übernatürlich) души». «Извѣстнаго рода фізическое и химическое свойство мозгового вещества болѣе отвѣчаетъ религіозной потребности, другое — атеистической». Матеріализмъ, какъ и противоположное направленіе, проистекаетъ не изъ знанія и разума, а изъ вѣры и души <sup>64</sup>).

У насъ въ послѣдствіи будетъ достаточно случаевъ убѣдиться въ томъ, какъ много истиннаго содержится въ этомъ крайнемъ воззрѣніи; здѣсь же мы напомнимъ только о томъ, что оно, въ явной связи съ тѣмъ сентиментальнымъ и неосновательнымъ пониманіемъ естествознанія, какое нами найдено было у Чольбе, безъ всякой нужды пренебрегаетъ сильной стороной матеріализма. Оно по меньшей мѣрѣ уклоняется отъ правильнаго отношенія въ одну сторону, какъ воззрѣніе Бюхнера съ его слишкомъ большою увѣренностью и наивнымъ смѣшеніемъ вѣроятнаго съ доказаннаго — въ другую. Разумъ въ этихъ вопросахъ вовсе не такъ безразличенъ, какъ полагаетъ Чольбе: на самомъ дѣлѣ онъ индуктивнымъ путемъ приводитъ къ высшей вѣроятности строго механическаго мірового порядка, рядомъ съ которымъ трансцендентной идеальности можетъ быть отведено мѣсто только въ «другомъ мірѣ». А съ другой стороны, принятіемъ умопостигаемаго міра далеко еще не оправдано всякое «теологическое» или «спиритуалистическое» истолкованіе опыта. Здѣсь Чольбе былъ только послѣдователемъ въ своей непослѣдовательности. Его нерасположеніе къ Канту, «умопостигаемый міръ» котораго въ сущности можно примирить со всѣми выводами естествознанія, привело его къ тому, что онъ говорилъ о немъ въ суровыхъ словахъ, тогда какъ онъ считалъ относительно справедливыми самыя крайнія ученія церковной ортодоксіи, которыя отнюдь не удовлетворяются стоящимъ за міромъ явленій «другимъ міромъ», а своими догмами во многихъ случаяхъ приходятъ въ столкновеніе съ самыми неопровержимыми выводами изъ фактовъ опыта.

Косвенное значеніе Чольбе получаетъ для исторіи матеріализма, благодаря своему дѣятельному общенію съ Ибервегомъ, въ то время, когда этотъ послѣдній разработалъ свое матеріалистическое міровоззрѣніе, о которомъ будетъ рѣчь ниже. Надо еще ждать посмертнаго сочиненія Чольбе, въ которомъ, какъ говорятъ, содержится между прочимъ изложеніе міровоззрѣнія Ибервега. Чольбе умеръ въ февралѣ 1873 года, высоко чтимый тѣми, кто его зналъ, и цѣнимый также представителями противоположнаго направленія за свои благородныя стремленія <sup>65</sup>).



## ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

### Естествознание.

#### І. Матеріализмъ и точное изслѣдованіе.

Матеріализмъ съ давнихъ поръ опирается на наблюденіе природы; но въ настоящее время онъ не можетъ уже удовлетвориться тѣмъ, чтобы объяснять свою теоріей природные процессы въ ихъ возможности— онъ долженъ стать на почву точнаго изслѣдованія; и онъ охотно принимаетъ это судилище, ибо убѣжденъ, что тутъ онъ непременно выиграетъ свое дѣло. Многіе изъ нашихъ матеріалистовъ заходятъ такъ далеко, что выставляютъ исповѣдуемое ими міровоззрѣніе чуть ли не необходимымъ слѣдствіемъ духа точнаго изслѣдованія, естественнымъ результатомъ того огромнаго развитія и углубленія, какого естественныя науки достигли съ тѣхъ поръ, какъ онѣ оставили умозрительный методъ, и естествовѣды перешли къ точному и систематическому испытанію фактовъ. Мы не должны поэтому удивляться, что противники матеріализма жадно ловятъ всякое выраженіе какого-либо выдающагося изслѣдователя, которое отвергаетъ это мнимое слѣдствіе или даже, представляетъ матеріализмъ попросту какъ ложное истолкованіе фактовъ, какъ очевидную ошибку неосновательныхъ изслѣдователей, а то и простыхъ болтуновъ.

Въ такомъ именно родѣ выразился о матеріалистахъ, Либихъ въ своихъ «Химическихъ письмахъ»: онъ назвалъ ихъ «дилетантами». Какъ ни правильно въ общемъ то, что возвыщеніемъ матеріалистическаго ученія занимаются обыкновенно не самые глубокіе изслѣдователи, открыватели и изобрѣтатели, первые мастера въ специальныхъ отрасляхъ, и какъ бы много недостатковъ не раскрылось передъ судомъ строгаго метода въ такихъ людяхъ, какъ Бюхнеръ, Фохтъ или даже Чольбе, все же мы безъ оговорокъ съ Либихомъ согласиться не можемъ.

Прежде всего вполне понятно, что при теперешнемъ раздѣленіи труда специальный изслѣдователь, направившій всю свою духовную силу на развитіе опредѣленной отрасли науки, не имѣетъ склонности, а часто и способности, пройти черезъ всю область естествознанія, чтобы отовсюду извлечь наиболѣе достовѣрные факты чужихъ изслѣдованій и составить изъ нихъ общую картину. Это для него неблагодарная работа. Его значеніе основано на его открытіяхъ, а ихъ онъ можетъ ждать только въ своей специальной области. Какъ бы поэтому ни было справедливо требованіе, чтобы каждый естествоиспытатель усвоилъ себѣ также извѣстную степень общаго естественно-научнаго образованія, и особенно то, чтобы онъ по возможности точно изучилъ наиболѣе родственныя отрасли, все же этимъ принципъ раздѣленія труда только исправляется въ своихъ послѣдствіяхъ, но не уничтожается. Можетъ даже случиться, что специаль-

ный изслѣдователь, въ своемъ стремленіи къ общему естественно-научному образованію, дошелъ до яснаго воззрѣнія на сущность природы какъ цѣлаго и дѣйствующихъ въ ней силъ, но не чувствуетъ ни малѣйшаго побужденія навязывать это свое воззрѣніе другимъ и выставлять его какъ единственно правильное. Такая сдержанность можетъ быть основана на наилучшихъ побужденіяхъ, ибо спеціальнѣйшій изслѣдователь всегда будетъ сознавать большое различіе между тѣми основами, на которыхъ покоится его профессиональное знаніе, и субъективнымъ обоснованіемъ того, что онъ усвоилъ себѣ изъ результатовъ чужихъ изслѣдованій.

Такимъ образомъ спеціальное изслѣдованіе дѣлаетъ осторожнымъ; но иногда оно дѣлаетъ также узкосердечнымъ и надменнымъ. Это именно обнаруживается тогда, когда такой изслѣдователь считаетъ свое собственное отношеніе къ сосѣднимъ наукамъ единственно дозволеннымъ, когда онъ всякому другому запрещаетъ судить о предметахъ своей спеціальности и, слѣдовательно, рѣшительно отвергаетъ необходимые приемы того, кто дѣлаетъ предметомъ своихъ изслѣдованій общее воззрѣніе на природу. Если, на примѣръ, химикъ хочетъ запретить физиологу сказать что нибудь о химіи, или если физикъ хочетъ устранить химика, какъ диллетанта, когда тотъ позволяетъ себѣ сказать слово о механикѣ атомовъ, то пусть онъ отдастъ себѣ отчетъ въ томъ, имѣются ли у него на лицо положительныя доказательства для обвиненія въ диллетантизмѣ. Но если этого нѣтъ, если полицейское устраненіе «кропателя» требуется, такъ сказать, изъ одного только цеховаго принципа прежде еще, чѣмъ произведеніе этого послѣдняго испытано, то такого рода притизаніе подлежитъ самому строгому осужденію. Но особенно гибельна такая надменность въ томъ случаѣ, если дѣло идетъ не объ установленіи новаго воззрѣнія, а лишь о томъ, чтобы факты, безусловно признанные, преподаваемые самими спеціальными изслѣдователями, привести въ новую связь, сочетать съ фактами изъ другой области для важныхъ выводовъ, или о томъ, чтобы подвергнуть ихъ новому истолкованію въ связи съ происхожденіемъ явленія изъ конечныхъ причинъ вещей. Если бы результаты наукъ были таковы, что никто, кромѣ того, кто ихъ открылъ, не могъ ихъ истолковать — это собственно и было бы прямымъ слѣдствіемъ указаннаго требованія, — то дѣло общей связи всего знанія и всего высшаго образованія стояло бы очень плохо. Сапогъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучше всего можетъ быть оцѣненъ сапожникомъ, въ другихъ — тѣмъ, кто его носитъ, въ иныхъ опять — анатомомъ, художникомъ и скульпторомъ. Произведеніе промышленности подвергается обсужденію не только со стороны фабриканта, но и со стороны потребителя. Тотъ, кто покупать орудіе, часто лучше умѣетъ его примѣнять, чѣмъ тотъ кто его сдѣлалъ. Эти примѣры представляются тривиальными, но они здѣсь вполне примѣнимы. Кто старательно охватилъ всю область естествознанія съ цѣлью получить картину цѣлаго, весьма часто лучше сумѣетъ оцѣнить значеніе отдѣльнаго факта, нежели тотъ, кто его открылъ.

Впрочемъ, легко понять, что работа того, кто стремится создать такую общую картину природы въ цѣломъ, по существу своему философская, и въ такомъ случаѣ спрашивается, нельзя ли съ большимъ правомъ упрекнуть матеріалистовъ въ философскомъ диллетантизмѣ? Это уже дѣлалось довольно часто, но для безпристрастной критической оцѣнки матеріализма этимъ не дается намъ ровно ничего. По точному смыслу

слова диллетантомъ слѣдуетъ называть того, кто не прошелъ строгой школы; но гдѣ же собственно та школа для философа, которая на основаніи своихъ дѣлъ могла бы взять на себя смѣлость провести границу между управомоченными и неуправомоченными? Въ положительныхъ наукахъ, также какъ и въ искусствахъ, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что такое школа, но въ философіи мы этого сдѣлать не можемъ. Если оставить въ сторонѣ то специальное значеніе, которое имѣетъ это слово въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ объ индивидуальной передачѣ пріемовъ искусства какогонибудь великаго мастера, то все же и въ другихъ случаяхъ мы знаемъ очень хорошо, что такое прошедшій школу историкъ, филологъ, химикъ или статистикъ; «философы» же большею частію злоупотребляютъ этимъ словомъ. Мало того, злоупотребленіе этимъ понятіемъ, при поверхностномъ его примѣненіи, весьма существенно повредило вліянію и значенію философіи. Если бы мы пожелали, помимо приверженности извѣстной системѣ, установить общее понятіе философской школы, то что же собственно войдетъ въ это понятіе? Прежде всего строго логическое развитіе путемъ серьезнаго и настойчиваго занятія правилами формальной логики и основами всѣхъ современныхъ наукъ—теоріями вѣроятности и индукціи. А гдѣ же можно въ настоящее время найти такое образованіе? Изъ десяти университетскихъ профессоровъ имъ обладаетъ едва ли одинъ, менѣе всего его можно найти у разныхъ «—іанцевъ», называются ли они по главѣ школы гегеліанцами, гербартіанцами, тренделенбургіанцами, или какънибудь иначе. Вторымъ требованіемъ было бы строгое изученіе положительныхъ наукъ, хотя и не съ тѣмъ, чтобы овладѣть всѣми ими въ частностяхъ, что было бы невозможно и сверхъ того бесполезно, но во всякомъ случаѣ для того, чтобы на основаніи историческаго развитія понять ихъ ходъ и положеніе въ настоящемъ, понять во всей глубинѣ ихъ связь и уразумѣть ихъ методы на основаніи принциповъ всякой методологии. Здѣсь мы опять-таки спрашиваемъ: гдѣ собственно тѣ, которые прошли такую школу? Менѣе всего ихъ, несомнѣнно, среди всякаго рода—«іанцевъ». Гегель, на примѣръ, который очень легкомысленно отдѣлывался отъ перваго требованія, стремился, по крайней мѣрѣ, серьезною умственною работою удовлетворить второму. Но его «ученики» не изучаютъ того, что изучалъ Гегель—они изучаютъ Гегеля. Что изъ этого выходитъ, мы уже видѣли въ достаточной мѣрѣ: пустое фразерство, призрачная философія, надменность которой должна вызывать отвращеніе во всякомъ человѣкѣ, воспитанномъ на серьезномъ матеріалѣ. Тщательное изученіе исторіи философіи при правильной философской школѣ должно занимать только третье или четвертое мѣсто. Если же, какъ это большею частью бываетъ теперь, поставить исторію философіи какъ первое и единственное условіе на ряду съ усвоеніемъ какойнибудь опредѣленной системы, то неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого является то, что исторія философіи превращается просто въ какія-то китайскія тѣни: формулы, въ которыхъ прежніе мыслители старались постигнуть міръ, отдѣляются отъ общей научной почвы, изъ которой онѣ выросли, и съ этимъ вмѣстѣ лишаются всякаго реальнаго содержанія.

Оставимъ, слѣдовательно, упреки въ диллетантизмѣ въ сторонѣ, ибо не существуетъ настоящаго антипода ему, а затѣмъ, именно въ фило-

софской области выгода отъ свѣжей оригинальности часто и въ значительной мѣрѣ превѣшиваетъ всѣ школьныя преданія. По отношенію къ точнымъ наукамъ матеріалисты оправданы философскою тенденціей своихъ работъ, — но конечно лишь постольку, поскольку они правильно воспользовались всѣми фактами и ограничились выводами изъ нихъ. Но если матеріалистъ, хотя бы и вынужденный къ этому связью своей системы, позволяетъ себѣ дѣлать догадки, врывающіяся въ факгическій составъ опытныхъ наукъ, или если онъ оставляетъ безъ вниманія важные результаты изслѣдованія, то онъ, какъ и всякій другой философъ въ подобномъ случаѣ, справедливо подлежитъ порицанію со стороны спеціалистовъ; но эти послѣдніе не получаютъ еще всетаки права относиться пренебрежительно ко всей дѣятельности такихъ писателей. Однако по отношенію къ философіи матеріалисты далеко еще не оправданы, хотя мы и утверждаемъ, что упрекъ въ диллетантизмѣ не имѣетъ въ данномъ случаѣ яснаго смысла.

Уже одно намѣреніе построить философское міровоззрѣніе исключительно на основаніи естественныхъ наукъ въ настоящее время должно быть обозначено какъ философская поверхностность самаго дурного сорта. Съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ эмпиристическій натурфилософъ противопоставляетъ себя, по примѣру Бюхнера, одностороннему изслѣдователю-спеціалисту, всякій разносторонне образованный философъ можетъ въ свою очередь выступить противъ Бюхнера и упрекнуть его въ тѣхъ предразсудкахъ, которые необходимо вытекаютъ изъ ограниченности его кругозора.

Противъ такого требованія философіи выставляются, однако, два возраженія: одно изъ нихъ—специфически-материалистическое; другое—поддерживается также многими представителями точной науки, которые все не желаютъ быть причисленными къ матеріалистамъ.

Нѣтъ ничего, кромѣ природы—таково первое возраженіе противъ того требованія философіи, что должно искать болѣе широкой основы. Ваша метафизика есть только мнимая наука безъ всякой твердой основы; ваша психологія есть ничто иное, какъ фізіологія мозга и всей нервной системы; что же касается логики, то наши успѣхи служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что мы и къ законамъ мышленія находимся въ болѣе близкихъ отношеніяхъ, чѣмъ вы съ вашими безсильными школьными формулами. Этика же и эстетика не имѣютъ никакого отношенія къ теоретической основѣ міровоззрѣнія и могутъ быть построены на материалистической основѣ такъ-же хорошо, какъ и на всякой другой. Что же намъ при такихъ условіяхъ можетъ дать исторія философій? Она въ существѣ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ исторіей человѣческихъ заблужденій.

Мы приведены тутъ къ ставшему недавно столь знаменитымъ вопросу о границахъ познанія природы,—вопросу, которымъ мы вскорѣ основательно займемся. Но прежде всего нѣсколько замѣчаній относительно второго возраженія.

Философы, нерѣдко слышимъ мы въ лагерѣ естествоиспытателей, совершенно отличаются отъ насъ по своему образу мышленія. Поэтому всякое соприкосновеніе съ философіей можетъ быть только гибельнымъ для естествознанія. Это — двѣ отдѣльныя области, и такими онѣ должны остаться.

Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ, поскольку искренне то воззрѣніе, которое выражается въ этихъ словахъ, и не есть ли оно только коллегіально осторожное выраженіе того мнѣнія, что философія есть чистой-пая безсмыслица. Фактъ тотъ, что ученіе о совершенно различныхъ пріемахъ мышленія имѣетъ среди естествоиспытателей широкое распространеніе. Особенно живое выраженіе придалъ ему весьма заслуженный ботаникъ Гуго фонъ-Моль въ рѣчи, сказанной имъ при торжествѣ основанія естественно-научнаго факультета въ Тюбингенскомъ университетѣ <sup>1)</sup>. Однако, матеріалисты не считаютъ себя входящими въ это понятіе «философіи». Они утверждаютъ, что ихъ міропредставленіе найдено ими путемъ естественно-научнаго мышленія, и, самое болѣе, признаютъ только то, что они нѣскольکو чаще прибѣгаютъ къ гипотезѣ, чѣмъ это допускается въ специальномъ изслѣдованіи.

Все это воззрѣніе основано на одностороннемъ отношеніи ко всей послѣ-кантовской философіи и на совершенномъ непониманіи характера современной философіи—отъ Декарта до Канта. Всѣ пріемы шеллингянцевъ, гегеліанцевъ, неоаристотеликовъ къ сожалѣнію весьма пригодны на то, чтобы оправдать отвращеніе, съ какимъ естествоиспытатели обыкновенно уходятъ отъ философіи; между тѣмъ весь принципъ современной философіи, если только подѣ нею не разумѣть этихъ выродковъ нѣмецкаго умозрительнаго романтизма, совершенно отъ этого отличенъ. Мы имѣемъ тутъ передъ собою, за немногими, едва достойными упоминанія, исключеніями, строго естественно-научный образъ мысли относительно всего того, что намъ дано чувствами; но почти повсюду мы видимъ также попытку преодолѣть путемъ умозрѣнія односторонность получающейся этимъ путемъ міровой картины.

Декартъ, какъ естествоиспытатель, далеко не такъ силенъ, какъ математикъ; онъ впалъ въ нѣкоторыя серьезныя ошибки, но въ другихъ пунктахъ онъ дѣйствительно подвинулъ науку, и никто при этомъ не станетъ утверждать, что ему недоставало правильнаго естественно-научнаго образа мысли. Однако, онъ рядомъ съ тѣлеснымъ міромъ принималъ міръ души, въ которомъ все существующее во вѣдѣ только представляется, и съ этимъ вмѣстѣ онъ, какъ-бы велики ни были недостатки, присущіе его системѣ, коснулся именно того пункта, передъ которымъ всякій матеріализмъ необходимо долженъ остановиться, и къ которому въ концѣ концовъ приходитъ самое точное изслѣдованіе.—Спиноза, великій превозвѣстникъ абсолютной необходимости всего сущающагося и единства всѣхъ явленій природы, такъ часто былъ причисляемъ къ матеріалистамъ, что въ сущности болѣе необходимо выдвинуть различіе его отъ матеріалистическаго міровоззрѣнія, чѣмъ согласіе съ нимъ. И различіе это выступаетъ опять таки въ томъ же пунктѣ: все представленіе о мірѣ къ которому приводитъ насъ механическое міровоззрѣніе есть только одна сторона сущности вещей, которая, конечно, находится въ полной гармоніи съ другою—духовною. Англійскіе философы уже со времени Бэкона почти всѣ безъ исключенія пользуются методомъ, который можно вполне примирить съ естественно-научнымъ воззрѣніемъ; въ Англии даже никогда не знали того столкновенія между философіей и изслѣдованіемъ природы, о которомъ такъ много рѣчи у насъ. Наиболѣе выдающіеся англійскіе философы понимаютъ міръ явленій, исходя изъ тѣхъ же основоположеній, что и наши матеріалисты, но лишь не-

многіе изъ нихъ, подобно Гоббсу, останавливаются просто на матеріализмъ. Локкъ, который, какъ и Ньютонъ, признавалъ при изслѣдованіи природы атомы, основалъ свою философію не на матеріи, а на субъективности, хотя и въ сенсуалистическомъ смыслѣ. При этомъ онъ сомнѣвается, способенъ ли нашъ разумъ къ разрѣшенію всѣхъ представляющихся проблемъ: это—начало Кантовскаго критицизма, который въ значительной мѣрѣ былъ подвинутъ Юмомъ. Между всѣми этими мыслителями нѣтъ ни одного, который не считалъ-бы само собою разумъющимся то, что въ природѣ все совершается естественнымъ путемъ; случайныя же уступки церковному ученію совершенно очевидны. Однако, всѣ они, за исключеніемъ Гоббса, очень далеки отъ того, чтобы отождествлять съ абсолютною сущностью вещей то, что представляется какъ міровая картина нашему разуму и нашимъ чувствамъ, и повсюду, при самыхъ различныхъ видоизмѣненіяхъ системы, все снова выступаетъ тогъ пунктъ, который отличаетъ новѣйшую философію отъ прежней: то соображеніе, что наша міровая картина въ сущности есть представленіе.

У Лейбница мысль о мірѣ, какъ представленіи, находитъ себѣ крайнее выраженіе въ ученіи о представленіи (Vorstellen) в монадъ, между тѣмъ Лейбницъ въ пониманіи міра явленій слѣдуетъ въ то же время строжайшему механическому воззрѣнію, и пріемъ, употребляемый имъ по отношенію къ какой нибудь проблемѣ физики, не отличается ничѣмъ отъ пріемовъ другихъ физиковъ. — Высочайшей ясности достигаетъ, наконецъ, отношеніе философіи къ матеріализму у Канта. Тотъ самый человѣкъ, который впервые развилъ ученіе о происхожденіи небесныхъ тѣлъ изъ одного притяженія разсѣянной матеріи, который позналъ уже основныя черты дарвинизма и не отступилъ передъ тѣмъ, чтобы въ своихъ общедоступныхъ чтеніяхъ разсматривать переходъ человѣка изъ его прежняго животнаго состоянія въ человѣческое какъ нѣчто само собою разумъющееся, который отвергнулъ вопросъ о «мѣстѣ пребыванія души» какъ ирраціональный и довольно часто давалъ понять, что по его мнѣнію тѣло и душа одно и то же, только воспринятое различными органами, — этотъ человѣкъ, конечно, только немногому могъ научиться у матеріализма, ибо все міровоззрѣніе матеріализма какъ бы входитъ въ составъ Кантовской системы, не измѣняя, однако, этимъ ея основного идеалистическаго характера. Что Кантъ о всѣхъ предметахъ естествознанія судилъ строго натуралистически, не подлежитъ никакому сомнѣнію; ибо «Метафизическіе зачатки естествознанія» содержатъ въ себѣ только попытку открыть аксіоматическія основы a priori и не относятся, слѣдовательно, къ области эмпирическаго изслѣдованія, которое повсюду опирается на опытъ и разсматриваетъ аксіомы какъ нѣчто данное. Такимъ образомъ, Кантъ оставляетъ всю область естественно-научнаго мышленія на прежнемъ мѣстѣ и въ прежнемъ значеніи, какъ великое и единственное средство расширить наши опыты относительно міра, даннаго нашими чувствами, привести ихъ въ связь, и этимъ путемъ сдѣлать понятнымъ нашъ міръ въ причинной связи всѣхъ явленій. Можно ли въ такомъ случаѣ одобрить, — разъ такой человѣкъ не останавливается на естественно-научномъ и механическомъ міровоззрѣніи, разъ онъ утверждаетъ, что дѣло этимъ не кончается, что у насъ есть основаніе подвергнуть разсмотрѣнію также и міръ нашихъ идей, что ни міръ явленій, ни міръ идей не можетъ быть признанъ нами за абсолютную природу вещей, —

можно ли одобрить то, что все это оставляется безъ вниманія, всѣ эти утверженія игнорируются — по той причинѣ, что мы не ощущаемъ потребности въ дальнѣйшемъ и болѣе глубокомъ изслѣдованіи?

Если же спеціальныи изслѣдователь опасается, что углубленіе въ такія мысли отвлечетъ его отъ его предмета, и если онъ поэтому предпочитаетъ удовлетворяться въ этой области кое какими туманными представленіями или устранять философію, какъ чуждую ему область, то противъ этого можно будетъ сказать только очень немногое. Но тотъ, кто, подобно нашимъ матеріалистамъ, выступаетъ въ качествѣ «философа» или даже чуть ли не въ качествѣ дѣлающаго эпоху реформатора философіи, — не можетъ обойти этихъ вопросовъ. Дать на нихъ основательный отвѣтъ — вотъ для матеріалиста единственный путь къ тому, чтобы приобрести право на прочное мѣсто въ исторіи философіи. Безъ такой духовной работы матеріализмъ, которому и помимо того предстоитъ дать выраженіе старымъ мыслямъ на новомъ матеріалѣ, останется собственно только тараномъ въ борьбѣ противъ грубѣйшихъ представленій религіознаго преданія и важнымъ симптомомъ глубокаго броженія умовъ<sup>2)</sup>.

Замѣчательно, однако, что именно тотъ пунктъ, мимо котораго систематики и анатомы механическаго міровоззрѣнія проходятъ съ такимъ небреженіемъ, — вопросъ о границахъ познанія природы, — нашелъ надлежащую отбѣнку у болѣе глубокихъ представителей спеціальнаго изслѣдованія. При этомъ оказывается, что истинное и основательное спеціальное изслѣдованіе въ связи съ хорошимъ общимъ образованіемъ легко приводитъ къ болѣе глубокому воззрѣнію на сущность природы, нежели простая энциклопедическая экскурсія по всей области естествознанія. Кто прочно овладѣлъ одною какою нибудь областью и проникъ здѣсь во всѣ глубины проблемъ, обрѣлъ болѣе острый взглядъ и для всѣхъ сродныхъ областей. Онъ легко будетъ ориентироваться повсюду и такимъ образомъ быстро дойдетъ до общаго воззрѣнія, которое можно будетъ назвать истинно философскимъ, между тѣмъ какъ натурфилософскія изслѣдованія, которыя уже съ самаго начала идутъ больше въ ширину, легко застреваютъ на тѣхъ двусмысленностяхъ, которыя свойственны всякому философу, упускающему изъ виду вопросы теоріи познанія. Заслуживаетъ поэтому особаго указанія, что наиболѣе выдающіеся естествоиспытатели настоящаго времени, которые имѣли мужество вступить въ область философіи, почти всѣ съ какой нибудь стороны натолкнулись на гносеологическіе вопросы.

Разсмотримъ прежде всего подвергавшуюся многократному обсужденію рѣчь «О границахъ познанія природы», которую Дюбуа-Реймонъ произнесъ на собраніи нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Лейпцигѣ (1872). Какъ самая рѣчь, такъ и нѣкоторыя возраженія противъ нея дадутъ намъ много поводовъ освѣтить новымъ свѣтомъ наиболѣе существенный пунктъ во всей критикѣ матеріализма.

Все познаніе природы направлено въ своей конечной цѣли на механику атомовъ. Поэтому Дюбуа-Реймонъ ставитъ какъ крайнюю, человѣческимъ духомъ никогда недостижимую, но понятную ему цѣль, полное знаніе этой механики. Примыкая къ изреченію Лапласа, онъ учитъ, что умъ, который для какого нибудь даннаго очень малаго промежутка времени, зналъ бы положеніе и движеніе всѣхъ атомовъ во вселенной, что такой умъ былъ бы также въ состояніи вывести изъ этого,

по законамъ механики, все будущее и прошедшее. Онъ могъ бы путемъ надлежащаго разсмотрѣнія своей міровой формулы сказать намъ, кто былъ желѣзною маскою, или какъ погибъ «президентъ». Подобно тому какъ астрономъ предсказываетъ день, въ который послѣ нѣсколькихъ лѣтъ комета снова появляется на небесномъ сводѣ изъ глубинъ мірового пространства, точно также этотъ умъ могъ бы въ своихъ уравненіяхъ узнать тотъ день, когда греческій крестъ заблеститъ на Софійской мечети, или когда Англія сожжетъ свой послѣдній каменный уголь. Если бы онъ помѣстилъ въ мировую формулу  $t = \infty$ , то ему раскрылось бы загадочное первобытное состояніе вещей. Онъ видѣлъ бы въ безконечномъ пространствѣ матерію, либо въ состояніи движенія, либо неравномѣрно распределенную, ибо при равномѣрномъ распределеніи неустойчивое равновѣсіе никогда не было бы нарушено. Если бы онъ предоставилъ  $t$  безконечный ростъ въ положительномъ смыслѣ, то онъ узналъ бы, угрожаетъ ли вселенной, по тезису Карно, ледяной покой только послѣ безконечнаго времени или уже послѣ конечнаго времени. Всѣ качества возникаютъ только черезъ посредство чувствъ. «Моисеевское: бысть свѣтъ — физиологически невѣрно; свѣтъ возникъ только тогда, когда первое красное глазное пятнышко инфузориі впервые различило свѣтъ и тьму». «Нѣмымъ и темнымъ самимъ по себѣ, т. е. безкачественнымъ, какимъ онъ представляется послѣ субъективнаго анализа, представляется міръ также и полученному путемъ объективнаго наблюденія механическому воззрѣнію, которое вмѣсто звука и свѣта знаетъ только колебанія безкачественнаго перво-вещества, ставшаго въ одномъ случаѣ вѣсомю, а въ другомъ невѣсомой матеріей».

Есть однако два пункта, передъ которыми долженъ былъ бы остановиться и умъ, представленный Лапласомъ. Мы не въ силахъ постичь а то мы и мы не можемъ также вывести изъ атомовъ и ихъ движенія даже самомажйшее проявленіе сознанія.

Въ какую бы сторону ни поворачивать понятія матеріи и ея силъ, всегда наталкиваемся на нѣчто послѣднее, непостижимое или даже на нѣчто по просту безсмысленное, какъ напримѣръ принятіе силъ, которыя дѣйствуютъ черезъ пустое пространство на разстояніи. Нѣтъ никакой надежды когда бы то ни было разрѣшить эту проблему: трудность здѣсь т р а н сцендентная. Она покоится на томъ, что въ концѣ концовъ мы не можемъ себѣ представить ничего безъ всякихъ чувственныхъ качествъ, тогда какъ все наше познаніе направлено на то, чтобы перевести качества въ математическія отношенія. Поэтому Дюбуа-Реймонъ не безъ основанія доходитъ даже до того утверженія, что все наше познаніе природы въ сущности не есть познаніе, что оно даетъ намъ только суррогатъ объясненія. Мы никогда не забудемъ, что вся наша культура покоится на этомъ «суррогатѣ», который во многихъ и важныхъ отношеніяхъ вполне замѣняетъ намъ гипотетическое абсолютное познаніе, но, строго говоря, вѣрно то, что познаніе природы, разъ мы довели его до этого пункта и стараемся развить его далѣе по тому же принципу, который руководилъ нами до сихъ поръ, раскрываетъ свою собственную несостоятельность и самополагаетъ себѣ границы.

Дюбуа-Реймонъ не усматриваетъ никакой серьезной трудности для познанія природы въ возникновеніи организмовъ. Гдѣ и въ какой формѣ впервые проявилась жизнь, этого мы не знаемъ, но умъ, представленный Лапласомъ, обладая міровою формулою, могъ бы это сказать. Кристаллъ



и организмъ отличаются одинъ отъ другого такъ, какъ простое зданіе отличается отъ фабрики съ ея машинами и приспособленіями—фабрики, въ которую входятъ сырые матеріалы, и изъ которой исходятъ издѣлія, продукты разложенія и отбросы. Мы имѣемъ передъ собою только «необычайно трудную механическую проблему». Богатѣйшая картина природы дѣйствительнаго тропическаго лѣса представляется анализирующей наукѣ не болѣе, какъ подвижною матеріей.

Не тутъ, слѣдовательно, вторая граница познанія природы, а при первомъ возникновеніи сознанія. При этомъ дѣло вовсе не въ человѣческомъ духѣ во всей полнотѣ его творчества и мышленія. «Подобно тому какъ самая сильная и сложная мышечная работа человѣка или животнаго въ существѣ нисколько не темнѣе, нежели простое сокращеніе отдѣльнаго примитивнаго мышечнаго пучка, подобно тому какъ отдѣльная выдѣлительная клѣточка заключаетъ въ себѣ всю загадку выдѣленія,—точно также самая возвышенная душевная дѣятельность со стороны матеріальныхъ условій въ существѣ не болѣе непонятна, чѣмъ сознаніе на его первой ступени — чувственномъ ощущеніи. Выѣстъ съ первымъ ощущеніемъ удовольствія или страданія, которое почувствовало простѣйшее существо въ началѣ животной жизни на землѣ, возникла указанная непроходимая пропасть, и съ этого времени міръ сталъ вдвойнѣ непостижимымъ».

Доказательство этого Дюбуа-Реймонъ хочетъ вести независимо отъ всѣхъ философскихъ теорій, такъ, чтобы оно было очевидно и всякому естествоиспытателю. Въ виду этого онъ принимаетъ, что мы обладаемъ совершеннымъ («астрономическимъ») знаніемъ естественныхъ процессовъ въ мозгу, притомъ не только безсознательныхъ процессовъ, но и тѣхъ, которые во времени всегда совпадаютъ съ духовными процессами и, слѣдовательно, необходимо связаны съ ними. Въ такомъ случаѣ было бы высокою побѣдой, «еслибы мы умѣли сказать, что при извѣстномъ духовномъ процессѣ въ извѣстныхъ нервныхъ узлахъ и нервныхъ волокнахъ имѣютъ мѣсто извѣстныя движенія извѣстныхъ атомовъ». «Ясное пониманіе матеріальныхъ условій духовныхъ процессовъ» научило бы насъ болѣе, нежели какой либо изъ прежнихъ результатовъ изслѣдованія, но сами духовные процессы остались бы для насъ въ той же мѣрѣ непонятными, какъ и теперь. «Астрономическое знаніе мозга — самое высокое, какого мы вообще можемъ достигнуть — не раскрываетъ намъ въ немъ ничего, кромѣ подвижной матеріи». А если полагаютъ, что это знаніе все же можетъ сдѣлать намъ понятными, хотя бы нѣкоторые духовные процессы и наклонности, какъ-то: память, слѣдованіе представленій и т. д., то и это заблужденіе; мы узнаемъ только извѣстныя условія духовной жизни, но мы не узнаемъ, какъ изъ этихъ условій возникаетъ сама духовная жизнь».

«Какая мыслимая связь существуетъ между опредѣленными движеніями опредѣленныхъ атомовъ въ моемъ мозгу съ одной стороны, и съ другой—первоначальными для меня, далѣе неопредѣлимыми и непреложными фактами: «я чувствую страданіе, чувствую радость; ощущаю запахъ розы, слышу звукъ органа, вижу красное», и столь же непосредственно вытекающей изъ этого увѣренности: «слѣдовательно я существую»? Никкимъ образомъ не ясно, какъ изъ совмѣстнаго дѣйствія атомовъ возникаетъ сознаніе. Но если бы я пожелалъ приписать сознаніе уже са-

мирь атомамъ, то этимъ однако не было бы объяснено еще сознание вообще, а затѣмъ отъ этого нисколько не выиграло бы пониманіе единого сознания индивида».

И эту вторую границу познанія природы Дюбуа-Реймонъ обозначаетъ какъ безусловную. Никакіе мыслимые успѣхи естествознанія не могутъ привести насъ къ тому, чтобы мы могли ее переступить. Но тѣмъ менѣе естествоиспытатель откажется отъ права составить себѣ путемъ индукціи собственное мнѣніе объ «отношеніи между духомъ и матеріей, не давая себя вводить въ заблужденіе мѣрами, догмами и гордыми своею древностью философемами».

«Естествоиспытатель во множествѣ случаевъ видитъ, что матеріальныя условія оказываютъ воздѣйствіе на духовную жизнь. По его безпристрастному взгляду, не представляется никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что чувственныя впечатлѣнія дѣйствительно сообщаются такъ называемой душѣ. Онъ видитъ человѣческій духъ какъ бы разрастающимся вмѣстѣ съ мозгомъ»... «Никакой теологической предразсудокъ не препятствуетъ ему, какъ Декарту, познать въ животныхъ душахъ родственныя человѣческой душѣ, но менѣе совершенныя по степени звенія того же самого ряда развитія». Онъ видитъ, какъ у позвоночныхъ животныхъ тѣ части мозга, которыя и физиологія должна разсматривать какъ носителей высшихъ духовныхъ функцій, развиваются постепенно, вмѣстѣ съ ростомъ душевныхъ способностей. «Наконецъ, теорія происхожденія видовъ въ связи съ ученіемъ о естественномъ подборѣ вызываетъ у него то представленіе, что душа возникла постепенно, какъ результатъ извѣстныхъ матеріальныхъ сочетаній, и, можетъ быть, подобно другимъ наследственнымъ способностямъ, полезнымъ индивиду въ борьбѣ за существованіе, росла и совершенствовалась на протяжении безчисленнаго ряда поколѣній».

Можно было бы думать, что матеріализмъ на этомъ успокоится. Но Дюбуа-Реймонъ безъ всякой надобности открыто беретъ подъ свою защиту знаменитое изреченіе Фохта, что мысли относятся къ мозгу, какъ желчь къ печени или какъ моча къ почкамъ<sup>3</sup>). Эстетическаго различія ранговъ физиологія не знаетъ. Для нея выдѣленіе почекъ — предметъ столь же достойный, какъ и функція болѣе благородныхъ органовъ. «Едва ли можно въ Фохтовскомъ изреченіи порицать и то, что въ немъ душевная дѣятельность представлена какъ продуктъ матеріальныхъ условій въ мозгу». Ошибочно только то, что оно вызываетъ представленіе, будто душевная дѣятельность въ сущности своей можетъ быть въ той же мѣрѣ понята изъ строенія мозга, какъ выдѣленіе изъ строенія железа.

Но противъ этого-то именно и возмущается матеріализмъ. Если что либо остается еще «непостижимымъ», то матеріализмъ можетъ, пожалуй, остаться превосходною максимой для изслѣдованія природы (это онъ есть и по нашимъ воззрѣніямъ), но онъ ужъ не философія. Другіе философы, въ особенности скептицизмъ, могутъ воспринять непостижимое или даже сдѣлать изъ непостижимости вещей свой принципъ; но матеріализмъ есть по самому существу своему положительная философія, которая преподаетъ свои основныя ученія съ догматическою увѣренностью; къ ея важнѣйшимъ утвержденіямъ принадлежитъ то, что на основаніи этихъ ученій легко понять весь міръ. И какъ бы склонны ни были

наши теперешніе матеріалисты, какъ это мы видѣли въ предшествующемъ отдѣлѣ, къ принадлежкамъ скептицизма и релятивизма, какъ бы легко они ни говорили о непостижимости конечныхъ причинъ всякаго бытія, или ни выставляли міръ человѣка какъ міръ изслѣдованія, упраздняя вопросъ о томъ, можетъ ли существовать еще и другое пониманіе вещей,—непостижимости духовнаго они допустить не желаютъ, ибо главное значеніе матеріализма они усматриваютъ въ томъ, что душевная дѣятельность человѣка и животныхъ тоже находятъ себѣ объясненіе въ функціяхъ матеріи.

Что при этомъ незамѣтно вкрадывается большое недоразумѣніе, выяснилось, полагаемъ мы, въ достаточной мѣрѣ изъ нашей первой книги. Однако оно нигдѣ не выступаетъ съ такою наглядностью, какъ въ той полемикѣ, которая начала была противъ Дюбуа-Реймона въ интересахъ матеріалистическаго міровоззрѣнія. О его противникахъ можно по истинѣ сказать то самое, что Кантъ сказалъ о противникахъ Юма (см. выше стр. 28),—что они «постоянно принимаютъ за признанное именно то, въ чемъ онъ сомнѣвался и напротивъ съ жаромъ и въ большинствѣ случаевъ съ большою нескромностью доказываютъ то, въ чемъ сомнѣваться ему не приходило и въ голову».

Наиболѣе поразительно это выступаетъ у психіатра доктора Лангвизера, который подвергъ рѣчь Дюбуа-Реймона «О границахъ познанія природы» обсужденію въ маленькой брошюрѣ (1873). Лангвизеръ написалъ (1871) «Опытъ механики психическихъ состояній»; это сочиненіе содержитъ нѣкоторыя достойныя вниманія, хотя и грубо изложенныя, соображенія для будущаго уразумѣнія мозговыхъ функцій. Что авторъ переоцѣниваетъ значеніе своихъ объяснительныхъ попытокъ,—выполнѣ естественно, и что онъ съ своей точки зрѣнія чрезъ показаніе механическихъ мозговыхъ функцій полагаетъ объясненнымъ и сознаніе, — это опять-таки черта, которая у него общая со всѣмъ матеріализмомъ. Можно было бы думать, что разъ выступаетъ такой изслѣдователь, какъ Дюбуа-Реймонъ, то именно такой писатель по меньшей мѣрѣ пробудится «изъ догматической спячки» и ясно уразумѣетъ тотъ пунктъ, который составляетъ предметъ спора. Однако вмѣсто этого мы имѣемъ передъ собою совершенное недоразумѣніе. Но мы бы все-таки не останавливались такъ долго на недоразумѣніи отдѣльнаго писателя, если бы не были того мнѣнія, что здѣсь передъ нами, такъ сказать, классическій образецъ цѣлаго ряда такихъ же недоразумѣній, если бы именно этотъ пунктъ не былъ бы такъ высоко важенъ для оцѣнки матеріализма.

Недоразумѣніе до такой степени грубо, что Лангвизеръ (стр. 10) доходитъ даже до утвержденія, будто Дюбуа-Реймонъ принятіемъ Лапласоваго положенія объ исчисленіи будущаго на основаніи совершенной міровой формулы противорѣчить самому себѣ.

«Для того чтобы путемъ механики атомовъ исчислить событія прошлаго или будущаго, въ которыхъ человѣческой духъ участвовалъ или будетъ участвовать какъ существенный факторъ, духовныя состоянія человечества точно также должны бы находиться въ области познаваемой механики атомовъ, а вѣдь это именно Дюбуа-Реймонъ и отрицаетъ».. «А если бы онъ возразилъ, что уму, представленному Лапласомъ, были бы извѣстны и при-

няты въ расчетъ атомныя движенія всѣхъ мозговъ человѣчества, такъ что онъ посредствомъ нихъ исчислилъ бы также вліяніе духовныхъ процессовъ людей на матеріальныя событія, и ему было бы только недоступно уразумѣніе духовныхъ процессовъ изъ атомныхъ движеній,—то и въ этомъ опять-таки кроется противорѣчіе. Ибо разъ онъ можетъ исчислить каждую мысль какъ атомное движеніе, такъ какъ и ея дальнѣйшія слѣдствія и дѣйствія, то онъ изъ этихъ дѣйствій познаетъ также сущность вещи—въ сферѣ духовныхъ процессовъ, какъ и повсюду; ибо сущность вещи есть именно ничто иное, какъ то, поскольку (sic) оно проявляется въ своихъ дѣйствіяхъ».

Здѣсь, слѣдовательно, мы имѣемъ передъ собою тотъ случай, когда противникъ считаетъ признаннымъ и само собою разумѣющимся то, въ чемъ Дюбуа-Реймонъ именно и сомнѣвается; остальное же содержаніе брошюры посвящено доказательству того, что знаменитый фізіологъ никогда не подвергалъ сомнѣнію, и выясненіе чего составляетъ даже его огромную заслугу.

Безпристрастный и обладающій необходимыми предварительными свѣдѣніями читатель рѣчи: «О границахъ познанія природы», конечно, ни на одну минуту не станетъ сомнѣваться въ томъ, что Дюбуа-Реймонъ подъ всѣми атомами разумѣетъ также мозговые атомы человѣка, и что человѣкъ, со всѣми его «произвольными» дѣйствіями представляется естествоиспытателю совершенно однородною частью рядомъ съ другими частями великаго міроваго цѣлага. Но при этомъ Дюбуа-Реймонъ остерегался говорить о «вліяніи духовныхъ процессовъ на матеріальныя событія», ибо такое вліяніе, строго говоря, съ естественно-научной точки зрѣнія совершенно невысказуемо. Если бы даже только одинъ—единственный мозговой атомъ могъ быть сдвинуть «мыслью» хотя бы на одну миллионную часть миллиметра съ того пути, по которому онъ долженъ слѣдовать по закону механики, то вся «міровая формула» ни на что бы не годилась и не имѣла бы даже смысла. Но дѣйствія человѣка, также какъ, на примѣръ, и тѣхъ солдатъ, которымъ предназначено водрузить крестъ на Софійской мечети, ихъ полководцевъ, участвующихъ дипломатовъ и т. д.—всѣ эти дѣйствія, съ естественно-научной точки зрѣнія, происходятъ не изъ «мыслей», а изъ мышечныхъ движеній,—все равно, служатъ ли эти послѣднія для того, чтобы сдѣлать переходъ, обнажить мечъ, вести перомъ, произносить слово команды или направить свой взоръ на угрожаемое мѣсто. Мышечныя движенія вызываются нервною дѣятельностью: эта послѣдняя беретъ свое начало изъ функцій мозга, а эти въ свою очередь совершенно опредѣлены строеніемъ мозга, проводными путями, атомными движеніями при обмѣнѣ веществъ и т. д., къ чему присоединяется еще вліяніе центропетальной нервной дѣятельности. Надо себѣ разъ навсегда выяснитъ, что законъ сохраненія силъ не можетъ терпѣть никакого исключенія внутри мозга,—иначе онъ потеряетъ всякій смыслъ, и надо умѣть подняться до того вывода, что такимъ образомъ всѣ стремленія и дѣйствія людей—какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и народовъ—могли бы происходить совершенно такъ же, какъ они происходятъ въ дѣйствительности, при чемъ ни у одного изъ этихъ индивидовъ не возникло бы ничего похожего на

мысль, ощущение и т. п. Взоръ человѣка могъ бы быть столь же исполненнымъ души, «звукъ его голоса столь же трогательнымъ»—съ тою только разницей, что этому выраженію не соотвѣтствовала бы никакая «душа», и что никто не былъ бы «тронутъ», развѣ только если бессознательно мѣняющіяся мины приняли бы болѣе мягкое выраженіе, или механизмъ мозговыхъ атомовъ произвелъ бы улыбку на губахъ или слезы на глазахъ.—Именно такъ и не иначе мыслилъ Декартъ животный міръ, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія оспаривать допустимость такого предположенія съ естественно-научной точки зрѣнія. Что это предположеніе ложно, мы заключаемъ только изъ сходства симптомовъ животныхъ ощущений съ тѣми, которыя мы знаемъ въ насъ самихъ. Но вѣдь точно также мы и всѣмъ остальнымъ людямъ, за исключеніемъ насъ самихъ, приписываемъ сознание только по аналогіи. Мы наблюдаемъ у себя сознание связаннымъ съ тѣлесными процессами и справедливо заключаемъ, что то же самое происходитъ и у другихъ, но съ естественно-научной точки зрѣнія мы, развѣ навсегда, можемъ познать только симптомы и «условія» духовнаго внѣ насъ, но не само это духовное. Воззрѣнію, изъ котораго исходитъ Дюбуа-Реймонъ, можно придать самое рѣзкое, такъ сказать, принуждающее къ пониманію выраженіе, если представить себѣ два міра,—оба наполненные людьми и дѣйствіями, съ одинаковымъ ходомъ міровой исторіи, съ одинаковымъ выраженіемъ всѣхъ жестовъ, съ одинаковымъ звукомъ голоса—для того, кто его слышитъ, т. е. не только проводитъ колебанія этого голоса черезъ слуховой нервъ къ мозгу, но и сознаетъ его. Оба міра такимъ образомъ абсолютно одинаковы—съ тою только разницей, что въ одномъ весь механизмъ дѣйствовалъ бы, какъ механика автомата, такъ что при этомъ ничего бы не ощущалось и не мыслилось, тогда какъ другой міръ былъ бы нашимъ міромъ. Въ такомъ случаѣ міровая формула была бы для обоихъ міровъ одна и та же,—съ точки зрѣнія точнаго изслѣдованія между ними не было бы никакой разницы.

Что мы въ одинъ изъ этихъ обоихъ міровъ не вѣримъ,—это ничто иное, какъ непосредственное дѣйствіе нашего коренного (eigenste) личнаго сознанія, которое каждый знаетъ только въ самомъ себѣ и переноситъ на все, что похоже на него по внѣшнему виду. Тѣсное же сліяніе между пониманіемъ внѣшнихъ симптомовъ духовнаго и истолкованіемъ ихъ изъ нашего сознанія до такой степени полное и такъ вкоренено въ насъ съ самаго рожденія, что необходимо строгое и свободное отъ предразсудковъ мышленіе для того, чтобы снова отдѣлать другъ отъ друга оба эти фактора.

Совершенно иной будетъ вопросъ о причинной зависимости между матеріальными процессами и связанными съ ними духовными состояніями. Что въ этомъ отношеніи можно защищать полнѣйшую зависимость духовнаго отъ физическаго, не выходя изъ «границъ познанія природы», признано Дюбуа-Реймономъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, и, поскольку цѣль матеріалистовъ заключается въ устраненіи сверхъестественныхъ вмѣшательствъ и происшествій, они могли бы на этомъ ученіи совершенно успокоиться. Дюбуа-Реймонъ, самое большее, выставляетъ какъ возможное или даже какъ вѣроятное то, что они сами утверждаютъ съ догматическою увѣренностью. Въ самомъ дѣлѣ, въ Лапласовской мысли

заключается въ этомъ отношеніи, какъ совершенно правильно указано Лангвизеромъ, болѣе, нежели простая возможность: если даже духовное и физическое связаны какъ будто очень загадочнымъ образомъ, если даже природа послѣдняго совершенно непостижима. все же можно будетъ утверждать сплошную зависимость духовнаго отъ физическаго, разъ съ одной стороны доказано, что оба явленія совершенно отвѣчаютъ другъ другу, а съ другой, — что физическіе процессы слѣдуютъ строгимъ и неизмѣннымъ законамъ, которые суть исключительно выраженіе матеріи. Что глубже идущее наблюденіе можетъ измѣнить въ этомъ представленіи, — будетъ указано ниже.

Но совершенно такъ же, какъ и матеріалисты, поняли ученіе о границахъ познанія природы и ихъ антиподы — теологи и теологизирующіе философы. Крайне матеріалистическое въ воззрѣніяхъ, развитыхъ Дюбуа-Реймономъ, они оставляютъ въ сторонѣ и опираются только на тотъ крупный фактъ, что онъ ставитъ изслѣдованію природы абсолютную, непреходимую границу. Сила и вещество непостижимы, атомистическое познаніе есть только «суррогатъ» истиннаго познанія, слѣдовательно, матеріализмъ отвергнуть, — отвергнуть однимъ изъ первыхъ нашихъ естествоиспытателей. Почему бы въ такомъ случаѣ умозрѣнію и теологіи снова бодро не пуститься роємъ на покинутое поле и не преподавать съ великимъ авторитетомъ того, чего естественныя науки не знаютъ? Что они и сами этого не знаютъ, это къ дѣлу не относится. Знаменитый фізіологъ считаетъ сознаніе и даже простѣйшее ощущеніе недоступнымъ для изслѣдованія природы, — почему бы въ такомъ случаѣ метафизикъ и старой мудрой умозрительной психологіи не выставить опять своихъ куклоу и не заставить ихъ танцовать на опустѣвшемъ полѣ? Страшное пугало исчезло — естествоиспытатель, который учитъ только тому, что знаетъ, обѣщаль не вмѣшиваться въ игру; и такъ, опять весело на старыя помѣстья! Все пойдетъ по прежнему, какъ будто никакого изслѣдованія природы вовсе и не существовало: вѣдь духовная область его не касается!

Что такія недоразумѣнія возможны, заключаются отчасти въ глубоко вѣвшея привычкѣ недостаточно строго брать понятіе познанія и отождествлять пониманіе съ изслѣдованіемъ причинной зависимости. Вина падаетъ отчасти и на автора рѣчи, хотя она менѣе заключается въ томъ, что онъ говоритъ, нежели въ томъ, о чемъ онъ умалчиваетъ, и вообще въ той манерѣ, съ какою онъ, взявъ обломокъ изъ критики всего нашего познанія, бросаетъ его въ публику безъ достаточныхъ указаній на его связь съ дальнѣйшими вопросами. Возможно, что тутъ и самому автору не доставало ориентировки, хотя онъ вообще обнаруживаетъ достаточное знакомство съ исторіей философіи. Болѣе глубокое замѣчаніе мы находимъ только въ концѣ рѣчи: здѣсь (стр. 33) Дюбуа-Реймонъ ставитъ вопросъ о томъ, не суть ли обѣ границы познанія одно и то же, «т. е. не сдѣлаетъ ли мы, уразумѣвъ сущность матеріи и силы, понять также и то, какимъ образомъ лежащая въ ихъ основѣ субстанція можетъ ощущать, желать и мыслить». Но это опять крайне матеріалистическая постановка вопроса; приверженецъ критицизма скорѣе задался бы слѣдующимъ вопросомъ: если бы мы вполне уразумѣли отношеніе сознанія къ той формѣ, въ какой мы мыслимъ объекты природы, — не стало ли бы намъ совершенно яснымъ и то, почему мы при естественно-научной точкѣ зрѣнія должны представлять себѣ субстанцію міра

какъ вещество и силу? Что объ эти проблемы тождественны, на самомъ дѣлѣ болѣе чѣмъ вѣроятно. И въ сущности—одно и то же, будетъ ли первая сведена ко второй, или вторая къ первой; однако же первый способъ свѣденія по природѣ своей идеалистиченъ, а второй материалистиченъ. Впрочемъ, мыслимое рѣшеніе, если оно вообще возможно, уничтожило бы также противоположность между материализмомъ и идеализмомъ.

Въ этой хорошо продуманной рѣчи имѣется, правда, одно мѣсто, которое не только возбуждаетъ недоразумѣнія, но и положительно невѣрно: къ нему прежде всего и примкнуть наши критическія замѣчанія. Въ подвижномъ мірѣ предположеннаго Лапласомъ ума движутся также (стр. 28) мозговые атомы «какъ бы въ нѣмой игрѣ». Затѣмъ говорится слѣдующее: «онъ обзрѣваетъ толпы ихъ, онъ прозрѣваетъ ихъ скрещенія между собою, но не понимаетъ ихъ тѣлодвиженій (Geberden), они для него не мыслятъ, поэтому его міръ... остается безкачественнымъ».

Прежде всего вспомнимъ о томъ, что этотъ умъ смотритъ также и на человѣческія дѣянія, какъ на необходимыя слѣдствія движеній мозговыхъ атомовъ! Вспомнимъ, что законъ необходимости, ключемъ котораго владѣетъ этотъ умъ, управляетъ всѣми, даже наиболѣе тонкими и наиболѣе значительными движеніями взоровъ, выраженіями лица, модуляціями голоса, и что тотъ способъ, какимъ люди сносятся между собою и дѣйствуютъ совмѣстно въ ненависти и любви, шуткѣ и спорѣ, борьбѣ и работѣ, долженъ быть вполне понятенъ этому уму, по меньшей мѣрѣ—со стороны его внѣшняго проявленія. Онъ такъ же хорошо можетъ предсказать тончайшіе оттѣнки тайной зависти или тихаго согласія во взорѣ человѣка, какъ мы какое нибудь грубое затмѣніе луны. Но вспомнимъ далѣе о томъ, что умъ этотъ предполагался родственнымъ человѣческому уму, и что, слѣдовательно, онъ самъ способенъ ко всѣмъ тѣмъ душевнымъ движеніямъ, которыя выражены въ его математическихъ формулахъ. Но вѣдь въ такомъ случаѣ онъ неминуемо будетъ вносить свои собственныя ощущенія въ то, что представляется ему съ внѣшней стороны! Мы дѣлаемъ то же самое въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣчаемъ въ нашихъ ближнихъ зависть, гнѣвъ, благодарность или любовь. Вѣдь мы тоже замѣчаемъ однѣ только выраженія лица и истолковываемъ ихъ затѣмъ на основаніи того, что происходитъ внутри насъ. Правда, что этотъ исчисляющій умъ имѣетъ прежде всего свои формулы, тогда какъ мы имѣемъ непосредственное созерцаніе, но намъ надо придать ему только немного фантазіи, вполне разумной фантазіи, какую обладаемъ и мы, тогда онъ уже переведетъ свои формулы въ созерцаніе.

Конечно, теперь ему прежде всего говорятъ тѣ формулы, которыя выражаютъ появляющееся извнѣ—то, что и намъ знакомо изъ повседневной жизни; но разъ онъ вполне прозрѣваетъ причинную связь между этими явленіями и движеніемъ мозговыхъ атомовъ, то онъ очень скоро изъ этихъ послѣднихъ узнаетъ ихъ причины и слѣдствія и будетъ затѣмъ хорошо понимать «тѣлодвиженія» этихъ атомовъ по ихъ вліянію на внѣшнее выраженіе человѣка, подобно тому какъ телеграфный чиновникъ при нѣкоторомъ упражненіи прямо слышитъ телеграммы въ ритмѣ стучащаго рычага, не имѣя уже надобности читать знаки, перенесенные на бумагу.

Но конечно, если бы указанный умъ рядомъ со всѣми другими, лишь въ степени увеличенными, человѣческими свойствами обладалъ бы также высокою степенью критической проницательности, то понялъ бы, что онъ не воспринимаетъ духовной жизни путемъ объективнаго познанія— въ повседневномъ обиходѣ такъ же мало, какъ и въ наукѣ,—но что онъ привноситъ ее, тамъ — въ созерцаніе, здѣсь — въ формулы, изъ своихъ собственныхъ внутреннихъ переживаній. Онъ охотно согласился бы также и съ тѣмъ, что ему не дано непосредственное знаніе чужихъ ощущеній, и что онъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о томъ, какъ ощущеніе и сознаніе возникаютъ въ матеріальномъ движеніи. Въ этомъ пунктѣ онъ, конечно, повторилъ бы спокойно за Дюбуа-Реймономъ его «Ignorabimus»; но при всемъ томъ онъ былъ бы совершеннѣйшимъ психологомъ, какой вообще для насъ мыслимъ, и психологія, какъ наука, никогда не будетъ для насъ ничѣмъ инымъ, какъ обломкомъ того познанія, которымъ указанный умъ владѣетъ во всемъ совершенствѣ.

Но если присмотрѣться ближе, то это относится ко всѣмъ наукамъ безъ исключенія—поскольку дѣло не идетъ только о мнимомъ знаніи. Въ извѣстномъ смыслѣ все есть познаніе природы, ибо все наше познаніе стремится къ воззрѣнію. Въ одномъ лишь объектѣ наше сознаніе ориентируется путемъ открытія твердыхъ законовъ; исходя изъ нашего субъекта, мы истолковываемъ и оживляемъ различныя формы, поскольку мы относимъ ихъ къ духовному. Непосредственное познаніе духовнаго мы имѣемъ только въ нашемъ самосознаніи; но кто хочетъ создать науку только на основѣ этого послѣдняго, не руководясь объектомъ, неминуемо впадаетъ въ самообманъ.

Однако, если дѣло такъ, то какое значеніе имѣетъ послѣ этого указаніе границъ познанія природы? Какъ бы различенъ ни былъ методологическій характеръ такъ называемыхъ «духовныхъ» наукъ отъ характера наукъ естественныхъ, тѣмъ не менѣе всѣ онѣ входятъ уже въ выставленный Дюбуа-Реймономъ идеалъ естественныхъ наукъ, поскольку онѣ конечно основаны на дѣйствительномъ знаніи, а не на одномъ воображеніи <sup>4</sup>). Можно было бы думать, что этимъ торжество матеріализма рѣшено, и что та благодарность, которую противники матеріализма выразили знаменитому физиологу за его мужественное «исповѣданіе», совершенно неосновательна. Но если читатель вспомнить о томъ, что сказано въ нашемъ отдѣлѣ о Кантѣ, то онъ легко пойметъ, что это не такъ. «Границы познанія природы» съ идеальной точки зрѣнія совершенно совпадаютъ съ границами познанія вообще. А благодаря этому, ихъ значеніе повышается, и все остроумно веденное изслѣдованіе становится подтвержденіемъ критической точки зрѣнія въ теоріи познанія со стороны естествоиспытателей.

Въ самомъ дѣлѣ, граница познанія вовсе не есть неизмѣнная преграда, которая рѣзко противопоставляется естественному ходу его движенія въ какомъ нибудь опредѣленномъ пунктѣ. Механическое міровоззрѣніе имѣетъ передъ и за собою безконечную задачу, но какъ цѣлое оно носитъ въ существѣ своемъ предѣлъ, который не оставляетъ его ни на какомъ пунктѣ его пути. Развѣ физикъ объясняетъ красный цвѣтъ, когда онъ показываетъ намъ соотвѣтствующее ему число колебаній? Онъ объясняетъ въ явленіи то, что можно объяснить, остальное же предоставляетъ физиологу. Этотъ въ свою очередь объясняетъ то, что можетъ объяснить, но



если бы даже его наука обладала такимъ совершенствомъ, какимъ она въ настоящее время не обладаетъ, то и тогда онъ въ концѣ концовъ, подобно физику, имѣлъ бы въ своемъ распоряженіи только атомныя движенія <sup>5)</sup>). Для него дуга замыкается перенесеніемъ центростремительныхъ нервныхъ токовъ въ центробѣжные. Такимъ образомъ онъ остатка далѣе переставить не можетъ и возвѣщаетъ «границу познанія природы». Но развѣ здѣсь пронасть по существу иная, нежели у физика, и имѣемъ мы развѣ какую нибудь гарантію того, что и его колебанія, подобно колебаніямъ фізіолога, не связаны необходимо съ процессомъ совершенно иного рода? Не напрашивается ли само собою и не вполнѣ развѣ законно то заключеніе по аналогіи, что повсюду за этими колебаніями скрывается еще нѣчто иное? За колебаніями мозга скрываются наши собственные ощущенія; поэтому мы можемъ здѣсь начертить «границу познанія природы», но чтобы она лежала только здѣсь, а не въ характерѣ самого познанія, — это при нѣкоторомъ размышленіи должно намъ представиться очень мало вѣроятнымъ.

Не даромъ же это есть тотъ пунктъ, къ которому примыкаютъ самыя различныя умозрѣнія. Дюбуа-Реймонъ отвергаетъ мысль о «мировой душѣ» указаніемъ на то, что строеніе мірового цѣлаго не представляетъ никакой аналогіи со строеніемъ человѣческаго мозга (стр. 32). Это аргументъ достаточно сильный противъ всякаго антропоморфическаго представленія о такой міровой душѣ, но не противъ этой идеи въ ея болѣе общей формѣ. Другія формы представленія, какъ напримѣръ Шопенгауэровское отождествленіе воли съ импульсомъ движенія, или тотъ «мировой эфиръ», съ которымъ выступаетъ противъ Дюбуа-Реймона Шпиллеръ <sup>6)</sup>, или способная къ ощущенію матерія Ибервега и т. д., могутъ быть въ качествѣ трансцендентныхъ умозрѣній отвергнуты, но та почва, на которой вырастаютъ такія умозрѣнія остается, и съ отрицательной стороны мы можемъ съ увѣренностью сказать слѣдующее: о мертвомъ, нѣмомъ и безмольномъ мірѣ колеблющихся атомовъ мы не знаемъ ничего, кромѣ того, что онъ есть необходимое для насъ представленіе, поскольку мы желаемъ представить причинную связь явленій въ научной формѣ. Но такъ какъ мы въ одномъ пунктѣ видѣли, что это необходимое представленіе объясняетъ не данное, т. е. не наши ощущенія, а лишь извѣстный порядокъ въ ихъ возникновеніи и исчезновеніи, то мы должны понять, что это представленіе по всей своей природѣ и по своимъ необходимымъ принципамъ не пригодно на то, чтобы раскрыть намъ конечную, глубочайшую сущность вещей.

Такой же результатъ получается и въ томъ случаѣ, если исходить изъ вещества и силы. Тутъ легко показать, что теоретическая физика съ точки зрѣнія любой формы представленія имѣетъ передъ собою еще цѣлую безконечность тонкихъ и тончайшихъ объясненій и математическихъ анализовъ, а между тѣмъ та трудность, которая выступаетъ здѣсь передъ сознаниемъ, всегда одна и та же. Но для того, чтобы найти признаки недостаточности механической формы представленія, нѣтъ даже надобности обращаться къ атомамъ. Какъ извѣстно, Юмъ (сравн. выше стр. 5) пытался отразить возраженіе противъ матеріалистическаго объясненія мышленія указаніемъ на то, что та непостижимость, которую мы находимъ въ данномъ случаѣ имѣется и во веѣхъ другихъ случаяхъ причинной связи. Въ этомъ онъ былъ правъ; но та поддержка, которую онъ

оказывается въ этомъ пунктѣ матеріализму, становится для послѣдняго гибельной въ другомъ пунктѣ. Противорѣчія не могутъ быть присущи «вещи самой по себѣ»—они, слѣдовательно, необходимо имѣютъ основаніе въ нашей формѣ представленія.

Если сознаніе и мозговое движеніе совпадаютъ, и при этомъ вліяніе одного на другое непостижимо, то едва ли можно избѣгнуть старой спинозовской идеи, отзвукъ которой часто слышится и у Канта,—что оба они суть одно и то же, но, такъ сказать, проектированное на различные органы воспріятія. Матеріализмъ такъ упорно придерживается дѣйствительности матеріи и ея движеній, что истинный догматикъ этого направленія не задумается объявить движеніе дѣйствительнымъ и объективнымъ, а ощущение—нѣкотораго рода видимостью или обманчивымъ отраженіемъ объективности. Но не одна только «видимость обманчива», и понятіе видимости часто тоже оказывалось обманчивымъ. А именно, философы древности очень наивно полагали, что они освободятся отъ вещи, разъ они объявятъ ее «видимостью». Какъ будто понятіе видимости не относительно! Мерцаніе свѣта, полоса тумана, кажутся образами, но вѣдь свѣтъ или туманъ—дѣйствительность. Если напримѣръ, объявить движеніе видимостью, то надо же имѣть какое-нибудь основаніе считать вещь самое по себѣ въ вѣчномъ покоѣ; но являющееся движеніе противится этому сужденію: оно есть нѣчто просто данное, какъ свѣтъ, какъ полоса тумана.

Такъ же надо оцѣнивать и матеріалистическое отношеніе къ ощущеніямъ, выражающееся въ томъ, что мозговое движеніе возводится въ истинную ихъ сущность. Эту точку зрѣнія защищаетъ, напримѣръ, въ самой рѣзкой формѣ Лангвизеръ въ своей полемикѣ противъ Дюбуа-Реймона. «Такъ же мало,—говоритъ онъ (стр. 12),—какъ наше самосознаніе учить насъ анатоміи нашего тѣла или, по крайней мѣрѣ, волокнистости нашего мозга, и поэтому вовсе не есть самосознаніе въ объективномъ смыслѣ,—такъ же мало мы въ состояніи субъективно познать наши ощущенія такими, каковы они на самомъ дѣлѣ».

Здѣсь такимъ образомъ старое наивное пониманіе чувственныхъ представленій еще усилено введеніемъ современныхъ понятій «объективнаго» и «субъективнаго». Субъективное есть собственно ничто или выражаясь иначе: субъективнсе бытіе не есть истинное, подлинное бытіе, съ которымъ однимъ наука и имѣетъ дѣло. Наше собственное сознаніе—для философовъ со времени Декарта исходный пунктъ всего мышленія—есть только такого рода субъективный феноменъ. Когда мы знаемъ тѣ части мозга, въ которыхъ оно возникаетъ, и тѣ потоки, которые проходятъ въ этихъ частяхъ, тогда только мы знаемъ, въ чемъ дѣло; мы познали сознаніе «объективно», и этимъ сдѣлано все, чего по справедливости можно требовать!

Противопоставимъ прежде всего этому воззрѣнію матеріалистическаго натурфилософа, презирающаго философію какъ «мистику», мнѣніе одного философски подготовленнаго изслѣдователя. Астрономъ Цельнеръ въ своей замѣчательной и весьма содержательной книгѣ «О природѣ кометъ» доказываетъ, что мы вообще приходимъ къ представленію объ объектѣ только путемъ ощущенія. Ощущенія суть тотъ матеріалъ, изъ котораго строится внѣшній дѣйствительный міръ. Наипростѣйшій родъ ощущеній, какой мы только можемъ мыслить, содержитъ уже въ

себѣ, какъ скоро мы представляемъ себѣ соединеніе мѣняющихся ощущеній въ организмѣ, представленія времени и причинности. «Изъ этого», — заключаетъ Цельнеръ, — «какъ мнѣ кажется, вытекаетъ, что феноменъ ощущенія есть гораздо болѣе основной фактъ наблюденія, чѣмъ подвижность матеріи, которую мы необходимо должны приписать ей, какъ наиболѣе общее свойство и условіе постижимости чувственныхъ измѣненій» 7).

И въ самомъ дѣлѣ, представленіе объ атомахъ и ихъ движеніяхъ можно вывести изъ ощущенія, но не наоборотъ—ощущеніе изъ атомныхъ движеній. Можно было бы въ такомъ случаѣ попытаться прорвать границы познанія природы со стороны ощущенія и этимъ путемъ какъ бы превратить все естествознаніе въ особую область психологіи; однако, такая психологія, какъ мы увидимъ позднѣе, не обладаетъ средствами къ тому, чтобы стать точною наукой. Лишь когда мы наши ощущенія и представленія ощущенія (Empfindungsvorstellungen) свели въ абстракціи къ простѣйшимъ элементамъ пространства, сопротивленія и движенія, лишь тогда мы получаемъ базисъ для операций науки. Поскольку въ этихъ наиболѣе отвлеченныхъ чувственныхъ представленіяхъ проявляется въ силу апіорныхъ элементовъ нашего познанія необходимосе согласіе между всѣми людьми, постольку, конечно, эти представленія «объективны» — по сравненію съ болѣе конкретными ощущеніями, связанными съ удовольствіемъ и страданіемъ, которыя мы называемъ «субъективными», такъ какъ въ нихъ нашъ субъектъ не находится въ общемъ и необходимомъ согласіи со всѣми другими чувствующими субъектами. Тѣмъ не менѣе въ сущности все заключено въ субъектѣ, и даже «объектъ» первоначально означаетъ ничто иное, какъ «предметъ» нашего представленія. Ощущеніе и представленіе ощущенія есть общее, представленіе объ атомахъ и ихъ колебаніяхъ — частное. Ощущеніе «дѣйствительно» и «дано», въ атомахъ же, въ сущности, ничто не дѣйствительно и не дано, кромѣ остатка поблеклыхъ ощущеній, посредствомъ которыхъ мы воспроизводимъ ихъ образъ. Мысль, что этому образу соотвѣтствуетъ нѣчто внѣшнее и совершенно независимое отъ нашего субъекта, можетъ быть и естественна, но она не абсолютно необходима и не имѣетъ принудительнаго характера; въ противномъ случаѣ не могло бы существовать идеалистовъ Берклеевского направленія.

Итакъ, если ужъ изъ двухъ предметовъ—ощущенія и атомнаго движенія—одинъ долженъ быть обозначенъ какъ дѣйствительный, а другой какъ простая видимость, то гораздо больше основанія считать ощущеніе и сознаніе дѣйствительными, атомы же и ихъ движеніе одною видимостью. Что мы на этой видимости строимъ наше естествознаніе, не вносить въ положеніе дѣла никакого измѣненія. Познаніе природы такимъ случаѣ было бы только аналогомъ истиннаго познанія—средствомъ для оріентировки, подобно географической картѣ, которая оказываетъ намъ громадныя услуги, хотя она очень далека отъ того, чтобы быть землею, по которой мы мысленно совершаемъ свое путешествіе.

Но въ такомъ различіи нѣтъ ни надобности, ни пользы. Ощущеніе и атомное движеніе для насъ одинаково «дѣйствительны» въ качествѣ явленій, хотя первое есть явленіе непосредственное, а второе не непосредственное, а мысленное. Вслѣдствіе строгости той связи, которую создаетъ въ нашихъ представленіяхъ гипотеза матеріи и ея движенія, связь

эта заслуживаетъ названія «объективной»; ибо, благодаря ей, многообразіе объектовъ становится единымъ, великимъ и обширнымъ «объектомъ» (Object), который мы въ качествѣ неизмѣннаго «предмета» (Gegenstand) нашего мышленія, противопоставляемъ измѣнчивому содержанію нашего «я». Однако, вся эта дѣйствительность есть только эмпирическая реальность, и ее легко примирить съ трансцендентальною идеальностью.

Съ точки зрѣнія критической философіи, основанной на теоріи познанія, исчезаетъ въ сущности всякая потребность прорвать разсмотрѣнные здѣсь «границы познанія природы», ибо границы эти не являются чуждою намъ и враждебною силой, а суть наше собственное существо. Но если все таки желательно сдѣлать послѣднюю попытку устранить общедоступнымъ путемъ видимость непримиримаго дуализма, то остается вступить на путь Цельнера, т. е. приписать ощущеніе матеріи самой по себѣ и мыслить механическіе процессы въ закономѣрной и общей связи съ явленіями ощущенія. Но при этомъ не слѣдуетъ никогда забывать, что достигаемое этимъ путемъ объясненіе не естественно-научное, а умозрительное, и что оно собственно загадки, непостижимаго въ явленіи, не устраняетъ, а лишь отодвигаетъ ее. Чтобы получить естественно-научное значеніе, эта теорія должна была бы доказать намъ возникновеніе человѣческаго ощущенія изъ процессовъ ощущенія отдѣльныхъ движущихся частей—доказать по меньшей мѣрѣ столь же строго, какъ построеніе тѣла изъ клѣтокъ или переходъ механическаго движенія изъ вѣшняго міра въ состоянія нашей нервной системы. При этомъ всегда остались бы, однако, двѣ загадки. Представленіе о силѣ и матеріи было бы отягощено всѣми прежними трудностями, а сверхъ того новою, еще большею. Сознаніе же, правда, стояло бы съ матеріей въ связи, но его единство въ отношеніи ко множественности составляющихъ его ощущеній въ сущности было бы такъ же непостижимо, какъ прежде отношеніе сознанія къ колебаніямъ мозговыхъ атомовъ.

Затѣмъ, спрашивается еще, если бы такую теорію можно было провести, не слѣдовало бы тогда совершенно отказаться отъ атомовъ и ихъ движеній, подобно тому какъ удаляются лѣса послѣ окончанія постройки. Міръ ощущеній, единственно данный, былъ бы тогда объясненъ на основаніи своихъ собственныхъ элементовъ и не нуждался бы болѣе въ чужой опорѣ. Но если бы, однако, оказалось достаточное основаніе удерживать представленіе объ атомахъ, то матеріальный міръ все же былъ бы только міромъ представленій, и предположеніе, что за обоими отвѣчающими другъ другу мірами, міромъ матеріальнымъ и міромъ ощущенія, находится неизвѣстное третье, какъ ихъ общая причина, повело бы далѣе, нежели простое ихъ отождествленіе. Мы такимъ образомъ видимъ, что глубокое изслѣдованіе природы въ своихъ собственныхъ выводахъ выходитъ за предѣлы матеріализма. Но именно всегда въ этомъ единственномъ пунктѣ мы вынуждены понимать весь міръ изслѣдованія природы какъ міръ явленія, рядомъ съ которымъ явленія духовной жизни, несмотря на всю ихъ видимую зависимость отъ матеріи, остаются по существу своему чѣмъ-то чуждымъ и инымъ. Можно, исходя и отъ другихъ отправныхъ пунктовъ, напримѣръ, отъ фізіологіи чувственныхъ органовъ, достигнуть той же границы познанія природы, но нельзя однако найти во всемъ механическомъ міровоззрѣніи ни одного не связаннаго съ этимъ пункта, въ которомъ путемъ существеннаго углубленія изслѣдо-

ваній доказана была бы ихъ неточность. Все, что помимо этого приведено было противъ «диллетантизма» матеріалистовъ съ точки зрѣнія профессиональной основательности, либо не выдерживаетъ критики, либо касается не сущности матеріализма, а какого-нибудь случайнаго мнѣнія одного изъ его приверженцевъ.

Это въ особенности касается нѣкоторыхъ вылазокъ, сдѣланныхъ противъ матеріалистовъ Либихомъ въ его «Химическихъ письмахъ». Такъ, наприимѣръ, въ 23 письмѣ сказано: «Точное изслѣдованіе природы доказало, что земля въ извѣстную эпоху обладала такою температурой, при которой никакая органическая жизнь невозможна; кровь свертывается уже при 78° тепла. Оно доказало, что органическая жизнь на землѣ имѣла начало. Эти истины имѣютъ огромное значеніе, и если бы онѣ были даже единственными пріобрѣтеніями нашего столѣтія, философія за нихъ была бы обязана благодарностью естественнымъ наукамъ».

Однако—точное изслѣдованіе природы доказало это столь же мало, какъ Лийэлль (Lyell)—вѣчность теперешняго состоянія земли. Вообще во всей этой области возможны только гипотезы, которыя то болѣе, то менѣе подкрѣпляются фактами. Исторія показываетъ намъ, какъ великія теоремы возникаютъ и исчезаютъ, тогда какъ отдѣльные факты опыта и наблюденія образуютъ неизмѣнную и непрерывно возрастающую сокровищницу нашего познанія. Философія даже настолько неблагодарна, что склонна объявить все это мнимое пріобрѣтеніе точныхъ наукъ своею собственностью. Когда Кантъ показываетъ намъ, что нашъ разумъ необходимо ищетъ для всякой причины болѣе ранней причины, а ко всякому видимому началу болѣе ранняго начала, тогда какъ стремленіе разума къ единству жаждетъ завершенія, то этимъ антропологическое происхожденіе борющихся между собою теорій обнаружено съ полною ясностью. Можно затѣмъ сослаться на это, но никогда нельзя требовать отъ философіи того, чтобы она не узнала своихъ собственныхъ дѣтей въ пестромъ облаченіи естественныхъ наукъ!

Параллель къ этому «доказанному началу» органической жизни образуетъ то пренебреженіе, съ какимъ Либихъ строго выговариваетъ то, что «диллетанты», желающіе вывести всю жизнь на землѣ изъ простѣйшаго организма клѣточки, съ большою легкостью обращаются съ безконечнымъ рядомъ лѣтъ.

Интересно было бы узнать какое нибудь хотя бы съ виду разумное основаніе, почему при построеніи гипотезы о возникновеніи теперешнихъ тѣлъ природы нельзя было бы съ большою легкостью обращаться съ безконечнымъ рядомъ лѣтъ. На гипотезу о постепенномъ возникновеніи можно напасть по другимъ основаніямъ; это дѣло особое. Но порицая ее за то, что она прибѣгаетъ къ чрезвычайно большому ряду лѣтъ впадаютъ въ одну изъ наиболѣе странныхъ ошибокъ обычнаго мышленія. Нѣсколько тысячъ лѣтъ для насъ весьма обыкновенное дѣло—по внушенію геолога мы при всякомъ случаѣ поднимаемся и до милліона. А съ тѣхъ поръ, какъ астрономы научили насъ представлять себѣ пространственное разстояніе въ билліонахъ миль, могутъ быть приняты билліоны лѣтъ и для развитія земли, хотя это представляется намъ уже нѣсколько фантастическимъ, ибо здѣсь мы не принуждены къ такимъ предположеніямъ, какъ въ астрономіи, вычи-

сленіями. За этими числами—самыми крайними, до которых мы обыкновенно поднимаемся—слѣдуетъ затѣмъ безконечность, вѣчность. Тутъ мы опять оказываемся въ нашей стихіи; особенно абсолютная вѣчность стала для насъ обычнымъ понятіемъ уже со времени пребыванія въ начальной школѣ, хотя намъ давно ясно, что мы его собственно представить себѣ не можемъ. То, что находится между билліономъ, квадриліономъ и вѣчностью, представляется намъ сказочною областью, въ которую забирается только самая разнузданная фантазія. И однако, именно строжайшее сужденіе разума покажетъ намъ, что а priori и до того, какъ сказалъ свое слово опытъ, величайшее число, какое только можетъ предположить человѣкъ, представляется для возраста организмъ нисколько не болѣе вѣроятнымъ, нежели любая степень этого числа. Даже методически неправильно было бы принимать возможно меньшія числа до тѣхъ поръ, пока факты опыта не сдѣлаютъ вѣроятнымъ болѣе. Скорѣе наоборотъ—такъ какъ именно при большихъ и очень медленныхъ измѣненіяхъ истинная проблема заключается въ томъ, чтобы опредѣлить, сколько лѣтъ достаточно было бы силамъ природы для ихъ совершенія. Чѣмъ меньшее число предполагается, предположеніе, тѣмъ крѣпче должны быть доказательства, такъ какъ болѣе короткое время а priori должно быть менѣе вѣроятнымъ; словомъ—доказательство должно быть ведено для минимума, а не какъ полагаютъ предубѣжденіе, для максимума. Страхъ передъ большими числами не слѣдуетъ такимъ образомъ смѣшивать со страхомъ передъ смѣлыми и многочисленными гипотезами. Гипотеза постепеннаго возникновенія является, можетъ быть, смѣлою и неосновательною по другимъ причинамъ,—но величина чиселъ нисколько не дѣлаетъ ее болѣе рискованною.

Еще менѣе критическимъ становится Либихъ, когда онъ произноситъ слѣдующее категорическое сужденіе. «Никогда химіи не удастся представить въ своей лабораторіи клѣточку, мышечное волокно, нервъ—однимъ словомъ, дѣйствительно органическую, одаренную жизненными свойствами часть организма или даже самый организмъ». Почему нѣтъ?—потому, что матеріалисты смѣшали органическія вещества съ органическими частями? Въдъ это не можетъ служить основаніемъ для такого утвержденія. Можно исправить это смѣшеніе, и все же вопросъ о химической представимости (Darstellbarkeit) клѣточки все еще остается открытымъ и притомъ не совсемъ празднымъ. Долгое время думали, что вещества органической химіи могутъ возникать только въ организмѣ. Эта вѣра рушилась. Теперь мы должны вѣрить, что самъ организмъ возникъ черезъ посредство организмовъ. Одинъ догматъ вѣры палъ—да здравствуетъ его преемникъ! Не правильнѣе ли вывести изъ этого заключеніе, что научная цѣнность такихъ догматовъ вообще не весьма высокая?

Строго говоря, точное изслѣдованіе не порождаетъ матеріализма, но оно и не опровергаетъ его—покрайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ его хотѣло бы видѣть опровергнутымъ большинство его противниковъ; ибо «границы познанія» въ истинномъ ихъ смыслѣ ни въ коемъ случаѣ не удовлетворяютъ большой массы противниковъ. Необходима уже значительная степень философскаго образованія для того, чтобы найти здѣсь рѣшеніе вопроса и на этомъ рѣшеніи успокоиться.

При всемъ томъ въ жизни и въ повседневномъ общеніи мнѣній естествознаніе вовсе не относится къ матеріализму такъ безразлично или даже

отрицательно, какъ это встрѣчается при строгомъ выведеніи всѣхъ слѣдствій. Разумѣется, не случайность то, что почти повсюду, почти одни естествоиспытатели способствовали возобновленію матеріалистическаго міроозрѣнія въ Германіи. Точно также мало случайнаго и въ томъ, что послѣ всѣхъ «опроверженій» матеріализма въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда либо, появляются популярныя естественно-научныя книги и статьи въ повременныхъ изданіяхъ, которыя совершенно спокойно исходятъ изъ матеріалистическихъ возрѣній, какъ будто бы это дѣло было давно рѣшено. Все это явленіе въ достаточной мѣрѣ объясняется разсужденіями, приведенными выше. Въ самомъ дѣлѣ, если матеріализмъ можетъ быть устраненъ только критикой теоріи познанія, тогда какъ въ области положительныхъ вопросовъ онъ повсюду одерживаетъ верхъ до тѣхъ поръ, пока не принята во вниманіе великая граница, о которой шла рѣчь выше, — то легко предвидѣть, что въ кругозоръ большинства занимающихся естественными науками войдутъ исключительно матеріалистическія идеи. Существуетъ только два условія, при которыхъ это слѣдствие можетъ быть избѣгнуто. Одно находится позади насъ: это—авторитетъ философіи и глубокое дѣйствіе религіи на души. Другое еще далеко отъ насъ: это—общее распространеніе философскаго образованія \*) на всѣхъ посвящающихъ себя научнымъ занятіямъ.

Рука объ руку съ философскимъ образованіемъ идетъ образованіе историческое. На ряду съ презрѣніемъ философіи можно найти матеріалистическую черту въ томъ противуисторическомъ смыслѣ, съ которымъ такъ часто связано наше точное изслѣдованіе. Въ настоящее время подъ «историческимъ» возрѣніемъ подразумѣваютъ возрѣніе консервативное. Это происходитъ частью отъ того, что наука за деньги и почести часто становилась послушнымъ орудіемъ злоупотребленій, направленныхъ къ тому, чтобы поддержать обветшалыя силы и служить хищническимъ интересамъ указаніями на прежнюю славу и на историческое пріобрѣтеніе правъ, вредныхъ для общечитія. Изслѣдованіемъ природы съ этой цѣлью злоупотреблять невозможно. Кромѣ того, возможно, что постоянное понужденіе къ отреченію, которое влечетъ за собою точное изслѣдованіе, заключаетъ въ себѣ нѣчто укрѣпляющее характеръ. Разсмотрѣнный съ этой стороны противуисторическій смыслъ естествоиспытателей можетъ имъ служить только въ похвалу.

Оборотная сторона дѣла заключается въ томъ, что недостатокъ историческаго пониманія въ общемъ прерываетъ нить поступательнаго движенія,—что ходомъ изслѣдованій завладѣваютъ узкія точки зрѣнія, что на ряду съ пренебреженіемъ къ прошедшему идетъ филистерская переоцѣнка настоящаго состоянія наукъ, благодаря которой ходячія гипотезы представляются аксіомами, а слѣбныя преданія — результатами изслѣдованія.

Исторія и критика часто суть одно и то же. Многочисленные медики, которые считаютъ семимѣсячный плодъ болѣе жизнеспособнымъ, нежели восьмимѣсячный, принимаютъ это болѣею частью за фактъ опыта. Послѣ того какъ источникъ этого возрѣнія найденъ былъ въ астрологіи \*\*), и просвѣщеніе оказалось достаточнымъ для того, чтобы усомниться въ смертоносной силѣ Сатурна, то возникаютъ сомнѣнія и относительно этого мнимаго факта.—Кто не знаетъ исторіи, тотъ изъ обычныхъ лекарствен-

ныхъ средствъ будетъ считатьъ цѣлебными тѣ, относительно которыхъ противное не доказано совершенно опредѣленно новѣйшими изслѣдованіями. Но кто хоть разъ видѣлъ рецептъ 16 или 17 столѣтія, и при этомъ принялъ въ соображеніе то, что люди «выздоровливали» даже послѣ такихъ ужасныхъ и безсмысленныхъ композицій, тотъ не станетъ болѣе довѣрять вульгарному «опыту» и, наоборотъ, будетъ вѣрить только въ тѣ строго ограниченныя дѣйствія какого-нибудь лекарства или яда, которыя установлены самыми тщательными новѣйшими изслѣдованіями точной науки.—Незнакомство съ исторіей науки способствовало тому, что нѣсколько десятилѣтій тому назадъ «элементы» новѣйшей химіи стали уже считаться въ главныхъ частяхъ окончательно установленными; между тѣмъ въ настоящее время все болѣе и болѣе выясняется, что не только предстоитъ открыть еще нѣкоторые новые элементы и, можетъ быть, разложить иныя старыя, но что и все вообще понятіе элемента есть только временное вспомогательное понятіе.

Для многихъ химиковъ исторія науки начинается съ Лавуазье. Подобно тому какъ въ нѣкоторыхъ историческихъ сочиненіяхъ для дѣтей темный періодъ среднихъ вѣковъ часто кончается словами: «тогда явился Лютеръ»—точно также и у нихъ Лавуазье является для того, чтобы изгнать суевѣріе относительно флогистона, а затѣмъ уже наука, послѣ устраненія этого заблужденія, вытекаетъ сама собою, изъ здраваго человѣческаго разсудка. И, конечно, какъ смотримъ на дѣло мы, такъ оно и должно бытъ разсматриваемо! разумный человѣкъ не можетъ иначе! мы давно были бы на настоящемъ пути, еслибы не флогистонъ! — и какъ только старый Шталь могъ пребывать въ такомъ заблужденіи.

Кто, наоборотъ, видитъ въ исторіи неразложимую смѣсь заблужденія и истины, кто замѣчаетъ, что постоянное приближеніе къ безконечно отдаленной цѣли совершеннаго познанія проходитъ черезъ безчисленныя межлежачія ступени, кто видитъ, какъ само заблужденіе является носителемъ многообразнаго и прочнаго успѣха,—тотъ изъ наличнаго успѣха современности не станетъ такъ легко дѣлать заключеніе относительно неопровержимости нашихъ гипотезъ. Кто видѣлъ, что успѣхъ никогда не достигался такимъ образомъ, что ошибочная теорія сразу, подобно туману, улетучивается передъ взоромъ генія, но что она всегда оттѣснялась другою, болѣе высокою, которая получается съ большимъ трудомъ изъ самыхъ искусныхъ методовъ изслѣдованія, тотъ не станетъ смотрѣть съ презрительною усмѣшкой на стремленіе изслѣдователя доказать новую и непривычную идею, тотъ во всѣхъ основныхъ вопросахъ будетъ мало довѣрять методу и вовсе не станетъ довѣрять неметодическому разуму.

Благодаря Фейербаху въ Германіи и Конту во Франціи, возникло то возрѣніе, будто научный разумъ есть ничто иное, какъ здравый человѣческій разсудокъ, вступившій въ свое естественное дѣйствіе послѣ устраненія разныхъ запутывающихъ фантазій. Исторія не представляетъ намъ даже слѣда такого внезапнаго появленія здраваго человѣческаго разсудка послѣ одного лишь устраненія препятствующей фантазій; она, наоборотъ, показываетъ намъ повсюду, какъ новыя идеи прокладываютъ себѣ путь, несмотря на выступающіе противъ нихъ предрасудки, какъ часто онѣ сливаются съ тѣмъ заблужденіемъ, которое имъ надлежитъ устранить, или дѣйствуютъ совмѣстно въ какомъ-нибудь ложномъ направленіи, и какъ полное устраненіе предрасудка является конечнымъ завершеніемъ всего



процесса, такъ сказать, чисткой уже готовой машины. Мало того, оставаясь, краткости ради, при этомъ образѣ—историческй ошибка весьма часто является тою формою, въ которой отливаются колоколь истины, ■ которая разбивается только по окончаніи отливки. Это выясняется на отношеніи химіи къ алхіміи, астрономіи къ астрологіи. Что наиболѣе важные положительныя результаты получаются только по завершеніи основъ науки, вполне естественно. Копернику мы обязаны очень немногими частностями нашихъ теперешнихъ свѣдѣній о звѣздномъ небѣ; Лавуазье, который съ искомою имъ перво-кислотою унесъ съ собою послѣдній остатокъ алхіміи, былъ бы въ нашей теперешней химіи ребенкомъ. Послѣ того, какъ созданы правильныя основы науки, большая масса выводовъ получается, конечно, само собою съ ничтожною сравнительно затратой умственной работы. Звонить въ колоколь легче, чѣмъ отливать его. Но гдѣ совершается значительный въ принципіальномъ отношеніи шагъ впередъ, тамъ почти всегда наблюдается слѣдующее зрѣлище: новая идея завоевываетъ себѣ мѣсто, несмотря на предрасудокъ, въ началѣ даже какъ бы опираясь на него; только по мѣрѣ развитія она разрываетъ ветхія покровы. Но гдѣ этой идеи, этого положительнаго стремленія не существуетъ, тамъ устраненіе предрасудка не имѣетъ никакого значенія. Въ средніе вѣка многіе были свободны отъ вѣры въ астрологію; мы во всѣ времена находимъ слѣды церковной и свѣтской оппозиціи противъ этого суевѣрія; и однако, не изъ этихъ круговъ вышла астрономія, а изъ круга астрологовъ.

Наиболѣе важный результатъ исторической точки зрѣнія есть то академическое спокойствіе, съ какимъ наши гипотезы и теоріи разсматриваются безъ вражды и безъ вѣры какъ то, что онѣ есть, а именно—какъ ступени въ томъ безконечномъ приближеніи къ истинѣ, которая является повидимому, предназначеніемъ нашего умственнаго развитія. Этими, конечно, всякій матеріализмъ—по меньшей мѣрѣ, насколько онъ предполагаетъ вѣру въ трансцендентное существованіе матеріи—уничтоженъ совершенно. Что же касается успѣха въ точныхъ наукахъ, то, конечно, не тотъ болѣе всего будетъ способенъ къ открытіямъ, кто презираетъ вчерашнюю теорію и преклоняется предъ сегодняшней, а тотъ, кто во всѣхъ теоріяхъ видитъ только средство къ тому, чтобы приблизиться къ истинѣ, обозрѣть факты и овладѣть ими съ цѣлью практическаго примѣненія.

Эта свобода отъ догматики теорій не исключаетъ примѣненія ихъ; было бы значительнымъ уклоненіемъ отъ правильнаго пути въ другую сторону, если бы мы желали подавать всѣ общія идеи о связи вещей уже въ самомъ зародышѣ и упорно держались только за частности, за чувственно доказуемые факты. Подобно тому какъ духъ человѣка находитъ себѣ высшее удовлетвореніе, выходящее за предѣлы познанія природы, только лишь въ тѣхъ идеяхъ, которыя создаются въ творческой глубинѣ души, точно также онъ не можетъ посвятить себя суровой и строгой работѣ изслѣдователя, не основываясь, такъ сказать, на идеѣ, на общей мысли и не черпая изъ нея новой силы. Родовыя понятія и законы, какъ совершенно вѣрно указалъ Гельмгольцъ, служатъ намъ съ одной стороны средствами для запоминанія и обзора инымъ путемъ совершенно необозримой суммы предметовъ и явленій; но съ другой стороны, это объединяющее сведеніе многообразнаго въ явленіи соотвѣтствуетъ основ-

ному синтетическому побужденію нашего духа, всюду стремящагося къ единству—какъ въ общемъ міровоззрѣніи, такъ и въ простѣйшихъ понятіяхъ, обнимающихъ цѣлое множество предметовъ. Мы не станемъ теперь, подобно Платону, приписывать общему по сравненію съ частнымъ болѣе истинную дѣйствительность и существованіе, независимое отъ нашего мышленія; но въ предѣлахъ нашей субъективности общее будетъ для насъ чѣмъ-то болѣе, нежели замыкающія факты простыя скобки.

И эта наша субъективность имѣетъ также значеніе для естествоиспытателя, такъ какъ и онъ не есть только машина для открытій, а человекъ, въ которомъ всѣ стороны человѣческаго существа дѣйствуютъ въ неразрывномъ единствѣ. Здѣсь мы опять находимъ матеріализмъ на противоположной сторонѣ. То самое духовное направленіе, которое съ одной стороны приводитъ къ тому, что великія гипотезы объ основѣ явленій превращаются въ неподвижную догму, съ другой стороны оказываетъ сильное сопротивленіе участію идей въ изслѣдованіи природы. Мы видѣли, что въ древности матеріализмъ остался безплоднымъ по той причинѣ, что онъ упорно держался своей великой догмы относительно атомовъ и ихъ движеній и обнаружилъ мало пониманія по отношенію къ новымъ и смѣлымъ идеямъ. Наоборотъ, идеалистическія школы, именно платоникъ и пиагорейцы, принесли древности богатѣйшіе плоды естественно-научнаго познанія.

Въ новое время въ томъ, что касается участія въ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, условія сложились для матеріализма несравненно болѣе благоприятно. Вѣдь атомистика, которая тогда приводила только къ соображеніямъ относительно возможности явленій, стала со времени Гассенди основой физическаго изслѣдованія дѣйствительности! А механическое міровоззрѣніе со времени Ньютона мало по малу овладѣло всѣмъ представленіемъ о природѣ! Такимъ образомъ, матеріализмъ, если мы оставимъ въ сторонѣ «границы познанія природы», въ настоящее время составляетъ не только результатъ, но въ сущности даже предпосылку всего изслѣдованія природы. Однако, чѣмъ яснѣе и общѣ это приходитъ въ сознаніе, тѣмъ болѣе распространяется также среди естествоиспытателей, притомъ среди наиболѣе значительныхъ и наиболѣе глубокомысленныхъ, критическая точка зрѣнія теории познанія, которая въ свою очередь уничтожаетъ матеріализмъ въ принципѣ. Нисколько не препятствуетъ побѣдному шествію естествознанія то, что наивная вѣра въ матерію исчезаетъ, и за всюю природою открывается новый безконечный міръ, который стоитъ съ міромъ чувствъ въ тѣснѣйшей связи; возможно даже, что міръ этотъ есть то же самое, только разсмотрѣнное съ другой стороны, но въ качествѣ истинной родины нашего глубочайшаго существа, онъ въ той же мѣрѣ близокъ къ нашему субъекту, нашему «я» со всѣми движеніями его души. въ какой міръ атомовъ со всѣми ихъ вѣчными колебаніями представляется ему чуждымъ и холоднымъ.

Правда, матеріализмъ стремится сдѣлать и міръ атомовъ истинною родиной духа. Это не можетъ не оставить слѣда на его методикѣ. Онъ довѣряетъ чувствамъ. И его метафизика создана по аналогіи съ міромъ опыта. Его атомы суть маленькія тѣльца; ихъ, конечно, нельзя представлять себѣ такими малыми, каковы они въ дѣйствительности, ибо это превышаетъ всякое человѣческое представленіе; но ихъ все же можно пред-

ставлять себѣ путемъ сравненія, какъ будто бы они были видимы и ощущаемы. Все міропониманіе матеріалистовъ обусловлено чувственностью и категоріями разума; но именно эти органы нашего духа по природѣ своей преимущественно конкретны. Они даютъ намъ вещи, хотя не вещь самоѣ по себѣ. Болѣе глубокая философія раскрываетъ, что эти вещи суть наші представленія; но она ничего не въ состояніи измѣнить въ томъ, что именно классъ тѣхъ представлений, которые относятся къ вещамъ черезъ посредство разсудка и чувственности, обладаетъ наибольшимъ постоянствомъ, твердостью и законѣрностью, и поэтому также, какъ надо думать, находится въ наиболѣе тѣсной связи съ управляемымъ вѣчными законами внѣшнимъ міромъ.

Представляя себѣ элементы міра явленій, матеріализмъ точно также вдается въ поэзію, но въ самой наивной формѣ—руководствуясь чувствами. Эта постоянная опора на тѣ элементы нашего познанія, которые функционируютъ наиболѣе правильнымъ образомъ, служить для него неисчерпаемымъ источникомъ чистой методики, оградой противъ аблудженія и фантастики и даетъ ему простую воспримчивость къ языку вещей.

Но онъ страдаетъ также отъ душевнаго довольства міромъ явленій, которое превращаетъ чувственные впечатлѣнія и теоріи въ слитное цѣлое. Разъ недостаетъ стремленія выйти за предѣлы мнимой объективности чувственныхъ явленій, то нѣтъ также стремленія парадоксальными вопросами извлечь изъ вещей совершенно новый смыслъ (Sprache) и обратиться къ такимъ экспериментамъ, которые вмѣсто построенія частныхъ задаются, наоборотъ, цѣлью ниспровергнуть прежнее міровоззрѣніе и внести въ область наукъ совершенно новые взгляды. Короче говоря, матеріализмъ въ естественныхъ наукахъ консервативенъ. Почему онъ, несмотря на то, при извѣстныхъ условіяхъ является для важнѣйшихъ областей жизни революціоннымъ бродиломъ,—выяснится позднѣе.

Идеализмъ по существу своему метафизическая поэзія,—хотя и такая, которая можетъ явиться вдохновенною выразительницей высшихъ невѣдомыхъ истинъ. То обстоятельство, что въ нашей груди вообще заложено поэтическое, творческое побужденіе, которое въ области философіи, искусства и религіи нерѣдко вступаетъ въ прямое противорѣчіе со свидѣтельствами нашихъ чувствъ и нашего разума и при этомъ все же можетъ создать такія творенія, которыя наиболѣе здоровыми, наиболѣе благородными людьми цѣнятся выше, нежели простое познаніе, — уже одно это обстоятельство указываетъ на то, что и идеализмъ также находится въ связи съ неизвѣстною истиной, хотя совершенно въ иной формѣ, нежели матеріализмъ. Въ свидѣтельствѣ чувствъ всѣ люди сходятся между собою; чистое сужденіе разсудка не колеблется и не ошибается. Идеи же суть поэтическія созданія отдѣльныхъ личностей; онѣ могутъ быть достаточно могущественны для того, чтобы своими чарами держать во власти цѣлыя эпохи и народы, но онѣ никогда не бываютъ всеобщими, а еще менѣе неизмѣнными.

При всемъ томъ идеалистъ въ области положительныхъ наукъ могъ бы обладать тою же увѣренностью, что и матеріалистъ. Если бы онъ не уцускалъ изъ виду, что міръ явленій—хотя онъ не болѣе какъ простое явленіе—все же есть связанное цѣлое, подъ опасеніемъ совершеннаго разрушенія. Но человекъ, который однажды перенесся въ міръ идей, всегда

подвергается опасности смѣшать его съ міромъ чувственнымъ и этимъ путемъ исказить опытъ, или выдать продукты своего воображенія за «истинные» и «правильные» въ томъ прозаическомъ смыслѣ, въ какомъ эти выраженія относятся только къ познанію чувствъ и разсудка. Ибо, если оставить въ сторонѣ такъ называемую «внутреннюю правду» искусства и религіи, критерій которой заключается только въ гармоническомъ удовлетвореніи души и не имѣетъ рѣшительно ничего общаго съ научнымъ познаніемъ, то мы должны назвать истиннымъ только то, что необходимо представляется такимъ, какъ оно намъ представляется, каждому человѣчески организованному существу; а такое согласіе можно встрѣтить только въ познаніяхъ чувствъ и разсудка.

Но между нашими идеями и этими познаніями тоже существуетъ связь: связь въ нашей душѣ, продукты которой только по своему возрѣнію и намѣренію выходятъ за предѣлы природы, но въ качествѣ мыслей и продуктовъ человѣческой организаціи они точно также суть звенья міра явленій, которыя мы находимъ повсюду въ необходимой и закономерной связи. Словомъ—наши фантазіи суть такіе же продукты, какіе производятся нашими сужденіями отъ разума. Они возникаютъ въ нашемъ умѣ не совѣмъ случайно, беспорядочно и неожиданно,—съ точки зрѣнія чувства и разсудка они суть продукты психологическаго процесса, въ которомъ наши чувственные воспріятія также играютъ роль. Идея отличается отъ фантазмогоріи не по своему происхожденію, а по своему значенію. Но что же собственно такое это значеніе? Отношеніе къ существу человѣка, притомъ къ совершенному идеальному его существу. Такимъ образомъ одна идея измѣряется другой, и корень этого міра духовныхъ цѣнностей, подобно корню нашихъ чувственныхъ представленій, заходитъ въ глубочайшую сущность человѣка, которая нашему наблюденію недоступна. Идею, какъ порожденіе фантазіи, мы можемъ понять психологически, но какъ духовную цѣнность мы можемъ измѣрить ее только подобными ей цѣнностями. Кельнскій соборъ мы можемъ сравнивать только съ другими соборами, съ другими произведеніями искусства, а его камни съ другими камнями.

Идея для прогресса наукъ такъ же необходима, какъ и фактъ. Она не непременно приводитъ къ метафизикѣ, хотя всегда выходитъ за предѣлы опыта. Возникая безсознательно и внезапно, на подобіе роста кристалла, изъ элементовъ опыта, она можетъ опять обратиться къ опыту и именно въ немъ искать своего подтвержденія или опроверженія. Разсудокъ не можетъ создать идею, но онъ направляетъ и слѣдуетъ ей. Научная идея, подобно поэтической или метафизической, возникаетъ изъ взаимодѣйствія всѣхъ элементовъ индивидуальнаго духа; но затѣмъ она принимаетъ другое направленіе, подчиняясь приговору изслѣдованія, въ которомъ судьями являются исключительно чувства, разсудокъ и научная добросовѣстность. Этотъ судъ требуетъ не абсолютной истины — иначе дѣло человѣческаго прогресса стояло бы очень плохо; примѣнимость, совмѣстимость со свидѣтельствомъ чувствъ въ требуемомъ идеей экспериментѣ, рѣшительное преимущество надъ противоположными возрѣніями — этого уже достаточно для того, чтобы удѣлить идеѣ право гражданства въ области науки. Наука во младенчествѣ сплошь и рядомъ смѣшиваетъ идею съ фактомъ: раз-

витая же наука, ставшая вполне методическою, путемъ точнаго изслѣдованія разрабатываетъ идею въ гипотезу и наконецъ въ теорію.

Даже наиболѣе односторонній идеалистъ никогда не пренебрежетъ попыткой сослаться на опытъ, какъ на свидѣтельство его собственной недостаточности. Если бы въ фактахъ самого чувственного міра нельзя было бы найти слѣдовъ того, что чувства даютъ намъ только окрашенный, и можетъ быть совершенно недостаточный образъ вещей, то убѣжденію идеалиста пришлось бы очень плохо. Но самые обычные обманы чувствъ могутъ служить опорой для его воззрѣній. Открытіе числовыхъ отношеній въ музыкальныхъ тонахъ вытекло изъ идеи пифагорейцевъ, противорѣчащей первоначальной чувственной видимости, ибо ухо наше не даетъ намъ въ звукахъ ни малѣйшаго сознанія такого числового отношенія. Тѣмъ не менѣе сами чувства свидѣтельствовали въ пользу этой идеи: раздѣленная струна, различные размѣры металлическихъ молотковъ были воспринимаемы нашими чувствами въ связи съ различными звуками. Точно также идея теоріи колебаній свѣта, однажды отвергнутая, позднѣе была принята на основаніи свидѣтельства чувствъ и вычисленій разума: явленіе интерференціи можно было видѣть.

Изъ этого вытекаетъ, что и идеалистъ можетъ быть изслѣдователемъ; но его изслѣдованіе будетъ непременно носить революціонный характеръ, подобно тому какъ онъ является носителемъ революціонной идеи и по отношенію къ государству, гражданской жизни и установившимся обычаямъ.

Но при этомъ нельзя забывать, что дѣло идетъ только объ относительной величинѣ. Если оставить въ сторонѣ немногихъ представителей послѣдовательныхъ системъ, то въ жизни существуетъ такъ же мало идеалистовъ и матеріалистовъ—въ качествѣ опредѣленныхъ классовъ индивидовъ—какъ флегматиковъ и холериковъ. Было бы ребячествомъ думать, что ни одинъ изъ представителей по преимуществу матеріалистическаго воззрѣнія не можетъ обладать научной идеей, которая вполне ниспровергла бы традицію. Притомъ наши изслѣдователи, въ особенности теперь, когда эта черта эпохи исчезаетъ, обладаютъ всѣ достаточно идеализмомъ, несмотря на то, что они главнымъ образомъ вѣрятъ въ то, что могутъ видѣть и ощущать.

Въ исторіи новѣйшаго естествознанія мы не можемъ уже съ такою увѣренностью, какъ по отношенію къ древности, различать вліяніе матеріализма и идеализма. Пока мы не имѣемъ весьма тщательныхъ и касающихся всего человѣка біографій наиболѣе выдающихся главарей научнаго прогресса, мы находимся на шагъкой почвѣ. Давленіе церкви болѣею частью препятствовало выраженію истинныхъ мнѣній, и иной благородный человѣкъ говоритъ намъ пока только фактами своихъ открытій, между тѣмъ какъ мы можемъ предполагать у него богатое мышленіе, могучую душевную борьбу и сокровищницу глубокихъ идей.

Большинство естествоиспытателей нашего времени очень невысоко цѣнятъ идеи, гипотезы и теоріи. Либихъ, наоборотъ, въ своемъ гнѣвѣ на матеріализмъ заходитъ слишкомъ далеко, когда онъ своею рѣчью о Бэконѣ совершенно отвергаетъ эмпиризмъ.

«Бэконъ приписываетъ эксперименту высокую роль въ изслѣдованіи; но о значеніи его онъ не знаетъ ровно ничего; онъ считаетъ его механическимъ орудіемъ, которое, приведенное въ движеніе, само собою со-

вершаетъ дѣло; однако въ естествознаніи всякое изслѣдованіе дедуктивно или апіорно; экспериментъ, подобно вычисленію, является лишь вспомогательнымъ средствомъ для процесса мышленія, для того, чтобы онъ получилъ какое нибудь значеніе, ему во всѣхъ случаяхъ необходимо должна предшествовать мысль».

«Эмпирическаго изслѣдованія природы въ обычномъ смыслѣ вовсе не существуетъ. Экспериментъ, которому не предшествуетъ какая нибудь теорія, т. е. идея, относится къ изслѣдованію природы, какъ грохотъ, производимый дѣтскою погремушкой, къ музыкѣ».

Сильныя слова! На самомъ дѣлѣ однако съ эмпиризмомъ дѣло обстоитъ не такъ плохо. Правда мастерскій анализъ Либиха Бэконовскихъ опытовъ—анализъ, за который ему несомнѣнно будутъ благодарны философы и историки—показалъ намъ, что изъ опытовъ Бэкона не только ничего не вытекало, но и не могло ничего вытекать. Но мы, однако, находимъ достаточно основаній для этого въ безсовѣстности и легкомыслии его пріемовъ, въ произвольномъ выборѣ и оставленіи имъ предметовъ, недостаткѣ сосредоточенности и выдержки; въ особенности же, наконецъ, въ изобиліи у него методическихъ ухищреній и окольныхъ путей, которые значительно перевѣшиваютъ годную часть метода и представляютъ просторъ для произвола и шаткости. между тѣмъ какъ практически они совершенно непримѣнимы. Если бы Бэконъ развилъ только понятіе индукціи и далеко не маловажное ученіе о негативныхъ и прерогативныхъ инстанціяхъ, то его собственный методъ принудилъ бы его къ большому постоянству. А то онъ избобрѣлъ шаткія, открывающія широкій просторъ всякаго рода классификаціи *instantiae migrantes, solitariae, clandestinae* и т. д.—разумѣется, въ смутномъ стремленіи доказать свои излюбленныя идеи. Мы рѣшительно не думаемъ, чтобы онъ при своихъ изслѣдованіяхъ не руководился никакою идеей; скорѣе наоборотъ: напримѣръ, его ученіе о теплотѣ, безопасно раскрываемое Либихомъ, совершенно имѣетъ видъ предвзятаго мнѣнія.

Въ унащеніи своей теоріи доказательствъ бесполезными понятіями Бэконъ обнаруживаетъ отголоски схоластики, съ которою онъ борется; однако не призраки понятій препятствуютъ ему производить съ успѣхомъ изслѣдованіе, а совершенное отсутствіе тѣхъ свойствъ, которыя дѣлаютъ способнымъ къ изслѣдованію. Бэконъ такъ же мало могъ бы издать критически какого нибудь стараго автора, какъ и произвести надежащій экспериментъ. <sup>10)</sup>

Такова ужъ особенность плодотворныхъ идей, что онѣ обыкновенно развиваются при обстоятельномъ и упорномъ занятіи какимъ нибудь однимъ предметомъ. Но такого рода занятіе можетъ быть плодотворнымъ и безъ руководящихъ теорій. Коперникъ посвятилъ всю свою жизнь небеснымъ тѣламъ, Санкторій—своимъ вѣсамъ; у перваго была руководящая теорія, которая еще въ ранніе годы выросла изъ философіи и наблюденія; но развѣ и Санкторій не былъ точно также изслѣдователемъ? <sup>11)</sup>

## III. Сила и вещество.

«Миръ состоитъ изъ атомовъ и пустого пространства». Въ этомъ положеніи сходятся матеріалистическія системы древности и новаго времени; но понятіе атомовъ мало по малу видоизмѣнялось на различные лады, и соответственно этому различаются также и теоріи о возникновеніи пестраго и богатаго міроваго цѣлага изъ столь простыхъ элементовъ.

Одно изъ наивѣйшихъ утвержденій нынѣшняго матеріализма проскользнуло у Бюхнера, который называетъ атомы новаго времени «открытіями естествознанія», тогда какъ атомы древнихъ были, полагаетъ онъ, «произвольными умозрительными представленіями»<sup>12)</sup>. На самомъ же дѣлѣ. атомистика теперь та же, что и во времена Демокрита. Она и теперь еще не потеряла своего метафизическаго характера; а съ другой стороны, она уже и въ древности служила также естественно-научной гипотезой для объясненія наблюденныхъ явленій природы. Подобно тому какъ связь нашей атомистики съ атомистикою древнихъ установлена исторически, точно также несомнѣнно и то, что весь огромный прогрессъ въ перешнемъ возрѣніи на атомы развился шагъ за шагомъ изъ взаимодѣйствія философіи и опыта. Правда, что этому плодотворному развитію способствовало то, что на ряду съ атомистикою оказывалъ дѣйствіе и основной принципъ современной науки — принципъ критическій.

Робертъ Бойль — «первый химикъ, труды котораго руководимы только благороднымъ стремленіемъ изслѣдовать природу» — совершалъ свои путешествія по континенту съ образовательной цѣлью еще въ нѣжномъ возрастѣ и какъ разъ въ то время, когда возгорѣлся научный споръ между Гассенди и Декартомъ. Когда онъ въ 1654 году поселился въ Оксфордѣ съ тѣмъ, чтобы посвятить всю свою жизнь наукѣ, атомистика, въ качествѣ метафизической теоріи, опять вошла въ силу. Но именно та наука, которой посвятилъ себя Бойль, позднѣе всѣхъ другихъ освободилась отъ узъ средневѣковой мистики и аристотелевскихъ возрѣній. Именно Бойль ввелъ атомы въ эту науку, которая съ того времени сдѣлала изъ этой теоріи самое обширное примѣненіе; но тотъ же Бойль однимъ заглавіемъ своего сочиненія: «*Chemista scepticus*» (1661) указываетъ на то, что онъ вступилъ на путь точной науки, въ которой атомы такъ же мало могутъ представлять догматъ вѣры, какъ и камень мудрецовъ.

Атомы Бойля суть приблизительно тѣ же, что эпикуровскіе, которые опять были введены въ науку Гассенди. Они еще различны по своей формѣ, и форма эта оказываетъ нѣкоторое вліяніе на твердость или слабость соединеній. Благодаря стремительному движенію, одни, связанные между собою, атомы разрываются, другіе — приводятся въ соединеніе, причемъ они — совершенно такъ же, какъ въ древней атомистикѣ — сцѣпляются другъ съ другомъ своими неровными плоскостями, выступами, зубцами и т. д.<sup>13)</sup>. При измѣненіи химическаго соединенія мельчайшія частицы третьяго тѣла проникаютъ въ тѣ поры, которыя имѣются въ соединеніи двухъ другихъ тѣлъ. Этимъ путемъ онѣ, благодаря строенію своихъ поверхностей, могутъ съ однимъ изъ этихъ тѣлъ тѣснѣе соединиться, нежели оно было соединено съ другимъ тѣломъ, и въ такомъ случаѣ порывистое движеніе атомовъ снова удалить частицы этого послѣдняго тѣла. Атомистика Бойля отличалась отъ древней только тѣмъ, что онъ вмѣстѣ съ Декартомъ пред-

полагаетъ разсѣиваніе матеріи черезъ посредство движенія, а происхожденіе движенія либо совершенно оставляетъ невыясненнымъ, либо приписываетъ его непосредственному воздѣйствію Бога.

Эта форма атомистики необходимо должна была исчезнуть,—и прежде всего, конечно, въ Англіи,—какъ только признанъ былъ Ньютонъ законъ тяготѣнія. Мы видѣли въ первомъ томѣ, какъ быстро чисто математическое предположеніе Ньютона превратилось въ новую теорію, совершенно противоположную всѣмъ прежнимъ представленіямъ. Послѣ того какъ установлено было притяженіе мельчайшихъ частицъ матеріи, неровныя поверхности и разнообразныя формы атомовъ стали совершенно излишними; теперь существовала другая связь, которая скрѣпляла ихъ помимо всякаго соприкосновенія—притяженіе. Столкновеніе между тѣльцами потеряло всякое значеніе; даже невѣсомые элементы, изъ дѣятельности которыхъ Ньютонъ пытался вывести тяготѣніе, нашли себѣ аналогичный принципъ—принципъ отталкивающихъ силъ.

Вся исторія видоизмѣненія понятія атома становится необыкновенно ясной, если только ограничиться Англіей и идеями, развитыми тамъ физиками и философами. Напомнимъ о томъ, что Гоббсъ, влияніе котораго было такъ велико, сдѣлалъ понятіе атома относительнымъ. По его мнѣнію, существовали, такъ сказать, атомы различнаго порядка, подобно тому какъ въ математикѣ различаются различные порядки безконечно малыхъ величинъ. Примѣненіемъ этой теоріи было предположеніе невѣсомыхъ атомовъ, которые находятся въ промежуткахъ тяготеющей матеріи и по сравненію съ атомами тѣлъ должны быть мыслимы какъ безконечно малые. До тѣхъ поръ, пока придерживались механики удара, именно эти атомы второго порядка своимъ движеніемъ производили съ одной стороны, напримѣръ, явленіе свѣта, а съ другой стороны также и тяготѣніе атомовъ перваго порядка. Но какъ только мысль о дѣйствіи на разстояніи заняла надеждащее мѣсто, она послѣдовательнымъ образомъ была примѣнена также къ невѣсомымъ атомамъ, и эти послѣдніе производили тогда свое отталкивающее дѣйствіе безъ всякаго дѣйствительнаго удара. Но съ этимъ вмѣстѣ представленіе о свойствахъ матеріи, какое найдено было Дальтономъ, было уже въ сущности готово, ибо то, что во время Дальтона вокругъ вѣсомыхъ атомовъ предполагались уже не атомы второго порядка, а непрерывная оболочка свѣтовой и тепловой матеріи, не представляется существеннымъ новшествомъ. Вѣдь уже Декартъ и Гоббсъ предполагали постоянное наполненіе пространствъ, представляя себѣ всякій промежутокъ между большими частицами наполненнымъ все меньшими и меньшими частицами. Дальтонъ во всякомъ случаѣ нашелъ это возрѣніе готовымъ, когда онъ въ концѣ восемнадцатаго столѣтія приведенъ былъ къ тѣмъ идеямъ, благодаря которымъ его имя заняло прочное мѣсто въ исторіи наукъ.

По поводу замѣчанія о различныхъ агрегативныхъ состояніяхъ тѣлъ, онъ говоритъ: «Эти замѣчанія сами собою привели къ тому заключенію, которое, по видимому, признано всѣми,— что всѣ тѣла замѣтной величины, все равно—жидкія или твердыя, состоятъ изъ очень большого числа чрезвычайно малыхъ частицъ или атомовъ вещества, связанныхъ между собою силою притяженія, которая, смотри по обстоятельствамъ, то больше, то меньше и которая, поскольку она стремится воспрепятствовать раздѣленію частицъ, носитъ очень подходящее названіе—«притяженіе сцѣпле-



нія», а поскольку она собирает ихъ изъ разсѣяннаго состоянія въ нѣчто единое (какъ, напримѣръ, превращеніе пара въ воду), называется «притяженіемъ агрегаціи» или проще—«сродствомъ». Подъ какимъ бы именемъ она ни выступала, «это все та же сила...». «Кромѣ силы притяженія, которая въ той или другой формѣ всегда присуща вѣсомымъ тѣламъ, мы находимъ еще другую силу, которая точно также обща всѣмъ тѣламъ или, по крайней мѣрѣ, дѣйствуетъ на всю ту матерію, которая намъ извѣстна, а именно—силу отталкиванія. Въ настоящее время она всѣми приписывается и, какъ я полагаю, совершенно справедливо, дѣйствію тепла. Атмосфера этого тонкаго флюида постоянно окружаетъ атомы всѣхъ тѣлъ и мѣшаетъ имъ придти другъ съ другомъ въ непосредственное соприкосновеніе»<sup>14</sup>).

Если принять въ соображеніе, что физическое понятіе притяженія вошло въ силу благодаря вліянію учениковъ Ньютона только въ первое десятилѣтіе восемнадцатаго вѣка, то надо будетъ, слѣдовательно, предположить, что промежутокъ приблизительно въ пятьдесятъ лѣтъ достаточенъ былъ для того, чтобы этимъ путемъ до такой степени преобразовать древнее понятіе атома, что Дальтонъ могъ уже застать это преобразование какъ общепризнанный фактъ. Даже о д и н а к о в о с т ь мельчайшихъ частицъ всякой однородной субстанціи—положеніе, строгое утвержденіе котораго должно быть отнесено къ особеннымъ заслугамъ Дальтона—въ сущности есть только слѣдствіе того же великаго переворота въ основныхъ воззрѣніяхъ физики. Въ самомъ дѣлѣ, разъ атомы не приходятъ между собою въ непосредственное соприкосновеніе, то нѣтъ уже никакого основанія принимать, что они различны по формѣ и сдѣпляются другъ съ другомъ своими зубцами и выступами.

«Сродство», которое у Дальтона есть ничто иное, какъ общая сила притяженія въ ея спеціальному химическому проявленіи, было первоначально истинно схоластическимъ качествомъ, которое принадлежало къ излюбленному аппарату алхимиковъ<sup>15</sup>). Поэтому оно, по мѣрѣ распространенія механическаго міровоззрѣнія, было бы, подобно другимъ такимъ же понятіямъ по просту устранено, если бы ему не пришло на помощь трансцендентное направленіе въ ученіи о тяготѣніи<sup>16</sup>). Ньютона предполагалъ притягательныя силы и въ мельчайшихъ частицахъ вѣсомой матеріи— правда, съ оговоркой насчетъ позднѣйшаго объясненія этого притяженія движеніемъ невѣсомой матеріи. Онъ только потому высказывается противъ тождественности химизма и притяженія, что предполагаетъ тамъ иное отношеніе между силой и разстояніемъ, чѣмъ здѣсь. Въ началѣ восемнадцатаго столѣтія ученые находились уже на вѣрномъ пути. Бюффонъ считалъ химическое притяженіе и тяготѣніе тождественнымъ. Бургавъ, одинъ изъ наиболѣе ясныхъ умовъ этого столѣтія, вернулся опять къ флѣа Эмпедокла и прямо утверждалъ, что химическіе процессы вызываются не механическимъ ударомъ, а стремленіемъ къ соединенію—такъ объясняетъ онъ выраженіе «amicitia». При такихъ условіяхъ могла опять выдвинуться *affinitas* схоластиковъ, но надо было, конечно, уничтожить этимологическое значеніе этого выраженія. «Сродство» стало однимъ только названіемъ, ибо на мѣсто склонности, основывающейся на однородности, вступило наоборотъ стремленіе къ соединенію, основывавшееся какъ будто на противоположностяхъ.

«Въ началѣ восемнадцатаго столѣтія», говоритъ Коппъ, «многіе, въ

особенности физики того времени, возставали противъ этого выраженія, такъ какъ они въ примѣненіи его опасались признанія новой *vis occulta*. Въ особенности во Франціи господствовало въ то время отвращеніе къ выраженію «средство», и Ст. Ф. Жоффруа, одинъ изъ наиболѣе значительныхъ авторитетовъ той эпохи (1718 г. и позднѣе) въ томъ, что касается химическаго средства, избѣгаетъ этого выраженія; вмѣсто того, чтобы сказать: два соединенныхъ между собою вещества разлагаются, если приводить третье, которое болѣе сродно одному изъ этихъ веществъ, нежели они между собою,—онъ выражается такъ: если оно къ одному изъ нихъ имѣетъ болѣе отношенія (*rapproch*).<sup>17)</sup> Такимъ образомъ, слово является кстати не только тогда, когда недостаетъ понятій, но и тогда, когда ихъ слишкомъ много. На самомъ же дѣлѣ, въ обоихъ выраженіяхъ кроется ничто иное, какъ превращеніе въ существительное простого процесса. Болѣе блѣдное выраженіе возбуждаетъ менѣе препятствующихъ побочныхъ представленій, нежели выраженіе яркое. Это могло бы содѣйствовать избѣжанію ошибокъ, если бы вообще понятія и имена представляли какую нибудь опасность для методической науки. Опытъ, имѣющійся въ исторіи наукъ относительно понятія средства, доказываетъ, что опасность не такъ велика, если дѣйствительное изслѣдованіе идетъ строгимъ путемъ. *Vis occulta* теряетъ свое мистическое обаяніе и сама собою превращается по просту въ обобщающее понятіе для цѣлаго класса точно наблюдаемыхъ и строго ограниченныхъ явленій.

Такимъ образомъ до этого времени все видоизмѣненіе древняго понятія атомовъ есть одно только великое слѣдствіе основныхъ воззрѣній механики, подвергшихся видоизмѣненію со стороны закона тяготѣнія; понятіе средства тоже вступаетъ въ услуженіе къ этому новому кругу представленій, не привнося однако никакого дѣйствительно новаго принципа въ сущность силы и матеріи. Только теперь химическій опытъ вліяетъ прямо на представленіе о сущности матеріи, когда Дальтонъ выставляетъ свою теорію атомныхъ вѣсовъ.

Ходъ мыслей, какимъ Дальтонъ былъ приведенъ къ богатому послѣдствіями понятію атомныхъ вѣсовъ, необыкновенно ясенъ и простъ. Изслѣдованія привели его, подобно тому какъ и нѣмецкаго химика Рихтера<sup>18)</sup>, къ предположенію, что химическія соединенія совершаются въ опредѣленныхъ, весьма простыхъ числовыхъ отношеніяхъ. Но въ то время какъ Рихтеръ отъ наблюденія тотчасъ же перескакиваетъ къ самой общей формулировкѣ мысли,—именно, что всѣ природные процессы управляются мѣрой, числомъ и вѣсомъ,—Дальтонъ стремится достигнуть нагляднаго представленія о томъ, на чемъ основываются указанные простые числа вѣсовъ химическихъ соединеній, и тутъ то онъ находитъ значительную опору въ ученіи объ атомахъ. Поэтому онъ даже высказывается мимоходомъ, что при объясненіи химическихъ процессовъ дѣло идетъ только о томъ, чтобы вывести правильныя заключенія изъ общепринятаго ученія объ атомахъ. Если ученіе объ атомахъ истинно, то нельзя себѣ никакимъ инымъ образомъ наглядно представить поразительную правильность въ вѣсахъ химическихъ соединеній, какъ соотвѣтствующую группировку атомовъ. Если представить себѣ химическое соединеніе такъ, что каждый атомъ одной субстанціи соединяется съ атомомъ другой, или также съ двумя ея атомами

и т. д., то правильность въ вѣсахъ химическихъ соединеній вполне объяснена и наглядно представлена. Но въ такомъ случаѣ изъ этого прямо слѣдуетъ, что причина вѣсовыхъ различій соединяющихся между собою массъ должна заключаться въ отдѣльныхъ атомахъ. Если бы можно было опредѣлить абсолютный вѣсъ атомовъ, то мы получили бы вѣсъ опредѣленнаго количества соответственнаго тѣла, умноживъ атомный вѣсъ на число атомовъ; или наоборотъ—можно изъ вѣса атома и изъ вѣса данной массы вывести путемъ простого дѣленія число содержащихся въ этой массѣ атомовъ.

Въ методическомъ, а также и въ гносеологическомъ отношеніи интересно то, что строго конкретное представленіе Дальтона тотчасъ же проложило себѣ дорогу, между тѣмъ какъ болѣе умозрительныя идеи Рихтера скорѣе повліяли невыгодно на распространеніе его въ высокой степени важныхъ открытій. Въ исторіи новѣйшей химіи съ особенною ясностью выступаетъ то обстоятельство, что конкретное воззрѣніе все снова выставляетъ свои притязанія въ качествѣ необходимаго условія для нашей ориентировки въ явленіяхъ и почти всегда достигаетъ блестящихъ результатовъ, хотя часто и обнаруживалось, что всѣ эти формы представленія являются только вспомогательными средствами для установленія причинной связи въ полноты, и что всякая попытка усматривать въ нихъ окончательное познаніе строенія матеріи тотчасъ же разбивается о новыя требованія, вынуждающія насъ возвести зданіе этихъ воззрѣній заново съ самаго основанія.

Уже скоро послѣ рѣшительной побѣды атомной теоріи Дальтона новыя открытія и размысленія послужили основаніемъ къ весьма важному преобразованію воззрѣній, которое однако было оцѣнено по достоинству не сразу, а получило общее признаніе лишь послѣ долгаго времени. Открытіе Гей-Люссака (1808), что различныя газы при одинаковомъ давленіи и одинаковой температурѣ соединяются между собою по простымъ отношеніямъ объема, и что объемъ такого соединенія находится въ весьма простомъ отношеніи къ объему его составныхъ частей, съизнова дало пищу изобрѣтательности теоретиковъ, какъ прежде открытіе правильности въ вѣсахъ соединеній; и тѣмъ же путемъ, какъ въ томъ случаѣ Дальтона, а именно—путемъ отысканія чувственнаго нагляднаго представленія о причинѣ этого отношенія, Авогадро дошелъ до своей въ высокой степени важной молекулярной теоріи. Онъ нашелъ (1811), что равномѣрность отношенія вѣхъ газовъ къ давленію и температурѣ, а также въ химическомъ соединеніи—можетъ быть объяснена только тѣмъ предположеніемъ, что число мельчайшихъ частицъ въ одинаковомъ объемѣ различныхъ газовъ (при равномъ давленіи и равной температурѣ) одно и то же. Но для того, чтобы провести это воззрѣніе, не впадая въ противорѣчіе, онъ долженъ былъ принять соединеніе нѣсколькихъ атомовъ въ мельчайшихъ частицахъ массъ не только для сложныхъ газовъ,—даже массовыя частицы простыхъ газовъ должны по крайней мѣрѣ отчасти, разсматриваться какъ соединенія нѣсколькихъ атомовъ<sup>19)</sup>. Благодаря этому, молекулы во многихъ отношеніяхъ заняли мѣсто атомовъ—съ той только разницей, что онѣ не были просты, а состояли изъ атомовъ. Теперь мельчайшія частицы массъ химически опредѣленнаго тѣла были молекулы; мельчайшія же частицы вообще—были атомами. Но при химическихъ соединеніяхъ и разложеніяхъ атомы высту-

пають какъ будто бы съ нѣкоторою самостоятельностью, мѣняя свое мѣсто и группируясь въ молекулы измѣннаго состава.

Гипотеза Авогадро не могла войти въ употребленіе при томъ колоссальномъ развитіи, какое тѣмъ временемъ достигло знаніе химическихъ фактовъ. Берцелій принялъ теорію Дальтона и восполнилъ ее тѣмъ предположеніемъ, что причину различнаго сродства атомовъ слѣдуетъ искать въ ихъ электрическихъ свойствахъ. На этой теоріи можно было бы успокоиться на долгое время, и все усердіе изслѣдователей обратилось на анализъ. Молодая наука необыкновенно быстро завоевала себѣ уваженіе естествоиспытателей, а также промышленниковъ. Она стала силой, а между тѣмъ основы ея были еще до такой степени шатки, что выдающиеся химики сомнѣвались даже въ томъ, имѣетъ ли область ихъ дѣятельности достаточное основаніе претендовать на названіе науки.

Первыя открытія принципиальнаго значенія еще не въ состояніи были поколебать развивающійся догматизмъ электро-химической теоріи. Въ 1819 году, Дюлонгъ и Пти, открыли, что въ простыхъ тѣлахъ удѣльная теплота обратно пропорціональна атомному вѣсу. Судьбы этого открытія являются для насъ прообразомъ превратностей эмпирическаго закона, не возвысившагося еще до степени истиннаго закона природы. Противорѣчіе, защита слишкомъ бросающагося въ глаза ядра, которое случайностью объяснено быть не могло, всякаго рода преобразованія и вспомогательныя гипотезы связывались съ этимъ ученіемъ, но при этомъ нельзя было получить достаточно вразумительнаго представленія о внутренней причинѣ этой странной, но въ высокой степени важной связи. На то обстоятельство, что здѣсь атомный вѣсъ впервые пересталъ быть простымъ фактомъ и приведенъ въ связь съ другими свойствами матеріи, не обратили достаточно вниманія, пока не поняты были серьезныя недостатки господствующей теоріи. Открытіе Мичерлихомъ изоморфизма (1819) давало повидимому возможность составить себѣ представленіе о положеніи атомовъ другъ по отношенію къ другу; но его главнымъ образомъ разсматривали, лишь какъ желанное подтвержденіе общепризнанной атомистической теоріи. Когда затѣмъ было открыто, что субстанціи, состояція изъ одинаковыхъ частей, являются въ совершенно различныхъ кристаллическихъ формахъ (диморфизмъ), когда нашли, что существуютъ такія тѣла, которыя различаются между собою во всѣхъ своихъ физическихъ и химическихъ свойствахъ, даже въ удѣльномъ вѣсѣ газовъ, и въ то же время однако состоятъ изъ одинаковыхъ количествъ одинаковыхъ элементовъ (изомерія), тогда сочли себя вынужденными прибѣгнуть къ перестановкамъ и къ различнымъ группировкамъ атомовъ, не руководясь при этомъ какимъ либо опредѣленнымъ принципомъ. Быстрое развитіе органической химіи вскорѣ дало такую массу смѣлыхъ сочетаній, что трезвымъ изслѣдованіямъ становилось отъ этого не по себѣ.

Къ этому присоединилось то, что шаткость электро-химической теоріи по мѣрѣ поступательнаго движенія науки обнаруживалась все яснѣе. Періодъ сомнѣній и колебанія становился неизбѣжнымъ. Теорія типовъ, которая въ исправленномъ видѣ привела къ тому, что представленію о группировкѣ атомовъ въ молекулахъ дано было опредѣленное направленіе, начала съ того, что отвергла всѣ умозрѣнія относительно строенія матеріи и придерживалась только того факта, что въ тѣлѣ извѣстнаго типа соеди-

ненія замѣна (Substitution) одного элемента другимъ можетъ совершаться только по опредѣленнымъ законамъ. Либихъ въ пролагающей новыя пути работѣ о составѣ органическихъ кислотъ (1838) выразился такъ: «намъ ничего не извѣстно относительно состоянія, въ которомъ находятся элементы двухъ сложныхъ тѣлъ, послѣ того какъ эти послѣднія вошли въ химическое соединеніе, и въ какой группировкѣ представлять себѣ элементы въ соединеніи, зависитъ только отъ соглашенія, которое при послѣдующемъ воздѣйствіи освящается привычкой». <sup>20)</sup> Еще болѣе скептически выражается Шенбейнъ въ своей статьѣ „Album von Combe-Varin“: «если недостаетъ понятій, то является весьма кстати слово и несомнѣнно особенно много было совершено злоупотребленій со времени Декарта въ химіи по вопросу о молекулахъ и ихъ группировкѣ; дѣлалось это въ ложной надеждѣ, что такого рода игрою воображенія можно будетъ выяснитъ совершенно темныя явленія и ввести въ заблужденіе разумъ».

На самомъ же дѣлѣ эта «игра воображенія» не къ тому служить, чтобы ввести разумъ въ заблужденіе, а скорѣе — чтобы руководить имъ и поддерживать его по той, глубоко обоснованной въ теоріи познанія, максимѣ, что только строгое проведеніе чувственной наглядности въ состояніи охранить наше познаніе отъ еще гораздо болѣе опасной игры словами. Строго проведенное возрѣніе, даже въ томъ случаѣ, когда оно по содержанію ложно, весьма часто служить въ значительной мѣрѣ какъ образъ и временная замѣна правильнаго возрѣнія и постоянно держится въ извѣстной границѣ законами самой нашей чувственности, находящимися въ нѣкоторомъ отношеніи къ законамъ объективныхъ явленій міра; но какъ скоро начинаютъ оперировать словами, которымъ не соотвѣтствуютъ не то что возрѣнія, но даже ясныя понятія, всякому здравому познанію наступаетъ конецъ, и возникаютъ такія мнѣнія, которыя не имѣютъ цѣнности даже въ качествѣ предварительныхъ ступеней истины, а должны быть просто устранены.

Итакъ, примѣненіе силы воображенія для внесенія порядка въ наши мысли о матеріальныхъ процессахъ, есть нѣчто болѣе шее, нежели простая игра — даже въ томъ случаѣ, когда, какъ въ указанномъ періодѣ химіи, общее колебаніе и исканіе производитъ впечатлѣніе неувѣренности. Но съ другой стороны, однако, даже тогда, когда это неувѣренное исканіе кончилось и образовалась твердая, признанная всѣми и теперь уже довольно вѣрно руководящая нить, это примѣненіе силы воображенія очень далеко отъ того, чтобы служить намъ ручательствомъ реальности нашихъ предположеній.

Съ образцовой ясностью пытался Кекюле въ своемъ руководствѣ по органической химіи (1861) снова провести въ сознаніи химиковъ границу между гипотезой и фактомъ. Онъ показываетъ, что пропорціи вѣсовъ смѣсей имѣютъ значеніе факта, и что буквы химической формулы можно конечно разсматривать какъ простое выраженіе этого факта. «Но если буквамъ формулы придавать какое нибудь другое значеніе, если разсматривать ихъ какъ выраженіе атомовъ и атомнаго вѣса элементовъ, какъ это болѣею частью дѣлаютъ, то является вопросъ: какі велики или какъ тяжелы (относительно) атомы? Но такъ какъ атомы не могутъ быть ни измѣрены, ни взвѣшены, то ясно, что только мышленіе и умозрѣніе могутъ привести къ

гипотетическому признанію опредѣленныхъ атомныхъ вѣсовъ».

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ рассмотрѣнію того, каково отношеніе къ матеріи новѣйшаго періода химіи, которая полная упованій снова слѣдуетъ весьма разработанной теоріи, умѣстно будетъ удѣлить нѣкоторое вниманіе возрѣніямъ математиковъ и физиковъ.

Что и новѣйшая физика должна была основаться на атомной теоріи, выясняется уже само собою изъ историческаго развитія. Вѣдь уже Гассенди, Декартъ, Гоббсъ и Ньютонъ исходили изъ физическаго міровозрѣнія; затѣмъ у Бойля и даже еще у Дальтона физическое и химическое изслѣдованіе идутъ рука объ руку. Пути физики и химіи расходятся, однако, между собою по мѣрѣ того, какъ физикой завладѣваетъ математическій анализъ, для котораго факты химіи были еще пока недоступны.

Приблизительно одновременно съ химической теоріей атомовъ Дальтона продолжила себѣ въ оптикѣ дорогу долгое время непризнаваемая теорія волнъ; совершилось это съ большимъ трудомъ, вслѣдствіе предрасудка, который твердо придерживался излученія свѣтовой матеріи. Установленіе Юнгомъ чиселъ колебанія различныхъ красокъ относится къ 1801 году; въ 1819 году Френель получилъ премію парижской академіи за свою работу о преломленіи свѣта. Съ того времени теорія свѣта все болѣе и болѣе становилась механикой атомовъ Ээира; но понятіе атомовъ должно было опять претерпѣть всѣ тѣ измѣненія, которыя вызваны были необходимостью исчисленія. Сильнѣйшее изъ этимъ измѣненій—хотя оно въ сущности есть лишь конечное слѣдствіе трансцендентнаго ученія о тяготѣнн—состояло въ томъ, что у атомовъ совершенно отрицали протяженіе. Уже въ серединѣ восемнадцатаго столѣтія на эту мысль напалъ іезуитъ Восковичъ<sup>21)</sup>. Онъ находилъ въ ученіи о столкновеніи атомовъ противорѣчіе, которое, по его мнѣнію, могло быть устранено только тѣмъ, что тѣ дѣйствія, которыя обыкновенно приписываются столкновенію матеріальныхъ частицъ, происходятъ отъ силъ отталкивающихъ и, исходящихъ изъ точки, пространственно опредѣленной, но не имѣющей протяженія. Эти точки рассматриваются, какъ элементарныя составныя части матеріи. Физики, примыкающіе къ этому наравленію, обозначаютъ ихъ какъ «простые атомы».

Несмотря на то, что Восковичъ уже очень хорошо провелъ эту теорію, она все же нашла болѣе замѣтный отголосокъ только въ нашемъ столѣтіи, особенно въ кругахъ французскихъ физиковъ, которые занимались механикой атомовъ. Въ самомъ дѣлѣ, стремящійся къ строгому порядку умъ французскихъ изслѣдователей долженъ былъ скорѣй открыть, что въ мѣрѣ современной механики атомъ, какъ протяженная массовая частица, играетъ совершенно ненужную роль. Съ того времени, какъ атомы не дѣйствуютъ болѣе другъ на друга непосредственно своею тѣлесною массой, какъ у Гассенди и Бойля, а посредствомъ силъ притяженія и отталкиванія, распространяющихся по пустому пространству, какъ между созвѣздіями,—самъ атомъ сталъ простымъ носителемъ этихъ силъ, въ которомъ, за исключеніемъ голыи субстанціальности, не было ничего существеннаго, что не нашло бы себѣ полного выраженія въ силахъ. Вѣдь и всякое дѣйствіе, даже дѣйствіе на наши чувства, прибѣгало къ посредству не-чувственной силы, конструируемой въ пустомъ простран-

ствѣ. Маленькое тѣлице стало не болѣе, какъ безсодержательною традиціей; его придерживались собственно только изъ за сходства его съ большими тѣлами, которыя мы видимъ и можемъ схватить руками. Эта осязательность, казалось, подобала элементамъ чувственного, какъ она присуща дѣйствительно чувственному. Однако, разсмотрѣнныя ближе, даже схватываніе и осязательность — не говоря уже о зрѣніи и слухѣ—согласно механикѣ, построенной на ученіи о тяготѣннн, не вызываются болѣе прямымъ матеріальнымъ соприкосновеніемъ, а совершенно не-чувственными силами. Наши матеріалисты придерживаются чувственныхъ матеріальныхъ частицъ именно потому, что они желаютъ оставить нечувственной силѣ чувственный субстратъ. Французскіе физики о такого рода потребностяхъ души не беспокоились. Естественно-научныхъ основаній для протяженности атомовъ болѣе, какъ будто, не существовало; зачѣмъ же въ такомъ случаѣ удерживать это бесполезное понятіе?

Гэй-Люссакъ представлялъ себѣ атомы по аналогіи съ ничтожною величиной дифференціала безконечно малыми по сравненію съ тѣлами, которыя изъ нихъ составляются. Амперъ и Коши (Cauchy) полагали, что атомы въ строжайшемъ смыслѣ никакого протяженія не имѣютъ. Такое же воззрѣніе высказалъ и Сегвинъ (Seguin); Моаньо (Moigno) согласенъ съ нимъ, но вмѣсто не имѣющаго протяженія тѣла онъ вмѣстѣ съ Фаредѣемъ предпочитаетъ простые центры силъ.

Такимъ образомъ, простое развитіе атомизма приводитъ насъ къ самому центру динамическаго воззрѣнія на природу, притомъ дѣлаетъ это не умозрительная философія, а точныя науки.

Для спокойнаго наблюдателя является особенно привлекательнымъ видѣть, въ какое положеніе тотъ остроумный натурфилософъ и физикъ, которому мы обязаны вышеприведенными замѣчаніями относительно Ампера, Коши, Сегвина и Моаньо <sup>22)</sup>, самъ становится по отношенію къ атомной теоріи. Фехнеръ, нѣкогда ученикъ Шеллинга, авторъ мистической и мнѣической «Zend-Avesta», Фехнеръ, который самъ служитъ живымъ примѣромъ того, что даже мечтательная философія не всегда подтачиваетъ духъ истиннаго изслѣдованія, именно своею атомною теоріей воспользовался для того, чтобы написать философіи такую отставную грамоту, по сравненію съ которою покажутся до нѣкоторой степени лестными даже изреченія Бюхнера. Онъ очевидно смѣшиваетъ при этомъ философію вообще съ тѣмъ сортомъ философіи, который онъ самъ продѣлалъ. Всѣ остроумныя выходки Фехнера, многочисленныя, съ большою изобрѣтательностью созданныя образы и сравненія, всѣ остроумные аргументы въ концѣ концовъ клонятся къ тому, что Фехнеръ ищетъ всякаго философа подъ той лежанкой, подъ которой онъ когда то самъ торчалъ.

Вообще весь споръ между философіей и физикой, въ томъ видѣ какъ понимаетъ его Фехнеръ, является въ сущности анахронизмомъ. Гдѣ собственно въ настоящее время можно найти такую философію, которая въ какой-либо достойной вниманія формѣ могла бы отважиться на то, чтобы запретить физикамъ ихъ атомистику? Мы оставляемъ совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, что «простые» атомы Фехнера въ сущности вовсе не суть уже атомы,—что построеніе міра, исходящее изъ средоточій силъ и обходящееся безъ всякаго протяженія, строго говоря, слѣдуетъ причислить къ динамическимъ воззрѣніямъ. Даже тому динамизму, который исходитъ изъ отрицанія пустаго пространства, Фехнеръ

дѣлаетъ уступки въ томъ смыслѣ, что не философія, а близорукое само-мнѣніе нужно для того, чтобы не заключить здѣсь спокойнаго мира, поскольку дѣло касается отношенія философіи къ физикѣ.

Фехнеръ не только жертвуетъ недѣлимостью атомовъ, а въ концѣ концовъ даже ихъ протяженностью, но и совершенно справедливо замѣчаетъ, что физикъ вовсе не можетъ взять на себя смѣлость утверждать, «будто пространство между его атомами абсолютно пустое, и что между ними нѣтъ какой нибудь тонкой непрерывной сущности, которая только не влияетъ на явленія, подлежащія его сужденію». «Физикъ не говоритъ только о такихъ возможностяхъ, которыя для него безразличны, ибо онѣ ему ничего не даютъ. Но если онѣ могутъ что-нибудь дать философу, то его дѣло ими заняться. И это было бы для него не мало, если бы онѣ поставили его въ возможность ладить съ точными науками. Физикъ нуждается въ атомахъ прежде всего, а не въ концѣ всего. Если философъ прежде всего признаетъ за физикомъ его атомы, то этотъ въ концѣ концовъ охотно признаетъ за нимъ наполненіе пространства; одно другому не противорѣчитъ» <sup>23</sup>).

Конечно нѣтъ! Покуда обѣ области отграничиваются другъ по отношенію къ другу съ такою строгостью, то только очень странный философъ (такіе конечно въ Германіи имѣются) сталъ бы оспаривать у физика ближайшее, т. е. техническое примѣненіе атомистики. Такое оспариваніе не имѣло бы никакого логическаго, а слѣдовательно, надо надѣяться, и никакого философскаго смысла, развѣ только, если философъ самъ становится физикомъ и съ помощью спеціальнаго разбора эксперимента и дифференціальнаго уравненія показываетъ, какъ сдѣлать это лучше. Одно утвержденіе: это можно сдѣлать, ибо оно рационально,—не смотря на заключающееся въ немъ притязаніе, недостаточно для того, чтобы оспаривать ближайшее примѣненіе атомистики; ибо философъ, который, напримѣръ, построилъ бы физику по своимъ принципамъ, не можетъ однако отрицать того, что тотъ способъ, какимъ это дѣйствительно дѣлается, пока еще совершенно другой; и этотъ способъ оправданъ уже одними своими результатами. Надо умѣть сдѣлать лучше или спокойно взирать на то, какъ оно дѣлается; ибо техникъ, если онъ останется послѣдовательнымъ на точкѣ зрѣнія, означенной Фехнеромъ, даже не въ состояніи будетъ отрицать того, что его работа когда нибудь, можетъ быть, будетъ совершена одинаково хорошо, а то и лучше, по другимъ принципамъ. Однако эта возможность его не беспокоитъ, покуда на его плодотворномъ пути не возникаетъ ничего такого, что его объективно вынуждаетъ вступить на другой путь.

Но самъ-то Фехнеръ остается ли въ своей атомной теоріи на точкѣ зрѣнія физика? Вовсе нѣтъ! Вышеприведенное мѣсто взято изъ первой части его сочиненія, въ которомъ онъ излагаетъ физическое ученіе объ атомахъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно преподается во всѣхъ точныхъ наукахъ; свое же собственное возрѣніе на «простые» атомы онъ напротивъ, самъ относитъ къ «философской» атомистикѣ. Преимущество своей точки зрѣнія онъ усматриваетъ только въ томъ, что здѣсь атомистика физиковъ какъ бы возвышается до философіи и въ самыхъ крайнихъ своихъ выводахъ получаетъ философскую форму, между тѣмъ какъ опровергаемое имъ возрѣніе «философовъ» становится въ противорѣчіе съ эмпирическимъ изслѣдованіемъ. Такимъ образомъ мы въ этомъ



пунктъ, совершенно также, какъ у Бюхнера, имѣемъ передъ собою, выросшее на почвѣ изслѣдованія природы, мировоззрѣніе, которое объявляетъ войну всей «философіи» и въ то же время само выдаетъ себя за философію. Загадка разрѣшается, если принять, что въ данномъ случаѣ философія профессора физики выступаетъ противъ философіи профессора метафизики—споръ, который насъ болѣе не касается, такъ какъ мы не признаемъ никакой цеховой философіи и отказываемъ ей, поскольку она еще въ настоящее время добивается вліянія, во всякомъ научномъ значеніи.

Философъ Фехнеръ очень просто раздѣляется съ физикомъ Фехнеромъ, когда этотъ послѣдній нуждается въ протяженныхъ частицахъ массы: протяженные частицы массы являются въ такомъ случаѣ подобно молекуламъ химика, въ свою очередь, сложными тѣлами. Въ самомъ дѣлѣ, и въ физикѣ, какъ и въ химіи, имѣются эмпирическія основанія, не допускающія возможности свести видимыя тѣла безъ всякихъ звеньевъ прямо къ не имѣющимъ протяженія средоточіямъ силъ. Редтенбахеръ, за которымъ числятся большія заслуги въ математической теоріи молекулярныхъ движеній, строитъ свои молекулы изъ «динамидовъ». Онъ понимаетъ подъ этими послѣдними тѣлесные атомы, обладающіе силой тяготѣнія и протяженія, окруженные затѣмъ атмосферой въ невидимыхъ и одаренныхъ отталивающею силой частицъ эфира. По сравненію съ ними, надо, слѣдовательно, представлять себѣ тѣлесные атомы не только протяженными, но и чрезвычайно великими. Причина, заставляющая его отвергнуть точечные атомы Коши, заключается въ необходимости принять для колебанія тѣлесныхъ атомовъ различную упругость по различнымъ направленіямъ.

«Такъ какъ мы предполагаемъ систему динамидовъ съ осями упругости, то мы необходимо должны разсматривать атомы какъ маленькія тѣльца опредѣленной, хотя и неизвѣстной формы; ибо только въ томъ случаѣ, если атомы обладаютъ осевидною формой и не суть простыя точки или шарики, можетъ въ состояніи равновѣсія существовать неодинаковая упругость по различнымъ направленіямъ. Коши кладетъ въ основаніе всѣхъ изслѣдованій среду, состоящую изъ тѣлесныхъ точекъ, и въ то же время однако предполагаетъ, что эластичность вокругъ каждой точки по различнымъ направленіямъ различна. Это—противорѣчіе, нѣчто невозможное и составляетъ, слѣдовательно, слабую сторону теоріи Коши». <sup>24)</sup>

Но если однако желательно избѣгнуть того, мало говорящаго нашему разуму предположенія, что существуютъ тѣла, которыя по сравненію съ другими (съ частицами эфира) безконечно велики и въ то же время совершенно недѣлимы, то простой выходъ представляется въ томъ, чтобы разсматривать тѣлесный атомъ, составляющій ядро динамида, лишь какъ относительно недѣлимый, а именно—недѣлимый лишь постольку, поскольку этого требуютъ нашъ опытъ и наши вычисленія. Атомъ затѣмъ можетъ обладать осевидною формою и въ свою очередь состоятъ изъ безконечнаго количества безконечно меньшихъ подъ-атомовъ такой же формы; это предположеніе, не вызывая никакого значительнаго измѣненія, можетъ пройти черезъ всѣ вычисленія, предпринятія Редтенбахеромъ; эта безвредная метафизика не можетъ ни содѣйствовать какому нибудь открытію, ни же препятствовать ему. И если для удобства физика

согласится считать относительно пустое пространство абсолютно пустымъ, относительно недѣлимое тѣло абсолютно недѣлимымъ, то все остается по старому. Въ особенности математикъ, который привыкъ исключать изъ своихъ вычислений высшія степени какойнибудь безконечной малой величины, не усмотритъ въ этомъ ничего опаснаго.

Однако, здравый человѣческій разумъ говорить: долженъ же быть гдѣ-нибудь конецъ. Хорошо—но вѣдь здѣсь то же, что и при всякой безконечности. Наука приводитъ насъ къ понятію безконечнаго; естественное чувство этому противится. Какова причина этого сопротивленія, сказать трудно. Кантъ приписалъ бы это объединяющимъ стремленіямъ разума, вступающимъ здѣсь въ противорѣчіе съ разумомъ. Но вѣдь это только имена для необъясненнаго факта. У человѣка нѣтъ двухъ различныхъ органовъ—разсудка и разума, которые относились бы другъ къ другу, какъ глазъ и ухо. Однако несомнѣнно, что сужденіе и умозаключеніе ведутъ насъ отъ одного звена къ другому и въ концѣ концовъ приводятъ къ безконечному, между тѣмъ какъ мы ощущаемъ потребность въ завершеніи—потребности, вступающую въ противорѣчіе съ не имѣющими конца слѣдствіями.

Бюхнеръ въ своемъ сочиненіи «О природѣ и духѣ» представляетъ своего философскаго Вильгельма—который, конечно, простофиля—защитникомъ идеи дѣлимости до безконечности; но Августъ, который кое что смыслить въ естественныхъ наукахъ, отвѣчаетъ ему на это слѣдующимъ изреченіемъ оракула:

«Ты мучаешься трудностями, которыя по характеру своему болѣе умозрительны, нежели реальны». (И это въ бесѣдѣ которая всецѣло умозрительна). «Если мы и не въ состояніи перенести себя мысленно въ тотъ конечный пунктъ, въ которомъ матерія болѣе не дѣлима, то дѣлимость эта все же должна имѣть гдѣнибудь конецъ». Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ничего выше твердой вѣры! «Предполагать безконечную дѣлимость нелѣпо; это значить то же, что ничего не предполагать и подвергать сомнѣнію самое существованіе матеріи—существованіе, которое вѣдь ни одинъ здравомыслящій человѣкъ съ успѣхомъ отрицать не станетъ».

Не наше дѣло защищать Ампера противъ Бюхнера, тѣмъ болѣе, что самъ Бюхнеръ въ своемъ сочиненіи «Сила и матерія» объявляетъ атомъ только словомъ и признаетъ безконечность въ наименьшемъ. Мы скорѣе должны себѣ поставить вопросъ, какова причина того, что при свѣтѣ теперешней физики можетъ еще существовать такое понятіе, какое считаетъ необходимымъ Бюхнеровскій Августъ. Профессиональному физику даже въ томъ случаѣ, когда онъ принимаетъ протяженные атомы, и въ голову не придетъ существованіе того, что мы въ жизни и наукѣ называемъ матеріей, поставить въ зависимость отъ существованія мельчайшихъ тѣлецъ, обладающихъ протяженіемъ. Напримеръ, Редтенбахеръ встаетъ противъ Коши только за его оси эластичности, но вовсе не за реальность матеріи. Но съ другой стороны, мы не должны скрывать отъ себя, что Бюхнеровскій Августъ, какъ это вѣроятно и входило въ виды автора, высказываетъ воззрѣнія почти всѣхъ не-спеціалистовъ, болѣе или менѣе интересовавшихся этими вопросами. Причину этого надо искать въ томъ, что не возможно въ достаточной мѣрѣ освободиться отъ чувственнаго представленія о сложныхъ, кажущихся компактными тѣлахъ, какія даютъ намъ наши чувства осязанія и зрѣнія. Профессиональ-

ный физикъ, по крайней мѣрѣ физикъ-математикъ, не можетъ сдѣлать въ наукѣ ни малѣйшаго шага, прежде чѣмъ онъ не освободится отъ этихъ представлений. Все, что онъ находитъ, есть дѣйствіе силъ, по отношенію къ которымъ вещество само по себѣ образуетъ совершенно пустой субъ-ектъ. Но силу невозможно себѣ представить конкретно въ адекватной формѣ; прибѣгають къ образамъ, которые играютъ ту же роль, что линія фигуръ при математическихъ теоремахъ,— не смѣшивая однако этихъ образовъ съ понятіемъ силы. Какъ легко эта постоянная привычка къ отвлеченному, духовному пониманію силы переносится у профессиональнаго ученаго на понятіе вещества, примѣромъ этому можетъ служить физикъ, имя котораго является особеннымъ украшеніемъ нѣмецкой науки.

В. Веберъ въ своемъ письмѣ къ Фехнеру <sup>25)</sup> говоритъ слѣдующее: «Цѣль заключается въ томъ, чтобы выдѣлить въ причинахъ движенія нѣкоторую постоянную часть, такъ что остатокъ хотя и будетъ измѣнчивымъ, но его измѣненія будутъ представляться только въ зависимости отъ измѣримыхъ отошевій въ пространствѣ и времени. Этимъ путемъ приходишь до понятія массы, съ которымъ представленіе о пространственномъ протяженіи вовсе не необходимо связано. Затѣмъ, согласно этому, и величина атомовъ въ атомистической формѣ представленія будетъ измѣряться не по пространственному ихъ протяженію, а по ихъ массѣ, т. е. по тому постоянному у каждаго атома отношенію, въ какомъ у этого атома сила находится къ ускоренію. Такимъ образомъ, понятіе массы (какъ и атомовъ) такъ же мало грубо и материалистично, какъ и понятіе силы.—по тонкости и логической ясности оно совершенно равно этому послѣднему.»

Съ этими умозрѣніями, которыя доводятъ сущность массы и атома до гиностазированнаго понятія, находятся въ своеобразномъ противорѣчій новѣйшія ученія химіи, достигшія такихъ поразительныхъ результатовъ. Ученія эти уже съ самого начала не представляются маловажными, если принять въ соображеніе, что здѣсь дѣло идетъ не о какойнибудь научной модѣ, но что химія, благодаря этимъ своимъ, господствующимъ теперь воззрѣніямъ, впервые получила возможность предсказывать согласно условіямъ теоріи существованіе еще неизслѣдованныхъ тѣлъ и, слѣдовательно, до извѣстной степени пользоваться дедуктивнымъ методомъ <sup>26)</sup>, Рѣшающее понятіе этого новаго ученія есть понятіе цѣнности (Werthigkeit) или «квантивалента» атомовъ.

Изъ развитія теоріи типовъ и изъ наблюденій надъ соединеніемъ элементовъ по объему въ газообразномъ состояніи получился тотъ выводъ, что существуетъ классъ элементовъ, атомы которыхъ соединяются только съ однимъ соответствующимъ атомомъ какогонибудь другого элемента (типъ—хлороводородъ); затѣмъ второй классъ, атомы котораго могутъ соединяться соответственно съ двумя атомами другого тѣла (типъ—вода); наконецъ, третій классъ (типъ—амміакъ), атомы котораго связываютъ три атома другого тѣла <sup>27)</sup>. По этому свойству соответствующіе атомы были названы одночленными, двухчленными и трехчленными; и эта классификація являлась чрезвычайно важною опорой для изслѣдованія, такъ какъ оказалось, что субституція, т. е. замѣна одного какогонибудь атома въ молекулахъ другимъ, или какимънибудь готовымъ соединеніемъ другихъ, совершаются по принципу квантивалента, такъ что возможность

ихъ можетъ быть предопредѣлена заранее. Такимъ образомъ, слѣдуя известной нормѣ, можно было бы изъ простыхъ соединеній вывести сложные и еще болѣе сложные; этимъ путемъ открыто было множество органическихъ субстанцій очень сложнаго строенія, благодаря тому, что при попыткахъ изображенія принять былъ въ руководствѣ законъ квантивалента и вытекающій изъ этого послѣдняго законъ сдѣленія атомовъ.

Въ то время какъ ранѣе только фактъ изомеріи принуждалъ къ тому заключенію, что свойства тѣлъ не зависятъ просто отъ количества и отъ характера входящихъ въ нихъ элементовъ, но что въ данномъ случаѣ имѣютъ значеніе различныя положенія атомовъ,—теперь характеръ соединенія атомовъ въ молекулахъ сталъ главнымъ принципомъ изслѣдованія и объясненія фактовъ, особенно съ того времени, когда въ углеродѣ открытъ былъ элементъ съ четырехчленными атомами (типъ — рудничный газъ), къ которому вскорѣ присоединились, по крайней мѣрѣ гипотетически, пяти и шестичленные атомы.

Интереснымъ въ методическомъ и гносеологическомъ отношеніи является странное колебаніе химиковъ между конкретно-чувственнымъ и абстрактнымъ пониманіемъ валента. Съ одной стороны опасаются вносить въ эту темную область образы фантазіи, соотвѣтствіе которыхъ дѣйствительности могло бы являться по меньшей мѣрѣ проблематическимъ; но съ другой стороны, выступаетъ совершенно правильное стремленіе не принимать ничего, что не можетъ быть представленнымъ вполне ясно въ чувственной формѣ — однимъ какимъ-нибудь, или различнымъ образомъ; поэтому говорятъ о «пунктахъ средства» между атомами, о «связанности» ихъ, о «занятыхъ» и еще «свободныхъ пунктахъ», какъ будто бы видѣли передъ собою такіе пункты на протяженныхъ и имѣющихъ форму кристалла тѣлахъ атома, напри- мѣръ, въ качествѣ полюсовъ магнетически дѣйствующей силы; но въ то же время оговариваются относительно значенія такихъ чувственныхъ представленій и объявляютъ пункты средства только словомъ для объединенія фактовъ. Кекюле пытался даже, совершенно уничтожая пункты средства, свести валентъ атомовъ къ «относительному числу ударовъ, каковымъ каждый атомъ подвергается со стороны другихъ атомовъ въ единицу времени»<sup>28)</sup>.

До сихъ поръ эта гипотеза не нашла никакого отзыва, и однако— атомы все же получаютъ толчки. Въ этомъ пунктѣ новѣйшая теорія тепла поразительнымъ образомъ сошлась съ химіей. По Клаузиусу<sup>29)</sup> молекулы газовъ двигаются по прямой линіи, и живая сила этого движенія пропорціональна температурѣ. Въ жидкомъ состояніи тѣлъ происходитъ возрастающее съ температурой движеніе молекулъ, которое, хотя и достаточно сильно для того, чтобъ преодолѣть притяженіе двухъ сосѣднихъ частицъ, но недостаточно сильно, чтобы перевѣсить притяженіе всей массы; наконецъ, въ твердомъ состояніи притяженіе сосѣднихъ частицъ перевѣшиваетъ импульсъ теплоты, такъ что молекулы могутъ измѣнять свое относительное положеніе только въ узкихъ предѣлахъ. Эта теорія, которая произошла изъ ученія о превращеніи тепла въ живую силу и обратно, не нуждается уже болѣе ни въ какомъ эфирѣ для удовлетворительнаго разрѣшенія всѣхъ проблемъ ученія о теплотѣ. Она чрезвычайно просто объясняетъ измѣненія агрегативнаго состоянія подъ вліяніемъ тепла; но она однако оставляетъ еще достаточно темнымъ состояніе

твердыхъ тѣлъ, освѣщаетъ полусвѣтомъ состояніе жидкостей и лишь о состояніи совершенныхъ газовъ даетъ настолькоъ ясное представленіе, что оставляетъ повидимому желать очень немногаго.

Такимъ образомъ и въ томъ еще сходятся новѣйшія теоріи химиковъ и физиковъ, что и тѣ и другія исходятъ изъ газообразнаго состоянія матеріи какъ изъ наиболѣе понятнаго и отсюда уже пытаются идти далѣе<sup>30)</sup>. Но въ этой области, при совершенныхъ газахъ, старая механика удара какъ бы возсталала съ новымъ блескомъ. Общее притяженіе матеріи вмѣстѣ со всѣми остальными молекулярными силами, дѣйствующими только на очень близкомъ разстояніи, разсматриваются какъ совершенно ничтожныя по сравненію съ совершающимся по прямой линіи движеніемъ тепла, причемъ это движеніе совершается до тѣхъ поръ, пока молекула не наталкивается на другія молекулы или на твердыя стѣнки. Тутъ господствуютъ законы эластическаго удара, и молекулы, простоты ради, разсматриваются какъ шаровидныя, что какъ будто не вполне совпадаетъ съ требованіемъ химіи.

Мы обойдемъ молчаніемъ многочисленныя выгоды, какія представляетъ новая теорія, которая, напримѣръ, даетъ совершенно естественное объясненіе правильностямъ Мариоттскаго закона, мнимымъ исключеніямъ изъ правила Авогадро и многимъ другимъ такимъ же трудностямъ. Наша задача прежде всего заключается въ томъ, чтобы нѣсколько ближе разсмотрѣть этотъ, въ послѣднее время снова выступающій принципъ механическаго удара молекулъ и атомовъ въ отношеніи къ вопросу о силѣ и матеріи.

Здѣсь, слѣдовательно, возстановлена какъ будто та наглядность, которая исчезла изъ области механики со времени Ньютона, и можно было бы во всякомъ случаѣ—если бы этимъ было что-нибудь выиграно—лелѣять смѣлую надежду, что оставшіяся еще въ теоріи дѣйствія силъ на разстояніи раньше или позже исчезнуть и будутъ сведены къ чувственно наглядному удару такимъ же образомъ, какъ это случилось съ дѣйствіемъ тепла. Но, конечно, требованіямъ физики можетъ удовлетворить только эластическій ударъ, а тутъ именно дѣло особаго рода. Нельзя, правда, отрицать, что и передъ древними атомистами въ ихъ ученіи объ ударѣ атомовъ преимущественно носился образъ эластическихъ тѣлъ; однако тѣ условія, при которыхъ эти атомы переносятъ движеніе другъ на друга, были имъ неизвѣстны, и разница между ударомъ эластическихъ и неэластическихъ тѣлъ осталась для нихъ темною. И такъ какъ ихъ атомы были абсолютно неизмѣнны, то они не могли быть и эластическими. Такимъ образомъ, болѣе точная физика уже на самомъ порогѣ системы наталкивалась на противорѣчія. Правда, это противорѣчіе не было такъ очевидно, каковымъ оно кажется теперь; ибо еще въ семнадцатомъ столѣтіи первостепенные физики весьма серьезно изслѣдовали путемъ эксперимента, подвергается ли эластическій шаръ при ударѣ сплющиванію (*Abplattung*), а, слѣдовательно, и сжатію,—или нѣтъ<sup>31)</sup>.

Въ настоящее время мы знаемъ, что никакая эластичность немислима безъ перемѣщенія относительнаго положенія частицъ эластическаго тѣла. А изъ этого неминуемо слѣдуетъ, что всякое эластическое тѣло не только измѣнчиво, но и состоитъ изъ отдѣльныхъ частицъ. Послѣднее можно было бы—самое большее—оспаривать по тѣмъ же основаніямъ, по каковымъ оспаривается атомистика вообще. Совершенно тѣ же

основанія, которыя съ самаго начала привели къ разложенію тѣлъ на атомы, должны также привести къ тому предположенію, что атомы когда они эластичны, въ свою очередь состоятъ изъ отдѣльныхъ частицъ, т. е. изъ подъ-атомовъ. А эти подъ-атомы? Они либо превращаются въ простые центры силъ, либо—именно въ томъ случаѣ, если и у нихъ эластическій ударъ играетъ какую нибудь роль — должны въ свою очередь состоятъ изъ подъ-атомовъ, и мы слѣдовательно опять имѣли бы тотъ продолжающійся до безконечности процессъ, на которомъ разсудокъ не можетъ успокоиться, но котораго миновать онъ тоже не въ состояніи.

Такимъ образомъ уже въ самой атомистикѣ, не смотря на то, что она какъ будто обосновываетъ матеріализмъ, заключается тотъ принципъ, который уничтожаетъ всякую матерію, и этимъ, конечно, лишаетъ почвы также и матеріализмъ.

Правда, наши матеріалисты сдѣлали попытку обезпечить матеріи ея санъ и значеніе тѣмъ, что они стремились строго подчинить понятіе силы понятію матеріи; однако стоитъ только ближе присмотрѣться къ этой попыткѣ, и тотчасъ же станетъ ясно, какъ мало этимъ достигается для абсолютной субстанціальности матеріи.

Въ «Круговоротѣ жизни» Молешота имѣется обширная глава озаглавленная: «Сила и матерія». Глава эта заключаетъ въ себѣ полемику противъ Аристотелевскаго понятія силы, противъ телеологіи, противъ гипстезы сверхчувственной жизненной силы и другія прекрасныя вещи; но здѣсь нѣтъ ни звука объ отношеніи обыкновенной силы притяженія или отталкиванія между двумя атомами къ самимъ атомамъ, которые мыслятся какъ носители этой силы. Здѣсь говорится о томъ, что сила не есть толкающее божество, но насъ оставляютъ въ неизвѣстности относительно того, какимъ образомъ она вызываетъ движеніе отъ одной частицы вещества къ другой черезъ пустое пространство. Въ сущности, мы получаемъ одинъ мигъ вмѣсто другого.

«То свойство вещества, которое дѣлаетъ возможнымъ движеніе, мы называемъ силой.—Основные вещества проявляютъ свои свойства только по отношенію къ другимъ. Если эти послѣднія не находятся въ надлежащемъ разстояніи и въ надлежащихъ условіяхъ, тогда они не обнаруживаютъ ни притяженія, ни отталкиванія. Здѣсь, очевидно, нѣтъ недостатка въ силѣ, но она не воспринимается нашими чувствами, такъ какъ не существуетъ повода (Gelegenheit) для движенія.—Гдѣ бы ни находился кислородъ, онъ всегда обладаетъ средствомъ по отношенію къ кали».

Здѣсь мы находимъ Молешота глубоко застрявшимъ въ схоластикѣ; его «средство» — это великолѣпнѣйшая *qualitas occulta*, какой только можно желать. Оно сидитъ въ кислородѣ, какъ человѣкъ съ руками. Какъ только приближается кали, его тотчасъ же схватываютъ; не приближается ничего—все же остаются руки и желаніе схватить кали.—Жалкія отрѣбья понятія возможности!

Бюхнеръ еще менѣе, чѣмъ Молешотъ, входитъ въ обсужденіе отношенія между силой и матеріей, хотя эти понятія поставлены въ заголовкѣ наиболее извѣстнаго изъ его сочиненій. Отмѣтимъ мимоходомъ слѣдующее положеніе: «сила, которая не проявляется, не можетъ и существовать». Это, по крайней мѣрѣ, здравое возрѣніе по сравненію съ указаннымъ воплощеніемъ человѣческаго отвлеченія у Молешота. Са-

мое лучшее, что приводит Молешотт о силѣ и матеріи,—это длинныя цитаты изъ предисловія Дюбуа-Реймона къ его «Изслѣдованіямъ о животномъ электричествѣ», но именно наиболѣе ясное и наиболѣе важное мѣсто Молешоттъ выпускаетъ.

Подвергая основательному анализу неясныя представленія о такъ называемой жизненной силѣ, Дюбуа-Реймонъ приходитъ къ вопросу о томъ, что мы вообще разумѣемъ подъ «силой». Онъ находитъ, что въ сущности нѣтъ ни силы, ни матеріи, что то и другое не болѣе, какъ воспринятія съ различныхъ точекъ зрѣнія абстракціи вещей.

«Сила (поскольку она мыслится какъ причина движенія) есть ничто иное, какъ скрытое порожденіе того непродолимаго стремленія къ лицетворенію, которое у насъ вкоренено; это какъ бы реторическій приѣмъ нашего мозга, который прибѣгаетъ къ тропическимъ оборотамъ, потому, что ему не хватаетъ представленія для чистаго выраженія ясности. Въ понятіяхъ силы и матеріи мы усматриваемъ возвратъ къ тому же самому дуализму, который выступаетъ въ представленіяхъ Бога и міра, души и тѣла. Это въ болѣе утонченной формѣ та же самая потребность, которая нѣкогда побуждала людей населять создавіями своего воображенія рощи, источники, скалы, воздухъ и море. Что мы собственно выигрываемъ, если говоримъ, что двѣ частицы вещества приближаются другъ къ другу благодаря взаимной силѣ притяженія? Здѣсь нѣтъ ни тѣни уразумѣнія сущности процесса. Но странно, для присущаго намъ исканія причинъ заключается нѣкотораго рода успокоеніе въ томъ, помимовольно рисуящемся нашему внутреннему глазу, образѣ руки, которая тихо придвигаетъ инертную матерію, или въ образѣ невидимыхъ полинообразныхъ рукъ, которыми частицы вещества охватываютъ другъ друга, взаимно притягиваютъ другъ друга, наконецъ завязываются въ узелъ»<sup>32)</sup>.

Въ этихъ словахъ содержится много истиннаго, но здѣсь все же упущено изъ виду, что прогрессъ науки шагъ за шагомъ привелъ насъ къ тому, чтобы на мѣсто веществъ ставить силы, и что возростающая точность наблюденія точно также все болѣе и болѣе сводитъ вещество къ силамъ. Поэтому оба понятія не стоятъ рядомъ просто какъ отвлеченія: одно изъ нихъ путемъ отвлеченія и изслѣдованія сводится къ другому, однако такъ, что всегда получается еще остатокъ. Если абстрагировать движеніе метеорита, то все же для нашего наблюденія остается еще само тѣло, которое двигалось. Я могу отнять у него форму, уничтожая силу сдѣлания его частей, но тогда остается еще вещество. Я могу это вещество разложить на его элементы, противопоставляя силу силѣ. Наконецъ, я могу мысленно разложить элементарныя вещества на атомы и, въ такомъ случаѣ эти послѣдніе одни суть вещество, все же остальное—сила. Если затѣмъ вмѣстѣ съ Амперомъ разложить атомъ на точку безъ прогнѣнія и силы, группирующіяся вокругъ этой точки, тогда эта точка—«ничто»—будетъ веществомъ. Если я не захожу такъ далеко въ своемъ отвлеченіи, то извѣстное цѣлое представляется мнѣ еще просто веществомъ, что въ другихъ случаяхъ представится мнѣ матеріальными частицами, соединенными между собою безчисленными силами. Словомъ: непонятый или непостижимый остатокъ нашего анализа есть всегда вещество, какъ бы далеко мы ни шли. То, что мы поняли изъ сущности тѣла, мы называемъ свойствами вещества, и сводимъ эти свойства къ «силамъ». Изъ этого вытекаетъ, что

вещество всегда есть то, что мы не можемъ или не желаемъ разложить на силы. Наша неудержимая склонность къ олицетворенію», или, говоря словами Канта—что собственно одно и то же—категорія субстанціи вынуждаетъ насъ представлять себѣ одно изъ этихъ понятій какъ субъектъ, а другое какъ предикатъ. Послѣ того, какъ мы шагъ за шагомъ разложили вещь, у насъ остается еще всегда неразложимый остатокъ—вещество, которое есть истинный представитель вещи. Ему мы поэтому приписываемъ открытыя нами свойства. Такимъ образомъ, великая истина—«никакое вещество безъ силы, никакая сила безъ вещества»—является простымъ слѣдствіемъ положенія: «нѣтъ субъекта безъ предиката и предиката безъ субъекта»; иными словами: мы можемъ видѣть только такъ, какъ это допускается нашимъ глазомъ;—говорить только такъ, какъ устроенъ нашъ ротъ;—понимать только такъ, какъ это обуславливается основными понятіями нашего разсудка.

Хотя истинное олицетвореніе заключается слѣдовательно въ понятіи вещества, тѣмъ не менѣе постоянно олицетворяется и сила, потому что она всегда мыслится какъ истеченіе (Ausfluss) вещества, какъ бы его орудіемъ. Несомнѣнно, при физическомъ изслѣдованіи никто въ дѣйствительности не представляетъ себѣ силу въ формѣ носящейся въ воздухѣ руки; болѣе уже подходятъ полипообразныя руки, которыми одна частица вещества охватываетъ другую. Что въ понятіи силы антропоморфично, то въ сущности относится къ понятію вещества, на которое какъ и на каждый субъектъ переносятъ часть своего «я». «О существованіи силъ», говоритъ Редтенбахеръ (стр. 12), «мы узнаемъ по тѣмъ многообразнымъ дѣйствіямъ, какія онѣ производятъ, въ особенности же путемъ ощущенія и сознанія своихъ собственныхъ силъ». Это послѣднее именно и придаетъ чисто математическому познанію окраску чувства, и благодаря этому мы подвергаемъ себя опасности сдѣлать изъ силы то, что она не есть. Именно, вышеприведенная гипотеза «сверхчувственныхъ» силъ, которую матеріалисты собственно стремятся опровергнуть, всегда сводится къ тому, что рядомъ съ дѣйствующими другъ на друга веществами мыслится еще для силы какая-то невидимая личность, т. е. въ счетъ вводится ложный факторъ. Но это никогда не является слѣдствіемъ слишкомъ отвлеченнаго, а скорѣе слишкомъ чувственнаго мышленія. Сверхчувственная математика—это прямая противоположность сверхчувственному у первобытнаго человѣка. Въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ послѣдній приводитъ сверхчувственные силы, за ними всегда скрываются божество, призракъ или другое какое нибудь существо, мыслимое какъ нѣчто личное—слѣдовательно, по возможности чувственное. Олицетворенное вещество для первобытнаго человѣка слишкомъ отвлеченно; поэтому онъ рядомъ съ нимъ рисуетъ въ своей фантазіи еще и «сверхчувственную» личность. Математикъ же, хотя онъ, прежде чѣмъ выставитъ свое уравненіе, представляетъ себѣ силы въ формѣ человѣческихъ силъ, все же никогда не подвергаетъ себя изъ за этого опасности ввести въ вычисленіе ложный факторъ. Но какъ только получилось уравненіе, чувственное представленіе теряетъ всякое значеніе. Сила не есть болѣе причина движенія, и вещество не есть причина силы: существуетъ только движущееся тѣло, и сила есть функція движенія.

Этимъ путемъ можно по крайней мѣрѣ ввести въ эти понятія порядокъ и ясность, хотя и не достигается полное объясненіе того, что такое сила и матерія. Достаточно, если мы можемъ доказать, что при этомъ



играютъ извѣстную роль наши категоріи. Никто не долженъ имѣть желанія видѣть свою собственную сѣтчатку!

Такимъ образомъ вполне понятно, почему Дюбуа-Реймонъ не идетъ далѣе противоположности между силой и матеріей, и мы поэтому приведемъ еще мѣсто, выпущенное Молешотомъ,—въ доказательство того, какъ выгодно образъ мыслей знаменитаго изслѣдователя отличается отъ догматической увѣренности матеріалистовъ.

«На вопросъ: что же собственно остается, разъ не признаются дѣйствительными ни силы, ни матерія?—тѣ, которые вмѣстѣ со мною становятся на эту точку зрѣнія, отвѣчаютъ слѣдующимъ образомъ. Человѣческому духу разъ навсегда не суждено пойти въ этихъ вопросахъ далѣе конечнаго противорѣчія. Поэтому мы вмѣсто того, чтобы вертѣться въ кругѣ безплодныхъ умозрѣній или разрубать узелъ мечемъ самообмана, предпочитаемъ держаться созерцанія вещей, какъ онѣ есть,—довольствоваться, говоря словами поэта, „чудомъ, которое передъ нами“. Ибо мы не можемъ согласиться на то, чтобы мы, разъ на одномъ пути намъ не суждено правильное истолкованіе, должны были закрывать глаза на недостатки другого истолкованія—единственно по той причинѣ, что третье истолкованіе повидимому невозможно; и у насъ достаточно смиренія на то, чтобы сжиться съ представленіемъ, что всей наукѣ въ концѣ концовъ поставлена цѣль—не постигнуть сущность вещей, а сдѣлать понятнымъ, что сущность эта непостижима. Такъ, въ концѣ концовъ для математики выяснилось, что задача не та, чтобы найти квадратуру круга, а чтобы доказать, что ея найти невозможно: задача механики—не устройство perpetuum mobile, а доказательство того, что это усиліе совершенно бесплодно. Мы прибавимъ къ этому: «задача философіи—не накопленіе метафизическихъ знаній, а доказательство того, что мы за предѣлы опыта выйти не можемъ».

Такимъ образомъ мы съ прогрессомъ науки становимся все болѣе увѣренными въ знаніи отношеній вещей и все менѣе увѣренными въ субъектѣ этихъ отношеній. Все ясно и понятно, пока мы можемъ опираться на тѣла, въ томъ видѣ, какъ они непосредственно представляются нашимъ чувствамъ, или пока мы можемъ представить себѣ ихъ гипотетическіе элементы по аналогіи съ тѣмъ, что доступно нашимъ чувствамъ; однако теорія непрестанно выводитъ за предѣлы этого объясняя научно существующее и проникая въ связь вещей настолько, что можемъ предсказать явленія, мы вступаемъ на путь анализа, который въ той же мѣрѣ приводитъ къ безконечности, какъ и наши представленія о пространствѣ и времени.

Мы не должны потому удивляться, что для нашихъ физиковъ и химиковъ молекулы становятся все болѣе извѣстными, а атомы въ то же время становятся все менѣе опредѣленными,—ибо молекулы суть еще комплексъ гипотетическихъ атомовъ, который мы безъ всякаго для него ущерба можемъ мыслить по образцу чувственныхъ вещей. Если наука, которая здѣсь на самомъ дѣлѣ даетъ какъ будто объективное познаніе, подвинется когда нибудь настолько, что ознакомитъ насъ такъ же близко съ составными частями молекулъ, какъ въ настоящее время съ ними самими, тогда эти составныя части вовсе не будутъ уже атомами, а чѣмъ-то сложнымъ и измѣнчивымъ, какъ они очень часто изображаются и теперь.

О молекулахъ газовъ мы уже и въ настоящее время частью съ достаточною увѣренностью, частью, по крайней мѣрѣ, съ большою вѣроятностью знаемъ ту скорость, съ какою онѣ движутся, средній путь, какой онѣ проходятъ между каждыми двумя ударами, число ударовъ въ секунду, и наконецъ даже діаметръ и абсолютный вѣсъ<sup>33)</sup>. Что эти величины — съ оговоркою насчетъ нѣкоторыхъ поправокъ — не вполне безосновательны, доказывается тѣмъ фактомъ, что Максвеллю удалось изъ тѣхъ самыхъ формулъ, на которыхъ покоятся эти опредѣленія, сдѣлать выводы относительно теплопроводности различныхъ тѣлъ — выводы, которые затѣмъ блестяще подтверждены были опытомъ<sup>34)</sup>. Итакъ, молекулы суть маленькія массы вещества, которые мы можемъ представлять себѣ по аналогіи съ видимыми тѣлами, и со свойствами которыхъ мы уже отчасти ознакомились путемъ точнаго изслѣдованія. Но этимъ самымъ онѣ безъ всякихъ оговорокъ отделились отъ той темной сферы, въ которой кроются истинные элементы вещей. Можно утверждать, что «атомная теорія» доказана, если подъ этимъ понимать только то, что наше научное объясненіе природы предполагаетъ въ дѣйствительности отдѣльныя частицы массы, которыя движутся въ пространствѣ, по меньшей мѣрѣ, сравнительно пустомъ. Но въ этой формулировкѣ всѣ философскіе вопросы о строеніи матеріи не разрѣшены, а отодвинуты въ сторону.

И однако, даже дѣленіе матеріи на отдѣльныя массовыя частицы далеко не доказано въ той мѣрѣ, въ какой это можетъ показаться послѣ такихъ побѣдъ науки.—ибо во всѣхъ этихъ теоріяхъ оно уже предполагается заранѣе и поэтому его, конечно, снова находятъ въ результатахъ. Подтвержденію атомной теоріи въ указанномъ выше ослабленномъ смыслѣ, можно придавать, самое большее, такое же значеніе, что и, напримѣръ, подтвержденію Ньютоновскаго ученія открытіемъ Нептуна. Дѣйствительно, это открытіе Нептуна, основанное на вычисленіяхъ по Ньютонскимъ принципамъ, совершенно справедливо считали очень важнымъ и во многихъ отношеніяхъ даже рѣшающимъ; но вѣдь никому, однако, не придетъ въ голову утверждать, что этимъ подтвержденіемъ системы рѣшенъ и вопросъ о томъ, есть ли притяженіе дѣйствіе на разстояніи, или оно нуждается въ посредникѣ. Даже вопроса о томъ, имѣетъ ли Ньютонскій законъ абсолютное значеніе, или онъ ограниченъ извѣстными предѣлами—не претерпѣваетъ ли онъ, напримѣръ, измѣненія при очень большой близости массовыхъ частицъ или при огромныхъ разстояніяхъ—открытіе Нептуна не касается. Недавно была сдѣлана попытка представить Ньютонскій законъ только какъ частный случай болѣе общей Веберовской формулы электрическаго притяженія—и объ этомъ Нептунъ не говоритъ намъ ничего. Дѣйствуетъ ли тяготѣніе мгновенно, или же ему нужно нѣкоторое, хотя бы самое ничтожное время, чтобы распространить свое дѣйствіе отъ одного небеснаго тѣла къ другому—это опять таки вопросъ, котораго самыя блестящія подтвержденія указаннаго рода не касаются. Однако, во всѣхъ этихъ вопросахъ кроется истинная природа тяготѣнія, и господствующее повсюду предположеніе, будто тяготѣніе—безусловный, строго связанный формулами, дѣйствующій мгновенно на всѣ разстоянія законъ природы, при свѣтѣ теперешней науки не есть даже вѣроятная гипотеза.

Такимъ образомъ и въ новѣйшей химико-физической теоріи газовъ,

строгаго говоря, доказаны только отношенія, а не первоначальное положеніе (Position). Слѣдую основными началами гипотетико - дедуктивнаго метода, можно вмѣстѣ съ Клаузіусомъ и Максвеллемъ сказать: если матерія состоитъ изъ отдѣльныхъ массовыхъ частицъ, то изъ этого необходимо вытекають такіа-то свойства. Если даже затѣмъ выводъ, какой получается изъ теоріи, и подтверждается опытомъ, то этимъ по законамъ логики предпосылка отнюдь еще не доказана. Изъ условія, согласно «modus ponens», дѣлается выводъ относительно обусловленнаго, а не на оборотъ. Въ противоположномъ направленіи все еще остается возможность, чтобы такіе же выводы получились изъ совершенно другихъ предпосылокъ. Конечно, вѣроятность теоріи которая правильно объясняетъ факты и даже предсказываетъ ихъ, можетъ до такой степени возрасти, что она въ нашемъ субъективномъ убѣжденіи очень приближается къ увѣренности — однако лишь подъ тѣмъ условіемъ, что не можетъ существовать другой теоріи, которая дала бы такіе же результаты.

Что это въ механической теоріи тепла, по скольку дѣло касается молекулъ, вовсе не само собою разумѣется, очень хорошо понималъ Клаузіусъ, который въ предисловіи къ своимъ знаменитымъ статьямъ, совершенно ясно замѣчаетъ, что наиболее существенныя, основныя линіи его математической теоріи не зависятъ отъ тѣхъ представлений, которыя онъ составилъ себѣ о молекулярныхъ движеніяхъ.

Еще далѣе идетъ Гелмгольцъ въ своей «Поминальной рѣчи о Густавѣ Магнусѣ» (1871). «Относительно атомовъ въ теоретической физикѣ» — говоритъ тамъ — «сэръ В. Томсонъ очень вѣрно замѣчаетъ, что принятіе ихъ не можетъ объяснить никакого свойства тѣлъ, если оно не было заранее приписано самимъ атомамъ». (То же относится, конечно, и къ молекуламъ!). «Присоединяясь къ этому заявленію, я вовсе не имѣю намѣренія высказаться противъ существованія атомовъ, — я встаю только противъ стремленія вывести изъ чисто гипотетическихъ предположеній относительно строенія атомовъ тѣлъ основанія теоретической физики. Мы знаемъ теперь, что нѣкоторыя изъ гипотезъ, которыя въ свое время встрѣтили большое одобреніе, сильно уклонились отъ истины. Затѣмъ и математическая физика приняла другой характеръ подъ руками Гаусса, Ф. Е. Неймана и ихъ нѣмецкихъ учениковъ, а также и тѣхъ математиковъ, которые въ Англии примкнули къ Фаредю, — Стокса, Томсона, Максвелля. Поняли, что и математическая физика есть чисто опытная наука, что и она должна слѣдовать тѣмъ же принципамъ какъ и экспериментальная физика. На опытѣ мы непосредственно находимъ только протяженныя тѣла, многообразныя по формѣ и по составу, и только надъ такими мы можемъ дѣлать свои наблюденія и опыты. Дѣйствія ихъ составляются изъ дѣйствій, которыя всѣ ихъ части приносятъ въ сумму цѣлаго; если мы поэтому хотимъ изучить наиболее простыя и наиболее общіе законы дѣйствія находящихся въ природѣ массъ и веществъ другъ на друга, т. е. если мы хотимъ освободить эти законы отъ случайностей формы, величины и положенія совмѣстно дѣйствующихъ тѣлъ, то мы должны заняться законами дѣйствія мельчайшихъ частицъ объема, или, какъ это называютъ математики, элементовъ объема. Эти же не раздѣльны (disparat) и не разнородны, подобно атомамъ, а непрерывны и однородны».

Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ с томъ, дастъ ли этотъ пріемъ —

помимо математической разработки, для которой онъ, согласно принципамъ дифференціального и интегрального исчисленія, болѣе подходитъ, нежели атомистика, такіе же или даже еще болѣшіе результаты для нашей ориентировки въ міръ явленій, чѣмъ тѣ, какими мы обязаны атомистикѣ. Эта послѣдняя обязана своимъ успѣхомъ наглядности своихъ предположеній, и мы не только очень далеки отъ того, чтобы придавать ей изъ-за этого ничтожное значеніе, но желали бы даже поставить вопросъ, не вытекаетъ ли необходимость атомистической формы представленія изъ принциповъ кантовской теоріи познанія; но этимъ, конечно, математикамъ, столь охотно вступающимъ въ настоящее время на трансцендентные пути, не запрещалось бы искать счастья и на другихъ путяхъ. Что наоборотъ самъ Кантъ считается родоначальникомъ «динамизма», разумѣя подъ этимъ по просту динамизмъ ученія о непрерывности, не имѣетъ для насъ никакого значенія; какъ бы даже сильно ни хвалились его эпигоны этимъ ученіемъ о непрерывности, необходимостью его съ точки зрѣнія критической философіи весьма мало очевидна, и, какъ сказано, можно было бы, пожалуй, съ большимъ успѣхомъ вступить на прямо противоположный путь,—ибо форма дѣйствія категоріи въ ея тѣсной связи съ воззрѣніемъ всегда направлена на синтезъ въ замкнутомъ предметѣ—слѣдовательно, предметѣ, освобожденномъ въ нашемъ представленіи отъ безконечныхъ нитей какой бы ни было связи. Если см отрѣтъ на атомную теорію съ этой точки зрѣнія, то изолированность массовыхъ частицъ явится необходимымъ физическимъ представленіемъ, значеніе котораго распространяется на міръ явленій въ цѣломъ, а между тѣмъ она лишь только отраженіе нашей организациі: атомъ былъ бы въ такомъ случаѣ созданіемъ нашего «я», но именно поэтому необходимою основой всего естествознанія.

Мы замѣтили выше, что физико-химическое воззрѣніе на атомъ тѣмъ болѣе затемняется, чѣмъ болѣе яснымъ свѣтомъ освѣщаются молекулы. Это, понятно, относится только къ атомамъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова—къ мнимо конечной составной части матеріи. Эти конечныя части всегда становятся чѣмъ-то неуловимымъ, какъ только къ нимъ приближается свѣтъ изслѣдованія. Такъ, напримѣръ, Лотаръ Мейеръ доказываетъ, что хотя число атомовъ, находящихся въ молекулахъ, въ извѣстныхъ границахъ неопредѣленно, все же его не слѣдуетъ предполагать слишкомъ большимъ; точно также размѣры атомовъ не слѣдуетъ представлять себѣ слишкомъ ничтожными по сравненію съ молекулами; атомы въ предѣлахъ молекулъ совершаютъ очень оживленное движеніе и т. д. Но рядомъ съ этимъ сумеречнымъ свѣтомъ познанія мы находимъ замѣчаніе, что эти атомы, «хотя и суть вѣроятно массовыя частицы болѣе высокаго порядка чѣмъ молекулы, все же они не суть конечныя, мельчайшія частицы массъ».

«Дѣло, наоборотъ, обстоитъ такъ, что подобно тому какъ массы болѣе шаго, болѣе доступна нашимъ чувствамъ протяженія состоятъ изъ молекулъ, а молекулы или массовыя частицы перваго порядка изъ атомовъ или массовыхъ частицъ втораго порядка, точно также атомы въ свою очередь состоятъ изъ соединеній массовыхъ частицъ третьаго, высшаго порядка».

«Къ этому воззрѣнію приводитъ уже то соображеніе, что, если бы атомы были неизмѣнными и недѣлимыми величинами, мы должны были бы принять столько же видовъ совершенно различныхъ элементарныхъ

матерій, сколько мы знаемъ химическихъ элементовъ. Существованіе же шестидесяти или еще болѣе перво-матерій уже само по себѣ очень мало вѣроятно. Но еще менѣе вѣроятнымъ это становится, когда мы узнаемъ нѣкоторыя свойства атомовъ, между которыми особеннаго вниманія заслуживаютъ взаимныя отношенія, какія проявляютъ другъ по отношенію къ другу атомные вѣсы различныхъ элементовъ»<sup>35)</sup>).

Весьма вѣроятно, что и атомы третьяго порядка, хотя они и суть атомы единой перво-матеріи, при болѣе близкомъ разсмотрѣніи въ свою очередь превратятся въ атомы четвертаго порядка. Всѣ такіе продолжающіеся до безконечности процессы показываютъ, что мы во всѣхъ этихъ вопросахъ имѣемъ дѣло съ необходимыми условіями нашего познанія, а не съ тѣмъ, что вещи суть сами по себѣ и безъ всякаго отношенія къ нашему познанію.

Если на мѣсто этого безконечнаго ряда поставить гдѣ-нибудь не имѣющіе протяженія центры силъ, то этимъ принципъ наглядности уничтоженъ<sup>36)</sup>. Это—трансцендентное представленіе, подобно дѣйствию на разстояніи, и отъ вопроса о томъ, допустимы ли—и въ какой мѣрѣ—такія представленія, въ настоящее время, когда такихъ вопросовъ возникаетъ для насъ цѣлое множество, едва ли можно отдѣлаться простою ссылкой на кантовскіе принципы теоріи познанія. Надо предоставить поле тѣмъ, которые нуждаются въ такомъ образѣ представленій, и посмотреть, что изъ этого выйдетъ. Если когда-нибудь, какъ это считаетъ возможнымъ физикъ Махъ<sup>37)</sup>, съ помощью гипотезы пространства, имѣющаго болѣе чѣмъ три измѣренія, можно будетъ достигнуть весьма простого объясненія дѣйствительнаго явленія природы, или если вмѣстѣ съ Целльнеромъ<sup>38)</sup> мы вынуждены будемъ изъ темноты неба и изъ другихъ наличныхъ явленій заключить, что наше пространство—не эвклидовское, то тогда, конечно, всю нашу теорію познанія надо будетъ подвергнуть полному пересмотру; пока же для этого нѣтъ никакихъ принудительныхъ основаній. Однако и теорія познанія не должна стать догматической. Пусть каждый знаетъ, что онъ дѣлаетъ! Кто удерживаетъ наглядность, тотъ обрекаетъ себя на процессъ *in infinitum*; кто ее упраздняетъ, тотъ оставляетъ ту твердую почву, на которой до этого времени выросли всѣ успѣхи нашихъ наукъ. Между этой Сциллою и Харибдой едва ли можно найти правильную стезю.

Значительное вліяніе на наши сужденія объ отношеніи между силой и матеріей оказалъ заявившій въ новѣйшее время столь видное мѣсто законъ сохраненія силы. Законъ этотъ можно понимать различно. Во-первыхъ, можно принять, что элементарныя химическія вещества обладаютъ извѣстными неизмѣнными качествами, съ которыми совместно дѣйствуетъ общій механизмъ атомовъ, чтобы вызвать явленія; затѣмъ, можно предположить, что и качества элементовъ суть только опредѣленные, при одинаковыхъ условіяхъ одинаково проявляющіяся формы общаго и по существу своему единаго движенія вещества. Если, напри- мѣръ, разсматривать элементы только какъ простыя видоизмѣненія однородной перво-матеріи, то это послѣднее представленіе разумѣется само собою. Однако законъ сохраненія силы въ этой наиболѣе строгой и послѣдовательной формѣ вовсе не доказанъ. Это только «идеаль разума», безъ котораго однако, какъ конечной цѣли всего эмпирическаго изслѣдованія, обойтись невозможно. Мало того—можно даже утверждать, что именно

въ этомъ самомъ обширномъ смыслѣ онъ можетъ притязать на аксіоматическое значеніе. Но съ этимъ вмѣстѣ падаетъ какъ будто и послѣдній остатокъ самостоятельности и господства матеріи.

Почему законъ сохраненія силы въ этомъ смыслѣ несравненно болѣе важенъ, чѣмъ законъ сохраненія матеріи, который уже Демокритъ выставилъ какъ аксіому, и который, какъ «безсмертіе вещества», играетъ столь важную роль у нашихъ теперешнихъ матеріалистовъ?

Дѣло въ томъ, что въ нашемъ теперешнемъ естествознаніи всюду матерія является неизвѣстнымъ, сила же—извѣстнымъ. Тотъ, кто пожелаетъ назвать силу «качествомъ матеріи», рискуетъ попасть въ логическій кругъ! «Вещь» становится намъ извѣстной черезъ свои свойства; субъектъ опредѣляется предикатомъ. Но въ сущности «вещь» является лишь вождельнымъ епорнымъ пунктомъ для нашего мышленія. Мы не знаемъ ничего, кромѣ качествъ и ихъ соединенія въ какомъ-то неизвѣстномъ, представленіе о которомъ есть созданіе (Dichtung) нашей души—повидимому необходимое, требуемое нашею организаціей.

Знаменитая „частица желѣза“ Дюбуа, которая несомнѣнно есть одна и та же „вещь“,—«все равно, пролетаетъ ли она вселенную въ метеорномъ камнѣ, катится ли она по шинамъ въ колесѣ паровика, или течетъ въ кровинномъ шарикѣ по вискамъ поэта»—есть лишь потому во всѣхъ этихъ случаяхъ «одна и та же вещь», что мы игнорируемъ особенности ея положенія къ другимъ частицамъ и вытекающее изъ этого взаимодѣйствіе, тогда какъ другія явленія, которыя мы познали лишь какъ силы частицы желѣза, мы признаемъ постоянными, ибо знаемъ, что по извѣстнымъ законамъ можемъ ихъ всегда произвести. Пусть намъ прежде разрѣшить загадку параллелограмма силъ—тогда мы повѣримъ въ неизмѣнную вещь. Развѣ сила, которая съ интенсивностью  $X$  дѣйствуетъ въ направленіи  $a - b$  навѣрно та же самая вещь, когда ея дѣйствіе сливается съ другою силою въ равнодѣйствующую съ интенсивностью  $Y$ , и направленіемъ  $a - d$ ? Несомнѣнно, первоначальная сила содержится еще въ равнодѣйствующей, и она будетъ въ ней содержаться и далѣе, если даже въ вѣчномъ колебаніи механическаго взаимодѣйствія первоначальная интенсивность  $X$  и направленіе  $a - b$  никогда снова не проявится наружу. Изъ равнодѣйствующей я, такъ сказать, могу снова выдѣлать первоначальную силу, если вторую составную силу уничтожу равною ей силой прямо противоположнаго направленія. Здѣсь я такимъ образомъ знаю совершенно точно, что долженъ и чего не долженъ понимать подъ сохраненіемъ силы. Я знаю и долженъ звать, что понятіе сохраненія есть только удобная форма представленія; сохраняется все и не сохраняется ничего, смотря по тому, какъ я разсматриваю процессы. Фактическая сторона заключается только въ эквивалентахъ силы, которые я получаю путемъ вычисленія и наблюденія. Эквиваленты, какъ мы видѣли, суть также единственные факты химіи; ихъ выражаютъ, находятъ, вычисляютъ посредствомъ вѣсовъ, т. е. силъ.

Наши новѣйшіе матеріалисты не охотно занимаются закономъ сохраненія силы. Законъ этотъ исходитъ съ той стороны, на которую они мало обращали вниманіе. Хотя нѣмецкая публика при возникновеніи матеріалистическаго спора была уже знакома съ этою важною теоріей въ продолженіи цѣлаго ряда лѣтъ, тѣмъ не менѣе въ наиболѣе важныхъ полемическихкихъ сочиненіяхъ о ней не упоминается ни однимъ словомъ. То

обстоятельство, что Бюхнеръ позднѣе съ горячностью ухватился за законъ сохранения силы и въ пятомъ изданіи своего сочиненія «Сила и матерія» посвятилъ ему особую главу, служить только новымъ доказательствомъ живой многосторонности этого писателя; однако, мы и у него тщетно стали бы искать полной ясности относительно значенія этого закона и его отношенія къ ученію о безсмертіи вещества. У догматическихъ матеріалистовъ, которые впрочемъ въ наше время находятся вездѣ и нигдѣ, ученіе о сохраненія силы отнимаетъ почву изъ подъ ногъ.

Истинное въ матеріализмѣ—исключеніе изъ природы вещей всего чудеснаго и произвольнаго, доказывається этимъ закономъ въ болѣе высокой и общей формѣ, чѣмъ матеріалисты въ состояніи сдѣлать это со своей точки зрѣнія, а ложное въ немъ—возведеніе матеріи въ принципъ всего сущаго — устраняется этимъ закономъ вполне и, надо думать, окончательно.

Поэтому нисколько удивительно, хотя и не вполне заслуживаетъ одобренія то, что одинъ изъ наиболѣе выдающихся представителей ученія о сохраненіи силы почти что снова возвращается къ аристотелевскому понятію матеріи. Гелмгольцъ въ своей статьѣ о сохраненіи силы говоритъ буквально слѣдующее:

«Наука разсматриваетъ предметы вѣшняго міра по двумъ отвлеченіямъ: во-первыхъ, по ихъ бытію — независимо отъ ихъ дѣйствія на другіе предметы или на наши органы чувствъ; какъ такіе онѣ называютъ ихъ матеріей. Бытіе матеріи самой по себѣ, представляется намъ такимъ образомъ покойнымъ, бездѣятельнымъ; мы отличаемъ въ ней размѣщеніе въ пространствѣ и количество (массу), которое предполагается вѣчно неизмѣннымъ. Качественныхъ различій мы матеріи самой по себѣ приписать не можемъ, ибо когда говоримъ о различныхъ матеріяхъ, то полагаемъ это различіе только въ дѣйствіяхъ т. е. въ ихъ силахъ. Поэтому матерія сама по себѣ не можетъ претерпѣть никакого измѣненія, кромѣ пространственнаго, т. е. движенія. Но предметы природы не бездѣятельны,—въ сущности мы даже узнаемъ о нихъ только по ихъ дѣйствіямъ, которыя исходятъ отъ нихъ на наши органы чувствъ, заключая по этимъ дѣйствіямъ о чемъ-то дѣйствующемъ. Такимъ образомъ, если мы хотимъ примѣнить понятіе матеріи въ дѣйствительности, то можемъ это сдѣлать только такъ, что мы съ помощью втораго ствлеченія («правильнѣе: съ помощью необходимаго вымысла—совершающагося съ психическою необходимостью олицетворенія) «присоединяемъ къ этому понятію то, отъ чего мы прежде хотѣли сдѣлать отвлеченіе, именно — способность совершать дѣйствія,—иначе говоря: приписываемъ матеріи силы. Ясно, что понятіе матеріи и силы въ примѣненія къ природѣ никогда не должны быть отдѣлены другъ отъ друга. Чистая матерія была бы для всей остальной природы безразлична, потому, что она не могла бы вызвать никакого измѣненія ни въ ней, ни въ нашихъ органахъ чувствъ; чистая сила была бы чѣмъ-то такимъ, что существовало бы и въ то же время не существовало бы, потому что мы существующее называемъ матеріей. Точно также ошибочно считать матерію чѣмъ-то дѣйствительнымъ, силу же однимъ лишь понятіемъ, которому ничего дѣйствительнаго не соотвѣтствуетъ: и то и другое суть только отвлеченія дѣйствительности, образованныя совершенно оди-

чаково; вѣдь матерію мы можемъ воспринимать только черезъ ея силы, — но никогда самое по себѣ»<sup>39)</sup>.

Ибервегъ, который любилъ отмѣчать свое несогласіе въ мнѣніяхъ на поляхъ, въ моемъ экземплярѣ Гелмгольцовской статьи сдѣлалъ къ словамъ: «ибо мы существующее называемъ матеріей» совершенно правильное замѣчаніе на поляхъ: «вѣ рнѣе—субстанціей». Въ самомъ дѣлѣ, причину того, что мы не можемъ принять никакой чистой силы, слѣдуетъ искать только въ психической необходимости, вслѣдствіе которой всѣ наши наблюденія представляются въ категоріи субстанціи. Мы воспринимаемъ только силы, но мы ищемъ неизмѣннаго носителя этихъ измѣчивыхъ явленій—субстанціи. Матеріалисты наивно считаютъ неизвѣстную матерію единственною субстанціею; Гелмгольцъ напротивъ хорошо сознаетъ, что здѣсь дѣло идетъ только о предположеніи, требуемомъ природою нашего мышленія и не имѣющемъ никакого значенія для истинно дѣйствительнаго. Не составляетъ поэтому большой разницы, что онъ въ этомъ предположеніи ставитъ на мѣсто субстанціи матерію, которую онъ раньше считалъ безкачественною; его точка зрѣнія—въ существѣ кантовская. Что же касается пассивной и бездѣятельной природы матеріи, поскольку мы отвлекаемся отъ силъ, то это возвращеніе къ аристотелевскому опредѣленію можно было бы предотвратить принятіемъ относительнаго понятія матеріи. Съ этимъ связано, конечно, и относительное понятіе силы, и мы позволяемъ себѣ предложить здѣсь какъ завершеніе нашихъ изслѣдованій трилистникъ связанныхъ между собой опредѣленій.

Вещью мы называемъ совокупную группу явленій, которую мы, отвлекшись отъ всякихъ связей и внутреннихъ измѣненій, понимаемъ какъ единое цѣлое.

Силами мы называемъ тѣ свойства вещей, которыя мы познали черезъ опредѣленные дѣйствія ихъ на другія вещи.

Матеріей мы называемъ въ вещи то, что мы не можемъ или не хотимъ перевести въ силы, и что мы гипостазируемъ какъ причину и носителя познанныхъ силъ.

Не попали ли мы однако этими своими объясненіями въ ложный кругъ?

Силы суть свойства не самой по себѣ существующей матеріи, а «вещи», т. е. абстракціи. Не вкладываемъ ли мы такимъ образомъ въ наиболѣе, повидимому, конкретное—въ вещество—нѣчто такое, что есть не болѣе какъ отвлеченіе изъ отвлеченія? И даже когда мы понимаемъ силу въ строго физическомъ смыслѣ—развѣ она въ этомъ случаѣ не есть функція массы, т. е. опять-таки матеріи?

На это мы прежде всего возражаемъ, что понятіе массы въ математической физикѣ есть не болѣе, какъ число. Если выразить произведенную какою нибудь силою работу въ пудифутахъ, то коэффициентъ, показывающій высоту подъема, будетъ связанъ съ коэффициентомъ, показывающимъ вѣсъ. Но что же такое вѣсъ, какъ не дѣйствіе той же силы тяжести? Вѣсъ всего тѣла представляютъ себѣ разложеннымъ на вѣсы извѣстнаго количества гипотетическихъ пунктовъ, и сумма этихъ тяжестей и есть масса. Болѣе въ этомъ понятіи ничего не содержится и не можетъ содержаться. Мы только свели данную силу на сумму гипотетическихъ силъ, къ носителямъ которыхъ относится все то, что было



сказано выше объ атомахъ. Съ принятіемъ этихъ носителей, безъ которыхъ мы не можемъ обойтись, но которыхъ мы не можемъ и понять, мы достигли разсмотрѣнной въ предыдущей главѣ границы познанія природы.

Фехнеръ<sup>40)</sup> пытался придать матеріи значеніе независимое отъ силы, опредѣляя ее какъ то, что воспринимается чувствомъ осязанія, — «какъ осязательное». Въ отвѣтъ на бросающееся въ глаза возраженіе, что вѣдь осязаемость эта покоится только на силѣ сопротивленія (въ строго механическомъ смыслѣ ее можно обозначить какъ работу), онъ ссылается на тотъ фактъ, что о сопротивленіи мы заключаемъ только по отношеніямъ между ощущеніемъ осязанія и другими ощущеніями, что оно слѣдовательно не есть опытная (т. е. данная въ непосредственномъ опытѣ) основа понятія матеріи. Однако, въ непосредственномъ опытѣ отдѣльнаго ощущенія, изъ котораго исходитъ Фехнеръ, естественно-научное понятіе матеріи вовсе еще не содержится. Мы имѣемъ только субъективную сторону ощущенія, которая есть ничто иное, какъ видоизмѣненіе нашего состоянія, и объективную, которую мы весьма обще можемъ обозначить какъ отношеніе къ какому нибудь предмету. «Предметъ» же этотъ въ естественномъ психическомъ развитіи становится прежде всего вещью, и лишь размысленіе о видимо измѣнчивыхъ свойствахъ одной и той же вещи можетъ привести насъ къ представленію о неизмѣнной при всѣхъ превращеніяхъ матеріи. Но такой же процессъ приводитъ насъ съ необходимостью къ представленію о силахъ этой матеріи. Такимъ образомъ нѣтъ твердаго пункта и въ психологической исторіи возникновенія понятія матеріи, — не говоря уже о томъ, что рѣшеніе вопроса вовсе не здѣсь, а въ испытаніи того, что остается отъ традиціонныхъ понятій, если анализировать ихъ по самымъ строгимъ приемамъ научнаго мышленія.

Болѣе основательны нападки Фехнера на понятіе силы. Физика, доказываятъ онъ, имѣетъ своимъ предметомъ только видимое и осязаемое въ пространствѣ и законы движенія его. «Сила является для физики не болѣе какъ вспомогательнымъ выраженіемъ для изображенія законовъ равновѣсія и движенія; къ этому приводитъ всякая ясная формулировка физической силы. Мы говоримъ о законахъ силы; но если присмотримъ ближе, то это только законы равновѣсія и движенія, которые имѣютъ значеніе только въ отношеніяхъ матеріи къ матеріи же». Если намѣсто матеріи поставить здѣсь вещи, то противъ этого можно возразить очень немногое. Но на дѣлѣ намъ никогда не придетъ на мысль гипотезировать вмѣсто матеріи самое силу и сдѣлать приблизительно слѣдующій выводъ: такъ какъ все извѣстное въ вещахъ можно выразить въ силахъ, а матерія лишь только противорѣчивый остатокъ анализа, то мы полагаемъ, что силы существуютъ сами по себѣ. Для насъ достаточно знать, что сила есть только приложимое повсюду «вспомогательное выраженіе», передъ которымъ вспомогательное выраженіе «матерія» отступаетъ въ область безконечнаго или неуловимаго.

Если же опредѣлять силу какъ «причину движенія», то это только вспомогательное выраженіе къ вспомогательному выраженію. Не существуетъ никакой «причины» движенія, кромѣ эквивалентовъ живыхъ и потенціальныхъ силъ, и эти эквиваленты означаютъ одно лишь отношеніе явленій. По Фехнеру причина движеній заключается

въ законѣ; но вѣдь въ концѣ-то концовъ и законъ есть «вспомогательное выраженіе» для совокупности отношеній въ какой-нибудь группѣ явленій!

Что понятіе о матеріи не только можетъ быть сведено къ неудовимому остатку «чего-то»—къ понятію силы, но что оно необходимо возникаетъ изъ этихъ элементовъ и синтетически,—этому интересный примѣръ мы находимъ у Целльнера. Рѣчь идетъ о вопросѣ:—нельзя ли вывести видоизмѣненіе Ньютоновскихъ законовъ движенія въ смыслѣ Веберовскаго электрическаго закона изъ того предположенія, что дѣйствія распространяются отъ одного пункта къ другому не мгновенно, а употребляютъ для этого извѣстное время, — причѣмъ указано на то, что уже Гауссъ искалъ такого «удобнаго для построенія представленія» распространенія силы черезъ пространство, но безъ успѣха. Недавно пытался разрѣшать эту проблему математикъ Нейманъ, по просту заставляя двигаться въ пространствѣ значенія потенциала (Potentialwerthe), т. е. математическое выраженіе однихъ величинъ силы. Тутъ гордіевъ узелъ «удобо-построяемости» представленія очевидно разрубленъ мечемъ. Мы получаемъ добавочную силу, носитель которой не есть болѣе матерія, а лишь простая формула силы,—какъ если бы желали сказать: движеніе есть то, что движется въ пространствѣ. Целльнеръ же справедливо указываетъ, что самый фактъ гипостазирования этого, самостоятельно двигающагося, значенія потенциала—совершенно то же, что представлять себѣ частицы матеріи двигающимися отъ одного тѣла къ другому. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только приписать отвлеченнымъ понятіямъ силы и движенія независимое бытіе, какъ понятія эти тотчасъ же превращаются въ субстанцію, и въ такомъ случаѣ субстанція въ естественно-научномъ смыслѣ совершенно совпадаетъ съ «матеріей»<sup>41)</sup>.

Нельзя требовать болѣе яснаго доказательства тому, что вся проблема о силѣ и матеріи сводится къ гносеологической проблемѣ, и что естествознаніе можетъ обрѣсти твердую почву только въ отношеніяхъ (Relationen), причѣмъ, конечно, нѣкоторые носители этихъ отношеній, какъ, напримѣръ, атомы, могутъ быть введены въ формѣ гипотезы и разсматриваться какъ реальные предметы—но съ тою, однако, оговоркой, чтобы не дѣлать изъ этихъ «реальностей» догмы, и чтобы неразрѣшенные проблемы умозрѣнія оставлены были на томъ самомъ мѣстѣ, на какомъ онѣ находятся, и именно какъ то, что они суть, т. е. какъ проблемы гносеологич.

### III. Естественно-научная космогонія.

Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ древняго матеріализма былъ вопросъ о космогоніи природы. Столь часто осмѣиваемое ученіе о безконечномъ параллельномъ движеніи атомовъ въ безконечномъ пространствѣ, о постепенномъ сцѣпленіи и соединеніи ихъ въ тѣла твердыя и жидкія, живыя и безжизненныя,—ученіе это при всей своей странности должно было выполнить великую задачу. Безъ сомнѣнія, и эти представленія оказали могущественное вліяніе на новѣйшее время; однако связь нашей космогоніи съ Эпикуровскою не такъ очевидна, какъ исторія ато-

мистики. Напрогивъ того, именно въ этомъ пунктѣ началось первое коренное преобразованіе древнихъ представленій, и изъ него уже вполне послѣдовательно развилось то представленіе о происхожденіи вселенной, которое, несмотря на гипотетическій характеръ, и теперь еще имѣетъ величайшее значеніе. Послушаемъ, что говоримъ объ этомъ Гелмгольцъ:

«Кантъ, который очень интересовался физическимъ описаніемъ земли и мірозданія, взялъ на себя нелегкій трудъ изучить сочиненія Ньютона и въ доказательство того, какъ глубоко онъ вникъ въ его основную идею, пришелъ къ гениальной мысли, что та самая присущая всякой вѣсомой матеріи сила притяженія, которая теперь поддерживаетъ движеніе планетъ, нѣкогда была въ состояніи создать планетную систему изъ разсѣянной въ пространствѣ матеріи. Впослѣдствіи независимо отъ него на ту же мысль напалъ Лапласъ, великій авторъ «Небесной механики» (*Mécanique céleste*) и добылъ ей право гражданства у астрономовъ»<sup>42</sup>)

Теорія постепеннаго уплотненія представляетъ то преимущество, что она допускаетъ вычисленіе, которое, благодаря открытію механическаго эквивалента теплоты, достигло высокой степени теоретическаго совершенства. Вычислено, что при переходѣ отъ безконечно малой плотности до плотности современныхъ небесныхъ тѣлъ изъ одной только механической силы притяженія частицъ вещества должно было получиться столько теплоты, какъ если бы вся масса планетной системы состояла изъ чистаго угля въ 3500 разъ бѣльшаго объема, и эта масса затѣмъ была бы сожжена. Далѣе вывели заключеніе, что бѣльшая часть этой теплоты должна была исчезнуть въ мировомъ пространствѣ уже прежде, чѣмъ могла возникнуть наша планетная система въ ея теперешнемъ видѣ. Найдено, что изъ этого огромнаго запаса механической силы первоначальнаго притяженія сохранилось въ движеніяхъ небесныхъ тѣлъ въ видѣ механической силы едва лишь одна 454-ая часть. Вычислено, что толчекъ, который внезапно остановилъ бы нашу землю на ея пути вокругъ солнца, далъ бы столько теплоты, сколько горѣние 14 земныхъ шаровъ изъ чистаго угля, и что при этой теплотѣ вся масса земли совершенно расплавилась бы, и по крайней мѣрѣ бѣльшая ея часть перешла бы въ парообразное состояніе.

Гелмгольцъ замѣчаетъ, что въ этихъ допущеніяхъ нѣтъ ничего гипотетическаго, кромѣ предположенія, что массы нашей системы первоначально были распределены въ пространствѣ въ видѣ тумана. Это вѣрно постольку, что изъ подобнаго распределенія совмѣстно съ дѣйствіемъ тяготѣнія можно приблизительно вычислить всю сумму теплоты и механическаго движенія. Но для того, чтобы наша солнечная система могла стать тѣмъ, что она стала, необходимы были бы еще извѣстныя предположенія о способѣ распределенія туманныхъ массъ въ пространствѣ. Разъ данное, вращательное движеніе всей массы по необходимости должно было все ускоряться по мѣрѣ все бѣльшаго сокращенія и уплотненія ея; первоначальное существованіе его можно доказать различными способами, но оно принадлежитъ къ бѣлье специальнымъ предположеніямъ, при которыхъ гипотезѣ предоставляется еще довольно широкій просторъ. Проще всего его можно объяснить, если предположить, что туманные массы не скопились сразу и равномерно въ одинъ бѣльшой шаръ, а что нѣсколько такихъ массъ собрались вокругъ собственныхъ центровъ тяжести и

затѣмъ столкнулись не-центральными своими частями. Въ виду ушони наемаго ниже взгляда Ибервега замѣтимъ между прочимъ, что весь процессъ можетъ быть основанъ на столкновеніи твердыхъ тѣлъ, которыя вслѣдствіе толчка сперва превратились въ парообразную массу, а затѣмъ втеченіе неизмѣримаго времени вновь организовались въ систему.

Гипотеза уплотненія получила въ послѣднее время значительную поддержку со стороны спектральнаго анализа, который показываетъ, что во всей солнечной системѣ, а отчасти и на неподвижныхъ звѣздахъ мы находимъ тѣ же вещества, изъ которыхъ состоитъ наша земля. Тому же методу ислѣдованія мы обязаны и тѣмъ взглядомъ, что разбѣянные въ небесномъ пространствѣ туманныя пятна далеко не всѣ состоятъ, какъ прежде думали, изъ отдаленныхъ отъ насъ кучъ звѣздъ, но что значительное количество ихъ представляють дѣйствительныя туманныя массы, которыя, слѣдовательно, могутъ дать намъ картину прежняго состоянія нашей солнечной системы.

Сравнительно съ этими подтвержденіями имѣть съ другой стороны весьма мало значенія то обстоятельство, что новѣйшая геологія отказалась отъ теоріи земныхъ переворотовъ и объясняетъ по мѣрѣ возможности современное состояніе поверхности нашей планеты дѣйствіемъ тѣхъ же силъ, господство которыхъ мы находимъ повсюду еще и теперь. Теорія устойчивости опирающаяся на это геологическое направленіе, можетъ притязать на какое либо значеніе, самое большее, только въ относительномъ смыслѣ. Состояніе земной коры и дальнѣйшее развитіе совершающихся здѣсь процессовъ можно находить сравнительно устойчивыми, въ противоположность теоріи геологическихъ переворотовъ, съ которою довольно часто бываетъ связана осужденная нами въ предыдущихъ главахъ боязнь большихъ чиселъ. Если же напротивъ принять достаточно большіе періоды, то измѣненіе, т. е. становленіе и исчезновеніе, не только само по себѣ вѣроятно, но можетъ быть доказано самыми строгими научными доводами.

Поэтому мы вправѣ задатья вопросомъ, почему мы неохотно миримся съ огромными періодами времени, между тѣмъ какъ мысль объ абсолютной устойчивости намъ сравнительно такъ близка, и наше чувство нисколько ея не чуждается. Мы усматриваемъ причину этого поразительнаго явленія исключительно въ дѣйствующей притупляющимъ образомъ привычкѣ къ понятію вѣчности. Понятіе это намъ хорошо знакомо съ дѣтства, и мы обыкновенно очень немного при этомъ думаемъ. Благодаря устройству нашей мыслительной способности, такъ тѣсно связаной съ чувствованіемъ, мы, чтобы придать содержанію этого понятія нѣкоторую наглядность, какъ бы должны мысленно убавить абсолютную вѣчность и сдѣлать ее относительною, подобно тому какъ мы стараемся придать нѣкоторую наглядность тангенсу угла въ  $90^\circ$ , заставляя его возникать, т. е. образуя передъ взорами нашего воображенія все большій и большій тангенсъ,—хотя для абсолютнаго уже не существуетъ никакого становленія. Такъ поступаютъ съ вѣчностью тѣ популярныя образы геологовъ, которые стараются нагромождать въ представленіи вѣка на вѣка, но затѣмъ самое крайнее, на что только способна наша фантазія, считаютъ равнымъ «одной секундѣ вѣчности». Хотя понятіе абсолютной вѣчности содержитъ въ себѣ такъ много, что все то, что только можетъ выду-

мать самая пылкая фантазія, сравнительно съ нею значить не больше, чѣмъ самая обыкновенная мѣра времени, мы однако настолько освоились съ этимъ понятіемъ, что тотъ, кто допускаетъ вѣчное существованіе земли и человѣчества, кажется намъ еще скромнымъ сравнительно съ другимъ, который, напримѣръ, считаетъ переходный періодъ отъ дилювіальнаго человѣка къ современному всего лишь въ билліонъ разъ меньшимъ, чѣмъ тотъ, который необходимъ для возникновенія человѣка изъ простѣйшей органической клѣточки. Повсюду здѣсь чувства ведутъ борьбу съ логикой. То, что мы лишь до нѣкоторой степени можемъ представить себѣ наглядно, легко кажется намъ чрезмѣрнымъ и невѣроятнымъ, между тѣмъ какъ мы играемъ самыми чудовищными представленіями, разъ только мы облекли ихъ въ форму совершенно отвлеченнаго понятія. Съ одной стороны шесть тысячъ лѣтъ, съ другой—вѣчность: къ этому мы привыкли. Все, что лежитъ посрединѣ, кажется намъ сначала замѣчательнымъ, затѣмъ смѣлымъ, затѣмъ величественнымъ, а затѣмъ и фантастичнымъ; и все же всѣ эти эпитеты относятся только къ области чувствъ: холодной логикѣ дѣлать съ ними нечего.

Прежде, слѣдуя вычисленію Лапласа, полагали, что время обращенія земли вокругъ оси отъ Гиппарха до нашихъ дней не измѣнилось даже и на одну трехсотую часть секунды, и Чольбе воспользовался этимъ вычисленіемъ для доказательства своей теоріи неизмѣнности. Ясно, однако, что изъ этого факта нельзя было сдѣлать другого вывода, кромѣ того, что замедленіе въ скорости вращенія, которое необходимо признать на основаніи физической теоріи, происходитъ не быстрѣе, чѣмъ, примѣрно, на 1 секунду въ 600.000 лѣтъ. Если же мы допустимъ, что замедленіе происходитъ хотя бы только на одну секунду въ 100 милліонъ лѣтъ, то уже черезъ нѣсколько билліонъ лѣтъ отношеніе между днемъ и ночью на землѣ до такой степени измѣнится, что вся теперешняя жизнь на поверхности земли должна была бы исчезнуть, а немного погодя неминуемо наступила бы полная остановка движенія вокругъ оси. Но затѣмъ мы имѣемъ даже вполне опредѣленный физическій принципъ этого замедленія: вліяніе прилива и отлива. Тутъ находитъ себѣ примѣненіе строгая непреложность всѣхъ математическихъ выводовъ. Вліянія силы притяженія, задерживающія вращеніе земли, уравнивались бы вліяніями, ускоряющими это вращеніе, только при условіи абсолютной твердости земли. Но такъ какъ на землѣ имѣются такія части, которыя могутъ передвигаться, то на ней непремѣнно должно образоваться эллипсоидное утолщеніе, передвиженіе котораго по поверхности вызываетъ извѣстное треніе, хотя и весьма ничтожное. Непреложность этого вывода ничуть не можетъ быть поколеблена тѣмъ обстоятельствомъ, что по новѣйшимъ наблюденіямъ явленія прилива и отлива, замѣчаемая на нашихъ берегахъ, вызываются не постепеннымъ нарастаніемъ утолщенія, а скорѣе сразу наступающимъ значительнымъ поднятіемъ, которое происходитъ тогда, когда середина наибольшей морской поверхности обращена прямо къ лунѣ или къ солнцу. Если даже волны, кругообразно распространяющіяся отъ этого подъема, въ виду того, что онѣ распространяются равномерно во всѣ стороны, не имѣютъ задерживающаго вліянія на скорость вращенія, то приливъ долженъ все же оказывать задерживающее вліяніе, хотя и менѣе замѣтное. Процессъ никоимъ образомъ не можетъ быть такой же, какъ если бы земля вращалась толчками, и каждый разъ оставалась неподвижною нѣ-

сколько секундъ въ томъ положеніи, въ какомъ образуется волна прилива. Должна существовать двигающаяся впередъ волна прилива, если только вся физика не обманываетъ. Можно считать, что въ дѣйствительности приливъ слагается изъ вліянія волны, стоящей неподвижно и другой—двигающейся впередъ. Если бы даже дѣйствіе послѣдней съ виду и исчезло бы въ бесконечно сложныхъ явленіяхъ прилива и отлива, все же ея задерживающее вліяніе никоимъ образомъ не можетъ пропасть. И какъ бы мала ни была какая-нибудь постоянно дѣйствующая причина, надо только взять достаточно большой промежутокъ времени—и результатъ не преминетъ сказаться. Часть живой силы движенія планетъ безусловно уничтожается приливомъ и отливомъ. «Такимъ образомъ»—говоритъ Гелмгольцъ въ своей статьѣ «О взаимодѣйствіи силъ природы»—«мы приходимъ къ неизбѣжному выводу, что всякій приливъ и отливъ непрестанно и, если даже бесконечно медленно, то все же несомнѣнно уменьшаетъ запасъ механической силы системы, причемъ вращеніе планетъ вокругъ оси замедляется, и сами онѣ должны приблизиться къ солнцу или спутники ихъ—къ нимъ».

Есть только одно средство уклониться отъ того вывода, что вращеніе земли въ концѣ концовъ прекратится, а именно—если бы мы могли найти какое нибудь противодѣйствіе, которое вновь ускорило бы замедленную приливомъ и отливомъ скорость вращенія. Извѣстный I. P. Майеръ, открывшій механическій эквивалентъ теплоты, думалъ прежде, что такое противодѣйствіе имъ найдено, такъ какъ онъ предполагалъ, что процессъ отвердѣванія земли еще не закончился. Земля продолжаетъ еще сокращаться (съ этимъ онъ ставитъ въ связь объясненіе землетрясеній), объемъ ея слѣдовательно уменьшается, а съ этимъ необходимо связано ускореніе вращенія вокругъ оси. Но Майеръ очень хорошо понималъ, что и это предположеніе не даетъ еще гарантіи вѣчной неизмѣнности, такъ какъ оба противоположныя между собой вліянія никоимъ образомъ не могутъ постоянно уравновѣшивать другъ друга. Поэтому онъ принимаетъ три періода: первый—когда вслѣдствіе сокращенія перевѣсъ на сторонѣ ускоренія; второй—когда ускореніе и замедленіе уравновѣшиваютъ другъ друга, и третій—въ которомъ вслѣдствіе приливовъ и отливовъ перевѣсъ на сторонѣ замедленія. Сначала Майеръ полагалъ, что мы находимся въ среднемъ періодѣ—въ періодѣ равновѣсія, но впоследствии онъ отказался отъ этого взгляда. «Около десяти лѣтъ тому назадъ англійскій астрономъ Адамсъ въ Лондонѣ, побуждаемый открытіемъ замедляющаго дѣйствія приливовъ и отливовъ, представилъ доказательства, что вычисленіе Лапласа относительно полнаго постоянства звѣзднаго дня не абсолютно точно, и что скорость вращенія земли скорѣе уменьшается, а слѣдовательно звѣздный день начинаетъ возрастать. Конечно, это для тысячелѣтій составляетъ всего лишь небольшую дробь секунды (именно— $\frac{1}{100}$  секунды на тысячу лѣтъ!), такъ что мы можемъ лишь удивляться тонкости человеческого ума, которому удалось констатировать даже такую минимальную величину»<sup>43</sup>).

Такимъ же непремѣннымъ условіемъ вѣчной неизмѣнности движенія планетъ, какъ абсолютная твердость небесныхъ тѣлъ, является и абсолютная пустота пространства, въ которомъ они двигаются, или по крайней мѣрѣ полное отсутствіе сопротивленія эира, который, какъ мы предполагаемъ, наполняетъ его. Но повидимому и это условіе отсутствуетъ.

Комета Энке какъ бы на нашихъ глазахъ описываетъ все меньше эллипсисы вокругъ солнца, и для объясненія этого явленія нѣтъ болѣе естественной причины, какъ принятіе оказывающей сопротивленіе среды. Здѣсь нѣтъ, конечно, принудительности необходимой дедукціи, однако имѣется одно наблюденіе, которое заставляетъ насъ считать существованіе сопротивляющейся среды по крайней мѣрѣ вѣроятнымъ. Но уже изъ одного факта сопротивленія ээира, какъ бы мало оно ни было, вытекаетъ все дальнѣйшее <sup>44</sup>).

Затѣмъ, непреложень также и тотъ выводъ, что солнечная теплота не можетъ существовать вѣчно. Отъ этого вывода нельзя уклониться тѣмъ, что мы станемъ отрицать огненное состояніе солнца, а источникомъ теплоты будемъ считать вѣчное треніе между солнцемъ—съ одной стороны и оболочкой, ээиромъ или чѣмъ нибудь въ этомъ родѣ—съ другой. Большинство подобныхъ рода предположеній уже и безъ того стало невозможнымъ, благодаря столь ревностному въ новѣйшее время изученію солнца. Болѣе вразумительна теорія, объясняющая сохраненіе солнечной теплоты постояннымъ паденіемъ на него метеоритовъ и небольшихъ небесныхъ тѣлъ; однако и изъ этой теоріи никакая устойчивость не вытекаетъ. Еще въ меньшей степени говорить за это воззрѣніе Гельгольца, которое мы можемъ считать самымъ правильнымъ; онъ полагаетъ, что главный источникъ солнечной теплоты и теперь еще слѣдуетъ искать въ притяженіи <sup>45</sup>). Солнце сжимается, объемъ его уменьшается, и при этомъ механическая сила превращается въ теплоту. Но само собою разумѣется, что этотъ процессъ когда нибудь кончится. Нельзя представить себѣ движенія, которое производитъ теплоту безъ всякаго участія какихъ либо другихъ силъ. Поэтому какой бы мы гипотезы касательно солнечной теплоты ни придерживались, мы всегда придемъ къ тому, что источникъ этой теплоты конечный, между тѣмъ какъ трата безконечна. Мы необходимо придемъ къ выводу, что втеченіе вѣчныхъ временъ все повидимому неисчерпаемое количество солнечнаго свѣта и теплоты должно не только уменьшиться, но и совершенно исчезнуть.

Наконецъ, простымъ слѣдствіемъ механической теоріи теплоты представляется то, что всякая жизнь во всей вселенной должна погибнуть. Для нашей земли эта гибель совпадаетъ, конечно, съ моментомъ потуханія солнца. Механическая сила всегда можетъ превратиться въ теплоту; теплота же можетъ превратиться въ работу только тогда, когда она переходитъ отъ болѣе теплаго тѣла, къ болѣе холодному. Когда въ какой нибудь системѣ температура выравнивается, то прекращается возможность дальнѣйшихъ превращеній, а слѣдовательно, и всякаго рода жизнь. Содержаніе превращеній, или по Клаузиусу—«энтропія», достигло своего максимума <sup>46</sup>). Но должно ли дѣйствительно распространить этотъ выводъ, построенный на непреложныхъ математическихъ посылахъ, на вселенную въ самомъ строгомъ смыслѣ слова,—это въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ тѣхъ представленій, какія мы составили себѣ о ея безконечности, и такимъ образомъ мы опять попадаемъ въ область, которая по характеру своему трансцендентна. Въ самомъ дѣлѣ, ничто не мѣшаетъ намъ въ воображеніи увеличивать число оттвердѣвшихъ міровыхъ системъ по произволу,—предположить, что онѣ притягиваютъ другъ друга на безконечныхъ разстояніяхъ и затѣмъ изъ ихъ столкновенія вновь создать игру космогонія какъ бы въ увеличен-

номъ масштабѣ. Ничто, повторяемъ, не мѣшаетъ сдѣлать такого рода предположеніе — развѣ только вопросъ имѣемъ ли мы право, на томъ единственномъ основаніи, что мы не можемъ представить себѣ конца вселенной, предполагать дѣйствительное существованіе матеріальной безконечности міровыхъ системъ.

Матеріализмъ уже въ древности училъ о становленіи и исчезновеніи нашего міра, а въ ученіи о безконечности міровъ находилъ то душевное удовлетвореніе, которое дается одною только вѣрой въ устойчивость существующаго. Изъ нынѣшнихъ нашихъ матеріалистовъ Чольбе не пожелалъ довольствоваться этимъ и съ точки зрѣнія душевнаго удовлетворенія постулировалъ вѣчное сохраненіе земной жизни. Категорической императивъ Фейербаха: «Удовлетворяйся даннымъ міромъ!» кажется ему невыполнимымъ до тѣхъ поръ, пока существованіе по крайней мѣрѣ этого даннаго міра не ограждено отъ грозящихъ гибелью выводовъ математиковъ. Но еще большой вопросъ, что лучше съ точки зрѣнія душевнаго спокойствія: вполне завершить свою систему, въ то время какъ фундаментъ ея предоставленъ сильнѣйшимъ потрясеніямъ, — или же разъ навсегда примириться съ предѣломъ знанія и воззрѣнія, по ту сторону котораго всѣ вопросы остаются открытыми. Въ самомъ дѣлѣ, въ виду приведенныхъ выше непреложныхъ выводовъ необходимо признать, что успокоительная система Чольбе построена на пескѣ и потому не можетъ долгое время выполнять свою цѣль, точно также какъ и популярный догматизмъ, который, напротивъ, не хочетъ разстаться съ началомъ и концемъ — съ сотвореніемъ міра и страшнымъ судомъ. Какъ скоро мы поднимемся надъ этой точкою зрѣнія, какъ скоро мы станемъ искать опорнаго пункта для нашей души въ томъ, что дано, то мы легко достигнемъ того, чтобы находить его не въ вѣчной продолжительности матеріальнаго существованія, а въ вѣчности законовъ природы и въ такой продолжительности существующаго, которая отодвигаетъ отъ насъ мысль объ его уничтоженіи на достаточно далекое разстояніе. Архитектоническая же наклонность разума будетъ удовлетворена, если раскрыть передъ нимъ прелесть міросозерцанія, которое не имѣетъ болѣе никакой чувственной опоры, но и не нуждается въ ней, ибо — все абсолютное изгнано. Разумъ будетъ помнить, что весь этотъ міръ отношеній обусловленъ природою нашей познавательной способности. И если мы постоянно приходимъ къ тому, что познаніе наше открываетъ намъ не вещи сами по себѣ, а лишь отношеніе ихъ къ нашимъ чувствамъ, то это отношеніе будетъ тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ оно чище; можно даже сказать, что родство этого познанія съ законнымъ построеніемъ (*Dichtung*) абсолюта тѣмъ глубже, чѣмъ свободнѣе оно отъ произвольныхъ примѣсей.

Но почти еще болѣе, чѣмъ происхожденіемъ вселенной, мыслящій духъ уже съ давнихъ временъ былъ занятъ вопросомъ о происхожденіи организмовъ. Для исторіи матеріализма вопросъ этотъ пріобрѣтаетъ значеніе уже потому, что онъ образуетъ переходъ къ антропологическимъ вопросамъ, вокругъ которыхъ матеріалистическій споръ по преимуществу вращался. Матеріалистъ требуетъ постижимаго міра; для него достаточно, если можно понимать явленія такимъ образомъ, что сложное происходитъ изъ простаго. большое изъ малаго, многообразное движеніе изъ простой механики. Онъ полагаетъ, что со всѣмъ остальнымъ легко справиться,



или вѣрнѣе—онъ не замѣчаетъ тѣхъ трудностей, которыя обнаруживаются лишь тогда, когда постижимый мѣръ теоретически настолько обоснованъ, что законъ причинности уже не можетъ требовать себѣ болѣе никакой жертвы. И въ этой области материализмъ черпалъ пищу изъ такого источника, который долженъ быть признанъ со всякой разумной точки зрѣнія; однако, до самаго послѣдняго времени именно происхождение организмовъ было такимъ пунктомъ, въ которомъ настойчиво искали опоры противники материализма. Въ особенности полагали, что первое зарождение организмовъ необходимо приводить къ трансцендентному акту творенія, а въ устройствѣ и сохраненіи органическаго міра усматривали все новую поддержку для телеологіи. Уже съ самымъ названіемъ—«органической», «живой»—связывалась часто нѣкоторая оппозиція противъ материалистическихъ воззрѣній, такъ какъ полагали, будто мы въ этой области имѣемъ передъ собою высшую, духовно дѣйствующую силу, какъ бы воплощенную противоположность механизма мертвой природы.

Въ средніе вѣка, а еще болѣе въ началѣ новаго времени, покуда именно господствовало вліяніе Парацельза и ванъ-Гельмонта, между органическимъ и неорганическимъ не усматривали такой пропасти, какъ въ послѣднія столѣтія. Весьма широко распространено было воззрѣніе, что вся природа одушевлена. Если уже по мнѣнію Аристотеля лягушки и змѣи происходятъ изъ ила, то при господствѣ алхиміи это могло считаться даже вполне естественнымъ. Для того, кто даже въ металахъ находилъ какихъ-то духовъ, а въ смѣшеніи ихъ видѣлъ процессъ броженія, — возникновеніе жизни не могло представлять никакихъ особенныхъ трудностей. Хотя въ общемъ и вѣрили въ неизмѣняемость видовъ (догматъ этотъ ведетъ свое происхождение прямо изъ Ноева ковчега), но къ возникновенію новыхъ существъ этотъ принципъ примѣнялся не слишкомъ строго, а развитіе низшихъ организмовъ изъ неорганической матеріи допускалось въ весьма широкихъ размѣрахъ. Оба эти догмата вѣры сохранились и до сего дня: одинъ—главнымъ образомъ среди профессоровъ, другой—среди крестьянъ и извозчиковъ. Первые вѣруютъ въ неизмѣняемость видовъ и чуть ли не около двадцати лѣтъ стараются почерпнуть доказательство своего вѣрованія въ строеніи рта улитки; вторые въ личномъ опытѣ постоянно находятъ подтвержденіе, что изъ опилокъ и тому подобныхъ ингредиентов происходятъ блохи. Въ этой области наука издѣтъ чѣмъ въ другихъ, пришла къ тому, чтобы извести такого рода догматы на степень гипотезъ и нѣкоторыми опытами и наблюденіями обуздать обширный потокъ мнѣній.

Вопросъ, который намъ прежде всего предстоитъ разрѣшить, еще и теперь служитъ предметомъ ожесточеннаго спора: вопросъ этотъ — о произвольномъ зарожденіи (*generatio aequivoca*). Карлъ Фохтъ далъ намъ забавный отчетъ о томъ спорѣ, который происходилъ въ Парижѣ между Пастѣромъ и союзными его противниками — Пуше, Жоли и Мюссе: тутъ и озлобленіе теологовъ, и драматическіи эффектъ, напминающій магистерскіе диступы пятнадцатаго вѣка. На сторонѣ Пастѣра — академія и ультрамонтаны. Оспаривать возможность произвольнаго зарожденія считалось консервативнымъ, Всѣ старые научные авторитеты единодушно держались того взгляда, что безъ яйца или сѣмени никоимъ образомъ невозможно возникновеніе органическаго суще-

ства. *Omne vivum ex ovo* (все живое изъ яйца) — научный догматъ вѣры. Почему однако на этой же сторонѣ оказались и ортодоксы? Не для того ли, чтобы выставить нѣчто абсолютно непостижимое и отстаивать наперекоръ разуму и чувственности чисто мистическое твореніе? Древняя ортодоксія, по почину Св. Августина, занимала совершенно иную точку зрѣнія — такъ сказать, среднюю между обоими названными. Она вовсе не пренебрегала тѣмъ, чтобы представлять себѣ вещи какъ можно болѣе наглядно. Августинъ училъ, что съ самаго начала міра существовали двоякаго рода сѣмена живыхъ существъ: видимыя — которыя Творецъ заложилъ въ животныхъ и растеніяхъ, для того чтобы они могли размножаться, каждое въ предѣлахъ своего рода, и невидимыя — которыя сокрыты во всѣхъ элементахъ и становятся дѣятельными лишь при особыхъ условіяхъ смѣшенія и температуры. Вотъ это-то сѣмяначала скрытое въ элементахъ сѣмя и производитъ въ большомъ количествѣ животныхъ и растенія безъ всякаго содѣйствія готовыхъ организмовъ.

Эта точка зрѣнія была бы для ортодоксіи весьма удобна: она даже безъ большого труда могла быть видоизмѣнена настолько, что при современномъ состояніи науки ее можно было бы отстаивать наравнѣ съ каждою изъ двухъ спорящихъ догмъ. Но подобно тому, какъ въ пылу борьбы сражающійся отчасти по необходимости, отчасти же и случайно мѣняетъ свою позицію, точно также это происходитъ и въ великомъ ходѣ научныхъ споровъ. Здѣсь играетъ роль матеріализмъ прошлаго вѣка. Когда пытались объяснить жизнь изъ безжизненнаго, душу изъ матеріи, то мнимое возникновеніе насѣкомыхъ изъ гниющихъ веществъ ставилось въ одинъ рядъ съ оживленіемъ мертвыхъ гнѹхъ при помощи соли, съ произвольными движеніями обезглавленныхъ птицъ и другими инстанціями въ защиту матеріалистическаго воззрѣнія. Друзья телеологіи и естественной теологіи, приверженцы дуализма духа и природы избрали поэтому своею тактикою полное отрицаніе произвольнаго зарожденія насѣкомыхъ и инфузорій, и борьба мѣтній, какъ это часто бываетъ въ исторіи знанія, повела къ плодотворнымъ и остроумнымъ экспериментамъ, которыми матеріалисты были побѣждены. Съ тѣхъ поръ какъ Бонне, имѣвшій обширный кругъ читателей и почитателей, въ своихъ «Размышленіяхъ о природѣ» опровергъ *generatio aequivoca*, придерживаясь положенія «*omne vivum ex ovo*» стало считаться спиритуализмомъ, и въ этомъ пунктѣ ортодоксія болѣе или менѣе находилась въ согласіи съ результатами точнаго изслѣдованія. Кажется даже, что и до самаго послѣдняго времени положеніе это становится тѣмъ болѣе безспорнымъ, чѣмъ точнѣе и тщательнѣе ведется изслѣдованіе.

Новое открытіе привело метафизику въ какое-то безумное состояніе. Изъ него вывели заключеніе, что при естественномъ размноженіи всѣ будущія поколѣнія должны уже заключаться въ яйцѣ или въ сѣмянной нити, а профессоръ Мейеръ въ Галлѣ съ такою наивною наглядностью проводилъ эту «систему преформации», что мы поступили бы несправедливо по отношенію къ нашимъ читателямъ, если бы не привели здѣсь образчика его разсужденій:

«Такимъ образомъ», говоритъ профессоръ, «Адамъ носилъ бы уже въ своихъ чреслахъ всѣхъ людей, а слѣдовательно, и ту сѣмянную нить, изъ которой произошелъ Авраамъ. И въ этой сѣмянной нити лежали уже въ видѣ сѣмянныхъ нитей всѣ евреи. Когда же Авраамъ произвелъ Исаака, то Исаакъ вышелъ изъ тѣла своего отца и взялъ съ собою весь родъ его

потомковъ.» <sup>47)</sup> Оставшіяся неизрасходованными сѣмяныя нити, которымъ охотно отпускали немного души, послужили, понятно, поводомъ къ еще болѣе дикимъ фантазіямъ, которыя здѣсь насъ мало интересуютъ.

Въ новѣйшее время Шваннъ доказалъ, что клѣточка есть истинная составная часть всѣхъ органическихъ образований, и цѣлымъ рядомъ опытовъ выяснилъ, что при кажущемся возникновеніи организмовъ путемъ *generatio aequivaca* всегда надо предположить присутствіе яицъ или зародышевыхъ клѣтокъ. Его способъ доказательства въ общемъ считался превосходнымъ, но одинъ изъ нашихъ матеріалистовъ Карлъ Фохтъ совершенно ясно высказалъ сомнѣніе въ его убѣдительности — еще задолго до того, какъ старый споръ возгорѣлся во Франціи съ новою силою. Заимствуемъ изъ его «Картинъ изъ жизни животныхъ» (1852) ходъ мыслей его тонкой и обстоятельной критики.

Инфузоріи возникаютъ тогда, когда приходятъ въ соприкосновеніе воздухъ, вода и органическое вещество. Шваннъ принялъ мѣры къ тому, чтобы уничтожить въ этихъ составныхъ частяхъ всѣ органическіе зародыши. Если затѣмъ онѣ будутъ герметически закупорены, и въ нихъ все же возникнутъ инфузоріи, то *generatio aequivaca* доказана. Онъ кипятилъ въ колбѣ сѣно съ водою, пока не только вся жидкость, но и воздухъ въ колбѣ не были нагрѣты до точки кипѣнія. Извѣстно было, что въ закупоренныхъ колбахъ инфузоріи не возникаютъ. Когда черезъ такую колбу пропускали обыкновенный воздухъ, то не смотря на предшествующее кипяченіе всегда появлялись инфузоріи. Когда же пропускали воздухъ, предварительно прошедшій черезъ раскаленную трубку, сѣрную кислоту или ѣдкое кали, то инфузоріи никогда не появлялись. Принимаютъ, что всѣ эти средства не измѣняютъ состава воздуха. Но это вѣрно только приблизительно. Атмосферный воздухъ содержитъ не только кислородъ и азотъ. «Въ немъ находится извѣстное количество углекислоты, водяныхъ паровъ и амміака, а быть можетъ, еще и многія другія вещества въ крайне ничтожномъ количествѣ. Всѣ эти вещества болѣе или менѣе разлагаются и поглощаются тѣми дѣйствующими средствами, которыя были примѣнены: углекислота — ѣдкимъ кали, амміакъ — сѣрною кислоту. Нагрѣваніе воздуха должно имѣть особенное вліяніе на расположеніе его молекулъ... Въ химіи мы имѣемъ очень много случаевъ, когда незначительныя съ виду обстоятельства являются условіями какого либо соединенія или разложенія... Возможно, что именно опредѣленное количество амміака или углекислоты, то или иное расположеніе или напряженіе молекулъ въ атмосферѣ необходимы для того, чтобы дать толчекъ и провести до конца процессъ новообразования организма. Такимъ образомъ условія, въ которыхъ находятся обѣ колбы, не совсѣмъ одинаковы, а потому и опытъ оказывается не совсѣмъ убѣдительнымъ». Это разсужденіе въ самомъ дѣлѣ доказываетъ несостоятельность опытовъ Шванна, и вопросъ долженъ былъ считаться открытымъ, тѣмъ болѣе что цѣлый рядъ вѣскихъ соображеній говоритъ противъ предположенія, будто всѣ зародыши безчисленныхъ инфузорій, которыя появлялись при этихъ опытахъ, носятя въ воздухѣ воплѣтъ жизнеспособными. Эренбергъ принималъ такое размноженіе инфузорій, которое, развываясь въ геометрической прогрессіи, могло будто бы населить воду втеченіе нѣсколькихъ часовъ. Фохтъ, напротивъ, указалъ на невѣроятность этой гипотезы <sup>48)</sup>. Въ новѣйшее время начали систе-

матически собирать носящіяся въ воздухѣ частицы пыли, прежде чѣмъ продолжать опытъ. Пастёръ бросаетъ свое скопище мнимыхъ зародышей и яицъ въ назначенныя для опыта жидкости и полагаетъ, что такимъ образомъ съѣтъ инфузори и грибки; Плуже (Pouchet) предварительно разсматриваетъ это скопище. «Онъ пропускаетъ черезъ воду сотни кубическихкихъ метровъ воздуха и изслѣдуетъ эту воду; онъ изобрѣтаетъ особый инструментъ, направляющій струю воздуха на стеклянныя пластинки, къ которымъ содержащія сѣмя пылинки прилипаютъ; онъ изслѣдуетъ осѣдающую изъ воздуха пыль, и эти опыты онъ продѣлываетъ какъ на линіи вѣчныхъ свѣговъ Маладетты въ Пиринейяхъ, такъ и въ Фивскихъ катакомбахъ, на сушѣ и на морѣ, на египетскихъ пирамидахъ и на шпилѣ Руанскаго собора». Онъ такимъ образомъ притащилъ со всѣхъ сторонъ множество инвентарей воздуху, въ которыхъ хотя и можно найти все, что угодно, но лишь крайне рѣдко—спору плѣсеневаго грибка, а еще рѣже — мертвый трупъ инфузори.

Такимъ образомъ, послѣ всего этого результатъ былъ тотъ, что не смотря на множество затраченнаго труда, произвольное зарожденіе и до сихъ поръ осталось не доказаннымъ. Опыты Шванна видоизмѣнялись на самыя различныя лады; но всякій разъ, когда получалось какъ будто произвольное зарожденіе, болѣе точныя опыты убѣждали, что не была исключена возможность перенесенія зародышей. Больше всего вниманія возбуждали къ себѣ въ послѣднее время опыты Бастіана и Гуинцинга. Послѣдніе особенно подкупали тѣмъ, что послѣ десятиминутнаго кипяченія жидкости въ хорошо запаянной стеклянной колбѣ появлялись бактеріи, притомъ только бактеріи, такъ что по крайней мѣрѣ для двухъ простѣйшихъ организмовъ надо было, повидимому, признать произвольное зарожденіе; однако въ лабораторіи Пфлюгера та же жидкость и при томъ же способѣ закупорки подвергалась нагрѣванію до температуры кипѣнія въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, и тогда по охлажденіи бактерій не образовалось. Оставалась, слѣдовательно, возможность, что въ жидкости были зародыши, которые не были убиты десятиминутнымъ кипяченіемъ, болѣе же продолжительному нагрѣванію они противостоятъ не могли<sup>49</sup>).

Но при этомъ необходимо, конечно, принять во вниманіе и то, что продолжительное кипяченіе могло уничтожить и другія, въ настоящее время неизвѣстныя намъ условія существованія бактерій, и слѣдовательно, этотъ опытъ вовсе не непременно доказываетъ, что въ жидкости дѣйствительно находились зародыши, которые въ первомъ случаѣ развились, а во второмъ были уничтожены. Послѣ всѣхъ этихъ опытовъ мы такимъ образомъ остаемся при томъ, что произвольное зарожденіе не доказано, хотя точно также не доказана и его невозможность.

Новая возможность для возникновенія организмовъ, казалось, появилась съ открытіемъ монаръ—тѣхъ безформенныхъ и, насколько можно судить объ этомъ при нашихъ средствахъ изысканія, лишенныхъ всякаго строенія комочковъ протоплазмы, которые сохраняются, питаются и размножаются, не обладая для этихъ функцій какими бы то ни было опредѣленными органами. Геккель, который считаетъ произвольное зарожденіе необходимою, хотя не подтвержденною еще гипотезою, въ этомъ отношеніи возлагаетъ больше всего надеждъ на одно такого рода слизистое существо, живущее въ тихихъ морскихъ глубинахъ: «Даже среди извѣстныхъ до сихъ поръ монаръ существуетъ одинъ видъ, который, быть

можетъ, и теперь еще постоянно возникаетъ путемъ саморожденія. Это— удивительный, открытый и описанный Гексли *Bathybius Naeckelii*. Моноада эта находится «на величайшихъ глубинахъ моря, между 12 и 24 тысячами футовъ, гдѣ она покрываетъ дно отчасти въ видѣ сѣтчатыхъ плазматическихъ пучковъ и сплетеній, отчасти въ видѣ неправильныхъ большей или меньшей величины комковъ протоплазмы».—«Только такіе однородные, еще нерасчлененные организмы, которые по своему одно-видному составу изъ одинаковыхъ частицъ стоятъ на одномъ уровнѣ съ неорганическими кристаллами, могли возникнуть путемъ самозарожденія и могли стать прародителями всѣхъ остальныхъ организмовъ»<sup>50</sup>).

«Если вы не принимаете этой гипотезы самозарожденія», говоритъ онъ немного дальше, «то въ этомъ одномъ пунктѣ теоріи трансформизма вы должны прибѣгнуть къ чуду сверхъестественнаго творенія. Въ такомъ случаѣ Творецъ долженъ былъ бы сотворить первый организмъ или немногіе первые организмы, отъ которыхъ происходятъ всѣ остальные; Онъ долженъ былъ бы во всякомъ случаѣ сотворить простѣйшія монеры и первобытныя цитоды (*Urcytoden*) и вложить въ нихъ способность «развиваться механическимъ образомъ далѣе». Геккель вполне основательно находитъ, что такое предположеніе «одинаково не удовлетворяетъ ни вѣрующей души, ни научнаго разума». Но можно идти далѣе и утверждать, что такая альтернатива съ методической точки зрѣнія совершенно недопустима. Для научнаго изслѣдованія постижимость міра должна быть аксіомой, а потому если самозарожденіе кажется невѣроятнымъ, то вопросъ о происхожденіи организмовъ просто остается до поры до времени неразрѣшеннымъ. Естественнаго рѣшительно не имѣетъ ни малѣйшаго основанія принять «сверхъестественный» актъ творенія. Пускаться въ такого рода объясненія значить оставить научную почву, чего нельзя допустить въ научномъ изслѣдованіи и о чемъ, стало быть, нечего и упоминать. Тѣмъ, однако, для которыхъ актъ творенія является душевною потребностью, надо предоставить на выборъ: либо уходить съ этимъ въ тѣ темныя закоулки, куда не дошелъ еще свѣтъ науки, либо же возстать противъ всей науки и вопреки правиламъ разума вѣрить въ то, во что имъ заблагоразсудится; либо, наконецъ, если они сѣмѣютъ,—стать на почву идеала и благоговѣнно почитать истеченіемъ божественной силы и мудрости то, что наука называетъ естественнымъ процессомъ. Намъ нѣтъ нужды распространяться здѣсь о томъ, что только послѣдняя точка зрѣнія соотвѣтствуетъ болѣе высокой культурѣ, первая же, хотя она и самая распространенная, но во всѣхъ отношеніяхъ слабѣе.

Но, впрочемъ, дѣло вовсе не обстоитъ такъ, что, отказавшись отъ земного самозарожденія, мы должны отказаться также отъ возможности установить непрерывную причинную связь въ природѣ.

Прежде всего здѣсь слѣдуетъ указать на выставленную недавно англійскимъ физикомъ Вилліамомъ Томсономъ<sup>51</sup>) гипотезу, которая выводитъ происхожденіе организмовъ на землѣ изъ мірового пространства и носителями этихъ организмовъ считаетъ метеоры. «Когда изъ моря выдвигается вулканическій островъ и черезъ нѣсколько лѣтъ покрывается растительностью, то мы не задумываясь принимаемъ, что сѣмя попало на него черезъ воздухъ или же приплыло къ нему на плоткахъ. Развѣ не возможно, развѣ не вѣроятно, что начало растительнаго царства на землѣ объясняется такимъ-же образомъ?»

Томсонъ смотритъ на метеориты какъ на обломки разрушенныхъ и нѣкогда покрытыхъ жизнью міровъ. При столкновеніи такіе обломки могутъ отчасти сохраниться почти не поврежденными, однако большая часть ихъ переходитъ въ расплавленное состояніе. Если принять, «что въ настоящее время, кромѣ нашего міра, существуетъ и существовало съ незапамятныхъ временъ много міровъ, на которыхъ есть жизнь», то «мы должны считать въ высокой степени вѣроятнымъ, что въ пространствѣ движется безчисленное множество носящихъ сѣмена метеоритовъ. Если бы въ настоящій моментъ на землѣ не существовало жизни, то камень, который упалъ бы на нее, путемъ такъ называемой естественной причины повелъ бы къ тому, что она покрылась бы растительностью».

Целльнеръ пытается доказать ненаучность этой гипотезы, во первыхъ, съ формальной стороны; она только отодвигаетъ вопросъ и запутываетъ его. Надо бы спросить: почему же это разрушенное небесное тѣло покрылось живыми существами, а наша земля нѣтъ? Затѣмъ, и по существу ненаучно считать метеориты носителями сѣмянъ, ибо они вслѣдствіе тренія при прохожденіи черезъ нашу атмосферу раскаляются.

Гельмгольцъ, который защищаетъ гипотезу Томсона противъ упрека въ ненаучности, напоминаетъ о томъ, что въ большихъ метеорныхъ камняхъ нагрѣваются только верхніе слои, между тѣмъ какъ центральныя части, въ щеляхъ которыхъ отлично могутъ заключаться такія сѣмена, остаются холодными. Но и поверхностно лежащія сѣмена были бы сдуты съ метеорита при вступленіи его въ самые верхніе слои атмосферы, прежде чѣмъ нагрѣваніе могло достигнуть такой степени, которая уничтожающимъ образомъ дѣйствуетъ на живое существо. Гельмгольцъ, который еще до Томсона упоминалъ въ научномъ докладѣ объ этой гипотезѣ какъ о допустимой, предоставляетъ впрочемъ каждому считать ее, если угодно, крайне невѣроятною. «Однако», замѣчаетъ онъ, «мнѣ кажется, въ научномъ смыслѣ будетъ вполне правильно, если мы, послѣ того какъ всѣ наши попытки объяснить происхожденіе организмовъ изъ безжизненнаго вещества потерпѣли крушеніе, зададимся вопросомъ: возникла ли вообще когда-нибудь жизнь, не такъ-же ли она стара, какъ и матерія, и не развиваются-ли зародыши ея, перенесенныя съ одного небеснаго тѣла на другое, всюду, гдѣ они находятъ себѣ благоприятную почву?»<sup>52)</sup>

Въ самомъ дѣлѣ, на «формальный» упрекъ Целльнера можно легко возразить, что мы должны представить себѣ землю первоначально безъ растительной жизни по той именно причинѣ, что она предварительно должна была перейти изъ огненно-жидкаго состоянія въ состояніе, допускающее существованіе растительности. Если мы представимъ себѣ, что какое-нибудь другое небесное тѣло продѣлало тотъ-же процессъ, только въ болѣе раннемъ періодѣ, то оно, разумѣется, получило свою жизнь отъ третьяго и т. д. При этомъ вопросъ, конечно, отодвигается, но вовсе не становится запутаннымъ. Во всякомъ случаѣ мы обходимъ тотъ подводный камень, на который объясненіе органической жизни наталкивается въ Кантовской гипотезѣ уплотненія. Мы оказываемся, посреди процесса, теряющагося въ безконечности, а такого рода «отодвиганіе» имѣетъ то преимущество, что неразрѣшенное затрудненіе попадаетъ въ хорошее общество. Происхожденіе жизни становится такимъ образомъ такъ-же объяснимымъ и такъ-же необъяснимымъ, какъ и происхожденіе міра, вообще: оно попадаетъ

въ область трансцендентныхъ вопросовъ, а это съ методической точки зрѣнія вполне допустимо, разъ только естественная наука имѣетъ основаніе считать такую теорію перенесенія относительно вѣроятнѣйшею—въ предѣлахъ области своего познанія.

Целльнеръ вполне согласенъ съ Геккелемъ въ томъ, что отрицать *generatio aequivoca* по апіорнымъ основаніямъ можно только, уничтоживши законъ причинности. Но вмѣсто того, чтобы наряду съ этимъ допустить также возможность сверхъестественнаго акта творенія, онъ полагаетъ, что вопросъ уже рѣшенъ дедуктивнымъ путемъ, и считаетъ даже недостаткомъ гносеологическаго образованія то, что естествоиспытатели придаютъ такое большое значеніе индуктивному доказательству самозарожденія. Онъ дѣлаетъ съ формальной стороны вполне правильное замѣчаніе, что какъ бы мы ни усовершенствовали свои опыты, мы все же абсолютно не можемъ оградить себя отъ теоріи зародышей, такъ какъ въ концѣ концовъ никому вѣдь нельзя запретить утверждать, что «органическіе зародыши по величинѣ относятся къ той же группѣ, что и атомы эфира, и вмѣстѣ съ послѣдними проходятъ черезъ промежутки между матеріальными молекулами, составляющими стѣнки нашихъ аппаратовъ». Пока-же, однако, мы можемъ смотрѣть на это замѣчаніе въ лучшемъ случаѣ лишь какъ на сатиру, направленную противъ той самоувѣренности, съ какою Пастѣръ и другіе подобные ему догматики на основаніи своихъ опытовъ считаютъ *generatio aequivoca* окончательно опровергнутою. Но никому, конечно, не придетъ въ голову серьезно выступить съ такою гипотезою, разъ мы видимъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ жидкость въ закупоренномъ сосудѣ можетъ въ теченіе даже очень продолжительнаго времени оставаться безъ малѣйшаго признака жизни.

Такимъ образомъ индуктивное изслѣдованіе здѣсь вовсе не такъ беззащитно, разъ что оно получаетъ различные результаты при различныхъ пріемахъ и можетъ ихъ сравнивать. Кромѣ того выставленный Целльнеромъ принципъ успокоенія на аксіомѣ постижимости міра можно принять не безъ серьезныхъ оговорокъ. Если Целльнеръ поступаетъ правильнѣе Геккеля въ томъ отношеніи, что допущеніе непостижимаго возникновенія онъ считаетъ не стоящимъ вовсе упоминанія, то Геккель съ другой стороны правъ, стараясь хотя бы на основаніи смѣлой гипотезы составить себѣ наглядное представленіе о томъ, какъ дѣло могло бы произойти: Гелмгольцъ вполне основательно напоминаетъ о томъ, что Целльнеръ вступаетъ здѣсь на столь опасный для естествоиспытателя путь метафизики, и указываетъ, что правильная альтернатива должна быть поставлена такъ: «либо органическая жизнь начала существовать съ какого нибудь опредѣленнаго момента времени, либо она существуетъ испоконъ вѣку».

Если оставить здѣсь въ сторонѣ критическое отношеніе къ понятію безконечности, то вопросъ поставленъ правильно; но и въ этомъ случаѣ можно настойчиво рекомендовать изслѣдованію слѣдующее правило: не отказываться отъ поисковъ доказательства земнаго происхожденія организмовъ, дабы болѣе удобное отодвиганіе этого вопроса съ земли на всю вселенную не могло, подобно метафизическому настроенію, препятствовать успѣху эмпирическаго знанія.

Упомянемъ еще въ заключеніе о воззрѣніи Фехнера, который въ брошюрѣ, отличающейся богатствомъ мысли, но не менѣе богатой гипотезами, старается доказать, что органическія молекулы болѣе древни, не-

жели неорганическія, и что «по принципу возрастающей устойчивости» послѣднія могли произойти отъ первыхъ, а не наоборотъ. Но вся эта теорія основана однако на предположеніи, что частички въ молекулы находятся въ состояніи движенія — предположеніи, которое еще сильно нуждается въ подтвержденіи, если только таковое вообще можетъ быть когда нибудь найдено<sup>53</sup>).

Во всей этой области естествознаніе можетъ, вообще говоря, идти по одному единственному пути, и если пожелаютъ назвать этотъ путь материалистическимъ, то не слѣдуетъ забывать указанныхъ въ предыдущихъ главахъ предѣловъ материалистическаго міровоззрѣнія. Здѣсь только одинъ пунктъ напоминаетъ объ этихъ предѣлахъ и о критической точкѣ зрѣнія теоріи познанія: это именно понятіе безконечности — какъ въ его примѣненіи къ существующимъ небеснымъ тѣламъ и къ образующимъ вселенную веществамъ, такъ и въ отношеніи къ ряду временныхъ моментовъ въ вопросѣ: есть ли начало или его нѣтъ, и какъ осуществить то или другое предположеніе въ представленіи. Но мы отказываемся однако и въ данномъ случаѣ подробно останавливаться на субъективномъ происхожденіи этихъ понятій и показать, что они могутъ найти себѣ удовлетворительное объясненіе только въ «мірѣ какъ представленіи». У насъ будутъ еще болѣе удобные случаи противопоставить идеалистическую точку зрѣнія материалистической; здѣсь же достаточно констатировать то, что во всей области объясненія природы, поскольку дѣло идетъ объ отношеніяхъ между явленіями, истинный идеализмъ не въ меньшей мѣрѣ идетъ рука объ руку съ естествознаніемъ, чѣмъ это когда либо въ состояніи былъ материализмъ.

---

#### IV. Дарвинизмъ и телеологія.

Когда вышло въ свѣтъ первое изданіе этой книги, дарвинизмъ былъ еще новъ; враждующія стороны едва только начали занимать свои позиціи, или, вѣрнѣе говоря, быстро возроставшая партія «нѣмецкихъ дарвинистовъ» только еще зарождалась, а реакція, которая теперь видитъ въ дарвинизмѣ опаснѣйшую угрозу старому міросозерцавію, въ то время не была еще въ полномъ вооруженіи, такъ какъ не успѣла еще должнымъ образомъ оцѣнить все значеніе этого великаго вопроса и внутреннюю мощь новаго ученія.

Съ тѣхъ поръ интересъ и друзей и недруговъ сосредоточился на этомъ пунктѣ въ такой мѣрѣ, что не только возникла обширная литература о Дарвинѣ и дарвинизмѣ, но можно даже утверждать, что дарвинистическій споръ въ настоящее время является тѣмъ же, чѣмъ въ свое время былъ споръ материалистическій. — Хотя Бюхнеръ все еще находитъ для своей «Силы матеріи» новыхъ читателей, однако каждое новое изданіе этой книги уже не сопровождается болѣе крикомъ литературнаго негодованія. Моле шотъ, истинный зачинатель новѣйшаго материалистическаго движенія, большою публикой почти забытъ, и даже Карлъ Фохтъ мало упоминается, за исключеніемъ спеціальныхъ вопросовъ ан-



тропологии и отдѣльных незабвенныхъ выраженій его ѣдкаго юмора. Вмѣсто этого вся повременная литература раздѣлилась на двѣ партіи — за и противъ Дарвина; почти ежедневно появляются болѣе или менѣе объемистыя сочиненія о происхожденіи видовъ, объ естественномъ подборѣ, и въ особенности, какъ это легко понять, о происхожденіи человѣка, такъ какъ весьма многіе представители этого особаго вида теряютъ увѣренность въ самихъ себѣ, когда всплываетъ сомнѣніе въ подлинности ихъ родословнаго древа.

Несмотря на это великое движеніе, мы и теперь еще можемъ оставить безъ измѣненія почти все, что мы писали о дарвинизмѣ восемь лѣтъ тому назадъ; однако этимъ однимъ мы, конечно, ограничиться не можемъ. Матеріалъ обогатился—хотя на учныи матеріалъ далеко не въ той пропорціи, что печатная бумага; вопросы специализировались. Въ то время Дарвинъ былъ единственнымъ вліятельнымъ представителемъ не одной только теоріи эволюціи, но, можно почти сказать, и естественнаго объясненія органическихъ формъ вообще. Въ настоящее же время бываетъ такъ, что самыя яростныя нападки на Дарвина и дарвинизмъ исходятъ отъ людей, направляющихъ свои удары исключительно противъ теоріи естественнаго подбора, точно все остальное явилось-бы и помимо Дарвина. Разнообразные отгѣнки во взглядахъ, бывшіе въ то время еще въ зародышѣ, теперь выступили съ полною опредѣленностью и принесли съ собою новые доводы и новыя сомнѣнія. Поэтому то, что мы прежде писали объ этомъ вопросѣ, можетъ теперь служить только нѣкоторымъ общимъ введеніемъ къ болѣе обстоятельному его разбору; но такъ какъ многія наши тогдашнія утвержденія вызвали сочувственныя, также какъ и полемическія замѣчанія, то мы воспроизводимъ ихъ здѣсь въ прежнемъ видѣ, оставляя за собою право сдѣлать необходимыя измѣненія въ примѣчаніяхъ или послѣдующихъ добавленіяхъ.

Быть можетъ, во всей новой наукѣ нѣтъ примѣра столь неосновательнаго и въ то-же время столь явнаго суевѣрія, какъ вѣрованіе въ видъ, и мало есть пунктовъ, въ которыхъ убажкивали бы себя столь беспочвенными аргументаціями, все снова погружаясь въ догматическую спячку<sup>54)</sup>. Почти невозможно понять, какимъ образомъ естествоиспытатель, который втеченіе двадцати лѣтъ специальнозанятъ тѣмъ, чтобы твердо установить понятіе вида, который задается цѣлью создать новый критерій вида въ способности къ размноженію,—во все это время не произвелъ ни одного опыта по этому вопросу, а какъ истый историкъ природы довольствуется критическимъ обзоромъ случайно дошедшихъ преданій. Конечно, и на поприщѣ естествознанія вполне допустимо раздѣленіе труда между опытомъ и критическимъ сопоставленіемъ отдѣльныхъ опытовъ, притомъ въ болѣе широкой степени, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Однако, когда почва до такой степени не тронута, какъ въ вопросѣ объ образованіи вида, то первое критическое положеніе, диктуемое здравымъ смысломъ и естественно-научнымъ методомъ, заключается въ томъ, чтобы и въ этой области, какъ и во всякихъ другихъ, одинъ лишь опытъ можетъ насъ чему-нибудь научить. Но Андрей Вагнеръ настолько сбился съ пути естествознанія, что вообразилъ, будто онъ сдѣлалъ нѣчто очень значительное, когда требовалъ юридическаго доказательства существованія предполагаемыхъ ублюдочныхъ формъ и до предъявленія такового считалъ свои догматы незыблемыми<sup>55)</sup>. Такой приемъ годится лишь въ тѣхъ случаяхъ,

если разсматривать излюбленный предрасудокъ какъ личное достояніе и отражать всякое посягательство на него съ помощью титула давности; однако, съ естествознаніемъ вся эта точка зрѣнія не имѣетъ никакого, даже самаго отдаленнаго, сходства. Одна эта черта достаточо характеризуетъ весь методъ, и входитъ въ обстоятельное разсмотрѣніе его результатовъ было бы легкомысленною тратой времени.

Имѣется цѣлый рядъ несомнѣнно ублюдочныхъ образованій, которыя получились либо благодаря забавѣ любителей, либо случайно. О нихъ сохранились болѣе или менѣе достовѣрные рассказы. На основаніи этого матеріала рѣшается вопросъ: какова плодовитость ублюдковъ при скрещиваніи ихъ—а) между собою и б) съ представителями родовой линіи? Если разобрать относящійся сюда матеріалъ, то съ перваго же взгляда мы убѣждаемся, что относительно перваго пункта (а) не имѣется никакихъ или же весьма мало примѣровъ—либо потому, что имѣлся всего одинъ ублюдокъ, такъ что его нельзя было скрестить съ однороднымъ экземпляромъ, либо потому, что ублюдки различнаго пола раздѣлялись и раздавались, такъ какъ никто и не думалъ дѣлать экспериментовъ для образованія новыхъ видовъ. Относительно же втораго пункта (б) получается та великая истина, что ублюдочныя расы постепенно возвращаются къ расамъ первоначальнымъ, по той именно причинѣ, что ихъ отъ поколѣнія къ поколѣнію постоянно скрещивали только съ одною изъ нихъ. Изъ этого выводятся затѣмъ важное заключеніе, что ублюдки либо совсѣмъ бесплодны, либо могутъ размножаться только при скрещиваніи съ расами предковъ—выводится на томъ основаніи, что для противорѣчащихъ этому данныхъ «нѣтъ законнаго доказательства». Такимъ образомъ противникъ долженъ проиграть процессъ, и инвентарь причудъ спасенъ.

Каждый знаетъ, какъ-бы слѣдовало поступать, еслибы дѣло шло не о спасеніи причуды, а объ открытіи истины—дѣли, которую, казалось-бы, трудно назвать неподходящею для человѣка, двадцать лѣтъ занимающагося вопросомъ о видѣ. Со всею тщательностью, примѣняемою новѣйшимъ естествознаніемъ въ другихъ областяхъ,—тщательностью, которой наука всецѣло обязана своими великими результатами, — слѣдовало-бы искусственно вызвать болѣе значительный рядъ соотвѣтствующихъ помѣсей, напримѣръ, между канарейкой и коноплянкой. Болѣе значительное число необходимо не только для того, чтобы исключить вліяніе случайности и пріобрѣсти вѣрный пріемъ,—оно требуется самымъ существомъ задачи, рѣшеніе которой можетъ быть только относительно точнымъ. Слѣдовало-бы соединить множество паръ однородныхъ ублюдковъ, затѣмъ тѣхъ же ублюдковъ съ представителями отцовской и материнской родовой линіи; даже, слѣдовало бы поставить эти пары въ возможно болѣе одинаковыя условія во всемъ, что касается относительнаго и абсолютнаго возраста, ухода, окружающей обстановки, или методически разнообразить эти условія,—тогда получится результатъ, на основаніи котораго можно будетъ установить кое какія вѣроятныя положенія, и это было бы, конечно, гораздо большею заслугою, чѣмъ двадцатилѣтняя провѣрка Андреемъ Вагнеромъ законной доказанности чуть ли не охотничьихъ анекдотовъ.

Дарвинъ сдѣлалъ огромный шагъ къ завершенію натурфилософскаго міросозерцанія, которое одинаково способно удовлетворить и разумъ и чувство, потому что воззрѣніе это построено на твердомъ фундаментѣ фактовъ и представляетъ единство міра въ величественныхъ чертахъ, не

впадая въ противорѣчіе съ отдѣльными явленіями. Но ученіе Дарвина о происхожденіи видовъ есть только научная гипотеза, нуждающаяся еще въ экспериментальномъ подтвержденіи, и велика будетъ его заслуга, если ему удастся направить духъ методическаго изслѣдованія на такую область, которая этому изслѣдованію обѣщаетъ богатѣйшую жатву, но требуетъ отъ него взамѣнъ величайшаго самоотверженія и выдержки. Нѣкоторые изъ относящихся сюда опытовъ превышаютъ силы и даже самую продолжительность жизни отдѣльныхъ изслѣдователей, и только позднѣйшимъ поколѣніямъ достанется жатва плодовъ, подготовленныхъ нашими современниками. Но именно тутъ познается новый успѣхъ въ великомъ пониманіи задачи науки, и въ правильномъ опредѣленіи этой задачи найдетъ себѣ новую опору чувство единства всего человѣчества и общности его отважныхъ стремленій.

Подобному вліянію теоріи Дарвина на изслѣдованіе способствуетъ не только ясная простота и удовлетворяющая законченность ея основной мысли, которая была уже подготовлена изслѣдованіями и методическими требованіями современности и могла быть легко получена изъ случайныхъ комбинацій различныхъ современныхъ представленій объ этомъ вопросѣ. Несравненно болѣе высокая заслуга лежитъ безъ сомнѣнія въ настойчивомъ изученіи вопроса, который въ 1837 году сильно заинтересовалъ естествоиспытателя, вернушагося домой изъ научнаго кругосвѣтнаго плаванія, и которому онъ съ тѣхъ поръ посвятилъ всю свою жизнь. Богатый матеріалъ, собранный Дарвиномъ большею частью еще не изданъ, — недостааетъ еще ближайшихъ доказательствъ для его положеній, и позднѣйшій болѣе значительный трудъ, по всей вѣроятности, представитъ намъ гигантскую работу этого замѣчательнаго человѣка въ полномъ объемѣ <sup>56</sup>). Многіе воздерживаются отъ сужденія о теоріи Дарвина до появленія этого матеріала, и противъ такой предусмотрительности ничего нельзя возразить, такъ какъ критикѣ предстоитъ еще много работы, чтобы отдѣлить вѣчное отъ преходящаго и субъективнаго въ результатахъ этого упornaго и остроумнаго труда. Необходимо однако замѣтить, что удовлетворительное доказательство превосходной гипотезы ни въ коемъ случаѣ не зависитъ отъ одного только этого матеріала; потребуются самостоятельная дѣятельность многихъ людей и экспериментальный трудъ цѣлыхъ поколѣній, чтобы подтвердить естественный и быи подборъ путемъ искусства и аго, способнаго въ короткое сравнительно время продѣлать работу, на которую природѣ понадобились тысячелѣтія. Съ другой стороны, теорія Дарвина уже въ своей современной формѣ имѣетъ значеніе, далеко переходящее за предѣлы случайно всплывшаго на поверхность вопроса. Нѣтъ ни малѣйшаго сходства между совокупностью его наблюденій и плохими протоколами Вагнера относительно законности разныхъ охотничьихъ разсказовъ. Дарвинъ сумѣлъ привести въ связь со своимъ ученіемъ всю естественную исторію растений и животныхъ, остроумно и тонко комбинируя провѣренныя наблюденія. Всѣ лучи собраны въ одномъ фокусѣ, и богатое развитіе теоріи вводитъ въ потокъ доказательства самыя какъ будто противоположныя явленія органической жизни. Замѣчательнѣйшая сторона трудовъ Дарвина состоитъ именно въ томъ, что это расчлененіе основной мысли, подкрѣпленіе ея множествомъ вспомогательныхъ положеній и гипотезъ почти нигдѣ не обнаруживаетъ ничего произвольнаго и насильственнаго; болѣе того—

нѣкоторыя изъ вспомогательныхъ ученій не только сами по себѣ очевиднѣе, чѣмъ основная мысль, но они такъ же высоки, если не выше и по естественнаучному своему значенію. Мы имѣемъ именно въ виду ученіе о борьбѣ за существованіе и глубокое отношеніе этого ученія къ телеологіи.

Теорія происхожденія видовъ переноситъ насъ въ такую глубокую древность, которая черезъ одно то пріобрѣтаетъ характеръ недоступной изслѣдованію эпохи, что здѣсь миѣческимъ вымысламъ можно противопоставить только сумму возможностей, самая величина которой крайне понижаетъ вѣроятность каждой возможности. Напротивъ борьба за существованіе развертывается предъ нашими глазами, хотя впечатлѣніе столѣтій ускользнуло отъ вниманія эпохи, столь страстно преданной научнымъ изысканіямъ. Одинъ изъ рецензентовъ Изиды Раденгаузена — этой удачной, хотя и не особенно глубокой, натуралистической системы послѣднихъ лѣтъ<sup>57</sup>). дѣлаетъ замѣчаніе, показывающее намъ, какъ трудно даже свободному отъ предразсудковъ наблюдателю уразумѣть настоящее положеніе вопроса, въ такое время, когда всякій, способный окинуть его однимъ взглядомъ, необходимо долженъ притти къ совершенно яснымъ выводамъ. Раденгаузенъ пользуется ученіемъ Дарвина, чтобы вывести изъ него такія заключенія, которые совпадаютъ съ радикальною оппозіціей древняго Эмпедокла противъ телеологіи, но онъ признаетъ, что полного доказательства для ученія Дарвина еще не существуетъ. Двѣ фразы изъ рецензіи, появившейся въ «Literarisches Centralblatt», даютъ намъ поводъ къ замѣчаніямъ, безъ которыхъ мы во всякомъ случаѣ не могли бы обойтись. «Предпочитають», говоритъ анонимный авторъ, «вмѣсто цѣлесообразной или чудотворно дѣйствующей внѣ-міровой причины ставить возможность счастливыхъ случайностей, и въ прогрессивномъ развитіи того, что зачалось благодаря счастливому случаю, находятъ возмѣщеніе за то, что всѣ явленія міра въ своемъ послѣднемъ основаніи оказываются лишенными смысла и цѣли, а красота и добро находятся не въ началѣ, а въ концѣ процесса, или по крайней мѣрѣ появляется въ срединѣ пути... Но пока все это еще не доказано, позволительно себя спросить, не представляются ли гипотезы, выдвигаемыя этимъ естественно-научнымъ міровоззрѣніемъ, столь же отважными и смѣлыми, какъ и предположенія міровоззрѣнія телеологического».

Этотъ рецензентъ типиченъ; большая часть тѣхъ, которые считаютъ своей обязанностью крѣпко держаться телеологіи противъ новѣйшаго естествознанія, придирчиво указываютъ на пробѣлы науки, не замѣчая при этомъ, что по крайней мѣрѣ до сихъ поръ существовавшая форма телеологіи, антропоморфическая, вполне опровергнута фактами, — совершенно независимо отъ того, можно ли считать натуралистическую точку зрѣнія доказанною, или нѣтъ. Вся телеологія коренится въ воззрѣніи, что создатель міровъ дѣйствуетъ такъ, что человѣкъ долженъ по аналогіи съ человѣческимъ разсудкомъ признать его образъ дѣйствій цѣлесообразнымъ. Таковъ въ существѣ взглядъ Аристотеля, и даже еще пантеистическое ученіе объ «имманентной» цѣли, крѣпко держится понятія цѣлесообразности, соответствующей человѣческому идеалу, хотя и отрицается существованіе внѣ-міровой личности, которая по образу человѣка замышляетъ опредѣленную цѣль и затѣмъ приводитъ ее въ исполненіе. Но теперь несомнѣнно, что природа въ одномъ отношеніи поступаетъ

такъ, что ея способъ дѣйствія не имѣетъ ничего общаго съ человѣческою цѣлесообразностью. Главнѣйшее средство, которымъ она пользуется, если измѣрять его масштабомъ человѣческаго разсудка, можетъ быть только приравнено слѣпому случаю. Этотъ пунктъ уже и теперь вполне доказанъ; факты такъ ясно и согласно свидѣтельствуютъ о немъ въ самыхъ различныхъ областяхъ, что нѣтъ болѣе мѣста міровоззрѣнію, находящемуся въ противорѣчій съ этими фактами и съ ихъ необходимымъ значеніемъ.

Если бы человѣкъ, чтобы застрѣлить зайца, разбросалъ бы на большой равнинѣ по всѣмъ направленіямъ милліоны ружейныхъ снарядовъ, если бы онъ, чтобы проникнуть въ запертую комнату, накопилъ бы десять тысячъ различныхъ ключей и всѣ бы ихъ перепробовалъ; если бы онъ, чтобы построить домъ, воздвигъ бы цѣлый городъ, а лишніе дома предалъ бы вѣтру и непогодѣ—то, конечно, никто такой образъ дѣйствій не назоветъ цѣлесообразнымъ, а еще менѣе будетъ искать въ немъ высшей мудрости, таинственныхъ основаній и особенной разумности<sup>58</sup>). Но кто въ новѣйшемъ естествознаніи ознакомится съ законами сохраненія и продолженія видовъ—даже такихъ, цѣль существованія которыхъ намъ совершенно непонятна, какъ, напримѣръ, глистовъ,—тотъ вездѣ и всюду найдетъ необычайную трату жизненныхъ сѣмянъ. Отъ цвѣточной пыли растений до оплодотвореннаго сѣмьчка, отъ сѣмьчка до развитія зародыша растенія, отъ этого послѣдняго до періода полного роста, когда появляются новыя сѣмена мы видимъ повторяющееся дѣйствіе одного и того же механизма, который обрекаетъ на гибель тысячи рожденій и поддерживаетъ жизнь.—насколько мы ее видимъ вокругъ насъ,—случайнымъ совпаденіемъ благоприятныхъ условій. Гибель жизненныхъ сѣмянъ, безуспѣшность начинаній—это общее правило; а то, что называютъ «естественнымъ развитіемъ», оказывается только частнымъ случаемъ между тысячами другихъ; это—исключеніе, и оно-то создастъ ту природу, цѣлесообразному сохраненію которой удивляется близорукій приверженецъ телеологіи. «Мы видимъ только внѣшній обликъ природы»—говоритъ Дарвинъ—«ея блестящую поверхность, мы часто замѣчаемъ избытокъ средствъ питанія, но не видимъ или забываемъ, что птицы, беззаботно поющія вокругъ насъ, кормятся насѣкомыми или сѣменами и такимъ образомъ постоянно уничтожаютъ жизнь, или забываемъ, какъ сильно эти пѣвцы или ихъ яйца, ихъ птенцы истребляются хищными птицами и другими животными; мы упускаемъ изъ виду, что ежегодно въ извѣстный періодъ обнаруживается недостатокъ корма, который теперь находится въ изобиліи». Борьба за каждый клочекъ земли, удача или неудача въ преслѣдованіи и истребленіи чужой жизни—вотъ отъ чего зависитъ распространеніе растительныхъ и животныхъ видовъ. Человѣческой разумъ не знаетъ другого идеала, кромѣ какъ сохраненіе и усовершенствованіе разъ зародившейся жизни,—и этотъ идеалъ связанъ съ ограниченіями рождаемости и смертности. Въ природѣ же равновѣсіе поддерживается дѣйствіями двухъ противоположныхъ силъ—обильной плодовитости и непрестаннаго вымиранія. Вѣдь и для «цивилизованнаго» міра политическая экономія раскрыла печальный законъ, что нищета и недостатокъ пищи являются великими регуляторами роста населенія; затѣмъ, даже въ области духа методъ природы оказывается, по видимому, тѣмъ же: тысячи равно одаренныхъ умовъ гибнутъ, впадая въ отчаяніе, чтобы могъ появиться одинъ гений—по милости счастливаго стеченія обстоятельствъ. Состраданіе—прекраснѣйшій цвѣтъ земныхъ орга-

низмовъ прорывается только въ отдѣльныхъ пунктахъ и выступаетъ скорѣй какъ идеаль, а не какъ постоянно дѣйствующая причина.

То, что мы называемъ въ развитіи видовъ случайностью, не есть случайность съ точки зрѣнія законмѣрности природы,—такъ какъ описанный выше механизмъ дѣйствуетъ по естественнымъ законамъ,—а съ точки зрѣнія человѣкообразно иредусматривающаго и рассчитывающаго разума; тамъ же, гдѣ мы въ органахъ животныхъ и растений находимъ цѣлесообразность, мы должны принять, что вслѣдствіе вѣчнаго истребленія всѣхъ слабыхъ были уничтожены безчисленные, менѣе цѣлесообразныя формы, и то, что существуетъ, есть только счастливый частный случай въ океанѣ рожденія и смерти. Такой взглядъ является въ сущности только отрывкомъ столь ославленной философіи Эмпедокла, въ подкрѣпленіи которой точное изслѣдованіе доставило за послѣднее десятилѣтіе безчисленный матеріалъ.

Есть тутъ однако и другая сторона. Вѣрно ли, въ самомъ дѣлѣ, какъ полагаетъ критикъ Раденгаузена, что на мѣстѣ чудотворно дѣйствующей причины вступаетъ лишь «возможность» счастливыхъ случайностей? Передъ нами вѣдь не возможность, а дѣйствительность. Единичный случай представляется «возможнымъ» только для насъ, онъ—«случайный» только по отношенію къ намъ, ибо имъ управляють такіе естественные законы, которые въ нашемъ—человѣческомъ—представленіи остаются чуждыми этому спеціальному результату ихъ взаимодѣйствія. Но въ великомъ цѣломъ мы должны признать господство необходимости. Среди безчисленнаго множества отдѣльныхъ случаевъ должвы также находиться и благопріятные; ибо они дѣйствительно имѣются на лицо,—а все дѣйствительное вызвано къ существованію вѣчными законами вселенной. На дѣлѣ этимъ путемъ не столько устраняется телеологія, сколько освѣщается объективная сущность цѣлесообразности, замѣчаемой въ мірѣ явленій. Мы ясно видимъ, что эта цѣлесообразность, по скольку рѣчь идетъ объ отдѣльныхъ явленіяхъ, не есть цѣлесообразность въ человѣческомъ смыслѣ, что она не можетъ также быть приписана какой-либо высшей мудрости, если судить о ней по тѣмъ способамъ дѣйствія, посредствомъ которыхъ она осуществляется, — ибо эти способы по своему логическому содержанію стоятъ ниже всѣхъ тѣхъ, какіе намъ только извѣстны. Но и эта оцѣнка, въ свою очередь, имѣетъ въ своемъ основаніи мѣрку человѣческой природы; для метафизическаго, для религіознаго міропредставленія, преступающаго эти границы въ созданіяхъ воображенія, всегда остается просторъ для возстановленія телеологіи, которой однако нѣтъ мѣста ни въ естествознаніи, ни въ критической философіи природы.

Изученіе царства низшихъ животныхъ, сильно подвинувшееся впередъ за послѣднія десятилѣтія, особенно со времени сдѣланнаго Стиянstrupомъ (Steenstrup) открытія, касающагося смѣны поколѣній», не только устраняетъ прежнее понятіе о видѣ, но бросаетъ свѣтъ еще и на вопросъ о природѣ органической индивидуальности<sup>59)</sup>, представляющей для исторіи матеріализма огромный интересъ. Въ связи съ ученіемъ о клѣточкахъ новѣйшія открытія, сдѣланныя въ этой области, начинаютъ оказывать столь глубокое воздѣйствіе на наши естественно-научныя и философскія воззрѣнія, что кажется, будто древніе вопросы бытія только теперь впервые ясно опредѣлились передъ изслѣдо-

вателемъ и мыслителемъ. Мы видѣли, какъ древній матеріализмъ запутывался въ нелѣпомъ противорѣчїи, принимая, съ одной стороны, что дѣйствительное существованіе присуще только атомамъ, а съ другой—утверждая, что соприкосновеніе между атомами исчерпывается механическимъ давленіемъ и толчкомъ. и тѣмъ самымъ лишая ихъ возможности быть носителями какого либо высшаго единства. Но мы видѣли также, что это противорѣчїе множественности и единства вообще присуще человѣческому мышленію и въ атомистикѣ выступаетъ лишь съ особенною ясностью. Разрѣшеніе противорѣчїя можетъ и здѣсь состоять только въ отнесеніи противоположности между единствомъ и множественностью къ нашей человѣческой организаціи и въ допущеніи, что въ мірѣ вещей самихъ по себѣ эта противоположность такъ или иначе разрѣшается или вовсе не существуетъ. Этимъ путемъ мы освобождаемся отъ глубочайшей основы даннаго противорѣчїя, состоящей преимущественно въ томъ, что мы принимаемъ существованіе безусловныхъ единствъ, которыхъ въ дѣйствительности нигдѣ не находимъ. Понимая же всякое единство какъ относительное, вида въ единствѣ только объединеніе въ нашемъ мышленіи, мы, правда, отнюдь не овладѣли сущностью вещей, но сдѣлали возможнымъ (спасли отъ внутренняго противорѣчїя) тотъ результатъ, который дается научными наблюденіями. Конечно, абсолютное единство самосознанія подвергается при этомъ не малой опасности, но врядъ ли придется пожалѣть объ исчезновеніи этого излюбленнаго предразсудка нѣсколькихъ тысячелѣтїи.

Въ этомъ отдѣлѣ мы прежде всего разсмотримъ болѣе общія явленія органической природы.

Гете, морфологію котораго можно разсматривать какъ одну изъ наиболее здравыхъ и плодотворныхъ работъ нашего смутнаго во многихъ отношеніяхъ періода натурфилософіи, пришелъ къ точкѣ зрѣнія, на которую насъ въ настоящее время какъ бы насильно толкаютъ всѣ новѣйшія открытія, путемъ одного лишь мысленнаго углубленія въ разнообразныя формы и превращенія растительнаго и животнаго царства. «Каждое живое существо», учитъ онъ «не единично, а множественно; даже являясь намъ въ видѣ индивида, оно тѣмъ не менѣе остается собраніемъ живыхъ самостоятельныхъ существъ, которыя по идеѣ, по первоначальному строенію тождественны, но въ явленіи могутъ стать тождественными или схожими, различными или несхожими. Эти существа частью соединены между собою съизначала, частью находятъ другъ друга и соединяются; они раздваиваются и вновь ищутъ другъ друга, вызывая такимъ образомъ безконечное развитіе во всѣхъ возможныхъ формахъ и по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. Чѣмъ несовершеннѣе твореніе, тѣмъ болѣе равны или схожи части и тѣмъ болѣе уподобляются они цѣлому. Чѣмъ болѣе совершенствуется твореніе, тѣмъ большимъ становится несходство его частей. Въ первомъ случаѣ цѣлое болѣе или менѣе подобно своимъ частямъ, во второмъ—цѣлое съ частями несходно. Чѣмъ больше сходства между частями, тѣмъ менѣе они соподчинены другъ другу. Соподчиненіе частей—это признакъ болѣе совершеннаго творенія».

Вирховъ, который воспользовался этой цитатой изъ Гете, въ своей превосходной лекціи объ атомахъ и индивидахъ <sup>60)</sup> долженъ быть отнесенъ къ числу тѣхъ, которые какъ положительнымъ изслѣдованіемъ,

такъ и остроумною теоріей много способствовали раскрытію того отношенія между существами, тѣсное общеніе которыхъ образуетъ «индивидъ».

Патологія, до того бывшая полемъ пустыхъ и суевѣрныхъ предразсудковъ, объяснена имъ изъ той же жизни клѣточекъ, которая въ своихъ нормальныхъ проявленіяхъ создаетъ цѣлокупность жизни здороваго индивидуума. Согласно его объясненію индивидъ есть только «объединенное общежитіе, въ которомъ всѣ части служатъ одной и той же цѣли или, иначе говоря, дѣйствуютъ по извѣстному плану». Цѣль эта, по дальнѣйшему объясненію Вирхова, внутренняя, имманентная. «Внутренняя цѣль является въ то же время внѣшнею мѣрой, за которую не переходитъ развитіе всего живаго». Индивидъ, носящій въ самомъ себѣ свою цѣль и свою мѣру, есть поэтому дѣйствительное единство въ противоположность только мыслимому единству атома.

Признавъ такимъ образомъ имманентную цѣль, мы снова возвращаемся къ древнему формальному элементу, котораго пониманіе природы никакъ не можетъ совершенно избѣгнуть — до такой степени, что мы находимъ этотъ элементъ даже у Карла Фохта. Изложивъ въ своихъ «Картинахъ изъ жизни животныхъ», какъ первыя доступныя познанію формы зародыша возникаютъ изъ клѣточныхъ скопленій желтка, этотъ писатель съ несвойственною ему логическою остротой замѣчаетъ: «Итакъ, только съ возникновеніемъ формы, организмъ становится индивидомъ, между тѣмъ какъ до этого предъ нами была лишь безформенная матерія» <sup>61</sup>). Такой взглядъ очень близко подходитъ къ воззрѣнію Аристотеля. Форма образуетъ сущность индивида; если это такъ, то ее можно также обозначить какъ субстанцію, если даже она съ естественною необходимостью возникаетъ изъ свойствъ матеріи. Эти свойства при болѣе близкомъ разсмотрѣніи суть опять только формы, смыкающіяся въ болѣе высокія формы. Форма есть истинное логическое ядро силы, если только освободить послѣднее понятіе отъ ложнаго побочнаго представленія о принудительномъ челоуѣкообразномъ насиліи. Мы видимъ только форму, точно также какъ ощущаемъ только силу. Наблюдая форму вещи, мы видимъ единство; если же отвлечься отъ формы, то вещь представится какъ множественность или матерія, что было выяснено нами въ главѣ о схоластикѣ.

Фохтъ, стоя на чисто теоретической почвѣ, выдвигаетъ метафизическое понятіе единства. Вирховъ же придерживается фізіологическаго понятія — общности жизненной цѣли, и это понятіе наглядно показываетъ намъ относительность противоположности между единствомъ и множественностью. Въ растительномъ царствѣ могутъ быть разсматриваемы какъ единство не только клѣтки и цѣлыя растенія, но также и вѣтвь, отростокъ, листъ, почка. Практическія соображенія могутъ потребовать, чтобы отдѣльный отростокъ, который, особо посаженный, способенъ къ самостоятельному существованію, разсматривался какъ индивидъ; тогда единичная клѣтка будетъ только его частью, а все растеніе цѣлою колоніей такихъ отростковъ. Различіе такимъ образомъ, только относительное. Если единичная клѣточка высшаго растенія не можетъ вести самостоятельнаго существованія внѣ связи съ другими клѣтками, то къ этому же неспособенъ и отсадокъ, если ему невозможно пустить корней либо въ растеніе, либо въ почву. Жизнь возможна только въ связи съ естественною средой, и идея самостоятельнаго существованія есть только отвлеченіе — без-



различно идет ли рѣчь о цѣломъ дубѣ или о мельчайшемъ кусочкѣ оторваннаго листка.

Наши новѣйшіе аристотелики придаютъ значеніе тому, что органическая частица можетъ зародиться и жить только въ организмѣ; но съ мистическимъ господствомъ цѣлаго надъ частью не далеко уйдешь. Оторванная растительная клѣтка продолжаетъ свое клѣточное существованіе подобно тому, какъ продолжаетъ биться вырванное сердце лягушки. Если клѣточкѣ не будетъ доставляться больше сока, то она умираетъ, какъ умираетъ въ такихъ случаяхъ и цѣлое дерево,—причемъ большая или меньшая продолжительность зависитъ не отъ сущности вещи, а отъ условій. Большое значеніе надо было бы придать тому, что растеніе не образуется путемъ внѣшняго соединенія клѣтокъ, что отдѣльныя клѣтки не возникаютъ непосредственно изъ питательнаго матеріала и такимъ образомъ присоединяются къ цѣлому, а создаются въ другихъ клѣткахъ путемъ дѣленія ихъ. На самомъ дѣлѣ, положеніе Аристотеля, что цѣлое существуетъ ранѣе частей находить себѣ примѣненіе во всемъ доступномъ нашему наблюденію органическомъ мірѣ; однако, то обстоятельство, что природа поступаетъ обыкновенно такимъ образомъ, вовсе еще не даетъ намъ права признать за этимъ положеніемъ строгую всеобщность. Достаточно одного факта прививки, чтобы ввести его въ узкія границы обыкновенныхъ положеній опыта. Въ прошломъ столѣтіи были излюблены опыты надъ переливаніемъ крови изъ тѣла одного животнаго въ другое — опыты, по крайней мѣрѣ отчасти удававшіеся <sup>62</sup>). Въ новѣйшее время даже переносились съ одного тѣла на другое и оживлялись органическія части,—хотя опыты, относящіеся къ этой сторонѣ жизненныхъ условій, едва только начались. Болѣе того—у низшихъ растений сліяніе двухъ клѣточекъ въ дѣйствительности встрѣчается рядомъ съ дѣленіемъ ихъ, а у низшихъ животныхъ наблюдалось даже полное сліяніе двухъ индивидовъ. Лучистоножки, одно изъ поколѣній колокольчатыхъ животныхъ (*Vorticella*), часто приближаются другъ къ другу, тѣсно прилегаютъ другъ къ дружкой, и на мѣстѣ соприкосновенія происходитъ сначала сплющиваніе, а затѣмъ полное сліяніе. Подобный же процессъ сліянія замѣчается у грегариновъ, а у одного червяка *Diplozoon* Зибольдъ даже нашель, что онъ образуется сліяніемъ двухъ *Diporpe* <sup>63</sup>).

Относительное единство низшихъ животныхъ выступаетъ особенно замѣчательно у тѣхъ полиповъ, у которыхъ одинъ общій стволъ; на этомъ стволѣ путемъ почкованія появляется множество образований, которыя въ нѣкоторомъ отношеніи самостоятельны, въ другомъ же—должны быть, наоборотъ, разсматриваемы какъ органы всего ствола. Надо думать, что у этихъ существъ и волевыя побужденія носятъ отчасти общій, отчасти спеціальнй характеръ,—что ощущенія всѣхъ этихъ на половину самостоятельныхъ стволовъ находятся между собою въ сношеніи и при этомъ все же оказываютъ свое особое дѣйствіе. Фохтъ совершенно правъ, когда называетъ споръ объ индивидуальности этихъ существъ споромъ о лустякахъ. «Здѣсь имѣются постепенные переходы. Индивидуализація шагъ за шагомъ возрастаетъ» <sup>64</sup>).

Все предыдущее находилось въ первомъ изданіи этой книги. — Мы возвращаемся къ понятію вида и сначала сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній, основывающихся не столько на новѣйшихъ открытіяхъ и наблюденіяхъ,

сколько на болѣе внимательномъ разсмотрѣннн всей этой области и принциповъ борьбы за существованіе. Первое замѣчаніе состоитъ въ слѣдующемъ: понятіе вида при болѣе точномъ изученіи оказывается продуктомъ тѣхъ временъ, когда вниманіе человѣка было сосредоточено на крупныхъ и высшихъ существахъ, и когда микроскопъ и все безконечное множество низшихъ животныхъ и растений не были еще извѣстны. Это становится еще болѣе яснымъ, если кромѣ видовъ обратить вниманіе на роды, семейства и классы, которые еще во времена Линнея, казалось, такъ полно охватывали все животное царство. Въ настоящее время вся эта классификаціонная сѣть примѣнима только къ верхней части животнаго царства, и чѣмъ болѣе мы спускаемся книзу, тѣмъ затруднительнѣе становится положеніе изслѣдователя. Множество новыхъ признаковъ то сходныхъ, то скрещивающихся между собой уже въ самой узкой области требуетъ такого множества раздѣленій и подраздѣленій, что ими въ верхней части животнаго царства можно было бы удобно охватить, на примѣръ, цѣлый «тишь» позвоночныхъ. Но если съ одной стороны, по мѣрѣ перехода къ низшимъ формамъ, богатство ихъ увеличивается въ такой степени, что сѣть логическихъ понятій становится недостаточною, чтобы ихъ охватить, то съ другой стороны привычный критерій общаго происхожденія становится здѣсь совершенно непонятнымъ. Если поэтому Геккель въ своей «Философіи известковыхъ губокъ» <sup>65)</sup> устанавливаетъ двѣнадцать различныхъ, отчасти естественныхъ, отчасти искусственныхъ системъ только на основаніи болѣе узкаго и болѣе широкаго пониманія «вида», то въ этомъ не слѣдуетъ видѣть ни неумѣстной игры признаками, ни единичной аномалии. Если бы человѣкъ началъ изученіе живыхъ существъ съ низшихъ животныхъ, то столь священное для многихъ понятіе вида никогда бы не возникло. Когда мы въ настоящее время даемъ себѣ отчетъ о всемъ рядѣ организмовъ, то передъ нами уже не лѣстница правильныхъ и явственныхъ переходовъ отъ низшаго къ высшему, а находящійся еще въ движеніи огромный фундаментъ системы, надъ которымъ по мѣрѣ восхожденія кверху поднимаются все рѣзче очерченныя и яснѣе разграниченныя формы высшихъ растений и животныхъ.

Къ этому примыкаетъ второе замѣчаніе, которое главнымъ образомъ касается высшихъ органическихъ формъ. А именно: если мы предположимъ, что послѣднія сформировались въ теперешнемъ ихъ видѣ и отграничились другъ отъ друга втеченіе очень долгихъ періодовъ времени, то отсюда необходимо слѣдуетъ, что въ общемъ онѣ должны обладать высокою степенью устойчивости, и что разновидности и промежуточныя формы при естественныхъ условіяхъ не легко могутъ возникнуть, покуда вмѣстѣ съ климатомъ, культурой почвы и другими обстоятельствами не измѣнятся относительныя условія существованія видовъ. Въ самомъ дѣлѣ, если исходить изъ представленія объ измѣчивости и о борьбѣ за существованіе, длящейся очень долгіе періоды времени, то необходимо одержать верхъ наиболѣе цѣлесообразныя формы; и притомъ это будутъ не только наиболѣе цѣлесообразныя формы сами по себѣ, но и наиболѣе цѣлесообразное сочетаніе тѣхъ видовъ, которые при борьбѣ другъ съ другомъ даютъ, такъ сказать, проявиться максимуму жизни. Такъ, на примѣръ, въ животномъ царствѣ установится такого рода равновѣсіе между голодомъ и силою льва съ одной стороны

и быстротою газели съ другой, при одновременномъ приспособленіи обоихъ видовъ ко всѣмъ прочимъ ихъ соперникамъ въ борьбѣ за существованіе. Это отношеніе совпадаетъ съ Фехнеровскимъ «принципомъ убывающей измѣнчивости»; но въ нашей постановкѣ оно представляетъ собою только простой выводъ изъ принциповъ теоріи о происхожденіи видовъ и борьбы за существованіе, тогда какъ Фехнеръ пытается установить а priori по возможности универсальнѣе формулированный космическій принципъ этого рода <sup>66)</sup>.

Выводамъ изъ этого совершенно очевиднаго соображенія не всегда удѣлялось должное вниманіе. Иначе не беспокоились бы такъ о промежуточныхъ формахъ, которыхъ требуетъ ученіе о происхожденіи видовъ. Вліяніе человѣка можно разсматривать какъ измѣненіе естественныхъ условій, дѣлающее возможнымъ существованіе нѣкоторыхъ формъ, которыя при естественныхъ условіяхъ вѣроятно отступили бы передъ болѣе старыми формами, испытанными въ борьбѣ за существованіе. А между тѣмъ мы видимъ, что, напримѣръ, человѣкъ втеченіе немногихъ поколѣній получаетъ новыя породы голубей и собакъ, которыя, оставаясь при однихъ и тѣхъ же благопріятныхъ для защиты условіяхъ, скоро приобрѣтаютъ чистоту и замкнутый характеръ настоящаго вида и называются разновидностями только въ угоду теоретическимъ представленіямъ <sup>67)</sup>. И достигается это не только путемъ «искусственнаго» подбора, заранѣе стремящагося къ опредѣленному образцу, но и путемъ подбора «бессознательнаго», <sup>68)</sup> т. е. способомъ, сообщающимъ разновидности все большее совершенство и устойчивость новаго типа—однимъ стремленіемъ сохранить чистоту расы и развить одну изъ ея особенностей, такъ что во всемъ прочемъ природа тутъ какъ бы свободно стремится къ опредѣленному образцу, на которомъ она останавливается. И разъ это достигнуто, образецъ этотъ можетъ оставаться неизмѣненнымъ втеченіе длиннѣйшихъ періодовъ времени.

Можно поэтому также допустить, что и въ организмахъ, предоставленныхъ самимъ себѣ, измѣненія въ главныхъ своихъ чертахъ совершались не такъ незамѣтно и медленно, какъ это повидимому вытекаетъ изъ взглядовъ самого Дарвина, но что послѣ cadaго значительнаго измѣненія условій существованія какъ бы скачками наступало быстрое развитіе одной формы на ряду съ регрессомъ другой. Можно также предположить, что всякое подобное сотрясеніе естественнаго равновѣсія вызываетъ склонность къ измѣненіямъ и даетъ поводъ для возникновенія новыхъ формъ, которыя, если условія благопріятны, быстро закрѣпляются и закругляются. Различные принципы, внесенные позднѣйшими изслѣдователями въ ученіе о происхожденіи видовъ въ цѣляхъ восполненія принципа естественнаго подбора, какъ то: переселеніе видовъ, изолированіе ихъ и т. д., представляютъ собою только болѣе или менѣе удачно выхваченные частные случаи основнаго принципа—нарушенія равновѣсія, въ силу котораго виды при продолжительномъ постоянствѣ жизненныхъ условій по необходимости должны стать устойчивыми.

Легко замѣтить, что при такой формулировкѣ «теоріи превращенія» видовъ (Transmutation) тотчасъ же исчезаетъ цѣлый рядъ выставленныхъ противъ нея возраженій, а съ другой стороны взгляды Дарвина видоизмѣняются въ одномъ очень существенномъ пунктѣ.

Дарвиновское возрѣніе сходится съ Ляйаллеvesкою геологіей въ томъ

отношеніи, что главное значеніе придано тихимъ и непрестаннымъ, хотя и незамѣтнымъ обыкновенному наблюденію, измѣненіямъ, которыя совершаются постоянно, но результаты которыхъ выступаютъ ясно только по истеченіи очень значительныхъ промежутковъ времени. Согласно съ этимъ Дарвинъ полагалъ, что измѣненія видовъ первоначально возникаютъ совершенно случайно, и что большинство ихъ, лишеныя значенія, подобно простымъ уродствамъ, исчезаютъ, а немногія, обезпечивающія организму преимущество въ борьбѣ за существованіе, сохраняются и закрѣпляются естественнымъ подборомъ и наслѣдственностью.

Конечно, мы и съ нашей точки зрѣнія должны допустить возможность очень медленныхъ измѣненій формъ, — особенно, если это вызывается очень медленными измѣненіями условій существованія, какъ напримѣръ постепеннымъ поднятіемъ или опусканіемъ уровня цѣлыхъ странъ. Хотя и въ этомъ случаѣ намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, что органическія формы противопоставляютъ измѣненію жизненныхъ условій извѣстную силу сопротивленія, благодаря которой онѣ сохраняются неизмѣнными до тѣхъ поръ, пока ростъ нарушающихъ равновѣсіе вліяній, достигнувъ извѣстной высоты, не вызоветъ кризиса, — тѣмъ не менѣе, не исключена также возможность медленнаго измѣненія, и даже достиженіе равновѣсія съ нашей точки зрѣнія вовсе не слѣдуетъ понимать какъ состояніе абсолютной неизмѣнности. Напротивъ, развитіе новыхъ видовъ вслѣдствіе совершенно случайнаго возникновенія новыхъ признаковъ должно быть подвергнуто сомнѣнію; во всякомъ случаѣ не здѣсь слѣдуетъ искать главнаго рычага измѣнчивости.

Напомнимъ о томъ, что мы имѣемъ дѣло съ большими періодами времени, и что общая склонность къ измѣнчивости должна была быть всего значительнѣе въ началѣ этихъ періодовъ. Легко понять, что въ извѣстный моментъ времени весь рядъ вообще встрѣчающихся измѣненій будетъ уже какъ бы испробованъ, и то, что не повело къ созданію новаго вида въ началѣ періода, все менѣе будетъ приводить къ этому при однихъ и тѣхъ же условіяхъ существованія, такъ какъ формы постепенно становятся все болѣе опредѣленными и рѣзче отграниченными. Если предположить, что въ этомъ періодѣ, который мы рассматриваемъ здѣсь какъ періодъ приспособленія къ даннымъ условіямъ, господствуетъ исключительно законъ сохраненія полезныхъ случайныхъ измѣненій, то возникаетъ цѣлый рядъ разнаго рода новыхъ сомнѣній.

Мы прежде всего исходимъ изъ предположенія, что періодъ приспособленія слѣдуетъ за нарушеніемъ равновѣсія и именно поэтому связанъ съ усиленною склонностью къ измѣнчивости. На какомъ же основаніи исключать всякую непосредственную причинную связь между измѣненіемъ условій существованія и измѣненіемъ формы? Вѣдь и теперь справедливо ставятъ въ заслугу Ламарку то, что онъ выводилъ всѣ измѣненія формъ изъ непосредственно дѣйствующихъ причинъ въ связи съ наслѣдственностью, такъ, напримѣръ, приписывалъ усиленному употребленію органа, увеличеніе его объема, силы и болѣе тонкое развитіе. Но тутъ могутъ дѣйствовать въ большемъ числѣ и неизвѣстныя еще силы, для чего однако нѣтъ надобности прибѣгать къ мистическому воздѣйствію телеологическаго принципа. Фехнеръ присоединяетъ сюда и психическія вліянія, не выходя при этомъ изъ круга механическаго воззрѣнія на природу, такъ какъ психическіе процессы суть вѣдь въ тоже время процессы физическіе.

«У пѣтуха—замѣчаетъ онъ—имѣются шпоры на ногахъ, султанъ изъ перьевъ и высокій красный гребень. Возникновеніе двухъ первыхъ особенностей согласно принципу борьбы за существованіе объясняютъ тѣмъ, что пѣтухи, у которыхъ случайно развились эти особенности, благодаря шпорамъ, имѣли преимущество въ борьбѣ со своими противниками, а султаны изъ перьевъ давали имъ нѣкоторую защиту отъ ихъ укусовъ; благодаря этому, они одерживали надъ тѣми верхъ. Но несомнѣнно пришлось бы долго ожидать появленія подобныхъ случайностей, и, если принять во вниманіе, что подобныя же случайности пришлось бы допустить также при объясненіи цѣлесообразныхъ особенностей у всѣхъ прочихъ животныхъ, то голова идетъ кругомъ отъ такого рода представленія. Я готовъ скорѣе думать, что, когда организація обрѣла еще сравнительно легкой измѣнчивостью, психическое стремленіе существенно повредить врагу во время борьбы, защититъ себя отъ его нападенія и гнѣвъ противъ него,—что всѣ эти психическіе моменты, и теперь еще приводящіе въ движеніе шпоры, растопыривающіе султаны и вызывающіе набуханіе гребня, если и не могли вызвать появленіе этихъ признаковъ путемъ измѣненія процессовъ развитія у взрослыхъ пѣтуховъ, то могли сообщить наклонность къ этому зародышамъ, а слѣдовательно, и потомкамъ. При этомъ я, конечно, разсматриваю психическія стремленія и состоянія только какъ внутреннюю сторону тѣхъ физико-органическихъ, отъ которыхъ зависѣли эти превращенія, а всю игру психическихъ стимуловъ съ ихъ физическою основой полагаю въ связи со всеобщимъ принципомъ стремленія въ сторону устойчивыхъ состояній, не пытаюсь дать ей болѣе частнаго объясненія»<sup>69)</sup>.

Мы не будемъ входить здѣсь въ оцѣнку этой мысли. Замѣтимъ только, что столь же мало основанія отвергать ее безъ дальнѣйшаго обсужденія, какъ и принять безъ доказательствъ. Но среди явленій, трудно объяснимыхъ съ точки зрѣнія одного только естественнаго подбора, есть одно опредѣленное и чрезвычайно распространенное, которое какъ будто даже предполагаетъ прямую и положительную причинную связь между формой организма и условиями его существованія. Это именно — подражаніе (*Mimicry*)—чрезвычайно распространенное особенно въ мірѣ насѣкомыхъ и вызывающее самыя странныя иллюзіи приспособленіе окраски и формы животныхъ къ окружающей ихъ средѣ и къ другимъ организмамъ<sup>70)</sup>.

Съ точки зрѣнія общаго принципа это поразительное воспроизведеніе чужихъ формъ, повидимому, вполне подходитъ подъ понятіе естественнаго подбора, такъ какъ оно всегда служитъ для защиты соответствующаго животнаго отъ его преслѣдователей. Можно поэтому легко принять, что индивиды, у которыхъ случайно возникло измѣненіе въ этомъ благопріятномъ для нихъ смыслѣ, долше остаются въ живыхъ и должны были оказать на размноженіе своего вида болѣе вліяніе, чѣмъ другіе члены вида. И разъ это случилось, благопріятное приспособленіе въ окраскѣ и формѣ должно было съ необходимостью развиваться все болѣе въ томъ же направленіи. Но здѣсь однако возникаетъ большое затрудненіе: какъ объяснить первое благопріятное для защиты видоизмѣненіе? Одинъ изъ противниковъ Дарвина — Беннетъ<sup>71)</sup> указалъ на то, что сходство многихъ насѣкомыхъ съ почвой, на которой они живутъ, съ окраской сухой древесной коры, опавшей листвы или съ великолѣпною окраской цвѣтовъ, которые ими обыкновенно посѣщаются, создается такимъ

громаднымъ числомъ порождающихъ иллюзію признаковъ и чертъ рисунка, что о внезапномъ возникновеніи подобнаго рода измѣненія не можетъ быть рѣчи, тѣмъ болѣе, что ближайшіе виды часто имѣютъ совершенно различную наружность. Далѣе, рассуждаетъ Беннетъ, случайное возникновеніе т о л ь к о части новаго рисунка не могло бы принести организму никакой пользы, такъ какъ это конечно не могло ввести въ заблужденіе его враговъ. Но для того, чтобы случайная измѣнчивость, которая вѣдь въ силу природы вещей можетъ принимать съ одинаковою легкостью это, какъ и всякое другое направленіе, привела къ возникновенію всѣхъ особенностей окраски и измѣненій формы, необходимыхъ для введенія врага въ заблужденіе, требовалось бы такое стеченіе случайностей, что исчисленіе ихъ по теоріи вѣроятностей дало бы огромныя цифры. Въ соотвѣтствіи съ этимъ понадобились бы такимъ образомъ и огромные періоды времени для того, чтобы однажды можно было ждать совпаденія всѣхъ этихъ видоизмѣненій. Правда, при вопросахъ космогоніи мы вполне основательно боролись противъ слѣпаго страха передъ крупными цифрами. Но тутъ положеніе вещей совершенно иное. «Мимичность» (Mimicry) въ состояніи возникнуть только втеченіе періода съ приблизительно одинаковыми климатическими условіями, одинаковыми врагами, одинаковою растительностью, а подобные періоды мы, вообще говоря, не можемъ предполагать особенно большими.

Дарвинъ объясняетъ благопріятное для защиты подражаніе слѣдующимъ образомъ: онъ предполагаетъ, что у соотвѣтствующаго животнаго уже первоначально имѣлось нѣкоторое грубое сходство съ какой нибудь составною частью окружающей его среды, такъ что естественному подбору оставалось только развить далѣе этотъ значительный задатокъ, отчасти придавая болѣшую рѣзкость благопріятному для защиты сходству, отчасти приспособляя жизненные привычки въ цѣляхъ пользованія этой защитой. Въ самомъ дѣлѣ, это объясненіе, повидимому, единственное, которое согласимо съ исключительнымъ примѣненіемъ принципа подбора. Въмѣсто случайнаго совпаденія множества мелкихъ чертъ и оттѣнковъ окраски, предполагается, что передъ нами имѣется съизначала данная въ грубыхъ чертахъ общая картина, которая уже и тогда могла, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вводить въ заблужденіе врага и дать толчекъ извѣстному процессу естественнаго подбора. Слѣдуетъ однако же замѣтить, что есть случаи, къ которымъ подобныя объясненія неприменимы. Сюда относятся въ сущности всѣ тѣ случаи, въ которыхъ благопріятная для защиты форма и особенно окраска очень сильно и явно отличаются отъ формы и окраски ближайшихъ родственныхъ видовъ. Такіе случаи чрезвычайно многочисленны. Боннетъ упоминаетъ объ одномъ видѣ бабочекъ, который рѣзко отличается отъ всѣхъ родичей, почти совершенно бѣлыхъ, и воспроизводитъ яркіе цвѣта бабочки другого класса. Эта послѣдняя бабочка для преслѣдующихъ ее птицъ ядовита, и онѣ поэтому ея избѣгаютъ; но сходство съ нею спасаетъ отъ преслѣдователей и подражающую ей бабочку, которая была-бы для птицъ весьма подходящею пищей.

Такіе и подобные случаи по необходимости заставляютъ признать существованіе другихъ еще неизвѣстныхъ въ настоящее время факторовъ, вызывающихъ явленія подражанія. Само собою разумѣется, раціональное изслѣдованіе природы, не смотря на трудности, представляемыя этими случаями, и тутъ не станетъ прибѣгать къ мистическому вмѣшательству

телеологической силы, а будет опираться на аксіому о постижимости міра. Къ этому присоединяется и то, что вліяніе среды на окраску животныхъ, совершающееся по всей вѣроятности чрезъ посредство глазъ и нервной системы, вообще дѣло довольно извѣстное. Мы упомянемъ здѣсь въ особенности объ опытахъ Пуше надъ измѣненіемъ окраски у морской камбалы и окуня <sup>72)</sup>. Давно уже извѣстно было, что рыбы часто имѣютъ ту же окраску, что и дно обитаемыхъ ими водъ, и невозможно сомнѣваться въ томъ, что при этомъ очень простомъ случаѣ мимичности естественный подборъ нерѣдко былъ главнымъ средствомъ для ея возникновенія. Но въ опытахъ Пуше тѣ же рыбы втеченіе нѣсколькихъ часовъ мѣняютъ свою окраску въ зависимости отъ окраски почвы, надъ которою ихъ помѣщаютъ. Если даже у рыбъ въ измѣнячивыхъ пигментныхъ клѣткахъ и существуетъ механизмъ, какой едва ли имѣется въ крыльяхъ насѣкомыхъ, и который объясняетъ такое быстрое измѣненіе окраски, то все же главныя черты явленія въ обоихъ случаяхъ вполне аналогичны: окраска внѣшнихъ предметовъ вызываетъ чрезъ посредство нервной системы аналогичную окраску животного. При этомъ совершенно пока безразлично, связаны ли, или не связаны эти нервные процессы съ внутреннимъ возбужденіемъ желанія и воли. Рѣшеніе загадки или скорѣе подлежащее разрѣшенію ядро ея заключается въ неоткрытомъ еще, вызывающемъ это дѣйствіе механизмъ, который можно было бы причислить къ «урегулированнымъ рефлексамъ», если только привыкнуть къ мысли, что рядомъ съ мгновенно дѣйствующими рефлексамъ, могутъ существовать еще и рефлексъ медленно дѣйствующіе, обнаруживающіе свое дѣйствіе лишь по прошествіи ряда поколѣній. То обстоятельство, что эти рефлексъ, подобно извѣстнымъ урегулированнымъ рефлексамъ спиннаго мозга позвоночныхъ въ то же время дѣлесообразны, можно свести очень просто на старыи эмпедокловскій принципъ: сохраняться и развиваться далѣе можетъ только дѣлесообразное, уродства же, сами по себѣ столь же возможныя и частыя, погибаютъ и исчезаютъ безслѣдно.

Вообще взгляды, представляемый нами здѣсь какъ самый естественный и вѣроятный, ни въ коемъ случаѣ не устраняетъ естественнаго подбора и борьбы за существованіе. Напротивъ того, мы полагаемъ, что значеніе этихъ могучихъ рычаговъ всякаго развитія вполне доказано какъ эмпирически, такъ и рационально, и что они во всѣхъ случаяхъ дѣйствуютъ совмѣстно съ болѣе положительными вліяніями на возникновеніе формъ, притомъ такимъ образомъ, что истинное завершеніе всѣхъ формъ, сообщеніе имъ законченнаго вида, устраненіе несовершенныхъ промежуточныхъ формъ и все сохраненіе равновѣсія между организмами, покоится въ существѣ на этомъ великомъ факторѣ, внесенномъ Дарвиномъ въ естествознаніе.

Конечно, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что и при завершеніи и законченности органическихъ формъ участвуютъ также другіе, притомъ болѣе положительные факторы, къ которымъ подборъ и борьба за существованіе примыкаютъ только въ качествѣ великихъ регуляторовъ, поддерживающихъ совершенное и уничтожающихъ несовершенное. Напомнимъ прежде всего принципъ «соотносительности роста», на который неоднократно указывалъ самъ Дарвинъ <sup>73)</sup>. Въ силу этого принципа возникаютъ такія измѣненія формы, которыя сами по себѣ не имѣютъ ни-

какого отношенія къ борьбѣ за существованіе и представляютъ собою только необходимыя послѣдствія предшествующаго измѣненія, обусловленнаго естественнымъ подборомъ; причѣмъ связь возникающихъ такимъ путемъ вторичныхъ измѣненій съ первичнымъ иногда легко усмотрѣть, иногда же напротивъ она совершенно окутана мракомъ. Что, напримѣръ, тяжелья, отвислыя уши нѣкоторыхъ видовъ кроликовъ должны оказывать видоизмѣняющее давленіе на черепъ, легко понять на основаніи механическихъ принциповъ; можно также еще понять, что при значительномъ развитіи переднихъ членовъ, заднія обнаруживаютъ наклонность дѣлаться болѣе тонкими. Но мы пока совершенно не въ состояніи понять, отчего, напримѣръ, бѣлыя кошки съ голубыми глазами бываютъ обыкновенно глухи, отчего у цунцовыхъ георгинъ лепестки вѣнчика вырѣзные. Такъ какъ однакоже подобныя соотношенія встрѣчаются въ очень большомъ числѣ, то изъ этого видно, что строеніемъ организмовъ управляютъ законы развитія, относительно которыхъ намъ неизвѣстны не только размѣры ихъ дѣйствія, но даже и самый ихъ характеръ. Но при этомъ, разумѣется, нѣтъ надобности воображать тутъ какія либо неизвѣстныя намъ силы. Своеобразная, совмѣстная дѣятельность извѣстныхъ изстари силъ природы вполне въ состояніи объяснить эти особыя слѣдствія, заключающіяся, какъ вкратцѣ формулируетъ ихъ Дарвинъ, въ томъ, что измѣненіе одной какой либо части всегда влечетъ за собой измѣненіе другихъ особенностей формы.

Направленные на цѣлое законы развитія, проявляющіеся здѣсь наружу, суть вѣроятно тѣ самыя, которые при извѣстныхъ условіяхъ образуютъ чисто «морфологическіе виды»—безъ всякой доказуемой пользы для борьбы за существованіе. На возникновеніе такихъ видовъ было впервые и настойчивымъ образомъ указано Негели, который связывалъ съ этимъ то воззрѣніе, что организмамъ присуща врожденная наклонность къ прогрессивному развитію. Дарвинъ въ новѣйшихъ изданіяхъ своего труда признаетъ существованіе морфологическихъ признаковъ, не признавая однакоже ученія объ естественной наклонности къ прогрессивному развитію, которое въ самомъ дѣлѣ на первый взглядъ какъ будто рѣзко противорѣчитъ всему дарвинизму<sup>74</sup>). Точно также Кѣлликеръ считаетъ принимаемый имъ законъ развитія организмовъ несомвѣстимымъ съ гипотезой Дарвина<sup>75</sup>). Основной недостатокъ послѣдней Кѣлликеръ усматриваетъ въ томъ, что въ основу всего положенъ принципъ полезности, а это не имѣетъ «никакого смысла». Мы вполне согласны съ Кѣлликеромъ въ томъ, что необходимо допустить положительныя причины развитія, имѣющія основаніе не въ принципѣ полезности, а во внутреннемъ строеніи организмовъ; однако рядомъ со всѣми этими положительными причинами сохраняетъ смыслъ и принципъ полезности въ связи съ закономъ борьбы за существованіе, который отрицательнымъ путемъ господствуетъ надъ слѣпою игрою становленія и роста и согласно «закону развитія» отдѣляетъ дѣйствительныя формы отъ формъ возможныхъ.

Кѣлликеръ замѣчаетъ, что какъ Дарвинъ, такъ и его сторонники при объясненіи измѣненій имѣли въ виду и внутреннія причины; «но дѣлая это, они покидаютъ почву своей гипотезы и примыкаютъ къ сторонникамъ закона развитія, полагающимъ, что въ самихъ организмахъ заложены внутреннія причины ихъ превращеній».



Совершенно вѣрно, что Дарвинъ провелъ свой принципъ съ тою величественною и нерѣдко плодотворною односторонностью, которую мы особенно часто встрѣчаемъ у англичанъ, — какъ будто ему нужно было объяснить все исключительно имъ; и такъ какъ принципъ этотъ, по нашему предположенію, при созданіи дѣйствительныхъ формъ является повсюду рѣшающимъ, то этому приему можно было дать очень широкое примѣненіе. Причина, всюду соучаствующая, трактовалась такъ, какъ будто бы она была единственною, но догматическое утвержденіе, что она единственная, не является необходимою составною частью системы. Всюду, гдѣ Дарвинъ вынужденъ допустить соучастіе внутреннихъ причинъ, онъ вводитъ это соучастіе въ свои объясненія природныхъ формъ такъ наивно, что онъ, надо думать, считалъ это соучастіе чѣмъ то само собою разумѣющимся. Если онъ выводилъ изъ этого источника возможно мало, а изъ естественнаго подбора возможно много, то это совершенно правильный методъ для него, какъ представителя вновь внесеннаго въ науку принципа; ибо дѣйствіе естественнаго подбора, уясненное дѣйствіемъ искусственнаго подбора, въ высшей степени понятно, по крайней мѣрѣ въ качествѣ фактора отрицательнаго и регулирующаго, что, какъ мы неоднократно указывали, и есть самое главное. Борьба за существованіе вполне для насъ ясна, и всякое сведеніе явленія на этотъ великій факторъ творенія представляетъ собою дѣйствительное объясненіе предмета, тогда какъ обращеніе къ законамъ развитія есть пока только переводъ на будущее, когда мы, быть можетъ, уразумѣемъ сущность этихъ законовъ развитія.

При всемъ томъ заслуги Нэгели и Келликера, выдвинувшихъ положительныя и внутреннія причины развитія, весьма велики, и философски-критическое разсмотрѣніе всей проблемы развитія должно отдать должное обоимъ возрѣніямъ и привести въ правильную связь то, что оба они дали для уразумѣнія явленій.

Особенно яркимъ примѣромъ дѣйствія закона развитія совершенно справедливо считаютъ превращеніе нѣкоторыхъ экземпляровъ одареннаго жабрами аксолотля въ безжаберную ящерицу. Изъ сотенъ этихъ животныхъ, привезенныхъ изъ Мексики въ Парижъ, большая часть осталась на низшей ступени развитія; немногіе экземпляры выползли на сушу и превратились въ дышащихъ легкими сухопутныхъ животныхъ. Они достигли формы, по отношенію къ которой ихъ прежняя форма является личинкою или предшествующей стадіей развитія, такъ что все это явленіе примыкаетъ къ ряду давно уже извѣстныхъ явленій. Правда, обыкновенно животное, проходящее черезъ различныя стадіи развитія, должно достигнуть высшей ступени, прежде чѣмъ оно способно къ размноженію. Но уже теперь извѣстны многочисленные исклоченія изъ этого правила, и можно даже искусственно помѣшать тритонамъ достигнуть высшей ступени развитія. Если ихъ держать въ закрытомъ водномъ бассейнѣ, но они не утрачиваютъ жабрь и остаются на ступени водяной ящерицы, то тѣмъ не менѣе достигаютъ половой зрѣлости и размножаются. Точно также своеобразныя условія существованія животныхъ вызываютъ нерѣдко и безъ содѣйствія челоуѣка подобныя измѣненія: такъ, на примѣръ, одинъ видъ лягушекъ проходитъ стадію головастика еще въ яйцѣ и выходитъ изъ яйца въ качествѣ готовой лягушки. Во всѣхъ этихъ случаяхъ совмѣстное дѣйствіе внутреннихъ причинъ развитія и условій существо-

ванія очевидно, и нельзя отрицать, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ случаевъ рѣшающее значеніе имѣетъ естественный подборъ. Но при внезапномъ превращеніи аксолотля изъ водяного животнаго въ сухопутное не можетъ быть рѣчи объ естественномъ подборѣ или борьбѣ за существованіе. Съ точки зрѣнія односторонняго дарвинизма понять это явленіе можно только такъ: все превращеніе подводится подъ понятіе измѣнчивости, причемъ переносъ въ другой климатъ рассматривается какъ стимулъ къ измѣнчивости; затѣмъ при естественныхъ условіяхъ новой формѣ пришлось бы выдержать борьбу за существованіе и укрѣпиться путемъ скрещиванія въ предѣлахъ своего же вида до окончательнаго сформированія вида. Но легко видѣть, что подобное расширеніе понятія измѣнчивости въ сущности содержитъ въ себѣ все, чего только могутъ требовать сторонники «закона развитія», такъ какъ никому не придетъ въ голову, что это превращеніе случайное, рядомъ съ которымъ могло бы точно также возникнуть любое иное, какъ бы по предначертанному ранѣе пути <sup>73)</sup>.

Вся трудность соглашенія заключается здѣсь въ томъ, чтобы правильно опредѣлить понятіе закона развитія. Для иного естествоиспытателя это слово звучитъ нѣсколько подозрительно, какъ будто бы дѣло шло о «планѣ творенія» и о рядѣ повторныхъ вмѣшательствъ сверхъестественныхъ силъ. Но нѣтъ ни малѣйшаго основанія, когда рѣчь идетъ о «внутреннихъ причинахъ», представлять себѣ присоединеніе мистическаго дѣйствія къ обычной дѣятельности силъ природы. «Законъ развитія», въ силу котораго организмы восходятъ въ опредѣленной постепенности, представляетъ собою только мыслимую какъ нѣчто единое, совмѣстную дѣятельность общихъ законовъ природы съ цѣлью произвести явленіе развитія. Келликеровскій «законъ развитія», подобно многочисленнымъ законамъ образованія формъ, устанавливаемымъ Геккелемъ, представляетъ собою съ логической стороны прежде всего только такъ называемый «эмпирическій законъ» т. е. почерпнутую изъ наблюденія совокупность извѣстныхъ правильностей въ процессахъ природы, конечныя причины которыхъ намъ еще неизвѣстны. Тѣмъ не менѣе мы можемъ попытаться составить себѣ представленіе объ истинныхъ естественныхъ причинахъ, лежащихъ въ основѣ закона развитія, хотя бы только для того, чтобы показать, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія прибѣгать къ мистическому способу воззрѣнія.

Геккель высказалъ мысль, что его теорію пластидъ слѣдуетъ свести на теорію углерода, т. е. что въ свойствахъ углерода — конечно, въ совершенно неясной еще формѣ — скрывается причина своеобразныхъ движеній, наблюдаемыхъ нами въ протоплазмѣ и рассматриваемыхъ нами какъ элементы всѣхъ жизненныхъ явленій. Въ этой мысли мы обрѣли не очень много, однако мы все же можемъ ею воспользоваться, чтобы въ связи съ нею изложить наше представленіе о сущности закона развитія.

При болѣе внимательномъ рассмотрѣніи химіи углеродныхъ соединений мы найдемъ, что относительно образованія органическихъ кислотъ имѣется уже въ настоящее время законченная теорія, которую легко сравнить съ закономъ развитія. «Планъ» всего этого развитія предначертанъ ученіемъ о «валентности» атомовъ; такъ какъ въ силу опредѣленнаго принципа замѣщенія каждая данная органическая кислота можетъ быть какъ бы развита въ другую, то предъ нами теряющаяся въ беско-

нечности возможность все болѣе сложныхъ и все болѣе разнообразныхъ образованій, которыя, не смотря на ихъ громадное множество, слѣдуютъ по узкому и строго предначертанному пути. Извѣстныя гипотетическія свойства молекулы заранѣе предопредѣляютъ, что можетъ и что не можетъ возникнуть <sup>77)</sup>.

На этомъ мы могли бы остановиться и извѣстный въ основныхъ чертахъ планъ всѣхъ возможныхъ органическихъ субстанцій попросту сопоставить въ качествѣ поясняющей картины съ неизвѣстнымъ еще планомъ всѣхъ вообще возможныхъ животныхъ формъ. Но мы сдѣлаемъ еще одинъ шагъ и напомнимъ о связи между формой кристалловъ и строеніемъ кристаллизованнаго вещества. Въ мысли, что подобная же связь между матеріей и формой существуетъ въ организмахъ, нѣтъ ничего новаго. Аналогія тутъ напрашивается сама собой, и ею часто пользовались при всякаго рода разсужденіяхъ. Естественно, что въ концѣ концовъ здѣсь подходятъ къ вопросу о своеобразныхъ особенностяхъ молекулы. Для нашей цѣли безразлично, приводитъ ли форму въ связь съ опредѣленнымъ характернымъ для животнаго организма веществомъ, занимающимъ опредѣленное мѣсто въ родословной веществъ, или разсматривать ее какъ результатъ совмѣстной дѣятельности всѣхъ содержащихся въ животномъ тѣлѣ веществъ; въ сущности это сводится къ одному и тому же. Разъ вообще признается въ томъ или другомъ видѣ связь между формой и химическимъ составомъ, то законъ развитія организмовъ можно нагляднѣе всего формулировать какъ законъ замѣщенія углеродистыхъ соединеній.

Такъ или иначе—сказаннаго во всякомъ случаѣ достаточно, чтобы показать, что подъ закономъ развитія нѣтъ надобности представлять себѣ что либо сверхъестественное или мистическое, а этимъ устраняются главные возраженія противъ признанія его значенія. Законъ развитія даетъ возможные формы; естественный подборъ выбираетъ изъ этого громаднаго множества формы дѣйствительныя, но онъ не можетъ создать ничего такого, что не содержится въ планѣ организмовъ, и одинъ только принципъ полезности становится въ самомъ дѣлѣ бессильнымъ, если требовать отъ него такого видоизмѣненія животнаго тѣла, которое противорѣчитъ закону развитія. Это замѣчаніе, однако, Дарвина не касается, ибо онъ говоритъ только о выборѣ полезнаго среди произвольно возникающихъ измѣненій; его ученіе только восполняется предположеніемъ, что кругъ возможныхъ измѣненій обусловленъ всеобщимъ закономъ развитія.

Можно было бы думать, что принятіе подобнаго закона развитія дѣлаетъ излишнею теорію естественнаго подбора, такъ какъ и безъ всякаго подбора съ теченіемъ времени должно было бы возникнуть громадное богатство формъ. Подобное мнѣніе упускаетъ прежде всего изъ виду громадное значеніе соперничества изъ за существованіе, что представляетъ собою не теоретическій выводъ, а доказанный фактъ. Но въ то же время не слѣдуетъ забывать, что законъ развитія,—что бы мы подъ нимъ втайнѣ ни разумѣли,—ни въ какомъ случаѣ не представляетъ собой демонической силы, безусловно создающей чистыя формы, какія отвѣчаютъ его условію. Если мы даже въ процессѣ кристаллизаціи, подчиненной несравненно болѣе простымъ условіямъ, открываемъ многообразнѣйшія неправильности, такъ что кристаллъ теоріи представляетъ собою въ сущности только идеалъ, то тѣмъ легче понять, что законъ развитія

организмовъ не можетъ воспрепятствовать возникновенію въ нихъ всякаго рода разстройствъ и уродствъ, помѣсей рядомъ съ чистыми формами, несовершенныхъ формъ—рядомъ съ типами. Но если уже однѣ чистыя формы въ силу закона развитія доходятъ до безконечности, то видоизмѣненные формы дѣлаютъ возможности еще болѣе многочисленными, и тѣмъ не менѣе это все еще только ничтожная часть того, что вообще мыслимо. Какъ понимали уже древніе матеріалисты, не все можетъ возникнуть изъ всего. Это обильное множество формъ направляетъ и процѣживаетъ борьба за существованіе и приводитъ къ вышеописанному равновѣсію, которое мы познали какъ максимумъ одновременно возможной жизни. Являются ли тѣ формы, къ которымъ въ концѣ концовъ приводитъ естественный подборъ и которыя благодаря ему становятся устойчивыми, въ то же время наиболѣе чистыми типами согласно закону развитія,—это мы оставляемъ въ сторонѣ, но можно во всякомъ случаѣ принять, что устойчивость видовъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ въ большей степени достигнуто это совпаденіе.

Болѣе серьезное значеніе имѣетъ возникающій здѣсь вопросъ, слѣдуетъ ли при допущеніи механически дѣйствующаго закона развитія предполагать, что первичныя формы организмовъ, изъ которыхъ мы выводимъ всѣ нынѣ живущія формы, при одинаковомъ внѣшнемъ видѣ въ тоже время дѣйствительно одинаковы по своему строенію? Ставя этотъ вопросъ мы нисколько не касаемся закона, которому придаемъ такое важное значеніе вліятельнѣйшіе представители ученія о происхожденіи видовъ, именно—закона совпаденія «онтогенезиса» съ «филогенезисомъ», какъ выражается Геккель, или ученія о томъ, что каждое существо въ своей собственной исторіи развитія, главнымъ образомъ въ зародышевой жизни, воспроизводитъ въ сокращенномъ видѣ исторію развитія вида. Замѣтимъ пока, что хотя этотъ законъ для теоретиковъ ученія о происхожденіи видовъ имѣетъ въ высшей степени важное эвристическое значеніе, но необходимость его трудно понять именно съ точки зрѣнія чистаго дарвинизма. О пользѣ прохожденія этихъ стадій для борьбы за существованіе не можетъ быть рѣчи, а принципъ наслѣдственности не такъ безусловенъ, что бы имъ можно было объяснить это совпаденіе. Такимъ образомъ должны существовать химическія и физическія причины, дѣлающія необходимымъ прохожденіе этихъ стадій, а въ этомъ содержится уже признаніе закона развитія въ томъ видѣ, какъ мы его понимаемъ.

Но если задать себѣ вопросъ, имѣютъ ли въ дѣйствительности одинаковое строеніе тѣ формы, которыя имѣютъ одинаковый или сходный внѣшній видъ на первыхъ стадіяхъ развитія, то отрицательный отвѣтъ вытекаетъ самъ собой уже изъ того факта, что изъ нихъ развивается нѣчто различное. Такъ, напримѣръ, хотя зародышъ собаки на четвертой недѣлѣ зародышевой жизни представляетъ поразительное сходство съ зародышемъ человѣка, тѣмъ не менѣе изъ перваго развивается собака, изъ втораго человѣкъ. Можно было бы предположить, что это довольно значительное различіе достигается только постепенно, благодаря тому, что одинъ изъ этихъ двухъ схожихъ зародышей питается непрерывно соками собаки, другой же—соками человѣка. Но это грубоватое объясненіе оказывается уже неприложимымъ, когда, напримѣръ, рѣчь идетъ о яйцахъ птицъ. Если мы обратимъ вниманіе на указанный Дарвиномъ принципъ

наслѣдованія прибрѣтенныхъ признаковъ, то мы увидимъ, насколько уточненіе должно себѣ представлять дѣйствительное положеніе дѣла. Возьмемъ, на примѣръ, два голубиныхъ яйца, изъ которыхъ одно даетъ начало голубю, унаслѣдовавшему привычку кувыряться въ воздухѣ, другое—возможно болѣе похожему на него голубю, не имѣющему этой привычки. Гдѣ заложена причина этого различія? Извѣстна ли въ состояніи уже привзойти. Она должна содержаться въ яйцѣ, но въ какомъ видѣ—этого мы не знаемъ. Мы знаемъ только, что одинаковость внѣшняго вида далеко не совпадаетъ съ одинаковостью по существу. Геккель, придающій очень большое значеніе одинаковости первыхъ стадій развитія, по той причинѣ, что оно является для него краснорѣчивымъ доказательствомъ первоначальнаго единства всѣхъ организмовъ въ существѣ, въ то же время сознаетъ необходимость допущенія внутреннихъ различій. «Различія», замѣчаетъ онъ, «дѣйствительно существующія между яйцомъ разныхъ млекопитающихъ и человека состоятъ не въ формѣ, а въ химическомъ составѣ, въ молекулярномъ строеніи бѣлковаго углеродистаго соединенія, изъ котораго главнымъ образомъ состоитъ яйцо. Хотя эти тонкія индивидуальныя различія всѣхъ яицъ, зависящія отъ косвеннаго или потенціального приспособленія (притомъ въ частности отъ закона индивидуальнаго приспособленія), и не могутъ быть познаны непосредственно нашими въ высшей степени грубыми средствами познанія, тѣмъ не менѣе достаточно обоснованные косвенные выводы заставляютъ видѣть въ нихъ перво-причины различій между всѣми индивидами <sup>78)</sup>».

Химическія различія суть различія въ существѣ, и такимъ образомъ въ похожихъ другъ на друга яйцахъ мы имѣемъ передъ собою предметы въ высшей степени различныя по своему существу, тогда какъ всеобщій, но неизвѣстный до сихъ поръ законъ приводитъ ихъ въ одинаковыя съ внѣшней стороны формы. Не играютъ ли тутъ также извѣстную роль различія въ строеніи, мы не знаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, что мы собственно имѣемъ въ виду, когда говоримъ о неорганизованности протоплазмы? Конечно, только то, что мы не въ состояніи распознать какое либо строеніе при посредствѣ нашихъ грубыхъ методовъ наблюденія. Пока движенія протоплазмы не получили механическаго объясненія, вопросъ о строеніи ея долженъ оставаться открытымъ <sup>79)</sup>. И развѣ, въ сущности говоря, химическія свойства молекулы не строеніе!

Представимъ себѣ, что вполне отесанные камни, предназначенные для двухъ соборовъ, готическаго и романскаго, сложены на двухъ площадкахъ одинаковой формы крайне ограниченныхъ размѣровъ, вслѣдствіе чего старались выгадать всякую точку пространства, и обѣ кучи камней получили поэтому одинаковую внѣшнюю форму. При этихъ условіяхъ можно себѣ представить, что обѣ эти кучи строительныхъ матеріаловъ на нѣкоторомъ разстояніи будутъ казаться двумя совершенно одинаковыми постройками. Но если разобрать эти камни и правильно расположить, то изъ одной кучи можетъ получиться только готическій, а изъ другой только романскій соборъ.

Разъ это признано, то слѣдуетъ также принять и выводы изъ него, сводящіяся отчасти къ признанію того, что химическія отношенія имѣютъ свои правила и какъ бы свой планъ развитія, отчасти къ оцѣнкѣ всего отношенія морфологіи къ генезису организмовъ. А именно: мы должны признать положеніе, что неизвѣстныя особенности веществъ, по всей вѣроят-

ности химическія, могутъ оказывать рѣшающее вліяніе на развитіе организмовъ, на ихъ будущую форму и жизненныя привычки,—если эти особенности имѣются уже въ первыхъ элементарныхъ формахъ, хотя бы различіе между ними было для насъ еще незамѣтно.

Сказанное нами относительно индивида сохраняетъ, конечно, силу и по отношенію къ совокупности организмовъ въ ихъ историческомъ развитіи: простыя первичныя формы, чрезъ которыя должны проходить всѣ организмы, не должны быть необходимо жестокими по существу. Хотя бы они и были сходны съ морфологической стороны, они все же могутъ отличаться другъ отъ друга болѣе тонкимъ, недоступнымъ нашему наблюденію, строеніемъ или химическимъ составомъ. Какъ бы ни была важна поэтому Геккелевская теорія гастролы для завершения морфологіи и гипотетическаго восполненія всего ученія о происхожденіи видовъ, тѣмъ не менѣе она никоимъ образомъ не можемъ служить доказательствомъ «монофилетическаго» происхожденія, т. е. происхожденія всѣхъ организмовъ отъ одного и того же перво-вида <sup>80)</sup>.

Конечно, уже на первый взглядъ несравненно болѣе вѣроятно, что съ самаго же начала существованія жизни, имѣлось значительное число не вполне одинаковыхъ и неодинаково способныхъ къ развитію зародышей—все равно, занесены ли эти зародыши метеорною пылью изъ мірового пространства, или же жизнь развилась изъ монеръ морскаго дна. Если однако же придавать «полифилетическому» происхожденію организмовъ особенное значеніе въ виду того, что подобное представленіе какъ будто даетъ возможность выдѣлить челоуѣка изъ всего животнаго царства, то въ слѣдующей главѣ мы покажемъ, что подобная возможность не представляетъ сколько нибудь глубокаго философскаго интереса. Борьба взглядовъ можетъ поэтому ограничиваться здѣсь понимаемъ и оцѣнкой фактовъ. Принципіальный характеръ она имѣетъ здѣсь лишь по столько, по сколько дѣло идетъ о законѣ развитія, въ вопросѣ, который, однако, не можетъ быть разрѣшенъ на этой почвѣ. Если бы какой-либо крайній и неумѣлый сторонникъ дарвинизма понялъ монофилетическое происхожденіе какъ отрицаніе всякихъ различій во внутреннемъ строеніи первичныхъ органическихъ существъ и сведеніе всѣхъ возникшихъ различій на естественный подборъ безъ всякаго содѣйствія внутреннихъ моментовъ развитія, то это была бы въ высшей степени послѣдовательная метафизика, но въ то же время въ высшей степени невѣроятная естественнонаучная теорія. Напротивъ того, въ той умѣренной и осмотрительной формѣ, въ какой Геккель считаетъ монофилетическое происхожденіе болѣе вѣроятнымъ, по крайней мѣрѣ, для животнаго царства и особенно для высшихъ его представителей, эта теорія вполне допустима <sup>81)</sup>. При этомъ главнымъ образомъ опираются на ученіе «о средоточіи творенія» cadaго отдѣльнаго вида и cadaго рода, а это ученіе въ свою очередь эмпирически подтверждается наблюденіемъ, что часто весьма своеобразная по формѣ область распространенія видовъ обыкновенно очень легко объясняется, если предположить, что видъ возникаетъ въ одной опредѣленной точкѣ, и затѣмъ разобрать возможности дальнѣйшаго переселенія въ связи съ вѣроятнымъ прежнимъ состояніемъ земли.

То обстоятельство, что во всемъ этомъ ученіи очень много гипотетическаго и сомнительнаго, не наноситъ его значенію никакого ущерба, такъ

какъ дѣло идетъ о первомъ начертаніи исторіи организмовъ. Дальнѣйшіе успѣхи науки сдѣлаютъ возможнымъ и здѣсь болѣе точную провѣрку и болѣе строгую оцѣнку вѣроятностей. Напротивъ того не слѣдуетъ забывать, что ученіе объ единомъ средоточіи творенія, если ему не придавать метафизическаго или даже мистическаго характера, можетъ быть только максимумомъ изслѣдованія и годнымъ для большинства случаевъ эмпирическимъ наблюденіемъ. Для обобщенія путемъ индукціи оно совершенно не годится, такъ какъ нельзя себѣ представить никакой естественной причины, которая могла бы помѣшать одновременному возникновенію одного и того же вида въ двухъ различныхъ точкахъ широко распространенной основной формы. Но по этой же причинѣ нельзя придавать большого значенія той поддержкѣ, которую монофилетическая теорія находитъ въ ученіи о средоточіяхъ творенія. Правильность этого ученія могла бы быть доказана эмпирически въ девяти десятыхъ всѣхъ случаевъ, и отсюда все же не вытекала бы, что и первое возникновеніе простѣйшихъ организмовъ должно было исходить изъ подобнаго единаго средоточія.

Положеніе дѣла становится, конечно, совершенно инымъ, если ограничиться чисто морфологическою точкой зрѣнія: тутъ во всякомъ случаѣ мыслимы причины, могущія заставить всѣ организмы проходить послѣдовательно черезъ опредѣленный рядъ формъ все равно — тожественна или нѣтъ ихъ внутренняя сущность, понимая подъ этой послѣдней прежде всего ихъ химическій составъ. Все же различіе сказывалось бы тогда въ томъ, что одни изъ этихъ организмовъ должны были бы постоянно оставаться на низшихъ ступеняхъ, между тѣмъ какъ другіе подъ вліяніемъ естественнаго подбора и имманентнаго закона развитія превращались бы въ высшія формы.

Въ задачу нашу не входитъ разборъ всѣхъ многочисленныхъ интересныхъ со стороны формы и содержанія вопросовъ, возбужденныхъ дарвинизмомъ и оппозиціею противъ него. Для насъ главное — показать, что всѣ исправленія и ограниченія теоріи Дарвина, какія предложены были до сихъ поръ и будутъ еще предложены далѣе, въ существенныхъ своихъ чертахъ должны всегда оставаться на той же почвѣ рациональнаго воззрѣнія на природу, допускающаго только понятныя причины. Строгое проведеніе принципа причинности съ устраненіемъ всѣхъ смутныхъ представленій о силахъ, выводимыхъ изъ однихъ только понятій, должно оставаться руководящею точкой зрѣнія для всей области естествознанія, и если даже въ этомъ послѣдовательномъ проведеніи механическаго міросозерцанія есть нѣчто неудовлетворяющее и оскорбляющее наше чувство, то какъ мы обстоятельно покажемъ впоследствии, устраненіе этихъ элементовъ можетъ состояться на другой почвѣ.

Если такимъ образомъ оппозиція противъ Дарвина исходитъ частью открыто, частью полубезсознательно изъ пристрастія къ старому телеологическому міробоуясненію, то здравая критика должна намѣтить опредѣленные границы, указывая, что съ естественно-научной точки зрѣнія законна только такая критика, которая подобно самому дарвинизму исходитъ изъ принципа постижимости міра и постоянно прилагаетъ принципъ причинности. Поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда въ обращеніи къ «плану творенія» и тому подобнымъ понятіямъ скрывается мысль, будто изъ такого рода источниковъ правильное теченіе природныхъ силъ можетъ выйти чуждый факторъ, мы не находимся уже болѣе на почвѣ естествознанія, а

имѣемъ предъ собою туманную смѣсь естественно-научныхъ и метафизическихъ или, вѣрнѣе,—въ большинствѣ случаевъ.—теологическихъ представлений. Всякое вмѣшательство мистической силы, сводящей извѣстное число молекулъ съ того пути, по которому онѣ движутся въ силу общихъ законовъ природы, съ цѣлью расположить ихъ въ одну линію какъ бы по предначертанному плану,—всякое подобное вмѣшательство съ естественно-научной точки зрѣнія производитъ работу, допускающую измѣреніе эквивалентами, а въ то же время дѣлающую брешь въ цѣли эквивалентности, подобно опискѣ, попавшей невзначай въ правильно составленное уравненіе и портящей весь результатъ. Весь познаваемый нами «планъ творенія», весь результатъ доселѣшнихъ научныхъ открытій, эта чудная гармонія всеобъемлющаго, одинаковаго и одинаго закона нарушается какъ пустая и дѣтская игра. И зачѣмъ?—для того, чтобы на мѣсто неполнаго, но дѣйствительнаго пониманія поставить затычку изъ другого міросозерцанія, которое уже по своимъ основнымъ чертамъ допускаетъ только слабую аналогію пониманія, только распредѣленіе явленій согласно лишеннымъ всякаго содержанія понятіямъ и грубымъ антропоморфическимъ фантазіямъ.

Всѣ эти недопустимыя нарушенія цѣли причинности въ концѣ концовъ можно свести къ существу ложной телеологіи, о которой намъ придется сказать еще кое что впослѣдствіи. Но существуетъ телеологія не только совмѣстная, но почти тождественная съ дарвинизмомъ, и существуютъ, далѣе, идеальныя разсужденія и умозрительныя построенія этой правильной телеологіи, которыя входятъ въ трансцендентную область и поэтому никогда не могутъ придти въ столкновеніе съ естествознаніемъ.

Если дарвинизмъ по сравненію съ грубой антропоморфической телеологіей представляется ученіемъ о случайностяхъ, то эта его отрицательная сторона вполне законна. Цѣлесообразное возникаетъ путемъ сохраненія относительно случайныхъ образований, но эти образования могутъ считаться случайными лишь по столько, по сколько мы не умѣемъ указать причины появленія именно ихъ въ этотъ моментъ. Во всей совокупности природы все, а потому и возникновеніе этихъ образований, которыя путемъ приспособленія и наслѣдственности даютъ начало новымъ твореніямъ, необходимо и опредѣляется вѣчными законами. Эти законы, конечно, не ведутъ тотчасъ же къ возникновенію цѣлесообразнаго, но они производятъ множество разновидностей, массу зародышей среди которыхъ цѣлесообразное, переживающее представляетъ, можетъ быть, сравнительно очень рѣдкій частный случай. Мы показали, что этотъ способъ созданія цѣлесообразнаго, если измѣрять его человѣческой цѣлесообразностью, представляетъ очень низкую ступень, но въдѣ человѣкъ именно есть самый сложный изъ всѣхъ безчисленныхъ извѣстныхъ намъ организмовъ, и онъ снабженъ до безконечности сложнымъ аппаратомъ, реагирующимъ на спеціальныя потребности въ высшей степени специфически и своеобразно. Механизмъ, осуществляющій это, остается скрытымъ для его собственнаго сознанія, а потому человѣческая и человѣкоподобная дѣятельность съ точки зрѣнія грубаго и ненаучнаго наблюденія является непосредственнымъ дѣйствіемъ силы, идущимъ только отъ мысли къ объекту, тогда какъ на самомъ дѣлѣ посредствующія звенья только носятъ тутъ въ высшей



степени тонкій характеръ. Если откинуть вытекающія отсюда ошибки, то тотъ механизмъ, при посредствѣ котораго осуществляетъ свои цѣли природа, по своей всеобщности занимаетъ по меньшей мѣрѣ столь же высокое мѣсто, что и человѣческая цѣлесообразность въ своемъ качествѣ самого совершеннаго частнаго случая. Легко можно было бы доказать, что даже въ высшихъ дѣяніяхъ человѣка продолжаетъ играть роль этотъ принципъ сохраненія сравнительно - цѣлесообразнѣйшаго, соединяясь повсюду съ тончайшими аппаратами специфическаго воздѣйствія. Даже великія открытія и изобрѣтенія, образующія основу высшей культуры и духовнаго прогресса, — и тѣ еще подчинены этому всеобщему закону сохраненія наиболѣе сильнаго, подвергаясь въ то же время пробѣркѣ при помощи тончайшихъ методовъ науки и искусства.

Весь вопросъ правильной телеологии можно свести къ изслѣдованію того, въ какой мѣрѣ именно въ этомъ устройствѣ природы въ связи съ механически дѣйствующимъ закономъ развитія можетъ быть найдено нѣчто такое, что можетъ быть уподоблено «міровому плану». Если мы при этомъ осмотрительно отрѣшимся отъ всего, что ведетъ къ представленію о человѣкоподобно мыслящемъ «зодчемъ міровъ», то логическое ядро этого вопроса можно изложить слѣдующимъ образомъ: представляетъ ли собою нашъ міръ частный случай среди безчисленнаго множества одинаково мыслимыхъ міровъ, которые остались бы на вѣки либо въ хаотическомъ, либо на вѣки же въ неподвижномъ состояніи, — или при любомъ характерѣ первоначалъ получились бы въ концѣ концовъ въ силу дарвиновскаго принципа порядокъ, красота и совершенство въ той же мѣрѣ, въ какой мы ихъ наблюдаемъ въ настоящее время? Вопросъ этотъ можно еще далѣе расширить, — именно подвергнувъ сомнѣнію, долженъ ли быть даже упорядоченный и развивающійся міръ необходимо понятенъ человѣческому духу, нуждающемуся для своей ориентировки въ распредѣленіи предметовъ по извѣстнымъ классамъ и родамъ, — и не мыслимо ли такое многообразіе формъ и процессовъ, что оно должно было бы остаться непонятнымъ существу, организованному по образу человѣка.

Безъ сомнѣнія можно признать, что нашу вселенную въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ считать частнымъ случаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если даже все совершающееся легко вывести математически изъ простыхъ предположеній, то вѣдь предстоитъ еще сдѣлать положительныя предположенія притомъ такія, которыя дѣлаютъ возможнымъ развитіе нашей вселенной, тогда какъ безъ этого условія они могли бы быть совершенно другими. Въ этомъ отношеніи даже ученіе Эмподокла не свободно отъ телеологическихъ элементовъ: съ какой бы послѣдовательностью онъ ни выводилъ цѣлесообразность единичнаго изъ простаго испытанія всѣхъ возможныхъ сочетаній, тѣмъ не менѣе процессъ соединенія и разъединенія въ цѣломъ вытекаетъ съ необходимостью изъ свойствъ четырехъ элементовъ и двухъ движущихъ основныхъ силъ. Если мы представимъ себѣ, что послѣднія отсутствуютъ, то передъ нами будутъ вѣчная неподвижность или вѣчный хаосъ. То же можно сказать о системѣ атомистовъ. Здѣсь можно, правда, воспользоваться ученіемъ о безконечности міровъ, чтобы придать частному случаю — нашей вселенной — относительно случайный характеръ, но необходимыя основы постижимаго міра содержатся въ главныхъ допущеніяхъ относительно свойствъ и характера движенія атомовъ.

Если, напริมѣрь, представить себѣ міръ исключительно съ круглыми и гладкими атомами, — тогда не въ состояніи былъ бы возникнуть тотъ прочный порядокъ вещей, который мы наблюдаемъ вокругъ насъ. Тутъ даже принципу о постижимости міра сознательно придана обратная сила, чтобы превратить міръ въ частный случай, и достигается это съ помощью очень тонкаго и глубоко продуманнаго ученія объ ограниченномъ числѣ атомныхъ формъ.

Въ Кантовской философіи, въ которой эти вопросы изслѣдованы глубже, чѣмъ въ какой либо другой, первая ступень телеологіи отождествляется поэтому съ положеніемъ, которое мы неоднократно обозначали какъ аксіому постижимости міра, и дарвинизмъ, въ болѣе широкомъ смыслѣ слова, т. е. ученіе о происхожденіи видовъ въ строгомъ естественно-научномъ обоснованіи, не только не стоитъ въ противорѣчій съ этой телеологіей, а напротивъ того есть необходимое ея предположеніе. «Формальная» цѣлесообразность вселенной есть ничто иное, какъ соотвѣтствіе ея нашему разумѣнію, а это соотвѣтствіе съ одной стороны съ необходимостью требуетъ неограниченнаго господства закона причинности безъ мистическихъ вмѣшательствъ какого бы то ни было рода, а съ другой — предполагаетъ обозримость вещей, обусловленную тѣмъ, что онѣ располагаются въ опредѣленныхъ формахъ<sup>82</sup>).

Впрочемъ Кантъ говоритъ еще о второй — «объективной» ступени телеологіи, и тутъ самъ Кантъ, какъ и въ ученіи о свободѣ воли, иногда выходилъ за границы того, что можетъ быть допущено съ критической точки зрѣнія; однако и это ученіе не приходитъ въ столкновеніе съ научною задачей естествознанія. Согласно этому ученію въ организмахъ всякая часть строенія вполне опредѣляется каждою изъ другихъ частей, а затѣмъ разумная идея абсолютнаго взаимопредѣленія частей въ совокупности вселенной приводитъ къ тому, что онѣ разсматриваются какъ произведеніе нѣкотораго интеллекта. Кантъ считаетъ это воззрѣніе недоказуемымъ и ничего не доказывающимъ, но тѣмъ не менѣе неправильно разсматриваетъ его какъ необходимое слѣдствіе устройства нашего ума. Во всякомъ случаѣ для естествознанія и эта «объективная» телеологія можетъ быть только эвристическимъ принципомъ: она ничего не объясняетъ; естествознаніе даетъ только механико - причинное объясненіе явленій. Если Кантъ полагаетъ, что относительно организмозъ подобный методъ объясненія никогда не будетъ вполне удовлетворять, то это воззрѣніе, не составляющее впрочемъ необходимой части системы, ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ понимать такъ, будто механическое истолкованіе природы можетъ гдѣ либо натолкнуться на непреодолимая преграды, по ту сторону которыхъ примѣнимо только телеологическое объясненіе. Напротивъ того, Кантъ представляетъ себѣ механическое объясненіе организмозъ какъ безконечный процессъ, при которомъ всегда еще будетъ оставаться неразложимый остатокъ, подобно тому какъ и при механическомъ объясненіи вселенной. Этотъ взглядъ не стоитъ однако же въ противорѣчій съ принципомъ естествознанія, хотя естествоиспытатели большею частью и обнаруживаютъ склонность держаться иныхъ представлений насчетъ этого пункта, лежащаго по ту сторону опыта.

По той же причинѣ неуязвима съ естественно-научной точки зрѣнія и телеологія Фехнера. У него посредствующимъ звеномъ между причинностью и телеологіей является «стремленіе къ устойчивости». Онѣ

полагаетъ, что общіе законы природы сами постепенно и съ необходимою создають все болѣе и болѣе совершенное, и въ этомъ именно онъ усматриваетъ телеологическую основу вселенной, которую онъ затѣмъ приводитъ въ связь съ творческимъ интеллектомъ. Принципъ стремленія къ устойчивости самъ по себѣ представляетъ одновременно и естественно-научную гипотезу и метафизическую идею и долженъ быть подвергнутъ критикѣ съ обѣихъ этихъ точекъ зрѣнія; все прочее относится къ области вѣры, имѣющей свою основу внѣ области опыта.

Зато грубое и наглядное выраженіе находитъ себѣ ложная теологія въ Гартмановской «философіи безсознательнаго» — та ложная телеологія, которая создаетъ механическую работу изъ ничего и такимъ образомъ уничтожаетъ причинную связь съ природою. Хотя Гартманъ и ограждаетъ себя отъ того предположенія, будто его «финальность» есть «нѣчто существующее рядомъ или даже вопреки причинности», тѣмъ не менѣе то, какъ онъ проводитъ эту «финальность», и въ особенности его изумительное обоснованіе ея при посредствѣ якобы теоріи вѣроятности, указываютъ тотчасъ же, что именно нарушеніе строгой причинной связи въ природѣ образуетъ основу всего его мышленія, представляющаго полный возвратъ къ точкѣ зрѣнія слѣпой вѣры и грубыхъ первобытныхъ народовъ <sup>83</sup>).

Видимое противорѣчіе легко объясняется тѣмъ, какъ Гартманъ проводитъ различіе между духомъ и матеріей, духовными и матеріальными причинами. «Она», говоритъ онъ о своей телеологіи, «не только не уничтожаетъ безусловности закона причинности, но напротивъ предполагаетъ ея, притомъ не только для отношеній въ предѣлахъ одной матеріи, но и для отношеній между духомъ и матеріей, духомъ и духомъ». Тотчасъ же затѣмъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ проводится положеніе, что дѣйствующая причина нѣкакого событія, обозначаемая буквою М, не въполнѣ обосновывается одновременными матеріальными условіями и что «поэтому» достаточнаго основанія для М слѣдуетъ искать въ духовной области.

Затруднительность полнаго анализа единовременныхъ матеріальныхъ условій не причиняетъ Гартману никакихъ заботъ. Очень рѣдко «существенныя условія явленія лежатъ внѣ узкаго мѣстнаго района, а всѣхъ несущественныхъ условій нѣтъ никакого основанія принимать въ расчетъ». Такимъ образомъ слѣдуетъ разобратся въ «узкомъ мѣстномъ районѣ», прилагая къ этому столько ума и знакомства съ природою, сколько случайно имѣется на лицо, пользуясь, пожалуй, и микроскопомъ, термометромъ или чѣмъ либо подобнымъ,—а то, что при этихъ условіяхъ еще не замѣчено, либо не существуетъ, либо не имѣетъ существеннаго значенія. Если полнаго объясненія явленія М не найдено, то въ дѣлѣ участвуетъ «devil-devil» <sup>84</sup>).

Предполагать, что и въ «узкомъ мѣстномъ районѣ» дѣйствуетъ безчисленное множество силъ и приспособленій матеріальнаго характера, нельзя, потому что тогда не существовало бы «философіи безсознательнаго». Конечно, естествоиспытателю въ такихъ случаяхъ подобаешь просто заявить, что физическая причина М еще не найдена, и во всей исторіи своей неутомимо движущейся науки, онъ найдетъ импульсы для новыхъ изслѣдованій, приближающихъ его на шагъ къ его цѣли. Но австралійскій негръ и философъ безсознательнаго останавливаются тамъ, гдѣ кончается ихъ способность къ естественному объясненію, а все прочее сва-

ливаютъ на новый принципъ, при помощи котораго все весьма удовлетворительно объясняется однимъ словомъ. Граница, у которой кончается физическое объясненіе и на мѣсто него становится домовая, для обоихъ различна, но научный методъ у нихъ одинъ и тотъ же. Такъ, напримѣръ, для австралійскаго негра искра лейденской банки есть вѣроятно devil-devil, тогда какъ Гартманъ въ состояніи еще объяснить ее естественнымъ путемъ; но методъ перехода отъ одного принципа къ другому у обоихъ одинъ и тотъ же: листъ, поворачивающійся къ солнцу, является уже для Гартмана тѣмъ же, что лейденская банка для австралійскаго негра. Между тѣмъ какъ неутомимые естествоиспытатели именно въ этой области ежедневно совершаютъ новыя открытія, указывающія всѣ на то, что и эти явленія имѣютъ механическую причину, философъ безсознательнаго въ своихъ занятіяхъ ботаникой дѣлаетъ случайно привалъ на пунктѣ, оставляющемъ тайну въ неприкосновенно-дѣйствительномъ видѣ, и тутъ же, конечно, оказывается и граница, гдѣ на сцену выступаетъ фантастическое отраженіе собственнаго невѣжества—«духовная причина»—и объясняетъ безъ дальнѣйшихъ затрудненій то, что до сихъ поръ не поддается объясненію <sup>85</sup>).

Врядъ ли нужно даже доказывать, что «духовныя причины» Гартмана тождественны съ devil-devil австралійскаго негра. Наука знаетъ одинъ только видъ духа—человѣческій. И тамъ, гдѣ въ научномъ смыслѣ говорится о «духовныхъ причинахъ», всегда предполагается, что онѣ проявляются чрезъ посредство человѣческихъ тѣлъ. Всѣ прочія наши предположенія о «духѣ» трансцендентны и принадлежатъ къ области идей. Мы вправѣ, разъ мы перешли черезъ матеріализмъ къ идеализму, все существующее объявить духовнымъ, на томъ основаніи, что оно прежде всего есть наше представленіе; но покуда мы проводимъ еще различіе между духомъ и матеріей, мы не вправѣ изобрѣтать духовъ и духовныя причины, тамъ, гдѣ они намъ не даны.

Что касается человѣческаго духа, то допустимъ даже, что можно держаться взгляда, по которому въ мозгу механическая работа исчезаетъ и превращается въ «духъ», и что обратно—изъ одного лишь «духа» возникаетъ определенное количество работы. Что мы этого взгляда не раздѣляемъ, а напротивъ принимаемъ непрерывную причинную цѣпь матеріальныхъ процессовъ, выяснено уже достаточно выше. Но допустимъ здѣсь на минуту противоположное, чтобы имѣть какой-нибудь примѣръ «духовныхъ причинъ», производящихъ матеріальные процессы. Обобщать эту гипотетическую причину тѣмъ менѣе позволительно, что у насъ отсутствуетъ всякая аналогія между процессомъ природы и процессами, совершающимися въ человѣкѣ. Здѣсь можно напомнить требованіе Дюбуа-Реймона, чтобы ему, разъ отъ него требуютъ признанія міровой души, указать былъ гдѣ-либо во вселенной мозгъ этой души. Отчего это требованіе кажется намъ такимъ страннымъ? Просто оттого, что при явленіяхъ природы, при которыхъ болѣе всего направивается антропоморфическое возрѣніе, мы совсѣмъ не привыкли думать о мозгѣ или о совершающихся внутри его молекулярныхъ движеніяхъ. Мы тутъ скорѣе представляемъ себѣ божественныя руки какъ руки человѣческія; вообще въходъ вещей въшпиваются жизненныя проявленія воображаемыхъ существъ по аналогіи съ человѣческими дѣйствіями, а не съ человѣческими мозговыми процессами. Вѣрующій усматриваетъ въ ходѣ событій «руку божью», а не молекулярное движеніе въ

мозгу міровой души. Дикари принимаютъ вездѣ существованіе призраковъ сверхчеловѣчески—человѣкоподобныхъ. Понятіе о не-матеріальныхъ причинахъ развилось изъ этихъ представленій, а не изъ теоріи мозговой дѣятельности, и все представленіе о «духовной области» наблюдаемыхъ нами явленій извлечено изъ этихъ нестрыхъ созданій вѣры и суевѣрія. Наука не знаетъ такой «духовной области» и не можетъ поэтому искать въ ней какихъ-либо причинъ. Чего она не въ состояніи объяснить естественно, съ точки зрѣнія основныхъ принциповъ механическаго міросозерцанія, того она не объясняетъ и разсматриваетъ какъ неразрѣшенную пока еще проблему. Напротивъ того, слѣвая вѣра и лжефилософія во всѣ времена сходились въ томъ, что необъяснимое они объясняли словами, позади которыхъ скрываются только болѣе или менѣе грубыя представленія о привидѣніяхъ, т. е. фантастическое отраженіе нашего невѣжества.

Изъ этихъ принциповъ вытекаетъ также возможность очень оригинальнаго исчисленія вѣроятностей. Для этого рода исчисленія необходима полная дисъюнкція. Если подъ «духовными причинами» понимать явѣ что опредѣленное—напримѣръ, дѣйствія человѣческаго или антропоморфически мыслимаго божественнаго существа,—то этой дисъюнкціи нельзя было-бы произвести съ увѣренностью. Вѣдь можно себѣ представить причины третьяго рода, напримѣръ колдовство, вліяніе астральныхъ духовъ, спиритизмъ и т. п., причеиъ съ этой точки зрѣнія все такое пришлось бы серьезно принимать въ расчетъ; но если подъ «духовнымъ» понимать попросту все, что въ настоящее время не можетъ быть еще доказано какъ матеріальное, то передъ нами полная дисъюнкція. Нѣкоторые не открытыя еще матеріальныя причины просто отпадаютъ, а все прочее есть devil—devil.

Теперь можно доказать, что вѣроятность того, что въ дѣлѣ участвуетъ devil-devil, при всѣхъ процессахъ природы равна достовѣрности. Гартманъ доказываетъ это не относительно всѣхъ процессовъ природы, а лишь относительно тѣхъ изъ нихъ, которые подходятъ философіи безсознательнаго. Но методъ настолько же простъ, насколько очевидна его всеобщая приложимость. Если вѣроятность того, что М имѣетъ матеріальную причину, мы обозначимъ чрезъ  $\frac{1}{2}$ , то вѣроятность «духовной причины» будетъ  $1 - \frac{1}{2}$ . Если матеріальныхъ причинъ нельзя отыскать, то  $\frac{1}{2}$  становится ничтожно малой, а обратное — достовѣрностью, которая выражается чрезъ 1.

Еще краше выходитъ дѣло при разсматриваніи опредѣленнаго единичнаго процесса природы. Здѣсь мы имѣемъ ту выгоду, что всякій такой процессъ можно разложить на цѣлый рядъ частичныхъ процессовъ которые, понятно, всѣ подлежатъ сомнѣнію, обоснованы ли они всѣ чисто физически. Тогда можно, опираясь на извѣстное положеніе элементарной теоріи вѣроятностей, великодушничать безъ всякихъ опасеній. Вѣроятность того, что отдѣльные частичные процессы возникаютъ по матеріальнымъ причинамъ, можно признать довольно высокой, и тѣмъ не менѣе вѣроятность ихъ совпаденія будетъ очень мала, такъ какъ она есть продуктъ отдѣльныхъ вѣроятностей. Пусть, напримѣръ, при 15 частичныхъ процессахъ вѣроятность физическаго обоснованія каждаго изъ нихъ равняется 0,9. Естествоиспытатель былъ бы, правда, склоненъ признать ее

безъ оговорокъ равной 1, но это происходитъ оттого, что естествоиспытатель принимается во вниманіе также и не наблюдавшіяся до тѣхъ поръ естественныя причины, затѣмъ — изъ всей предшествующей исторіи естествознанія онъ выводитъ заключеніе по индукціи, что при достаточномъ расширеніи изслѣдованія въ концѣ концовъ все можно объяснить на основаніи обыкновенныхъ законовъ природы. При такомъ предположеніи кунштюкъ философіи безсознательнаго болѣе невозможенъ. Но если остановиться на вѣроятности 0,9, то на основаніи вышесказаннаго вѣроятность составного процесса будетъ равняться пятнадцатой степени этой дроби, а это уже чрезвычайно маленькая дробь, по сравненію съ которою ея противоположность, «духовная причина», выступаетъ въ блескѣ довольно значительной вѣроятности.

Такимъ же образомъ можно доказать, что человѣкъ не въ состояніи въ игрѣ въ кости выиграть десять разъ подрядъ безъ содѣйствія фортуны или домового (*spiritus familiaris*). Труденъ только первый шагъ. Установимъ съ наивною увѣренностью раздѣлительное положеніе, что при всякомъ счастливомъ случаѣ либо участвуетъ фортуна, либо нѣтъ. Вѣроятность выигрыша безъ содѣйствія фортуны въ единичномъ случаѣ равна  $\frac{1}{2}$ , а тогда вѣроятность десятикратнаго выигрыша будетъ исчисляться десятою степеню отъ  $\frac{1}{2}$ . Вѣроятность участія фортуны въ такомъ случаѣ очень приближается къ достовѣрности.

Кто нѣсколько основательнѣе знакомъ съ теоріей вѣроятностей, тому извѣстно, что вѣроятность для любого опредѣленнаго ряда одинаково возможныхъ происшествій сама по себѣ представляетъ одну и ту же величину, такъ что, напримѣръ, случай, при которомъ нашъ игрокъ выигрываетъ въ первой игрѣ, проигрываетъ во второй, третьей и четвертой, опять выигрываетъ въ пятой и шестой, проигрываетъ въ седьмой, выигрываетъ въ восьмой и девятой опять проигрываетъ въ десятой, столь же мало вѣроятенъ, какъ и то, что онъ выиграетъ десять разъ подрядъ <sup>86)</sup>. Даже дѣйствительность тамъ, гдѣ она зависитъ отъ очень многочисленныхъ единичныхъ обстоятельствъ, или гдѣ она представляетъ собою частный случай изъ очень многихъ возможныхъ, представляется всегда а priori въ высшей степени невѣроятной, что не причиняетъ однакоже никакого ущерба ея дѣйствительности. Объясняется это просто тѣмъ, что вся теорія вѣроятностей представляетъ собою абстракцію отъ дѣйствующихъ причинъ, которыя именно намъ неизвѣстны, — намъ извѣстны нѣкоторыя общія условія, которыя мы и кладемъ въ основу нашего вычисленія. Когда кость брошена и летитъ въ воздухѣ, то въ силу законовъ механики уже точно опредѣлено, какой стороною она будетъ обращена къ верху, тогда какъ нашему а priori сужденію вѣроятность для этой стороны, какъ и для всякой другой, будетъ представляться равной  $\frac{1}{6}$ .

Если въ урнѣ находится миллионъ шаровъ, и я опускаю въ нее руку, чтобы вынуть одинъ изъ нихъ, то вѣроятность для каждаго отдѣльнаго шара равна одной миллионной, и однако же одинъ шаръ — и притомъ одинъ опредѣленный шаръ — вынимается съ необходимостью. Та дробь, которою исчисляется вѣроятность, опредѣляетъ только степень нашей субъективной неувѣренности относительно того, что произойдетъ, и точно то же надо сказать и о тѣхъ примѣрахъ, которые Гартманъ заимствуетъ изъ области органической природы. Такъ, напримѣръ, то,

что среди естественныхъ причинъ зрительнаго акта, имѣются особые свѣточувствительные нервныя пучки, исходящія изъ головного мозга и распредѣляющіяся въ сѣтчаткѣ, есть явленіе, условія котораго до такой степени сложны и мало изучены, что смѣшно было бы говорить здѣсь о «вѣроятности»  $=0,9$  или даже  $=0,25$ . Напротивъ того, вѣроятность случая и на го возникновенія чего либо подобнаго равна почти нулю и однакоже это явленіе дѣйствительно и притомъ, какъ признаетъ всякій мыслящій естествоиспытатель, и необходимо въ силу общихъ законовъ природы. Изъ-за «невѣроятности», представляющей только математическое выраженіе нашей субъективной неувѣренности, обращаться къ принципу, лежащему по ту сторону естествознанія, значило бы пожертвовать наукой и здравымъ методомъ ради химеры.

Болѣе обстоятельный разборъ философіи безсознательнаго не входитъ въ планъ нашего изслѣдованія. Путь отъ того пункта, гдѣ мы съ ней расстаемся, къ ложной телеологіи чрезъ посредство «безсознательнаго» вмѣшательства ясенъ самъ собою, и мы имѣемъ здѣсь дѣло только съ «фундаментомъ» новаго метафизическаго строенія. Мы достаточно уже выяснили, что съ нашей точки зрѣнія цѣнность метафизическихъ системъ связана не съ основой ихъ доказательствъ, сплошь покоящейся на самообманѣ. Если «философія безсознательнаго» когда либо достигнетъ такого вліанія на искусство и литературу эпохи и станетъ такимъ выраженіемъ господствующаго духовнаго теченія, какъ это было нѣкогда съ системами Шеллинга и Гегеля, то какъ бы ни были хрупки ея основы, она будетъ имѣть право считаться національною философіей перваго ранга. Періодъ, характеризующійся ею былъ бы періодомъ умственнаго упадка, но и періоды упадка имѣютъ своихъ великихъ философовъ; такимъ, напримѣръ, является Плотинъ на исходѣ греческой философіи. Во всякомъ случаѣ замѣчательно то, что такъ скоро послѣ похода нашихъ матеріалистовъ противъ всей въ совокупности философіи могла встрѣтить значительное сочувствіе система, становящаяся въ болѣе рѣзкую противоположность къ положительнымъ наукамъ, чѣмъ какая либо изъ предшествующихъ системъ<sup>87)</sup> и повторяющая въ этомъ отношеніи всѣ ошибки Шеллинга и Гегеля, только въ несравненно болѣе грубой и наглядной формѣ.

## ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

### Естествознаніе (продолженіе): человекъ и душа.

#### I. Положеніе человека въ царствѣ животныхъ.

Черезъ всю исторію матеріализма проходитъ та характерная черта, что интересъ къ космическимъ вопросамъ постепенно ослабѣваетъ, между тѣмъ какъ вопросы антропологическіе вызываютъ все болѣе страстные споры. Могло бы показаться, что это антропологическое направленіе матеріализма достигло своего кульминаціоннаго пункта въ прошломъ столѣтіи, потому что великія открытія новѣйшаго времени въ области химіи, физики, геологіи и астрономіи возбудили цѣлый рядъ вопросовъ, къ которымъ матеріализмъ долженъ былъ стать въ опредѣленное отношеніе. Но для этого матеріализму вовсе не было нужды въ существенно новыхъ принципахъ или въ раздражающихъ и вызывающихъ споръ возрѣніяхъ. Съ другой стороны и антропология сдѣлала поразительные успѣхи—отчасти, правда, въ такихъ областяхъ, которыя мало затрагиваютъ вопросъ о матеріализмѣ. Всякаго рода духи болѣзней были устранены, кастовая замкнутость медиковъ была нѣсколько расшатана, а благодаря сравнительной и экспериментальной физиологіи пришли къ поразительнымъ выводамъ о функціи важнѣйшихъ внутреннихъ органовъ. Въ тѣхъ же областяхъ, которыя стоятъ въ тѣснѣйшей связи къ вопросамъ матеріализма, новѣйшія изслѣдованія доказали несостоятельность прежнихъ возрѣній, не замѣнивъ ихъ однако никакою другою теоріей, которая могла бы служить матеріализму твердою опорой. Дѣятельность нервной системы перестала быть для насъ такою загадкой, какою она представлялась или должна была представляться матеріалистамъ прошлаго вѣка. Мозгъ сталъ для насъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе понятенъ, чѣмъ прежде; съ колоссальнымъ усердіемъ его подвергли анатомическому изученію, измѣрили, взвѣсили, анализировали, изслѣдовали микроскопически; стали изучать его патологическія формы, сравнили съ мозгомъ животныхъ и подвергли на этихъ послѣднихъ эксперименту; и при всемъ томъ до сихъ поръ не удалось еще выставить общую гипотезу о физиологической связи и способѣ дѣйствія отдѣльныхъ его частей; тѣмъ больше возникло на этотъ счетъ басень, и матеріалисты, конечно, не отставали отъ другихъ. Гораздо болѣе обильные плоды принесла область о б ѣ н а в е щ е с т в ѣ , какъ и вообще область примѣненія физики и химіи къ функціямъ живого организма. Хотя и здѣсь многіе результаты якобы точнаго изслѣдованія въ значительной мѣрѣ требуютъ къ себѣ критическаго отношенія, но въ общемъ можно считать удачно выполненною задачу



изобразить живого человека, какъ онъ представляется съ внѣшней стороны, на подобіе органическихъ и неорганическихъ тѣлъ, въ качествѣ продукта господствующихъ въ природѣ силъ. Другая чрезвычайно важная область, а именно фізіологія органовъ чувствъ, дала напротивъ рѣшающія основанія для устранения матеріализма; однако до сихъ поръ въ пререканіяхъ къ ней мало обращались, такъ какъ противники матеріализма отчасти не могутъ пользоваться для своихъ цѣлей этого рода опроверженіемъ, отчасти же не обладаютъ необходимыми свѣдѣніями. Тѣмъ временемъ дѣлались также попытки подвергнуть и психологію естественно-исторической и даже математико-механической обработкѣ. Возникли новыя науки — психофізика и моральная статистика, которыя, повидимому, поддерживаютъ это стремленіе. Такъ какъ въ послѣднее время матеріалистическій споръ часто называли споромъ о душѣ, то на протяженіи этого отдѣла намъ придется не разъ касаться всѣхъ этихъ областей.

Но прежде всего намъ слѣдуетъ разобрать вопросъ о происхожденіи и времени существованія человѣческаго рода и о положеніи человека въ царствѣ животныхъ. Хотя этотъ вопросъ весьма оживленно обсуждался уже во время поднятаго Бюхнеромъ и Фохтомъ матеріалистическаго спора, однако лишь въ послѣдствіи, благодаря рѣдкому усердію изслѣдователей во всѣхъ причастныхъ къ этому областяхъ, онъ до нѣкоторой степени изъять изъ сферы произвола, субъективныхъ мнѣній и рискованныхъ гипотезъ. Этотъ вопросъ обыкновенно разбираютъ въ тѣснѣйшей связи съ теоріей Дарвина о происхожденіи организмовъ, — даже чуть ли не какъ наиболѣе интересный пунктъ и важнѣйшій ея результатъ. Но очевидно, что естественно-историческій интересъ теоріи происхожденія видовъ исчерпывается приложеніемъ общаго принципа къ вопросу о происхожденіи организмовъ. Что человекъ также составляетъ одно изъ звеньевъ этой великой цѣпи, съ естественно-исторической точки зрѣнія понятно само собою; но понятно также, что изслѣдованія, относящіяся къ вопросу о происхожденіи человѣческой культуры и духовной жизни, поскольку они нуждаются въ особомъ объясненіи, совершаются въ особыхъ областяхъ знанія въ тѣсной связи съ обширною областью антропологическихъ вопросовъ. Такъ, пока еще всемірную исторію не трактуютъ какъ часть естественной исторіи, хотя и теперь уже можно предугадывать, что принципы борьбы за существованіе и здѣсь играютъ большую роль.

Дуализмъ между духомъ и природой можно критически разложить или умозрительно «преодолѣть»; съ точки зрѣнія естествознанія можно считать аксіомой, что въ концѣ концовъ и духовная жизнь будетъ понята какъ продуктъ общихъ естественныхъ законовъ; однако, покуда мы для познанія этихъ областей пользуемся различными исходными пунктами, и покуда мы для оцѣнки ихъ явленій употребляемъ различныя мѣрила, нельзя воспрепятствовать тому, чтобы дѣлалось различіе между природой и духомъ. Кантъ считаетъ чѣмъ-то само собою понятнымъ, что человекъ только путемъ внутренняго развитія возвысился изъ животнаго предсуществованія до человѣческаго состоянія; истиннымъ-же моментомъ сотворенія человека онъ считаетъ первое появленіе мысли объ «я»<sup>1)</sup>. Такимъ образомъ и до сихъ поръ главнымъ остается вопросъ о первобытной исторіи духа и культуры, такъ какъ съ точки зрѣнія естествознанія происхож-

деніе человѣка изъ животнаго царства понятно само собою. между тѣмъ какъ его духовная жизнь все еще представляетъ проблему, даже если мы примемъ всѣ выводы ученія о происхожденіи видовъ. Затѣмъ, чтобы истинно философское воззрѣніе стало доступнымъ болѣе широкимъ кругамъ, нужна была предварительная работа, которая просвѣтила бы и освободила бы ихъ отъ ложныхъ понятій, въ особенности въ области геологіи и палеонтологіи.

Догматы о земныхъ переворотахъ, о послѣдовательномъ возникновеніи живыхъ существъ, о позднемъ появленіи человѣка уже заранѣе противопоставлялись матеріализму и въ особенности пантеизму. Въ то время, какъ Бюффонъ и Ламеттри, а позднѣе нѣмецкіе натурфилософы, съ Гёте во главѣ, съ большою живостью ухватились за мысль о единствѣ творенія и пытались сплошь объяснить появленіе высшихъ формъ путемъ постепеннаго развитія изъ формъ низшихъ, противникомъ этихъ стремленій къ единству выступилъ Кювье — тончайшій знатокъ частныхъ фактовъ. Онъ опасался пантеизма. Наиболѣе совершеннымъ представителемъ этой пантеистической объединительной философіи былъ Гёте; уже раньше у него возникло разногласіе съ Камперомъ и Блюменбахомъ по поводу межчелюстной кости, которая будто-бы отличаетъ обезьяну отъ человѣка, и до самой своей смерти онъ съ величайшимъ интересомъ слѣдилъ за споромъ объ единствѣ организмовъ. Такъ, онъ сообщаетъ намъ между прочимъ сердитое замѣчаніе Кювье: «Я знаю—для извѣстнаго рода умовъ за этою теоріей аналогіи скрывается, быть можетъ и въ туманной формѣ, другая очень старая теорія, которая хотя давно уже опровергнута, но вновь отыскана нѣкоторыми нѣмцами для того, чтобы поддержать пантеистическую систему, называемую ими «натурфилософіей»<sup>2)</sup>».—Это высокомѣрие положительнаго знанія по отношенію къ обобщающему воззрѣнію, гнѣвъ анализирующаго изслѣдователя по отношенію къ объединяющимъ мыслителямъ были причиною того, что отъ Кювье скрылось громадное логическое различіе между отсутствіемъ доказательствъ и доказательствомъ отсутствія какаго либо событія. Не былъ извѣстенъ ископаемый человѣкъ, и онъ рѣшилъ, что его и быть не можетъ.

Такое рѣшеніе тѣмъ болѣе насъ поражаетъ, что въ естествознаніи отрицательное положеніе имѣть вообще только второстепенное значеніе; при той чрезвычайно малой части земной поверхности, которая была въ то время изслѣдована, было бы совершенно непонятно, какъ можно было рѣшиться на такое общее утвержденіе, если бы связь его съ излюбленною теоріею послѣдовательнаго творенія не дала намъ ключа къ этой загадкѣ. Послѣдовательное твореніе было нѣкотораго рода видоизмѣненіемъ библейскаго ученія о дняхъ творенія—ученіе которое и теперь еще, когда оно уже совершенно не соответствуетъ фактамъ, имѣетъ много приверженцевъ. Фохтъ въ своей живой полемикѣ такъ сильно и наглядно сопоставляетъ тогдашнюю теорію съ современными фактами, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь нарисованную имъ картину, не смотря на нѣкоторыя излишнія остроты.

«Прошло едва 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Кювье говорилъ: нѣтъ и не можетъ быть ископаемыхъ обезьянъ; нѣтъ и не можетъ быть окаменѣлаго человѣка,—а теперь мы говоримъ объ ископаемыхъ обезьянахъ,

как о старых знакомых, и относимъ ископаемаго человѣка не только къ наноснымъ образованіямъ, но и къ позднѣйшимъ третичнымъ пластамъ, хотя нѣкоторые закоснѣлые люди и до сихъ поръ утверждаютъ, что положеніе Кювье гениально и не можетъ быть опровергнуто. Прошло едва 20 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Агасиссъ училъ: переходные слои, палеозойныя образованія—царство рыбъ; въ эту эпоху нѣтъ никакихъ пресмыкающихся, да и не могло быть, такъ какъ это противорѣчило бы плану творенія; вторичныя образованія (тріасъ, юра, мѣль) — царство пресмыкающихся; нѣтъ никакихъ млекопитающихъ и не могло таковыхъ быть—по той же причинѣ; третичные слои—царство млекопитающихъ; нѣтъ человѣка и не могло быть;—наше время—царство человѣка. Куда теперь дѣвался весь этотъ планъ творенія съ своими монополіями. Пресмыкающіяся въ девонскихъ пластахъ, пресмыкающіяся въ углѣ, пресмыкающіяся въ діасовыхъ отложеніяхъ—прошай, царство рыбъ! Млекопитающія въ юрѣ, млекопитающія въ самыхъ нижнихъ мѣловыхъ пластахъ—до свиданія, царство пресмыкающихся! Люди въ верхнихъ третичныхъ пластахъ, люди въ наносныхъ слояхъ—до другого раза, царство млекопитающихъ!»<sup>3</sup>).

Замѣчательно, что уже черезъ годъ послѣ смерти Кювье и Гете стала извѣстна находка, которой одной было бы достаточно для того, чтобы разрушить до основанія теорію перваго, если бы почтеніе къ авторитетамъ и слѣпое предубѣжденіе не были болѣе распространены, чѣмъ прямая воспримчивость къ фактамъ. Мы говоримъ про находку д-ра Шмерлинга въ костяныхъ пещерахъ Ениса и Енгигула близъ Люттиха. Нѣсколько лѣтъ спустя Буше-де-Перть (Boucher de Perthes) началъ свои неутомимые поиски человѣческихъ остатковъ въ дилувіальныхъ образованіяхъ, которые послѣ долгихъ трудовъ были вознаграждены открытіями въ долинѣ Сомы. Послѣ долгихъ споровъ его взгляды были наконецъ признаны, и съ тѣхъ поръ въ изслѣдованія приняты постепенно другое направление. Новый рядъ въ высокой степени интересныхъ открытій близъ Ауриньяка, Лермы и Неандерталя на Дюссель совпалъ по времени съ постепенной побѣдой возрѣвевшей Ляйалля на образованіе земной коры и съ новымъ ученіемъ Дарвина о происхожденіи видовъ. Когда взгляды специалистовъ измѣнились, были извлечены нѣкоторыя прежнія замѣчанія и сопоставлены съ новѣйшими открытіями. Все это вмѣстѣ привело къ тому, что дѣйствительно были найдены человѣческіе остатки, строеніе и мѣсто залеганія которыхъ доказывали, что родъ нашъ существовалъ совмѣстно съ тѣми прежними породами медвѣдей, гіены и другихъ млекопитающихъ, которые называются пещерными—по мѣсту нахождения ихъ остатковъ.

Къ какому же времени относятся эти остатки? На этотъ счетъ было высказано столько измѣнчивыхъ и противорѣчивыхъ предположеній, что единственный выводъ, который можно сдѣлать изъ нихъ—это крайняя шаткость всѣхъ до сихъ поръ практиковавшихся способовъ вычисленія. Десять лѣтъ тому назадъ всѣ склонялись еще въ пользу такихъ періодовъ, которые считаются сотнями тысячъ лѣтъ; въ настоящее время наступила напротивъ сильная реакція, хотя не только значительно обогатился матеріалъ о человѣкѣ дилувіальнаго періода, но имѣются также и слѣды существованія нашего рода въ третичномъ періодѣ<sup>4</sup>).

Въ пещерѣ Кро-Маньона<sup>5</sup>) найдены были (въ 1868 г.) человѣческіе остатки пяти различныхъ индивидовъ, совмѣстно съ костями

стями большого медвѣдя, сѣвернаго оленя и другихъ животныхъ дилювіальнаго періода. По особенностямъ этихъ человѣческихъ скелетовъ заключали о существованіи расы, обладавшей атлетическою силой, животною дикостью, но въ то же время и высоко развитымъ мозгомъ. Въ нѣкоторыхъ болѣе глубокихъ слояхъ той же пещеры найдены были каменные орудія и другіе слѣды человѣческой дѣятельности, часть которыхъ должна была принадлежать еще болѣе древнему роду. Въ Големъ фельсѣ<sup>6)</sup> близъ Блаубейрена профессоръ Фраазъ нашель (въ 1870 г.) древнее мѣстопробываніе людей, которые охотились за тремя видами медвѣдя, между прочимъ и за пещернымъ, и ѣдали ихъ. Въ той же пещерѣ находятся многочисленные остатки оленя, изъ роговъ котораго дѣлались при помощи кремневыхъ ножей орудія. Подъ грубымъ оружіемъ этихъ пещерныхъ обитателей палъ также и левъ, своими размѣрами значительно превосходившій современнаго африканскаго. Носорогъ и слонъ были ихъ современниками.

Главнымъ представителемъ теоріи короткихъ періодовъ является открывшій эти памятники прошлаго Фраазъ. Съ величайшимъ глубокомысліемъ находитъ онъ въ преданіяхъ древности и среднихъ вѣковъ многочисленные слѣды, блѣдныя воспоминанія о культурныхъ условіяхъ пещерной эпохи и о сношеніяхъ съ тогдашними животными. И въ самомъ дѣлѣ, мнѣніе объ особыхъ, длившихся цѣлыми тысячелѣтіями періодахъ мамонта, пещернаго медвѣдя, оленя, кажется неосновательнымъ. Всѣ эти животныя одновременно жили въ средней Европѣ, хотя не всѣ они въ одно время сошли съ арены. Большая или меньшая ступень сохраненія или разрушенія костей обусловливается почти исключительно степенью влажности мѣста ихъ нахожденія и состояніе ихъ не можетъ служить признакомъ для опредѣленія ихъ возраста. Если Фраазъ путемъ своеобразнаго соединенія геологической критики съ миѳологическими или этимологическими преданіями приходитъ къ такому періоду, который лежитъ въ предѣлахъ 6000 лѣтъ библейской исторіи творенія, то противъ этого ничего нельзя по существу возразить, разъ только доказательства его основательны. Полная независимость естествознанія отъ библейскихъ традицій должна выражаться не только въ томъ, чтобы въ астрономическихъ и геологическихъ теоріяхъ, гдѣ въ этомъ есть нужда, принимать какіе угодно громадныя періоды, но и въ томъ, чтобы не обращая вниманія на скрытую торжествующую усмѣшку враговъ свободнаго знанія, довольствоваться, коль скоро къ этому приводятъ факты, періодами въ нѣсколько тысячъ лѣтъ. Свободное изслѣдованіе не потерпитъ отъ этого никакого дѣйствительнаго ущерба, равно какъ и христіанская вѣра съ внутренней стороны не найдетъ въ этомъ поддержки, которая была бы необходима для его дальнѣйшаго существованія. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ нужнымъ снова напомнить здѣсь, что съ методической стороны было бы совершенно неосновательно считать большія числа чѣмъ-то невѣроятнымъ; напротивъ того, въ сомнительныхъ случаяхъ большее число имѣетъ за себя больше вѣроятія. Доказательства должны быть приведены въ пользу минимума, а отъ такихъ доказательствъ еще очень далеки тѣ разсужденія, которыя Фраазъ почерпнулъ изъ филологіи и преданій.

По всей вѣроятности рѣшающее слово въ этомъ вопросѣ будетъ принадлежать астрономіи. И теперь уже слѣды ледянаго періода ставятъ въ связь съ астрономическими фактами, и притомъ двоякимъ

образомъ: во-первыхъ съ періодическимъ измѣненіемъ наклона эклиптики и во-вторыхъ съ измѣненіемъ эксцентричности земной орбиты. Но въ то время, какъ послѣднее объясненіе отодвигаетъ отъ насъ ледяной періодъ по меньшей мѣрѣ на 200.000, если не на 800.000 лѣтъ, первое приводитъ всего къ 21.000 лѣтъ, въ теченіе которыхъ ледяной періодъ былъ-бы то не сѣверномъ, то на южномъ полушаріи земли <sup>7)</sup>. Путь этотъ со временемъ долженъ привести различныя возрѣнія къ безусловно неоспоримому рѣшенію вопроса о томъ, могли-ли эти измѣненія оказывать такое глубокое вліяніе на климатическія условія земли, или нѣтъ. Если результатъ получится отрицательный, то для объясненія намъ останется прибѣгнуть только къ земнымъ явленіямъ,—къ измѣненіямъ въ высотѣ континентовъ и морей, въ направленіи холодныхъ и теплыхъ морскихъ теченій и т. п.; при этомъ надежда на точную хронологію этихъ измѣненій была-бы впрочемъ очень слаба. Но кромѣ того слѣдуетъ имѣть въ виду, что не только обѣ эти астрономическія причины ледяного періода могли существовать одновременно, — надо также серьезно считаться съ возможностью совмѣстнаго дѣйствія ихъ съ земными превращеніями. Допустимъ, напримѣръ, что на сѣверномъ полушаріи максимумъ холода былъ приблизительно 11.000 лѣтъ тому назадъ; въ такомъ случаѣ весьма возможно, что въ переходное время отъ этого состоянія къ современному, хотя-бы, напримѣръ, отъ 8000 до 4000 лѣтъ тому назадъ, ледниковый періодъ много разъ исчезалъ и вновь наступалъ подъ вліяніемъ земныхъ причинъ, пока наконецъ все возрастающая теплота не положила глетчерамъ твердыхъ предѣловъ.

Въ силу этого даже слѣды человѣческой жизни доходящія до третичной системы, не служатъ еще доказательствомъ, что время существованія нашего рода надо считать сотнями тысячъ лѣтъ.

Но чѣмъ вообще представляется въ свѣтѣ науки вопросъ о «времени существованія человѣческаго рода»? Такъ какъ человѣкъ, подобно всѣмъ остальнымъ организмамъ, ведетъ свое физическое происхожденіе отъ перваго появленія на землѣ органической жизни, то рѣчь можетъ идти только о слѣдующаго рода вопросѣ: къ какому времени относится появленіе на землѣ существъ, подобныхъ намъ своею организаціей, такъ что съ того момента уже не произошло существеннаго развитія во внѣшней формѣ и строеніи? Къ этому вопросу непосредственно примыкаетъ съ одной стороны вопросъ о формахъ промежуточныхъ и предшественныхъ человѣческому существу, съ другой — вопросъ о зачаткахъ человѣческой культуры.

Промежуточныхъ формъ мы по всей вѣроятности не должны даже искать на почвѣ современной Европы, въ которую человѣкъ эмигрировалъ повидимому лишь по достиженіи своего полнаго физическаго развитія. «Великій перерывъ», говоритъ Дарвинъ, «въ органической цѣпи между человѣкомъ и его ближайшими родственниками, незаполнимый никакими ни вымершими, ни живущими видами, часто выставляется въ видѣ серьезнаго возраженія противъ взгляда, что человѣкъ произошелъ отъ нѣкоторой низшей формы. Но это возраженіе не покажется особенно существеннымъ тому, кто вѣритъ въ принципъ эволюціи по основаніямъ общаго характера. Такіе перерывы постоянно наблюдаются во всѣхъ частяхъ ряда, причемъ одни изъ нихъ широки, рѣзки и опредѣленны, другіе въ разной степени менѣе значительны, такъ, напримѣръ, перерывъ между orangомъ и его ближайшими родственниками, между лемуромъ Tarsius и

другими лемуroidными, между слономъ и другими млекопитающими, и въ еще болѣе поразительной степени, между утконосомъ или ехидной и всѣми прочими млекопитающими. Но такіе перерывы зависятъ единственно отъ многочисленности вымершихъ родственныхъ формъ. Въ нѣкоторую будущую эпоху, если измѣрять ее столѣтіями—даже не слишкомъ отдаленную, цивилизованная человѣческія расы почти навѣрно истребятъ и замѣстятъ дикія племена на всемъ земномъ шарѣ. Къ тому же времени будутъ, какъ замѣчаетъ профессоръ Шаафгаузенъ, «истреблены и человѣкообразныя обезьяны. Тогда перерывъ будетъ еще шире, чѣмъ теперь, потому что придется сопоставлять человѣка, который, какъ можно надѣяться, будетъ даже болѣе цивилизованнымъ, нежели представитель кавказской расы, съ нѣкоторою обезьяной, такъ низко организованною, какъ павианъ, между тѣмъ какъ въ настоящее время мы можемъ сопоставить негра или австрайлца съ гориллой»<sup>8</sup>).

Но зато много фактовъ собрано въ послѣднее время относительно культурнаго состоянія этихъ первобытныхъ обитателей Европы; можно даже полагать, что найдена довольно прочная нить, соединяющая дилювіальнаго человѣка съ началомъ историческаго времени. О характерѣ жизни человѣка въ различные періоды развитія культуры свидѣлствуютъ главнымъ образомъ орудія, эти продукты и средства его промышленности. Въ пещерѣ возлѣ Лермы найдены человѣческіе останки, перемѣшанные съ костями и зубами пещернаго медвѣдя и пещерной гиены, подъ толстымъ слоемъ сталактита. Кромѣ человѣческихъ остатковъ найдены также слѣды его индустриі: трехугольный кремневый ножъ, трубчатая кость пещернаго медвѣдя, превращенная въ рѣзущій инструментъ, три нижнечелюстныхъ кости пещернаго медвѣдя, на восходящей вѣтви которыхъ просверлена дыра, чтобы можно было ееповѣсить, обструганный и заостренный на концѣ глазной зубецъ оленьяго рога. Но самое замѣчательное оружіе составляютъ двадцать половинокъ нижней челюсти пещернаго медвѣдя, въ которыхъ восходящая вѣтвь отбита, а тѣло кости обстругано такъ, что она образуетъ удобную рукоятку. Сильно выдающийся клыкъ образовалъ такимъ образомъ зубецъ, который одинаково могъ служить и оружіемъ и крючкомъ для разрыванія земли. «Если бы мы нашли только одинъ экземпляръ этихъ удивительныхъ инструментовъ—говорятъ авторы напечатаннаго въ Тулузѣ сообщенія—гг. Рамъ, Гарригу и Фильоль—то намъ могли бы возразить, что оно обязано своимъ происхожденіемъ случаю; но можно ли говорить о случаѣ, когда найдено двадцать челюстей, которыя всѣ обработаны одинаковымъ образомъ? Кромѣ того мы можемъ прослѣдить самую работу, съ помощью которой первобытный человѣкъ придалъ челюсти эту форму. На каждой изъ этихъ двадцати челюстей отчетливо видны надрѣзы и царапины, проведенные рѣзущимъ краемъ плохо отточеннаго кремневаго ножа»<sup>9</sup>).

Большое количество каменныхъ орудій найдено въ долинѣ рѣки Сомы, и Буше-де-Пертъ не мало повредилъ признанію своихъ открытій тѣмъ, что давалъ нѣкоторымъ изъ нихъ слишкомъ искусственное толкованіе. Мѣловой слой той мѣстности богатъ кремневыми гальками; достаточно ударить одну о другую до тѣхъ поръ пока одна разобьется, чтобы изъ обломковъ получить куски, изъ которыхъ послѣ нѣкоторой дальнѣйшей обработки получаются топоры и ножи дилювіальныхъ людей. А такъ какъ и обезьяна при случаѣ пользуется камнемъ въ качествѣ молотка, то могло бы показаться, что мы нашли здѣсь человѣка на ступени, которая весьма близко

граничить съ развитіемъ животнаго. Разница однако чрезвычайно велика; ибо терпѣніе, затраченное на изготовленіе инструмента, который имѣетъ только очень немного преимуществъ передъ простымъ камнемъ или осколкомъ, доказываетъ способность отвлекаться отъ непосредственныхъ потребностей и жизненныхъ наслажденій и ради цѣли направить свое вниманіе на средства; способность эту мы врядъ ли найдемъ у остальныхъ млекопитающихъ и даже у обезьянъ. Животныя строятъ себѣ нерѣдко довольно искусныя жилища, но мы не видали еще, чтобы они при построеніи ихъ пользовались искусственными орудіями. Какъ извѣстно, политическая экономія считаетъ существеннымъ моментомъ въ образованіи капитала изготовленіе перваго орудія. Такого начала человѣческаго развитія диллювіальный человѣкъ уже во всякомъ случаѣ достигъ. Въ политико-экономическомъ смыслѣ нашъ современный орангъ или чимпанзе былъ бы въ сравненіи съ нимъ нищимъ и бродягой. Если мы примемъ, что развитіе человѣческаго рода отъ самыхъ простыхъ органическихъ формъ до нынѣшняго періода совершалось постепенно, то не мало, конечно, прошло времени съ того момента, когда человѣкъ, крѣпко организованный, имѣлъ въ своемъ распоряженіи хорошо развитыя руки и кисти, до того, когда онъ въ помощь этимъ органамъ сталъ пользоваться изготовленными съ большими усиліями кремневыми ножами и медвѣжьими челюстями.

Но на ряду съ этими грубыми орудіями мы находимъ также несомнѣнные слѣды огня. Уже съ древнѣйшихъ временъ первобытныя обитатели Европы знали, повидимому, это важнѣйшее изъ всѣхъ человѣческихъ орудій и пользовались имъ.<sup>10)</sup> «Животное,» говоритъ Фохтъ, «бываетъ очень радо огню, который случайно загорѣлся, и грѣтся возлѣ него; человѣкъ старается его поддержать и добыть и пользуется имъ для различныхъ цѣлей.» И въ самомъ дѣлѣ, ярый защитникъ абсолютнаго различія между человекомъ и животнымъ не могъ бы найти лучшаго довода въ пользу своей точки зрѣнія даже вопреки новѣйшимъ открытіямъ: эта именно предусмотрительность, эта забота о будущихъ потребностяхъ и привели человека шагъ за шагомъ къ болѣе высокой культурѣ, а между тѣмъ мы находимъ ихъ довольно рѣзко выраженными въ такой глубокой древности. Тѣмъ не менѣе при спокойномъ размысленіи становится очевиднымъ, что намъ ничего не извѣстно о такомъ абсолютномъ различіи, и наука не даетъ намъ ни малѣйшаго основанія для принятія таковаго. Мы рѣшительно ничего не знаемъ ни о способности животныхъ къ дальнѣйшему развитію<sup>11)</sup>, ни о тѣхъ промежуточныхъ ступеняхъ, черезъ которыя человѣкъ долженъ былъ пройти, пока онъ научался добывать огонь и пользоваться имъ для своихъ цѣлей.

Съ величайшимъ остроуміемъ были сопоставлены результаты находокъ въ различныхъ мѣстахъ, для того чтобы сдѣлать выводъ, что въ одномъ случаѣ имѣются остатки пира людодовъ, въ другомъ—погребальной церемоніи. Мы не будемъ останавливаться на этихъ интересныхъ попыткахъ и только коснемся вкратцѣ тѣхъ выводовъ объ организаціи диллювіальнаго человека, которые были сдѣланы на основаніи строенія найденныхъ костей. Здѣсь мы къ сожалѣнію должны сообщать, что положенный въ основаніи матеріалъ довольно скуденъ. Находка въ Ориньякъ, пожалуй, наиболѣе интересная изъ всѣхъ, стала памятникомъ невѣжества одного медика, который распорядился похоронить на клад-

бищъ семнадцать дилювіальныхъ скелетовъ различнаго возраста и пола, и вполсѣдствіи, вѣроятно подѣ вліяніемъ фанатизма, не могли будто бы найти мѣста, на которомъ они были похоронены. Черезъ восемь лѣтъ всѣ лица, принимавшія въ этомъ участіе, а также всѣ зрители забыли будто бы мѣсто! Быть можетъ современемъ къ нимъ вернется память; пока надо довольствоваться ихъ утвержденіемъ, что всѣ скелеты были очень малаго роста <sup>12)</sup>. Неандертальскій скелетъ даетъ возможность заключить, что онъ принадлежалъ человѣку средняго роста съ чрезвычайно крѣпкою мышечною системою. Неандертальскій черепъ болѣе всѣхъ извѣстныхъ намъ череповъ похожъ на обезьяній. На этомъ основаніи можно заключить о крайней дикости этой дилювіальной расы. Рядомъ съ этимъ имѣется также черепъ изъ пещеры въ Энгисѣ близъ Лютиха, который очень хорошо сформированъ и не носитъ на себѣ никакихъ слѣдовъ болѣе низкой ступени развитія. Наконецъ, въ скелетахъ Кро-Маньона мы находимъ высоко развитое строеніе черепа, вмѣстѣ съ неблагопріятною формою лица и сильнымъ развитіемъ нижней челюсти, свидѣтельствующимъ о свирѣпости; строеніе остальнаго скелета доказываетъ не только сильное развитіе мышечной силы, но имѣетъ въ себѣ много обезьяноподобныхъ особенностей <sup>13)</sup>.

Изъ этого мы видимъ, во-первыхъ, что объ одной единственной расѣ дилювіальнаго человѣка не можетъ быть рѣчи, и, во-вторыхъ, что весьма значительное развитіе мозга не только относится къ самымъ отдаленнымъ временамъ, о какихъ мы имѣемъ свѣдѣнія, но что оно можетъ совпадать съ состояніемъ крайней грубости и дикой силы. Слѣдуетъ-ли смотрѣть на неандертальскій черепъ какъ на патологическое уродство или какъ на типъ особенно низко стоящаго племени, мы оставимъ здѣсь въ сторонѣ. Во всякомъ случаѣ мы должны принять, что уже въ тѣ первобытныя времена Европа была населена не однимъ человѣческимъ племенемъ, а нѣсколькими различными племенами. Ни одно изъ этихъ племенъ, даже въ самой ранней эпохѣ, о какой мы имѣемъ свѣдѣнія, не находилось въ такомъ состояніи, которое стояло-бы существенно ниже состоянія современныхъ намъ наименѣе культурныхъ дикарей. Если даже смотрѣть на неандертальскій черепъ какъ на типъ нѣкотораго племени, мы все-же не имѣемъ права отнести это племя къ такой ступени развитія, которая составляла-бы переходъ отъ обезьяны къ человѣку. Относительно столь новыхъ и поразительныхъ явленій, въ особенности если они блестящимъ образомъ подтверждаютъ господствующія идеи, изслѣдованіе легко становится черезчуръ поспѣшнымъ въ своихъ выводахъ. Съ нетерпѣливою горячностью хватаются за всякое новое открытіе, чтобы воспользоваться имъ для пополненія той цѣпи развитія, которой требуетъ законъ причинности нашего разума. Но сама эта горячность есть остатокъ недовѣрія къ дѣлу разума; какъ будто его дѣло будетъ проиграно въ пользу догматизма, если тотчасъ же не найдутся положительныя доказательства согласія природы съ возрѣніемъ разума! Чѣмъ болѣе мы освободимся отъ всякаго догматическаго тумана какаго бы то ни было рода, тѣмъ полнѣе исчезнетъ наше недовѣріе. Для Эпикура было еще дѣломъ большой важности доказать, что всѣ вещи могли возникнуть какимъ либо постижимымъ для насъ образомъ; для насъ же эта принципиальная постижимость всего намъ даннаго установлена уже достаточно прочно—все равно, будемъ ли мы ее выводить изъ достаточнаго опыта или дойдемъ до нея a priori путемъ де-



дуціи. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ эта поспѣшность? Люди того пошиба, что готовы были подтвердить подъ присягой справедливость догмата Кювье о несуществованіи ископаемыхъ людей, теперь стануть клятвенно утверждать, что нѣтъ переходныхъ формъ: вѣчное стараніе путемъ отрицательныхъ доводовъ спасти такую нелѣпость, которой нельзя защитить положительными! Поэтому примиримся съ тою мыслью, что и дилувіальная эпоха до сихъ поръ не представила намъ такого состоянія человѣка, которое существенно отличалось бы отъ состоянія австралійскаго негра <sup>14)</sup>.

Гораздо лучше обстоитъ дѣло съ промежуточными ступенями между человѣкомъ дилувіальнымъ и историческимъ. Въ этомъ отношеніи за послѣдніе годы предъ нами открылась область, усердная разработка которой обѣщаетъ пролить свѣтъ на первобытную исторію человѣчества. Сюда относятся возбудившіе много толковъ «кухонные отбросы», древнія кучи порожнихъ раковинъ и устричныхъ скорлупокъ, которыя были найдены на морскомъ берегу Даніи рядомъ съ несомнѣнными слѣдами человѣческой дѣятельности. Сюда же относятся главнымъ образомъ свайныя постройки швейцарскихъ и другихъ европейскихъ озеръ, вначалѣ, должно быть, служившія пристанищами и кладовыми, впослѣдствіи же, быть можетъ, превратившіяся въ складочныя мѣста для торговли береговыхъ жителей. Эти замѣчательныя постройки были открыты въ большомъ числѣ, однѣ за другими, послѣ того какъ д-ръ Келлеръ зимою 1853 и 1854 года замѣтилъ первую такую постройку близъ Мейлена на Цюрихскомъ озерѣ и оцѣнилъ все ея значеніе. Въ настоящее время въ предметахъ, которые находятъ въ большомъ числѣ главнымъ образомъ тамъ, гдѣ свайныя постройки носятъ на себѣ слѣды пожара, различаютъ три вѣка, изъ которыхъ самый послѣдній желѣзный, доходитъ до нашего времени. Предыдущіе же вѣка — серебряный и золотой, какъ въ мѣнахъ древнихъ: они приводятъ насъ къ такому времени, когда соответствующія племена имѣли утварь изъ бронзы, и затѣмъ къ каменному вѣку, первую зарю котораго мы находимъ уже у дилувіальнаго человѣка.

Но какъ показало дальнѣйшее изслѣдованіе, и эти переходы имѣютъ лишь относительное значеніе. Возможно, что въ одномъ мѣстѣ жили племена, пользовавшіяся орудіями каменнаго вѣка, между тѣмъ какъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ развилась уже высокая культура. Послѣ того, какъ человѣкъ однажды привыкъ къ каменнымъ орудіямъ, которыя къ тому же при хорошемъ матеріалѣ и удачномъ изготовленіи во многихъ случаяхъ отвѣчали какъ нельзя лучше своему назначенію, они могли удержаться втеченіе продолжительнаго времени, хотя бы на ряду съ ними пользовались уже металлами; такъ, мы и теперь у многихъ дикихъ племенъ находимъ въ употребленіи всевозможныя орудія изъ камня и раковинъ, притомъ нерѣдко на ряду съ привозными металлическими орудіями европейской работы. Поэтому мы можемъ радоваться тѣмъ важнымъ заключеніямъ, которыя свайныя постройки позволяютъ намъ сдѣлать относительно исторіи древнѣйшей промышленности, быта и постепеннаго роста культуры доисторическихъ племенъ; но относительно того, что впервые болѣе строго отдѣлило человѣка отъ животнаго, т. е. относительно зачатка специфически человѣческаго существованія, мы не находимъ здѣсь никакихъ указаній.

На одно обстоятельство слѣдуетъ однако обратить вниманіе — обстоятельство, которое новидимому стоитъ во внутренней связи съ зарожденіемъ специфически человѣческаго существованія; это именно — появленіе чувства красоты и нѣкоторыхъ зачатковъ искусства въ такое время, когда человѣкъ по всеѣмъ видимостямъ велъ еще ожесточенную борьбу съ большими хищными звѣрями и съ трудомъ поддерживалъ свое существованіе, полное ужасовъ и самыхъ губительныхъ превратностей. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ прежде всего упомянуть о контурныхъ изображеніяхъ животныхъ на камнѣ или кости, которыя впервые были найдены въ южнофранцузскихъ пещерахъ, а въ послѣднее время и близъ Шафгаузена въ Таингенѣ. Сюда же слѣдуетъ отнести и то, что даже въ самыхъ древнихъ и грубыхъ остаткахъ горшечной работы замѣтно извѣстное вниманіе къ пріятности формы, и что элементы орнаментики, кажется, почти столь же стары, какъ и вообще умѣніе изготовлять оружіе и утварь<sup>15</sup>). Мы видимъ здѣсь достойное вниманія подтвержденіе мысли, высказанной Шиллеромъ въ его «Художникахъ»; и въ самомъ дѣлѣ, если мы представимъ себѣ дикія страсти первобытнаго человѣка, то для противовѣса имъ врядъ ли существуетъ какой либо другой источникъ воспитательныхъ и возвышающихъ идей, кромѣ общества и чувства красоты. Это невольно приводитъ насъ къ извѣстному вопросу: началъ ли человѣкъ прежде пѣть или говорить? Здѣсь палеонтологія молчитъ, но зато выступаютъ соображенія анатомическія и фізіологическія. По остроумному замѣчанію Еггера, необходимымъ условіемъ употребленія рѣчи является искусное управленіе дыхательными движеніями, въ особенности легкое и свободное регулированіе выдоха, а это условіе можетъ быть въ совершенствѣ выполнено лишь при отвѣсномъ положеніи тѣла. Это относится, конечно, и къ пѣнію, и поэтому птицы, въ виду того, что грудная клѣтка у нихъ свободна, суть природныя пѣвцы и сравнительно легко научаются говорить. Дарвинъ склоняется въ пользу того, чтобы признать первенство за пѣніемъ. «Обсуждая вопросъ о половомъ подборѣ», замѣчаетъ онъ, «мы увидимъ, что первобытный человѣкъ или по крайней мѣрѣ нѣкоторый очень древній предокъ человѣка, вѣроятно, очень широко пользовался своимъ голосомъ для произведенія настоящихъ музыкальныхъ кадансовъ, т. е. для пѣнія, какъ это дѣлаетъ и теперь одинъ видъ гиббоноподобныхъ обезьянъ. По широко распространенной аналогіи, мы можемъ заключить, что эта способность специально изощрялась во время полового ухаживанія, выражая различныя душевныя настроенія, вродѣ любви, ревности, торжества, и служа также вызовомъ соперникамъ. По всей вѣроятности, подражаніе музыкальнымъ тонамъ посредствомъ членораздѣльныхъ звуковъ дало начало словамъ, выражавшимъ различныя сложныя ощущенія»<sup>16</sup>).

Что при образованіи рѣчи играло извѣстную роль и подражаніе звукамъ животныхъ, весьма вѣроятно, такъ какъ здѣсь звукъ, изданный вслѣдствіе одного только стремленія къ подражанію, очень легко долженъ былъ пріобрѣсти опредѣленный смыслъ. Воронъ, на примѣръ, который самъ научился подражать лаю собаки или кудахтанью курицы, надо думать, связываетъ съ этими звуками представленіе о соответствующемъ классѣ животныхъ, такъ какъ онъ знаетъ, кому эти звуки свойственны и кому нѣтъ. Такимъ образомъ это его изобрѣтеніе помогаетъ ему образовывать понятія, начатки которыхъ вообще отнюдь не чужды животнымъ. Рефлекторные естественные звуки удивленія, испуга и т. п. и помимо того

должны быть понятны всѣмъ существамъ съ однородною организаціею, такъ какъ и у животныхъ они несомнѣнно служатъ средствомъ къ тому, чтобы между собою объясняться. Въ одномъ случаѣ мы имѣемъ субъективный моментъ образованія рѣчи, въ другомъ—объективный. Соединеніе обоихъ должно было придать субъективному болѣе строгія формы, а объективному—больше содержанія <sup>17)</sup>.

Если разсматривать исторію человѣческой культуры въ свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій, то ходъ человѣческихъ приобрѣтеній напомнимъ намъ линіи гиперболы, ординаты которой, представляющія развитіе культуры, вначалѣ возрастаютъ очень медленно на огромныхъ абсциссахъ времени; затѣмъ возрастаніе происходитъ все быстрѣе и быстрѣе, и наконецъ въ короткое время совершается гигантскій прогрессъ. Мы приоближи къ этому образному сравненію для того, чтобы вполнѣ выяснитъ мысль, которая, какъ намъ кажется, не лишена значенія. Дѣло въ томъ, что развитіе физическихъ и даже психическихъ свойствъ народовъ происходитъ совершенно иначе. Здѣсь, напротивъ, прогрессъ въ одаренности отдѣльныхъ индивидовъ и націй идетъ, повидимому очень медленно и постепенно. Причина этого вѣроятно та, что при равной одаренности человѣкъ достигаетъ гораздо болѣе высокой цѣли тогда, когда находится въ благопріятной средѣ, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда онъ растетъ среди самыхъ грубыхъ преданій. Можно, пожалуй, думать, что достаточно самыхъ небольшихъ природныхъ дарованій, чтобы втеченіе двадцатилѣтняго дѣтства и юности настолько освоиться съ самою развитою культурою, чтобы и самому стать дѣятельнымъ ея элементомъ. Если къ тому же принять во вниманіе, что въ прежнія столѣтія преемственно передавались одни только факты и единичныя наблюденія или приемы, между тѣмъ какъ въ новѣйшее время передаются и методы, съ помощью которыхъ совершается цѣлый рядъ открытій и изобрѣтеній, то мы легко поймемъ причину быстрого роста современной культуры, не имѣя уже надобности усматривать въ настоящемъ внезапный расцвѣтъ человѣчества въ смыслѣ высшаго духовнаго и матеріальнаго существованія. И подобно тому какъ индивидъ часто создаетъ свои наиболѣе значительныя духовныя произведенія въ томъ возрастѣ, когда умственныя силы идутъ уже на убыль, точно также нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что причина нашего быстрого расцвѣта вовсе не въ той гибкой юношеской силѣ человѣчества, которую мы такъ охотно допускаемъ. Мы далеки отъ того, чтобы выставить на этотъ счетъ какое нибудь положительное воззрѣніе, такъ какъ въ настоящее время никто не располагаетъ нужнымъ для этого фактическимъ матеріаломъ. Но мы не можемъ разстаться съ вопросомъ о развитіи человѣческаго рода, не показавъ по крайней мѣрѣ, какъ слабо обоснованъ съ объективной стороны догматъ непрерывнаго поступательнаго движенія человѣчества. Короткій періодъ исторіи, которая не обнимаетъ собою достаточно случаевъ для установленія не то что «закона», но даже только вѣроятнаго опытнаго правила, нѣсколько разъ давалъ намъ доказательство того, какъ рука объ руку съ внѣшнимъ расцвѣтомъ нація идетъ ея внутреннее умирание, а склонность массъ и «образованныхъ классовъ» заботиться только о своемъ матеріальномъ благѣ и подчиняться деспотизму служило въ древности, а, быть можетъ, и у многихъ культурныхъ народовъ востока, симптомомъ такого внутрен-

няго умиранія. Этимъ мы обозначили теоретическое мѣсто вопроса, который въ послѣднемъ отдѣлѣ будетъ рассмотрѣнъ нами съ совершенно иной точки зрѣнія.

Вопросъ о времени существованія человѣческаго рода интересуетъ матеріализмъ въ сущности лишь въ виду того, что онъ открыто и рѣзко противится неяснымъ теологическимъ представленіямъ,—съ истинною же основой специфическаго матеріализма онъ не имѣетъ ничего общаго; въ такомъ же точно видѣ представляется и вопросъ о происхожденіи человѣчества изъ одного вида. Вопросъ этотъ есть только видоизмѣненіе вопроса о происхожденіи человѣка отъ одной пары, подобно тому какъ теорія Кювье о геологическихъ переворотахъ была видоизмѣненіемъ библейскаго преданія о дняхъ творенія, и подобно тому какъ ученіе о неизмѣняемости видовъ можетъ быть сведено къ Ноеву ковчегу. Безъ постепеннаго освобожденія отъ этихъ преданій наукѣ, яко бы совершенно свободной отъ предразсудковъ, никогда не пришлось бы такъ ревностно заниматься этими вопросами; борьба большаго заблужденія съ меньшимъ и здѣсь стала источникомъ многихъ полезныхъ научныхъ приобрѣтеній. Чтобы придти къ какому нибудь заключенію о томъ, о чемъ никто не имѣлъ яснаго представленія, а именно, едино ли происхожденіе человѣчества, стали измѣрять черепа, изучать скелеты, сравнивать отношенія отдѣльныхъ частей и во всякомъ случаѣ обогатили этнографію, расширили кругозоръ физиологіи, собрали и извлекли изъ забвенія многочисленные факты изъ области исторіи и антропологіи. Но по отношенію къ главному вопросу все это рвеніе не привело ни къ какому убѣжденію—развѣ только къ тому, что сокровенная пружина всѣхъ этихъ изысканій лежитъ не въ чисто научномъ интересѣ, а въ важныхъ партійныхъ вопросахъ. Дѣло еще болѣе усложнилось отъ того, что кромѣ мнимыхъ религіозныхъ интересовъ къ этому спору присоединился также невольничій вопросъ въ Сѣверной Америкѣ. Въ подобныхъ случаяхъ люди часто довольствуются самыми дешевыми и слабыми доводами, которыми затѣмъ стараются придать особую убѣдительность помпезною ученостью и видимою научностью формы. Такъ, сочиненіе Нотта и Глиддона (*Types of mankind*, 1854 г.) всецѣло проникнуто американскою тенденціей и изображаетъ негровъ какъ существъ возможно низко и звѣреподобно организованныхъ; а такъ какъ въ этомъ вопросѣ до того времени господствовала совершенно противоположная тенденція, то эта книга въ значительной мѣрѣ способствовала болѣе точному выясненію характерныхъ расовыхъ признаковъ. Превосходная во многихъ отношеніяхъ «Антропологія первобытныхъ народовъ» безвременно погибшаго для науки Вайтца, страдаетъ напротивъ сплошною переоцѣнкой доводовъ, говорящихъ въ пользу «единства» человѣческаго рода. Вайтцъ заходитъ такъ далеко, что очень часто ссылается даже на недостовернаго и невѣжественнаго Причарда, затѣмъ онъ считаетъ еще Блюменбаха (1795 г!) первымъ авторитетомъ въ вопросахъ о видовыхъ и расовыхъ признакахъ, удостоиваетъ собранную Р. Вольнеромъ коллекцію ублюдковъ (къ работѣ Причарда) эпитетомъ «тщательная» и наконецъ даже высказываетъ такое положеніе: «и въ самомъ дѣлѣ, какое собственно значеніе могли бы имѣть специфическія отличія въ природѣ, и какую нецѣлесообразною была бы ихъ ступичность, если бы они такъ легко могли стираться послѣдовательны-

ми помѣсами?» Не требуется никакихъ доказательствъ, что отъ такой точки зрѣнія нельзя ожидать никакой пользы для главнаго вопроса, даже если бы рѣшеніе само по себѣ и было возможно. Чтобы представить, до чего можно вообще дойти въ томъ случаѣ, когда всякими окольными путями и съ величайшимъ трудомъ стараются доказать то, что въ любой моментъ можетъ быть опровергнуто практикой, приведемъ только одинъ примѣръ: Вайтцъ преспокойно считаетъ зайца и кролика отдѣльными видами, которые противустоятъ всякой попыткѣ скрещиванья, а между тѣмъ Ру въ Ангулемѣ уже въ теченіи 8 лѣтъ дѣлалъ превосходныя дѣла съ своимъ « $\frac{3}{8}$  зайца» — изобрѣтеннымъ имъ новымъ видомъ или, если угодно, расой. <sup>18)</sup>

Идея единства человѣческаго рода въ настоящее время не нуждается уже въ той поддержкѣ, которую она нѣкогда нашла въ ученіи объ общности происхожденія — тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ основаніе сомнѣваться, оказало ли преданіе объ Адамѣ и Евѣ смягчающее дѣйствіе на обращеніе испанцевъ съ индѣйцами или креоловъ съ ихъ неграми-невольниками. Важнѣйшіе пункты, а именно распространеніе на людей всѣхъ расъ права на гуманное обращеніе, предоставленіе равноправія въ общемъ государственномъ союзѣ, примѣненіе началъ международнаго права въ сношеніяхъ съ сосѣдями — все это можно прочно установить и утвердить, не прибѣгая для этого къ предположенію абсолютно равной одаренности различныхъ расъ. Но происхожденіе отъ одного общаго племени не служитъ вовсе ручательствомъ одинаковой одаренности, такъ какъ тысячелѣтняя задержка въ развитіи можетъ въ концѣ концовъ привести къ тому, что одно племя будетъ въ какой угодно степени ниже другого. Общее происхожденіе во всякомъ случаѣ служитъ лишь гарантіей того, что отстаившее и даже закончилось и пришедшее въ упадокъ племя можетъ при извѣстныхъ, не поддающихся учету обстоятельствахъ, вступить на путь къ высшему развитію; но въ дѣлѣ по основнымъ положеніямъ теоріи происхожденія видовъ такая возможность представляется не только для отстаившихъ человѣческихъ расъ, но и для животныихъ.

Какъ извѣстно, «происхожденіе отъ обезьяны», — противъ котораго больше всего возставали тѣ именно, которые по внутреннему достоинству духа меньше всего возвысились надъ чувственной основой нашего существованія, — будучи понимаемо буквально, не есть вовсе выводъ изъ ученія Дарвина. Это послѣднее приходитъ собственно къ тому, что нѣкогда въ доисторическое время существовалъ общій родоначальникъ, <sup>19)</sup> отъ котораго впоследствии отдѣлились двѣ вѣтви: одна — вверхъ, человѣкъ, а другая, сохранившая животную организацію, — обезьяна. Въ силу этого мы должны считать предковъ человѣка обезьяноподобными существами, уже одаренными однако зародышемъ высшаго развитія; такъ приблизительно представлялъ себѣ повидимому дѣло и Кантъ. Еще благоприятнѣе для родословныхъ предразсудковъ человѣка представляется этотъ вопросъ, если принять теорію полифилетическаго трансформизма. Въ этомъ случаѣ можно отнести превосходство человѣка, выражающееся въ способности къ дальнѣйшему развитію, къ первымъ зачаткамъ органической жизни. Но само собою понятно, что это преимущество, которое въ сущности представляетъ только удобство для стройности нашихъ мыслей и чувствъ, нисколько не должно вліять въ пользу полифилетической теоріи; ибо въ противномъ случаѣ естественно-историческіе доводы были

бы фальсифицированы примѣсью субъективныхъ и этическихъ мотивовъ. Но въ сущности, при болѣе внимательномъ разборѣ, гордость человѣческая не много выигрываетъ отъ этого чисто внѣшняго удаленія отъ животнаго корня; да это и не должно насъ особенно интересовать, такъ какъ гордость эта является лишь неосновательнымъ предубѣжденіемъ противъ мысли объ единствѣ всего существующаго и равенствѣ принципа, заложеннаго въ основу всей органической жизни; а мы составляемъ лишь малую частицу этой жизни. Стоитъ освободиться отъ этого нефилософскаго упрямства, и мы найдемъ, что происхожденіе отъ животнаго, которое достигло уже высокой степени организаци и въ которомъ пробуждается творческое движеніе мысли, гораздо болѣе подходяще и заманчиво, чѣмъ происхожденіе изъ неорганическаго кома земли.

Но какъ бы далеко мы не отодвигали человѣка отъ современной обезьяны по естественно-историческимъ основаніямъ, мы все же не можемъ не признать за нимъ въ его первобытной исторіи цѣлаго ряда свойствъ, которыя намъ наиболѣе противны въ обезьянахъ. Снелль, который въ своемъ глубокомысленномъ сочиненіи о сотвореніи человѣка (1863) весьма близокъ къ цѣли, заключающейся въ томъ, чтобы примирить строжайшія требованія науки съ кругомъ нашихъ религіозныхъ и нравственныхъ идей, во всякомъ случаѣ ошибался, когда предполагалъ, будто въ прежнихъ животныхъ формахъ, отъ которыхъ произошелъ человѣкъ, проявлялось уже нѣчто человѣческое во взглядѣ и жестахъ, нѣчто захватывающее и многообѣщающее. Ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ смѣшивать условій совершенства съ раннимъ обнаруженіемъ его плодовъ. То, что теперь кажется намъ самымъ благороднымъ и возвышеннымъ, легко можетъ оказаться послѣднимъ цвѣтомъ безшумно и спокойно протекающей жизни, богато насыщенной всякаго рода творческими впечатлѣніями, между тѣмъ какъ возможность такой жизни явилась результатомъ совершенно иныхъ свойствъ.

Первымъ шагомъ на пути къ тому, чтобы сдѣлать культуру для человѣка возможною, было, вѣроятно, пріобрѣтеніе перевѣса надъ всѣми остальными животными, и нѣтъ основанія думать, чтобы человѣкъ пользовался для этого другими средствами, чѣмъ тѣ, которыми онъ пользуется въ настоящее время въ цѣляхъ господства надъ своими ближними. Хитрость и жестокость, дикое насиліе и коварство должны были играть выдающуюся роль въ этой борьбѣ; извѣстно вѣдь, что и теперь еще, когда при нѣкоторомъ изощреніи своего ума человѣкъ можетъ гораздо легче достигнуть тѣхъ-же результатовъ, онъ тѣмъ не менѣе все снова возвращается къ тому состоянію разбойника и угнетателя, которое является отголоскомъ его тысячелѣтней борьбы съ львами и медвѣдями, а въ болѣе отдаленныя времена, быть можетъ, и съ человѣкоподобными обезьянами. Но при этомъ вовсе не исключается, что одновременно съ этимъ развились уже истинныя добродѣтели и интеллигентность на почвѣ семейнаго и племеннаго общенія. Вспомнимъ, напримѣръ, какая огромная пропасть отдѣляетъ даже у образованныхъ народовъ древности внутреннюю жизнь отдѣльныхъ государствъ и городовъ отъ ихъ часто безпредѣльно варварскаго отношенія къ побѣжденному врагу!

Слѣдовательно, и по психологическимъ основаніямъ нельзя отвергать племеннаго родства человѣка съ обезьяною—развѣ только то, что по крайней мѣрѣ орангъ и шимпанзе представляются слишкомъ кроткими и миролюбивыми, чтобы отъ такихъ существъ могли произойти тѣ

пещерные обитатели, которые побѣждали огромнаго пещернаго льва и жадно высасывали изъ его разбитаго черепа еще дымящійся мозгъ.

## II. Мозгъ и душа.

Мы переходимъ къ старой излюбленной темѣ матеріализма, съ которою однако въ настоящее время не такъ легко справиться, какъ въ прошломъ столѣтіи. Первое упоеніе великими физическими и математическими открытіями прошло; и подобно тому какъ съ каждымъ разрѣшеніемъ какой нибудь тайны міръ выдвигалъ все новыя загадки и какъ бы на глазахъ становился все больше и шире, точно также и въ органической жизни раскрывались цѣлыя бездны неизслѣдованныхъ связей между явленіями, надъ которыми прежде едва ли даже задумывались. Вѣкъ, который могъ вполне серьезно вѣрить, что какой нибудь Дрозъ или Вокансонъ<sup>20)</sup> со своими механическими фокусами напали на слѣдъ жизненной тайны, едва былъ въ состояніи понять тѣ трудности механическаго объясненія психическихъ процессовъ, которыя, чѣмъ дальше шли изслѣдователи, тѣмъ болѣе нагромождались. Въ то время можно было выдавать за научную гипотезу то дѣтски-наивное воззрѣніе, будто въ мозгу каждое представленіе имѣетъ свое волокно, и что колебаніе этихъ волоконъ составляетъ сознаніе.

Хотя противники матеріализма указывали на то, что между сознаніемъ и вѣшнымъ движеніемъ лежитъ незаполнимая пропасть, однако естественное чувство не очень смущалось этою пропастью, такъ какъ не трудно убѣдиться, что она неизбѣжна. Противоположность между субъектомъ и объектомъ въ той или иной формѣ выступаетъ всегда, съ тою лишь разницей, что въ другихъ системахъ ее можетъ быть легче прикритъ какою нибудь фразой.

Если бы вмѣсто этого метафизическаго возраженія въ прошломъ столѣтіи были сдѣланы всѣ тѣ физическія наблюденія, которыми мы располагаемъ теперь, то возможно, что матеріализмъ былъ бы побитъ своимъ собственнымъ оружіемъ. Но возможно, что и нѣтъ: ибо тѣ самые факты, которые опровергаютъ всѣ тогдашнія воззрѣнія на сущность дѣятельности мозга, наносятъ не менѣе тяжелые удары и излюбленнымъ идеямъ метафизики. И въ самомъ дѣлѣ, на врьдъ ли было выставлено хоть одно положеніе о мозгѣ и душѣ, которое не было бы опровергнуто фактами, за исключеніемъ, конечно, съ одной стороны такихъ туманныхъ общихъ мѣстъ какъ, напримѣръ, то, что мозгъ—самый важный органъ для душевной дѣятельности, или же, съ другой стороны, такихъ положеній, которыя относятся къ связи отдѣльныхъ участковъ мозга съ дѣятельностью опредѣленныхъ нервовъ. Однако бесплодность всѣхъ предпринятыхъ доселѣ изслѣдованій мозга лишь отчасти зависитъ отъ трудности предмета. Главная же причина заключается, повидимому, въ полномъ отсутствіи мало-мальски пригодной гипотезы или хотя бы приблизительной идеи о характерѣ дѣятельности мозга. Такъ, даже знающіе люди, какъ бы съ отчаянія, все сызнова возвращаются къ давно уже опровергнутой фактами теоріи локализціи мозговой дѣятельности по различнымъ функціямъ мышленія

и чувствованія. Мы уже неоднократно высказывались противъ того взгляда, будто одно только существованіе устарѣлыхъ возрѣній является для науки такимъ большимъ препятствіемъ, какъ это обыкновенно полагаютъ. Однако, въ данномъ случаѣ дѣйствительно получается такое впечатлѣніе, будто «призракъ души», сидя на развалинахъ схоластики, постоянно вноситъ въ этотъ вопросъ путаницу. Мы можемъ легко доказать, что этотъ призракъ,—если только позволено намъ называть такъ остатокъ устарѣлаго ученія школьной психологіи,—игралъ большую роль у людей, которые считали себя совершенно свободными отъ него: у главарей материализма; даже все ихъ возрѣнія на то, какъ мы должны представлять себѣ дѣятельность мозга, существенно подчинялось тѣмъ ходячимъ представленіямъ о легендарныхъ душевныхъ способностяхъ, какихъ прежде придерживались. Тѣмъ не менѣе мы полагаемъ, что разъ только появится какая нибудь положительная разумная идея о томъ, чего собственно должно ожидать отъ функцій мозга, всѣ эти представленія исчезнутъ настолько же легко, насколько упорно они держатся теперь.

Мы не можемъ обойти молчаніемъ самую грубую форму этихъ теорій о локализаціи, именно френологію. Она не только составляетъ необходимый пунктъ въ нашемъ историческомъ изслѣдованіи, но въ то же время, благодаря наглядности ея, является весьма пригоднымъ объектомъ для развитія тѣхъ критическихъ основоположеній, которыя получатъ широкое примѣненіе въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Когда Галль выступилъ съ своимъ ученіемъ, что мозгъ состоитъ изъ цѣлаго ряда особыхъ органовъ для каждаго рода мозговой дѣятельности, онъ исходилъ изъ того совершенно правильного взгляда, что обыкновенно принимаемая первоначальная душевная способность, какъ то: вниманіе, способность сужденія, воля, память и т. п., суть не болѣе какъ отвлеченія, что они обозначаютъ лишь различныя формы дѣятельности мозга, хотя и не имѣютъ того элементарнаго значенія, которое имъ приписываютъ. Поэтому онъ, руководствуясь наблюденіями самаго разнообразнаго рода, полагаетъ, что мозгъ состоитъ изъ ряда первоначальныхъ органовъ, выдающееся развитіе которыхъ придаетъ индивидууму то или иное постоянное свойство, и взаимодействіемъ которыхъ опредѣляется весь характеръ человѣка. Способъ, которымъ Галль дѣлалъ свои открытія и приводилъ доказательства, заключался въ томъ, что онъ искалъ какихъ нибудь яркихъ примѣровъ, опредѣленныхъ особенностей, которыя легко найти у преступниковъ, умалишенныхъ, гениальныхъ людей или крайнихъ оригиналовъ. Затѣмъ онъ на черепѣ соотвѣствующихъ индивидуумовъ искалъ особенно выдающагося мѣста. Если таковое находилось, то до поры до времени органъ считался открытымъ, а затѣмъ «опытъ», сравнительная анатомія, психологія животныхъ и другіе источники должны были служить для подтвержденія. Многіе органы были установлены исключительно на основаніи наблюденій надъ животными и затѣмъ провѣрены были на человѣкѣ. Въ изслѣдованіяхъ Галля нѣтъ ни малѣйшаго слѣда строгаго научнаго метода, и это обстоятельство не мало благопріятствовало распространенію его ученія. Къ такого рода изслѣдованію у всякаго есть и талантъ, и умѣніе, результаты его всегда интересны, а «опытъ» неизмѣнно подтверждаетъ ученіе, основанное на такихъ теоріяхъ. Это тотъ же самый способъ «наблюденій», который подтверждалъ астрологію, который и теперь еще доказываетъ дѣйствитель-



ность и цѣлѣбность большинства медицинскихъ средствъ (не только гомеопатическихъ!). Такимъ образомъ френологія отнюдь не «въ дурномъ обществѣ»; она не есть возвращеніе въ область сказочныхъ химеръ, а является плодомъ, выросшимъ на почвѣ мнимыхъ наукъ, которыя еще и въ настоящее время составляютъ значительную долю того, чѣмъ обыкновенно блистаютъ юристы, медики и философы. Но положеніе френологіи оказалось столь фатальнымъ вслѣдствіе того, что она относится къ области, въ которой вполне возможно примѣненіе всѣхъ предосторожностей точныхъ наукъ, и не смотря на это она созидалась безъ всякаго вниманія къ требованіямъ научнаго метода; правда, и это у ней обще по крайней мѣрѣ съ гомеопатіей.

Современные френологи обыкновенно защищаютъ свои мнѣнія сильными нападками на тѣ возраженія, которыя выставляются очень часто противъ ихъ мнимои науки безъ достаточно серьезнаго размышленія, такъ какъ никто не хочетъ заняться этимъ дѣломъ серьезно. Но мы тщетно стали бы искать въ новѣйшихъ сочиненіяхъ по френологіи какой либо попытки къ положительному обоснованію. Между тѣмъ какъ Галль и Спурцгеймъ дѣйствовали въ такое время, когда методы изслѣдованія такихъ вопросовъ были еще совершенно не разработаны, современные френологи подвизаются на поприщѣ бесплодной полемики, вмѣсто того чтобы хоть издали слѣдить за гигантскими успѣхами науки. И теперь еще не потеряли своего значенія слова, сказанныя Иоганномъ Мюллеромъ въ его физиологіи: «Что касается принципа, то а priori противъ возможности его вообще ничего нельзя возразить; однако опытъ показываетъ, что эта органологія Галля не имѣетъ никакого фактическаго основанія, а исторія поврежденій головы говоритъ даже противъ существованія въ мозгу отдѣльныхъ областей для различнаго рода духовной дѣятельности»<sup>21)</sup>.

Пояснимъ это нѣсколькими примѣрами: Кастель въ своей френологіи<sup>22)</sup> приводитъ со словъ Спурцгейма много случаевъ, въ которыхъ потеря значительной доли мозгового вещества не сопровождалась будто бы никакимъ разстройствомъ умственныхъ способностей. Онъ жалуется на то, что во всѣхъ этихъ случаяхъ не указано точно мѣсто поврежденія. Если бы эти пораженія были на затылкѣ, «то даже френологъ можетъ легко согласиться, что мыслительная способность могла остаться неповрежденною». Въ этомъ мы уже ясно видимъ апологетическую точку зрѣнія. Такъ какъ вполне возможно допустить и нѣчто прямо противоположное, то можно было бы думать, что френологу слѣдовало бы собрать нѣсколько такихъ случаевъ; но въ особенности мы могли бы ожидать, что въ случаѣ, который ему самому пришлось наблюдать, онъ постарается вполне точно описать пораженные мозговые участки и степенъ ихъ поврежденія, и что затѣмъ съ величайшею старательностью и тонкостью будетъ наблюдать и описывать духовныя отравленія даннаго индивида, составляющія тутъ истинную *instantia praeerogativa*. Но вмѣсто этого Кастель преподноситъ намъ самымъ простодушнымъ образомъ слѣдующаго рода разсказъ:

«Мнѣ самому представилась возможность наблюдать подобный случай. Одному американцу попало въ затылокъ нѣкоторое количество дроби, вслѣдствіе чего онъ потерялъ часть костей черепа и, какъ онъ самъ выразился, нѣсколько «ложекъ» мозга (*several spoons full of brain*). Говорили,

что его умственные способности отъ этого не пострадали. По его собственнымъ словамъ, недостатокъ, который онъ въ себѣ ощущалъ, происходилъ отъ нервовъ. Его положеніе въ обществѣ очень часто заставляло его говорить публично; но онъ потерялъ также энергію и настойчивость, которыми прежде отличался. Этотъ фактъ приводили какъ доказательство противъ френологіи, между тѣмъ какъ легко видѣть, что онъ нисколько не противорѣчитъ основнымъ положеніямъ этой науки. Поврежденное мѣсто мозга не было центромъ умственныхъ способностей, а центромъ животной энергіи, которая поэтому одна только и пострадала.

Этого въ самомъ дѣлѣ достаточно. Ни слова о поврежденныхъ органахъ, о величинѣ раны или рубца! При той огромной роли, какую «двойкость» мозговыхъ органовъ играетъ для защиты негодныхъ теорій, слѣдовало бы по меньшей мѣрѣ сообщить, было ли это поврежденіе «затылка», которое разрушило «часть костей черепа» и «several spoons full of brain», на такомъ мѣстѣ, при которомъ можно бы предположить, что на одной половинѣ органы могли уцѣлѣть. Если выстрѣлъ попалъ въ середину затылка, то онъ легко могъ вполне разрушить органъ «любви къ дѣтямъ». Замѣчались ли въ этомъ отношеніи какія-нибудь измѣненія? Какъ обстояло дѣло съ «стремленіемъ къ единству» и «привязанностью къ мѣсту»? Что случилось съ «привязчивостью»? Обо всемъ этомъ ни слова! А между тѣмъ всѣ эти органы помѣщаются на затылкѣ, и случай ихъ частичнаго разрушенія имѣлъ бы неопредѣлимое значеніе для человѣка съ научными требованіями—предполагая, конечно, что такой человѣкъ могъ бы быть френологомъ. Пострадала «животная энергія». Это можно было бы толковать въ смыслѣ разрушенія органа завѣдующаго «инстинктомъ борьбы» и находящагося въ затылкѣ сбоку; но къ сожалѣнію можно полагать, что если бы выстрѣлъ попалъ какъ разъ въ этотъ мнимый органъ, Кастель не преминулъ бы поставить насъ объ этомъ въ извѣстность. Вѣдь человѣкъ этотъ потерялъ «энергію и настойчивость, которыми прежде отличался»!

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что френологи ничто-же сумняшея и до сихъ поръ считаютъ мозжечекъ органомъ полового влеченія, хотя Комбетъ въ 1821 году наблюдалъ случай сильнаго полового влеченія при полномъ отсутствіи мозжечка, хотя Флурансъ видѣлъ, что у ибѣуха, у котораго онъ вырѣзалъ большую часть мозжечка, и котораго ему удалось сохранить въ живыхъ въ теченіе восьми мѣсяцевъ, половое влеченіе продолжало существовать! 23).

Въ лобныхъ доляхъ большого мозга помѣщается множество столь важныхъ органовъ, что разрушеніе части ихъ при значительныхъ поврежденіяхъ этой области не можетъ остаться незамѣченнымъ. тѣмъ болѣе что здѣсь дѣло касается ума, таланта и т. п., исчезновеніе которыхъ гораздо легче констатировать, чѣмъ измѣненіе характера. Но не смотря на то, что большое число поврежденій мозга въ передней части головы подвергалось точному научному наблюденію, никогда не было найдено ничего такого, что можно было бы безъ крайней натяжки толковать въ этомъ смыслѣ. Тутъ, конечно, является на помощь двойность органовъ; однако, какимъ образомъ уменьшеніе органа до половины его размѣровъ не измѣняетъ замѣтно характера человѣка, между тѣмъ какъ небольшого утолщенія или вдавленія черепа въ другихъ случаяхъ достаточно для

объясненія самыхъ рѣзкихъ контрастовъ всей духовной природы? Но не будемъ ослаблять своей критики такимъ возраженіемъ, противъ котораго можно выставить хотя бы какую-нибудь гипотезу. Извѣстны случаи, когда подверглись заболѣванію и разрушенію несомнѣнно обѣ переднія доли большихъ полушарій, и притомъ на значительномъ протяженіи, а между тѣмъ не замѣчалось ни малѣйшаго нарушенія умственныхъ способностей! Лон же въ своей анатоміи и физиологій нервной системы сообщаетъ два такихъ случая, надъ которыми были сдѣланы очень тщательныя наблюденія. И вотъ достаточно одного такого факта, чтобы разрушить всю систему френологій <sup>24</sup>).

И не одну только систему френологія—ибо ученія о томъ, что умъ обитаетъ въ лобныхъ доляхъ большихъ полушарій, придерживались и многіе анатомы, которые отнюдь не руководствовались такими узкими основаніями; но все-же и ученіе о болѣе общей локализациі большихъ группъ умственныхъ свойствъ есть тоже только пустая химера. Взяли цѣлый рядъ произвольно выбранныхъ череповъ выдающихся людей, и въ большинствѣ случаевъ—даже не всегда—находили у нихъ высокій и широкій лобъ. Но тутъ упустили изъ виду, что если бы даже большіе размѣры передняго мозга и совпадали обыкновенно съ большими умственными дарованіями, то этимъ нисколько еще не была бы доказана локализованность функций указанныхъ долей мозга. Ибо, во первыхъ, всѣ извѣстные до сихъ поръ факты говорятъ въ пользу того, что различныя части большихъ полушарій имѣютъ въ существенномъ одно и то же назначеніе, а, во вторыхъ, весьма возможно, что особенно благоприятная организація цѣлага связана съ особенною формою его.

Къ числу упрековъ, противъ которыхъ часть нашихъ френологовъ вооружается съ большимъ ожесточеніемъ, принадлежитъ и замѣчаніе, что френологія необходимо приводитъ къ матеріализму. Это приблизительно столь-же справедливо, какъ и всѣ почти подобныя общія положенія; другими словами: оно очевидно ложно. Френологія, даже если бы она была научно обоснована, не только мирилась бы съ системой Канта, но она отлично уживалась бы и съ тѣми устарѣлыми возрѣніями, по которымъ мозгъ относится къ душѣ, примѣрно, такъ, какъ болѣе или менѣе совершенный инструментъ къ лицу, на немъ играющему. Не лишено однако интереса, что наши матеріалисты, и въ томъ числѣ люди, отъ которыхъ невозможно было этого ожидать, высказывались о френологіи въ высокой степени благосклонно. Такъ, на примѣръ Б. Котта, такъ въ особенностяхъ и Фохтъ, который въ своихъ «Картинахъ изъ жизни животныхъ» написалъ слѣдующія, характерныя по своей необдуманности слова: «Френологія слѣдовательно права—до мельчайшихъ своихъ примѣненій? Каждому измѣненію функции должно предшествовать или скорѣе одновременно съ нимъ должно наступить матеріальное измѣненіе органа? На этотъ вопросъ я могу только отвѣтить: несомнѣно, это такъ. Это въ самомъ дѣлѣ такъ».

Причину этой благосклонности понять не трудно: положеніе, что мышленіе есть дѣятельность мозга, въ такомъ общемъ видѣ можетъ быть сдѣлано очень вѣроятнымъ; но очень плодотворнымъ оно отъ этого не станетъ. Лишь когда удастся специально изслѣдовать эту дѣятельность, разложить ее какимъ нибудь образомъ на элементы, и въ этихъ элементахъ доказать соотвѣтствіе физическаго съ духовнымъ,—лишь тогда

это возрѣніе будетъ вообще признано, лишь тогда оно получить большое значеніе при выработкѣ общаго міросозерцанія. Если это знаніе даетъ возможность построить характеръ человѣка, подобно тому, какъ астрономія заранѣе опредѣляетъ положеніе небесныхъ тѣлъ, руководясь законами ихъ движенія, то человѣческій духъ не можетъ болѣе противостоятъ теоріи, приносящей такіе плоды. Конечно, наши матеріалисты не такіе фантазеры, чтобы приписывать современной френологіи подобныя дѣла; Фохтъ въ другихъ сочиненіяхъ многократно и довольно недвусмысленно высказывался о ненаучномъ характерѣ этого ученія; Бюхнеръ, хотя и относится къ френологіи удивительно милоливо, но признаетъ, однако, что «она вызываетъ важнѣйшія научныя сомнѣнія». Онъ преслѣдуетъ злосчастныя «врожденные идеи» до самыхъ потаенныхъ уголковъ даже только возможной френологіи. Чтобы уничтожить тотъ видъ врожденныхъ идей, который совершенно чуждъ новѣйшей философіи и встрѣчается только въ популярныхъ и назидательныхъ сочиненіяхъ и рѣчахъ, онъ считаетъ нужнымъ оспаривать и тѣ выводы, которые почерпаются въ пользу врожденныхъ идей изъ френологіи. Въ пылу спора онъ упускаетъ изъ виду, что врожденные идеи, которыя съ необходимостью вытекаютъ изъ строенія и состава мозга, находятся въ полномъ согласіи съ самымъ слѣдовательнымъ матеріализмомъ, и что такое допущеніе во всякомъ случаѣ стоитъ выше и болѣе соотвѣтствуетъ его прочимъ возрѣніямъ, чѣмъ точка зрѣнія Локковской *tabula rasa*, на которой онъ самъ остается. Но подобно тому, какъ ни одинъ извѣстный философъ не считаетъ возможнымъ признать существованіе идей, которыя развивались бы безъ всякаго вліянія со стороны внѣшняго міра или были уже въ готовомъ видѣ заложены въ сознаніи эмбриона, такъ и ни одинъ френологъ не можетъ думать, что способность различать звуки развивается и дѣйствуетъ безъ звуковъ, или способность различать цвѣта—безъ цвѣтовъ. Споръ здѣсь идетъ только между господствовавшимъ непостижимымъ образомъ въ прошломъ столѣтіи одностороннимъ возрѣніемъ Локка, согласно которому все духовное содержаніе зависитъ исключительно отъ чувствъ, и другимъ возрѣніемъ, согласно которому мозгу или душѣ присущи извѣстныя формы, которыми заранѣе опредѣляется превращеніе чувственныхъ впечатлѣній въ представленія и возрѣнія. Быть можетъ, иногда эти формы представляли себѣ слишкомъ ужъ похожими на матрицы, въ которыя охватывается металлъ для типографскихъ буквъ, или же въ видѣ глиняныхъ горшковъ, въ которые чувственные впечатлѣнія наливаются подобно водѣ. Но можно разбить эти черепки—и все же останется та истина, что существуютъ матеріальныя условія, которыя оказываютъ существенное вліяніе на образованіе всѣхъ идей. Чтобы противодѣйствовать такому вліянію даже въ только возможной френологіи, Бюхнеръ выставилъ гипотезу, по которой отношеніе между френологическими органами и внѣшними впечатлѣніями можетъ быть и прямо противоположное, а именно, что «въ то время, когда мозгъ находится въ состояніи роста и развитія, соотвѣтствующій френологическій органъ, благодаря продолжительнымъ и частымъ внѣшнимъ вліяніямъ и психической дѣятельности въ одномъ опредѣленномъ направленіи становится и тѣлесно болѣе развитымъ, подобно тому, какъ мышца, вслѣдствіе упражненія, становится сильнѣе. «Допустимъ», возразятъ на это френологи, «—но въдѣ мышцы прирощены; они и отъ самаго рожденія различны, и едва ли можно отрицать,

что при равныхъ условіяхъ ребенокъ съ крѣпкими мышцами будетъ больше упражнять свои мышцы, чѣмъ ребенокъ съ слабыми мышцами. Лишь отрица прирожденный мозгъ, можно было бы отрицать и прирожденныя направленія духовной дѣятельности!» Но Бюхнеръ вовсе не идетъ такъ далеко. Онъ восклицаетъ: «Природа не знаетъ ни намѣреній, ни цѣлей, ни какихъ бы то ни было навязанныхъ ей извнѣ или свыше духовныхъ и матеріальныхъ условій!».. Ну, если онъ этимъ ничего больше сказать не хотѣлъ, если онъ признаетъ исходящія извнутри, вытекающія изъ самой природы условія образованія нашихъ представлений,—то къ чему весь шумъ?

Тутъ мы опять приведены прямо къ центральному пункту всего нашего матеріалистическаго спора. Къ чему весь шумъ? Въроятно, къ тому, чтобы выступить противъ ханжескаго важничанья всей нашей теперешней высокой науки. Никогда пропасть между мышленіемъ этого избраннаго общества и мышленіемъ массъ не была такъ велика, какъ въ настоящее время, и никогда это избранное общество не заключало съ неразуміемъ существующаго такого полнаго, эгоистическаго сепаратнаго мира. Лишь эпоха, предшествующая упадку древней культуры, представляетъ подобное явленіе; но тогда не было той демократіи матеріализма, которая въ настоящее время на половину сознательно, на половину безсознательно возстаетъ противъ этой аристократической философіи. Съ точки зрѣнія этой философіи легко опровергнуть матеріализмъ, но трудно его устранить. При практическихъ спорахъ матеріализмъ легко разбиваетъ всѣ эзотерическія тонкости, благодаря тому, что уничтожаетъ всѣ грубыя экзотерическія представленія, съ которыми онѣ заключили такой обманннй союзъ. «Ничего такого мы никогда не думали!» восклицаетъ низведенная наука; но она получаетъ въ отвѣтъ: «говори ясно и для всѣхъ—или умри!» Такимъ-то образомъ за логическою критикою матеріализма выступаетъ его историческое значеніе, и поэтому онъ можетъ быть оцѣненъ по достоинству только съ исторической точки зрѣнія.

Примемъ на минуту предположеніе Бюхнера, что существуетъ френологія—съ тѣмъ, чтобы на этомъ примѣрѣ подвергнуть критикѣ всю идею локализациі мозговыхъ функцій, причемъ мы оставимъ пока безъ вниманія противорѣчащіе этому факты патологической анатоміи. Удобства ради мы примемъ это ученіе въ томъ видѣ, какъ оно было развито Спурцгеймомъ, Комбе и другими, и въ какомъ оно довольно широко распространено въ Германіи. Тогда для процессовъ конкретнаго мышленія получается приблизительно слѣдующая картина.

Каждый органъ въ своемъ родѣ самъ для себя дѣятеленъ, и все же дѣятельность всѣхъ ихъ сливается въ одинъ совокупный результатъ. Каждый изъ органовъ мыслить, чувствуетъ и хочетъ для себя; мышленіе, чувствованіе и хотѣніе человѣка есть результирующая сумма этой дѣятельности. Въ каждомъ органѣ имѣются многообразныя ступени духовной дѣятельности. Ощущеніе возвышается до представленія и наконецъ до воображенія, въ зависимости отъ силы возбудимости органа; возбужденіе чувства можетъ стать энтузіазмомъ, побужденіе — желаніемъ и наконецъ страстью. Эти дѣятельности относятся только къ матеріи, которая соотвѣтствуетъ природѣ каждаго органа. «Каждый духовный органъ» замѣчаетъ одинъ изъ остроумнѣйшихъ нашихъ френологовъ, «говорить своимъ особымъ языкомъ и понимаетъ только тотъ языкъ, какимъ онъ

самъ говоритъ; совѣсть возвышаетъ свой голосъ при справедливомъ и не справедливомъ, благожелательность — при состраданіи и сорадованіи и т. д.».—При соединеніи ихъ въ одно цѣлое получаютъ болѣе общія явленія, какъ «умъ», въ качествѣ дѣятельности всѣхъ тридцати шести мыслительныхъ способностей; но при извѣстныхъ отдѣльныхъ функціяхъ человѣка онѣ дѣйствуютъ отчасти сопротивляясь, отчасти помогая другъ другу, отчасти видоизмѣняя и т. д., подобно группѣ мышцъ при движеніи какого нибудь органа.

Сразу же видно, что все это возрѣвіе витаетъ въ сферѣ самыхъ туманныхъ отвлеченій. Галль хотѣлъ на мѣсто обычныхъ духовныхъ способностей поставить естественныя и конкретныя основанія психологіи. Это ему какъ будто удалось въ его гипотезѣ мнимыхъ органовъ; но какъ только рѣчь заходитъ объ о т п р а в л е н і я хъ этихъ органовъ, снова вступаютъ въ силу прежнія китайскія тѣни. Правда, самъ Галль мало интересовался такого рода разсужденіями, и еще теперь большинству его учениковъ едва ли ясно, что для того, чтобы что нибудь объяснить, необходимо составить себѣ какое нибудь представленіе о характерѣ дѣятельности этихъ органовъ. Если бы даже френологія, по сколько дѣло идетъ о совпаденіи строенія черепа съ духовными качествами, была съ фактической стороны вѣрна, то мы все же не имѣли бы никакого объясненія характера мозговой дѣятельности. Если у благожелательныхъ мозгъ и съ нимъ вмѣстѣ черепъ на высотѣ передней части головы образуетъ выступъ, то изъ этого ни мало не слѣдуетъ, что лежащія въ этомъ мѣстѣ мозговья извилины занимаютъ исключительно состраданіемъ, сорадованіемъ и т. п.

Что такое вообще «состраданіе?» Когда я слышу на улицѣ жалобные крики ребенка, то кромѣ звуковыхъ волягъ я испытываю рядъ ощущеній, особенно въ мышцахъ дыхательныхъ органовъ (именно поэтому древніе помѣщали душу въ груди). Къ этому у одного присоединяется ускоренное сердцебіеніе, у другого—особое ощущеніе въ области желудка, у третьяго—чувство, что и ему надо кричать. Одновременно съ этимъ возникаетъ идея помощи. Обнаруживается легкая иннервація извѣстныхъ двигательныхъ мышцъ, какъ будто мнѣ надо было бы повернуться, подойти, спросить, что случилось. Ассоціація идей представляетъ въ безпомощномъ состояніи моихъ собственныхъ дѣтей; предо мною возникаетъ образъ родителей кричащаго ребенка, которые хотѣли бы его успокоить, но ихъ нѣтъ, я размышляю о причинахъ — можетъ быть малецъ заблудился, можетъ быть онъ проголодался, смерзъ и тому подобное. Наконецъ я съ опредѣленнымъ рѣшеніемъ или безъ него спѣшу къ маленькому крикуну на помощь. — Я былъ сострадательнъ, — можетъ быть бесполезнымъ состраданіемъ поставилъ себя въ смѣшное положеніе, а можетъ быть я вмѣшался во время. Во всякомъ случаѣ я былъ такъ организованъ, что вышеописанные симптомы наступаютъ у меня легче и скорѣе, чѣмъ у другихъ,—подобно тому какъ при раздраженіи отъ нюхательнаго табаку одинъ чихаетъ скорѣе, нежели другой. Нравственное сужденіе называетъ первое дѣяніе добрымъ, второе—безразличнымъ; но съ физической стороны процессъ родственъ, подобно тому какъ строки изъ Бетховенской симфоніи и пьеса ярмарочнаго музыканта обѣ состоятъ изъ ряда тоновъ.—Что же такое состраданіе? Звукъ дѣтскаго крика былъ приведенъ къ органу благожелательности, который одинъ понималъ этотъ языкъ? Возникло въ этомъ органѣ сначала ощущеніе, движе-

ніе, побужденіе, и наконецъ воля и размышленіе? Была ли затѣмъ воля помогать въ готовомъ видѣ приведена обратно изъ этого органа въ центральный очагъ движенія, въ продолговатый мозгъ, который для этого случая отдалъ себя въ распоряженіе органу благожелательности? При такомъ представленіи трудность только отодвигается. Дѣятельность органа представляютъ себѣ такъ, какъ дѣятельность всего человѣка; передъ нами безсмысленнѣйшій антропоморфизмъ, примѣненный къ отдѣльнымъ частямъ человѣка. Въ органѣ благожелательности все должно сойтись—не только мышленіе, чувствованіе и хотѣніе, но также слухъ и зрѣніе. А если отказаться отъ этого антропоморфизма, который предметъ объясненія только отодвигаетъ, то представится самымъ вѣроятнымъ, что въ описанномъ событіи принимаетъ участіе весь мозгъ, хотя и въ весьма различныхъ степеняхъ дѣятельности.

Но тутъ френологъ совершаетъ на меня нападеніе и упрекаетъ меня въ полномъ незнаніи его науки. Вѣдь и онъ предполагаетъ дѣятельность всего мозга или по крайней мѣрѣ большихъ группъ органовъ, благожелательность же только беретъ на себя въ этомъ случаѣ роль руководительницы. Что было предметомъ состраданія?—ребенокъ? Въ такомъ случаѣ дѣятельное участіе принимаетъ «любовь къ дѣтямъ!» Какъ помочь ребенку?—показать ему дорогу? Тогда является дѣятельною «чувство мѣста!» Выступаетъ «надежда», «совѣтливость»; въ процессѣ принимаетъ также участіе и «способность умозаключенія». Но эти органы мыслятъ, чувствуютъ, хотятъ каждый для себя; каждый изъ нихъ слышитъ крикъ; каждый видитъ ребенка; каждый представляетъ себѣ причины и слѣдствія въ фантазіи, ибо каждый изъ этихъ органовъ имѣетъ свою фантазію. Разница только та, что благожелательность задаетъ господствующій тонъ слѣдующей мысли: «здѣсь кто-то страдаетъ, здѣсь необходимо помочь!» Непремѣнно! говоритъ совѣтливость: «помогать ближнимъ обязанность, а обязанности слѣдуетъ нерушимо исполнить». «Вѣроятно легко будетъ утѣшить ребенка»—полагаетъ надежда. Тогда въ затылкѣ выступаетъ оппозиція. «Только не срамись!» восклицаетъ любовь къ одобренію, и «осторожность» обращаетъ вниманіе на то, что ея сосѣдка, «любовь къ одобренію», совершенно права, и предметъ заслуживаетъ обсужденія. Между тѣмъ «чувство звука» выставляетъ нѣкоторыя эгоистическія основанія въ пользу помощи, и наконецъ «инстинктъ дѣятельности» вноситъ предложеніе о заключеніи преній и о голосованіи. Передъ нами парламентъ маленькихъ людей, изъ которыхъ каждый, какъ это имѣетъ мѣсто и въ дѣйствительныхъ парламентахъ, обладаетъ одною единственною идеей, которую онъ непрестанно силится провести.

Вмѣсто одной души френологія даетъ намъ около сорока, и каждая въ той же степени загадочна сама по себѣ, какую намъ представляется душевная жизнь въ цѣломъ. Вмѣсто того, чтобы разложить ее на дѣйствительныя элементы, она разлагаетъ ее на личные существа различнаго характера. Человѣкъ, животное, сложнѣйшія машины—самое для насъ обычное; забываютъ, что здѣсь есть нѣчто, подлежащее объясненію, или дѣло считается «яснымъ», когда можно себѣ поставить повсюду тѣхъ же маленькихъ людей, которые суть истинные «носители» всей дѣятельности. «И все же, батюшка, въ немъ сидитъ лошадь!» заявляютъ крестьяне, послѣ того какъ ихъ духовный пастыръ въ продолженіе цѣлыхъ часовъ объяснялъ имъ сущность локомо-

тива. Разъ въ немъ сидитъ лошадь—тогда все ясно, если бы даже это была самая удивительная лошадь. Сама лошадь не нуждается уже въ объясненіи.

Френологія пытается возвыситься надъ точкой зрѣнія «призрака души», но она однако кончаетъ тѣмъ, что населяетъ весь черешъ призраками. Она обращается обратно къ той наивной точкѣ зрѣнія, которая можетъ успокоиться только на томъ, что въ дивной машинѣ нашего тѣла находится еще машинистъ, который руководитъ цѣлымъ, виртуозъ, который играетъ на инструментѣ. Человѣкъ, всю свою жизнь разсматривающій съ удивленіемъ паровую машину и ничего въ ней не понявшій, могъ бы пожалуй подумать, что въ цилиндрѣ находится вѣроятно маленькая паровая машина, которая вызываетъ движеніе поршня вверхъ и внизъ.

Но стоило ли въ самомъ дѣлѣ разсматривать такъ обстоятельно совершенно ненаучную френологію, для того только чтобы представить новый примѣръ давно извѣстнаго «непреодолимаго стремленія къ олицетворенію», которое создало намъ эту массу дѣятельныхъ духовныхъ способностей? Если даже допустить, что нѣкоторые представители материализма подошли къ этому воззрѣнію ближе, чѣмъ слѣдуетъ, все же оно на общее развитіе нервной фیزیологіи оказало мало вліянія.

Пожалуй! Однако коренное зло, вслѣдствіе котораго объясненія объ отношеніи мозга къ психическимъ функціямъ до сихъ поръ не подвинулись ни на шагъ, заключается, какъ намъ кажется, въ той же причинѣ, которая породила неудачу, сопровождавшую повсюду и френологію, а именно—въ олицетвореніи отвлеченныхъ представленій— вмѣсто простаго воспріятія дѣйствительности, по скольку это вообще возможно. Какой путь ведетъ насъ къ мозгу? Нервы!—въ нихъ часть запутанныхъ массъ представляется какъ бы развернутою. Надъ нервами мы можемъ совершать опыты, потому что мы несомнѣнно имѣемъ передъ собою нѣчто отдѣльное. Въ нихъ мы находимъ проводники, электрическіе токи, воздѣйствіе на сокращеніе мускуловъ, на выдѣленіе железъ, мы находимъ обратное дѣйствіе на центральный органъ. Мы находимъ своеобразное явленіе рефлекторныхъ движеній, которое уже нѣсколько разъ при многообразномъ поворотѣ къ лучшему было понимаемо какъ основной элементъ психической дѣятельности<sup>25</sup>). До какой степени здѣсь вредитъ олицетвореніе, или вѣрнѣе—съ какимъ трудомъ изъ привычныхъ намъ представленій возникаетъ правильная мысль выводить личное изъ безличнаго,—этому замѣчательнымъ примѣромъ служить исторія Пфлюгеровыхъ опытовъ надъ психическимъ значеніемъ спинно-мозговыхъ центровъ. Пфлюгеръ съ большимъ остроуміемъ и экспериментаторскимъ талантомъ доказалъ, что обезглавленные лягушки и другія животныя и даже отдѣленные отъ тѣла хвосты ящерицъ еще въ продолженіе довольно долгаго времени совершаютъ движенія, за которыми нельзя не признать характера цѣлесообразности. Наболѣе интересенъ слѣдующій случай: лягушка, обезглавленная, окропляется на спинѣ кислотою; она стираетъ каплю тою лапкою, которая для этого болѣе удобна. Ей отрѣзываютъ лапку, она пробуетъ сдѣлать это обрубкомъ, и послѣ того какъ нѣсколько попытокъ ей не удаются, она прибѣгаетъ наконецъ къ другой лапкѣ и совершаетъ при помощи ея это движеніе. Это уже не было чисто рефлек-



тивнымъ движеніемъ; лягушка какъ будто разсуждаетъ: она дѣлаетъ у мозаключеніе: этой залкой она не можетъ достигнуть цѣли, и потому она пробуетъ другой. Было какъ будто доказано, что существуютъ спинно-мозговья души, существуютъ даже хвостовья души: вѣдь мыслить можетъ только душа! Хотя это и матеріалистическая душа, но не объ этомъ споръ; главное—вся лягушка представлена въ своемъ спинномъ мозгу; тутъ она мыслитъ и принимаетъ рѣшенія, какія вообще свойственны лягушкамъ.—Тогда научный противникъ беретъ несчастную лягушку обезглавливаетъ ее и медленно варитъ. Для полной точности эксперимента необходимо, чтобы вмѣстѣ съ этимъ варила лягушка, у которой голова еще не снята, и чтобы еще одинъ обезглавленный экземпляръ былъ положенъ для точнаго сравненія рядомъ съ сосудомъ. Что же оказывается: обезглавленная лягушка даетъ себя спокойно варить, не борясь, подобно своему болѣе совершенному товарищу по судьбѣ, со своимъ несчастьемъ. Заключение: не существуетъ никакихъ спинно-мозговыхъ душъ, ибо если бы таковая была, то она должна была бы почуять опасность отъ увеличивающейся жары и подумать о бѣгствѣ! <sup>26)</sup>

Оба заключенія одинаково убѣдительно; но все же опытъ Пфлюгера цѣннѣе и основательнѣе. Устранимъ олицетвореніе; перестанемъ искать повсюду въ отдѣльныхъ частяхъ лягушки мыслящихъ, ощущающихъ, дѣйствующихъ лягушекъ и вмѣсто того, чтобы исходить изъ цѣлаго—изъ необъясненной души, будемъ стараться объяснить данный процессъ болѣе простыми процессами, т. е. рефлекторными движеніями. Тогда мы легко придемъ къ тому, что въ этихъ очень уже сложныхъ результатахъ ощущенія и движенія дано уже начало объясненія сложнѣйшихъ психическихъ процессовъ. Вотъ по какому пути надо было бы пойти!

Что же удерживаетъ отъ этого?—недостатокъ изобрѣтательности и ловкости для труднѣйшихъ экспериментовъ? Совсе нѣтъ: удерживаетъ недостаточное пониманіе того, что для объясненія душевной жизни необходимо сведеніе къ отдѣльнымъ процессамъ, которые составляютъ необходимую часть всего механизма, но совершенно отличны отъ образа дѣйствія полнаго организма.

Однако, рефлекторное движеніе не сопровождается сознаниемъ; слѣдовательно, даже самою сложною дѣятельностью этого рода сознаніе объяснено быть не можетъ!

Опять-таки возраженіе, въ которомъ проявляется грубѣйшій предразсудокъ. Мо л е ш о т ъ въ доказательство того, что сознаніе находится только въ мозгу, приводитъ извѣстное наблюденіе Ж о б е р а д е Л а м б а л л я, согласно которому раненая въ верхней части спинного мозга дѣвушка оставалась еще полчаса въ сознаніи, хотя все тѣло, за исключеніемъ головы, было совершенно парализовано. «Слѣдовательно, весь спинной мозгъ можетъ быть приведенъ въ бездѣятельное состояніе, и сознаніе при этомъ нисколько не страдаетъ». Допустимъ—но если Мо л е ш о т ъ изъ этого случая выводитъ заключеніе, что обезглавленное животное не обладаетъ ни ощущеніемъ ни сознаниемъ, то онъ упускаетъ изъ виду, что отдѣленная отъ спинного мозга голова могла обнаружить свое сознаніе въ человѣчески понятной формулѣ, туловище же—нѣтъ. Находится ли въ отдѣленныхъ отъ головы спинно-мозговыхъ центрахъ ощущеніе и сознаніе, и сколько его находится—этого мы вовсе знать не можемъ. Мы можемъ съ увѣренностью принять только то, что

эта сознательность не сумѣетъ сдѣлать ничего, что не обосновано въ механическихъ условіяхъ центростремительныхъ и центробѣжныхъ нервныхъ проводниковъ и въ устройствѣ центра.

Не надо, слѣдовательно, заключать такъ: спинно-мозговые центры ощущаютъ,—поэтому они могутъ совершить нѣчто бѣльшее, нежели простой механизмъ. Наоборотъ—что дѣло происходитъ строго механически, не только должно было бы быть поставлено внѣ всякаго сомнѣнія съ самаго начала, но оно еще сверхъ того доказано противоположнымъ опытомъ медленнаго подогрѣванія. Для одного класса раздраженій существуетъ въ спинномъ мозгу лягушки механизмъ цѣлесообразныхъ рефлексовъ, для другого же—нѣтъ. Отсутствуетъ ли въ послѣднемъ случаѣ ощущеніе или только способность реагировать на ощущеніе разнообразными движеніями—этого мы не знаемъ. Однако не лишено вѣроятія,—хотя мы здѣсь можемъ опираться только на аналогію,—что повсюду, гдѣ возникаетъ ощущеніе, существуетъ также аппаратъ для реагированія на это ощущеніе; съ другой стороны можно принять, что каждый рефлекторный аппаратъ заключаетъ въ себѣ, по меньшей мѣрѣ, возможность хотя бы самой слабой способности ощущенія, но остается, конечно, подъ большимъ сомнѣніемъ, поступаетъ ли когда либо въ цѣломъ и здоровомъ живогномъ что нибудь изъ этого ощущенія подчиненныхъ центровъ совершенно ясно въ сознаніе <sup>27</sup>).

Нѣтъ сомнѣнія, мы находимся тутъ на вѣрномъ пути къ тому, чтобы сдѣлать материализмъ прежде всего послѣдовательнымъ; и это въ самомъ дѣлѣ будетъ необходимымъ условіемъ успѣшнаго изслѣдованія отношенія мозга и души, хотя тѣмъ самымъ материализмъ вовсе не будетъ оправданъ въ метафизическомъ смыслѣ. — Если мозгъ можетъ произвести всю душевную жизнь человѣка, то нѣтъ основанія отрицать за какимъ нибудь центромъ спинного мозга хоть простое ощущеніе. Что же касается обезглавленныхъ животныхъ, то слѣдуетъ вспомнить то, что всегда выставляли противъ Декарта, а именно,—что животныя не суть только простыя машины. Мы не можемъ видѣть ихъ ощущеній какъ таковыхъ; мы заключаемъ о нихъ лишь по внѣшнимъ признакамъ страданія, радости, испуга, злости и т. п., которые сходны съ соответственными жестами человѣка. Однако у обезглавленныхъ животныхъ мы отчасти находимъ тѣ же знаки. Мы должны были бы заключить, что и они связаны съ ощущеніемъ. Животные, у которыхъ удаленъ большой мозгъ, кричатъ и вздрагиваютъ, когда ихъ щиплютъ. Флурансъ нашелъ лишенныхъ мозга куръ въ состояніи сонливости и изъ этого вывелъ заключеніе, что они не ощущаютъ. Тѣ же животныя однако могли ходить и стоять. Они просыпаются, если ихъ толкнуть, они встаютъ, если ихъ положить на спину. Поэтому Іоганнъ Мюллеръ справедливо дѣлаетъ совершенно иныя заключенія: «Флурансъ изъ своихъ опытовъ съ вырѣзываніемъ большихъ полушарій сдѣлалъ тотъ выводъ, что только однѣ эти части суть центральные органы ощущенія, и что послѣ удаленія ихъ животное совершенно не ощущаетъ; но изъ его вообще очень интересныхъ опытовъ вытекаетъ не это, а нѣчто прямо противоположное, какъ замѣтилъ уже Кювье въ своемъ сообщеніи объ этихъ опытахъ. Правда, послѣ потери полушарій большого мозга, чувства у животнаго притупляются; но оно все же обнаруживаетъ совершенно ясные признаки ощущенія, а не одной лишь рефлексіи (рефлективной дѣятельности)» <sup>28</sup>).

Однако и самъ Мюллеръ ошибается, считая повидимому ощущеніе животнаго, лишеннаго своего мозга, приблизительно тѣмъ же, что и ощущеніе здороваго животнаго. Это происходитъ оттого, что Мюллеръ находится всецѣло подъ вліяніемъ теоріи локализаци. Продолговатый мозгъ представляется ему центромъ волевого вліянія, большой мозгъ — сѣдалищемъ представлений, а слѣдовательно, мышленія. Такъ, упоминая о нечувствительности полушарій большого мозга, онъ говоритъ: «то мѣсто въ мозгу, гдѣ ощущенія превращаются въ представленія, а представленія сохраняются, чтобы затѣмъ снова являться, такъ сказать, какъ тѣнныя ощущенія, само не чувствительно». Однако объ этихъ замѣчательныхъ процессахъ мы не знаемъ ровно ничего. Затѣмъ еще большой вопросъ, суть ли наши такъ называемыя «представленія» что либо иное, какъ комплексы весьма тонкихъ ощущеній. Мюллеръ помѣщаетъ въ продолговатомъ мозгу функціи хотѣнія и ощущенія, органамъ, лежащимъ въ основаніи мозга, онъ приписываетъ специально ощущенія нашихъ внѣшнихъ чувствъ, а мышленіе относитъ къ большому мозгу. Такимъ образомъ и Мюллеръ отводитъ разныя области отвлеченнымъ понятіямъ. Олицетвореніе отвлеченности тутъ не такъ бросается въ глаза, какъ въ френологіи, но оно все же существуетъ. Если бы вниманіе исследователя было всецѣло обращено на процессъ мышленія, чувствованія, хотѣнія, то у него само собою явилась бы мысль разсматривать переходъ возбужденія отъ одной части мозга въ другую — возрастающее разрѣшеніе потенціальныхъ силъ—какъ объективную сторону психическаго процесса, и онъ искалъ бы не сѣдалищъ различныхъ силъ, а путей этихъ токовъ, ихъ связей и соединеній.

Мюллеръ приводитъ въ пользу своего возрѣнія на большой мозгъ между прочимъ сравнительную анатомію, т. е. ту область, которая еще и нынѣ является наиболѣе важнымъ и почти единственнымъ основаніемъ для этого рода взглядовъ, послѣ того какъ патологическая анатомія оказалась столь несогласною съ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, необходимо допустить, что постепенное развитіе полушарій большого мозга въ животномъ царствѣ дѣлаетъ крайне вѣроятнымъ то заключеніе, что въ этомъ значительномъ органѣ нужно искать существованія шага основанія духовнаго превосходства человѣка. Изъ этого, однако, не вытекаеть, что онъ необходимо есть также и сѣдалище высшихъ душевныхъ отправленій. Логически ясно, что здѣсь передъ нами большой скачекъ. Но мы попытаемся представить это и наглядно. Мельница съ большимъ прудомъ можетъ при ровномъ и въ общемъ скудномъ приливѣ воды болѣе правильно проработать все лѣто, чѣмъ мельница съ очень маленькимъ прудомъ или безъ пруда. Затѣмъ, въ случаѣ надобности, она можетъ прибавить много силы, не истощаясь сразу; она вообще находится въ болѣе благоприятномъ положеніи и работаетъ прибыльнѣе. Именно прудъ и есть причина этой прибыльной работы, но работа эта совершается все же не въ прудѣ,—она совершается черезъ стокъ его и черезъ принятіе стока въ искусственное приспособленіе. Такъ какъ мы здѣсь имѣемъ въ виду лишь указать на логическій пробѣлъ и не желаемъ сами выставять какой бы то ни было гипотезы, то приведемъ еще и другой примѣръ. Простой типографскій ставокъ Гуттенберга по сравненію съ нашими въ высшей степени сложными скоропечатными машинами производилъ мало; преиму-

ство послѣднихъ заключается не въ ихъ формѣ, а въ сложной системѣ колесъ. Слѣдуетъ ли, поэтому принять, что печатаніе совершается въ системѣ колесъ? Можно даже взять въ примѣръ наши чувства. Болѣе совершенно устроенный глазъ обуславливаетъ лучшее зрѣніе, но само зрѣніе имѣетъ, конечно, мѣсто не въ глазу, а въ мозгу. Такимъ образомъ вопросъ о сѣдалищѣ высшихъ духовныхъ функцій представляется меньшей мѣрѣ открытымъ, а можетъ быть онъ и вообще ложно поставленъ. Но что полушарія большого мозга имѣютъ для этихъ функцій рѣшающее значеніе, можно принять безъ всякихъ оговорокъ.

Правда, по мнѣнію Миллера, Флурансъ своимъ ножемъ далъ прямое доказательство того, что сѣдалище высшихъ духовныхъ функцій находится въ большомъ мозгу; извѣстно также выраженіе Бюхнера, что Флурансъ вырѣзывалъ у своихъ пѣтуховъ «душу» по частямъ. Однако, если даже допустить, что трудно опредѣлимые, высшія духовныя функціи курицы при этихъ живосѣченіяхъ дѣйствительно отпадали, то даже и отсюда вовсе еще не слѣдуетъ предположенное, такъ какъ для этого большому мозгу достаточно было быть только необходимымъ факторомъ для отправленія этихъ функцій, а не сѣдалищемъ ихъ. Далѣе слѣдуетъ принять въ соображеніе и то, что въ органическомъ тѣлѣ удаленіе такого органа, какъ большой мозгъ, никоимъ образомъ не можетъ быть выполнено безъ того, чтобы животное не заболѣло, и особенно, чтобы функціи близлежащихъ частей въ значительной мѣрѣ не разстроились. Это, напримѣръ, доказываетъ опытъ Гертвига (сообщенъ въ физиологіи Мюллера): голубь, лишенный верхней части полушарія, въ продолженіе пятнадцати дней ничего не могъ слышать, но затѣмъ къ нему снова вернулось чувство слуха, и онъ прожилъ такъ еще два съ половиною мѣсяца. При опытахъ Флуранса животныя, кромѣ слуха, постоянно теряли также и зрѣніе—обстоятельство, которое было причиною того, что этотъ изслѣдователь полагалъ, будто животныя не обладаютъ болѣе сознаніемъ. Лонже наоборотъ путемъ весьма замѣчательнаго опыта доказалъ, что при заботливомъ обереганіи зрительныхъ бугровъ и другихъ частей мозга, за исключеніемъ полушарій, зрительная сила голубей отчасти сохраняется. Наконецъ, пусть попробуютъ лишить зрѣнія и слуха любого остроумнаго писателя, пусть ему парализуютъ языкъ, причинятъ легкую лихорадку и непрерывное опьяненіе—если даже у него при этомъ останется большой мозгъ, мы все же убѣждены, что онъ обнаружитъ очень немного признаковъ своихъ высшихъ духовныхъ функцій. Какъ же можно требовать этого отъ искалѣченнаго пѣтуха!

Новѣйшія изслѣдованія мозга, о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь, совершенно въ иномъ отношеніи обезпечиваютъ за большимъ мозгомъ его первенствующее значеніе. Онъ является здѣсь не какъ «душа» или какъ органъ, который непостижимымъ образомъ производитъ «умъ» и «волю», а какъ органъ, создающій самыя сложныя соединенія ощущенія и движенія. Здѣсь возникаетъ не «воля» какъ таковая, а дѣйствіе совершенно аналогичное рефлексамъ, только болѣе сложное по своему составу и обусловленное болѣе разнообразными соединительными проводниками съ другими частями мозга. Мозгъ производитъ не психологическую отвлеченность, которой только еще предстоитъ стать конкретнымъ дѣйствіемъ, а сразу, какъ при рефлексѣ, даетъ конкретное дѣйствіе какъ непосредственное слѣдствіе даннаго состоянія мозга и идущихъ по различнымъ путямъ воз-

буждений. Такимъ образомъ у курицы не «душу» вырѣзываютъ по частямъ: ножъ разрушаетъ только комбинаціонный аппаратъ, весь состоящій изъ отдѣльныхъ частей, имѣющихъ весьма различное, но вопль опредѣленное значеніе. Индивидуальный характеръ животного, его животная свособразность продолжаютъ существовать, пока не потухнетъ послѣдній остатокъ жизни. Но связано ли сознаніе исключительно съ отправлениями этого аппарата, все еще остается вопросомъ. (Сравн. прим. 27).

Какъ примѣръ односторонней и произвольной философіи мозга мы можемъ упомянуть еще возрѣнія Каруса и Гушке—возрѣнія, которыя съ легкими видоизмѣненіями были сильно распространены, хотя они вседѣло покоятся на принципѣ олицетворенія унаслѣдованныхъ отвлеченій. Этимъ мы, конечно, вновь переходимъ въ область натурфилософіи, но не очень однако отдаляемся отъ современной научной точки зрѣнія, ибо въ своихъ взглядахъ на мозгъ мы еще до самаго послѣдняго времени не слишкомъ далеко ушли отъ натурфилософіи.

Гушке еще въ своей диссертациі 1821 года училъ, что три позвонка черепа соотвѣтствуютъ тремъ главнымъ частямъ мозга, и что поэтому надо принять также три основныя силы духа. Удивительная причинная связь, но совершенно въ духѣ того времени! Продолговатому мозгу и мозжечку приписывается хотѣніе, затылочной части мозга—чувствованіе, лобной же части—мышленіе. При этомъ нѣкоторую роль играетъ конечно «полярность». Мозжечекъ полярно противоположенъ большому мозгу: первый служитъ для движенія, второй для ощущенія и для мышленія; дѣятельность перваго активная, втораго — рецептивная. Въ этомъ отношеніи части, находящіяся въ основаніи мозга, вопль примакаютъ къ большому мозгу; но затѣмъ въ этой массѣ въ свою очередь возникаетъ полярная противоположность. Интереснымъ примѣромъ для уразумѣнія исторіи возникновенія научныхъ представленій можетъ служить то, что Гушке разсматривалъ знаменитые, появившіяся нѣсколько лѣтъ позднѣе опыты Флуранса какъ экспериментальныя доказательства своего ученія <sup>29)</sup>.

Позднѣ Карусъ выставилъ такое же трехчленное дѣленіе, но считалъ однако первоначальнымъ сѣдалищемъ сердечности исключительно четверохолміе, тогда какъ Гушке присоединяетъ къ этому также и зрительные холмы, заднія доли большого мозга и другія части. Гушке четверохолміе представляется слишкомъ незначительнымъ для такой важной функціи, какъ жизнь чувства, въ особенности потому, что оно въ исторіи развитія человѣка, также какъ и въ восходящемъ рядѣ животныхъ замѣтно теряетъ въ своемъ значеніи. Для Каруса это обстоятельство не является препятствіемъ, такъ какъ онъ исходитъ изъ врожденной наклонности и считаетъ нелѣпостью разсматривать у взрослого человѣка «сердце» умъ и волю, размѣщенными такимъ образомъ, «что каждый изъ нихъ какъ бы запертъ въ одномъ изъ трехъ отдѣленій мозга». Совершенно, полагаетъ онъ, иное, «когда дѣло идетъ о первичномъ зачаткѣ этихъ образованій, въ которомъ либо вовсе нѣтъ проводящихъ волоконъ, либо они развиты еще весьма несовершенно,—гдѣ, слѣдовательно, о тонкихъ отгнѣнкахъ душевной жизни не можетъ быть и рѣчи». Въ этомъ простомъ зачаткѣ развертывающейся позднѣе духовной дѣятельности указанныя три основанія ея направленія дѣйствительно локализи-

рованы. Въ виду того, что Карусъ понимаетъ всю эту локализацию въ сущности только какъ символъ своеобразнаго духовнаго развитія, его точка зрѣнія становится внѣ спора, такъ какъ она теряется въ метафизическомъ туманѣ.

Если мы станемъ провѣрять доказательства обоихъ столь сродныхъ въ своихъ воззрѣніяхъ физиологовъ, то тотчасъ же встрѣтимся съ тѣмъ широкимъ примѣненіемъ сравнительной анатоміи, въ которомъ столь удивительнымъ образомъ слита точка зрѣнія натурфилософіи съ точкой зрѣнія положительной науки. Въ виду того, что сравнительная анатомія основывается на тончайшемъ разборѣ частныхъ, въ виду того, что она для обрѣтенія опорныхъ пунктовъ, особенно въ анатоміи нервной системы, нуждается въ самыхъ точныхъ операціяхъ, изслѣдователи съ большою легкостью переносятъ опущеніе отъ своей точности на тѣ выводы, которые они считаютъ возможнымъ сдѣлать изъ сравненія соответствующихъ формъ. Между тѣмъ при всѣхъ заключеніяхъ объ отношеніи мозговыхъ образованій къ духовнымъ отправленіямъ уже самъ по себѣ приемъ отнюдь не простъ. Видимые человѣческіе организмы приводятся въ сравненіе съ организмами животными. Хорошо — это сравненіе точнымъ методомъ допускается. Можно взвѣсить четверохолміе рыбы; можно вычислить въ какомъ отношеніи мозжечекъ птицъ находится къ общей мозговой массѣ; можно это отношеніе сравнить съ тѣмъ, какое мы находимъ у человѣка. Постольку путь ясенъ. Но намъ надо было бы въ такой же мѣрѣ знать духовныя функціи животныхъ, — сравнить ихъ между собою и съ духовными функціями людей; затѣмъ наступаетъ и наиболѣе трудная задача — а именно: надо было бы бросающіяся въ глаза сходства и различія одной области какъ бы пригонять къ сходствамъ и различіямъ другой, сравнить степень и законмѣрность наблюдаемаго, находить шагъ за шагомъ цѣлую сѣть такихъ соответствій и этимъ путемъ получить большую увѣренность въ частностяхъ. Кромѣ того при этой операціи надо было бы еще избѣгать самообмановъ, которые подсовываетъ намъ въ такомъ большомъ числѣ наша творческая фантазія.

Однако, вмѣсто того, чтобы нагромождать въ кучу всякія трудности этого приѣма, мы лучше ясно обозначимъ его невозможность: она заключается въ отсутствіи сравнительной психологіи. Вообще въ психологіи мы не можемъ предпринять никакихъ сѣченій, не можемъ взвѣшивать, измѣрять, представлять препараты. Названія — мышленіе, чувствованіе, хотѣніе — суть именно только названія. Кто возьмется опредѣлить, что имъ соответствуетъ! Не сдѣлать ли намъ опредѣленій? Зыбкая стихія! Всѣ они никуда не годятся — по крайней мѣрѣ для точныхъ сравненій. И съ чѣмъ намъ связать наши наблюденія? Какою мѣрою намъ ихъ измѣрять? При этомъ блужданіи ощущу лишь дѣтскій наивный предрасудокъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что что либо будетъ найдено, — или еще ясновидящій полетъ метафизика. У разума же только одинъ путь. Онъ можетъ только положительныя, доказанныя, видныя дѣйствія животнаго міра сравнивать съ органами. Онъ вынужденъ свести этотъ вопросъ къ вопросу о формахъ движенія и о причинахъ движенія. Вотъ путь для будущаго. Такіе люди, какъ Шейтлинъ, Брэмъ и другіе друзья животнаго міра при всѣхъ ихъ заслугахъ едва ли могутъ быть разсматриваемы какъ пионеры въ томъ, что намъ надо было бы имѣть

для того, чтобы совершать такого рода сравненія хотя бы съ нѣкоторою увѣренностью.

Что сказать о томъ, что болѣшій размѣръ мозжечка у птицъ и млекопитающихъ животныхъ приписывается ихъ подвижному характеру, въ противоположность болѣе рецептивному существу людей? Ясно, что на этомъ пути вообще ничего невозможно узнать.—Анатомъ замѣчаетъ, что у овцы передняя пара четверохолмїя велика, задняя—мала, а у собаки—наоборотъ. Это наводитъ его на мысль, что передняя пара чувствительная, задняя же—двигательная. Можетъ ли такая идея дать нѣчто болѣе, нежели—въ лучшемъ случаѣ—указаніе для дальнѣйшихъ изслѣдованій? Но эти изслѣдованія не должны состоять въ накопленіи такого рода наблюденій съ такимъ же произвольнымъ толкованіемъ, а должны перейти на ограниченную область, которую надлежитъ овладѣть путемъ эксперимента. Прежде всего устранимъ общія психологическія школьныя понятія! Если мнѣ кто либо покажетъ, что легкое поврежденіе какой-нибудь части мозга имѣетъ своимъ результатомъ то, что здоровая прежде кошка оставляетъ ловлю мышей, то я готовъ вѣрить, что мы несомнѣнно находимся на пути къ психическимъ открытіямъ. Однако я и тогда не стану предполагать, что мы нанали на тотъ пунктъ, въ которомъ представленія о ловлѣ мышей имѣютъ свое исключительное «сѣдалище». Если часы неправильно бьютъ по той причинѣ, что повреждено какое-нибудь изъ колесиковъ, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы именно это колесо выбивало часы.

Прежде всего необходимо уяснить себѣ, что во всѣхъ въ совокупности параграфахъ старой школьной психологїи нигдѣ нѣтъ рѣчи о вещахъ, которыя мы можемъ вообще надѣяться открыть въ числѣ элементовъ мозговыхъ отправленій. Съ этимъ дѣло обстоитъ приблизительно такъ, какъ если бы мы различныя дѣятельности локомотива, поскольку ихъ можно наблюдать извнѣ, полагали бы размѣщенными въ отдѣльныхъ кипятильных трубахъ или другихъ какихъ-нибудь частяхъ машины: здѣсь—способность выталкивать дымъ, тамъ—такая же способность для выталкиванія пара; тутъ—вращательная сила, тамъ—способность двигаться быстро или медленно, а въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ—способность тащить тяжести. Во всей нашей прежней психологїи дѣйствія человѣка классифицированы по извѣстнымъ отношеніямъ ихъ къ жизни и ея цѣлямъ безъ всякаго вниманія къ элементамъ ихъ возникновенія, притомъ такъ, что часто уже одинъ психологическій анализъ показываетъ совершенно ясно, какъ мало образуетъ истинное единство то, что обозначается однимъ словомъ. Что, на примѣръ, такое «мужество» моряка во время бури, и съ другой стороны при такъ называемыхъ привидѣніяхъ? Что такое «память», «способность умозаключенія», если обратить вниманіе на различныя формы и области ихъ дѣйствій? Почти всѣ эти понятія психологїи даютъ намъ слово, посредствомъ котораго классифицирована весьма несовершеннымъ образомъ часть процессовъ человѣческой жизни; а съ этимъ связывается еще метафизическій призракъ общаго субстанціального основанія этихъ процессовъ, и этотъ призракъ необходимо уничтожить.

Какъ глубоко вкорененъ предрассудокъ о локализациі духовныхъ способностей, показываетъ почти трогательный примѣръ изъ жизни и дѣятельности одного изъ первыхъ изслѣдователей всей этой отрасли. Флурансъ, который вначалѣ двадцатыхъ годовъ своими знаменитыми живосѣ-

ченіями достигъ европейской славы, сорокъ лѣтъ спустя снова вернулся къ изслѣдованіямъ мозговыхъ функцій и примѣнилъ при этомъ методъ, новизна и остроуміе котораго заслуживаютъ удивленія. Онъ клалъ животнымъ на поверхность мозга маленькіе металлическіе шарики и давалъ имъ медленно погружаться. Шарики во всѣхъ случаяхъ по истеченіи долгаго времени спускались до основанія мозга, не вызывая при этомъ никакого нарушенія функцій. Только въ томъ случаѣ, когда шарикъ стоялъ вертикально надъ жизненнымъ узломъ, наступала послѣ окончательнаго погруженія смерть. Флурансъ сообщаетъ объ этихъ опытахъ въ статьѣ «Объ излѣчимости мозговыхъ ранъ» (*Compte rendu* 62), которая сверхъ того констатируетъ, что имѣется огромное множество такихъ пораненій, которыя индивиду не причинили никакого вреда, и что раны въ мозгу излѣчиваются даже съ поразительною легкостью. И однако, въ той же работѣ Флурансъ считаетъ еще цѣлью науки распределеніе духовныхъ способностей по органамъ мозга!

Только въ новѣйшее время вступили наконецъ на болѣе правильный путь, и какъ бы ничтожны ни были положительные результаты, все же повсюду видна твердая почва и устойчивая отправная точка изслѣдованія.

На первомъ мѣстѣ должны быть упомянуты анатомическія изслѣдованія и теоріи Мейнерта о строеніи мозга <sup>30)</sup>. Мейнертъ первый сдѣлалъ основательную попытку дать независимо отъ всякихъ психологическихъ возрѣній общее представленіе о строеніи мозга и порядкѣ его отдѣльныхъ частей и этимъ путемъ точнѣе опредѣлить общій ходъ всѣхъ мозговыхъ отправленій, главнымъ образомъ въ отношеніи къ возможнымъ путямъ физиологическихъ процессовъ. Твердымъ отправнымъ пунктомъ въ послѣднемъ отношеніи служить для него исключительно извѣстная, частью чувствительная, частью двигательная природа вступающихъ въ мозгъ нервныхъ нитей спинного мозга. Онъ слѣдитъ за ними на всемъ ихъ пути вверхъ до коры большого мозга, различныя области котораго получаютъ этимъ путемъ первую ясно очерченную характеристику, а затѣмъ внизъ отъ коры большого мозга по извѣстнымъ анатомически даннымъ ступенямъ до спинного мозга и периферическихъ нервовъ.

Общая картина, получающаяся при такого рода изслѣдованіи, поскольку это насъ касается, представляется, коротко говоря, въ слѣдующемъ видѣ. Нервные пути усложняются при восхожденіи къ корѣ большого мозга и упрощаются на обратномъ пути. Мѣста этого усложненія суть органы сѣраго вещества, т. е. сборныя мѣста нервныхъ узловъ, которые пронизаны бѣлымъ веществомъ проводныхъ нитей. Въ такихъ органахъ имѣетъ мѣсто крайне разнообразное соединеніе проводныхъ путей. Сѣрое вещество, которое безъ сомнѣнія служитъ посредствующимъ звеномъ для этихъ соединеній и развѣтвленій, дѣлится съ точки зрѣнія этого расчисленія какъ бы на три инстанціи: верхняя образуетъ кору большого мозга—сѣрое вещество перваго порядка; затѣмъ слѣдуютъ большія ядра въ основаніи мозга—сѣрое вещество втораго порядка, и наконецъ, «сѣрое вещество центральной полости»—какъ третья ступень. Далѣе къ этому присоединяется еще сѣрое вещество мозжечка, которое представляется органомъ особенно богатыхъ и разнообразныхъ соединеній чувствительныхъ и двигательныхъ путей. Мейнертъ, простоты ради, дѣлаетъ изъ него четвертый классъ сѣраго вещества, которое од-



нако не примыкаетъ къ указанному ряду инстанцій, а занимаетъ особое положеніе, скорѣе всего отвѣчающее органамъ второго порядка.

Проводящія волокна (бѣлое вещество) Мейнертъ наглядно распредѣляетъ въ систему ассоціацій и систему проекцій. Волокна первой системы служатъ для соединенія различныхъ частей мозговой коры, волокна второй—для сообщеній между корою большого мозга и вышнимъ міромъ, который съ помощью нервовъ какъ бы проектируется въ полушаріи мозговой коры. На этотъ взглядъ относительно проекціи вышняго міра въ мозговую кору можно было бы, конечно, смотрѣть какъ на препятствующій психологическій придатокъ, но онъ выраженъ такъ обще, что его можно даже отдѣлить отъ того необходимаго какъ будто бы слѣдствія, что сознаніе есть функція коры большого мозга. Въ сущности можно сказать, что вышній міръ проектируется въ каждомъ нервномъ центрѣ: въ грубѣйшей наиболѣ простой формѣ—уже въ сѣромъ веществѣ спинного мозга и мозговыхъ полостей; болѣе совершеннымъ образомъ—въ большихъ ядрахъ; и наконецъ, наиболѣе совершенно—въ сущности единственно человѣческимъ образомъ—въ корѣ большого мозга. При этомъ необходимо соблюдать извѣстную послѣдовательность инстанцій. Сѣрое вещество третьяго порядка служитъ для рефлексовъ. Эти послѣдніе могутъ быть задерживаемы въ извѣстныхъ мѣстахъ второй инстанціи; воспріятое впечатлѣніе не дѣйствуетъ затѣмъ сразу вовнѣ, а входитъ въ сложное психическое образованіе или сохраняется до поры до времени какъ бы въ запасъ для произведенія потенціального состоянія. Но органы второй инстанціи по природѣ своей, по крайней мѣрѣ отчасти, рефлекторны. Здѣсь образуются болѣе сложные рефлексы, направленные на какую нибудь жизненную цѣль. Доходящее сюда раздраженіе, смотря по своему качеству и по состоянію центра, то вовсе не разрѣшается въ движеніе, то разрѣшается иногда въ цѣлый рядъ одновременныхъ или слѣдующихъ другъ за другомъ движеній.

Но эти рефлексы второй инстанціи могутъ опять-таки быть задержаны или видоизмѣнены вмѣшательствомъ третьей и высшей инстанціи—коры большого мозга. Тутъ-то, говорятъ, вмѣшивается «сознательная воля»; и все же механизмъ—слѣдованіе функцій—тотъ же, что и во второй инстанціи, только еще гораздо разнообразнѣе и сложнѣе. Сознательная воля сама представляется такимъ образомъ съ физиологической стороны лишь высшею рефлекторною инстанціей, что, между прочимъ, ни ея сознательности ни нравственному достоинству какъ «воли» не наноситъ никакого ущерба. Наши психическія функціи остаются тѣмъ, что онѣ суть, хотя бы онѣ, съ физиологической стороны представлялись намъ ничѣмъ инымъ, какъ въ высшей степени совершеннымъ и въ своемъ составѣ превышающимъ наше математическое пониманіе механизмомъ.

Мы нѣсколько уклонились отъ изложенія теоріи Мейнерта въ сторону. Онъ строго придерживается данныхъ, касающихся морфологическаго расчлененія мозга; но именно въ этомъ и состоитъ наибольшее достоинство дѣйствительно ясной, вносящей строгій порядокъ, морфологіи, что она даетъ намъ возможность заглянуть непосредственно въ самыя функціи. Это станетъ еще яснѣе, если мы прослѣдимъ пути нервныхъ процессовъ въ частностяхъ.

Система проекцій имѣетъ двойной путь. Одинъ изъ нихъ ведетъ отъ

коры большого мозга къ спинному мозгу черезъ основаніе мозговой ножки, второй же—черезъ покрывку ея. На первомъ пути вторая инстанція главнымъ образомъ замѣщается хвостатымъ ядромъ и чечевичнымъ ядромъ, на второмъ пути—зрительными буграми, четверохолміемъ и внутреннимъ колѣчататымъ бугромъ; первый путь—чисто двигательный, второй—смѣшанный. Путь черезъ основаніе мозговой ножки вмѣстѣ съ вѣддренными въ него ядрами, по мѣрѣ восхожденія животнаго ряда, растетъ одномѣрно съ развитіемъ полушарій большого мозга. У человѣка основаніе мозговой ножки и чечевичное ядро развиты сильнѣе всего; высота этого основанія равняется высотѣ покрывки, тогда какъ, напримѣръ, у дикой козы отношеніе между ними равняется 1 : 5. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что наиболѣе необходимыя для животной жизни виды движенія и чувственные впечатлѣнія проводятся и собираются на пути черезъ покрывку. Уложенныя здѣсь большія ядра преимущественно служатъ мѣстомъ образованія сложныхъ рефлексовъ, которые, какъ надо полагать, мозговой корой задерживаются, усиливаются и вообще приводятся въ порядокъ. Напротивъ, по пути черезъ основаніе мозговой ножки проводится, должно быть, преимущественно такія движенія, сочетаніе которыхъ совершается въ самой корѣ большого мозга.

Могло бы показаться страннымъ то обстоятельство, что путь, высшее развитіе котораго идетъ параллельно съ увеличеніемъ полушарій и достигаетъ своего максимума у человѣка, есть именно путь двигательный. Развѣ многія животныя не превосходятъ человѣка въ силѣ и скорости движеній? Не насмѣшка ли надъ всѣмъ гимнастическимъ искусствомъ, какого можетъ достигнуть человѣкъ, играющій на вѣтвяхъ деревьевъ гиббонъ? И не превосходимъ ли мы животныхъ какъ разъ силою и разнообразіемъ нашихъ ощущеній? Не требуютъ ли наши научныя наблюденія такой дѣятельности чувствъ, какая совершенно неизвѣстна животнымъ? Если даже въ концѣ концовъ все сознаніе выстраивается изъ ощущеній, нельзя ли было бы напередъ ждать, что рука объ руку съ развитіемъ духовной жизни будетъ идти сравнительно болѣе высокое развитіе чувствительныхъ путей?

Въ этомъ отношеніи надо прежде всего подвергнуть разсмотрѣнію языкъ и искусную руку человѣка въ ихъ значеніи для духовной жизни. Относительно языка мы даже знаемъ уже ту область мозговой коры, въ которой звуки сочетаются въ полное значенія слово, а затѣмъ изъ всѣхъ явленій психическаго поврежденія ни одно не выяснено въ такой мѣрѣ, какъ афазія. Языкъ, также какъ и ловкость руки показываетъ намъ, что главное не въ силѣ и быстротѣ движенія, а въ многообразіи и точно соразмѣренной цѣлесообразности ихъ. А для этого именно необходимъ обширный координаціонный аппаратъ съ соединеніями, которыя отъ каждаго пункта данной системы переходятъ ко множеству пунктовъ другой системы. Вѣдь при языкѣ дѣло идетъ не только о точномъ соразмѣренномъ сжиманіи губъ, которое воспроизводитъ *б* или *п*, или о плавномъ слѣдованіи другъ за другомъ движеній органовъ языка, образующихъ трудно произносимое слово—языкъ долженъ еще нѣчто обозначать, и поэтому отъ мѣстъ составленія слова должны переходить многочисленныя нити къ мѣстамъ образованія чувственныхъ впечатлѣній. Эти соединенія можно мыслить собственно такимъ образомъ,

что каждое определенное ощущение или каждый определенный импульс мышечного движения имѣть своего представителя въ цѣломъ рядѣ клѣточекъ мозговой коры, изъ которой каждая имѣть въ свою очередь особое соединеніе. Подобно тому какъ въ Кортіевомъ аппаратѣ ушной улитки находится цѣлый рядъ нервовъ, которые готовы воспринять впечатлѣнія, но изъ которыхъ однако только очень немногіе употребляются для проведенія определеннаго тона, точно также и въ нервныхъ центрахъ, въ особенности же въ нервныхъ центрахъ высшихъ инстанцій, необходимо себѣ представить, что доходящее сюда возбужденіе воспринимается многими клѣтками, и только въ немногихъ изъ нихъ процессъ раздраженія получаетъ непосредственное психическое значеніе; затѣмъ и то, что двигательный импульсъ, которому предназначено привести въ движеніе группу мышцъ, можетъ исходить изъ множества мозговыхъ клѣтокъ, тогда какъ только связь этихъ клѣтокъ съ другими областями мозга рѣшаетъ вопросъ о томъ, будетъ ли дѣйствительно данъ импульсъ или нѣтъ. Правда, тщетно будетъ искать въ мозгу аппарата, который управлялъ бы этимъ процессомъ также просто, какъ колебанія *membrana basilaris* управляетъ дѣятельностью слуховыхъ нервовъ въ улиткѣ. Но разъ принять, что проведеніе или непроведеніе нервныхъ процессовъ ничѣмъ не опредѣляется въ такой степени, какъ наличной и обусловленной параллельными проводниками степенью возбудимости въ волокнахъ и клѣткахъ, то нѣтъ уже надобности искать другого какого нибудь механизма, такъ сказать стрѣлки на проводящихъ путяхъ. Принципъ регулированія на лицо.

Что касается управленія человѣческой рукою, то мы не только въ виду ея большой подвижности и пригодности для сложныхъ дѣлъ должны предположить въ двигательныхъ областяхъ мозга богатое развитіе комбинаціоннаго аппарата, — мы должны, на примѣръ, также имѣть въ виду и письмо, которое въ свою очередь входитъ съ языкомъ въ самое тѣсное отношеніе. Если мы затѣмъ обратимъ вниманіе на технику піаниста, художника, хирурга и т. д., при которыхъ повсюду тончайшія соразмѣренія двигательныхъ импульсовъ дѣйствуютъ совместно съ самыми многообразными сочетаніями, то необходимость огромнаго расширенія двигательнаго аппарата мозга для работы человѣка тотчасъ же станетъ намъ ясною. Къ этому присоединяется еще подвижность чертъ лица и необычайная важность глазныхъ движеній, играющихъ очень существенную роль даже въ образованіи зрительныхъ представленій и въ воспріятіи тонкихъ отношеній. Дѣятельность чувствъ при научныхъ наблюденіяхъ тоже нуждается въ двигательномъ аппаратѣ. Зрѣніе тѣснѣйшимъ образомъ связано съ дѣятельностью глазныхъ мышцъ, осязаніе — съ мышечнымъ чувствомъ руки. Но даже въ общихъ движеніяхъ тѣла человѣка, несмотря на всю гимнастическую ловкость обезьянь, далеко превосходить всѣхъ животныхъ въ многообразіи и тонкости положеній и движеній. При этомъ намъ нѣтъ даже надобности ссылаться на ловкость танцоровъ, японскихъ фокусниковъ, актеровъ въ мимическомъ представленіи: уже одна походка, стоячее положеніе, свободное движеніе рукъ влекутъ за собою цѣлое множество движеній, которыя мы непосредственно воспринимаемъ какъ проявленіе духа, и въ которыхъ даже самый неуклюжій человѣкъ обнаруживаетъ свой характеръ строго размѣренною формою. — Однако, изъ всѣхъ ощущеній ощущенія мышечнаго чувства (напомнимъ снова о

языкъ, чертахъ лица, глазныхъ движеніяхъ), пожалуй, наиболѣе важныя— все равно, имѣютъ ли они свое «сѣдалище» прямо въ двигательномъ аппаратѣ, или они обусловлены его дѣятельностью.

Тѣмъ временемъ и физиологія не оставалась безъ дѣла и учила насъ, что процессы во всѣхъ нервахъ въ состояніи возбужденія, въ главномъ одни и тѣ же<sup>31)</sup>. Не существуетъ особыхъ нервныхъ процессовъ для ощущенія, и для движенія,—физическій процессъ во всѣхъ случаяхъ возбужденія нерва по существу одинъ и тотъ же и различается только по силѣ и слабости, скорости и медленности и т. д. Точно также каждое раздраженное на какомъ-либо мѣстѣ своего пути волокно проводить какъ центробѣжно, такъ и центростремительно; разница лишь та, что въ чувствительныхъ волокнахъ остается въ бездѣйствіи первый проводникъ, а въ двигательныхъ— послѣдній. Такимъ образомъ, мы уже имѣемъ здѣсь въ совершенно достовѣрномъ случаѣ тотъ принципъ, что многообразно развѣтвляющійся проводникъ достигаетъ дѣйствія только на одномъ изъ своихъ путей, и ничто не мѣшаетъ намъ примѣнить этотъ принципъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ къ отправленіямъ мозга<sup>32)</sup>.

Наконецъ и прямой опытъ тоже выполнилъ свое дѣло. Опыты Гитцига и Нотнагеля въ Германіи, а Феррье въ Англіи показали, что кора переднихъ долей большаго мозга оказываетъ вліяніе на нѣкоторыя движенія. Напримѣръ, кроликъ, у котораго разрушеніемъ извѣстной части мозговой коры вызвано раздраженіе въ передней лапкѣ, собственно не парализованъ; онъ хотя еще можетъ дѣлать сложныя движенія, которыя вѣроятно составляютъ въ низшихъ центрахъ, но онъ не увѣренъ, ставитъ лапку криво, безъ сопротивленія даетъ ее повернуть и какъ будто не совсѣмъ ясно сознаетъ положеніе этого члена. Хотя животныя въ концѣ концовъ погибаютъ отъ такого поврежденія мозга, но все же достаточно 6—10 дней, если только животное доживаетъ до этого, чтобы вызванное разстройство въ движеніи исчезло. Какъ это объяснить? Одинъ изъ экспериментаторовъ, Нотнагель, думаетъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло какъ бы съ «частичнымъ параличемъ мышечнаго чувства»: поврежденъ здѣсь собственно не послѣдній центръ, истинная «конечная инстанція», а лишь одинъ изъ этапныхъ пунктовъ на пути къ нему, и вотъ почему могутъ открыться для той же функціи и другіе пути<sup>33)</sup>. При поврежденіи сосѣдней части мышечному чувству не наносилось никакого вреда, а обнаруживалась нѣкоторая неправильность въ постановкѣ ноги, затѣмъ и эта неправильность постепенно исчезала. Здѣсь Нотнагель предполагаетъ центръ для возбуждающаго волеваго импульса, но и это опять таки, по его мнѣнію, не конечный пунктъ. «*Restitutio in integrum* необходимо приводитъ къ заключенію, что здѣсь только прерванъ путь, что не можетъ быть удалената часть мозга, въ которой одной волевой импульсъ переходитъ на нервныя волокна, гесп.—въ которой одной имѣетъ мѣсто образованіе нервного возбужденія. Если возможно исцѣленіе, то должны вступить взамѣнъ другіе пути, или по крайней мѣрѣ способность производить волевой импульсъ должна быть свойственна и другимъ мѣстамъ». Опыты съ поврежденіемъ соответствующихъ частей въ обоихъ полушаріяхъ кончались неудачей. Оставалось слѣдовательно подѣ сомнѣніемъ, вызывалось ли постепенное возстановленіе функцій замѣщеніемъ другого полушарія или возникновеніемъ новыхъ путей въ томъ же полушаріи. Во всякомъ случаѣ Нотнагель считаетъ себя вправѣ сдѣлать слѣдующій выводъ: «Если вообще возможно было, чтобы

точно очерченное мѣсто, въ которомъ предполагается возникновеніе душевныхъ функцій, послѣ его удаленія могло быть восполнено другимъ, то слѣдовало бы придти къ тому заключенію, что строгой локализациі духовныхъ функцій въ опредѣленныхъ центрахъ коры большого мозга не существуетъ»<sup>34</sup>).

Остановимся прежде всего на минуту на первой послылкѣ, т. е. на часто повторявшейся аксіомѣ: лишь соединительное, передаточное мѣсто можетъ быть послѣ его разрушенія замѣщено; если же разрушенъ самый органъ, въ которомъ выполняется извѣстная душевная функція, то замѣщеніе его невысказано!

Но отчего же это?—потому ли, что съ уничтоженіемъ душевной способности исчезаетъ и побужденіе къ ея выраженію вовнѣ, а слѣдовательно и стимулъ къ новообразованію? Это привело бы къ дуализму, который нельзя было бы примирить съ принципомъ сохраненія силы. Или же потому, что душевная функція есть просто нѣчто безусловно первичное и не можетъ быть воспроизведена органическою связью съ соответствующими, можетъ быть, подчиненными функціями сосѣднихъ частей? Это былъ бы совершенно новый принципъ, согласно которому духовному рангу процессовъ приписывается фізіологическое вліяніе, котораго мы нигдѣ не замѣчаемъ, и которое въ сущности противорѣчитъ всѣмъ принципамъ фізіологическаго изслѣдованія. Поэтому въ сомнѣніяхъ Нотнагеля мы видимъ только остатки старой теории духовныхъ способностей, такъ долго дѣлавшей изслѣдованія мозга бесплодными. Если «мускульное чувство» или «волевой импульсъ» гипостазирруется, въ духѣ старой психологіи, какъ «способность», орудіемъ которой является бѣлая или меньшая часть мозга, то тогда по матеріалистическому воззрѣнію съ соответствующей частью мозга разрушается и «душевная способность», по дуалистическому—необходимое орудіе ея, и тогда, понятно, неоткуда ждать импульса для замѣщенія. Если же строго придерживаться того, что съ точки зрѣнія фізіологіи и при проявленіи сознательнаго волеваго импульса дѣло заключается лишь въ самомъ обыкновенномъ органическомъ процессѣ, что «способность» въ психологіи есть только слово, которымъ возможность процесса какъ бы возводится въ особый предметъ, что, наконецъ, разсмотрѣніе по рангу духовныхъ процессовъ вовсе не касается фізіологіи,—тогда становится совершенно непонятнымъ, почему бы и «конечный пунктъ» психическаго пути или исходное мѣсто какой нибудь «способности» не могли бы быть также замѣщены въ ихъ дѣятельности новыми путями, какъ и всякая другая часть мозга.

Здѣсь, съ точки зрѣнія старой психологіи, могло возникнуть еще одно сомнѣніе, которое достаточно странно, но тѣмъ не менѣе должно быть упомянуто, ибо такого рода предразсудки надо преслѣдовать во всѣхъ ихъ закоулкахъ. А именно, можно было бы усматривать затрудненіе въ томъ, что уничтожается волевой импульсъ, для приведенія въ движеніе извѣстной части тѣла, тогда какъ господство воли надъ другими частями тѣла продолжается. Такимъ образомъ сама воля, которая всегда есть нѣчто единое, является лишь суммою частичныхъ функцій! Но почему бы нѣтъ?—спросимъ мы опять; вѣдь мы собственно ничего не знаемъ, кромѣ того, что послѣ поврежденія извѣстной части мозга извѣстныя дѣйствія животнаго исчезаютъ и затѣмъ возобновляются. Эти дѣйствія принадле-

жать къ числу тѣхъ, причинная связь которыхъ крайне запутана и которыхъ мы приписываемъ «волѣ». Но что мы, однако, знаемъ объ этой «волѣ»? Помимо измышленій психологовъ—ровно ничего, кромѣ того, что мы видимъ въ фактахъ, въ жизненныхъ проявленіяхъ. Если въ извѣстномъ смыслѣ справедливо говорятъ объ единствѣ воли, то оно можетъ быть только формальнымъ единствомъ характера, направленія. Однако, это формальное единство присуще также и совокуности всѣхъ отдѣльныхъ жизненныхъ проявленій, а въ сущности только ей. Если мы при этомъ говоримъ о «волѣ», то присоединяемъ слово въ цѣляхъ объединенія всей этой группы жизненныхъ явленій. Всякое подставленіе предмета вмѣсто слова есть переходъ за предѣлы данныхъ фактовъ, а потому съ научной точки зрѣнія ничтожно.

Теперь выяснится и то, возможно ли или невозможно ожидать «строгой локализациі духовныхъ функцій въ опредѣленныхъ центрахъ коры большого мозга». Нотнагель совершенно правъ: его эксперименты противорѣчатъ такой строгой локализациі, даже въ томъ случаѣ, если бы восстановление функцій можно было объяснить вступленіемъ въ дѣйствіе другого полушарія. Ибо и тогда волевой импульсъ послѣ процесса восстановления будетъ исходить изъ другой точки, чѣмъ прежде. Но вѣдь волевой импульсъ вообще—значитъ и волевой импульсъ для движенія опредѣленнымъ членомъ—есть опытъ-таки лишь названіе для суммы функцій, имѣющей извѣстный внѣшній результатъ. Элементарныя функціи отдѣльныхъ клѣтокъ и волоконъ могутъ быть очень строго локализованы, и все же возможно себѣ представить, что тотъ же результатъ при особомъ условіяхъ можетъ быть достигнутъ инымъ путемъ. Но коль скоро мы замѣчаемъ одинъ и тотъ же результатъ, мы, слѣдуя привычнымъ для насъ психологическимъ представленіямъ, говоримъ: «волевой импульсъ восстановленъ». Однако, вовсе не восстановлено то, что было разрушено, а лишь полученъ тотъ же самый результатъ съ помощью совершенно иныхъ факторовъ.

Выясненіе этого есть дѣло огромной важности; ибо очень вѣроятно, что разнообразнѣйшія замѣщенія этого рода происходятъ только при высшихъ духовныхъ функціяхъ челоука. У того, на примѣръ, кто привыкъ мыслить болѣе въ формѣ понятій, чѣмъ въ формѣ воззрѣній, мышленіе вслѣдствіе припадка афазіи будетъ сначала очень затруднено, прежде чѣмъ ему удастся совершить переходъ отъ предпосылки къ выводу путемъ однихъ лишь воззрѣній и этимъ путемъ достигнуть той же цѣли, которой онъ прежде умѣлъ достигать только при помощи «тихой рѣчи». Очень вѣроятно, что участіе разныхъ областей мозга въ мышленіи и у здоровыхъ людей весьма различно, тогда какъ результатъ—мысль—одинъ и тотъ же.

Между тѣмъ какъ Нотнагель изъ своихъ опытовъ вывелъ то заключеніе, что психическія функціи въ мозгу не локализованы, Гитцигъ дѣлаетъ прямо противоположный выводъ,—«что нѣкоторыя душевныя стпвленія, вѣроятно даже всѣ, для своего вступленія въ матерію или для возникновенія послѣдней (?), пользуются совершенно опредѣленными центрами въ корѣ большого мозга<sup>35</sup>). Противоположность между воззрѣніями обоихъ изслѣдователей не такъ велика, какъ это можно думать, ибо Гитцигъ оказывается совершенно свободнымъ отъ старыхъ психологическихъ представленій и понимаетъ подъ «душев-

ными отправленіями» не гипостазированныя слова, а дѣйствительно простые душевные процессы (вѣдь здѣсь дѣло идетъ о функціяхъ по возможности простыхъ частей мозга), и простоту здѣсь можно найти въ строжайшей связи съ соотвѣтствующимъ физическимъ процессомъ. Желаніе согнуть или вытянуть этотъ опредѣленный членъ просто и естественно помѣщается въ тотъ пунктъ коры большого мозга, электрическимъ возбужденіемъ котораго вызывается соотвѣтственное движеніе. При этомъ открывающіе новые пути опыты Гитцига задуманы такъ остроумно, что ему удается разложить физическій процессъ на болѣе тонкіе элементы, нежели тѣ, какіе въ извѣстномъ смыслѣ существуютъ для психическаго процесса. Если, на примѣръ, путемъ раздраженія какого нибудь опредѣленнаго пункта коры большого мозга одно ухо, и именно только это ухо, приведено въ сильное колебаніе, то вполне справедливо возникаетъ вопросъ, въ состояніи ли воля вызвать когда-либо такое частичное дѣйствіе. Но воля и не нуждается въ немъ, потому что такого рода дѣйствіе не служитъ никакой жизненной цѣли. Тонкость психическихъ функцій выражается въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ, въ которыхъ физиологической опытъ даже приблизиться къ ней не можетъ: прежде всего въ необычайно строго опредѣленной интенсивности каждаго возбужденія и въ точномъ размѣрѣ соотвѣтствующаго движенія; затѣмъ, въ соединеніи различныхъ дѣйствій мышцъ въ цѣлесообразное общее движеніе. Здѣсь мы снова напомнимъ о работѣ человѣческой руки, языка, лицевыхъ мышцъ въ мимикѣ, и тогда станетъ яснымъ, въ чемъ искать духовнаго момента. Мы находимъ его повсюду въ мѣрѣ, въ формѣ, въ отношеніяхъ совмѣстнаго дѣйствія физическихъ функцій, гдѣ мельчайшая черточка, особенно при художественной работѣ, пріобрѣтаетъ самое высокое значеніе. А съ чисто физической стороны процесса элементы тончайшихъ смѣсей различныхъ импульсовъ могутъ представиться намъ изолированными и въ такой степени, кака я воля совершенно недоступна.

Не лишено интереса, что Феррье <sup>36)</sup> при своихъ грубыхъ и методически неточныхъ повтореніяхъ опытовъ Гитцига гораздо чаще послѣдняго наталкивался на возникновеніе готовыхъ цѣлесообразныхъ движеній, которыя онъ относилъ къ раздраженію какой нибудь опредѣленной части мозга. Пользуясь слишкомъ сильными токами, онъ вызывалъ возбужденіе и въ сосѣднихъ мѣстахъ, и такъ какъ, на примѣръ, центры для сгибанія, вытягиванія, притягиванія и вращенія члена лежатъ рядомъ, то вполне естественно, что одновременное раздраженіе нѣсколькихъ центровъ въ совокупности можетъ, на примѣръ, произвести движеніе бѣга, или у кошки то движеніе, когда она трется. Болѣе тщательно изолирующіе опыты Гитцига въ физиологическомъ отношеніи несравненно цѣннѣе; но для психолога представляло бы особенный интересъ, если бы можно было вызвать цѣлесообразныя движенія искусственно и съ точнымъ вычисленіемъ отдѣльныхъ импульсовъ. Не лишено, впрочемъ, вѣроятія, что въ глубже лежащихъ слояхъ мозговой коры находятся клѣтки, возбужденіемъ которыхъ можетъ быть вторично возбужденъ цѣлый рядъ пунктовъ, находящихся на поверхности—всѣ вмѣстѣ и въ извѣстномъ порядкѣ. Но въ чемъ бы ни состоялъ координаціонный механизмъ, соединяющій группу элементарныхъ дѣйствій для цѣлесообразной дѣятельности, мы во всякомъ случаѣ имѣемъ полное основаніе не отводить представленію объ этой цѣлесообразной дѣятельности и воля ея вызвать никакого иного мѣста,

кромѣ той части коры большого мозга, въ которой сама эта дѣятельность беретъ свое начало.

Это вѣроятно было бы не такъ, если бы мы о дѣятельности нашихъ мышцъ не имѣли непосредственнаго сознанія, которое должно быть причислено къ ощущеніямъ — въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Тогда необходимо было бы допустить, что представленіе о данномъ дѣйствіи образуется гдѣ нибудь въ чувствительномъ центрѣ, а изъ этого пункта исходятъ затѣмъ соединительныя нити, вступающія въ механизмъ двигательной системы; однако, чтобы удовлетворить требованіямъ рациональной психологии, по всѣмъ вѣроятіямъ, необходимо допустить оба рода «представленія». Представленіе дѣйствія—напримѣръ, бѣганія, какое могло возникнуть въ какомъ нибудь чувствительномъ центрѣ—уже по своему происхожденію изъ образовъ объекта, конечно, никогда не можетъ быть тѣмъ же, что представленіе, вызванное собственной дѣятельностью. Тѣмъ не менѣе оба эти представленія въ какомъ нибудь мыслительномъ процессѣ могутъ сослужить одинаковую службу. Такъ, мы, напримѣръ, можемъ, слѣдя за разказомъ, воспроизводить спокойно и объективно его образы; но при большей живости мы обыкновенно ставимъ себя намѣсто дѣйствующаго лица, и тогда каждый можетъ въ самомъ себѣ наблюдать, какъ представленіе удара связывается съ ощущеніемъ судороги въ рукѣ, представленіе прыжка—съ желаніемъ прыгнуть. У человѣка важнѣйшимъ очагомъ представленій является языкъ, и тутъ ужъ едва ли можно сомнѣваться, что представленіе слова имѣетъ свое сѣдалище тамъ, гдѣ слово образуется. Наше мышленіе, часто было замѣчено, есть тихій, какъ бы внутренней разговоръ. Но при болѣе тщательномъ наблюденіи легко замѣтить, что этотъ «внутренній» разговоръ весьма часто, а при большей живости всегда связанъ съ дѣйствительными импульсами въ голосовыхъ органахъ.

Все это могла бы дать и «ассоціація»: однако самую ассоціацію можно привести въ согласіе съ фактами физиологии лишь въ томъ случаѣ, если свести ее съ одной стороны къ существованію самыхъ разнообразныхъ дѣйствій, съ другой же къ частичной тождественности областей возбужденія.

Факты мнемоники показываютъ, что отъ представленія «замокъ» весьма легко переходъ къ представленіямъ «стѣна» или «башня», настолько же легко переходъ къ «горѣ», «баронамъ», «средневѣковью», «помѣстью», «Рейну» и т. д. Особенно легко переходъ къ тому, что схоже лишь по звукамъ, такъ отъ жилого «замка» къ «дверному замку» \*) и т. п.—По теоріи ассоціацій прошлаго вѣка всѣ отдѣльныя волокна, которыя полагали носителями такого рода представленій, должны были бы быть расположены рядомъ, другъ подлѣ друга, чтобы сдѣлать возможною передачу колебанія отъ одного къ другому. Но тутъ мы наталкиваемся на очевиднѣйшую невозможность, особенно если принять во вниманіе простой и легко повторяемый приѣмъ мнемониковъ, связывающихъ между собою самыя разнородныя представленія, какія имъ только будутъ предложены, путемъ вставки одного или, самое болѣе, двухъ соединительныхъ словъ. Тогда все должно было бы находиться подлѣ всего. Если же мы для представленія примемъ протяженный районъ в оз-

\*) Далѣе приводимые примѣры по русски не передаваемы. *Перев.*



бужденія, а къ этому еще соотвѣтствующіе пути соединенія отъ чистаго объективнаго представленія къ связаннымъ съ нимъ двигательнымъ очагамъ возбужденія и затѣмъ къ центру рѣчи соотвѣтствующаго слова, то уже легко допустить для родственныхъ представлений частичную тождественность раіоновъ возбужденія.

Во всякомъ случаѣ, чтобы предотвратить возвращеніе къ старымъ психологическимъ представленіямъ и помочь скорѣе пробиться вѣрнымъ воззрѣніямъ, весьма полезны указанія на то, что и самыя сложныя психическія образованія могутъ быть объяснены изъ тѣхъ простѣйшихъ начатковъ, которыми теперь занимается точное изслѣдованіе. Впрочемъ, скромность, съ которой Гитцигъ считаетъ необходимымъ воздержаться отъ всякихъ широко захватывающихъ умозрѣній относительно мозговыхъ и духовныхъ отправленій, весьма похвальна. Изслѣдователь, разъ вступившій на правильный путь, находитъ болѣе твердое руководство въ тѣсно ограниченныхъ, но тѣмъ не менѣе значительныхъ результатахъ своего труда, чѣмъ въ преждевременно созданныхъ теоріяхъ; да и на своихъ товарищей по специальности онъ точно также дѣйствуетъ вѣрнѣе и сильнѣе примѣромъ такого рода труда. Гитцигъ цитируетъ слова Фехнера, выражающія ту мысль, что неизбежность, плодотворность и глубина общаго воззрѣнія покоится не на общемъ, а на элементарномъ<sup>37)</sup>. Но въ томъ именно и состоитъ задача, чтобы съ увѣренностью опредѣлить, что такое это элементарное, и для изслѣдованій мозга и психическихъ отправленій было бы огромнымъ шагомъ впередъ, если бы стало общепризнаннымъ, что элементарное въ психическихъ отправленіяхъ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ физиологически элементарнымъ. Тѣмъ самымъ и матеріализмъ въ этой области дѣлается на много послѣдовательнѣе и приближается къ своему концу, ибо его послѣдовательность и есть его погибель.

Наконецъ, въ превосходной «Физиологической психологіи» Вундта мы имѣемъ сочиненіе, въ которомъ новыя, единственно плодотворныя воззрѣнія положены въ основу обширной разработки психологической области. Послушаемъ, какъ Вундтъ трактуетъ рѣшающій пунктъ:

«Мы можемъ себѣ представить, что опредѣленное нервное волокно или опредѣленная узловая клѣтка функционируютъ только въ формѣ свѣтового ощущенія, или въ формѣ двигательнаго импульса, но не можемъ думать, что функцію извѣстныхъ центральныхъ частей составляетъ фантазія, другихъ же—разсудокъ. Очевидно, ошибка здѣсь заключается въ томъ, что сложныя функціи приписываютъ простымъ образованіямъ. Поэтому мы должны необходимо принять, что элементарныя образованія способны только къ элементарной дѣятельности. Такія элементарныя отправленія въ области центральныхъ функцій суть ощущеніе, движеніе, а не воображеніе, память и т. д.». Все, замѣчаетъ далѣе Вундтъ, что мы называемъ волей, умомъ, сводится, если прослѣдить ихъ до ихъ физиологическихъ элементарныхъ явленій, къ цѣлому ряду превращеній чувственныхъ впечатлѣній въ движенія<sup>38)</sup>.

Что станется съ «единствомъ мысли», если уже отдѣльное представленіе является чѣмъ-то крайне сложнымъ? Станется то самое, что и съ единствомъ художественно выполненнаго строенія, когда мы разсматриваемъ его какъ соединеніе изъ отдѣльныхъ камней. Это формальное единство вполнѣ уживается со сложностью вещества, въ которомъ оно становится дѣйствительнымъ. А для этого-то вещества и его элементовъ—

ощущений и сознания двигательных импульсов—и необходимо провести въ строжайшемъ смыслѣ слова законъ сохраненія силы. Вотъ путь къ тому послѣдовательному матеріализму, который приводитъ насъ къ самымъ «границамъ познанія природы».

Попробуемъ же на какомъ нибудь примѣрѣ примѣнить послѣдовательный матеріализмъ! <sup>39)</sup>

Купецъ сидитъ себѣ покойно въ креслѣ и самъ не знаетъ, занято ли болшинство его «я» куреніемъ, снаемъ, чтеніемъ газеты или пищевареніемъ. Входитъ слуга, приноситъ телеграмму, въ которой написано: «Антверпенъ и т. д. Ионасъ и К<sup>о</sup> банкротъ». — «Велите Якову закладывать!» Слуга бѣжитъ. Господинъ вскопился, совершенно трезвый; десятокъ шаговъ по комнатѣ—внизъ въ контору, уполномоченному даны распоряженія, продиктованы письма, сданы телеграммы, затѣмъ въ коляску; лошади фыркаютъ; онъ ѣдетъ въ банкъ, на биржу, къ товарищамъ по дѣлу—не прошло еще часу и онъ уже вновь опускается дома въ свое кресло со вздохомъ: «Слава Богу, на худшій случай я подъ прикрытіемъ. Подумаемъ о дальнѣйшемъ!»

Прекрасный матеріалъ для картины души! Страхъ, надежда, ощущение, расчетъ—гибель и побѣда—все скопилось въ одинъ моментъ. И все это вызвано однимъ единственнымъ представленіемъ! Чего только не объемлетъ человѣческое сознаніе!

Но позвольте! Разсмотримъ нашего купца какъ объектъ тѣлеснаго міра! Онъ вскакиваетъ. Почему онъ вскакиваетъ? Его мышцы сократились соотвѣствующимъ образомъ. А это почему? Они получили импульсъ нервной дѣятельности, который освободилъ скопившійся запасъ потенциальныхъ силъ. Откуда исходитъ этотъ импульсъ? Изъ центра нервной системы. Какъ возникъ онъ тамъ? Благодаря — «душѣ». Зававъсъ опускается; salto mortale изъ науки въ миѳологию совершень.

Но вѣдь мы желали послѣдовательнаго матеріализма. Пусть душой будетъ мозгъ! Итакъ, импульсъ возникъ изъ мозга. Если мы на этомъ остановимся, то дѣло въ той же мѣрѣ миѳическое, что и прежде. Ничего не подблаетъ: мы должны, не обращая никакого вниманія на такъ называемое сознаніе, прослѣдить причинный рядъ съ физической стороны—черезъ мозгъ вплоть до перваго повода всего внезапнаго движенія. Или пойдемъ обратнымъ путемъ! Что вошло въ купца извнѣ? Образъ нѣсколькихъ черточекъ карандашемъ по бѣлому полю. На сѣтчатку пали извѣстные свѣтовые лучи, которые сами по себѣ въ своихъ колебаніяхъ развиваютъ не больше живой силы, чѣмъ другіе свѣтовые лучи. Живая сила для процесса передачи заготовлена въ нервѣ, подобно тому какъ сила мышечнаго сокращенія—въ мышцахъ; безконечно слабый импульсъ свѣтовой волны можетъ только освободить ее, подобно тлѣющей искоркѣ, разряжающей потенциальную силу бочки съ порохомъ. Но отчего именно эти черточки въ этомъ человѣкѣ произвели именно это дѣйствіе? Всякій отвѣтъ, ссылающійся здѣсь на «представленія» и т. п. означаетъ просто отсутствіе отвѣта. Я хочу видѣть проводники, пути живой силы, объемъ, способъ распространенія и источники физическихъ и химическихъ процессовъ, изъ которыхъ исходятъ нервные импульсы, приводящіе въ необходимомъ для вскакиванія порядкѣ въ дѣятельность сперва musculus psoas, затѣмъ rectus femoris, vasti и всѣхъ прочихъ помощниковъ. Я хочу видѣть несравненно болѣе важные нервные токи, ко-

которые распространяются по голосовым органамъ, по дыхательныхъ мышцамъ, производятъ приказаніе, слово, зовъ, въ свою очередь повторяющіе эту игру десятки разъ путемъ звуковыхъ волнъ и слуховыхъ нервовъ въ другихъ индивидахъ. Словомъ, я дарю пока такъ называемое психическое дѣйствіе школьнымъ педагогамъ и требую, чтобы видимое мною физическое было мнѣ объяснено изъ физическихъ причинъ.

Читатель не скажетъ, что я требую невозможнаго, намѣреваясь въ концѣ концовъ сослаться на какойнибудь *deus ex machina*. Я исхожу изъ того положенія, что человѣка можно постигнуть до основанія, и если не удастся сразу понять цѣлое—я не изыскателенъ. Подобно тому, какъ палеонтологъ въ одной-единственной челюсти изъ долины Сомы видитъ цѣлую человѣческую расу доисторическаго періода со всѣми ея исключеніями, я буду доволенъ, если мнѣ хоть одинъ разъ представить связь между первымъ впечатлѣніемъ свѣтовой волны и двигательными импульсами, которыми сопровождается фиксированіе буквъ, столь же ясно, какъ ясно намъ, напримѣръ, рефлекторное движеніе въ судорогахъ лягушечнаго бедра. А вмѣсто этого рыщутъ по мозгу, ища «мышленія», «чувствованія», «хотѣнія» совершенно такъ, какъ если бы въ мышцахъ руки виртуоза желали найти *dur*, *moll*, *allegro*, *adagio* и *fortissimo*, каждое въ особомъ углу.

Впрочемъ, даже пробуждающаяся, наконецъ, рачіональная разработка физиологій мозга далеко не въ состояніи рѣшать подобныя задачи: въ нѣкоторомъ смыслѣ этимъ путемъ только настоящимъ образомъ удастся заглянуть во всю безконечность нагромождающихся здѣсь проблемъ. Древній матеріализмъ и идеализмъ старой метафизики разрѣшаютъ эти задачи очень удобно одними словами; ибо, предполагаю ли я невещественную душу и приписываю ей именно столько «способностей», сколько требуется для объясненія процессовъ, или же я эти самыя «способности» дѣлаю функцией матеріи—это совершенно безразлично, раздѣло идетъ о томъ, фраза ли это, или дѣйствительное уразумѣніе. Въ обоихъ случаяхъ слово, прикрывающее процессъ, вмѣсто того чтобы объяснить его, вступаетъ на мѣсто физической проблемы. Поэтому можно сколько угодно поносить недальновидно механическое мировоззрѣніе: высокое достоинство его заключается въ томъ, что оно, раскрывая предъ нами всю безконечность проблемъ, въ то же время даетъ намъ достигнуть перваго маленькаго успѣха, въ залогъ того, что мы находимся на вѣрномъ пути.

Мнѣ говорятъ: «но опасеніе, надежда, горячность твоего купца вѣдь тоже чтонибудь да значать; вѣдь этотъ человѣкъ чтонибудь ощущаетъ—неужели это не имѣетъ причины?» Дѣйствительно, мы чуть было не забыли *pernus supratricus*, вліяніе *pernus vagus* на движеніе сердца и всѣ тѣ многочисленныя, по всему тѣлу распространяющіяся дѣйствія происходящей въ мозгу революціи, когда столь малый импульсъ изъ внѣшняго міра приводитъ человѣка въ живѣйшее движеніе. Познакомимся и съ этими токами, прежде чѣмъ успокоимся. Мы по возможности точно хотимъ знать, какъ возникаютъ эти многочисленные, то сильныя, то ничтожныя ощущенія, которыя одинъ чувствуетъ на языкѣ, другой въ области желудка, этотъ—въ икрахъ, тотъ—на спинѣ; возникаютъ ли они при участіи однѣхъ лишь центральныхъ частей, или при помощи кругообращенія центробѣжныхъ и центростремительныхъ проводниковъ. Что это

кругообращеніе играетъ большую роль во всѣхъ ощущеніяхъ, вытекаетъ съ достовѣрностью изъ безчисленныхъ явленій.

Ч о л ъ б е вызвалъ особенное негодованіе въ своихъ противникахъ тѣмъ, что для возникновенія самосознанія требовалъ кругообращенія перваго флюида, которое онъ предполагалъ въ отдѣльныхъ скопленіяхъ нервныхъ узловъ. При этомъ меня всегда поражало, что дѣйствительно существующее кругообращеніе нервной дѣятельности, играющее столь видную роль во всѣхъ ощущеніяхъ, до сихъ поръ не было почти совсѣмъ замѣчено. При каждомъ живомъ возбужденіи мозговой дѣятельности черезъ все тѣло при помощи вегетативныхъ и двигательныхъ нервовъ пробѣгаетъ токъ положительныхъ или отрицательныхъ дѣйствій, и лишь послѣ того, какъ мы черезъ посредство чувствительныхъ нервовъ получили возвратное дѣйствіе отъ произошедшихъ въ нашемъ организмѣ измѣненій, мы «ощущаемъ» наше собственное душевное движеніе. Связано ли это субъективное состояніе, которое мы называемъ ощущеніемъ, со всѣмъ этимъ кругообращеніемъ, или съ состояніемъ напряженія, возникающимъ по его завершеніи въ центральномъ органѣ, или же съ другими, одновременно возникающими движеніями и состояніями напряженія въ области центральныхъ органовъ—это мы оставляемъ въ сторонѣ: пусть намъ только покажутъ эти состоянія напряженія и раскроютъ передъ нами законы этого кругообращенія со всѣми его милліонами различныхъ комбинацій.

Возражаютъ: изъ-за симптомовъ теряется изъ виду сама вещь. Да, если ктонибудь намъ могъ доказать, что послѣ устраненія всѣхъ симптомовъ, которые мы хотѣли бы разсмотрѣть, вообще еще остается вещь! Надо уяснять себѣ, чего вообще можно еще искать за нервными токами и состояніями напряженія процесса ощущенія! Это либо субъективное состояніе ощущающаго, либо же духовная цѣнность содержанія ощущенія. Перваго никто, конечно, нигдѣ не увидитъ, кромѣ какъ въ самомъ себѣ; къ тому же безчисленными разсужденіями по поводу знаменитаго Фохтовскаго сравненія съ мочей вполне выяснилось, что нельзя разсматривать «мысль» какъ особый продуктъ рядомъ съ физическими процессами, а что именно субъективное состояніе ощущающаго для внѣшняго наблюденія въ то же время является объективнымъ состояніемъ, т. е. молекулярнымъ движеніемъ. Это объективное состояніе согласно закону сохраненія силы должно быть вставлено въ непрерывный причинный рядъ. Пусть представятъ намъ этотъ рядъ цѣликомъ! Это должно быть выполнено безъ какого либо отношенія къ субъективному состоянію, ибо послѣднее въѣдъ не есть особое звено въ цѣпи органическихъ процессовъ, а только какъ бы разсмотрѣніе одного изъ этихъ процессовъ съ другой стороны. Мы хотя и наталкиваемся здѣсь на предѣлы матеріализма, но лишь тогда, когда проводимъ его со строжайшею послѣдовательностью. Мы дѣйствительно придерживаемся того мнѣнія, что въ ощущеніи внѣ упомянутыхъ нервныхъ процессовъ и рядомъ съ ними вообще трудно искать еще чего либо; но эти процессы сами по себѣ имѣютъ еще и совершенно другую форму проявленія, именно ту, которую индивидъ называетъ ощущеніемъ. Можно себѣ вполне представить, что когданибудь удастся точнѣе опредѣлить ту часть физическихъ процессовъ, которая во времени совпадаетъ съ возникновеніемъ какогонибудь ощущенія

индивида. Это было бы крайне интересно, и нельзя было бы, конечно, ничего имѣть противъ того, чтобы обозначить эту опредѣленную часть кругообращенія нервнаго процесса просто какъ «ощущеніе». Болѣе же точное опредѣленіе отношенія между субъективнымъ процессомъ ощущенія и объективно наблюдаемымъ нервнымъ процессомъ оставалось бы однако невозможнымъ.

Что же касается духовной цѣнности содержанія ощущенія, то и ея нельзя будетъ окончательно отдѣлить отъ физическаго явленія. Шедевръ скульптуры и грубая копія съ него вызываютъ, конечно, на сѣтчаткѣ наблюдателя приблизительно одно и то же количество свѣтовыхъ раздраженій; но какъ только глазъ слѣдитъ за линіями, то въ глазныхъ мышцахъ возникаютъ уже другія двигательныя ощущенія. Что эти послѣдніе дѣйствуютъ далѣе не по абсолютному количеству движенія, а по тончайшимъ числовымъ отношеніямъ между отдѣльными двигательными импульсами не можетъ показаться намъ невѣроятнымъ, если мы вспомнимъ, какую роль играютъ числовыя отношенія уже въ первомъ образованіи чувственныхъ ощущеній. Правда, этотъ именно пунктъ относится къ послѣднимъ и труднѣйшимъ загадкамъ природы; тѣмъ не менѣе у насъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія значительное въ духовномъ отношеніи и художественное по формѣ впечатлѣніе или глубокую мысль искать внѣ обычныхъ процессовъ ощущеній. Во всякомъ случаѣ при этомъ не слѣдуетъ поступать подобно человѣку, который мелодіи, произведенныя органомъ, пожелалъ бы открыть въ отдѣльныхъ его трубахъ.

Совмѣстное дѣйствіе весьма многихъ, въ отдѣльности чрезвычайно слабыхъ нервныхъ импульсовъ можетъ дать намъ ключъ къ уразумѣнію мышленія съ фізіологической стороны, а форма этого совмѣстнаго дѣйствія составляетъ характерную черту каждой отдѣльной функціи. Что остается здѣсь неповторимымъ—это слѣдующее: какъ внѣшнее явленіе природы есть въ то же время внутреннее для мыслящаго субъекта? Но это именно и есть тотъ пунктъ, который вообще переходитъ за границы познанія природы.

### III. Естественно-научная психологія.

Какъ отнесется къ тому психологія, если мы внутреннюю, субъективную сторону человѣческаго существа до поры до времени совершенно отодвинемъ на второй планъ? Вѣдь дало же намъ наше столѣтіе не только естественно-научную, но даже и математическую психологію, и цѣлый рядъ вполне разсудительныхъ и заслуженныхъ людей совершенно серьезно думаютъ, что Герbartъ своими дифференціальными уравненіями такъ основательно ознакомился съ міромъ представленій, какъ Коперникъ и Кеплеръ—съ міромъ небесныхъ тѣлъ. Это, конечно, такое же глубокое заблужденіе, какъ и френологія, а что касается психологіи какъ естественной науки, то этимъ красивымъ названіемъ такъ часто злоупотребляли, что близка опасность выплеснуть ребенка вмѣстѣ съ ванной. Однако мы съумѣемъ вполне оцѣнить зачатки дѣйствительно естествен-

но-научнаго, а въ отдѣльныхъ частяхъ даже математическаго способа обработки психологическихъ вопросовъ, вовсе не оставляя при этомъ вышеизложенной точки зрѣнія.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть, что понятіе психологіи только схоластику или невѣжественному педанту представляется понятіемъ точно опредѣленнымъ и совершенно яснымъ. Правда, весьма дѣльные и умные писатели начинали свои яко бы естественно-научныя изслѣдованія съ отдѣла о «сущности души»; но въ томъ-то и сказывается вліяніе пустой схоластической метафизики, что они въображаютъ, будто этимъ путемъ можно получить вѣрное основаніе для изслѣдованія. Исключеніе составляютъ, конечно, тѣ случаи, когда понятіе души разбирается только исторически или критически. Тамъ же, гдѣ предпосылаются позитивныя положенія о душѣ, какъ, напримѣръ, положенія о простотѣ, непротяженности и т. п., или гдѣ предполагается необходимымъ тщательно отграничить со всѣхъ сторонъ область науки о душѣ, прежде еще чѣмъ начать строить—тамъ о естественно-научномъ трактованіи предмета почти что и думать нельзя. Что сказать объ естествоиспытателѣ, который началъ бы съ того, что сталъ бы уяснять себѣ сущность природы и лишь въ томъ случаѣ считалъ бы свои изслѣдованія сообразными цѣли, если бы онъ заранѣе точно уяснилъ себѣ, что такое сама природа? Еще яснѣе это выступаетъ въ спеціальныхъ областяхъ. Если бы Гильбертъ не теръ своихъ янтарныхъ кусочковъ, прежде чѣмъ онъ уяснилъ себѣ сущность электричества, онъ вѣроятно никогда бы и не сдѣлалъ значительнаго шага къ познанію его сущности. Какой изслѣдователь взялся бы теперь точно опредѣлить, что такое магнетизмъ? Понятіе подъ руками изслѣдователя видоизмѣняется. Сила магнита притягивать желѣзо превращается въ болѣе общую силу. Земля познается какъ магнитъ. Открывается связь съ электричествомъ. Въ цѣломъ рядѣ самыхъ поразительныхъ явленій открывается діамagnetизмъ. Что стало бы съ блестящими открытіями Эрстеда, Фаредэя, Плюкера, если они бы, прежде чѣмъ взяться за естественно-научныя изслѣдованія, пожелали метафизически постигнуть понятіе магнетизма?

То обстоятельство, что столь тонкій умъ, какъ Гербартъ, чловѣкъ удивительной критической остроты и широкаго математическаго образованія, могъ придти къ странной идеѣ — отыскивать путемъ умозрѣнія принципы для статики и механики представленій — останется замѣчательнымъ свидѣтельствомъ философскаго броженія въ Германіи. Еще поразительнѣе то, что умъ, до такой степени просвѣщенный, относившійся къ практической жизни истинно философски, могъ погрязнуть въ утомительной и неблагоприятной задачѣ построить цѣлую систему статики и механики духа по одному своему принципу, не имѣя никакого ручательства правильности этого пріема въ опытѣ. Мы видимъ здѣсь, въ какой своеобразной связи находятся дарованія и дѣянія чловѣка. Что большой опытъ и весьма обширныя и спеціальныя знанія не могли уберечь Галля отъ изобрѣтенія френологіи—это, имѣя въ виду его богатое воображеніе, его пылкую въ своемъ творствѣ натуру, легко понять; но что Гербартъ изобрѣлъ математическую психологію, тогда какъ онъ въ высокой степени обладалъ именно тѣми качествами, которыя удерживаютъ отъ такихъ путей — останется навсегда весьма замѣчательнымъ свидѣтельствомъ той силы метафизическаго водоворота, которая въ нашемъ отечествѣ захватывала въ то время даже сопротивляв-

шагося и выбрасывала его на полный неожиданностей путь безсодержательныхъ открытій.

Во всякомъ случаѣ, могучее стремленіе Гербарта заслуживаетъ лучшаго опроверженія, чѣмъ простое игнорированіе. Попытки достойнаго критическаго устраненія математической психологіи, сдѣланныя до сихъ поръ, всѣ страдаютъ тѣмъ недостаткомъ, что теряются во всевозможныхъ возраженіяхъ, почти совсѣмъ не отмѣчая, или отмѣчая недостаточно отчетливо, элементарную логическую ошибку въ выведеніи основной формулы. Мы въ особой работѣ<sup>40)</sup> попытались заполнить этотъ пробѣлъ въ нашей философской литературѣ, не желая, чтобы наше опроверженіе математической психологіи вышло въ свѣтъ недостаточно обоснованнымъ; здѣсь же кропотливый трудъ доказательства только нарушилъ бы связь и затемнилъ бы наглядность критики, поскольку она относится къ матеріализму. Если бы математическая психологія существовала, то мы уже потому должны были бы принять ее въ соображеніе, что она была бы вѣрнѣйшимъ доказательствомъ закономѣрности всякаго психическаго процесса, которую справедливо отстаиваетъ матеріализмъ, и въ то же время наиболѣе основательнымъ опроверженіемъ того воззрѣнія, которое сводитъ все сущее къ веществу. Мы при этомъ должны были бы сильно видоизмѣнить то, что выше сказано было объ отношеніи между мозгомъ и душой, въ виду того, что математическая психологія Гербарта съ трудомъ отдѣлима отъ его метафизики. Но математической психологіи, на нашъ взглядъ, не существуетъ, а лишь она одна могла бы побудить насъ вообще еще разъ подробно рассмотретьъ метафизическое основаніе психологіи по Канту. Когда станетъ общепризнаннымъ, что мы ничего не можемъ знать о конечной причинѣ всѣхъ вещей, когда рѣшатся зодческое побужденіе къ умозрѣнію причислить къ художественнымъ побужденіямъ, когда согласится въ томъ—идя въ этомъ пунктѣ далѣе Канта—что стремленіе разума къ единству всегда ведетъ къ вымыслу (Dichtung), который наукѣ приноситъ лишь косвенную пользу,—тогда безъ опасенія вызвать смѣшеніе понятій можно будетъ вновь обратиться къ Гербартовской метафизикѣ, и мы найдемъ въ ней пунктъ, который представляетъ удивительную аналогію съ метафизическими основоположеніями естествознанія нашихъ теперешнихъ математическихъ физиковъ. Дѣйствительно существующее есть по Гербарту множество простыхъ существъ, которыя однако очень рѣшительно отличаются отъ монадъ Лейбница. Монады производятъ весь міръ—какъ представленіе изъ себя; «реальности» (Reale) же Гербарта, взятая сама по себѣ, совершенно не имѣютъ представленія; но они дѣйствуютъ другъ на друга и стараются оградить себя отъ этихъ воздѣйствій. Душа есть именно такое простое существо, «реальность», проходящая въ столкновеніи съ другими простыми существами. Ея акты самосохраненія суть представленія. Подобно тому какъ безъ давленія не бываетъ противодавленія, точно также безъ нарушенія не было бы представленія. Во всякомъ случаѣ ново здѣсь и заслуживаетъ вниманія съ точки зрѣнія домашняго обихода будущей метафизики то воззрѣніе, которое сущность душевной дѣятельности усматриваетъ въ отвѣтномъ дѣйствіи на внѣшнее дѣйствіе. Слѣдуетъ сравнить съ этимъ воззрѣніе новѣйшихъ представителей молекулярной теоріи, согласно которой понятіе силы при писывается не отдѣль

ному атому, а примѣняется только къ взаимоотношенію нѣсколькихъ атомовъ. Гербартъ, правда, никогда не сознавалъ ясно, что онъ послѣдовательнымъ образомъ долженъ былъ бы сказать, что всѣ представленія относятся не въ «душѣ»—этой простой сущности, но что они суть взаимоотношенія между отдѣльными реальностями, подобно тому какъ физическія силы суть взаимоотношенія между атомами. Этимъ слѣдствіемъ изъ своего основного воззрѣнія онъ предотвратилъ бы безчисленные противорѣчія, произошедшія отъ того, что душа должна была быть простою, неизмѣнною, безъ всякихъ внутреннихъ состояній и въ то же время являться носительницей представленій. Правда, этимъ путемъ онъ получаетъ нѣкотораго рода безсмертіе души, но это безсмертіе равно однако вѣчной смерти, если не найдутся другія простыя существа, которыя вступятъ съ ней въ такое тѣсное взаимодействіе, какъ составныя части тѣла между собой. Это значитъ дорого заплатить за бессодержательное понятіе.

Такъ какъ именно въ школѣ Гербарта главнымъ образомъ получили свое начало стремленія создать естественно-научную психологію, то иногда интересно вытянуть на свѣтъ скрытыя противорѣчія, съ которыми необходимо связано предположеніе абсолютно простой и все же представляющей души. То, что абсолютно просто, не способно ни на какое внутреннее измѣненіе, ибо это послѣднее мы можемъ мыслить только въ формѣ мѣняющагося расположенія частей. Поэтому Гербартъ и не говоритъ, что «реальности» дѣйствуютъ другъ на друга, а лишь то, что они взаимно подвергались бы воздѣйствіямъ со стороны другихъ, если бы не оказывали имъ сопротивленія актомъ самосохраненія. Какъ будто бы этимъ можно сказать чтонибудь другое, чѣмъ предположеніемъ простого взаимодействія! Вайтцъ въ своей психологіи придаетъ большое значеніе различію между предрасположеніями къ состоянію и дѣйствительными состояніями. Такъ-то дѣло обстоитъ въ метафизикѣ. Душа не должна имѣть состояній—Боже упаси, а то погибло бы ея абсолютное единство! Вотъ предрасположенія—это совсѣмъ другое дѣло; «стремленія»—почему же не стремленія? Метафизикъ тратитъ огромное количество остроумія на то, чтобъ опровергнуть всевозможныя другія воззрѣнія, а когда дѣло доходитъ до развитія своего собственнаго взгляда, онъ выкидываетъ логическій фокусъ самаго обыкновеннаго сорта. Всякому другому ясно, что предрасположеніе къ состоянію тоже есть состояніе, что самооборона отъ угрожающаго воздѣйствія невозможно себѣ представить безъ дѣйствительнаго, хотя бы и самаго тонкаго воздѣйствія. Метафизику же это не ясно. Своею діалектикой онъ довелъ себя до края пропасти, всѣ понятія имъ сотни разъ перевернуты, разобраны, отброшены, и наконецъ надо же во что бы то ни стало что-нибудь знать. Итакъ, закрывъ глаза онъ неустрашимо выкидываетъ свои *salto mortale*—и съ высотъ строжайшей критики онъ низвергается къ наибыкновеннѣйшему смѣшенію слова и понятія! Удалось это—и все идетъ какъ по маслу. Чѣмъ болѣе противорѣчиваго вошло въ первое обоснованіе, тѣмъ развязнѣе дѣлаются выводы, подобно тому, какъ изъ извѣстныхъ математическихъ положеній, скрытымъ факторомъ которыхъ является нуль, можно нерѣдко вывести самыя удивительныя вещи.

Гербартъ самъ какъ-то сказалъ, что вмѣсто исторіи психологіи, какъ ее написалъ Ф. А. Карусъ, скорѣе нужна была бы критика психо-



логіи. <sup>41)</sup> Мы опасаемся, что, если бы такая книга была написана теперь, отъ всей мнимой науки не много бы осталось.

Тѣмъ не менѣ зачатки естественно-научной психологіи существуютъ, и именно школа Гербарта составляетъ для Германіи важное звено переходной эпохи, хотя здѣсь наука еще съ трудомъ начинаетъ отдѣляться отъ метафизики. Вайтцъ, остроумный мыслитель, который однако, какъ это часто случается съ приватъ-доцентами и экстраординарными профессорами, очевидно слишкомъ рано началъ писать и какъ бы застылъ на полпути своего развитія, настолько освободился отъ вліянія Гербарта, что забросилъ математическую психологію и преобразовалъ все метафизическое обоснованіе Гербартовской психологіи въ такъ называемую гипотезу о сущности души. Этимъ, конечно, выиграно лишь немного. Имѣть ясныя гипотезы вмѣсто неясныхъ и бессмысленныхъ догматовъ было бы большимъ успѣхомъ, но на что намъ гипотеза о сущности души или даже только гипотеза о существованіи души, пока мы такъ мало точнаго знаемъ объ отдѣльныхъ явленіяхъ, на которыя несомнѣнно прежде всего должно быть направлено точное изслѣдованіе? Тѣ немногія явленія, которыя до сихъ поръ были открыты для болѣе точнаго наблюденія, не дають ни малѣйшаго основанія принимать вообще душу въ какомъ бы то ни было болѣе опредѣленномъ смыслѣ, и скрытое основаніе этого предположенія заключается собственно въ традиціи или въ скрытомъ стремленіи сердца выступить противъ гибельнаго матеріализма. А этимъ причиняется двойное зло: естественно-научная психологія искажается и извращается; спасеніе же и поддержка идеальнаго момента, которому будто бы грозитъ опасность со стороны матеріализма, изъ-за этого упускается, ибо воображаютъ, что сдѣлано Богъ вѣсть какъ много, если для старой сказки о сущности души подысканъ вновь призракъ доказательства.

«Но развѣ психологія не называется ученіемъ о душѣ? Какъ же мыслима наука, которая оставляетъ подъ сомнѣніемъ, имѣется ли у нея вообще объектъ?» Вотъ вновь передъ нами прекрасный образчикъ смѣшенія слова и вещи! Мы имѣемъ традиціонное названіе для большой, но далеко не точно отграниченной группы явленій. Это названіе перешло къ намъ отъ такого времени, въ которое неизвѣстны были те перешнія требованія строгой науки. Надо ли отбросить это названіе, потому что измѣнился объектъ науки? Это былъ бы непрактичный педантизмъ. Итакъ, примемъ не колеблясь психологію безъ души! Названіе это все же пригодно, пока здѣсь имѣется дѣло, которое не выполняется надлежащимъ образомъ никакою другою наукою <sup>42)</sup>. Правда, отграничить ее отъ физиологіи не легко, но это ничего не значитъ. Если тѣ же открытія будутъ сдѣланы двумя различными путями, то цѣнность ихъ тѣмъ больше. Но вполнѣ это отношеніе уясняется лишь при разсмотрѣніи вопроса о методахъ психологіи, и главнымъ образомъ подлежатъ критикѣ извѣстное понятіе сама наблюденія.

«Наблюденіе самого себя» есть, по мнѣнію Канта, методическое сопоставленіе отъ насъ самихъ полученныхъ впечатлѣній, которое дастъ наблюдающему самого себя матеріалъ для дневника «и легко ведетъ къ бреду и безумію». Онъ предостерегаетъ отъ того, чтобы «заниматься выслѣживаніемъ и, такъ сказать, ученымъ составленіемъ внутренней исторіи свободнаго теченія мыслей и чувствъ», именно потому, «что это есть вѣр-

нѣйшій путь вскружить себѣ голову мнимыми внушеніями свыше и нисходящими на насъ безъ нашего содѣйствія, неизвѣстно откуда, силами и властью въ иллюминатизмъ или терроризмъ». «Ибо мы незамѣтно открываемъ здѣсь то, что сами привнесли въ себя, какъ Буриньонъ и Паскаль, и даже такой въ общемъ превосходный умъ, какъ Альбрехтъ Галлеръ, который своимъ долго продолжавшимся, хотя часто прерываемымъ дневникомъ своего душевнаго состоянія довелъ себя до того, что обратился къ одному извѣстному теологу, своему прежнему товарищу по академіи, д-ру Лессу, не имѣеть ли онъ въ своей обширной сокровищницѣ богословія утѣшенія для его удрученной души». И далѣе: «впрочемъ, познаніе человѣка путемъ внутренняго опыта имѣеть большое значеніе, такъ какъ — но немъ онъ большею частью судить о другихъ, но въ то же время оно однако представляетъ гораздо большія трудности, чѣмъ вѣрное сужденіе о другихъ, ибо здѣсь изслѣдователь своей внутренней жизни, вмѣсто того чтобы только наблюдать, многое вноситъ въ самосознаніе; вслѣдствіе этого весьма полезно и даже необходимо исходить изъ наблюденныхъ въ самомъ себѣ явленій и лишь послѣ того приступить къ установленію нѣкоторыхъ положеній, относящихся къ природѣ человѣка, т. е. къ внутреннему опыту».

Поэтому Кантъ основалъ свою собственную эмпирическую психологію не на самонаблюденіи, а главнымъ образомъ на наблюденіи другихъ. Однако, въ своей «Критикѣ чистаго разума» онъ отвелъ внутреннему чувству особую область, и злоупотребленія на этой аренѣ метафизическаго произвола были неизбѣжны <sup>43</sup>). Правда, «бредъ и безуміе» предоставили прошлому столѣтію, возбужденныя природы котораго были къ этому болѣе склонны; но все, что могли сдѣлать фантастическій произволъ и безпкойное умозрительное стремленіе, было въ достаточной мѣрѣ сдѣлано внесеніемъ всякаго рода измысленій въ пресловутое поле наблюденія внутренняго чувства. Образцомъ въ этомъ отношеніи является въ особенности Фортлаге, который, въ то время когда онъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ въ Гейѣ (1855), написалъ два толстыхъ тома, озаглавивъ ихъ: «Система психологіи, какъ эмпирической науки, опирающейся на наблюденія внутренняго чувства». Прежде всего онъ изготавляетъ себѣ внутреннее чувство, которому приписываетъ цѣлый рядъ функцій, вообще приписывавшихся вѣншнему чувству; затѣмъ онъ ограничиваетъ поле наблюденія и начинаетъ наблюдать. Можно было бы назначить награду тому, кто въ этихъ двухъ толстыхъ томахъ открылъ бы хоть одно дѣйствительное наблюденіе! Вся книга вращается въ общихъ положеніяхъ съ терминологіей собственнаго изобрѣтенія, и нигдѣ не сообщается ни одно опредѣленное явленіе, о которомъ Фортлаге могъ бы сказать, гдѣ и когда онъ его испыталъ, и что намъ нужно сдѣлать для того, чтобы тоже испытать его. Намъ очень хорошо описываютъ, какъ, напри- мѣръ, при разсматриваніи листа, какъ скоро форма его поражаетъ насъ, эта форма становится фокусомъ вниманія, «необходимымъ слѣдствіемъ чего является то, что слитая съ образомъ листа по закону сходства скѣла формъ выступаетъ въ сознаніи». Намъ говорятъ, что листъ «въ сферѣ воображенія растворяется въ скалѣ формъ», но когда, какъ и гдѣ это случилось, и на какомъ собственно опытѣ основывается это эмпирическое познаніе, остается столь же неяснымъ, какъ и тотъ способъ, какимъ наблюдатель примѣняетъ внутреннее чувство», и доказательства того, что

онъ именно пользуется такимъ чувствомъ, а не безъ разбора кристаллизуетъ въ систему свои собственныя выдумки и воображенія.

По нашему мнѣнью, между внутреннимъ и внѣшнимъ наблюденіемъ никоимъ образомъ нельзя провести точной границы. Когда астрономъ дѣлаетъ наблюденія надъ звѣздой, то это называютъ внѣшнимъ наблюденіемъ; но какъ только онъ по первому взгляду узнаетъ, что передъ нимъ Марсъ, такъ онъ, по мнѣнью Фортлаге, употребилъ уже внутреннее чувство, ибо глазъ видитъ только свѣтлую точку. Астрономъ тотчасъ же и безъ дальнѣйшихъ размышленій видитъ Марса, потому что знаетъ его. Употребилъ ли онъ вслѣдствіе этого другой духовный органъ, нежели человѣкъ, который видитъ только звѣзду, или дитя, которое видитъ только свѣтлую точку и о звѣздахъ даже еще ничего не знаетъ? Фортлаге говоритъ: «Кто изученіемъ языка и слушаніемъ образцовыхъ музыкальныхъ произведеній дошелъ до высшаго музыкальнаго пониманія, тотъ вооружилъ свое внѣшнее чувство внутреннимъ, и когда онъ вслѣдъ затѣмъ уже однимъ чувствомъ отличаетъ въ музыкальномъ предложеніи ошибки отъ красотъ, характерное отъ плоскаго, прямое движеніе отъ обратнаго, мажоръ и миноръ, то эта способность различенія здѣсь не менѣе обуславливается и привносится внутреннимъ чувствомъ, чѣмъ въ иностранномъ языкѣ, который мы понимаемъ лишь тогда, когда изучили его». По нашему мнѣнью, въ высшей степени интересная проблема будущей психологіи или фізіологіи заключается въ томъ, чтобы найти объясненіе того, почему съ трудомъ приобретенная связь между звуковымъ ощущеніемъ и другими отправленіями мозга въ послѣдствіи обнаруживаетъ свое дѣйствіе какъ будто вполне непосредственно. Пока мы не знаемъ приема, съ помощію котораго можно было бы разрѣшить этотъ вопросъ наблюденіемъ надъ собственными ощущеніями или другими какими-нибудь нитями, мы хорошо сдѣлаемъ остановившись на томъ, что мы въ обоихъ случаяхъ слушаемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, ушами.

Что сдѣлать съ тѣми случаями, въ которыхъ уже непосредственное видѣніе всякаго здороваго глаза, безъ особеннаго развитія, ведетъ за собой элиминацію, дополненіе или измѣненіе механически воспроизведеннаго образа? Внутреннимъ или внѣшнимъ чувствомъ видимъ мы стереоскопически? Дополняемъ ли мы внутреннимъ чувствомъ мѣста поля зрѣнія, падающія на слѣное пятно? Слышимъ ли мы аккордъ какъ таковой внѣшнимъ чувствомъ?—Но мы можемъ пойти еще далѣе и спросить, внѣшнее это наблюденіе, когда мы касаемся нервныхъ окончаній на кожѣ двумя остріями циркуля и ощущаемъ ихъ то какъ одно, то какъ два? Самонаблюденіе это, когда мы направляемъ наше вниманіе на большую мозоль? Когда мы пропускаемъ черезъ голову гальванической токъ и воспринимаемъ при этомъ субъективные цвѣта или звуки,—къ какой области это отнести? Это «внутри» и «внѣ» не далеко уйдешь, ибо я вообще не могу имѣть представленій внѣ меня, если бы даже и была вѣрна теорія, по которой я воспринятыя предметы переношу во внѣ. Зрѣніе и мышленіе въ той же мѣрѣ «внутреннее», что и «внѣшнее». Если я хочу передумать вновь мои мысли, то я вызываю тѣ ощущенія въ органахъ рѣчи, которыя мы выше признали, такъ сказать, тѣломъ мысли. Я ощущаю ихъ такими же внѣшними, какъ всякое другое ощущеніе, и что касается духа, содержанія и значенія этого комплекса тончайшихъ ощущеній, то здѣсь дѣло обстоитъ не иначе, какъ съ эстетическимъ до-

стоиствомъ рисунка. Его нельзя отдѣлить отъ линій рисунка, хотя онъ есть нѣчто другое. Такая же противоположность между формой ощущенія и его матеріей то и дѣло встрѣчается въ безчисленныхъ степеняхъ, и я не имѣю основанія вдругъ при извѣстномъ классѣ ощущеній утверждать, что именно здѣсь начинается внутреннее и кончается внѣшнее.

По наивному опредѣленію Фортлаге, поскольку человѣкъ воспринимается при посредствѣ внѣшняго чувства, онъ составляетъ поле наблюденія физиологіи, а поскольку онъ воспринимается при посредствѣ внутренняго чувства, онъ составляетъ поле наблюденія психологіи! Большинство отнесетъ къ психологіи наблюденія надъ первыми словами ребенка, имѣющіе цѣлью прослѣдить ходъ развитія духа, и наоборотъ—къ физиологіи, когда новорожденныхъ колятъ иглой или щекочать, чтобы уловить переходъ отъ рефлекторныхъ движеній къ произвольнымъ. Между тѣмъ для обоого ряда наблюденій употребляются обыкновенныя чувства, да еще добавокъ—по опредѣленію Фортлаге—чувство внутреннее, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ видѣнное и слышанное нуждается еще въ соответственномъ внутреннемъ истолкованіи. Не трудно вообще понять, что природа всѣхъ безъ исключенія наблюденій одна и та же, и разница между ними заключается главнымъ образомъ въ томъ, можетъ ли сдѣланное наблюденіе одновременно и позднѣе быть повторено другими, или же оно не допускаетъ такого контроля и подтвержденія. Внѣшнее наблюденіе никогда не приводило бы къ вѣрному эмпирическому, и еще менѣе—къ точному научному познанію, если бы нельзя было провѣрить каждое наблюденіе въ отдѣльности. Исключеніе вліянія предвзятыхъ взглядовъ и склонностей—это важнѣйшій элементъ точнаго опыта, а при тѣхъ наблюденіяхъ, которыя направляются на собственныя мысли, чувства, влеченія, этотъ элементъ именно неприменимъ—развѣ только, если бы собственныя мысли совершенно безпристрастно фиксировать путемъ письма или какимъ либо другимъ способомъ, а затѣмъ провѣрять ходъ своихъ представленийъ такъ, какъ будто это происходило въ другомъ. По правдѣ говоря, этотъ родъ самонаблюденія, именно благодаря своей сравнительной достовѣрности, пользуется весьма ничтожнымъ вниманіемъ, а предпочтеніе, оказываемое хваленому самонаблюденію, по нашему мнѣнію, основано главнымъ образомъ на его ошибкахъ. Ибо, если даже оно не ведетъ, какъ опасался Кантъ, къ «бреду и безумію», то во всякомъ случаѣ самонаблюденіе навсегда останется удобнымъ способомъ облекать произвольнѣйшія созданія метафизики обманчивою видимостью эмпирическаго подтвержденія<sup>44</sup>).

Съ полнымъ правомъ, поэтому, новѣйшіе психологи примѣняютъ въ своей области обычное, строго методическое наблюденіе, которое оказало такія большія услуги въ области естествознанія. Въ этомъ отношеніи великія заслуги «Медицинской психологіи» (1852), Лотце, хотя авторъ не удержался въ предѣлахъ задачи, намѣченной заглавіемъ, и предпослалъ своимъ опытно-критическимъ изслѣдованіямъ сто семьдесятъ страницъ метафизики, помѣшавшія только врачамъ извлечь изъ этой книги всю ту пользу, какую она могла бы имъ принести. Позднѣе Фихте младшій въ своей «Антропологіи» (1856) предложилъ естествоиспытателямъ и врачамъ свои услуги въ качествѣ уполномоченнаго отъ философіи домашняго врача и руководителя совѣсти. Хотя его книга своими логическими недостатками и претенціознымъ повтореніемъ старыхъ заблужденій только

повредила философию во мнѣніи естествоиспытателей, однако въ другихъ кругахъ она много способствовала тому, чтобы сдѣлать связь психологіи и физиологіи болѣе наглядной для общаго сознанія. Въ то время свершилось даже чудо: среди эпигоновъ гегелевской философіи обнаружались признаки болѣе трезваго, почти научнаго отношенія къ психологіи. Жоржъ написалъ дѣльную книжку о пяти чувствахъ; Шаллеръ, сражаясь съ матеріализмомъ, вынужденъ былъ снизойти къ болѣе внимательному разсмотрѣнію физиологическихъ данныхъ. Каждый изъ нихъ позднѣе выпустилъ по «Психологіи», и на обоихъ трудахъ явственно отразилась печать эпохи. Заслуживаетъ всякой похвалы то, что, оставаясь въ главномъ на почвѣ умозрѣнія не болѣе, чѣмъ первые основатели якобы естественнонаучной психологіи, они вполнѣ это сознаютъ; но во всякомъ случаѣ необходимо бороться противъ притязанія умозрительнаго знанія на значеніе болѣе высокаго и достовѣрнаго нежели опытное, къ которому оно относится какъ высшая ступень къ низшей. Да не смущаетъ это нашихъ читателей! Къ основнымъ истинамъ наступающаго новаго періода человѣчества принадлежитъ не уничтоженіе умозрѣнія, какъ того желалъ Кантъ, а то, что ему надо разъ навсегда указать его мѣсто и опредѣлить то, что оно можетъ дать знанію и чего не можетъ.

Объ отношеніи между умозрительнымъ и опытнымъ знаніемъ Шаллеръ выражается слѣдующимъ образомъ: «Естественныя науки могутъ похвалиться точнымъ знаніемъ, когда онѣ довольствуются тѣмъ, что на основаніи наблюденій явленій выводятъ законы ихъ и формулируютъ количественныя отношенія, которыя прямо заключаются въ найденныхъ законахъ. Каждый, конечно, воленъ удовлетворяться подобнымъ точнымъ знаніемъ; но этимъ самымъ онъ смиренно отрѣшается отъ отвѣта на тѣ вопросы, которыми изстари занималась философія»<sup>45</sup>). Такъ!—Но какъ различно отвѣчала философія на тѣ вопросы, которыми она изстари занималась,—достаточно извѣстно. Далѣе, согласіе, которое въ противоположность этому господствуетъ въ естественныхъ наукахъ, происходитъ не оттого, что эти науки ограничиваются областью, въ которой все разумѣется само собою, а отъ примѣненія метода, правила котораго—искусно разработанныя и въ то же время естественныя—раскрылись человѣчеству лишь послѣ долгихъ стремленій, и предѣлы приложимости котораго намъ неизвѣстны. Сущность всѣхъ многочисленныхъ мѣръ предосторожности этого метода заключается въ томъ, что нейтрализуется вліяніе субъективности изслѣдователя. А между тѣмъ умозрѣніе каждую изъ своихъ формъ обязано именно субъективной природѣ отдѣльнаго человѣка. И здѣсь мы опять-таки должны принять, что въ сходной организаціи всѣхъ людей и въ общемъ развитіи человѣчества заключается объективная причина отдѣльныхъ явленій, подобно тому какъ, напримѣръ, въ архитектурѣ или музыкѣ различныхъ и раздѣльно живущихъ народовъ выступаютъ наружу сходныя черты. Кто, охваченный сокровеннымъ зодческимъ побужденіемъ, хочетъ удовлетвориться построеніемъ храма понятій—храма, который хотя и не особенно противорѣчитъ положительному знанію въ его настоящемъ состояніи, но опрокидывается при всякомъ методически совершаемомъ поступательномъ движеніи или разрушается до основанія всякимъ позднѣйшимъ охотникомъ до построеній и выстраивается имъ въ другомъ стилѣ, тотъ, конечно, можетъ хвалиться привлекательнымъ и законченнымъ произведеніемъ

искусства, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ необходимо отказывается отъ того, чтобы хоть сколько нибудь способствовать истинному и прочному знанію какой бы то ни было отрасли. Каждому должно быть предоставлено выбрать то, что ему угодно. Вообще каждому покажется наиболѣе высокимъ то, чѣмъ занимается онъ самъ.

Въ какой мѣрѣ естественно-научный методъ приложимъ къ психологіи, покажетъ результатъ. Но мы прежде всего замѣтимъ, что точныя изслѣдованія возможны не въ однѣхъ только пограничныхъ областяхъ нервной физиологіи. Какъ бы ни представлялись неясными границы психологіи, все же туда можно будетъ уже теперь отнести не только факты изъ жизни чувства, но и изслѣдованія о человѣческомъ дѣйствіи и рѣчи, и вообще изслѣдованіе всѣхъ жизненныхъ проявленій, поскольку по нимъ можно заключить о природѣ и характерѣ человѣка. Наиболѣе яснымъ доказательствомъ этого служить существованіе животной психологіи, матеріалъ которой не можетъ быть, конечно, вполне добытъ путемъ наблюденія при посредствѣ «внутренняго чувства». Здѣсь, гдѣ вышнее наблюденіе показываетъ намъ прежде всего только движенія, мины, дѣйствія, при толкованіи которыхъ возможны ошибки, все же можно примѣнить сравнительно очень точный приемъ, такъ какъ животное не трудно подвергнуть экспериментамъ и ставить въ такія положенія, въ которыхъ возможно тончайшее наблюденіе всякаго новаго движенія, а также произвольное повтореніе или исключеніе всякаго рода побужденія психической дѣятельности. Этимъ дано то основное условіе всякой точности, при которомъ ошибка не то что совершенно устраняется, но благодаря методу можетъ быть обезврежена. Точно описанный приемъ, примѣненный по отношенію къ точно описанному животному, можетъ быть всегда повторенъ, вслѣдствіе чего толкованіе, если оно примыкаетъ къ какимъ-нибудь измѣнчивымъ побочнымъ условіямъ, тотчасъ же исправляется и во всякомъ случаѣ радикально очищается отъ вліянія личныхъ предразсудковъ, играющихъ такую видную роль при такъ называемомъ самонаблюденіи. Если у насъ и чѣтъ системы животной психологіи, все же у насъ имѣются зачатки наблюденій, которыя по точности и плодотворности далеко превышаютъ точки зрѣнія Реймаруса и Шейтлина. Все большее распространеніе зоологическихъ садовъ служитъ поддержкою этимъ изслѣдованіямъ, и, какъ бы сильно ни отличалась свободная жизнь животныхъ въ лѣсу и въ полѣ отъ жизни въ звѣринцахъ, все же точное наблюденіе во время этого послѣдняго состоянія не менѣе цѣнно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о приобрѣтеніи общихъ положеній. Для вопросовъ матеріализма и идеализма позднѣе найдется можетъ быть наиболѣе интересный матеріалъ тамъ, гдѣ его теперь менѣе всего ищутъ—въ наблюденіи низшихъ животныхъ въ отношеніи ихъ чувственныхъ воспріятій. Уже Молешотъ указалъ на то, что коловратка съ однимъ глазомъ, состоящимъ только изъ роговой оболочки, должна воспринять другіе образы предметовъ, нежели паукъ, который сверхъ того имѣетъ еще хрусталикъ и стекловидное тѣло. Хотя мы въ критикѣ всего этого мѣста (сравн. стр. 71) не усматривали яснаго представленія объ отношеніи объекта къ субъекту, тѣмъ не менѣе это замѣчаніе не лишено значенія; даже весьма возможно, что здѣсь раскроются вещи, замѣчательныя несравненно въ болѣе широкомъ смыслѣ, если очередь

для точнаго наблюденія дойдемъ до дѣятельности чувствъ такихъ животныхъ, организація которыхъ значительно уклоняется отъ нашей. Вліянія различныхъ колебаній, съ которыми знакомитъ насъ физика надо будетъ подвергнуть здѣсь испытанію, совершенно независимо отъ того, вызываютъ ли они или нѣтъ извѣстное чувственное впечатлѣніе въ нашихъ органахъ. Если, напримѣръ, найдутся такія существа, которые свѣтъ обоняютъ или вкушаютъ (т. е. воспринимаютъ органами, которые сходны съ нашими органами обонянія или вкуса), или съ помощью темнаго для насъ источника тепла получаютъ зрительные образы, то ученіе о созданіи субъектомъ чувственнаго міра найдетъ въ этомъ новую опору; если же, наоборотъ, окажется, что во всемъ многообразномъ мірѣ животныхъ, надо полагать, нѣтъ никакихъ ощущеній, существенно отличныхъ отъ нашихъ, то это до поры до времени пошло бы въ пользу матеріализму <sup>46</sup>).

Далѣе, очень существенныя данныя для основъ будущей психологіи заключаются несомнѣнно въ опытахъ надъ новорожденными, предпринятыхъ систематически только въ новѣйшее время. Чтобы уразумѣть ходъ психическихъ процессовъ, нужно прежде всего стараться наблюдать первѣйшіе и простѣйшіе элементы ихъ механизма. Поразительно, съ какою флегматичностью наши милѣйшіе философы разлагольствуютъ о возникновеніи сознанія, не ощущая при этомъ ни малѣйшей потребности зайти когда нибудь въ дѣтскую и посмотришь вблизи, какъ происходитъ то, что связано съ этой проблемой. Но покуда слова покорно смыкаются въ систему, покуда студенты покорно эту систему записываютъ, издатели покорно печатаютъ, а публика считаетъ содержаніе такихъ книгъ очень важнымъ, философъ не легко найдетъ поводъ для дальнѣйшихъ шаговъ въ этомъ направленіи. Затѣмъ является наконецъ физиологъ <sup>47</sup>), даетъ новорожденнымъ попробовать растворъ сахара или хинина, держитъ передъ ними свѣчу, или производитъ около ихъ ушей шумъ и отмѣчаетъ точнѣйшимъ образомъ, какія оны наблюдалъ у нихъ движенія, передергиванія мышцъ и тому подобное. Онъ комбинируетъ наблюденія, сдѣланныя имъ у дѣтей, родившихся до времени или вполнѣ выношенныхъ, отмѣчаетъ точно различіе и сравниваетъ съ этимъ опыты анатоміи и патологіи. Наконецъ, онъ старается расположить свои наблюденія въ такомъ порядкѣ, что восходитъ отъ простаго рефлекса до несомнѣннаго признака сознанія, и въ концѣ концовъ онъ знаетъ много такого, чего философъ въ своемъ уединенномъ кабинетѣ не испытываетъ, но безъ чего однако при рѣшеніи важныхъ вопросовъ часто обойтись совершенно невозможно. Если бы даже изъ этихъ опытныхъ изслѣдованій вытекалъ только одинъ тотъ фактъ, что существуетъ совершенно незамѣтный переходъ отъ чистаго рефлекса до сознательной цѣлевой дѣятельности, и что зачатки послѣдней простираются до жизни передъ рожденіемъ, то въ смыслѣ истинной науки уже это было бы гораздо больше, нежели то, что можно узнать изъ цѣлыхъ томовъ умозрительныхъ «изслѣдованій».

Другой относящейся сюда предметъ новѣйшихъ усилій—это «психологія народовъ» (*Völkerpsychologie*), которая однако не достигла еще достаточно опредѣленной формы и метода, чтобы подвергнуться здѣсь обсужденію, тѣмъ болѣе, что вопросы матеріализма стоятъ съ этой областью въ менѣе тѣсной связи. Заслуживаетъ однако вниманія то, что лингвистика, которую справедливо считаютъ важнѣйшимъ источникомъ народной психологіи, много способствовала перенесенію языка въ область

естественно-научныхъ изысканій, и, благодаря этому, прежняя пропасть между науками о духѣ и науками о природѣ наполнилась въ новомъ и весьма важномъ пунктѣ. И въ этомъ отношеніи эпоху составила опять-таки первая половина нашего вѣка. Знаменитое сочиненіе Вильгельма Гумбольдта о языкѣ Кави, грамматика санскритскаго языка и сравнительная грамматика Боппа появились на свѣтъ въ столь богатомъ и въ другихъ отношеніяхъ періодѣ 1820—1835 года. Съ этого времени лингвистическое изслѣдованіе сдѣлало во всѣхъ направленіяхъ достойные удивленія успѣхи; особенно Штейнталь въ рядѣ весьма важныхъ работъ пытался освѣтить полнымъ свѣтомъ психологическую сущность языка и положить предѣлы непрестанному смѣшенію логическаго мышленія съ совершающимся черезъ посредство языка образованіемъ представленій.

Поразительно безплодными для вопросовъ психологіи оставались долгое время путешествія съ научною цѣлью и сопоставленіе ихъ результатовъ въ антропологическомъ и этнографическомъ отношеніи. Стоитъ только взять такъ прославившееся сочиненіе Причарда объ естественной исторіи человѣка, чтобы убѣдиться въ томъ, какая масса недоразумѣній произошла отъ религіозныхъ предразсудковъ наблюдателей, отъ ихъ расовой гордости, отъ неспособности понять складъ чуждой культурной жизни или образъ мыслей низшихъ культурныхъ ступеней. Въ новѣйшее время дѣло улучшилось. Въ особенности сообщенія о путешествіяхъ Бастиана богаты психологическими данными, а его объемистыя сочиненія<sup>46)</sup> свидѣтельствуютъ о преимуущественномъ интересѣ къ сравнительной психологіи, хотя руководящія идеи часто исчезаютъ подъ грудой накопленнаго матеріала. Въ «Антропологіи первобытныхъ народовъ» Вайтца можно прослѣдить этотъ прогрессъ въ психологическомъ пониманіи чуть ли не отъ тома къ тому; но самое лучшее въ этомъ отношеніи даетъ послѣдній, составленный Герландомъ, томъ этого сочиненія. Если присоединить къ этому необыкновенно ясное сопоставленіе Лѣббокомъ результатовъ палеонтологіи съ состояніемъ современныхъ намъ дикихъ народовъ, а также «Первобытная культура» и «Первобытная исторія человѣчества» Тайлора, то передъ нами до такой степени богатое собраніе фактовъ и комбинацій, что систематическая «психологія народовъ» или «прагматическая антропологія» на совершеннѣйшей основѣ уже не представляется намъ невозможными. Но если однако задаться вопросомъ, какіе результаты выступаютъ наиболѣе ясно уже и теперь, то нельзя будетъ отрицать того, что во всѣхъ новѣйшихъ и лучшихъ наблюденіяхъ человѣкъ со всѣмъ своимъ культурнымъ состояніемъ представляется естественнымъ существомъ, образъ жизни и дѣятельности котораго обусловливается его организацей. Гдѣ прежде, при поверхностномъ наблюденіи, видѣли только «дикарей» или невинныхъ дѣтей природы, тамъ находятъ теперь доказательства исторіи, доказательства древней рафинированной культуры, а часто даже явные слѣды упадка и регресса. Мы видимъ, какъ общечитіе, даже у тѣхъ народовъ, которые въ другихъ отношеніяхъ стоятъ еще на точкѣ зрѣнія дѣтской незрѣлости, всюду уже очень рано влечетъ за собой особыя и часто странныя учрежденія, которыя при всемъ ихъ необыкновенно пестромъ многообразіи могутъ быть выведены изъ немногихъ, всегда однихъ и тѣхъ же психологическихъ чертъ. Деспотизмъ, господство знати, кастовое начало, суевѣріе, обманъ жрецовъ, пышные обряды повсюду и уже очень рано произрастаютъ изъ общаго корня



человѣческаго существа, и въ основныхъ чертахъ этихъ широко распространенныхъ уродливыхъ явленій часто выступаетъ поразительнѣйшая аналогія между племенами, у которыхъ едва имѣются платье и хижина, и тѣми, которыя обладаютъ дворцами, гордо высящимися городами, массою орудій и предметовъ роскоши. Природнаго состоянія, потерю котораго оплакивали Руссо и Шиллеръ мы не находимъ нигдѣ; скорѣе все—природа, но такая, которая такъ же мало соответствуетъ нашимъ идеаламъ, какъ обезьяній образъ нашихъ предполагаемыхъ предковъ соответствуетъ идеаламъ Фидія и Рафаэля. Кажется, будто челоѣкъ, оставя позади себя предѣлы животности, и какъ индивидъ развиваясь и облагораживаясь черезъ посредство общества, долженъ былъ въ формѣ совокупнаго народно-психологическаго цѣлаго еще разъ пройти черезъ всю отвратительность и безобразіе обезьяней природы, пока наконецъ глубоко, но несомнѣнно заложеныя въ немъ сѣмена болѣе благородныхъ свойствъ...—до этого однако намъ еще далеко! Даже греческая культура покоилась на гнилой почвѣ рабства, а благородная гуманность восемнадцатаго столѣтія была только достояніемъ тѣсно ограниченныхъ круговъ, заботливо отдѣлявшихъ себя отъ народныхъ массъ.

Дарвинъ также представилъ превосходныя данныя для психологическаго пониманія вида «человѣкъ» и проложилъ новые пути, на которыхъ для всей области психологіи откроется богатый матеріалъ. Сюда относится главнымъ образомъ и его изслѣдованіе о «Выраженіи душевныхъ движеній», часто слишкомъ низко цѣнимое изъ за его рѣзкостей и односторонностей. Уже Декартъ въ своемъ мало читаемомъ сочиненіи о душевныхъ движеніяхъ вступилъ на путь опредѣленія и объясненія этихъ послѣднихъ по ихъ тѣлеснымъ симптомамъ, хотя по его теории душевное движеніе можетъ возникнуть лишь тогда, когда душа «мыслить» то, что воспринимается ею въ мозгу, какъ тѣлесный процессъ. Въ новѣйшее время въ особенности Домриху принадлежатъ заслуги въ томъ, что онъ обстоятельно изслѣдовалъ тѣлесныя явленія, сопровождающія психическія состоянія; однако, его работой психологи мало пользуются<sup>49)</sup>. Это было бы иначе, если бы всѣ убѣдились, въ какой сильной степени сознаніе нашихъ собственныхъ душевныхъ движеній обуславливается и опредѣляется ощущеніями ихъ вліяній на тѣло. Въ дѣйствительности же дѣло здѣсь обстоитъ совершенно такъ, какъ съ сознаніемъ нашихъ тѣлесныхъ движеній: непосредственное сознаніе даннаго толчка хотя и существуетъ, однако къ полной ясности относительно этого процесса мы приходимъ лишь благодаря обратному потоку ощущеній, вызванныхъ этимъ движеніемъ.

Но особенное значеніе пріобрѣтаетъ тѣлесный симптомъ психическаго процесса при выразительныхъ движеніяхъ. Надо только имѣть въ виду, что языкъ въ основномъ своемъ значеніи выраженія для душевныхъ движеній всегда придерживается тѣлеснаго симптома и особенно часто именно выразительныхъ движеній, тогда сразу станетъ яснымъ, какъ челоѣкъ ориентировался по этимъ симптомамъ, и какъ черезъ ихъ посредство всѣ внутренніе процессы получили свои характеристику и отграничились отъ другихъ родственныхъ съ ними процессовъ. Нельзя поэтому надѣяться достигнуть когда нибудь значительныхъ результатовъ въ ученіи о душевныхъ движеніяхъ, покуда самымъ серьезнымъ образомъ не будутъ изучены ихъ симптомы.

Такимъ образомъ мы опять пришли къ такому пріему въ области психо-

логи, который можно было бы назвать материалистическимъ, если бы въ этомъ словѣ не выражалось въ то же время отношеніе къ основіу всего міровоззрѣнія, что вовсе сюда не относится. Поэтому правильнѣе говорить о «соматическомъ методѣ», который одинъ обѣщаетъ дать плоды въ большинствѣ областей психологіи. Этотъ методъ требуетъ, чтобы мы при психологическомъ изслѣдованіи по возможности придерживались тѣлесныхъ процессовъ, которые неразрывно и закономерно связаны съ психическими явленіями. Но примѣняя такой методъ, вовсе нѣтъ надобности разсматривать тѣлесные процессы какъ послѣднее основаніе психическаго момента или даже собственно какъ единственно существующее, подобно тому какъ это дѣлаетъ материализмъ. А съ другой стороны на основаніи тѣхъ немногихъ областей, которыя для соматическаго метода до сихъ поръ недоступны, не слѣдуетъ доходить до вывода, будто здѣсь существуетъ психическій процессъ безъ фізіологической основы. А именно ученіе о смѣнѣ представленій, т. е. о вліяніи наличныхъ или вновь вступающихъ въ сознание представленій на послѣдующія, можно не только развивать теоретически, но и поставить на почву опыта и наблюденія въ большемъ, чѣмъ до сихъ поръ, объемѣ, совершенно оставляя въ сторонѣ фізіологическую основу. Такъ, напримѣръ, приемъ мнемониковъ, заключающійся въ запоминаніи любого ряда словъ путемъ вѣдренія въ мысль извѣстныхъ связующихъ словъ, можетъ вполне служить очень цѣннымъ психологическимъ экспериментомъ, значеніе котораго, какъ и всякаго хорошаго эксперимента, совершенно не зависитъ отъ объясненія, которое ему дается.<sup>50)</sup> Можно эмпирическимъ путемъ выставить полную теорію описокъ или, какъ это сдѣлалъ Дробишъ, выразить склонность какого нибудь поэта къ болѣе легкимъ или болѣе труднымъ стихотворнымъ формамъ въ опредѣленныхъ числвыхъ отношеніяхъ<sup>51)</sup>, не обращая при этомъ никакого вниманія на мозгъ и вообще на нервы. Но быть можетъ здѣсь какой нибудь критикъ вздумаетъ утверждать: либо слѣдуетъ признать независимость процесса отъ фізіологическаго момента, либо приемъ этотъ не строго научный, ибо онъ не доходитъ до предполагаемой основы явленій. Однако эта альтернатива ложна, ибо факты, полученные путемъ опыта, или даже «эмпирическіе законы» отстаиваютъ свое право совершенно независимо отъ того, сведены ли они или нѣтъ къ основамъ явленій. Иначе съ такимъ же правомъ можно было бы считать недостаточною всю нервную фізіологію по той причинѣ, что она не сведена къ механикѣ атомовъ, которая вѣдь въ концѣ концовъ должна лежать въ основѣ всего объясненія естественныхъ явленій.

Въ Англіи психологія во времена Дугальда Стюарта и Томаса Брауна была близка къ тому, чтобы стать опытною наукою о смѣнѣ представленій («ассоціативная психологія»), и особенно Браунъ изслѣдуетъ принципъ ассоціацій глубоко и остроумно въ самыхъ различныхъ областяхъ психической дѣятельности. Съ этого времени психологія осталась любимою наукою англичанъ, и нельзя не сознаться, что изученіе ихъ сочиненій даетъ политику, художнику, педагогу, врачу несравненно больше данныхъ для знанія людей, чѣмъ это въ состояніи сдѣлать наша нѣмецкая психологическая литература. Зато плохо обстоитъ дѣло съ критическимъ испытаніемъ принциповъ и со строго научною формою психологіи. Въ этомъ отношеніи со времени Брауна и Стюарта въ сущности не было сдѣлано никакого значительнаго успѣха. Что глав-

нымъ образомъ отличаетъ новѣйшія произведенія Спенсера и въ особенности Бэна <sup>52)</sup> — это тщательное приложеніе новѣйшей анатоміи и фізіологіи и энергическая попытка привести ассоціативную психологію въ согласіе съ нашими свѣдѣніями о нервной системѣ и ея функціяхъ. Какъ ни здраво направленіе этихъ стремленій, все же здѣсь дѣло не обходится безъ рискованныхъ гипотезъ и пространныхъ построеній и теорій, которымъ не достаетъ прочной экспериментальной основы. Мы замѣтили выше, что по отношенію къ отравленіямъ мозга задача— правда, не точнаго изслѣдованія, но во всякомъ случаѣ популярнаго просвѣщенія—заключается въ томъ, чтобы въ послѣдовательно проведенной гипотезѣ показать, какова могла бы быть связь между вещами: этой потребности Спенсеръ и Бэнъ отвѣчаютъ въ высшей мѣрѣ; поэтому ихъ сочиненія и въ этомъ пунктѣ служатъ весьма желательнымъ восполненіемъ нѣмецкой литературы, какъ бы ни потрясала основы этого неудачнаго построенія строгая, но нѣсколько тощая нѣмецкая критика. Разница между англійскимъ и нѣмецкимъ методами въ психологіи сводится въ существѣ къ тому, что нѣмецкіе ученые устремляютъ всю свою умственную силу на то, чтобы достигнуть по возможности твердыхъ и правильныхъ принциповъ, тогда какъ англичане прежде всего стараются сдѣлать изъ своихъ принциповъ все, что только можно сдѣлать. Это относится и къ ассоціативной психологіи, какъ таковой, и къ фізіологическому ея обоснованію. Въместо того, чтобы исправить въ высокой степени неудовлетворительныя основы теории ассоціаціи и строже разработать методъ изслѣдованія, новѣйшіе писатели даютъ намъ только пространныя разсужденія и анализы, между тѣмъ какъ основанія остаются тѣми же, что и у ихъ предшественниковъ. Въ Германіи часть этихъ основаній подверглась недавно нападкамъ съ разныхъ сторонъ, и особенно вполне справедливой критикѣ было подвергнуто господствующее въ Англии выведеніе пространственныхъ представленій изъ принципа ассоціаціи <sup>53)</sup>. Но критика эта касается пункта, который хотя имѣетъ большую важность для теории познанія, но для спеціального обоснованія опытной психологіи значеніе его второстепенное: можно было бы отбросить это объясненіе пространственныхъ представленій, и все таки ассоціативная психологія въ главныхъ чертахъ осталась бы въ цѣлости. Есть однако другой пунктъ, который не только рѣшаетъ судьбу этой науки, но имѣетъ также наивысшее значеніе для основнхъ вопросовъ отношенія между тѣломъ и душою. Это именно вопросъ о томъ, существуетъ ли вообще или не существуетъ въ смѣнѣ представленій непрерывная и имманентная причинность.

Смыслъ этого въ высокой степени важнаго вопроса легко понять, если обратиться къ Лейбницу или къ Декарту. Подъ «имманентною» причинностью мы понимаемъ такую, которая не нуждается ни въ какихъ чуждыхъ промежуточныхъ звеньяхъ; иначе говоря: состояніе представленій въ любой моментъ должно получить объясненіе исключительно изъ прежнихъ состояній представленія. У Декарта, также какъ и у Лейбница, совокупность представленій души образуетъ совершенно особый міръ, отдѣленный отъ тѣлеснаго міра. Даже тѣ представленія, которыя соотвѣтствуютъ новому чувственному впечатлѣнію, духъ долженъ создать изъ себя. Однако, по какому закону совершается въ душѣ смѣна состояній, остается неяснымъ. Декартъ, также какъ и Лейбницъ, слѣдуетъ въ

томъ, что касается тѣлеснаго міра, строгому механизму. Но къ міру представленій механизмъ непримѣнимъ, потому что здѣсь невозможно ничего ни взвѣсить, ни измѣрить; какого же рода та причинная связь которая соединяетъ между собой смѣняющія другъ друга состоянія? Декартъ не даетъ на это никакого отвѣта, а отвѣтъ Лейбница весьма остроуменъ, но все же не удовлетворителенъ. Онъ относитъ причинность процесса представленія къ связи монады со вселенной и приписываетъ ее предуготовленной гармоніи. Такимъ образомъ, хотя монада и «не имѣетъ оконъ», тѣмъ не менѣе все, что въ ней происходитъ, управляется не имманентнымъ принципомъ, а ея отношеніемъ къ міровому цѣлому—отношеніемъ, доступнымъ только умозрѣнію, но не наблюденію. Вслѣдствіе этого всякая опытная психологія становится невозможною, и о законахъ ассоціаціи или о какихъ нибудь другихъ обшихъ законахъ не можетъ быть въ сущности и рѣчи.

Поэтому ассоціативная психологія въ своемъ стремленіи установить закономѣрную смѣну представленій съ самаго начала дѣлаетъ одно исключеніе. А именно: чувственныя воспріятія, въ самомъ широкомъ объемѣ этого понятія, приходятъ извнѣ, и при этомъ не возникаетъ вопроса, какъ это возможно. Съ точки зрѣнія души они являются какъ бы твореніями изъ ничего, постоянно возникающими новыми факторами, которые существенно видоизмѣняютъ совокупное состояніе міра представленій, но подчиняются съ момента вступленія законамъ ассоціаціи. Заключаящаяся въ этомъ предположеніи трудность въ Англии легко прикрывалась традиціоннымъ матеріализмомъ со времени Гартлея и Пристлея. Послѣдователи, отклонившіе его выводы, сохранили однако удобство его способа объясненія, не думая о томъ, что новое воззрѣніе влечетъ за собою новыя проблемы.

Стюартъ Милль обстоятельно разобралъ затронутый здѣсь вопросъ въ своей логикѣ (книга VI глав. 4). Онъ возстаетъ противъ Конта, который очень рѣшительно высказывается за то, что душевнымъ состояніямъ не присуща имманентная закономѣрность, а что они просто вызываются состояніями тѣла. Послѣднимъ закономѣрность присуща; тамъ, гдѣ въ первыхъ обнаруживается однообразіе въ результатахъ явленій, оно не первичное, а выводное, и слѣдовательно не есть предметъ возможной науки. Словомъ: психологію можно понять только какъ часть фізіологіи.

Въ противоположность этому строго матеріалистическому воззрѣнію Милль старается защитить права психологіи. Жертвуя безъ оговорокъ всю область чувственныхъ впечатлѣній, онъ рассчитываетъ этимъ путемъ спасти автономію науки о мысленіи и о душевныхъ движеніяхъ. Чувственные впечатлѣнія онъ предоставляетъ фізіологіи. Что же касается прочихъ психическихъ процессовъ, то фізіологія либо очень мало ихъ объясняетъ, либо вовсе не умѣетъ ихъ объяснить, ассоціативная же психологія напротивъ знакомитъ насъ путемъ методической эмпіри съ цѣлымъ рядомъ законовъ. Будемъ же въ такомъ случаѣ придерживаться этой послѣдней и оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, окажутся ли явленія слѣдованія мысли когда нибудь позднѣе одними лишь продуктами дѣятельности мозга, или нѣтъ! Такимъ образомъ метафизическій вопросъ отодвигается, и ассоціативной психологіи обезпечивается по крайней мѣрѣ временное право. Но при этомъ остается однако невыясненнымъ глубже-

идуцій и требуюцій критики вопросъ. не откроются ли при болѣе глубокомъ разсмотрѣннн въ самой ассоціативной психологн слѣды того, что ея предполагаемые законы не имѣютъ всеобщаго значенія, потому что они представляютъ только часть слѣдствій глубже лежащихъ физиологическихъ законовъ.

Гербертъ Спенсеръ, приближаясь къ нашей точкѣ зрѣнн, исповѣдуетъ матеріализмъ явленія, относительная законность котораго въ естествознанн имѣетъ свои границы въ мысли о непознаваемомъ абсолютномъ. Поэтому онъ спокойно могъ бы принять для области познаваемого точку зрѣнн Конта; тѣмъ не менѣе онъ утверждаетъ, что психология есть наука единственная въ своемъ родѣ и совершенно независимая отъ какой бы то ни было другой отрасли<sup>54</sup>). Къ этому утвержденн приводитъ его тотъ фактъ, что одно психическое дано намъ непосредственно, между тѣмъ какъ физическое только предполагается и, слѣдовательно, можетъ быть въ нѣкоторомъ смыслѣ сведено на психическое. Въ самомъ дѣлѣ, наши представленн о матерн и ея движенняхъ суть только известнй родъ представленн; затѣмъ краска, звукъ, въ томъ видѣ какъ они представляются непосредственно нашей психикѣ, подобно тому какъ и наши душевннн движенн, даны ранѣе, нежели теорн ихъ происхожденн изъ колебанн и мозговыхъ процессовъ. Во всемъ этомъ вѣрно то, что область психическихъ явленн обладаетъ тою независимостью, какую Спенсеръ приписываетъ психологн. Но вопросъ-то въ томъ, можно ли эту область психическихъ явленн привести въ одну общую причинную связь, не прибѣгая къ теорнмъ физическихъ наукъ.

Александръ Бэнъ исповѣдуетъ «осторожный и умѣренный матеріализмъ», который удерживаетъ противоположность между духомъ и матернй. По его взгляду, также какъ и по взгляду Спенсера, тѣло есть та же вещь только съ объективной стороны, которая съ субъективной стороны, въ непосредственномъ сознанн индивида, есть душа. Но исходя изъ этой мысли, которая беретъ свое начало у Спинозы, и которую высказалъ въ видѣ предположенн и Кантъ, Бэнъ увлекается до признанн полнаго параллелизма между духовною и нервною дѣятельностью. По его воззрѣнн, каждое нервное раздраженн имѣетъ свой «чувственный эквивалентъ»<sup>55</sup>). Если бы это было такъ, то связь съ физической стороны была бы, конечно, столь же полною, сколько и съ физической; однако факты этому противорѣчатъ. Даже признанный Бэнѣмъ законъ относительности, согласно которому мы достигаемъ сознательнаго ощущенн не столько благодаря абсолютной силѣ раздраженн, сколько благодаря факту измѣненн въ состоянн возбужденн<sup>56</sup>), трудно примирить съ чувственнымъ эквивалентомъ,—ибо совершенно ясно, что вслѣдствн этого одно и то же нервное раздраженн можетъ разъ вызвать очень живое ощущенн, другой же разъ вовсе не вызоветъ ощущенн. Но если подѣ «чувственнымъ эквивалентомъ» понимать нѣчто такое, что хотя и относится къ внутренней, субъективной сторонѣ процесса, но не есть собственно ощущенн, то мы приходимъ къ безсознательнымъ представленнмъ, о которыхъ рѣчь ниже.

Но намъ представляется сомнительнымъ и строго всеобщее значенн законовъ ассоціанн. Правда, Спенсеръ для выщей увѣренности пользуется здѣсь волшебной формулой: «All other things equal» (при прочихъ равныхъ условняхъ). Правда, если всѣ прочня условня абсолютно равны,

представляется почти аксіоматическимъ, что тогда, напримѣръ, болѣе живое впечатлѣніе крѣпче держится въ памяти; однако этимъ значеніе положенія сводится почти на нѣтъ. Когда утверждаютъ, что при прочихъ равныхъ условіяхъ болѣе быстрое судно скорѣе достигнетъ своей цѣли, или сильнѣйшій огонь дастъ больше тепла, то этимъ хотятъ сказать, что быстрота судна, температурность огня при всѣхъ условіяхъ оказываетъ постоянное дѣйствіе, но что еще отъ другихъ условій зависитъ, осуществится ли или нѣтъ извѣстный внѣшній эффектъ, какъ достиженія цѣли, согрѣваніе комнаты. Этимъ высказано положеніе весьма широкое и весьма важное по своему значенію. Въ психологическомъ случаѣ дѣло обстоитъ совершенно иначе. Такъ, напримѣръ, не лишено вѣроятія, что способность воспоминанія обуславливается между прочимъ абсолютною силой нервного процесса или связаннымъ съ этимъ прочнымъ органическимъ измѣненіемъ, тогда какъ наоборотъ живость соотвѣтствующаго представленія находится въ зависимости отъ относительной силы возбужденія. Такъ, напримѣръ, во снѣ передъ нами часто являются представленія, поразительно живыя и ясныя, но мы однако можемъ припомнить ихъ только съ большимъ трудомъ и далеко не съ первоначальною живостью. Дѣло въ томъ, что во снѣ носителями нашихъ представленій являются только очень слабыя нервные токи. Если же теперь понимать оговорку—«при прочихъ равныхъ условіяхъ» буквально, т. е. если сравнивать только одно сводѣніе съ другимъ, и вообще только вполнѣ опредѣленные состоянія возбужденія, то конечно положеніе ассоціативной психологіи окажется правильнымъ, но значеніе его очевидно будетъ весьма ограниченное. Въ случаѣ приведеннаго выше физическаго примѣра результатъ, достиженіе цѣли, согрѣваніе комнаты есть только средство, чтобы выяснитъ себѣ постоянное значеніе скорости и температурности. Но вотъ это-то именно постоянное значеніе одного какого нибудь фактора въ психологическомъ примѣрѣ отпадаетъ. Большая живость представленій не при всѣхъ обстоятельствахъ одинаково вліяетъ на результатъ, подлежащій достиженію,—это вліяніе въ одномъ случаѣ можетъ быть очень большимъ, въ другомъ же—прямо нулемъ. Мы, напримѣръ, могли имѣть во снѣ въ высшей степени живыя представленія, которыя мы однако ни при какихъ условіяхъ не въ состояніи были бы вспомнить—развѣ только, если бы могли возстановить такое же состояніе сна.

Пояснимъ это отношеніе примѣромъ. Экономическая цѣнность несомнѣнно обязана своимъ возникновеніемъ ряду физическихъ условій, между которыми выдающуюся роль играетъ работа. Тѣмъ не менѣе цѣнность не пропорціональна работѣ. Прочія же условія, въ особенности потребность, не только присоединяются извнѣ, чтобы повліять на результатъ, подобно тому какъ, напримѣръ, вѣтеръ и погода вліяютъ на скорость судна—всѣ они, напротивъ, необходимы для того, чтобы вообще могла возникнуть цѣнность. Точно также общее состояніе сознанія необходимо для того, чтобы изъ раздраженія вообще возникло ощущеніе. Вслѣдствіе этого именно не существуетъ закона «сохраненія цѣнностей», который соотвѣтствовалъ бы физическому закону сохраненія работы. Поэтому же не можетъ, повидимому, существовать и закона «сохраненія сознанія». Всѣ въ совокупности представленія могутъ спуститься отъ величайшей живости до нуля, и все же для

соотвѣтствующихъ мозговыхъ отправленій останется въ силѣ законъ сохранения энергіи. Возможна ли въ такомъ случаѣ хотя бы до нѣкоторой степени точная психологія ассоціацій?

Тѣмъ не менѣе Стюартъ Милль въ этомъ пунктѣ правъ: поскольку ученіе о смѣнѣ представленій можетъ быть дѣйствительно обосновано опытнымъ путемъ, оно имѣетъ право на то, чтобы считаться наукой,— въ какомъ бы положеніи ни находился вопросъ объ основѣ представленій и о зависимости ихъ отъ отправленій мозга. Однако методы, примѣненные до этого времени, служатъ только слабою гарантіей отъ самообмановъ. У насъ есть нѣсколько весьма общихъ положеній, основанныхъ на весьма несовершенной индукціи, и съ ними-то мы въ пространныхъ анализахъ проходимъ всю область психическихъ явленій съ тѣмъ, чтобы видѣть, что можетъ быть сведено къ этимъ мнимымъ законамъ ассоціаціи. Но если мы, однако, вмѣсто того, чтобы анализировать одни общія понятія психическихъ явленій, войдемъ въ самую жизнь и постараемся понять смѣну представленій въ опредѣленныхъ случаяхъ, вродѣ тѣхъ, какіе напримѣръ представляются психіатру, криминалисту или педагогу, то мы на каждомъ шагѣ «наталкиваемся всякій разъ на бессознательныя представленія», которыя, вполнѣ согласно законамъ ассоціаціи, врываются въ процессъ представленія, хотя они собственно вовсе не суть представленія, а лишь отправленія мозга вродѣ тѣхъ, которыя сопровождаютъ сознаниемъ<sup>57</sup>).

Рядомъ съ ученіемъ о смѣнѣ представленій у насъ имѣется еще и другая область опытной психологіи, тоже доступная строго методическому изслѣдованію. Это именно антропологическая статистика, ядро которой до сихъ поръ составляетъ моральная статистика. Мы находимся собственно на почвѣ того, что Кантъ назвалъ «прагматической антропологіей», т. е. здѣсь передъ нами наука о человѣкѣ «какъ о свободно дѣйствующемъ существѣ»—наука, въ которой, дѣло, значить, идетъ о духовной сторонѣ человѣка, не зирая на то, что статистика нисколько не интересуется различіемъ между тѣломъ и душой. Она отмѣчаетъ чело- вѣческія дѣйствія и чело- вѣческія судьбы, и сочетаніе этихъ отмѣтокъ даетъ возможность заглянуть не только въ ходъ соціальной жизни, но и въ мотивы, которые руководятъ дѣйствіями отдѣльнаго человѣка.

Въ сущности всею почти статистикой можно воспользоваться въ цѣляхъ точной антропологіи, и ошибка думать, что психологическія заключенія можно вывести только изъ данныхъ о числѣ и родѣ преступленій и судебныхъ процессовъ, о размѣрахъ самоубійства или о распространеніи школы, литературныхъ произведеній и т. п. При удачномъ сочетаніи подлежащихъ сравненію цѣнностей можно будетъ такъ же хорошо дѣлать психологическіе выводы, и изъ данныхъ торговли и судоходства, изъ статистики перевозки на желѣзныхъ дорогахъ товаровъ и людей, изъ среднихъ цѣнностей урожая и скота, изъ результатовъ распредѣленія и скопленія богатства и безчисленныхъ другихъ данныхъ,—какъ и изъ излюбленныхъ темъ моральной статистики. Наоборотъ—именно вслѣдствіе того, что не было принято во вниманіе многообразіе отношеній и мотивовъ, или вслѣдствіе того, что человѣкѣ слишкомъ еще разсматривался въ свѣтѣ устарѣвшей психологіи,—изъ указанныхъ цифръ моральной статистики часто дѣлались слишкомъ поспѣшные выводы. Заслуженный Кетле особенно много ложныхъ представленій распространилъ

своимъ злосчастнымъ выраженіемъ «склонность къ преступленію» (*penchant vers le crime*), хотя у него самого это выраженіе является только довольно безразличнымъ названіемъ безукоризненнаго самого по себѣ математическаго понятія. Подобно тому, какъ добытое путемъ отвлеченія вѣроятіе не должно быть разсматриваемо какъ объективно существующее свойство отдѣльнаго предмета, принадлежащаго къ тому классу, къ которому примѣнено было отвлеченіе, точно такъ же невозможно и думать о томъ, чтобы одно опредѣленіе вѣроятнаго числа открыло намъ склонность къ преступленію, которая имѣла бы психологическое значеніе въ качествѣ дѣйствительнаго фактора человѣческихъ дѣйствій. Тѣмъ не менѣе склонность къ преступленію, къ самоубійству, побужденіе къ браку и другія статистическія понятія очень часто понимались совершенно буквально, и изъ замѣчательной правильности ежегодно повторяющихся чиселъ выводили фатализмъ, который по меньшей мѣрѣ такъ же страненъ, какъ попытка Кетле сохранить на ряду съ общей закономѣрностью и свободу воли. Дѣло въ томъ, что Кетле допускаетъ свободную волю—конечно свободную волю въ смыслѣ французско-бельгійскаго школьнаго преданія—въ качествѣ акцидентальной причины въ предѣлахъ большихъ круговъ доказанной закономѣрности—причины, дѣйствіе которой, выступая то положительно, то отрицательно, нейтрализуется по закону большихъ чиселъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что существуютъ такіе индивидуальныя волевые импульсы, которые то присоединяютъ единицу къ годовому бюджету желанныхъ дѣйствій, то отнимаютъ у него единицу, но средняя цифра въ концѣ концовъ лучше согласуется съ годовымъ бюджетомъ, нежели государственныя счеты. Однако если средняя воля, которая въ то же время приблизительно представляетъ большую массу всѣхъ отдѣльныхъ волевыхъ импульсовъ, обусловливается съ естественно-исторической стороны вліяніями возраста, пола, климата, питанія, характера дѣятельности и т. д., то развѣ во всякой другой области не сдѣлано было бы то заключеніе, что и индивидуальное возбужденіе тоже находится въ зависимости отъ естественно историческихъ условій?—развѣ не было бы предположено, что оно относится къ среднему выводу только такъ, какъ напримѣръ количество дождя перваго мая или другого какого нибудь календарнаго дня относится къ среднему количеству дождя всего года? Въ самомъ дѣлѣ, если оставить въ сторонѣ схоластическіе предразсудки, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія принимать для указанныхъ индивидуальныхъ колебаній на ряду съ многочисленными акцидентальными причинами, которыя мы можемъ прослѣдить естественно-историческимъ путемъ, еще какую-то отдѣльную причину, которая имѣетъ ту особенность, что хотя она и ограничена въ своемъ дѣйствіи очень узкими предѣлами, тѣмъ не менѣе въ этихъ своихъ предѣлахъ совершенно не зависитъ отъ общей причинной связи вещей. Это совершенно ненужное и на дѣлѣ только напрасно мѣшающее предположеніе, котораго не сдѣлалъ бы не то что Кетле, но ни одинъ разумный человѣкъ, если бы онъ не воспитался на традиціонныхъ предразсудкахъ приправленной на современныя лады схоластики.

Такъ какъ въ Германіи издавна привыкли къ представленію единства духа и природы, то понятно, что наши философы не особенно были поражены противорѣчіемъ между выводами статистики и устарѣвшимъ ученіемъ о свободѣ воли. Адольфъ Вагнеръ въ своей прекрасной



книгѣ «О законѣности въ мнимо произвольныхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ» (1864) считалъ нужнымъ упрекнуть нашихъ философовъ въ томъ, что они такъ мало интересовались Кетле и его изслѣдованіями; однако, этотъ упрекъ направленъ не совсѣмъ туда, куда слѣдуетъ. Люди, какъ Вайтцъ, Дробишъ, Лотце и множество другихъ, у которыхъ Вагнеръ, вѣроятно, искалъ этого вниманія къ Кетле, вышли такъ далеко за предѣлы указанной противоположности между свободой и необходимостью, что имъ несомнѣнно трудно было бы снова стать на ту точку зрѣнія, которая еще усматриваетъ здѣсь серьезную проблему. Мы можемъ здѣсь сослаться на то, что нами сказано было о проблемѣ свободы воли въ отдѣлѣ о Кантѣ. Свобода какъ форма субъективнаго сознанія и необходимость какъ фактъ объективнаго изслѣдованія такъ же мало могутъ противорѣчить другъ другу, какъ краска и звукъ. Одно и тоже колебаніе струны даетъ глазу образъ дрожащаго движенія, счету—опредѣленное число колебаній въ секунду, а уху—единный звукъ. Однако, это единство и та множественность не противорѣчатъ другъ другу, и если даже обыкновенное сознаніе приписываетъ числу колебаній большую степень дѣйствительности, нежели звуку, то это едва ли заслуживаетъ упоминанія. Какъ ни интересны и ни плодотворны изслѣдованія Кетле, пролагающія новые пути, все же они для болѣе просвѣщенныхъ изъ нѣмецкихъ философовъ интересны не со стороны ихъ отношенія къ свободѣ воли, такъ какъ эмпирическая обусловленность и строгая причинность всѣхъ человѣческихъ дѣйствій, которыя Кетле не рѣшается даже вполне утверждать, и безъ того представляются со времени Канта несомнѣнными—такъ сказать, дѣломъ извѣстнымъ и рѣшеннымъ. Въ порядкѣ вещей и то, что въ противоположность материалистическому фатализму сохраняется значеніе свободы, особенно въ нравственной области. Ибо здѣсь невозможно болѣе утверждать, что сознаніе свободы есть дѣйствительность, но что связанный съ сознаніемъ свободы и отвѣтственности процессъ представленія имѣетъ такое же существенное значеніе для нашихъ дѣланій, какъ и тѣ представленія, въ которыхъ какое нибудь искушеніе, стремленіе, естественное побужденіе къ тому или другому дѣйствію приходитъ непосредственно въ сознаніе. Если поэтому Вагнеръ полагаетъ, что причина невниманія къ моральной статистикѣ заключается въ нерасположеніи къ числамъ и таблицамъ, то это рѣшительное заблужденіе. Какъ можно усматривать такого рода нерасположеніе у Дробиша, который не лѣнился чертить таблицы для гипотетическихъ предѣльныхъ цѣнностей своей математической психологіи, и который на самомъ дѣлѣ не только знакомъ съ изслѣдованіями Кетле, но даже всесторонне ихъ понимаетъ и обсуждаетъ? Но какъ мало понятенъ такой нѣмецкій философъ даже научно подготовленнымъ читателямъ, если у нихъ нѣтъ подъ глазами системъ и ихъ общей исторіи! Такъ, напри- мѣръ, Дробишъ въ краткой и превосходной критикѣ выводовъ моральной статистики (*Zeitschr. f. ex. Phil.* IV, стр. 329) говоритъ: «Во всѣхъ такихъ фактахъ отражаются не чистые законы природы, которымъ чловѣкъ подлежитъ будто бы какъ нѣкому року, а въ то же время и нравственное состояніе общества, обусловленное могучими вліяніями семейной жизни, школы, церкви, законодательства и поэтому вполне способное къ улучшенію черезъ посредство человѣческой воли». Кто, не будучи ближе знакомъ съ Гербартовскою психологіей и метафизикой, не

усмотрѣлъ бы въ этомъ апологетическаго положенія въ защиту старой свободы воли, какой только можно было бы ждать отъ французскаго профессора? И тѣмъ не мѣнѣе человѣческая воля и по той системѣ, къ которой примкнулъ Дробишъ, есть не болѣе какъ возникшее въ строжайшей причинности слѣдствіе состоянія души, которое въ своемъ конечномъ основаніи вызывается въ свою очередь взаимодействіемъ съ другими реальными существами. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ того Дробишъ въ своей появившейся въ 1867 году работѣ «Моральная статистика и человѣческая свобода воли» высказался обстоятельно и понятнымъ для всѣхъ образомъ объ отношеніи между свободой и естественною необходимостью и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ нѣсколько очень цѣнныхъ вкладовъ по методологій моральной статистики.

А между тѣмъ Вагнеръ уже Боклемъ, глубокомысленныя изслѣдованія котораго много разъ служили ему толчкомъ въ другихъ случаяхъ, могъ быть наведенъ на ту мысль, что нѣмецкая философія имѣетъ въ ученіи о свободѣ воли нѣкоторый перевѣсъ, который даетъ ей возможность смотрѣть на эти новыя изслѣдованія совершенно равнодушно; ибо Бокль опирается прежде всего на Канта, ссылаясь на его свидѣтельность въ пользу эмпирической необходимости человѣческихъ дѣйствій и устраняя трансцендентальное ученіе о свободѣ (срвн. его примѣч. въ концѣ I гл.).—Хотя, такимъ образомъ, все, что матеріализмъ можетъ почерпать изъ моральной статистики, уже признано Кантомъ, а все остальное уже заранѣе отвергнуто<sup>58</sup>), тѣмъ не менѣе для практическаго значенія матеріальнаго направленія времени въ отношеніи къ идеализму далеко не безразлично, будетъ ли моральная статистика и, какъ мы этого желаемъ, вся вообще статистика выдвинута въ антропологическихъ изслѣдованіяхъ на первый планъ, — или нѣтъ. Ибо моральная статистика направляетъ свой взоръ вовнѣ, на дѣйствительно измѣримые факты жизни, тогда какъ нѣмецкая философія, несмотря на свою ясность въ томъ, что касается ничтожества стараго ученія о свободѣ, все еще охотно направляетъ свой взоръ внутрь, на факты сознанія. Однако, только съ помощью перваго приѣма наука можетъ надѣяться постепенно достигнуть приобрѣтеній, прочныхъ по своему значенію.

Правда, методы должны быть при этомъ еще гораздо тоньше, и въ особенности же выводы несравненно осторожнѣе, чѣмъ какими они стали благодаря Кетле, и въ этомъ отношеніи моральную статистику можно разсматривать какъ одинъ изъ тончайшихъ пробныхъ камней свободнаго отъ предубѣждений мышленія. Такъ, напримѣръ, все еще считается аксіомой, что число преступныхъ дѣяній, совершаемыхъ ежегодно въ какой-нибудь странѣ, слѣдуетъ разсматривать какъ мѣрilo нравственности. Ничто не можетъ быть превратнѣе этого, если имѣть въ виду такое понятіе нравственности, которое до нѣкоторой степени возвышается надъ принципомъ разумнаго избѣганія наказаній. Прежде всего уже для того, чтобы найти число, пропорціональное нравственности, надо было бы, по крайней мѣрѣ, раздѣлить число наказуемыхъ дѣяній на число удобныхъ случаевъ или искушеній къ наказуемымъ дѣяніямъ. Само собою совершенно понятно, что извѣстное число поддѣлокъ векселей въ округѣ съ живымъ вексельнымъ обмѣномъ имѣетъ не то самое значеніе, какъ то же число въ округѣ одинаковой величины, но съ вексельнымъ обмѣномъ вдвое меньшимъ. Но уголовная статистика суммируетъ только абсолютное число случаевъ,

и тамъ, гдѣ она доходитъ до числовыхъ отношеній, она въ лучшемъ случаѣ принимаетъ въ качествѣ мѣрила число населенія, а не число дѣйствій или занятій, отъ которыхъ вслѣдствіе злоупотребленія могутъ произойти преступленія. Для нѣкоторыхъ родовъ проступковъ трудно найти подходящий знаменатель для установленія правильного числоваго отношенія, однако между группами населенія, которыя желательно сравнить, существуетъ такое различіе во всемъ нравственномъ развитіи, при которомъ и рѣчи не можетъ быть о томъ, что рассчитанное поголовно количественное отношеніе преступленій имѣло бы въ обѣихъ группахъ одно и то же этическое и психологическое значеніе. Такъ какъ на этотъ пунктъ моральными статистиками не было обращено достаточно вниманія, то я позволю себѣ указать здѣсь вкратцѣ на важное явленіе этической эволюціи, которое я впервые представилъ въ своихъ лекціяхъ по моральной статистикѣ, читанныхъ въ Боннскомъ университетѣ (зимой 1857—58 года) и съ того времени всегда находилъ ему подтвержденіе, но до сихъ поръ не собрался опубликовать. Дѣло въ слѣдующемъ. Если сравнить состояніе ведущаго однообразное существованіе пастушескаго населенія, какое мы, напримѣръ, находимъ во многихъ департаментахъ внутренней Франціи, съ состояніемъ населенія, которое охвачено промышленнымъ, литературнымъ и политическимъ движеніемъ умовъ, у котораго повседневная жизнь уже сама по себѣ возбуждаетъ большую массу представленій, требуетъ больше дѣйствій и рѣшеній, возбуждаетъ больше сомнѣній, больше толкаетъ на идеи, и въ которомъ кромѣ того какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для цѣлаго смѣна счастья и несчастья больше, и необычайные кризисы часты,—то не трудно замѣтить, что у послѣдняго населенія, какъ это уже показывается наблюденіе надъ лицами, фигурами, одеждой и нравами, обнаружится несравненно большее различіе между индивидами, и каждый отдѣльный индивидъ подверженъ гораздо большей смѣнѣ всякаго рода вліяній.

Такъ какъ въ этическомъ отношеніи такая эволюція въ той же мѣрѣ содѣйствуетъ появленію благородныхъ какъ и не благородныхъ свойствъ, и съ одной стороны вызываетъ необычайныя дѣйствія самопожертвованія и безкорыстной любви къ ближнему или героической борьбы за общее благо, а съ другой стороны порождаетъ явленія алчности, эгоизма, безмѣрныхъ страстей, то можно мысленно представить себѣ нѣкотораго рода этический центръ тяжести дѣйствій этого населенія, отъ котораго отдѣльные акты расходятся то въ хорошую, то въ дурную сторону, то въ направленіи какой-либо нравственно безразличной эксцентричности. Въ населеніи съ меньшею эволюціей всѣ дѣйствія будутъ тѣснѣе группироваться возлѣ этого центра тяжести, т. е. эксцентрическія и исключительно благородныя дѣянія будутъ сравнительно столь же рѣдки, какъ и очень дурныя. Но такъ какъ законъ большинствомъ дѣяній вовсе не интересуется, и только въ извѣстныхъ направленіяхъ ставитъ эгоизму и страстямъ предѣлы, по ту сторону котораго начинается преслѣдованіе и наказаніе, то вполне естественно, что населеніе болѣе высокой эволюціи при одинаковомъ этическомъ центрѣ тяжести будетъ имѣть большее число безнравственныхъ дѣяній—частью потому, что вообще на cadaго человѣка приходится больше отдѣльныхъ значительныхъ волевыхъ актовъ, частью также и потому, что болѣе эксцентричность индивидовъ какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ смыслѣ нахо-

дится дальше отъ центра, такъ что отмѣчается лишь часть дѣяній послѣдняго рода. Подобно тому какъ сильный прибой волнъ даже при низкомъ уровнѣ воды легче переходитъ за береговую плотину, нежели слабый прибой при болѣе высокомъ уровнѣ, точно то же происходитъ и съ наказуемыми дѣяніями.

Дальнѣйшее развитіе этого предмета здѣсь было бы не у мѣста, мы удовлетворяемся указаніемъ на то, какъ далека еще моральная статистика отъ того, чтобы уже теперь проникнуть въ глубь психологіи. Но тѣмъ важнѣе однако внѣшнія сооруженія, и никогда не слѣдуетъ забывать, что если острая критика несетъ заботу о твердомъ фундаментѣ, то самыя ничтожныя мелочи приобрѣтаютъ прочное значеніе, между тѣмъ какъ цѣлыя системы умозрѣнія, послѣ того какъ онѣ на одинъ мигъ засіяли ослѣпительнымъ блескомъ, становятся навсегда достояніемъ исторіи

#### IV. Физиологія органовъ чувствъ и міръ какъ представленіе.

Мы видѣли выше во всѣхъ областяхъ, что именно естественно-научное, физическое воззрѣніе на явленія въ состояніи распространить свѣтъ истиннаго знанія также на человѣка и его духовную сущность—хотя вначалѣ въ весьма еще скудныхъ размѣрахъ. Теперь мы обратимся къ такой области человѣческаго изслѣдованія, въ которой эмпирической методъ праздновалъ свои высочайшія побѣды, и въ которой онъ въ то же время приводитъ къ самымъ границамъ нашего знанія и по меньшей мѣрѣ настолько освѣдомляетъ насъ относительно потусторонняго міра, что мы во всякомъ случаѣ необходимо должны придти къ убѣжденію въ его существованіи. Это именно—физиологія органовъ чувствъ.

Въ то время какъ общая нервная физиологія по мѣрѣ усовершенствованія представляла жизнь какъ продуктъ механическихъ процессовъ, болѣе точное наблюденіе надъ процессами ощущенія въ связи со строеніемъ и отправленіями органовъ чувствъ непосредственно приводило насъ къ убѣжденію, что съ тою же механическою необходимостью, съ какою до тѣхъ поръ все совершалось, возникаетъ въ насъ и представленіе, которое, хотя и вызывается внѣшнимъ міромъ, но своимъ особеннымъ характеромъ обязано нашей организаціи. Около большаго или меньшаго значенія слѣдствій, вытекающихъ изъ этихъ наблюденій, вращается весь вопросъ о вещи въ себѣ и о мірѣ явленій. Физиологія органовъ чувствъ есть развитое и исправленное кантіанство, и кантовская система представляется какъ бы программой къ новѣйшимъ открытіямъ въ этой области. Одинъ изъ плодотворнѣйшихъ изслѣдователей—Гельмгольцъ пользовался воззрѣніями Канта какъ эвристическими принципами, но при этомъ онъ все же шелъ сознательно и послѣдовательно по тому же пути, по которому и другіе достигли того, что сдѣлали для насъ механизмъ дѣятельности нашихъ чувствъ болѣе понятнымъ.

На первый взглядъ раскрытіе этого механизма для теоріи материалистовъ довольно благоприятно. Расширеніе акустики путемъ сведенія г л а с н ы х ъ на дѣйствіе колебанія сопровождающихъ верхнихъ тоновъ есть

въ то же время восполненіе механическаго принципа объясненія природы. Тембръ звука какъ продуктъ множества звуковыхъ ощущеній остается въ дѣйствіемъ движеній вещества. Когда мы находимъ, что воспріятіе опредѣленныхъ музыкальныхъ тоновъ обусловлено аппаратомъ для отраженія звуковъ въ кортѣевомъ органѣ, или положеніе зрительныхъ образовъ въ пространствѣ—мышечнымъ чувствомъ въ двигательномъ аппаратѣ глаза, то кажется, что мы какъ будто не покидаемъ этой почвы. Но вотъ является стереоскопъ и разлагаетъ намъ впечатлѣніе тѣлеснаго при зрѣніи на совмѣстное дѣйствіе двухъ впечатлѣній отъ плоскостныхъ образовъ. Далѣе, намъ представляютъ вѣроятнымъ, что ощущение тепла и ощущение давленія органа осязанія суть сложныя ощущенія, которыя различаются между собою только группировкою элементовъ ощущенія. Мы узнаемъ, что цвѣтовое ощущеніе, представленіе о величинѣ и движеніи предмета и даже видъ обыкновенныхъ прямыхъ линий не обусловливаются даннымъ объектомъ неизбѣжнымъ образомъ, но что отношеніе ощущеній другъ къ другу опредѣляетъ качество каждаго вѣдѣльности; мало того—что опытъ и привычка оказываютъ вліяніе не только на истолкованіе чувственныхъ ощущеній, но и на непосредственное явленіе. Факты скопляются со всѣхъ сторонъ, и мы неминуемо приходимъ къ тому заключенію по индукціи, что наши съ виду простѣйшія ощущенія не только вызываются естественнымъ процессомъ, который самъ по себѣ есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ ощущеніе, но что они вмѣстѣ съ тѣмъ суть безконечно сложныя продукты, что качество ихъ никоимъ образомъ не обусловливается только внѣшнимъ раздраженіемъ и кореннымъ устройствомъ органа, но также и взаимоотношеніемъ между всѣми возникающими ощущеніями. Мы наблюдаемъ даже, что при сосредоточенномъ вниманіи одно ощущеніе можетъ быть совершенно вытѣснено ощущеніемъ иного рода <sup>59</sup>).

Посмотримъ теперь, что еще останется отъ матеріализма!

Древній матеріализмъ со своею наивною вѣрою въ міръ чувствъ исчезъ. Затѣмъ и то матеріалистическое представленіе о мышленіи, которому слѣдовало прошлое столѣтіе, не можетъ болѣе остаться. Если для каждаго опредѣленнаго ощущенія приходитъ въ колебаніе опредѣленность мозговое волокно, то не можетъ существовать относительность и взаимозависимость ощущеній, а также распаденіе ихъ на неизвѣстныя элементарныя дѣйствія; а о томъ, чтобы можно было локализовать мысли, и говорить нечего. Но что нисколько не противорѣчитъ фактамъ—это допущеніе, что всѣ указанныя дѣйствія взаимоотношенія простыхъ ощущеній покоятся на механическихъ условіяхъ, которыя при достаточныхъ успѣхахъ фізіологіи могутъ еще быть открыты нами. Ощущеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и вся духовная жизнь, можетъ остаться при этомъ ежесекундно мѣняющимся результатомъ совмѣстнаго дѣйствія безконечно многихъ, на безконечныя лады связанныхъ между собою, элементарныхъ отправленій, которыя сами по себѣ могутъ быть локализованы, подобно тому какъ локализованы трубки органа, но не его мелодіи.

Полагаемъ, что мы не уклонимся нисколько отъ слѣдствій матеріализма, если отмѣтимъ, что тотъ же механизмъ, производящій всю совокупность нашихъ ощущеній, вызываетъ безъ сомнѣнія также и наше представленіе о матеріи. Но здѣсь нѣтъ на лицо никакой гарантіи

особой его объективности. Матерія въ цѣломъ можетъ также хорошо быть по просту продуктомъ моей организаціи—должна имѣ даже быть,—какъ цвѣтъ или какое нибудь видоизмѣненіе цвѣта, вызванное явленіемъ контраста.

Изъ этого также видно, почему почти безразлично <sup>60)</sup>, говорить ли о духовной или физической организаціи, вслѣдствіе чего мы такъ часто могли употреблять нейтральное выраженіе: всякая физическая организація при разсмотрѣніи ея подъ микроскопомъ или изслѣдованіи можемъ есть все же не болѣе, какъ мое представленіе, и по существу своему не можетъ быть чѣмъ-то отличнымъ отъ того, что я вообще называю духовнымъ.

Во времена Канта сознаніе зависимости нашего міра отъ нашихъ органовъ носилось въ воздухѣ. Съ идеализмомъ епископа Берклея никогда не могли вполне справиться; однако болѣе значительнымъ и вліятельнымъ оказался идеализмъ естествоиспытателей и математиковъ. Д'Аламберъ рѣшительно сомнѣвался въ познаваемости истинныхъ объектовъ. Лихтенбергъ, который по натурѣ своей возмущался противъ всякаго, даже скрытаго догматизма, охотно возставалъ противъ системы Канта, но самостоятельно и независимо отъ Канта понялъ тотъ пунктъ, о которомъ мы ведемъ рѣчь, яснѣе, чѣмъ кто либо изъ его послѣдователей. Онтъ, который при всемъ своемъ философствованіи всегда оставался физикомъ, объявляетъ невозможнымъ опровергнуть идеализмъ. Познать внѣшніе предметы—это противорѣчіе; человѣкъ не можетъ выйти изъ самого себя. «Когда мы воображаемъ, будто видимъ предметы,—мы видимъ только самихъ себя. Мы ничто въ мірѣ не можемъ дѣйствительно познать, кромѣ самихъ себя и происходящихъ въ насъ измѣненій». «Если что нибудь дѣйствуетъ на насъ, то это дѣйствіе зависитъ не только отъ дѣйствующаго предмета, но и отъ того, который подвергается дѣйствію» <sup>61)</sup>.

Безъ сомнѣнія, именно Лихтенбергъ былъ бы въ состояніи показать намъ связующія звенья между этими умозрительными идеями и обыкновенными физическими теоріями; однако на это, какъ и на многое другое, у него не нашлось ни времени, ни желанія. Лишь довольно продолжительное время послѣ Канта въ Германіи былъ сдѣланъ первый шагъ въ этомъ направленіи, и какъ бы ясно истина ни представлялась здѣсь на одной сторонѣ, а заблужденіе — на другой, тупая традиція и по сей день старается окружить самое тривиальное заблужденіе блескомъ эмпиризма, а фактическое замѣчаніе, которое такъ же просто и полно значенія, какъ яйцо Колумба, считаетъ празднымъ умозрѣніемъ. Дѣло идетъ о теоріи перенесенія объектовъ во внѣ въ связи съ пресловутою проблемой о прямомъ видѣніи.

Иоганнъ Мюллеръ впервые, хотя и не вполне послѣдовательно, высказалъ истинное разрѣшеніе этой проблемы, указавъ на то, что въ сущности и образъ собственнаго тѣла воспринимается всецѣло въ тѣхъ же отношеніяхъ, что и образы внѣшнихъ предметовъ.

Если когда-то людямъ и было поразительно трудно мыслить твердую землю, на которой мы стоимъ—этотъ прообразъ спокойствія и постоянства—подвижною, то еще болѣе труднымъ имъ покажется видѣть въ своемъ собственномъ тѣлѣ—этомъ прообразѣ всего дѣйствительнаго—лишь простую схему представленія, продуктъ нашего оптическаго аппарата, который въ той же мѣрѣ должно отличать отъ предмета его вызывающаго, какъ и всякій другой образъ представленія.

Тѣло—только оптическій образъ?—«Вѣдь мы его видимъ»: такъ уже отвѣчать нельзя; но можно сказать: «вѣдь мы имѣемъ непосредственное ощущеніе нашей дѣйствительности!» «Долой эти праздныя умозрѣнія! Кто хочетъ осаривать, что это вотъ моя рука, которою я двигаю, благодаря моей волѣ, ощущенія которой такъ непосредственно доходятъ до моего сознанія?»

Можно по желанію продолжать эти изліянія естественнаго предразсудка. За рѣшительнымъ возраженіемъ не далеко ходить: наши ощущенія во всякомъ случаѣ должны слиться съ оптическимъ образомъ—все равно, допустимъ ли мы, что образъ тѣла не есть само тѣло, или же будемъ придерживаться наивнаго представленія о тождественности его съ объектомъ. Подвергшійся операциі слѣпорожденный долженъ сперва научиться относить свои зрительныя и осязательныя ощущенія къ одному и тому же предмету. Намъ здѣсь необходима только ассоціація идей, а эта во всякомъ случаѣ даетъ одинъ и тотъ же результатъ, что бы мы ни думали о дѣйствительности представляемыхъ тѣлъ.

Мюллеръ самъ, какъ было уже указано, не достигъ совершенной ясности, и намъ какъ будто кажется, что именно натурфилософія съ ея игрой понятіями субъекта и объекта, «я» и вѣшняго міра все еще стояла ему поперекъ дороги. Въмѣсто того правильное замѣчаніе, изъ за его гигантской парадоксальности, ставилось въ вину философін. Въ настоящее время мы много разъ наталкиваемся на такое сужденіе, что сочиненіе Мюллера о физиологіи зрѣнія (1826) является еще не зрѣлою, затемненною философскими идеями первою работою знаменитаго физиолога. Мы приведемъ поэтому рѣшающее мѣсто о прямомъ видѣніи изъ его «Руководства по физиологіи» (2 т. 1840):

«По законамъ оптики образы отражаются на сѣтчаткѣ по отношенію къ объектамъ въ обратномъ видѣ... Является такимъ образомъ вопросъ, видимъ ли мы на самомъ дѣлѣ образы такими, какіе они суть—перевернутыми, или прямыми—какъ въ объектѣ. Такъ какъ образы и возбужденныя частицы сѣтчатки—одно и то же, то на языкѣ физиологіи, вопросъ представится въ слѣдующемъ видѣ: воспринимаются ли при зрѣніи частицы сѣтчатки въ ихъ натуральномъ отношеніи къ тѣлу?»

«Мой взглядъ на дѣло, уже изложенный мною въ сочиненіи «О физиологіи зрѣнія», заключается въ томъ, что, если мы даже и видимъ все перевернутымъ, то мы только путемъ оптическихъ изслѣдованій можемъ придти къ сознанію, что мы видимъ извращенно, и что если все видится нами навыворотъ, порядокъ предметовъ этимъ нисколько не нарушается. Съ этимъ постояннымъ вращеніемъ предметовъ дѣло обстоитъ такъ же, какъ и съ вращеніемъ земли, которое мы познаемъ только тогда, когда разсматриваемъ положеніе звѣздъ,—и все же несомнѣнно, что на протяженіи двадцати четырехъ часовъ нѣчто находится по отношенію къ звѣздамъ на верху, что ранѣе было внизу. Поэтому при зрѣніи не существуетъ никакой дисгармоніи между видѣніемъ обратнаго и ощущеніемъ прямого, ибо все, въ томъ числѣ и части нашего тѣла, видимы нами перевернутыми, и все сохраняетъ свое относительное положеніе; образъ нашей осязающей руки тоже переворачивается. Мы называемъ поэтому предметы прямыми въ томъ ихъ положеніи, въ какомъ мы ихъ видимъ. Простое перемѣщеніе сторонъ въ зеркалѣ, въ которомъ правая рука занимаетъ лѣвую часть

образа, едва замѣчается, и наше чувство, когда мы сообразуемъ свои движенія по отраженію въ зеркалѣ, мало противорѣчатъ тому, что мы видимъ: наприимѣръ, когда мы по отраженію въ зеркалѣ завязываемъ узелъ на галстухѣ» и т. д.

Это разсужденіе не оставляетъ ничего желать въ смыслѣ ясности и точности, и мы настоятельно указываемъ на то, что здѣсь нѣтъ ни слѣда той игры понятіями, которая является характернымъ признакомъ натурфилософіи. Если это воззрѣніе покоится на натурфилософіи, то въ этомъ случаѣ вліяніе ея достойно одобренія. Возможно, конечно, что въ данномъ случаѣ занятіе отвлеченной философій содѣйствовало по крайней мѣрѣ Миллеру въ томъ отношеніи, что оторвало его отъ безыдейныхъ традицій. Но каковы же однако выводы?

Кто разъ позналъ ту простую истину, что воспріятіе предметовъ въ прямомъ видѣ вовсе не есть проблема, ибо зрительный образъ нашего тѣла находится въ тѣхъ условіяхъ, что и всѣ прочіе образы, — для того не должно быть и рѣчи о перенесеніи образовъ во внѣ. Почему всѣ прочіе образы должны заключаться въ единомъ образѣ тѣла?—вѣдь предметы внѣшняго міра вовсе не заключаются въ дѣйствительномъ тѣлѣ, которое по отношенію къ нашему представленію тоже вѣдь внѣшній міръ! О представленіи образовъ на мѣстѣ, гдѣ находится представленная сѣтчатка не можетъ быть, слѣдовательно, и рѣчи. Это было бы наиболѣе парадоксальное изъ возможныхъ предположеній. Какимъ образомъ такой легендарный процессъ, какъ пресловутая проекція можетъ служить для того, чтобы перенести представленные внѣшніе предметы внѣ опять-таки лишь представленной головы? Надо имѣть совершенно неясное представленіе обо всемъ отношеніи, чтобы вообще искать для этого объяснительнаго принципа. И Мюллеръ, который такъ ясно разрѣшилъ эту загадку въ главѣ объ обратномъ и прямомъ вѣдѣніи, въ слѣдующей главѣ («Направленіе зрѣнія») все таки опять возвращается къ ученію о проекціи и полагаетъ, что зрительное представленіе можетъ быть «разсматриваемо, такъ сказать, какъ перенесеніе всего поля зрѣнія сѣтчатки впередъ себя». Тутъ сѣтчатка представленная, отвлеченная отъ всѣхъ отраженныхъ образовъ и отъ явленія другихъ лицъ, или отъ анатомическихъ изслѣдованій, снова смѣшивается съ дѣйствительною сѣтчаткой. И никогда Мюллеръ не провинился бы въ такой неясности, если бы не былъ опутанъ натурфилософскими понятіями субъекта и объекта. Въ одной изъ болѣе раннихъ главъ онъ, наприимѣръ, говоритъ, что перенесеніе видимаго во внѣ есть ничто иное, какъ различеніе видимаго отъ субъекта, различеніе ощущаемаго отъ ощущающаго «я».

Ибервегъ пріобрѣлъ себѣ высокую заслугу тѣмъ, что не только вновь вызвалъ на свѣтъ несправедливо заброшенное замѣчаніе Мюллера о прямомъ зрѣніи, но и вполне выяснилъ отношеніе образа нашего тѣла къ другимъ образамъ внѣшняго міра (Henle u. Pfeuffer III, V. 268 и слѣд.). Для этой цѣли Ибервегъ пользуется очень интереснымъ сравненіемъ. Пластинка камеры-обскуры, подобно статуѣ Кондильяка, одаряется жизнью и сознаниемъ; образы ея суть ея представленія. Свой собственный образъ она столь же мало можетъ представить на пластинкѣ, какъ нашъ глазъ нашъ собственный образъ на сѣтчаткѣ. Но камера могла бы имѣть какія-нибудь выдающіяся части, членообразные придатки, которые отражались бы



на пластинкѣ и превращались бы въ представленіе. Она можетъ отражать другія, подобныя ей существа, можетъ сравнивать, дѣлать отвлеченія и такимъ образомъ получить въ концѣ концовъ представленіе о самой себѣ. Это представленіе будетъ занимать тогда какое нибудь мѣсто на пластинкѣ—то мѣсто, гдѣ обыкновенно отражаются выдающіяся части, или то, откуда эти части какъ будто исходятъ. Съ образцовою ясностью Ибервѣтъ доказалъ, что о проекціи во внѣ не можетъ быть и рѣчи, именно потому, что отраженія находятся внѣ образа, совершенно такъ же, какъ мы предметы, вызывающіе образы, должны мыслить внѣ нашего тѣла.

Изъ возрѣній Ибервега вытекаетъ то слѣдствіе, что все воспринимаемое нами пространство есть именно пространство нашего сознанія, причѣмъ остается открытымъ вопросъ, есть ли сама сѣтчатка чувствилище этихъ зрительныхъ образовъ, или его надо искать дальше въ мозгу.

Если бы мы тѣмъ временемъ желали принять, что наша чувственность измѣняетъ вещи лишь по столыку, по сколько мы можемъ почерпнуть это изъ наблюденія образа на сѣтчаткѣ, то изъ этого какъ вѣроятное возрѣніе касательно реальности вещей возникло бы до странности гигантское представленіе. Вещи вмѣстѣ съ нами самими находятся въ положеніи обратномъ тому, въ какомъ они намъ являются, и весь міръ, который я вижу, находится внутри моего мозга. За предѣлами этого послѣдняго предполагаются въ соответственномъ отношеніи дѣйствительныя вещи.

Не для того, чтобы лишить предметъ его причудливой окраски (ибо это не имѣетъ къ логическому вѣроятію никакого отношенія), а для бѣльшаго выясненія его замѣтимъ мы прежде всего, что было бы слишкомъ поспѣшно пользоваться разстояніемъ, на которомъ находится отъ насъ наиболѣе отдаленныя созвѣздія, какъ масштабомъ для измѣренія нашего чувствилища. Билліоны миль, какіе получаются для такого рода разстоянія при вычисленіи, не суть продуктъ нашей чувственности, а нашего вычитывающаго разума, и лишь благодаря дѣйствию идейныхъ ассоціацій представленіе этихъ разстояній сливается съ чувственнымъ образомъ звѣздъ. Слѣпорожденному, подвергнутому операціи, предметы зрительнаго впечатлѣнія представляются подавляюще близкими. Дитя хватается за мѣсяцъ, и даже для взрослога образъ мѣсяца или солнца находится не далѣе, чѣмъ образъ руки, прикрывающей мѣсяцъ серебрянкою монетой. Послѣдній только иначе толкуетъ образы, и это толкованіе вліяетъ конечно на непосредственное впечатлѣніе видимаго. Вся выработка покоющагося на зрѣніи пространственнаго представленія есть ассоціативный процессъ, подобный процессу слиянія осязательныхъ ощущеній съ зрительными образами. Чтобы сдѣлать это еще яснѣе, мы прибавимъ къ примѣру Ибервега еще другой примѣръ.

Въ хорошей діорамѣ иллюзія въ отношеніи къ перспективѣ образа не оставляетъ ничего желать. Я вижу передъ собой Фирвальдштетерское озеро, хорошо знакомыа испанскія вершины прибрежныхъ горъ и смеркающіяся высоты, вполне проникаюсь чувствомъ дали и величія этой грандіозной картины природы, хотя и знаю, что нахожусь въ Кельнѣ на Вольфовой улицѣ № 5, гдѣ для такихъ разстояній въ дѣйствительности не нашлось бы мѣста. Но вотъ раздается колокольчикъ часовни и

я сливаю эти звуки и этот образъ въ единство того величаво-мирнаго настроенія, которымъ я такъ часто наслаждался въ природѣ.

Теперь допустимъ, что это «я», сознание или другое воображаемое существо заключено внутри черепа и, все равно—черезъ какую среду, наблюдаетъ образъ на сѣтчкѣ, какъ картину діорамы въ чудеснѣйшей перспективѣ,—и что образъ этотъ въ то же время оживленъ, подобно образу камеры-обскуры. Предположенное мною существо все ушло въ созерцаніе; оно вообще помимо этого образа не способно ни на какое другое зрительное воспріятіе; оно не видитъ ни себя ни той среды, чрезъ которую оно созерцаетъ. Но зато это воображаемое существо способно воспринимать впечатлѣнія другого рода: оно слышитъ, чувствуетъ и т. д. — Что же произойдетъ? Звукъ, вѣроятно, весьма легко сольется съ зрительнымъ образомъ. Если въ нѣкоторой гармоніи съ соответствующимъ звукомъ на образѣ будетъ качаться колокольчикъ—ассоціація готова. О себѣ самомъ, какъ о зрителѣ и слушателѣ, наше существо, конечно, и такимъ образомъ ничего не узнаетъ.

Идемъ далѣе. Допустимъ, что это существо также ощущаетъ, но ощущеніе доставляетъ ему при этомъ лишь периферическія представленія, такъ что оно ничего не знаетъ о собственномъ своемъ положеніи и ближайшихъ къ нему частяхъ мозговаго черепа. И вотъ оно замѣчаетъ въ своей діорамѣ образъ, движенія котораго находятся въ полной гармоніи съ его ощущеніями,—члены котораго содрогаются, когда онъ чувствуетъ боль, растягиваются, когда у него возникаетъ желаніе. Этотъ образъ находится на первомъ планѣ сцены. Его странная, не вполне связанная между собою части проходятъ часто, какъ исполненскія тѣни, по всему полю зрѣнія.

Выступаютъ другіе образы; они въ перспективѣ меньше, очень схожи, но при этомъ болѣе полны, болѣе связаны, нежели то большое существо на переднемъ планѣ, съ которымъ неразрывно соединены ощущенія страданія и удовольствія. Предположенное нами существо сочетаетъ, абстрагируетъ и такъ какъ оно о самомъ себѣ не знаетъ ничего, кромѣ ощущенія, то его ощущенія сливаются съ большимъ неполнымъ образомъ на переднемъ планѣ зрительнаго поля; но путемъ сравненія съ другими образами этотъ образъ ретро-спективно восполняется въ представленіи. Теперь у насъ «я», тѣло, внѣшній міръ, перспектива—все какъ слѣдуетъ—разсмотрѣнные съ точки зрѣнія нѣкотораго рода души, которая путемъ идейныхъ ассоціацій приходитъ къ понятію «я», не зная ничего о своей истинной сущности. Пока понятіе «я», какъ это первоначально бываетъ у человѣка, совершенно неотдѣлимо отъ понятія тѣла, и это тѣло есть тѣло въ діорамѣ, тѣло образа на сѣтчкѣ, слитое съ тѣломъ осязательныхъ ощущеній, ощущеній страданія и удовольствія.

Кто не слѣдилъ строго за ходомъ нашихъ мыслей, можетъ подумать, что мы неожиданно хотимъ принять Лотцевскую точечную душу; но пусть читатель твердо помнитъ, что мы допустили только фикцію. Мы олицетворили процессъ, и процессъ этотъ есть ничто иное, какъ сліяніе чувственныхъ впечатлѣній. Посредникъ здѣсь излишенъ. Что цѣлая душевная жизнь, въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы обыкновенно понимаемъ это слово, можетъ быть построена изъ ощущеній въ ихъ безконечной постепенности, многообразіи и сложности—это мы видѣли прежде. Здѣсь же достаточно замѣтить, что мы не усматриваемъ даже надобности въ единомъ

объединяющемъ пунктѣ, чтобы слить между собою функціи всѣхъ чувствилищъ, въ случаѣ, если ихъ много—разъ только вообще существуетъ соединеніе.

Если бы отдѣльныя чувствилища не были соединены въ мозгу, то передъ нами была бы не только метафизическая загадка: тогда, какъ это было нами выяснено въ отдѣлѣ «мозгъ и душа», и механическое пониманіе человѣка, въ качествѣ простаго природнаго существа, стало бы невозможнымъ. А если соединеніе вообще существуетъ, для чего нѣтъ надобности ни въ какомъ объединяющемъ центральномъ пунктѣ, ни въ какихъ готовыхъ «образахъ» въ мозгу, то остается одна лишь метафизическая загадка: какъ изъ множественности атомныхъ движеній возникаетъ единство психическаго образа? Мы считаемъ эту загадку, какъ уже часто было нами замѣчено, неразрѣшимую; однако, настолько во всякомъ случаѣ ясно, что она будетъ такъ же велика и того же рода—принять ли для механическаго объединенія раздраженій въ образъ какой нибудь матеріальный центръ, или нѣтъ. Если мы назовемъ актъ перехода физической множественности въ психическое единство синтезомъ, то синтезъ этотъ остается одинаково непонятнымъ, относится ли онъ къ объединенію множества отдѣльныхъ пунктовъ готоваго образа, или къ однимъ только разсѣянными въ пространствѣ условіямъ этого образа. Картезіанскѣе и спиновское созерцаніе мозговыхъ образовъ съ помощью души,—если только удалить извѣстную уловку, къ которой прибѣгаетъ предразсудокъ, помѣщающій въ человѣкѣ новаго человѣка,—представляется столь же непонятнымъ, какъ возникновеніе психическаго образа прямо изъ его физическихъ условій.

Конечно, если человѣкъ стоитъ въ раздумьи передъ ткацкимъ станкомъ и пытается изъ его механизма и изъ того способа, какимъ нитки натянуты въ основѣ, представить себѣ рисунокъ ткани, то это стоитъ ему большихъ усилій, чѣмъ если бы онъ разсматривалъ рисунокъ прямо на готовой ткани. Но такъ какъ воззрѣніе возникаетъ такимъ образомъ, что поверхность ткани переходитъ сначала во множество впечатлѣній въ отдѣльныхъ нервахъ, и такъ какъ этотъ переходъ необходимъ для того, чтобы сдѣлать возможнымъ въ мозгу величайшее многообразіе соединеній съ другими чувственными впечатлѣніями, то мало поможетъ дѣлу, если гдѣ либо въ мозгу снова возникнетъ изъ этихъ отдѣльныхъ впечатлѣній физическій образъ ткани. Въдъ образъ этотъ, чтобы войти въ механизмъ ассоціацій, необходимо долженъ снова раствориться. Слѣдовательно, возникновеніе психическаго образа—т.е. сознаваемаго субъектомъ воззрѣнія—столь же легко и даже легче можетъ быть сведено на прямой синтезъ отдѣльныхъ впечатлѣній, если даже эти послѣднія и разсѣяны въ мозгу. Какъ возможенъ такой синтезъ, остается загадкой; есть даже основаніе думать, что вся эта гипотеза возникновенія единаго психическаго образа изъ множества отдѣльныхъ раздраженій—только недостаточная форма представленія, которою мы вынуждены удовлетвориться; однако, ясно во всякомъ случаѣ, что такого рода синтезъ намъ необходимъ для того, чтобы установить связь между атомными процессами и сознаніемъ. Но именно поэтому нѣтъ никакого смысла еще разъ повторять вещи въ мозгу, или, точнѣе говоря, помѣщать для продукта синтеза—представленія вещи—еще одинъ уменьшенный образъ въ представленный мозгъ.

Ибервегъ, впрочемъ, выходилъ изъ затрудненія иначе. Онъ былъ про-

тивникомъ атомизма, и непрерывность матеріи казалась ему достаточною объединяющею связью для представленийъ. Для того, чтобы созерцать мозговые образы, ему не надо было члѣвика внутри члѣвика. Онъ приписывалъ этимъ образамъ «сознательность»—и представленія были готовы. Правда, онъ нуждался для этого въ предположеніи, съ которымъ анатомія никакъ примириться не желаетъ: онъ именно вынужденъ былъ предположить гдѣ нибудь въ мозгу «неорганизованную субстанцію», въ которой уложены представленія, и благодаря всесторонней проводимости этой субстанции представленія могутъ быть приведены въ соединеніе со всѣми прочими ощущениями. Объ этотъ постулатъ разбивается вся теорія, которая, впрочемъ, уязвима еще и во многихъ другихъ пунктахъ. Мы поэтому не послѣдуемъ за Ибервегомъ и тогда, когда онъ, вѣрный своему принципу, принимаетъ существованіе міра вещей въ себѣ, у котораго три пространственныхъ измѣренія, который наполненъ способно къ ощущенію матеріей, и вещи котораго надо мыслить мало отличными отъ вещей нашего представленія. Но съ Ибервегомъ—какъ бы ни противились этому метафизики—необходимо согласиться въ томъ, что наши представленія, если только не употреблять этого слова въ смыслъ «actus purus», имѣютъ протяженіе, ибо являющіяся вещи именно и суть наши представленія. Но что они вслѣдствіе этого матеріальны—этого утверждать нельзя, ибо непосредственно даны намъ одни только представленія; матерія же, мыслимая ли въ видѣ атомовъ, или какъ нѣчто непрерывное, есть во всякомъ случаѣ фиктивный вспомогательный принципъ съ цѣлью привести явленія въ непрерывную связь причины и дѣйствія.

Если къ міропредставленію Ибервега приложить метафизическую критику, то конечно этотъ страанный гигантскій міръ вещей въ себѣ исчезаетъ какъ туманный образъ, ибо, разъ пространство есть только форма нашего воззрѣнія, то вещи въ себѣ были и остаются безусловно неизнаваемыми. Но если обратиться къ матеріалистическому представленію о вещахъ, находящихся внѣ насъ, то гигантскій міръ Ибервега снова и вполне законно появляется въ перевернутомъ положеніи. И такъ какъ ни одна черта матеріализма не является до такой степени общераспространенною, какъ вѣра въ матеріальныя, существующія сами по себѣ вещи, и привычка предполагать эти вещи даже тогда, когда въ нихъ не вѣришь, то парадоксальное ученіе Ибервега, кромѣ метафизическаго значенія, имѣетъ еще значеніе дидактическое. Метафизическое значеніе ограничивается системой Ибервега; дидактическое же играетъ роль и при всякой другой системѣ, поскольку допускается предположеніе матеріальнаго, существующаго самого по себѣ міра вещей—но меньшей мѣрѣ въ качествѣ вспомогательнаго представленія для объединенія явленій. Во всякомъ случаѣ ложное ученіе о проекціи подѣляется здѣсь въ самомъ корнѣ.

Гельмгольцъ замѣчаетъ, что споръ о причинѣ прямого видѣнія имѣетъ только психологическій интересъ: «Онъ показываетъ, съ какимъ трудомъ люди даже со значительными научными способностями соглашаются признать дѣйствительнымъ и существеннымъ субъективный моментъ въ нашихъ чувственныхъ впечатлѣніяхъ и видѣть въ нихъ дѣйствіе объектовъ, а не неизмѣнныя отраженія (*sit venia verbo*) объектовъ—понятіе, которое уже само по себѣ противорѣчиво». Мюллери-Ибервеговскую теорію Гельмгольцъ отвергаетъ, не оспаривая при этомъ ея послѣдовательности

и сравнительной корректности <sup>62)</sup>. Конечно, теория эта болѣе не нужна, если привыкнуть къ тому, чтобы разсматривать явленія только какъ дѣйствія объектовъ (т. е. неизвѣстныхъ вещей въ себѣ!) на нашу чувственность; но огромное болшинство нашихъ теперешнихъ физиковъ и физиологовъ не только не можетъ возвыситься до этой точки зрѣнія, но и завязло глубоко въ ложномъ проекціонномъ ученіи, имѣющемъ свои корни въ томъ, что наше собственное тѣло возводится въ вещь самоѣ по себѣ. Чтобы подорвать это заблужденіе въ корнѣ нѣтъ ничего лучше Мюллера-Ибервеговской теории, которая, конечно, въ свою очередь уничтожается болѣе высокою точкой зрѣнія критической теории познанія <sup>63)</sup>.

Не менѣе основательно, чѣмъ устраненіе стараго проекціоннаго ученія, разрушается вѣра въ матеріальныя вещи изслѣдованіемъ той матеріи, изъ которой наши чувства выстраиваютъ міръ этихъ вещей. Кто не отвѣживается сдѣлать вмѣстѣ съ Чолемъ самые крайніе выводы изъ вѣры въ міръ явленій, тотъ въ настоящее время легко согласится съ тѣмъ, что краски, звуки, запахи и т. п. не принадлежатъ вещамъ самимъ по себѣ, а суть своеобразныя формы возбужденія нашихъ чувствъ, вызываемыя въ насъ соотвѣтственными, но качественно весьма различными процессами во внѣшнемъ мірѣ. Насъ завело бы слишкомъ далеко, если бы мы пожелали напомнить о безчисленныхъ фактахъ, подтверждающихъ это ученіе; намъ необходимо указать только на нѣсколько обстоятельствъ, которыя проникаютъ глубже, нежели большая часть физическихъ и физиологическихъ наблюденій.

Прежде всего замѣтимъ, что основной принципъ чувственныхъ аппаратовъ, особенно глаза и уха, заключается въ томъ, что изъ хаоса всякаго рода колебаній и движеній, которыми мы необходимо должны мыслить наполненными окружающія насъ среды, извѣстныя формы, движенія, повтореннаго въ опредѣленныхъ пропорціяхъ выдѣляются, сравнительно усиливаются и такимъ образомъ переводятся въ воспріятіе, между тѣмъ какъ всѣ прочія формы движенія проходятъ, не оказавъ никакого вліянія на ощущеніе. Такимъ образомъ надо прежде всего указать не только на то, что цвѣтъ, звуки и т. д. суть процессы въ субъектѣ, но и на то, что соотвѣтствующія имъ движенія вовсе не имѣютъ во внѣшнемъ мірѣ того значенія, которое они необходимо получаютъ для насъ вслѣдствіе дѣйствія на наши чувства.

Пропадающій для нашего уха высокій звукъ и неслышное уже колебаніе воздуха въ объектѣ не раздѣлены такою пропастью, какая существуетъ между уловимымъ и неуловимымъ для слуха. Ультра-фіолетовыя лучи пропадаютъ только для насъ, и всѣ безчисленные процессы въ матеріи, о которыхъ мы узнаемъ только косвеннымъ путемъ—электричество, магнетизмъ, тяготѣніе, напряженія сродства, сѣпленія и т. д.—оказываютъ вліяніе на положеніе матеріи, какъ и непосредственно воспринимаемыя колебанія. Если представить себѣ атомы, то эти послѣдніе не только не въ состояніи свѣтить, звучать и т. д.,—въ дѣйствительности они не обладаютъ даже формами движенія, соотвѣтствующими воспринимаемымъ нами цвѣтамъ и звукамъ; они, напротивъ, обладаютъ нѣкоторыми въ высокой степени сложными формами движенія, которыя получаются изъ безчисленнаго множества другихъ движеній. Аппараты нашихъ чувствъ суть аппараты отвлеченія; они представляютъ намъ

какоенибудь значительное дѣйствіе формы движенія, которая въ объектѣ самомъ по себѣ даже и не существуетъ.

Если намъ скажутъ, что отвлеченіе вѣдь и въ мышленіи ведетъ къ познанію истины, то мы замѣтимъ, что это вѣрно лишь относительно—поскольку именно рѣчь идетъ о познаніи, съ необходимостью вытекающемъ изъ нашей организаціи и поэтому никогда себѣ не противорѣчащемъ. Мы направляемъ ударъ въ противоположную сторону, объясняя еще притомъ по матеріалистическому методу такъ называемое сверхчувственное—мышленіе,—чувственнымъ. Если отвлеченіе, которое вызываютъ наши органы чувствъ своими палочками, трубочками, кортиевыми волокнами и т. д., есть, какъ доказано, дѣятельность, приводящая по устраненіи множества всякаго рода воздѣйствій къ весьма одностороннему міропредставленію, обусловленному строеніемъ нашихъ органовъ, то надо полагать, что то же относится и къ отвлеченію въ мышленіи.

Новѣйшее наблюденіе открыло весьма интересныя отношенія между представленіемъ и якобы непосредственнымъ чувственнымъ воспріятіемъ, и по временамъ довольно бесплодно спорили о томъ, должно-ли наблюдаемый фактъ объяснять физиологически или психологически. Также и относительно стереоскопическаго видѣнія. Для основныхъ вопросовъ, интересующихъ насъ здѣсь, весьма безразлично, сохраняетъ ли, напримѣръ, ученіе о тождественныхъ мѣстахъ сѣтчатки свое значеніе при объясненіи явленій, или не сохраняетъ. Исслѣдователямъ чисто физическаго, хотя бы и не матеріалистическаго направленія непріятно сводить къ столь неясной съ виду вещи какъ «представленіе» фактъ непосредственной, повидимому, дѣятельности чувствъ. Они охотнѣе предоставляютъ подобныя теоріи философамъ и стремятся отыскать механизмъ, вызывающій явленіе съ необходимостью. Но если допустить, что они нашли таковой механизмъ, то этимъ вовсе не было бы доказано, что явленіе не имѣетъ ничего общаго съ «представленіемъ»; наоборотъ, это было бы важнымъ шагомъ къ тому, чтобы объяснить механически самый процессъ представленія. Болѣе ли, или менѣе удовлетворительно такого рода объясненіе—пока безразлично; точно также безразлично, прирожденъ ли механизмъ, который надлежитъ открыть, или онъ возникаетъ вмѣстѣ съ опытомъ и съ нимъ же видоизмѣняется. Зато необыкновенно важно то, что такія основы чувственности, какъ тѣлесное видѣніе, явленіе блеска, гармонія и дисгармонія звуковъ и т. п., можно разложить на ихъ условія и представить какъ продуктъ различныхъ факторовъ. Этимъ само наше доселѣшнее пониманіе тѣлеснаго и чувственнаго должно постепенно измѣниться. Пока совершенно все равно, будутъ ли явленія чувственнаго міра сведены къ представленію или къ механизму органовъ, лишь бы только они представлялись продуктами нашей организаціи въ широкомъ смыслѣ слова. Какъ скоро это доказано будетъ не только по отношенію къ отдѣльнымъ явленіямъ, но и въ достаточно общей формѣ, явится слѣдующій рядъ выводовъ:

1. Чувственный міръ есть продуктъ нашей организаціи.
2. Наши видимые (тѣлесные) органы суть подобно всѣмъ другимъ частямъ міра явленій только образы нѣкаго неизвѣстнаго предмета.
3. Вслѣдствіе этого трансцендентная основа нашей организаціи остается для насъ столь же неизвѣстною, какъ и вещи, воздѣйствующія на нее. Мы имѣемъ всегда только продуктъ того и другого.

Мы сейчас придемъ къ дальнѣйшему ряду выводовъ. А пока еще нѣсколько замѣчаній о связи чувственного впечатлѣнія съ представленіемъ.— При стереоскопическомъ видѣніи мы оставили нерѣшеннымъ вопросъ о томъ, гдѣ собственно находится механика относящихся сюда явленій. Но мы имѣемъ однако группу въ высшей степени замѣчательныхъ явленій, въ которыхъ вмѣстительство умозаключенія, притомъ ошибочнаго, въ непосредственное чувственное ощущеніе представляется несомнѣннымъ. Извѣстно, что мѣсто вхожденія зрительнаго нерва въ глазу нечувствительно къ свѣту; оно образуетъ на сѣтчаткѣ слѣпое пятно, котораго мы впрочемъ не сознаемъ. Не только одинъ глазъ восполняетъ то, чего недостаетъ другому—въ противномъ случаѣ всякій кривоглазый зналъ бы о своемъ слѣпомъ пятнѣ: тутъ является еще восполненіе существенно иного рода.

Однообразно окрашенная поверхность, на которой нанесено пятно какой нибудь другой окраски, представляется вся въ основномъ цвѣтѣ, если надлежащею установкой глазной оси заставить это пятно упасть на слѣпое пятно сѣтчатки. Привычка восполненія поверхности представляется здѣсь такимъ образомъ непосредственно какъ чувственное цвѣтовое ощущеніе. Если основной цвѣтъ красный, то и на слѣпомъ мѣстѣ видно—правильно понимая это выраженіе—красное. Это ощущеніе нельзя свести ни къ отвлеченному предположенію, будто точку эту невозможно отличить отъ всей поверхности, ни къ легко различимой природѣ фантастическаго образа; здѣсь мы постольку ясно, постольку вообще можно видѣть мѣстомъ сѣтчатки, довольно отдаленнымъ отъ желтаго пятна, видимъ цвѣтъ, который благодаря одному лишь устройству внѣшняго органа на этомъ мѣстѣ никоимъ образомъ не могъ явиться.

Экспериментъ этотъ видоизмѣняли на разные лады. На бѣлой поверхности наводится черная черта, и середину ея направляютъ на слѣпое пятно: черта представляется непрерывной—все равно, непрерывна ли она въ дѣйствительности, или прервана на слѣпомъ мѣстѣ. Глазъ какъ бы дѣлаетъ вѣроятное заключеніе, выводъ изъ опыта, несовершенную индукцію. Мы говоримъ: глазъ дѣлаетъ это заключеніе. Мы умышленно не употребляемъ болѣе опредѣленнаго выраженія, ибо хотимъ лишь кратко обозначить имъ тотъ общій кругъ приспособленій и процессовъ отъ центральнаго органа до сѣтчатки, которому приписывается и актъ зрѣнія. Мы методически не считаемъ возможнымъ раздѣлять въ данномъ случаѣ заключеніе и зрѣніе какъ два особые акта. Это можно дѣлать только въ отвлеченіи. Если не прибѣгать къ искусственному толкованію дѣйствительнаго процесса, то въ данномъ случаѣ самый актъ зрѣнія есть актъ заключенія, и заключеніе это дѣлается въ формѣ зрительнаго представленія, подобно тому какъ въ другихъ случаяхъ оно дѣлается въ формѣ словами выраженныхъ понятій.

Что здѣсь видѣніе и заключеніе дѣйствительно одно и то же, доказываетъ уже то соображеніе, что вѣдь одновременно съ этимъ посредствомъ понятій дѣлается съ совершенною достовѣрностію другое заключеніе, противоположное тому, которое дается непосредственнымъ чувственнымъ явленіемъ. Если бы органу зрѣнія было присуще только лишь чувственное ощущеніе, какъ таковое, если бы всякое заключеніе совершалось въ особомъ органѣ мышленія, то трудно было бы объяснить это противорѣчіе между однимъ заключеніемъ и другимъ, уже не говоря объ особенной трудности, какую

представляетъ безсознательное мышленіе. Эта послѣдняя трудность даже скорѣе получаетъ общее разрѣшеніе, если предположить, что нѣкоторые процессы, тождественные по своимъ условіямъ и результату съ умозаключеніемъ, могутъ быть слиты воедино съ простою чувственною дѣятельностью.

Какъ велико въ самомъ дѣлѣ единство актовъ заключенія и зрѣнія въ этихъ явленіяхъ, показываетъ успѣхъ, достигнутый такимъ видоизмѣненіемъ вышеприведеннаго опыта, благодаря которому какъ бы обращено вниманіе самого глаза на недостаточность его предпосылокъ. Составляютъ крестъ изъ различныхъ цвѣтовъ и точку, гдѣ одинъ цвѣтъ показываетъ другой—т. е. точку пересѣченія двухъ линій—направляютъ на слѣпое пятно. Какая же изъ частей должна восполнить представленіе, — вѣдь у обѣихъ на это равное право? Обыкновенно предполагаютъ, что въ данномъ случаѣ возьметъ перевѣсъ тотъ цвѣтъ, который производитъ болѣе сильное психическое впечатлѣніе, или же, что черты будутъ попеременно представляться непрерывными. Правда, эти явленія происходятъ, но они уже съ самаго начала менѣе ясны, чѣмъ въ простомъ экспериментѣ, и при частомъ повтореніи и измѣненіи опыта въ концѣ концовъ видѣніе на этомъ мѣстѣ совершенно прекращается. Уже болѣе не удается видѣть непрерывно ни ту, ни другую часть креста. Глазъ какъ будто приходитъ къ сознанию, что на этомъ мѣстѣ нечего видѣть, и исправляетъ свою первоначальную ошибку.

Не могу не указать здѣсь на то, что послѣ весьма долгаго занятія этими опытами я вообще замѣчалъ уменьшеніе первоначальной свѣжести восполняемыхъ цвѣтовъ или формъ; глазъ и въ болѣе простыхъ экспериментахъ становился какъ будто недовѣрчивымъ. Послѣ долгаго перерыва опытовъ первоначальная увѣренность въ выполненіи снова восстанавливалась.

Дробишь придавалъ особенное значеніе тому, что Гелмгольцъ выводитъ чувственные воспріятія изъ психическихъ отпращиваній; въ этомъ, по его мнѣнію, заключается не болѣе ни менѣе, какъ «опроверженіе матеріализма». Но если Гелмгольцъ намъ показываетъ, что воспріятія возникаютъ такимъ образомъ, какъ если бы они слагались путемъ заключеній, то на это можно отвѣтить слѣдующими двумя положеніями:

1. До сихъ поръ мы для своеобразныхъ особенностей воспріятія всегда находили физическія условія, поэтому мы должны предположить, что и аналогія съ заключеніями покоится на физическихъ условіяхъ.

2. Если въ чисто чувственной области, гдѣ для всякаго явленія должно предполагать органическія условія, встрѣчаются процессы, по существу своему сродные съ умозаключеніями, то этимъ становится гораздо вѣроятнѣе то, что и умозаключенія покоятся на физическомъ механизмѣ.

Если бы во всемъ этомъ не было еще и совершенно другой стороны, то матеріализмъ въ относящихся сюда изслѣдованіяхъ нашелъ бы только новую опору. Время, когда каждую мысль представляли себѣ выдѣленіемъ особой части мозга или колебаніемъ извѣстнаго волокна, прошло. Теперь необходимо свыкнуться съ пониманіемъ различныхъ мыслей какъ различныхъ формъ отпращиванія однихъ и тѣхъ же разнообразно дѣйствующихъ органовъ. Что же могло быть больше на руку матеріализму, если не указаніе, что во время чувственныхъ воспріятій въ нашемъ тѣлѣ происходятъ совершенно безсознательно процессы, которые въ своемъ результатѣ вполне сходятся съ умозаключеніями? Не сдѣланъ ли



этимъ значительный шагъ къ матеріальному объясненію высшихъ отправленій разума — по крайней мѣрѣ отчасти матеріальному? Но если къ матеріалистамъ подходить съ безсознательнымъ мышленіемъ, то у нихъ противъ этого не только орудіе здраваго человѣческаго разсудка, усматривающаго противорѣчіе въ безсознательной функціи «души», но они могутъ тутъ же сдѣлать слѣдующее заключеніе: что безсознательно, то по природѣ своей необходимо тѣлесно, ибо все наше предположеніе души основано на одномъ лишь сознаніи. Разъ тѣло безъ сознанія можетъ совершать логическія операціи, которыя доселѣ полагали возможнымъ приписывать только сознанію, то оно, значить, можетъ сдѣлать труднѣйшее, на что только способна душа. Если такъ, то ничто уже не препятствуетъ намъ считать качествомъ тѣла и сознаніе.

Единственный путь, который несомнѣнно выводитъ за эти односторонности матеріализма, это слѣдствіи изъ него самого. Пусть въ тѣлѣ имѣется физическій механизмъ, который производитъ заключеніе разума и чувствъ — тогда мы прямо стоимъ передъ вопросами: что есть тѣло? что есть вещество? что есть физическое? И теперешняя физиологія, совершенно такъ же, какъ и философія, должна отвѣтить на эти вопросы тѣмъ, что все это суть только наши представленія—необходимыя представленія, возникающія согласно естественнымъ законамъ, но во всякомъ случаѣ не вещи въ себѣ.

Послѣдовательное матеріалистическое возрѣніе тѣмъ самымъ тотчасъ же превращается въ послѣдовательно идеалистическое. Нѣтъ основанія предполагать въ нашей душѣ какой бы то ни было расколъ. Мы не должны приписывать нѣкоторыя функціи нашего существа физической природѣ, другія—психической; напротивъ—мы имѣемъ полное право предполагать для всего, даже для механизма мышленія, физическія условія и не успокаиваться до тѣхъ поръ, пока мы ихъ не нашли. Но мы не менѣе правы, когда разсматриваемъ не только являющійся намъ внѣшній міръ, но и органы, которыми мы его воспринимаемъ, лишь какъ образы истинно существующаго. Глазъ, которымъ, какъ намъ кажется, мы видимъ, есть самъ только продуктъ нашего представленія, и когда мы находимъ, что наши зрительные образы обусловлены устройствомъ глаза, то мы никогда не должны забывать, что и глазъ съ его приспособленіями, и глазной нервъ съ мозгомъ и всѣми тканями, какія мы только желали бы найти какъ причины мышленія, — что все это суть только представленія, образующія правда замкнутый въ себѣ міръ, но все же міръ, указывающій на нѣчто внѣ его лежащее. При этомъ, конечно, еще подлежитъ изслѣдованію, поскольку вѣроятно то, что міръ явленій такъ абсолютно отличается отъ міра вызывающихъ эти явленія вещей, какъ это, напри- мѣръ, полагалъ Кантъ, который смотрѣлъ на пространство и время только какъ на человѣческія формы возрѣнія,—или же мы имѣемъ основаніе предполагать, что по крайней мѣрѣ матерія съ ея движеніями объективно существуетъ и есть причина всѣхъ другихъ явленій, какъ бы эти явленія ни отличались отъ дѣйствительныхъ формъ вещей. Безъ объективности пространства и времени никоимъ образомъ невозможно мыслить что либо похожее на нашу матерію и движеніе. Послѣ этого послѣднимъ спасеніемъ матеріализма является утвержденіе, что пространственный и временный порядокъ присущъ вещамъ самимъ по себѣ.

Если оставить въ сторонѣ нравственное доказательство дѣйстви-

тельности міра явленій, какое мы находимъ у Чольбо, то ни одинъ изъ нашихъ матеріалистовъ не попытался привести такое доказательство; но мы находимъ достойную вниманія, хотя и неосновательную, на нашъ взглядъ, попытку въ логикѣ Ибервега, §§ 38 — 44. Ибервегъ справедливо оспариваетъ тотъ способъ, какимъ Кантъ отличаетъ пространство и время какъ формы воспріятія отъ его содержанія. Затѣмъ онъ сходитъ изъ положенія, что внутреннее воспріятіе можетъ познать свои объекты матеріально истинно, какъ они суть сами по себѣ. Съ образцовою ясностью онъ отличаетъ сущность ощущенія отъ сущности вещей, которыми оно вызывается. Только сущность психическихъ образованій въ нашемъ собственномъ сознаніи можемъ мы, полагаетъ Ибервегъ, познать именно такую, какъ она въ дѣйствительности. А такъ какъ нашъ внутренній опытъ протекаетъ во времени, то онъ дѣйствительность времени считаетъ доказанною. Временный же порядокъ предполагаетъ законы математики, эти же предполагаютъ пространство съ тремя измѣреніями, чѣмъ и заканчивается ходъ доказательства.

Помимо того, что основное положеніе, по крайней мѣрѣ, по скольку оно касается воспроизведенія, подлежитъ справедливому сомнѣнію, совершенно ясная ошибка, заключается, по моему, въ томъ, что реальность времени въ насъ переносится на реальность времени внѣ насъ. Въ насъ реально не только время, но и пространство, и для этого совершенно не требуется связи съ математическими законами. Конечно, мы изъ связи вещей въ насъ съ необходимостью должны заключить о соответствующей связи вещей внѣ насъ; однако это отношеніе вовсе не непременно есть совпаденіе. Подобно тому какъ колебанія математически выраженного міра явленій относятся къ цвѣтамъ непосредственно видимаго міра, точно также могло бы сложиться и отношеніе между непостижимымъ для насъ порядкомъ вещей къ пространственно-временному порядку, господствующему въ нашихъ воспріятіяхъ<sup>64)</sup>.

Солице, мѣсяцъ и звѣзды со всѣми ихъ правильными движеніями и всей вселенной суть вѣдь, по собственному гениальному замѣчанію Ибервега, не отраженные во внѣ образы, а элементы, какъ бы части нашего внутреннего существа. Когда Ибервегъ говоритъ, что это суть образы въ нашемъ мозгу, то тутъ не слѣдуетъ забывать, что мозгъ нашъ тоже есть только образъ или отвлеченіе отъ образа, возникшаго по законамъ, которыми управляются наши представленія. Совершенно въ порядкѣ вещей, что для упрощенія научнаго мышленія остававливаются обыкновенно на этомъ образѣ; однако никогда не слѣдуетъ забывать, что мы здѣсь имѣемъ только отношеніе остальныхъ представленій къ представленію мозга, но вовсе не твердый пунктъ внѣ субъективной области. За этотъ кругъ невозможно выйти иначе, какъ путемъ предположеній, которыя тоже вѣдь должны подчиниться обыкновеннымъ правиламъ логики вѣроятности.

Теперь для насъ ясно, какъ велика разница между непосредственно видимымъ объектомъ и объектомъ, мыслимымъ по теоріямъ физики; мы уже въ узкой области, въ границахъ которой одно явленіе можетъ исправлять и дополнять другое, видимъ, какимъ огромнымъ измѣненіямъ подверженъ объектъ, когда онъ со своими дѣйствіями переходитъ изъ одной среды въ другую: не должны ли мы изъ этого заключить, что переходъ дѣйствій вещи въ себѣ въ среду нашего бытія, вѣроятно, тоже сопряженъ со значительными, можетъ быть, несравненно болѣе значительными преобразованіями?

Математическіе законы ничего тутъ измѣнить не могутъ.

Чтобы сдѣлать это яснымъ, вообразимъ себѣ существо, представляющее себѣ пространство только въ двухъ измѣреніяхъ. Будемъ его мыслить совершенно по аналогіи съ Ибервеговскою одушевленною пластинкой камеры. Развѣ не было бы и для такого существа математической связи явленій, хотя оно никогда не въ состояніи было бы постигнуть идеи нашей стереометри? Относительно дѣйствительное пространство, т. е. наше пространство съ его тремя измѣреніями можетъ быть въ противоположность міру явленій представлено какъ «вещь въ себѣ». Тогда математическая связь между міромъ явленій этого существа и міромъ, вызывающимъ эти явленія, останется нерушимой, и тѣмъ не менѣе изъ плоскостей проекціи въ сознаниі послѣдняго нельзя будетъ вывести заключенія о природѣ вещей въ себѣ.

Легко видѣть, что возможны также и существа съ пространственно—образными воззрѣніями болѣе чѣмъ трехъ измѣреній, хотя мы такого рода существа не можемъ представить себѣ вполне наглядно <sup>65</sup>).—Излишне перечислять далѣе такія возможности; будетъ вполне достаточно отмѣтить, что ихъ имѣется безконечное множество, и что поэтому примѣнимость нашего представленія пространства и времени къ вещи въ себѣ является крайне сомнительною. Послѣ этого не возможно уже отстаивать матеріализмъ въ какой бы то ни было формѣ; ибо если даже наше изслѣдованіе, ограниченное предѣлами чувственного созерцанія, и должно съ неизбѣжною послѣдовательностью стараться отыскать для каждаго духовнаго движенія соотвѣтствующій процессъ въ веществѣ, то все же само это вещество со всѣмъ тѣмъ, что изъ него образуется, есть только отвлеченіе отъ нашихъ представленій. Споръ между тѣломъ и духомъ разрѣшенъ въ пользу послѣдняго, и этимъ только вполне обезпечено истинное единство существующаго. Ибо, тогда какъ матеріализмъ всегда встрѣчалъ непреодолимое препятствіе въ объясненіи того, какимъ образомъ изъ матеріальнаго движенія возникаетъ сознательное ощущеніе, намъ нисколько не трудно мыслить, что все наше представленіе о веществѣ и его движеніяхъ есть только результатъ организаціи чисто духовныхъ задатковъ ощущенія.

Поэтому Гельмгольцъ совершенно правъ, сводя чувственную дѣятельность къ своего рода умозаключенію.

Мы же съ своей стороны правы, указывая, что этимъ исканіе физическаго механизма какъ для ощущенія, такъ и для мышленія вовсе не становится излишнимъ или недопустимымъ <sup>66</sup>).

Въ концѣ же концовъ мы все-таки убѣждаемся, что такой механизмъ, подобно всякому другому представленному механизму, самъ по себѣ опять таки можетъ быть только вслывающимъ съ необходимостью образомъ неизвѣстнаго положенія вещей.

«Если мы и не созерцаемъ тѣлесными нашими чувствами строенія атомистическаго міра, то все же мы мыслимъ его по типу нагляднаго представленія, строимъ его процессы нагляднымъ образомъ; въ самомъ дѣлѣ, что другое дѣлаемъ мы, когда переносимъ съ необходимостью допущенные атомы во время и пространство и изъ ихъ состоянія равновѣсія и разнообразныхъ движеній объясняемъ дѣйствіе массъ?»

«Какъ матерія вообще, такъ и составляющіе ее атомы суть только явленіе, представленіе, и относительно атомовъ, какъ и относительно видимой матеріи, умѣстно спросить, что они представляютъ изъ себя помимо

явленія, помимо представленія, что они суть сами по себѣ—что испоконъ вѣку получило въ нихъ свое выраженіе».

Этимъ словами Рокитанскій <sup>67)</sup> подготавливаетъ тотъ взглядъ, что именно атомистическая теорія поддерживаетъ идеалистическое міровоззрѣніе; а мы можемъ прибавить, что именно сведеніе всего психическаго къ мозговому и нервному механизму есть вѣрнѣйшій путь къ познанію того, что здѣсь замыкается дуга нашего познаванія, оставляя при этомъ въ сторонѣ, что есть духъ самъ по себѣ. Чувства какъ говоритъ Гелмгольцъ, даютъ намъ дѣйствія вещей, а не точные образы, или сами вещи. Но къ этимъ же простымъ дѣйствіямъ относятся и сами органы чувствъ вмѣстѣ съ мозгомъ и воображаемыми въ немъ молекулярными движеніями. Такимъ образомъ мы должны допустить существованіе трансцендентнаго міроваго порядка — все равно, покоится ли этотъ послѣдній на «вещахъ въ себѣ», или же, такъ какъ и «тещи въ себѣ» суть конечное приложеніе нашего созерцающаго мышленія, онъ покоится на однихъ отношеніяхъ, представляющихся въ различныхъ умахъ какъ различныя роды и ступени чувственнаго—адекватное же явленіе абсолютнаго въ познающемъ духѣ вообще совершенно невозможно.

## ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

### Эгическій матеріализмъ и религія.

#### I. Экономическая область и догматика эгоизма.

Здѣсь было бы умѣстно подвергнуть такому же обстоятельному разбору, какъ и естественныя науки, политическую экономію и родственныя съ ней отрасли; но тутъ ужъ мы помимо воли переходимъ въ область практическихъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ есть результатъ нашего критическаго опыта. Мы изслѣдуемъ науку и находимъ въ ея ученіяхъ лишь отраженіе общественнаго строя; мы допытываемся, гдѣ въ настоящемъ скрывается эгическій матеріализмъ, и находимъ его развившимся въ такую догматику, какой не знали ни Аристиппъ ни Эпикуръ. На мѣсто наслажденія новое время поставило эгоизмъ, и между тѣмъ какъ философскіе матеріалисты колеблются въ своей этикѣ, вмѣстѣ съ политической экономіей развилась особая теорія эгоизма, которая болѣе чѣмъ какой либо иной элементъ новаго времени носитъ въ себѣ характеръ матеріализма.

Это явленіе корнями своими заходитъ въ эпоху до Канта и до французской революціи. Въ Италіи, въ Нидерландахъ, во Франціи испытующій духъ новѣйшихъ столѣтій давно уже подвергъ теоретическому изслѣдованію торговлю, сношеніе между націями, распредѣленіе налоговъ и податей, источники благосостоянія и причины обѣднѣнія дѣльных народовъ; однако только въ Англіи по мѣрѣ расцвѣтанія промышленности и всемірной торговли политическая экономія развилась въ особаго рода науку. Адамъ Смитъ, моральная теорія котораго имѣла лишь средній успѣхъ, стяжалъ себѣ широчайшую славу своимъ изслѣдованіемъ «О богатствѣ народовъ». Симпатія и интересъ—вотъ, по его мнѣнію, два главные двигателя человѣческихъ дѣйствій. Изъ симпатіи онъ выводитъ всѣ добродѣтели индивида и всѣ преимущества общества; но затѣмъ онъ довольно искусственно выводитъ понятіе справедливости, которая и становится для него истинною основой государства и общества. Добрыя отношенія между членами общества, дружное стремленіе ко взаимному благу — прекрасныя вещи; но онѣ могутъ отсутствовать, а государство все же не рухнетъ. Справедливость же не можетъ отсутствовать; ею держится и съ нею же гибнетъ всякое общежитіе. Уже моральная теорія признаетъ, что въ стремленіи къ богатству и почестямъ каждый, поскольку онъ поступаетъ не противузаконно, вправѣ до крайней степени напрягать свои силы, чтобы превзойти всѣхъ своихъ соперниковъ; а въ ученіи о національномъ богатствѣ

окончательно устанавливается аксиома, что каждый, преслѣдуя свою личную выгоду, тѣмъ самымъ способствуетъ выгодѣ цѣлаго. Задача правительства заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ представленіи возможно большей свободы этой борьбѣ интересовъ <sup>1)</sup>. Исходя изъ этихъ основоположеній, Смитъ привелъ эту игру интересовъ, связь между спросомъ и предложениемъ рынка, къ законамъ, которые еще и понынѣ не потеряли своего значенія. Все же этотъ рынокъ интересовъ не былъ для него всею жизнью, а лишь одною важною ея стороною. Послѣдователи же Смита забыли объ оборотной сторонѣ и смѣшали законы рынка съ законами жизни и даже чуть ли не съ основными законами человѣческой природы. Впрочемъ, эта ошибка, привлекиши за собой значительное упрощеніе всѣхъ проблемъ обмѣна, въ то же время способствовала тому, чтобы придать ученію о народномъ хозяйствѣ отпечатокъ строгой научности. Упрощеніе же это состоитъ въ томъ, что люди представляются чисто эгоистическими существами, которые въ совершенствѣ умѣютъ соблюдать свои особенныя интересы, не поддаваясь при этомъ никакимъ другимъ чувствамъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было бы противъ этого ничего возразить, если бы эти допущенія были сдѣланы открыто и именно съ тою цѣлю, чтобы путемъ предположенія возможно простаго случая, придать изслѣдованіямъ общественныхъ сношеній точную форму. Путемъ отвлеченія отъ дѣйствительности во всей ея многообразной сложности и другія науки приобрѣли характеръ точности. Мы не въ состояніи обзрѣть всю безконечность естественныхъ воздѣйствій, и поэтому точнымъ является для насъ исключительно то, что мы сами дѣлаемъ таковымъ. Всѣ абсолютныя истины ложны, отношенія же могутъ быть точны. И, что особенно важно для успѣшнаго развитія знанія,—относительная истина, положеніе, вѣрное только на основаніи произвольно допущеннаго предположенія и уклоняющееся отъ полной дѣйствительности въ точно определенномъ смыслѣ, именно такое положеніе несравненно болѣе способно прочно содѣйствовать росту нашего пониманія, нежели положеніе, которое однимъ махомъ стремится подойти возможно ближе къ сущности вещей и при этомъ тащитъ за собой неизбѣжную и неопредѣленную по своему значенію массу заблужденій.

Подобно тому какъ геометрія со своими простыми линиями, плоскостями и тѣлами способствуетъ нашимъ успѣхамъ, хотя въ природѣ эти линіи и плоскости не встрѣчаются, и масса дѣйствительно существующаго почти никогда не поддается измѣренію,—точно также и отвлеченная наука о народномъ хозяйствѣ можетъ способствовать нашимъ успѣхамъ, хотя бы въ дѣйствительности и не было такихъ существъ, которые исключительно слѣдуютъ побужденію расчелливаго эгоизма и притомъ слѣдуютъ ему абсолютно безъ всякаго сопротивленія свободные отъ всякихъ возможныхъ задерживающихъ побужденій и вліяній со стороны другихъ свойствъ человѣческой природы. Правда, отвлеченіе эгоизма въ политической экономіи гораздо сильнѣе, чѣмъ въ какой либо изъ прежнихъ наукъ, ибо какъ противоположныя вліянія лѣни и привычки, такъ и вліянія симпатіи и чувства общественности въ высшей степени значительны. И однако, можно смѣло пользоваться этимъ отвлеченіемъ, покуда мы его ясно сознаемъ какъ отвлеченіе. Ибо, когда будетъ извѣстно, какъ дѣйствовали бы, согласно допущенію, подвижныя атомы того исповѣдующаго эгоизмъ общества, которое мы допускаемъ въ видѣ предположенія, мы

не только получимъ фикцію, свободную самое по себѣ отъ противорѣчій, но и познаемъ точно одну сторону человѣческаго существа и элементъ, который въ обществѣ, а въ особенности въ торговыхъ сношеніяхъ играетъ въ высшей степени значительную роль. Можно было бы тогда по крайней мѣрѣ узнать, какъ поступаетъ человѣкъ, если условія его дѣятельности соответствуютъ такому допущенію, хотя бы вполнѣ это никогда не имѣло мѣста <sup>2)</sup>).

Матеріализмъ въ экономической области заключается именно въ томъ, что отвлеченіе смѣшивается съ дѣйствительностью, а смѣшеніе это произошло подъ вліяніемъ крайняго преобладанія матеріальныхъ интересовъ. Ревнителі англійской политической экономіи исходили большею частью изъ чисто практическихъ взглядовъ—«практическихъ» не въ смыслѣ древнихъ грековъ, у которыхъ это почетное имя прежде всего давалось слѣдующей нравственнымъ и политическимъ мотивамъ здоровой дѣятельности. Характеръ новаго времени повлекъ за собою то, что всѣ истинныя цѣли дѣйствія стали усматривать въ интересахъ индивида. «Практическая» точка зрѣнія въ политической экономіи есть точка зрѣнія человѣка, у котораго его личные интересы стоятъ на первомъ мѣстѣ, и который въ слѣдствіе этого тоже самое предполагаетъ и у другихъ. Великій же интересъ этой эпохи не есть уже, какъ это было въ древности, непосредственное наслажденіе, а накопленіе капитала.

Столь осуждаемая въ нашемъ времени жажда наслажденія съ сравнительной культурно-исторической точки зрѣнія далеко не такъ велика, какъ жажда производства нашихъ промышленныхъ предпринимателей и безработица рабовъ нашей промышленности. Въ самомъ дѣлѣ, часто то, что является шумливымъ и бессмысленнымъ наслажденіемъ суетными развлеченіями, есть именно слѣдствіе чрезмѣрнаго, изнурительнаго и притупляющаго труда: духъ въ вѣчной погонѣ и поискахъ за наживой утратилъ способность къ болѣе чистому, благородному и спокойно протекающему наслажденію. Тогда-то и отдыхъ невольно проходитъ съ лихорадочною послѣдностью дѣла, удовольствіе измѣряется затратами на него, и какъ бы отбывается по долгу въ извѣстные часы и дни. Что такое состояніе ненормально и врядъ ли можетъ долго продолжаться, это, кажется, совершенно ясно; однако не менѣе ясно, что въ современную намъ эпоху труда выполняются такія огромныя работы, которыя въ будущемъ несомнѣнно послужатъ къ тому, чтобы плоды высшей культуры сдѣлать доступными самымъ обширнымъ кругамъ. Что составляло гнѣвную сторону высокаго и одухотвореннаго наслажденія Эпикура или Аристиппа—самодовольное удовольствіе узкимъ кружкомъ друзей или даже только собственной персоной, — то въ наши дни встрѣчается рѣдко даже среди зажиточныхъ эгоистовъ, и философія, основанная на этомъ, врядъ ли могла бы достигнуть общаго значенія. Скопить средства для наслажденія, а затѣмъ затратить ихъ не на наслажденіе, а на дальнѣйшую наживу—вотъ господствующая черта нашего времени. Если бы всѣ тѣ, которые обладаютъ болѣе чѣмъ среднимъ состояніемъ, ушли отъ дѣловой жизни и впредь посвящали свой досугъ общественнымъ дѣламъ, искусству и литературѣ или хоть культурному и поддерживаемому умѣренными средствами наслажденію жизнью, то не только сами они вели бы болѣе прекрасное и болѣе достойное существованіе, но и созданъ былъ бы матеріальный фундаментъ, достаточный для того, чтобы служить твердою под-

держкой для болѣе благородной культуры со всѣми ея требованіями и этимъ придать настоящей исторической эпохѣ содержаніе болѣе высокое, нежели содержаніе классической древности. Но надо думать, что тогда изъ дѣлъ были бы изъяты болѣе капиталы, нежели тѣ, какіе теперь поглощаетъ безсмысленная роскошь, затѣмъ эта культура оказала бы, вѣроятно, дѣйствительную пользу только незначительной части населенія. Во всякомъ случаѣ для массы населенія дѣло и теперь обстоитъ довольно печально. Если бы вся огромная сила нашихъ машинъ и безконечно усовершенствованныя вслѣдствіе раздѣленія труда произведенія человѣческой руки имѣли своею цѣлью дать каждому все необходимое для того, чтобы сдѣлать жизнь сносною и предоставить духу досугъ и средства для болѣе высокаго развитія, то пожалуй уже и теперь была бы возможность, безъ ущерба для духовной задачи человѣчества, распространить блага культуры на всѣ слои общества; однако не таково до сихъ поръ направленіе времени. Правда то, что создаются одни силы за другими, что непрестанно изобрѣтаются новыя машины, новыя средства для сношеній; правда, что капиталисты, располагающіе всѣми этими средствами, непрерывно производятъ, вмѣсто того, чтобы въ достойномъ досугѣ наслаждаться плодами своихъ трудовъ; однако при всемъ томъ все возрастающая дѣятельность менѣе всего имѣетъ своею прямою цѣлью содѣйствіе общему благу. Гдѣ отсутствуетъ способность къ духовному наслажденію, тамъ развиваются такія потребности, которыя всегда растутъ быстрѣе, нежели средства для ихъ удовлетворенія.

Излюбленное положеніе этического матеріализма нашихъ дней это то, что человѣкъ тѣмъ счастливѣе, чѣмъ больше у него потребностей—при равно достаточныхъ средствахъ для ихъ удовлетворенія. Вся древность единодушно придерживалась противоположнаго мнѣнія. Эпикуръ не менѣе Диогена искалъ счастья въ свободѣ отъ потребностей, съ тою только разницею, что одинъ главнымъ образомъ выдвинулъ элементъ счастья, другой—свободу отъ потребностей. Конечно, въ наше время, благодаря лучшему знанію народной жизни, особенно же благодаря статистикѣ смертности, болѣзней и т. д., старая басня о довольномъ и здоровомъ бѣднякѣ и всегда ипохондрическомъ и слабосильномъ богачѣ, слава Богу, опровергнута. Цѣнность земныхъ благъ измѣняется масштабомъ таблицъ смертности, и оказывается, что даже заботы коронованныхъ особъ далеко не такъ вредно отражаются на здоровьи, какъ голодъ, холодъ и плохо провѣтреныя жилища. Однако, съ другой стороны и науки сдѣлали достаточные успѣхи, чтобы позволить себѣ вѣроятное заключеніе, которое прямо противоположно вышеприведенному матеріалистическому положенію. Исторія культуры показываетъ намъ, что во времена, когда княгини спали въ высѣченныхъ въ стѣнахъ нишахъ, совершали далекія путешествія верхомъ и удовлетворялись завтракомъ изъ сала, хлѣба и пива, счастье этихъ людей казалось современникамъ не меньшимъ, чѣмъ теперь, когда онѣ въ прекрасныхъ салонъ-вагонахъ пролетаютъ черезъ всю Европу и въ любомъ пунктѣ располагаютъ продуктами всѣхъ поясовъ земного шара. Аналогическіе выводы психо-физики представляютъ намъ весьма вѣроятнымъ, что ощущенія личнаго счастья такъ же относительны, какъ и чувственные ощущенія: воспринимается только разница, ощущается только приростъ, измѣряемый тѣмъ, что находится на лицѣ<sup>3)</sup> Въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ разумный человѣкъ не станетъ думать, что физическія свойства дорогихъ брусельскихъ кружевъ болѣе полезны



для здоровья персон, на которой они навѣшаны, чѣмъ какое-либо иное удобное и пріятное для глаза украшеніе по сравненію съ ними ничтожно малой цѣны. И все же обладаніе такими кружевами можетъ стать «потребностью»; невозможность достать ихъ можетъ вызвать живѣйшее огорченіе, а внезапная ихъ потеря — стать причиною слезъ. Ясно, что въ этой потребности наиболѣе существенную роль играетъ сравненіе, борьба за первенство, а изъ этого прямо слѣдуетъ, что такого рода потребность—потребность превзойти другихъ—способна возрастать до безконечности, причемъ все, что выигрывается для благополучія одного изъ участвующихъ, теряется для всѣхъ остальныхъ. Изъ этого далѣе непреложно слѣдуетъ, что возможенъ непрерывный ростъ производства и средствъ производства, при которомъ, однако, ничье наслажденіе по существу не увеличится, а трудящаяся масса ни на шагъ не приблизится къ цѣли пріобрѣтенія самого необходимаго для достойнаго человѣческаго существованія. Такой ростъ потребностей у всѣхъ тѣхъ, которые въ состояніи ихъ удовлетворить, вслѣдствіе недостатка чувства общности и крайней алчности, въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ характернымъ чертамъ нашего времени. Статистика торговли и промышленности большинства странъ неоспоримо доказываетъ, что, не смотря на необычайный подъемъ силы и богатства, въ условіяхъ трудящагося класса не замѣтно однако никакого рѣшительнаго улучшенія, а горячка и жажда наживы у имущихъ классовъ ни мало не убываетъ. Люди дѣйствительно живутъ не для наслажденія, а для труда и потребностей; однако въ числѣ этихъ потребностей, потребность въ неустанномъ накопленіи богатствъ настолько преобладаетъ, что всѣ истинные, прочные, полезные для народной массы успѣхи упускаются изъ виду или достигаются какъ бы мимоходомъ.

Можно, однако, этотъ самъ по себѣ мало отрадный фактъ смягчить тѣмъ успокаивающимъ соображеніемъ, что рано или поздно, такимъ или инымъ образомъ проложить себѣ путь другое направленіе ума, тогда какъ силы производства большею своей частью еще сохраняются. Возможно, что снова получить значеніе то возрѣніе, которое было краеугольнымъ камнемъ классической культуры, а именно, что существуетъ извѣстная наиболѣе благотворная для всѣхъ вещей мѣра, и что наслажденіе зависитъ не отъ количества удовлетворенныхъ потребностей и отъ трудности ихъ удовлетворенія, а отъ формы, въ которой онѣ проявляются и удовлетворяются, подобно тому какъ красота тѣла зависитъ не отъ большаго скопленія матеріала, а отъ соблюденія опредѣленныхъ математическихъ линій. Такой поворотъ въ возрѣніяхъ привелъ бы отъ этического матеріализма къ формализму и идеализму; онъ былъ бы немыслимъ безъ устраненія господствующаго теперь стремленія къ наживѣ и поэтому необходимо долженъ былъ бы возникнуть изъ необычнаго оживленія духа общности.

Политическая экономія до сихъ поръ рѣдко задавалась задачей свести распределеніе богатствъ къ его настоящимъ основамъ; она тутъ скорѣе брала уже готовый результатъ, вытекающій изъ отношенія капитала и труда, и занималась только вопросомъ, какимъ образомъ вообще производится возможно большее количество благъ. Это матеріалистическое пониманіе предмета вполне согласуется съ признаемъ эгоизма и съ защитой или прикрашиваніемъ страсти къ наживѣ. Стараются доказать, что успѣхи, достигнутые неумоимымъ рвеніемъ эгоизма, до нѣкоторой степени улучшаютъ всегда и положеніе наиболѣе

угнетенныхъ слоевъ населенія, но при этомъ упускается изъ виду то сравненіе съ другими, которое у богатыхъ играетъ такую важную роль. Передъ лицомъ вопіющихъ золь нѣкоторымъ еще мерещится нѣчто вродѣ предустановленной гармоніи, въ силу которой наилучшій результатъ для общечитія получится въ томъ случаѣ, если каждый будетъ неукоснительно преслѣдовать только свои собственные интересы. Если теперь поборники этого принципа утверждаютъ его болѣею частью съ сознаніемъ грѣховности, то въ эпоху первоначальнаго развитія политической экономіи это дѣлалось съ несомнѣнною наивностью. Въ прошломъ столѣтіи благо цѣлаго выводилось обыкновенно изъ совмѣстнаго дѣйствія всѣхъ эгоистическихъ стремленій. Какъ бы велика ни была готовность протестовать противъ преувеличеній въ извѣстной Мандевиллевской баснѣ о пчелахъ (1723), все же положеніе, что даже пороки полезны общему благу, было до нѣкоторой степени секретнымъ догматомъ просвѣщенія, о которомъ рѣдко упоминали, но никогда не забывали (\*). И видимость истини ни въ одной области не находится такъ въ сторонѣ подобнаго положенія, какъ именно въ экономической. Софизмы какого нибудь Гельвеція не трудно распознать и въ блестящемъ одѣяніи реторики, и всякая попытка объяснить принципомъ себялюбія даже такіа добродѣтели, какъ любовь къ отечеству, самоотверженіе ради ближняго, храбрость, должна была разбиться, ибо въ данномъ случаѣ естественный разумъ и научная критика единодушно говорятъ противъ этого. Другое дѣло въ экономической области. Вѣдь тенденція ея съ самаго начала направлена на содѣйствіе матеріальному благу народа, и потому легко допустить, что успѣхъ цѣлаго есть просто сумма всѣхъ успѣховъ индивидовъ; индивидъ же, какъ это повидимому непреложно доказалъ купеческій опытъ всѣхъ временъ, можетъ добиться матеріальнаго благосостоянія только лишь неукоснительнымъ преслѣдованіемъ своихъ собственныхъ интересовъ; что же касается добродѣтели, то пусть ее примѣняютъ, поскольку это позволяютъ средства, въ другихъ областяхъ!

Если бы политическая экономія съ самаго начала была основана на эгоизмѣ съ сознательною цѣлью путемъ отвлеченія отъ другихъ мотивовъ создать временно гипотетическую, но въ рамкахъ этой гипотезы точную науку, какъ подготовительную ступень къ болѣе полному познанію—тогда въ этой области не могло бы быть и рѣчи о какомъ-нибудь зазорномъ матеріализмѣ. Но вмѣсто этого практическія правила купеческой наживы изъ повседневной жизни были перенесены на цѣлыя народы. Вопросъ матеріальнаго прогресса народовъ былъ отдѣленъ отъ этическихъ вопросовъ, подобно тому какъ они давно были отдѣлены другъ отъ друга въ гражданскомъ обиходѣ. Дѣло здѣсь касалось не формы имущественныхъ отношеній, а количества и мѣнливой цѣнности благъ, и вмѣсто того, чтобы спросить: какъ человѣкъ дѣйствовалъ бы, если бы онъ былъ совершеннымъ эгоистомъ—вопросъ ставился такъ: какъ поступаетъ человѣкъ въ той области, въ которой единственно рѣшающимъ мотивомъ является эгоизмъ. Первый вопросъ есть вопросъ точной теоріи, послѣдній исходить отъ повседневной практики, которая ни въ какой другой области такъ усердно не стремилась заглушить всякое истинное знаніе, какъ въ области экономической.

Мысль, что существуетъ особая сфера жизни для дѣйствій согласно интересамъ, и другая для упражненія въ добродѣтели и понинѣ еще от-

носится къ излюбленнымъ идеямъ поверхностнаго либерализма и открыто проповѣдуются въ широко распространенныхъ сочиненіяхъ, каково напримеръ «Рабочій катехизисъ» Шульце<sup>5)</sup>). Это послужило даже основаниемъ для своего рода морали, которую гораздо чаще приходится слышать въ обыденной жизни, чѣмъ въ литературѣ. Кто не выскрываетъ, если нужно, своего долга со всею строгостью закона, долженъ быть, чтобы позволить себѣ нѣчто подобное, богатымъ человѣкомъ, въ противномъ же случаѣ опъ заслуживаетъ самаго рѣзкаго осужденія. При этомъ осуждается не только его разумъ, слабохарактерность, или чрезмѣрное мягкосердечіе, но прямо-таки его нравственность: онъ легкомысленный и безпечный человѣкъ, не соблюдающій должнымъ образомъ своихъ интересовъ, а если у него жена и дѣти, то хотя бы тѣ еще и не терпѣли отъ этого нужды, опъ къ тому же еще безсовѣстный отецъ семейства. Но совершенно такъ же говорятъ и о томъ, кто въ ущербъ личному состоянію посвящаетъ свои силы общественному благу. Если его дѣятельность оказывается особенно успѣшной, то онъ, конечно, получаетъ отпущеніе грѣховъ и всеобщее одобреніе—все равно, чему онъ обязанъ своимъ успѣхомъ—случаю или собственнымъ силамъ. Но пока этотъ Божій судъ черни и фаталистовъ не произнесенъ, обычное сужденіе стоитъ за свое право. Оно предастъ осужденію какъ поэта и художника, такъ и научнаго изслѣдователя, и политика, и даже религіозный агитаторъ лишь въ томъ случаѣ находитъ себѣ признаніе, если ему удалось основать общину, большое учрежденіе. стать его директоромъ, или же если онъ онъ доходитъ до высокаго церковнаго ранга; но этого никогда не случится, если онъ безъ всякихъ видовъ на награды жертвуетъ вышнимъ положеніемъ своему убѣжденію.

Само собою разумѣется, что мы отмѣчаемъ здѣсь только образъ мыслей большой массы имущаго класса, который, однако, благодаря тому, что выработался въ догматику повседневной жизни, оказываетъ вліяніе и на тѣхъ, которымъ лично не чужды и болѣе благородныя побужденія. Прежде чѣмъ точнѣе опредѣлить значеніе этой догматики эгоизма, необходимо обратиться къ разсмотрѣнію источниковъ естественнаго эгоизма и побужденій противоположнаго направленія, исходя при этомъ изъ основообразнѣя, добытаго въ прежнихъ отдѣлахъ.

Если истинно то, что наше собственное тѣло есть только одно изъ нашихъ представленій, подобное всякому другому представленію, если такимъ образомъ наши ближніе, которыхъ мы видимъ передъ собой, суть подобно всей окружающей насъ природѣ въ очень опредѣленномъ смыслѣ части нашего собственнаго существа,—то откуда берется эгоизмъ? Очевидно причина его прежде всего та, что представленія о страданіи и удовольствіи и наши побужденія и желанія болѣею частью сливаются съ представленіемъ о нашемъ тѣлѣ и его движеніяхъ. Вслѣдствіе этого тѣло становится средоточіемъ всего міра явленій,—что, какъ мы можемъ съ увѣренностью принять, имѣетъ свое обоснованіе и въ потусторонней природѣ вещей.

Не преслѣдуя далѣе этой мысли, мы должны указать на то, что далеко не всѣ представленія, связанныя съ удовольствіемъ и неудовольствіемъ, относятся непосредственно къ нашему тѣлу. Болѣе тонкое чувственное удовольствіе, въ особенности наслажденіе прекраснымъ, сливается не съ представленіемъ нашего тѣла, а съ представленіемъ объекта. Тогда лишь,

когда я закрываю глаза, которыми разсматриваю дивный пейзажъ, я начинаю сознавать отношеніе этихъ предметовъ къ моему тѣлу. То, что поэтъ говоритъ о погруженіи въ созерцаніе, о раствореніи въ созерцаніи, фізіологически и психологически несравненно вѣрнѣе, чѣмъ обычное проекціонное ученіе мнимо научнаго наблюденія. Такимъ образомъ столь сильно осуждаемое чувственное наслажденіе само по себѣ является естественнымъ противувѣсомъ углубленію въ «я» и лишь путемъ рефлексіи оно съ своей стороны можетъ дать пищу эгоизму.

Несравненно болѣе важнымъ является нравственное развитіе путемъ наблюденія надъ человѣческимъ міромъ и погруженія въ его явленія и задачи. Углубленіе въ этотъ объектъ, который черезъ посредство нашихъ чувствъ тоже становится частью нашего существа, является естественнымъ задаткомъ всего того, что только есть въ нравственности непреходящаго и достойнаго сохраненія. Это, можно думать, предчувствовалъ и Адамъ Смитъ, когда онъ основалъ нравственность на симпатіи. Однако Смитъ понималъ дѣло слишкомъ узко. Онъ въ сущности имѣлъ въ виду только тѣ случаи, когда мы толкуемъ мины и движенія нашихъ ближнихъ по воспоминаніямъ и представленіямъ о страданіи и удовольствіи, испытанныхъ нами самими. Въ этомъ кроется незамѣтное возвращеніе къ эгоистическимъ мотивамъ, дѣйствіе которыхъ только побочное, вспомогательное, тогда какъ спокойное и постоянное перенесеніе нашего сознанія на объектъ этого человѣческаго міра явленій есть истинный источникъ нравственнаго облагороженія и устраняетъ преобладаніе эгоизма.

По этимъ указаніямъ читатель самъ можетъ себѣ выяснить, какимъ образомъ тотъ самый ростъ культуры, который въ зрѣлыя эпохи создаетъ искусство и науку, приводитъ также къ обузданію эгоизма, къ развитію человѣческаго участія и къ преобладанію общественныхъ цѣлей. Словомъ: существуетъ естественный прогрессъ нравственности.

Бокль въ своемъ знаменитомъ сочиненіи «Исторія цивилизаціи въ Англии» сталъ на ложную точку зрѣнія, для того чтобы показать, что фактической прогрессъ нравовъ а также и прогрессъ культуры вообще главнымъ образомъ покоятся на умственномъ развитіи. Если указываютъ на то, что нѣкоторыя простыя основоположенія морали существенно остались тѣми же со времени составленія индійскихъ Ведъ и до нашихъ дней, то въ отвѣтъ на это можно указать на простыя основоположенія логики, которыя точно также остались неизмѣнными. Можно было бы даже утверждать, что основныя законы познанія съ незапамятныхъ временъ оставались тѣми же, и что болѣе совершенное примѣненіе, какое сдѣлало изъ нихъ въ новое время, въ существѣ слѣдуетъ приписать нравственнымъ причинамъ. Въ самомъ дѣлѣ именно нравственныя свойства древнихъ привели ихъ къ свободному, индивидуальному мышленію, привели ихъ и къ тому, что они удовлетворялись при этомъ извѣстной мѣрой познанія и придавали большее значеніе развитію личности, чѣмъ одностороннимъ успѣхамъ въ области знанія. Основная нравственная черта средневѣковья выражается въ созданіи авторитетовъ послушаніи имъ и ограниченіи свободнаго изслѣдованія формальной традиціей. Нравственными по своему характеру были то самоотверженіе и способность, съ какими въ началѣ новаго времени преслѣдовали свои цѣли Копер-

никъ, Гильбертъ, Гарвей, Кеплеръ и Везалій. Можно даже отыскать аналогію между нравственными принципами христіанства и характеромъ дѣйствія изслѣдователя. Въ самомъ дѣлѣ, ничто не требуется такъ строго этими нравственными принципами, какъ отреченіе отъ причудъ и пристрастій, свобода отъ сужденія окружающей среды и полная преданность объекту; величайшіе изслѣдователи, можно сказать, должны были умереть для себя и для свѣта, чтобы въ общеніи съ откровеннымъ голосомъ природы вести новую жизнь. Но не станемъ однако далѣе развивать эту мысль. На ряду съ односторонностью Бокля мы выставили другую, прямо ей противоположную. Въ дѣйствительности же, умственное развитіе есть такъ же мало существенное слѣдствіе нравственнаго развитія, какъ и наоборотъ; оба они происходятъ отъ одного общаго корня: углубленія въ объектъ, любовнаго объединенія всего міра явленій и естественной склонности представлять себѣ этотъ міръ гармоническимъ цѣлымъ.

Подобно тому какъ существуетъ нравственный прогрессъ, покоющійся на томъ, что гармонія нашего міропредставленія мало по малу беретъ верхъ надъ дикими возмущеніями страстей и сильными ощущеніями удовольствія и страданія, точно также развиваются и наши нравственные идеалы, согласно которымъ человѣкъ образуетъ свой міръ. Ничто не можетъ быть болѣе ложнымъ, какъ выведеніе Боклемъ роста цивилизаціи изъ совмѣстнаго дѣйствія одного измѣнчиваго элемента—умственного и другого постояннаго—нравственнаго. Если Кантъ говорилъ, что въ нравственной философіи мы не пошли далѣе древнихъ, то онъ почти то же сказалъ и о логикѣ; къ развитію нравственныхъ идеаловъ, двигающихъ цѣлыми эпохами, это замѣчаніе не имѣетъ никакого отношенія. Какое неизмѣримое различіе между античнымъ понятіемъ добродѣтели и христіанскимъ! Отражать несправедливость и терпѣть несправедливость, обожать красоту и презирать красоту, служить обществу и бѣгать отъ общества — все это не только случайныя черты различныхъ душевныхъ направленій при одинаковыхъ нравственныхъ основаніяхъ, а противоположности, вытекающихъ изъ нравственныхъ принциповъ, различныхъ въ самомъ глубокомъ своемъ основаніи. Все христіанство съ точки зрѣнія античнаго міра было рѣшительно безнравственно и еще гораздо въ большей степени представилось бы такимъ, если бы въ то время, когда выступили новые и совершенно чуждые принципы, нравственный идеалъ древности не находился бы уже на пути къ разложенію. Подобное же разложеніе нравственныхъ идеаловъ и подготовка къ новому, болѣе высокому возрѣнію совершается повидимому и въ настоящее время, и вслѣдствіе этого задача указать догматикѣ эгоизма, какая выступаетъ передъ нами въ экономической области и въ основоположеніяхъ гражданскаго обихода, должно мѣсто, становится болѣе трудною и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе важною.

Съ перваго взгляда могло бы казаться, что и эта догматика эгоизма именно и есть тотъ новый нравственный принципъ, которому предназначено замѣстить принципы христіанства. Просвѣщеніе прошлаго столѣтія, которое съ физическимъ матеріализмомъ только заигрывало, усвоило вполне матеріализмъ этический. Развитіе матеріальныхъ интересовъ шло рука объ руку съ распаденіемъ старой церковной мощи. Развитіе естественныхъ наукъ здѣсь дѣйствовало разрушающимъ образомъ, тамъ—

созидающимъ. Но по мѣрѣ того какъ создавались матеріальные интересы, шло также развитіе экономическихъ ученій, а съ ними вмѣстѣ и догматы эгоизма. Вслѣдствіе этого могло бы казаться, что тотъ самый принципъ, который оказывалъ разлагающее дѣйствіе на традиціонныя формы христіанства, воздѣйствовалъ положительнымъ образомъ на матеріальный подъемъ настоящаго времени; и такимъ одновременно разлагающимъ и созидающимъ ферментомъ представлялся бы для современности принципъ эгоизма.

Мы уже видѣли выше, какъ сильно въ экономической области видимость говорить въ пользу высшаго оправданія эгоизма, и если безъ помощи жалкой софистики совершенно невозможно обосновать этимъ принципомъ добродѣтели, вродѣ любви къ отечеству, самопожертвованіе ради ближняго и т. п., то все же возможно, пожалуй, обойтись и безъ этихъ добродѣтелей. Мы должны на минуту допустить ту мысль, что преслѣдованіе личныхъ интересовъ можетъ стать въ будущемъ единственнымъ мотивомъ человѣческихъ дѣйствій, хотя Вольтеръ и Гельвецій рѣшительно были неправы, утверждая, что такъ оно и есть въ дѣйствительности, что нѣтъ никакихъ иныхъ побудительныхъ мотивовъ для человѣческихъ дѣйствій, кромѣ себялюбія. И нужно сознаться, что по крайней мѣрѣ à priori нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что подобный принципъ — совершенно отличный отъ принципа Мандевилля! — вытекаетъ не изъ упадка, а изъ нравственнаго и умственнаго прогресса. Этотъ пунктъ требуетъ особенно точнаго и безпристрастнаго разсмотрѣнія и никоимъ образомъ не можетъ быть рѣшенъ согласно какому нибудь предвзятому мнѣнію. И потому, во избѣжаніе недоразумѣній, мы сразу представимъ въ надлежащемъ свѣтѣ наиболѣ парадоксальную сторону дѣла. А именно: что умственный прогрессъ могъ бы содѣйствовать тому, чтобы сдѣлать эгоизмъ болѣе общимъ, менѣе вреднымъ и болѣе цѣлесообразнымъ — это еще допустить не трудно; но какимъ образомъ нравственный прогрессъ и именно въ томъ опредѣленномъ смыслѣ, въ какомъ мы его выше выдвинули противъ Бокля, могъ бы содѣйствовать тому, чтобы сдѣлать эгоизмъ общимъ принципомъ, разъ вся сущность этого прогресса заключается въ томъ, чтобы привести отъ «я» ко всеобщему?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ разомъ выставляетъ на видъ слѣдствія наиболѣ распространенной экономической теоріи.

Дѣйствительно вѣрно то, что интересы общества наилучшимъ образомъ удовлетворяются тогда, когда меньше всего заботятся преднамѣренно объ обществѣ, и индивидуумы безпрепятственно преслѣдуютъ свои собственные интересы; тогда исключительное преслѣдованіе собственныхъ интересовъ въ практической жизни будетъ:

1. плодомъ зрѣлаго убѣжденія.
2. добродѣтелью и даже основою добродѣтели.

Оттѣсненіе тѣхъ побужденій, которыя влекутъ насъ къ самоотверженной дѣятельности для ближняго, составлять существенную часть работы надъ самимъ собою, и силы для этой работы подавшійся соблазну почерпнуть изъ наблюденія надъ жизнью дѣлаго, гармонія котораго нарушается именно тогда, когда мы слѣдуемъ тѣмъ влеченіямъ сердца, которыя раньше превозносились какъ благородныя, безкорыстныя и великодушныя. Эти чувства симпатіи, которыя вытекаютъ изъ погруженія въ объектъ, будутъ въ свою очередь уничтожены погруженіемъ души въ

большій объектъ — въ одушевленную гармоническимъ эгоизмомъ жизнь всего человѣческаго міра.

Нужно признать, что при такой рѣзкой постановкѣ вопроса, рѣшеніе становится не особенно легкимъ. Кто не вспомнить при этомъ, какъ часто онъ скрѣпя сердце отгонялъ отъ себя бѣдняка по тому соображенію, что милостыня только поддерживаетъ бѣдствіе, какъ масло огонь? Кто не вспомнить всѣхъ тѣхъ злосчастныхъ попытокъ благодѣтельствванія, которыя огнемъ и мечемъ опустошали міръ, тогда какъ у тѣхъ народовъ, у которыхъ каждый заботится о самомъ себѣ, развились богатство и благосостояніе? Дѣйствительно, нужно тутъ же признать, что и симпатія, также какъ и эгоизмъ, можетъ вести ко всякаго рода неурядицамъ, и что соображеніе относительно большаго цѣлаго удержитъ насъ отъ многихъ такихъ дѣяній, къ которымъ побудило бы насъ самоотверженіе ради меньшей группы или отдѣльныхъ личностей. Конечно, легко возразить, что подобное соображеніе относительно большаго цѣлаго не есть вовсе эгоизмъ, а прямая его противоположность; но это возраженіе столь же легко отразить.

Въ самомъ дѣлѣ, если тезисъ о гармоніи отдѣльныхъ интересовъ вѣренъ, если вѣрно, что наилучшій результатъ для общества достигается тогда, когда каждый безпрепятственно заботится только о самомъ себѣ, — тогда необходимо вѣрно и то, что наибольшая выгода достигается въ томъ случаѣ, когда каждый преслѣдуетъ свои интересы, не теряя времени на бесполезныя размышленія. Наивный эгоистъ находится въ состояніи невинности и безсознательно дѣлаетъ должное; симпатія—это нравственное грѣхопаденіе, и кто для того, чтобы придти къ той же добродѣтели, какую проявляетъ по простотѣ грубый спекулянтъ, только еще долженъ вспомнить о движеніи великаго цѣлаго, тогъ окольнымъ путемъ, необходимо заложеннымъ въ человѣческой природѣ, возвращается обратно къ тому пункту, отъ котораго исходило человѣчество въ своемъ дѣтствѣ. На этомъ пути эгоизмъ могъ стать болѣе чистымъ, мягкимъ, просвѣщеннымъ, могъ изучить болѣе вѣрныя средства споспѣшествовать собственному благу, но его принципъ, его сущность остались первоначальными.

Вопросы о томъ, учить ли догматика эгоизма истинѣ, и находится ли экономическая наука съ ея одностороннимъ развитіемъ ученія о свободѣ торговли на вѣрномъ пути, стоять въ тѣсной связи съ вопросомъ, есть ли идея естественной гармоніи интересовъ пустая мечта, или нѣтъ ибо крайніе теоретики свободы торговли не преминули основать свое ученіе на *laissez faire* какъ на первой послыжкѣ. Но это положеніе они выставили не въ качествѣ максимы необходимой обороны противъ плохого управленія; какъ необходимое слѣдствіе изъ той догмы, что совокупность всѣхъ интересовъ лучше всего удовлетворяются въ томъ случаѣ, когда каждый заботится о самомъ себѣ. Разъ эта догма настолько вкоренилась, что одержала верхъ надъ противоположными соображеніями, то не нужно болѣе удивляться тому, что здѣсь слово «народъ» означаетъ не болѣе какъ пустое грамматическое понятіе, что защита морской торговли военными суднами отвергается (Купер 1826), а съ другой стороны кровавыя завоеванія какого нибудь авантюриста рассматриваются только какъ болѣе тяжелый и потому особенно прибыльный трудъ (Марксъ Виртъ)<sup>6</sup>). И то и другое имѣетъ своимъ источникомъ чисто атомистическое пониманіе общества, въ которомъ всѣ

что называется нравственными мотивами, отпадать и может быть снова введено лишь путем непослѣдовательности.

Мы уже видѣли, что атомистическое пониманіе общества имѣетъ много за себя какъ вспомогательное средство метода для постепеннаго приближенія къ истинѣ, но какъ догма оно ложно. Здѣсь мы должны еще замѣтить, что теорія эгоизма и естественной гармоніи всѣхъ интересовъ въ ея примѣненіи на практикѣ привела къ большимъ культурно-историческимъ результатамъ. Нельзя отрицать, что просвѣщенный эгоизмъ такой же регулирующій принципъ общества, какъ и всякій другой уже до того бывшій принципъ, а для извѣстнаго переходнаго времени можетъ быть и самый благотворный, хотя изъ-за этого ему не слѣдуетъ приписывать болѣе высокаго значенія. Система свободной торговли вызвала поразительный ростъ производства и культурныхъ народовъ. Спекуляція, идущая прежде всего по теченію интересовъ, такъ много содѣйствовала тому, чтобы снабдить Европу путями сообщенія, упорядочить торговлю, сдѣлать торговля дѣла болѣе солидными и надежными, сократить размѣръ процента, увеличить и обезпечить кредитъ, ограничить ростовщичество, обманъ, что ни одинъ государь, ни министръ, ни философъ, ни филантропъ не въ состояніи были своимъ принципомъ самотверженной дѣятельности, благонамѣренными поученіями, мудрымъ законодательствомъ приблизиться къ такому вліянію, какое оказало постепенное устраненіе тѣхъ границъ, которыя ставили феодальныя учрежденія среднихъ вѣковъ свободной дѣятельности индивида. Со времени существованія налога въ пользу бѣдныхъ (онъ былъ введенъ, конечно, изъ другого принципа) стремленіе не дать слишкомъ вырости этому налогу, привело къ основанію большаго числа благотворительныхъ учреждений и значительныхъ улучшеній, чѣмъ когда либо могло бы быть создано состраданіемъ и дѣятельнымъ признаніемъ высшаго долга. Можно даже думать, что пяти—шестикратное повтореніе большихъ и кровавыхъ социальныхъ революцій, хотя бы съ промежутками въ столѣтія, въ концѣ концовъ успѣшнѣе сдержали бы алчность богатыхъ и сильныхъ путемъ страха, чѣмъ это могли бы сдѣлать душевная преданность общимъ интересамъ и принципъ любви.

Прежде всего должно замѣтить, что великіе успѣхи новаго времени собственно не вполне были обусловлены эгоизмомъ какъ таковымъ, а предоставленіемъ свободы стремленіямъ къ частной выгодѣ, въ противоположность подавленію эгоизма большинства болѣе сильнымъ эгоизмомъ меньшинства. Передъ нами не отеческое попеченіе, занимавшее въ былыя времена то мѣсто, которое теперь занимаетъ свободная конкуренція, а привилегія, эксплуатація, противоположность господина и раба. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, въ которыхъ прежній общественный порядокъ далъ прогнаться доброжелательству благородныхъ правителей и уму выдающихся друзей народа, получились превосходные результаты. Стоитъ только вспомнить Гольберга, къ успѣшной дѣятельности котораго не даромъ снова примкнулъ протекціонистическій Кэри. Надо постоянно имѣть въ виду, что мы до сихъ поръ знаемъ только противоположность между господствующими династическими интересами и обрѣвшимъ свободу частнымъ интересомъ, а не чистую противоположность между эгоистическимъ принципомъ и принципомъ общественности. Если же мы обратимся къ лучшимъ ременамъ средневѣковыхъ и древнихъ республикъ, то хотя и най-



демь здѣсь живое общественное чувство, но въ такихъ тѣсныхъ кружкахъ, что сравненіе съ настоящимъ едва возможно. И тѣмъ не менѣе даже такое неудовлетворительное сравненіе показываетъ, что та глубокая черта неудовольствія, которою характеризуется наше время, не существуетъ ни въ одномъ обществѣ, въ которомъ каждый ограничиваетъ свой эгоизмъ въ видахъ общаго интереса.

Если мы попробуемъ подвергнуть прямой провѣркѣ, насколько правильно ученіе о гармоніи интересовъ, то для упрощенія вопроса мы прежде всего должны представить себѣ такую республику, въ которой всѣ индивиды, равно одаренные и дѣйствующіе при равныхъ условіяхъ, будутъ всѣми силами стремиться къ возможно большому приобрѣтенію. Само собою разумѣется, что они одною частью своихъ силъ будутъ тормозить другъ друга, другою же будутъ создавать полезныя для общества блага. Устраненіе взаимной помѣхи возможно лишь двумя путями: либо всѣ приобрѣтаютъ для общества, либо каждый отдѣльный индивидъ имѣетъ свободный отъ соперничества особый районъ наживы. Но разъ только возможно, что двое или нѣсколько индивидовъ будутъ стремиться приобрѣсти одинъ и тотъ же объектъ или воспользоваться имъ въ цѣляхъ наживы то взаимныя помѣхи неизбежны.

Если примѣнить это отвлеченное построеніе къ человѣческимъ отношеніямъ, то мы прежде всего замѣчаемъ здѣсь зародыши двухъ идей: идеи коммунизма и идеи частной собственности.

Но дѣло въ томъ, что люди далеко не такія простые существа и, надо думать, они совсѣмъ неспособны послѣдовательно проводить ту или другую изъ этихъ идей. При общности имуществъ чисто эгоистическое стремленіе будетъ направлено на утайку части благъ, а при чистой системѣ частной собственности оно будетъ направлено на обманное увеличеніе собственнаго имущества на счетъ другихъ. Предположимъ далѣе, что въ нашей республикѣ имѣются имущества, находящіяся въ частномъ владѣніи, и что противъ утайки и обмана есть извѣстныя всѣми признаваемые преграды, причемъ, однако, все еще остаются законныя средства, съ помощью которыхъ каждый можетъ либо добиться какой-нибудь выгоды въ пользованіи общими имуществами, либо увеличить свою частную собственность. Затѣмъ положимъ, что наиболѣе важное изъ этихъ законныхъ средствъ основано на томъ, что тотъ, кто оказываетъ обществу большія услуги, получаетъ и большее награжденіе.

Тутъ мы имѣемъ идею гармоніи интересовъ: внѣ всякаго сомнѣнія можно себѣ представить, что наши существа по природѣ своей таковы, что они лишь тогда проявляютъ максимумъ силы, когда думаютъ исключительно о самихъ себѣ, и что съ другой стороны законы нашей республики таковы, что большой выгоды возможно достигнуть только въ томъ случаѣ, если исполнять много работы для общества. И весьма возможно, что выигрышъ въ силѣ отъ освобожденія эгоизма былъ бы больше потери отъ столкновенія интересовъ; если это было бы такъ, то гармонія интересовъ была бы доказана. Однако, съ одной стороны трудно опредѣлить, въ какой мѣрѣ эти предположенія осуществлены въ человѣческомъ обществѣ, съ другой же стороны нетрудно замѣтить обстоятельства, которыя совершенно уничтожаютъ всѣ наши расчеты. Такъ, напримѣръ, средства, добытыя полезнымъ трудомъ, являются въ то же время источникомъ новыхъ выгодъ, заключающихся въ томъ, что обла-

датель ихъ можетъ заставитьъ работать другихъ на себя. Хотя и въ этомъ опять-таки есть польза для общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно носить въ себѣ зародышъ болѣзни, о которой рѣчь впереди. Здѣсь мы только отмѣтимъ одну сторону: тотъ, кто однажды превзошелъ другихъ, можетъ употребить свои средства на то, чтобы безопасно предаваться страсти къ наживѣ. Чѣмъ далѣе онъ подвигается, тѣмъ болѣе у него является силъ идти впередъ, и не только противодѣйствіе его конкурентовъ становится слабѣе по сравненію съ нимъ, но даже и противудѣйствіе законовъ. Причина этого явленія заключается не только въ законѣ роста капитала, но еще въ другомъ факторѣ индивидуальнаго и общественаго развитія, который до сихъ мало принимался въ соображеніе. А именно, духовная сила большинства людей вполне достаточна, чтобы рѣшать гораздо болѣе значительныя задачи, нежели тѣ, которыя выпадаютъ на ихъ долю въ настоящемъ положеніи общества. Дальнѣйшее развитіе и обоснованіе этого замѣчанія читатель найдетъ во второй главѣ моего сочиненія «Рабочій вопросъ». Здѣсь необходимо указать вкратцѣ только на то, что большинство людей, коль скоро удачное начало избавило ихъ отъ необходимости добывать насущное содержаніе физическимъ трудомъ, получаютъ полную возможность путемъ спекуляціи, изобрѣтеній или даже только солиднымъ и старательнымъ веденіемъ дѣла какъ бы налагать дань на трудъ многихъ другихъ. Лжеученіе о гармоніи интересовъ связано поэтому постоянно съ настойчивымъ утвержденіемъ того положенія, которое какъ предрасудокъ распространено почти повсюду, а именно, что всякій талантъ и всякая сила достигаютъ въ человѣческой жизни—хотя бы и черезъ длинный рядъ невзгодъ—положенія, соотвѣтствующаго одаренности. Эта мысль особенно распространилась благодаря телеологически-раціоналистическимъ бреднямъ прошлаго столѣтія. Она столь вопіюще противорѣчитъ дѣйствительности, что ослѣпленіе, съ какимъ она отстаивается<sup>1)</sup>, было бы совершенно непонятно, если бы себялюбіе счастливыхъ, образованныхъ и высокопоставленныхъ не находило въ этой идеѣ земнаго предопредѣленія такое же высокое наслажденіе, какъ высокоомѣріе духовенства—въ идеѣ небеснаго предопредѣленія. Въ жизни мы видимъ, что хотя особенно быстрое и блестящее возвышеніе изъ низкаго положенія обыкновенно встрѣчается лишь тамъ, гдѣ съ благоприятными условіями соединяются рѣдкія и замѣчательныя качества, но въ общемъ способности, необходимыя для занятія отвѣтственнаго поста, всегда находятся тамъ, гдѣ даны для того и матеріальныя условія. Способность человѣка пользоваться выгодными условіями для достиженія еще большихъ выгодъ подобна зародышамъ растений, которые носятся по воздуху, и пускаютъ—каждый въ своемъ родѣ—ростки тамъ, гдѣ имѣются на лицо условія для ихъ развитія. А это положеніе въ связи съ закономъ роста капитала разбиваетъ всю теорію гармоніи интересовъ. Можно сотни разъ доказывать, что съ успѣхомъ спекулянтствъ и большихъ предпринимателей мало по малу улучшается и положеніе остальныхъ; но покуда вѣрно то, что съ каждымъ шагомъ этого улучшенія растетъ также разница въ положеніи индивидовъ и въ средствахъ къ дальнѣйшему подъему, до тѣхъ поръ каждый шагъ этого движенія приближаетъ насъ къ той поворотной точкѣ, когда богатство и сила отдѣльныхъ личностей прорвутъ всѣ границы закона и обычая, когда государственная форма станетъ призрачною тѣнью, и униженный пролетаріатъ будетъ игрушкой страстей знатныхъ,—пока наконецъ не наступитъ

соціальное землетрясеніе и не поглотитъ всего этого искусственнаго строенія односторонняго хозяйства интересовъ. Времена наканунѣ такого переворота такъ часто встрѣчаются въ исторіи и всегда съ однѣми и тѣми же чертами, такъ что относительно ихъ характера ошибиться невозможно. Государство становится продажнымъ. «Безнадежный бѣднякъ такъ же скоро начинаетъ ненавидѣть законъ, какъ чрезмѣрный богачъ его презирать» (Рошеръ). Спарта погибла, когда землевладѣніе всей страны находилось въ рукахъ ста родовъ, Римъ — когда на ряду съ многомилліоннымъ пролетаріатомъ существовало нѣсколько тысячъ имущихъ, средства которыхъ были такъ велики, что того, кто не могъ содержать на собственные средства войска, Крассъ не считалъ богатымъ. «И въ новѣйшей Италіи народная свобода погибла, благодаря денежной олигархіи и пролетаріату». «Характерно то, что во Флоренціи самый крупный банкиръ сталъ въ концѣ концовъ безграничнымъ властителемъ, и что одновременно съ этимъ въ Генуи банкъ Св. Георгія поглотилъ въ нѣкоторомъ смыслѣ все государство». (Рошеръ)<sup>8)</sup>.

Поэтому пока интересы людей только личные, пока требованіе общихъ интересовъ разсматривается лишь какъ слѣдствіе стремленія индивида къ личному успѣху, то существуетъ опасность, что интересы тѣхъ, кто первые оказались впереди, мало по малу достигнутъ безмѣрнаго преобладанія и раздавать всѣхъ остальныхъ. Соціальное равновѣсіе такого государства, такъ сказать, неустойчивое; однажды нарушенное, оно, чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ приходить все въ болѣе глубокое разстройство. Съ другой стороны есть основаніе предполагать, что въ республикѣ, въ которой каждый преимущественно имѣлъ бы виду интересы цѣлаго, равновѣсіе было бы устойчивое. Если это требованіе пока еще нигдѣ не было осуществлено, то вѣдь то же относится и къ требованію всеобщаго эгоизма. Оба эти требованія суть отвлеченія: въ дѣйствительномъ же мірѣ, если разсматривать массу отдѣльныхъ дѣяній, протекающихъ то изъ одного, то изъ другого принципа, эгоизмъ представляется несравненно болѣе сильнымъ, чѣмъ чувство общности; но который изъ этихъ принциповъ исторически является болѣе значительнымъ и важнымъ по своимъ послѣдствіямъ — это вопросъ совершенно другой. Хотя огромное развитіе матеріальныхъ интересовъ и составляетъ господствующій характеръ нашего времени, хотя теорія этого развитія рѣшительно выдвинула принципъ эгоизма на первый планъ всеобщаго сознанія, все же одновременно съ этимъ возросла и потребность въ національномъ единствѣ, въ товарищескомъ сотрудничествѣ, въ братствѣ до того разрозненныхъ элементовъ; и какой факторъ настоящаго броженія преимущественно опредѣлитъ характеръ будущаго — объ этомъ у насъ могутъ быть только предположенія. Но пока мы твердо стоимъ на томъ, что если бы эгоизмъ на время и одержалъ побѣду, то этимъ не былъ бы данъ новый мірообразующій принципъ, а лишь толчекъ для дальнѣйшаго разложенія. Такъ какъ ученіе о гармоніи интересовъ — заблужденіе, такъ какъ принципъ эгоизма уничтожаетъ соціальное равновѣсіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякую основу нравственности, то онъ и въ экономической области можетъ имѣть только преходящее значеніе, для котораго время прошло уже пожалуй и теперь. Поверхностность, съ какою обыкновенно проповѣдуется ученіе о гармоніи интересовъ, можетъ быть на время прикрыта именно дисгармоніей интересовъ и тайнымъ стремле-

нѣмъ лучше поставленныхъ классовъ къ обогащенію, подобно тому какъ пробѣлы церковной догматики прикрываются доходами пасторскихъ должностей и монастырей; однако долго это продолжаться не можетъ. Какъ слѣпо экономическая наука нагромождаетъ аргументы въ пользу хозяйства интересовъ, показываетъ слѣдующій примѣръ.

Стоитъ только бросить взглядъ на какой-нибудь изъ крупныхъ европейскихъ центровъ, миллионное населеніе котораго ежедневно просыпается съ самыми разнообразными потребностями. Межъ тѣмъ какъ большинство еще спитъ глубокимъ сномъ, усердно заготавливаютъ предметы для удовлетворенія потребностей всѣхъ. Вотъ черезъ предмѣстье катитъ тяжелая телѣга, нагруженная овощами; тамъ ведутъ на бойню жирную скотину; булочникъ стоитъ передъ пылающею печкой; молочникъ везетъ свою телѣгу отъ дома къ дому. Здѣсь запрягается лошадь въ коляску, чтобы развозить съ мѣста на мѣсто неизвѣстныхъ людей, тамъ купецъ открываетъ свою лавку и высчитываетъ уже оборотъ дня, хотя не можетъ съ увѣренностью рассчитывать ни на одного покупателя. Мало по малу улицы оживляются и начинается дневная суета. Что управляетъ этимъ огромнымъ механизмомъ? «Интересъ!» — Кто заботится о томъ, чтобы каждая потребность была удовлетворена, чтобы у всѣхъ голодныхъ и жаждующихъ во время были хлѣбъ, мясо, молоко, зелень, пряности, вино, пиво и всякое другое, что кому нужно и за что онъ въ состояніи заплатить? «Только дѣло, только интересъ!» Какой интендантъ, какой администраторъ въ состояніи былъ бы съ такою правильностью и по опредѣленному плану удовлетворить эти миллионныя потребности? «Нелѣзная мысль!»

Такими и подобными соображеніями стараются часто доказать, какъ необходимо предоставить заботу о благѣ людей хозяйству интересовъ. При этомъ по меньшей мѣрѣ упускаются изъ виду слѣдующіе пункты:

1. Все это воззрѣніе есть только отвлеченіе, выдвигающее лишь одну сторону дѣйствительности. Удовлетворяются далеко не всѣ законныя потребности, а поскольку это имѣетъ мѣсто, оно совершается въ безчисленныхъ случаяхъ не по одному только принципу своекорыстія, но и при участіи состраданія, дружбы, благодарности, любезности и другихъ противуположныхъ эгоизму мотивовъ.

2. Весь механизмъ удовлетворенія потребностей есть результатъ безконечныхъ заботъ и жертвъ; отъ поверхностнаго наблюденія онъ ускользаютъ, но въ нихъ однако сокрыта исторія ряда поколѣній. Очень многія учрежденія, которыя являются теперь для интереса орудіемъ эксплоатаціи, первоначально возникли какъ плоды человѣколюбія, жажды знанія, чувства общности—и безъ этихъ человѣческихъ свойствъ никогда не явились бы на свѣтъ или со временемъ бы погибли, если бы по тѣмъ же мотивамъ не были въ духѣ своей эпохи преобразованы или замѣщены другими средствами.

3. Фундаментъ исторически сложившагося важенъ въ той же мѣрѣ для всякаго инаго принципа, какъ и для эгоизма. Всякая система, коммунистическая ли, или индивидуалистическая, становится утопіей, если она не примыкаетъ къ существующему, и утвержденіе того или другаго принципа практически означаетъ лишь то направленіе, въ которомъ должно происходить послѣдующее развитіе. Дѣло не въ томъ, оказываетъ ли интересъ большое или малое вліяніе на существующее удовлетвореніе потребностей, а въ томъ, полезно ли и свое-

временно сдѣлать его относительно большимъ или меньшимъ.

Въ послѣднемъ пунктѣ главнымъ образомъ сосредоточивается все значеніе вопроса, можетъ ли эгоизмъ стать нравственнымъ принципомъ будущаго. Что онъ на дѣлѣ по прежнему будетъ играть большую роль — это несомнѣнно. Но послѣ нашихъ разсужденій столь же несомнѣннымъ должно казаться и то, что дальнѣйшее развитіе индивидуализма означало бы не новый подъемъ, а паденіе нашей культуры. Поскольку въ исторіи проявляется положительный прогрессъ, мы всегда видимъ усиленное дѣйствіе противоположнаго принципа, тогда какъ господство индивидуализма имѣетъ мѣсто только при распаденіи формъ, ставшихъ негодными. Поэтому и въ настоящемъ истинный потокъ прогресса, надо думать, идетъ по направленію чувства общечеловѣчности. Существуетъ какъ бы естественное, можно бы даже сказать, физическое основаніе для постепеннаго отгнѣсенія эгоизма вслѣдствіе тяготѣнія къ гармоническому порядку міра явленій и прежде всего вслѣдствіе общихъ интересовъ людей. Что Адамъ Смитъ хотѣлъ сказать своей симпатіей, Фейербахъ — своимъ ученіемъ о любви, Кантъ — принципомъ труда въ пользу ближняго — все это только разрозненныя выраженія одного и того же образующагося съ развитіемъ культуры перевѣса объективныхъ представлений объ образѣ нѣкотораго одареннаго способностью страданія и удовольствія «я» — представленій, составляющихъ часть нашего существа. По мѣрѣ того какъ съ упорядоченіемъ жизненныхъ условій переходъ отъ страданія къ наслажденію становится менѣ рѣзкимъ, вождельнія смягчаются, съ другой же стороны увеличивается познаніе вѣшняго міра и пониманіе ближнихъ, необходимо наступаетъ этотъ перевѣсъ и оказываетъ свое естественное воздѣйствіе. Даже писатель, столь сильно склоняющійся къ скептицизму, какъ Дж. Ст. Милль, кладетъ это воззрѣніе, тѣсно примыкающее въ этомъ къ Канту, въ основу своей этической системы, но въ своемъ «Утилитаризмѣ» не вполне одѣнвиваетъ идеальныя, образующій элементъ, на которомъ покоится стремленіе къ гармоніи въ нравственномъ мірѣ также какъ и стремленія искусства. Въ самомъ дѣлѣ, это поступательное движеніе отъ дикаго состоянія къ человѣческому складу жизни мы наблюдали такъ часто и притомъ столь одинаковымъ по существу при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, что уже простое индуктивное заключеніе о естественной необходимости всего этого явленія не лишено значенія; а послѣ того, какъ мы даже открыли причину этого явленія въ нашей чувственной природѣ, мы не можемъ болѣе сомнѣваться въ существованіи движущаго принципа. Но остается еще однако сомнѣніе въ томъ, является ли этотъ принципъ въ данное время, въ данномъ народѣ или группѣ народностей сильнымъ, чѣмъ другія, тоже вліятельныя силы, которыя или сами по себѣ, или въ своеобразномъ ихъ сочетаніи являются рѣшающими въ обратномъ смыслѣ.

Что прогрессъ челоѣчества не представляется непрерывнымъ, этому учитъ каждая страница исторіи; можно даже еще сомнѣваться въ томъ, существуетъ ли вообще прогрессъ, такъ какъ въ отдѣльныхъ пунктахъ онъ то раскрывается, то исчезаетъ предъ нами. Хотя для меня и является несомнѣннымъ, что въ нашемъ столѣтіи на ряду съ пониженіемъ и повышеніемъ культуры, которое такъ ясно выступаетъ въ исторіи, совершается непрерывное движеніе впередъ, результаты котораго только прикрываются

этою игрою волнъ, тѣмъ не менѣ это убѣжденіе не такъ достовѣрно, какъ прогрессъ въ частностяхъ, и есть дѣльные, свѣдущіе въ области природы и исторіи мыслители, каковъ, на примѣръ, Фольгеръ, которые отрицають это поступательное движеніе. Но допустимъ даже, что въ доступномъ намъ отрѣзкѣ исторіи прогрессъ вполнѣ несомнѣненъ, то и тогда это была бы только большая волна, подобная волнѣ прилива, которая непрерывно возрастаетъ, тогда какъ горы и долины короткихъ волнъ береговаго прибоа скатываются: въ концѣ концовъ и она достигаетъ своего кульминаціоннаго пункта и начинаетъ убывать при той же игрѣ беспокойно волнующагося моря. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ съ догматомъ вѣры или общепризнанною истиною не далеко уйдешь и намъ необходимо изслѣдовать еще точнѣ тѣ причины, которыя могли бы вызвать обратное движеніе культуры отъ чувства общественнойности къ эгоизму.

Дѣйствительно мы видимъ, что историки давно раскрыли истинныя причины упадка древнихъ культурныхъ центровъ. Наиболее просто дѣйствующая причина состоитъ въ томъ, что культура большею частью ограничивается тѣсными кругами, исключительный составъ которыхъ современемъ нарушается и поглощается въ свою очередь болѣе широкими кругами, находящихя еще на болѣе низкой ступени развитія. Здѣсь также всегда замѣчается, что выдвинувшаяся часть человѣческаго общества, будь то отдѣльное государство, или привилегированное сословіе, преодолеваетъ отчасти эгоизмъ только въ предѣлахъ своего тѣснаго кружка, тогда какъ внѣ его противоположность, какъ, на примѣръ, противоположность между эллинами и варварами, господами и рабами, все болѣе обостряется. Общежитіе, въ интересахъ котораго растворяется отдѣльная личность, замыкается извнѣ со всѣми характерными чертами эгоизма и такимъ образомъ ускоряетъ свою гибель непослѣдовательнымъ проведеніемъ того принципа, которому оно въ своей внутренней жизни обязано высшей нравственной культурой. Вторая уже упомянутая выше причина заключается въ томъ, что въ предѣлахъ всего прогрессирующаго общества образуются различія, которыя мало по малу увеличиваются, вслѣдствіе чего точки прикосновенія исчезаютъ, взаимоотношенія идутъ на убыль и съ тѣмъ вмѣстѣ пропадаетъ самый важный источникъ связующей симпатіи. Изъ первоначально однообразной массы выдѣляются привилегированные классы, но эти классы даже межъ собой не вступаютъ въ настоящую связь, и такъ какъ скопленіе богатствъ порождаетъ до того невѣдомыя наслажденія, то возникаетъ новый утонченный эгоизмъ, еще худшій чѣмъ прежній. Такъ оно было въ древнемъ Римѣ во времена латифундій, когда обширныя сады богачей вытѣснили хлѣбопашество, и половина провинцій находилась въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ.

Первоначально, пока различія невелики о такихъ порядкахъ никто не помышляетъ, даже сильные и богатые. Они возникаютъ подъ вліяніемъ правовой защиты которая первоначально имѣетъ прямо противоположную цѣль, — цѣль служить равенству и справедливости и охранять по принципу частной собственности каждому свое. Они возникаютъ затѣмъ благодаря безпрепятственному развитію гражданскаго обихода, который развертывается вполнѣ лишь съ обузданіемъ грубаго эгоизма. Хотя эгоизмъ и не былъ возведенъ въ принципъ, тѣмъ не менѣ первая организація общества всегда начиналась съ установленія

частной собственности и порядка ея перенесенія, поскольку это общество не покоилось еще на мировых традиціях—на противоположности господина и раба, что мы пока оставляемъ въ сторонѣ. Но именно эти учрежденія: собственность, правовая защита, наследованіе и т. д., которыя вызываются смягченіемъ нравовъ и влекутъ за собою цвѣтущее состояніе, являются въ тоже время оградой для обильно разрастающагося зла имущественнаго неравенства, которое, достигнувъ извѣстной высоты пересиливаетъ всѣ противовѣсы и ведетъ націю къ вѣрной гибели. Эта игра повторяется въ самыхъ различныхъ формахъ. Нравственно болѣе слабый народъ погибаетъ уже при низшихъ степеняхъ этого зла, болѣе сильный, такъ сказать, болѣе благоприятно организованный народъ можетъ, подобно теперешней Англіи, выносить неимовѣрную степень зла, не погибая отъ этого.

Въ совершенно дикомъ состояніи никоимъ образомъ не можетъ явиться такое имущественное неравенство, какое представляютъ приближающіеся къ своей гибели народы. Гдѣ добыча дѣлится, тамъ сильнѣйшій беретъ себѣ большую часть, и болѣе слабый долженъ, конечно, терпѣть жестокою несправедливостью; однако общее его положеніе, даже если онъ впадаетъ въ рабство, не можетъ такъ сильно отличаться отъ положенія власти имущихъ, какъ это происходитъ между положеніемъ бѣдняка и богача при прогрессирующемъ развитіи экономическихъ отношеній.

О такомъ неравенствѣ, повторяемъ, никто первоначально не помышлялъ; въ противномъ случаѣ народы уже въ самой ранней юности сознательно должны были исповѣдывать догматику эгоизма. А между тѣмъ духъ ихъ въ эти періоды иной:

«Privatus illis census erat brevis,  
Commune magnum»

говорилъ Гораціи относительно древнихъ римлянъ, и рѣдко противоположность между эпохами съ живымъ духомъ общественности и такими, въ которыхъ преобладалъ эгоизмъ, была изображена такъ рѣзко и правдиво, какъ у этого писателя. И все же это были тѣ самые древніе римляне, которые создали основы правовыхъ институтовъ, еще теперь примѣняемыхъ Европой и вызывающихъ ея удивленіе. Если повтому защита права и освященіе собственности вмѣстѣ съ пшеничными зернами питаютъ, выращиваютъ и сорную траву, то вѣроятно существуютъ такіа обстоятельства, которыя вызываютъ это поимоволи законодателя—обстоятельства, которыя или вначалѣ не были приняты въ соображеніе, или вообще не могутъ быть устранены. Если вспомнить, что благоустроенное, законѣрное состояніе хотя и является только благодаря пробужденію симпатическаго чувства общественности и ослабленію грубыхъ эгоистическихъ побужденій, но что все же эгоизмъ и въ такихъ общезитіяхъ, какъ напримѣръ у древнихъ римлянъ, играетъ еще весьма значительную роль, и какъ бы только вводится въ извѣстныя границы, въ которыхъ онъ признается законнымъ—тогда является вопросъ, почему подобнымъ же образомъ не были поставлены границы и крайнему имущественному неравенству, чтобы сохранить благотворное равновѣсіе между эгоизмомъ и общественнымъ чувствомъ. Оказывается, что именно въ древнемъ Римѣ лучшіе и благороднѣйшіе люди напрасно пытались разрѣшить эту проблему. Конечно, воплія естественно, что тѣ обладатели имуществъ, которые не отличаются ни

особенною остротою мысли, ни готовностью приносить жертвы—хотя они вовсе еще однако не догматики эгоизма — прежде всего видят во всякаго рода попыткахъ ограничить пріобрѣтеніе посягательство на собственность; естественно и то, что потрясеніе основъ общества представляется имъ въ преувеличенномъ свѣтѣ, такъ какъ ихъ интересъ слишкомъ тѣсно связанъ съ существующимъ. Если бы римскимъ оптиматамъ во времена аграрныхъ войнъ можно было въ зеркалѣ показать исторію будущихъ столѣтій и указать на причинную зависимость уладка отъ скопленія богатствъ—тогда, можетъ быть, Тиверій и Кай Гракхъ не заплатили бы кровью и доброй славой за свои болѣе высокія воззрѣнія.

Не совѣмъ излишне указать на то, что ссылаться здѣсь на неправомѣрность ограниченія пріобрѣтенія было бы только *petitio principii*. Въ томъ именно и вопросъ: что есть право? Первое право — право признаваемое всей природой -- есть право сильного, кулачное право. Лишь съ признаніемъ высшаго права, это право становится несправедливостью—однако лишь до тѣхъ поръ, пока это болѣе высокое право дѣйствительно оказываетъ обществу болѣе высокія услуги. Когда правообразующій принципъ утерянъ, всегда снова вступаетъ право сильного, а въ нравственномъ отношеніи одна форма этого права не лучше другой. Сверну ли я шею ближнему оттого, что я болѣе сильный, или я, пользуясь своимъ превосходствомъ въ знаніи дѣла и права, разставлю ему сѣти и доведу его до нищенскаго состоянія, тогда какъ барышъ отъ его работы «по праву» принадлежитъ мнѣ, — почти безразлично. Даже злоупотребленіе простою силою капитала съ одной стороны по отношенію къ голоду на другой — есть новое кулачное право, хотя бы задача сводилась здѣсь только къ тому, чтобы сдѣлать немущихъ все болѣе зависимыми. Что законодательствомъ первоначально не предвидѣлось, это именно возможность сдѣлать изъ владѣнія капиталомъ и знанія права такое употребленіе, которое по своимъ гибельнымъ послѣдствіямъ превосходитъ даже старое кулачное право. Такая возможность вытекаетъ отчасти, какъ было упомянуто выше, изъ того, что во власти всѣхъ имущихъ взяты за прибыльную работу, отчасти же изъ извѣстныхъ отношеній между закономъ народонаселенія и образованіемъ капитала—отношеній, которыя были открыты экономической наукой прошлаго вѣка, но еще до сихъ поръ, не смотря на большія заслуги Дж. Ст. Милля въ выясненіи этого пункта, не вполне изслѣдованы со стороны ихъ природы и образа дѣйствія. Въ моемъ сочиненіи: «*Mill's Ansichten ueber die sociale Frage und die angebliche Umwälzung der Social-Wissenschaft durch Carey*» (Воззрѣнія Милля на социальный вопросъ и мнимый переворотъ социальной науки Кэри) я попытался сдѣлать кое что въ дѣлахъ критическаго выясненія данныхъ вопросовъ, здѣсь же ограничусь только приложеніемъ выводовъ, поскольку они могутъ служить для нашей дѣли<sup>9)</sup>.

Въ прошломъ столѣтій многіе видные люди, въ числѣ ихъ особенно Веніаминъ Франклинъ, обратили вниманіе на то, что при безпрепятственномъ размноженіи людей, подобно растеніямъ и животнымъ, они вскорѣ заполонили бы всю землю<sup>10)</sup>. Эта неоспоримая и совершенно ясная, но до того незамѣченная истина должна была броситься въ глаза всякому наблюдателю при сравненіи быстрого роста населенія въ Сѣверной Америкѣ и положеніемъ дѣла въ европейскихъ государствахъ. Было



найдено, что ростъ населенія зависитъ не отъ плодovitости браковъ, а отъ количества существующихъ средствъ пропитанія. Это простое возрѣніе приобрѣло большую извѣстность, благодаря Мальтусу, у котораго оно получило и нѣкоторыя ложныя примѣси, оставляемые нами здѣсь въ сторонѣ; а съ тѣхъ поръ оно, благодаря усовершенствованію статистики, поставлено вѣдъ всякаго сомнѣнія.

Почти одновременно съ этимъ возникло другое, въ своей первоначальной формѣ, впрочемъ, ложное ученіе о земельной рентѣ. Полагали именно, что землевладѣльцы, благодаря неистощимымъ силамъ почвы получаютъ, кромѣ процентовъ на капиталъ и стоимости труда, еще особую прибыль, вытекающую изъ исключительнаго права пользованія этими силами природы. Но впослѣдствіи было доказано, что это вѣрно лишь постольку, поскольку количество земли ограничено или вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ (боязни переселенія, недостатка капитала для обработки плодородныхъ низинъ, недостатка свободы и т. д.) должно разсматриваться какъ ограниченное. Тутъ имѣють относительно значеніе тѣ обстоятельства, которые абсолютно дѣйствовали бы тогда, если бы вся годная для обработки почва земного шара стала бы частной собственностью. Хотя такимъ образомъ ученіе о земельной рентѣ вѣрно только относительно, все же для каждой страны наступаютъ такія условія, въ которыхъ оно до извѣстной степени примѣнимо.

Наконецъ было найдено, что высота заработной платы, выплачиваемой предпринимателемъ-капиталистомъ тѣмъ, которые, не имѣя земельной собственности или другихъ средствъ, должны содержать себя только своимъ трудомъ, опредѣляется, подобно всякимъ другимъ цѣнамъ товаровъ, спросомъ и предложениемъ. Такимъ образомъ, если предложеніе превышаетъ спросъ, то заработная плата должна пасть до минимума. Впослѣдствіи естественно, что именно здѣсь теорія эгоизма весьма близко подходитъ къ дѣйствительности, ибо въ каждый отдѣльный моментъ здѣсь дѣло идетъ только о незначительной суммѣ, и работодатель, который соблюдаетъ свои интересы въ рамкахъ наличнаго права, имѣеть вначалѣ самъ весьма смутное представленіе о послѣдствіяхъ этого отношенія.

Въ болѣе дикія времена народонаселеніе постоянно рѣдѣетъ отчасти вслѣдствіе неблагоприятнаго климата при недостаткѣ въ запасахъ, отчасти вслѣдствіе распрей и войнъ, сопровождающихся варварскимъ обращеніемъ съ побѣжденными; накопленіе капитала не можетъ совершаться безпрепятственно, такъ что послѣ избытка въ рабочей силѣ наступаетъ недостатокъ въ ней, а послѣ недостатка въ землѣ является опять возможность самыми малыми усиліями приобрести обширныя территоріи. Но какъ только худшія страсти умиrotворены, и начинаютъ оказывать свое дѣйствіе чувство общественности и правовой порядокъ—тотчасъ же, подобно выросающимъ промежъ пшеницы плевеламъ, встуетъ въ силу отмѣченныя выше отношенія.

Населеніе растетъ, чувствуется недостатокъ въ годной для обработки землѣ; земельная рента поднимается, заработная плата падаетъ: разница между положеніемъ собственниковъ и арендаторовъ, между арендаторомъ и наемнымъ рабочимъ все болѣе увеличивается. Но вотъ развивающаяся промышленность предлагаетъ рабочему высшую плату; вскорѣ однако сюда стекаются такъ много рукъ, что и здѣсь повторяется та же игра. Единственный факторъ, сдерживающій теперъ ростъ населенія—это нищета, а единственное спасеніе отъ крайней пужды

это принятіе работы во что бы то ни стало. Счастливному предпринимателю приваливают несмѣтные богатства; рабочій же не имѣетъ ничего, кромѣ своего жалкаго существованія. Такъ далеко дѣло заходить и помимо всякой догматики эгоизма.

Теперь бѣдствія пролетаріата ужасаютъ сердобольныя сердца; но возвратъ отъ этихъ порядковъ къ прежней простотѣ нравовъ невозможно. Мало по малу состоятельные люди привыкли къ роскошному и многообразному наслажденію утонченными радостями жизни. Искусство и наука развились. Невольничій трудъ пролетаріевъ доставляетъ многимъ даровитымъ людямъ досугъ и средства для изслѣдованія, изобрѣтенія и творчества. Считается долгомъ охранять эти высшія блага человѣчества, и охотно тѣшатъ себя мыслью, что когда нибудь они станутъ общимъ достояніемъ. Между тѣмъ быстрое обогащеніе даетъ возможность пользоваться наслажденіемъ и многимъ такимъ, которые внутренне остались грубыми. Иные дичаютъ въ нравственномъ отношеніи, утративъ всякій интересъ и чувство къ чему бы то ни было, лежащему внѣ круга ихъ удовольствій. Живѣйшія формы сочувствія страданіямъ исчезаютъ уже вслѣдствіе однообразнаго довольства въ жизни привилегированныхъ. Они начинаютъ смотрѣть на себя какъ на особія существа. Слуги — для нихъ машины; несчастные — для нихъ неизбѣжный декорумъ; они уже не въ состояніи входить въ ихъ положеніе. Нравственныя связи порваны; исчезъ и стыдъ, который прежде удерживалъ отъ чрезмерно пышныхъ наслажденій. Въ довольствѣ духовная сила гложеть; лишь пролетаріатъ остается грубымъ, угнетеннымъ, но душою свѣжимъ.

Въ такомъ же положеніи находился и древній міръ, когда христіанство и переселеніе народовъ положили конецъ его величію. Онъ созрѣлъ для своей гибели.

## II. Христіанство и просвѣщеніе

Не разъ уже современное положеніе сравнивалось съ положеніемъ древняго міра передъ его кончиной, и нельзя отрицать, что тутъ представляются значительныя аналогіи. Мы имѣемъ чрезмерный ростъ богатства, имѣемъ пролетаріатъ, имѣемъ паденіе нравовъ и религіи; всѣ государственныя формы настоящаго времени находятся въ опасности, и повсюду распространена и глубоко вкоренена вѣра въ то, что предстоитъ всеобщая и большая революція. Но наряду съ этимъ у нашего времени имѣются и могучія цѣлебныя средства, и если бури переходнаго кризиса не превзойдутъ всѣ наши представленія, то мало вѣроятно, чтобы чело- вѣчество должно было еще разъ начать свою духовную работу съизнова, какъ въ эпоху Мервинговъ. Одно изъ важнѣйшихъ цѣлебныхъ средствъ безъ сомнѣнія заключается именно въ идеяхъ христіанства, нравственное воздѣйствіе которыхъ столь же часто цѣнятъ слишкомъ низко, какъ и слишкомъ высоко.

Правда, гражданскій строй уже очень рано заключилъ съ основоположеніями Новаго Завѣта сепаратный миръ. Въ повседневно- мъ обиходѣ дѣло обстояло такъ же, какъ въ высшей политикѣ

и... въ церковномъ управленіи. «Всѣ христіане», говоритъ Милль въ своей превосходной книгѣ «О свободѣ», «вѣрятъ, что бѣдные и несчастные, которымъ не везетъ на этомъ свѣтѣ, блаженны, что скорѣе верблюдъ пройдетъ черезъ игольное ушко, чѣмъ богатый въ царство небесное, что не должно судить, дабы самому не быть судимымъ, что божба—грѣхъ, что не должно заботиться о завтрашнемъ днѣ, что для того, чтобы стать совершеннымъ нужно продать свое добро и раздать его бѣднымъ. Утверждая, что вѣрятъ въ это, они вполнѣ искренни. Они вѣрятъ въ это, какъ люди вообще вѣрятъ во все, что непрестанно восхваляется и никогда не оспаривается. Но въ смыслѣ той живой вѣры, которая управляетъ образомъ дѣйствія, они вѣрятъ въ эти ученія ровно столько же, сколько руководятся ими въ своихъ поступкахъ... Масса вѣрующихъ не увлечена этими ученіями, ихъ внутренній міръ имъ не подвластенъ. Имѣется только традиціонное уваженіе къ словамъ, но нѣтъ чувства, которое отъ словъ перешло бы къ выражаемымъ ими вещамъ и принудило бы душу воспринять ихъ въ себя и приладить къ формуламъ».

Но все же для человѣчества не могло пройти безслѣдно то, что продолженіе многихъ столѣтій повторялись именно эти формулы, признавались именно эти слова, все снова и снова возбуждались эти мысли. Во всѣ времена существовали многія воспримчивыя души; и врядъ ли случайно то, что именно въ христіанскихъ земляхъ, хотя бы только по прошествіи полуторы тысячи лѣтъ, хотя бы только послѣ того, какъ начинается распаденіе церковныхъ формъ и догмъ, впервые явилось правильное печеніе о бѣдныхъ, и получила дальнѣйшее развитіе мысль, что бѣдственное положеніе массъ есть позоръ для человѣчества, и слѣдуетъ употребить всѣ усилія, чтобы радикально его уничтожить. Намъ не должно вводить въ заблужденіе то, что во времена процвѣтанія вибшней церковности нищета какъ бы искусственно поддерживалась въ дѣляхъ обряда подаенія. что народы ни подъ однимъ игомъ такъ тяжело не стонали, какъ подъ игомъ поповъ. Не слѣдуетъ также соблазняться и тѣмъ, что специфически набожные люди обыкновенно слишкомъ легко раздѣляются съ моралью, а съ другой стороны, именно вольнодумцы и даже враги существующей церкви не разъ отдавали угнетенному человѣчеству всѣ свои помысленія и дѣла, въ то время какъ служители церкви засѣдали за столами богачей и проповѣдовали бѣднымъ смиреніе. Когда говорятъ, что мораль Новаго Завѣта оказала глубокое воздѣйствіе на народы христіанскаго міра, то это вѣдь вовсе не значитъ, что ея воздѣйствіе должно было сильнѣе всего сказаться именно у тѣхъ, которые въ данное время преимущественно занимаются буквой этого ученія. Мы вмѣстѣ съ Миллемъ видѣли, какъ ничтожно обыкновенно прямое вліяніе этихъ словъ на cadaго въ отдѣльности, въ особенности же на тѣхъ, которые съ дѣтства освоились съ этими словами и привыкли соединять съ ними извѣстныя торжественныя чувства, не вдумываясь никогда въ ихъ настоящій смыслъ и не испытывая вѣянія той силы, которая была имъ присуща первоначально. Мы не станемъ здѣсь пускаться въ психологическое изслѣдованіе о томъ, не вѣроятнѣе ли даже, что унаслѣдованныя идеи наибольшее вліяніе оказываютъ именно тамъ, гдѣ ихъ простая передача прерывается сомнѣніями, частичной оппозиціей, появленіемъ новыхъ и чуждыхъ возрѣній; необходимо констатировать только слѣдующее: именно потому, что эти слова слышатся повсюду въ христіанскомъ

мірѣ и передаются отъ поколѣнія къ поколѣнію, ихъ истинный смыслъ и зажигательная сила по меньшей мѣрѣ такъ же легко могутъ быть восприняты духомъ, въ которомъ они находятъ для своего произростанія свѣжую почву, какъ и такимъ, который глубоко завязъ въ старыхъ идейныхъ ассоціаціяхъ. Поэтому вообще говоря весьма вѣроятно, что энергическія или даже революціонныя стремленія нашего вѣка видоизмѣнить общественный строй въ направленіи благоприятномъ для угнетенныхъ массъ стоять въ весьма тѣсной связи съ идеями Новаго Завѣта, хотя въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ носители этихъ стремленій считаютъ нужнымъ выступить противъ того, что теперь принято называть христіанствомъ. Исторія представляетъ намъ свидѣтельство такой связи въ сліяніи религіозныхъ и коммунистическихъ идей у крайней лѣвой реформаціоннаго движенія шестнадцатаго столѣтія. Къ сожалѣнію болѣе чистыя формы этихъ стремленій еще по сіе время недостаточно извѣстны и оцѣнены, и разрозненныя, грубыя по своимъ краскамъ каррикатурныя ихъ изображенія, какія до насъ дошли, лишены фона могучей и широко распространенной идеи времени. Тогда даже высокообразованные люди католической партіи не могли не поддаться этимъ идеямъ. Томасъ Моръ написалъ свою «Утопію», произведеніе съ коммунистической тенденціей, не шутки ради, а съ намѣреніемъ воздѣйствовать на своихъ современниковъ, хотя бы путемъ изображенія такихъ состояній, которыя въ буквальномъ смыслѣ невозможны. Утопія была для него только средствомъ для распространенія тѣхъ идей, которыя въ иной формѣ едва ли можно было отважиться высказать; и въ самомъ дѣлѣ эти идеи были далеко впереди его вѣка. Такъ онъ отстаивалъ идею религіозной терпимости, которая въ настоящее время добилась общаго признанія. Его другъ и единомышленникъ Людовикъ Вивесъ хотя и выступилъ въ мягко написанномъ сочиненіи противъ коммунистическихъ насилій крестьянскихъ войнъ, но онъ же одинъ изъ первыхъ открыто высказалъ, что попеченіе о бѣдныхъ не должно ограничиться случайнымъ подаяніемъ, и что христіане должны признать своимъ долгомъ непрерывно и въ достаточной мѣрѣ заботиться о бѣдныхъ путемъ специальныхъ общественныхъ<sup>11)</sup> учреждений. Короткое время спустя впервые въ Англіи рѣшили ввести общественное попеченіе о бѣдныхъ; и именно этотъ институтъ, который со времени французской революціи наряду съ гражданскимъ бракомъ, гражданскимъ «крещеніемъ» и тому подобными институтами скорѣе представлялъ собою противоположность церковнымъ учреждениямъ, несомнѣнно выросъ изъ христіанскихъ принциповъ. Такія преобразованія идеи въ исторіи культуры не рѣдкость, и даже не раздѣляя воззрѣнія Гегеля относительно превращенія всего въ противоположность, нужно однако допустить, что весьма часто великая идея, вслѣдствіе измѣненій въ ея сочетаніи съ другими элементами, принимаетъ въ послѣдующемъ своемъ дѣйствіи почти прямо противоположное направленіе. Поразительно также родство нравственныхъ принциповъ Контасъ христіанскими; религіозный полетъ у Контасъ несомнѣненъ, и большинство явленій французскаго и англійскаго коммунизма имѣютъ родственную этому черту. Прежде всего заслуживаетъ вниманія почтенный Оуэнъ, пожертвовавшій свое богатство бѣднымъ и проклятый заносчивыми и высокомерными ревнителями вѣры за то, что онъ считалъ существующее христіанство безсильнымъ помочь нуждѣ погрязшихъ въ нищетѣ массъ. Конечно, болѣе чѣмъ естественно, что во времена всепоглощающаго эгоизма, когда ста-

рая религія входитъ въ сдѣлку съ матеріальными интересами, натуры, проникнутыя первоначальнымъ духомъ этой религіи, порываютъ съ существующими формами. Поэтому весьма возможно, что въ числѣ аналогій между нашимъ временемъ и паденіемъ древняго міра окажется и то творческое и объединительное движеніе, благодаря которому въ то время изъ развалинъ стараго порядка возникъ союзъ новой вѣры. Здѣсь мы однако сталкиваемся съ тѣмъ утвержденіемъ, что съ религіей дѣло кончено, съ тѣхъ поръ какъ естественныя науки разрушили догму, а социальныя—научили насъ устраивать жизнь народовъ болѣе удовлетворительно, чѣмъ это когда либо могли сдѣлать основоположенія религіи. Но мы видѣли, что по крайней мѣрѣ социальныя науки пока еще никакого такого дѣйствія не оказали. Конечно, онѣ достаточны для того, чтобы показать намъ, что могущественная, властолюбивая церковь всегда является препятствіемъ для экономическаго, умственнаго и нравственнаго развитія народовъ, что просвѣщеніе и школа идутъ рука объ руку съ уменьшеніемъ духовенства какъ со стороны числа, такъ и со стороны вліянія, что уменьшеніе преступленій совпадаетъ съ уменьшеніемъ суевѣрія, неразрывно связаннаго съ вѣрою въ букву. Мы знаемъ, что вѣра и безвѣріе не составляютъ замѣтной разницы въ образѣ дѣйствія людей какъ вообще, такъ и въ ихъ вліяніи на выходящіе изъ ряда вонъ поступки. Вѣрующій, какъ и невѣрующій поступаетъ нравственно или безнравственно, или даже преступно по причинамъ, связь которыхъ съ его принципами проявляется только очень рѣдко, да и тогда она представляется только какъ бы побочнымъ дѣйствіемъ ассоціаціи идей. Разница только въ самомъ характерѣ психическаго процесса: одинъ поддается искушенію дьявола или же, обладая вообще здравымъ умомъ, слѣдуетъ воображаемому внушенію свыше; другой грѣшитъ съ холодною фривольностью или въ упоеніи страстей. Совсѣмъ напрасно набожныхъ преступниковъ принимаютъ обыкновенно за ханжей; случаи, въ которыхъ религіей пользуются лишь какъ внѣшнимъ покрываломъ, теперь рѣдки; напротивъ, очень часто самыя позорныя дѣянія совмѣщаются съ дѣйствительно глубоко религіозной душевной жизнью—но конечно съ такою, которая заражена тѣми же, отмѣченными нами выше словами М и л л я, слабостями, что и жизнь людей безукоризненно благочестивыхъ. Возможно пожалуй и то, что постоянная возня съ религіозными чувствами нерѣдко расслабляетъ въ нравственномъ отношеніи; но это бываетъ далеко не всегда, и часто вѣра удивительно закаляетъ силу характера. Въ противномъ случаѣ какъ могли бы мы объяснить себѣ личности Лютера, Кромвеля? Въ сущности относительно нравственнаго вліянія вѣры или безвѣрія съ научной точки зрѣнія нѣтъ ничего прочно установленнаго; ибо возможно, что большая нравственная грубость страпъ, еще проникнутыхъ вѣрою въ букву, есть только косвенное вліяніе и въ главномъ ничего не доказываетъ; именно въ такихъ странахъ отпаденіе отъ религіи скорѣе всего связано съ порчей, тогда какъ въ странахъ просвѣщенныхъ распущенность скорѣе находится на сторонѣ вѣрующихъ. Статистика хотя и показываетъ намъ, что въ Германіи при прочихъ сходныхъ условіяхъ протестантскія страны проявляютъ больше обмана, католическія—больше насильственныхъ дѣйствій, однако всѣ эти факты не даютъ намъ права дѣлать какія либо заключенія о внутренней сторонѣ; ибо большее число обмановъ при болѣе внимательномъ раз-

смотрѣніи представляется слѣдствіемъ большаго числа торговыхъ дѣлъ, а насильственные дѣйствія также не происходятъ отъ вѣры въ непорочное зачатіе, а отъ недостатка въ воспитаніи, который главнымъ образомъ зависитъ только отъ внѣшняго давленія церкви и порождаемой этимъ нищеты. Мы уже видѣли выше, какъ трудно сдѣлать какіе либо выводы изъ цифръ моральной статистики, и поэтому мы воздержимся здѣсь отъ специальной критики нѣкоторыхъ интересныхъ пунктовъ, ибо конечный результатъ по отношенію къ непосредственно предлагающему вопросу во всякомъ случаѣ отрицательный. Несомнѣнно одно, что клерикальное ученіе о нравственной развращенности всѣхъ невѣрующихъ на опытѣ не оправдывается, и что съ другой стороны столь же мало можетъ быть доказано и вредное вліяніе вѣры. Если обозрѣть всю вообще исторію въ цѣломъ, то является почти несомнѣннымъ, что не только нашимъ нравственнымъ прогрессомъ, но и умственнымъ мы главнымъ образомъ обязаны тихому, но непрерывному воздѣйствію христіанскихъ идей, — по эти идеи могутъ однако проявиться во всей своей силѣ лишь съ разрушеніемъ церковной и догматической формы, которая сковываетъ ихъ такъ, какъ твердая скорлупа сковываетъ сѣмя дерева.

Оборотной стороны этого благодѣтельнаго вліянія христіанства должно искать въ тѣхъ именно ученіяхъ и учрежденіяхъ, которыми имѣлось въ виду достигнуть прочнаго и безусловнаго господства догматовъ и церкви надъ душами людей. Прежде всего уже давно вошедшее въ кругъ христіанскихъ догматовъ ученіе объ общемъ осужденіи всего челоуѣчества и вѣчныхъ мученіяхъ ада, угнетая души и усиливая высокоомѣріе священства, принесло новѣйшимъ народамъ неслыханное зло. Право церкви связывать и разрѣшать стало краугольнымъ камнемъ іерархіи, а іерархія во всѣхъ ея формахъ и градаціяхъ стала проклятіемъ новыхъ народовъ. Но даже тамъ, гдѣ она повидимому была разрушена, наиболѣе бросающагося въ глаза чертою духовенства, какъ особаго сословія, осталось властолюбіе, и богатія средства религіозныхъ идей и церковныхъ традицій примѣнялись, къ сожалѣнію, съ очень большимъ успѣхомъ для того, чтобы вызвать затемненіе духа, которое должно было привести къ полной тупости по отношенію ко всякому непосредственному дѣйствію великихъ идей. Такимъ образомъ историческое христіанство создало огромную пропасть между небольшою кучкой избранныхъ и истинно свободныхъ умовъ и ограниченной, угнетенной массой. Это то же явленіе въ духовной области, какое промышленный строй породилъ въ области матеріальной, и этотъ расколъ народной жизни какъ тутъ, такъ и тамъ является главнымъ и великимъ зломъ настоящаго времени.

Своеобразная сторона каждой религіи въ нравственномъ отношеніи заключается не столько въ ея нравственныхъ ученіяхъ, сколько въ той формѣ, въ какой она стремится ихъ осуществить. Для этики матеріализма совершенно безразлично, въ какой формѣ ея ученія проявляютъ свое дѣйствіе; для нея главное матеріаль, содержаніе въ частномъ, а не тотъ способъ, какимъ эти ученія образуютъ нѣчто цѣлое съ опредѣленнымъ этическимъ характеромъ. Наиболѣе ясно это выступаетъ въ морали интересовъ, которая въ лучшемъ случаѣ представляетъ собою казуистику, поучающую насъ ставить долговременный интересъ выше преходящаго и значительный выше ничтожнаго. Поэтому часто предпринимающаяся

попытка свести всё добродѣтели къ себлюбію остается не только софистическою, но также холодною и скучною. Однако и мораль, вытекающая изъ принципа естественной любви къ ближнему, не только, какъ нами показано было выше, вполне согласуется съ физическимъ матеріализмомъ, но и сама носитъ матеріалистическій характеръ, покуда нѣтъ идеала, согласно которому человѣкъ стремится опредѣлять свои отношенія къ ближнимъ и вообще установить гармонію въ своемъ мірѣ явленій. До тѣхъ поръ, пока мораль выдвигаетъ необходимость отдаваться чувствамъ симпатіи и учить заботиться о ближнихъ и работать на ихъ пользу, она все еще носитъ существенно матеріалистическій отпечатокъ, хотя бы она и побуждала не къ самоуслажденію, а къ жертвамъ; лишь тогда, когда въ центрѣ всѣхъ стремленій становится принципъ, наступааетъ формалистическій поворотъ. Такъ, напримѣръ, этика Канта по содержанію весьма близко подходитъ къ этикѣ Конта или Милля, но тѣмъ не менѣе очень рѣзко отличается отъ всякаго другого ученія объ общемъ благѣ тѣмъ, что нравственный законъ съ его строгимъ и неумолимымъ указаніемъ на гармонію цѣлаго, частями котораго мы являемся, рассматривается какъ данное a priori. Что касается истинности этого ученія, то дѣло здѣсь, повидимому, обстоитъ совершенно такъ же, какъ въ ученіи о категоріяхъ. Дедукція принципа не совершенна, самый принципъ поддается исправленію, однако зародышъ этого представленія о связи съ цѣлымъ должно лежать до всякаго опыта въ нашей организаціи, ибо въ противномъ случаѣ совершенно немыслимо было бы начало этического опыта. Принципъ этики существуетъ a priori, но не какъ готовая развитая совѣсть, а какъ особенность нашей первоначальной организаціи, природу и образъ дѣйствія которой мы, какъ и природу нашего тѣла, отчасти познаемъ лишь мало по малу и a posteriori. Это познаніе однако никоимъ образомъ не нарушается отъ того, что устанавливается опредѣленный принципъ, содержащій въ себѣ только одну сторону истины. Здѣсь, какъ и въ физическомъ изслѣдованіи, должно по меньшей мѣрѣ въ теоретическомъ отношеніи признать то, что идеи для прогресса также важны, какъ и опытъ. Но такъ какъ здѣсь дѣло заключается не столько въ томъ, чтобы найти наиболѣе истинную нравственную философію, сколько въ томъ, чтобы направить свою волю на благородные и добрые поступки, то идея, выступавшая уже въ области познанія какъ главная двигательная пружина наряду съ механизмомъ опыта, получаетъ еще болѣе высокое значеніе. Но здѣсь, конечно, снова можетъ возникнуть вопросъ, не ведетъ ли двигательная идея часто къ заблужденію, и именно по отношенію къ религіознымъ системамъ можно спросить, не лучше ли просто предоставить себя облагораживающему дѣйствию естественной симпатіи и двигаться такимъ образомъ медленно, но вѣрно впередъ, чѣмъ прислушиваться къ пророческимъ голосамъ, которые слишкомъ часто уже приводили къ отвратительнѣйшему фанатизму.

Первоначально религіи даже и не имѣютъ цѣлью служить нравственности. Порожденія страха предъ могущественными явленіями природы, фантази и варварскихъ наклонностей и представленій—религіи у такъ называемыхъ первобытныхъ народовъ представляютъ источникъ такихъ мерзостей и нелѣпостей, которыя врядъ ли могли бы возникнуть изъ простой борьбы интересовъ даже въ наиболѣе грубой формѣ. Какъ много такихъ уродливыхъ элементовъ кроются въ религіи даже образованныхъ

народовъ, могутъ показать намъ сужденія Эпикура и Лукреція, потому что сами мы, ослѣпленные возвышенными сторонами античной миеологии, лишь съ трудомъ можемъ непосредственно вникнуть въ сущность античныхъ религій. Однако уже простая вѣра въ сверхчувственные, обладающія могучею силой существа представляла полный значенія отправный пунктъ для естественнаго развитія этическихъ идей. Противуположность между цѣлымъ, человѣческимъ общежитіемъ, и отдѣльной личностью не легко понятна для первобытнаго человѣка; съ другой стороны мысль о мстящемъ существѣ в нѣ человѣчества уже очень рано нашла себѣ представителя, и мы въ самомъ дѣлѣ находимъ божество какъ мстителя за человѣческія преступленія уже у такихъ народовъ, представленія которыхъ еще весьма дѣки, а нѣкоторые религиозные обряды приводятъ въ содроганіе. Съ развитіемъ культуры измѣняются къ лучшему также и представленія о богахъ, и мы видимъ, какъ божества, которыя первоначально олицетворяли лишь страшную или благотворную силу природы, мало по малу получаютъ все болѣе опредѣленное этическое значеніе. Такъ, въ классическую эпоху древней Эллады мы находимъ слѣды стараго значенія боговъ, какъ силъ природы, одновременно съ ихъ этическимъ значеніемъ, а наряду съ ними выродки грубаго народного суевѣрія, которые въ религиозныхъ обрядахъ повседневной жизни занимали гораздо большее мѣсто, чѣмъ мы могли бы предполагать по дошедшимъ до насъ прекраснымъ преданіямъ греческой поэзіи и пластики. Такимъ образомъ религія, отливая въ соотвѣтствіи съ характеромъ народа пестрые образы міра идей въ своеобразныя формы, можетъ въ одно и то же время служить этическому прогрессу и освящать всякаго рода мерзости.

Въ созданіяхъ человѣческаго воображенія повторяется древняя проблема объ отношеніи цѣлаго къ его частямъ. Матеріализмъ никогда не откажется отъ того, чтобы и духовныя созданія религіи разлагать на ихъ элементы, подобно тому какъ онъ сводитъ къ атомамъ тѣлесный міръ. Фантазія, страхъ, ложное заключеніе — вотъ чѣмъ представляется ему религія, являющаяся продуктомъ этихъ отдѣльныхъ вліяній, и если онъ приписываетъ ей нравственное вліяніе, то объясняетъ это вліяніе перенесеніемъ естественной морали на сверхъестественныя понятія. Мы видимъ, какъ религія часто оказываетъ на людей поразительное дѣйствіе какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ; мы видимъ, какъ въ средніе вѣка она тысячи дѣтей побуждаетъ къ крестовому походу, а въ наше время побуждаетъ мормоновъ бѣжать, не смотря на борьбу и угнетенія, въ пустыню Соленого озера,—какъ магометанство съ быстротою ярко пылающаго пламени производитъ переплавку народовъ и приводитъ въ волненіе материка; какъ реформація образуетъ въ исторіи эпоху: для матеріализма все это не болѣе какъ особенно усилѣнное совпаденіе тѣхъ же факторовъ чувственности, страстности и заблужденія или несовершеннаго познанія; мы же однако вспомнимъ при этомъ, что какъ и во внѣшнихъ вещахъ, такъ и здѣсь цѣнность и сущность предмета заключается не въ простомъ фактѣ, что дѣйствуютъ совмѣстно тѣ или иные элементы, а въ той формѣ, въ какой они дѣйствуютъ, и въ томъ, что форму эту—которая въ практическомъ отношеніи для насъ самое важное—можно познать только въ своеобразномъ цѣломъ, а не въ отвлеченныхъ фактахъ. Что побудило Аристотеля отдавать преимущест-



ство формъ передъ матеріей, цѣлому передъ его частями, это его глубоко практическая натура, его нравственный смыслъ, и если мы въ области точнаго изслѣдованія необходимо должны идти въ противоположномъ направленіи и все снова объяснять цѣлое изъ частей, а форму— по скольку это возможно — изъ веществъ, то мы со времени Канта знаемъ, что вся необходимость такого приѣма есть только отраженіе организации нашего, созданнаго для анализа разума, что этотъ процессъ есть *processus in infinitum*, который никогда не достигнетъ вполнѣ своей цѣли, но съ другой стороны никогда не долженъ отступить передъ данной проблемой. Мы знаемъ, что постоянно существуетъ одинаково большое противорѣчіе между законченной и своеобразной природой цѣлаго и приблизительнымъ объясненіемъ его изъ его частей; мы знаемъ, что въ этомъ противорѣчьи отражается природа нашей организаціи, въ силу которой мы только путемъ творческаго воображенія получаемъ вещи въ цѣломъ, законченно и закругленно, путемъ же познанія—лишь частично, приблизительно, но зато сравнительно точно. Всѣ великія недоразумѣнія и всемірно-историческія заблужденія происходятъ именно отъ смѣшенія этихъ способовъ представленія, вслѣдствіе чего продукты поэтическаго творчества, завѣты внутренняго голоса, откровенія религіи какъ абсолютныя истины либо представлялись въ конфликтъ съ истинными познаніями, либо же имъ вообще не удѣлялось никакого мѣста въ сознаніи народовъ. Конечно, всѣ поэтическіе продукты и откровенія имѣютъ для нашего сознанія характеръ абсолютнаго, непосредственнаго, ибо тѣ условія, въ силу которыхъ возникаютъ эти созданія воображенія, до сознанія не доходятъ; съ другой стороны всѣ созданія поэзіи и всѣ откровенія, если подойти къ ихъ матеріальному содержанию съ мѣркой точнаго познанія, простоту должны. Однако это абсолютное имѣетъ цѣнность только какъ образъ, какъ символъ потусторонняго абсолютнаго, котораго мы рѣшительно познать не можемъ, и эти заблужденія или намѣренные отступленія отъ дѣйствительности приносятъ вредъ лишь въ томъ случаѣ, если считаются съ ними какъ съ матеріальными познаніями. Поэтому во времена, въ которыя извѣстная степень образованности соединялась съ нѣкоторою религіозностью, религія была неразрывно связана съ искусствомъ, тогда какъ смѣшеніе ея ученій съ трезвымъ знаніемъ есть признакъ упадка и застоя. Въ искусствѣ истинная цѣнность представленій заключается въ формѣ, какъ бы въ стилѣ архитектуры представленій и въ дѣйстви ея на душу; въ области же знанія всѣ представленія—каждое въ отдѣльности, какъ и всѣ вмѣстѣ—должны быть истинны по содержанию.

Но хотятъ, чтобы религія содержала въ себѣ истину во что бы то ни стало: она должна происходить если не изъ человѣческаго познанія, то отъ нѣ котораго высшаго воззрѣнія—знанія сущности вещей, которое открываетъ людямъ божество. Мы уже достаточно ясно высказались о томъ, что никоимъ образомъ не можемъ допустить ни присоединенія религіозныхъ познаній къ результатамъ методической науки, ни верховенства надъ этими результатами, и мы хотѣли бы думать, что это положеніе наряду съ сопоставленіемъ религіи съ искусствомъ и метафизикой въ ближайшемъ будущемъ будетъ признано всѣми; намъ даже какъ будто кажется, что это отношеніе въ несравненно большей степени, чѣмъ обыкновенно полагаютъ, познается или по крайней мѣрѣ предчувствуется даже самыми крайними изъ вѣрующихъ людей.

Правда, душевное состояніе всей огромной массы исповѣдующихъ разныя религіи подобно тому состоянію, съ какимъ дѣти слушаютъ сказки. Полное зрѣлое чувство дѣйствительности и испытанной истинности еще не выработалось. Лишь съ его развитіемъ исчезаетъ достовѣрность этихъ разсказовъ, ибо прилагается уже другой масштаб истинности; но чувство поэзіи не покидаетъ настоящаго человѣка на всѣхъ ступеняхъ его жизни.

Древніе видѣли въ поэтѣ вдохновеннаго прорицателя, который, всецѣло исполненный и увлеченный своимъ предметомъ, уходитъ въ мысляхъ отъ обычной дѣйствительности. Не должно ли это проникновеніе идей имѣть свое право и въ религіи? И если затѣмъ существуютъ души, которыя такъ глубоко погружены въ эти настроенія, что у нихъ обычный міръ дѣйствительности передъ этимъ отступаетъ, — то какимъ инымъ образомъ онѣ могутъ обозначить живость, постоянство и плодотворность ихъ духовныхъ переживаній какъ не словомъ «истина»? Правда, это послѣднее имѣетъ только значеніе образа, но такого образа, который цѣнится людьми выше дѣйствительности, получающей все свое значеніе лишь отъ того свѣта, который падаетъ на нее отъ лучей этого образа. Христіанину лишь по имени можно логикой выгнать изъ головы тотъ вздоръ, который остался у него въ памяти отъ изученія катехизиса, но вѣрующаго не разубѣдишь въ значеніи его внутренней жизни никакими доводами. И если ты ему сто разъ докажешь, что все это только субъективныя ощущенія, то онъ пошлетъ тебя съ твоимъ субъектомъ и объектомъ къ чорту и будетъ надсмѣхаться надъ наивными попытками дыханіемъ смертныхъ устъ сдунуть твердыни Сіона, высоко поднимающіеся куполы котораго онъ видитъ въ сіяніи Агнца и вѣчнаго величія Бога. Масса, бѣдная логикой также какъ и вѣрой, считаетъ силу пророческаго убѣжденія такимъ же критеріемъ истины какъ повѣрку арифметической задачи, и такъ какъ языкъ все же принадлежитъ народу, то уже поэтому приходится до поры до времени мириться съ двоякимъ употребленіемъ слова «истина».

Но не говорите мнѣ здѣсь о «двойной бухгалтеріи!» Это понятіе, вдвойнѣ вредное, имѣетъ во-первыхъ ложное названіе, избобрѣтенное однимъ профессоромъ, который надо думать никогда не видѣлъ коммерческой книги и во всякомъ случаѣ разумѣлъ подъ этимъ нѣчто совершенно иное, чѣмъ то, что выражается въ *tertium comparationis*; затѣмъ оно по существу своему относится всецѣло къ тому сумеречному міру дѣтскихъ сказокъ, который мы только что изобразили. Это понятіе соответствуетъ точкѣ зрѣнія людей, которые усвоеніемъ пріемовъ научной дѣятельности достигли только того, что въ своей спеціальности они методично и добросовѣстно могутъ отличить истинное отъ ложнаго; но люди эти еще не въ состояніи перенести настоящій критерій истиннаго на другія области, и тутъ считаютъ еще истиннымъ то, что наиболѣе соответствуетъ ихъ неяснымъ чувствамъ. Философъ можетъ допустить второе значеніе слова «истина», но не можетъ забыть, что значеніе это только образное. Онъ можетъ даже предостерегать отъ безразсуднаго рвенія, направленнаго противъ «истинъ» религіи, если убѣжденъ, что идеальное содержаніе ихъ имѣетъ еще нѣкоторую цѣнность для нашего народа, и что эта послѣдняя больше пострадаетъ отъ необдуманнаго нападенія на формы, чѣмъ будетъ выиграно съ другой стороны отъ просвѣщенія. Далѣе этого онъ однако идти не можетъ и никогда не по-

терпеть, чтобы ученія, которыя по природѣ своей преходящи и мѣняются вмѣстѣ съ характеромъ времени, были занесены въ какую либо книгу, въ которой ведется счетъ прочной сокровищницѣ человѣческихъ познаній. Въ отношеніяхъ науки мы имѣемъ обломки истины, которыя постоянно умножаются, но все же остаются только оторванными ея частями; въ идеяхъ философіи и религіи мы имѣемъ образъ истины, который ставить ее передъ нами пѣликомъ, но все же остается образомъ, мѣняющимся по своей формѣ соответственно точкѣ зрѣнія нашего пониманія.

Но какъ же дѣло обстоитъ съ религіей отъ разума? Не удалось ли рационалистамъ, или Канту, или теперешнимъ свободнымъ общинамъ создать религію, которая въ строжайшемъ смыслѣ слова проповѣдуетъ одну только истину, которая, очищенная отъ шлаковъ суевѣрія или, какъ выражается Кантъ, отъ тупоумія суевѣрія и безумія фанатизма, отвѣчала бы вполне только этической конечной цѣли религіи?

Отвѣтъ на это, если понимать истину въ обыкновенномъ, а не въ образномъ смыслѣ слова, безусловно отрицательный; не существуетъ вовсе такой разумной религіи безъ догмъ, не поддающихся доказательству. Если же вмѣстѣ съ Кантомъ понимать подъ разумомъ способность къ идеямъ, а на мѣсто доказательства поставить просто этическое оправданіе, тогда все, что окажется нравственнымъ на дѣлѣ, будетъ одинаково истинно. Можно даже еще обойтись и безъ Кантовскаго минимума Бога, свободы и безсмертія; свободныя общины уже выкинули и это за бортъ; но и тѣ основоположенія, которымъ онѣ слѣдуютъ, въ сущности тоже излишни.

Излишни всѣ эти ученія въ вѣ принципѣ, поскольку именно изъ общихъ свойствъ человѣка или по какому нибудь другому основанію никоимъ образомъ невозможно доказать, что общество безъ этихъ ученій необходимо впадо бы въ безнравственность. Но если дѣло идетъ объ опредѣленномъ обществѣ, на примѣръ, о современномъ нѣмецкомъ обществѣ, то весьма вѣроятно, что наиболѣе цѣнный въ нравственномъ отношеніи составъ представленій потребуетъ несравненно больше идей, чѣмъ положено Кантомъ въ основаніе его религіи отъ разума. Это—грубо выражаясь—дѣло вкуса, но конечно существенно опредѣляющимъ является здѣсь не субъективный вкусъ отдѣльной личности, а общее культурное состояніе народовъ, господствующее направленіе ассоціаціи идей и извѣстное, обусловленное безконечно многими факторами, основное душевное настроеніе.

Рационалисты прошлаго столѣтія были причастны къ всеобщему стремленію тогдашняго образованія къ духовному аристократизму. Если они въ общемъ и болѣе серьезно относились къ благу народа, чѣмъ правовѣрные, то все же они исходили изъ потребностей и настроеній образованныхъ круговъ. Въ этихъ кругахъ въ то время считали еще возможнымъ вполне истинную религію, ибо еще не достаточно убѣдились въ томъ, что по выдѣленіи изъ нея всего, что вызываетъ сомнѣніе въ критическомъ умѣ, ничего болѣе не останется. Этому во всякомъ случаѣ можно было научиться у Канта, но Кантъ со своимъ чисто этическимъ обоснованіемъ религіи былъ понятъ очень немногими, и такимъ образомъ въ нашемъ столѣтіи возможно было снова возвращеніе къ идеѣ объ очищенной отъ всякаго заблужденія религіи. У нихъ прекрасно изображаетъ въ своей проникнутой благороднѣйшею правдивостію брѣ-

ширѣ «Отвѣтъ на открытое письмо» (Antwort auf einen offenen Brief 1860) какъ переходъ отъ рационалистической церковности къ окончательному отпаденію отъ протестантизма въ значительной мѣрѣ подвинулъ основателей свободныхъ общинъ: «Мы были того мнѣнія, что если въ нашей церкви будетъ устранено то, противъ чего давно возмущаются нашъ разумъ и совѣсть, то оставшееся отъ ученія и формы удовлетворитъ насъ и будетъ для насъ истинною, спасительною религіею. Но мало по малу мы убѣдились, что разъ признать собственное мышленіе въ религіи какъ право и выполнять его какъ долгъ, мы должны все традиціонное, даже то, что ранѣе не казалось предосудительнымъ, подвергнуть строгому испытанію и опредѣлить, покоится ли оно на фундаментѣ вѣчной истины или нѣтъ». Но что такое однако этотъ фундаментъ вѣчной истины, на которомъ должна покоиться религія свободныхъ общинъ? Это ничто иное, какъ сама наука, и прежде всего естествознаніе. Улихъ называетъ религію «наукою наукъ»; онъ отвергаетъ всѣ положенія, покоющіяся только на вѣроятности и на чаяніи, какъ, напримѣръ, предположеніе сознательной міровой души; онъ считаетъ истину «отраженіемъ дѣйствительности, дѣйствительнаго міра съ его вещами и силами, законами и явленіями въ человѣческой душѣ». Что лежитъ по ту сторону изслѣдованія, то не должно входить и въ религію. При этомъ для него религія съ нравственной стороны есть «признаніе связи человѣчества съ вѣчнымъ порядкомъ или, если угодно, со священною силою, которой ему надлежитъ подчиниться». «Единственно, что необходимо»—это созданіе царства истины, добра и красоты. Основаніе всего ученія заключается, слѣдовательно, въ соединеніи этической и умственной стороны—въ принципѣ, съ помощью котораго строго научное познаніе получаетъ возможность оказывать нравственное дѣйствіе. Принципъ этотъ есть единство истины, добра и красоты. Благодаря этому принципу вмѣстѣ съ истиною достигается и болѣе полная, благородная, чело-вѣчность и наоборотъ; обѣ же вмѣстѣ ведутъ къ высшей красотѣ, къ чистой радости и блаженству. Здѣсь передъ нами догматъ въ полномъ смыслѣ этого слова — догматъ, который не только не доказанъ, но, подвергнутый строгому испытанію со стороны разума, оказывается прямо невѣрнымъ; но тѣмъ не менѣе въ качествѣ идеи онъ, подобно всякой иной религіозной идеѣ, можетъ наставить человѣка и возвысить его надъ предѣлами чувственности. Истина—въ смыслѣ дѣйствительности—не только не совпадаетъ съ красотой, но рѣшительно ей противоположна. Все прекрасное есть созданіе воображенія (Dichtung), даже то, что становится непосредственнымъ предметомъ нашихъ чувствъ, ибо уже въ зачаточную дѣятельность чувствъ входитъ, какъ мы показали въ предыдущемъ отдѣлѣ, нѣкоторая примѣсь нашего духа. Художникъ уже въ непосредственномъ созерцаніи видитъ свой предметъ болѣе прекраснымъ, чѣмъ менѣе воспримчивый профанъ, и наши реалисты живописи отличаются отъ идеалистовъ только тѣмъ, что они вводятъ въ свое твореніе больше чертъ дѣйствительности, такъ что основная идея предмета въ чистомъ видѣ сплетается у нихъ съ идеями его состояній; но если бы они вовсе не идеализировали, то они не были бы уже художниками. Глазъ любви, томленіе сердца, горестное воспоминаніе и радостное свиданіе, всѣ эффекты и чувственные отправления—все это рождаетъ поэтическіе вымыслы, и если бы эту поэзію совершенно исключить, то слѣдуетъ задаться вопросомъ, осталось ли бы еще въ жизни что-нибудь,

ради чего стоило бы жить. Такимъ образомъ и все Улиховское воззрѣніе на природу — необходимая составная часть его религіи— есть ничто иное, какъ поэзія. «Когда я созерцаю, нагибаясь къ цвѣтку», говоритъ Улихъ, «я дѣйствительно испытываю то чувство, какъ будто изъ него смотреть и благоухаетъ божество». Безъ сомнѣнія—но это также есть истинное и дѣйствительное ощущеніе вѣрующаго, который въ молитвѣ чувствуетъ близость своего Бога и знаетъ, что услышанъ. Можно оспаривать вѣдшій источникъ его чувства, но ни въ коемъ случаѣ не самое чувство. Если же я въ природѣ останавливаюсь при видѣ прекраснаго и сравнительно совершеннаго, чтобы предаваться благоговѣнному созерцанію, то я этимъ дѣлаю самую природу своей идеей добра и красоты. Я не замѣчаю сухого пятна на чашечкѣ цвѣтка, изъѣденныхъ гусеницею листьевъ, и если растущій въ моемъ саду цвѣтокъ издаетъ неприятный запахъ, то я не пользуюсь имъ чтобы поклоняться немного и чорту, а просто вырываю его и бросаю на другое мѣсто природы, которое еще менѣе можетъ служить для моихъ благочестивыхъ размышленій.

Вижу ли я въ природѣ преимущественно несовершенное или совершенное, вношу ли я въ нее свою идею красоты и получаю ее обратно сторицею, или же предо мною повсюду выступаютъ слѣды глѣбня, гибели и опустошительной борьбы—это ужъ зависитъ отъ меня. И когда я затѣмъ сосредоточиваю свое вниманіе на смѣнѣ жизни и смерти, крайняго изобилія и внезапной гибели, я оказываюсь у самаго источника культа Діонисія, и одинъ взглядъ на контрастъ между высочайшимъ идеаломъ и всѣмъ живущимъ ставитъ меня въ самый центръ потребности искупленія.

Этимъ замѣчаніемъ, конечно, вовсе не имѣется въ виду показать, что религіозное наставленіе въ духѣ свободныхъ общинъ безусловно негодно, а лишь то, что оно по сравненію съ другими формами наставленія не можетъ притязать на преимущество безусловной истины. Здѣсь дѣло идетъ о большемъ или меньшемъ количествѣ истины и вымысла, и то обстоятельство, что основатели свободныхъ общинъ не признаютъ этого, ставить ихъ представленіе о религіи въ умственномъ отношеніи ниже представленія Каята и Фихте, но зато оно пріобрѣтаетъ тотъ характеръ наивности, какой мы обыкновенно находимъ только у ортодоксіи.

Правда, съ философской стороны было замѣчено, что какъ основаніе религіи будущаго долженъ быть взятъ въ развивающемся познаніи такой пунктъ, въ которомъ мы, подобно свободнымъ общинамъ, можемъ еще на самомъ дѣлѣ наивно вѣрить, въ которомъ разница между резултатами критическаго мышленія и религіознаго чувства совершенно для насъ исчезаетъ, хотя бы она и выступила вновь въ болѣе позднія времена. Но развѣ это не значитъ основать религіозную вѣру на метафизической? И, разъ послѣдняя не можетъ существовать иначе какъ опираясь на вымыселъ почему бы въ такомъ случаѣ и религіи самой не опереться на вымыселъ, не пріобрѣгая для этого предварительно къ посредству метафизики? Однако, если умозрѣніе можетъ способствовать тому, чтобы на религіозныя идеи будущаго не оказывали слишкомъ большаго вліянія субъективныя наклонности мощныхъ характеровъ—что несомнѣнно имѣло мѣсто въ эпоху реформаціи, — если оно можетъ способствовать тому, чтобы эти идеи были взяты изъ самаго сердца всего нашего культурнаго развитія, а не просто подобраны на

поверхности церковной полемики — тогда мы приветствуемъ его трудъ; но однѣ лишь наивныя завѣренія намъ уже болѣе не пригодны.

Представитель передовой реформированной теологіи, симпатичный и краснорѣчивый пасторъ Лангъ выступилъ въ своемъ «Опытѣ христіанской догматики» (*Versuch einer christlichen Dogmatik*<sup>12</sup>) противъ нашей точки зрѣнія, утверждая, что религіи, «какъ только перестаютъ въ нихъ вѣрить», всегда падаютъ, тогда какъ созданія поэзіи, если они удовлетворяютъ эстетически, сохраняютъ свое значеніе. Приблизительно то же можно было бы сказать и о метафизическомъ умозрѣніи, которое доселѣ тоже выступало постоянно съ притязаніями на абсолютную истинность, и послѣдователи котораго составляли кружокъ вѣрующихъ. И тѣмъ не менѣе даже самыя значительныя системы врядъ ли когда либо нѣхали безусловныхъ приверженцевъ, и тамъ, гдѣ нѣчто подобное встрѣчается, какъ, на примѣръ, въ школѣ Гербарта, это свидѣтельствуетъ объ извѣстной бѣдности и замкнутости всего круга идей. Много ли было правовѣрныхъ кантіанцевъ? Среди значительныхъ умовъ, главнымъ образомъ прославившихъ систему и бывшихъ главными носителями ея вліянія, — едва ли даже одинъ. Не распространила развѣ система Гегеля своего вліянія далеко за кругъ вѣрующихъ и не принесла ли она своихъ лучшихъ плодовъ именно тамъ, гдѣ съ нею обращались вполне свободно? Что сказать наконецъ о Платонѣ, умозрѣніе котораго еще и теперь, послѣ тысячелѣтій, оказываетъ могущественное вліяніе, хотя уже съ первыхъ его послѣдователей, вѣроятно, никто не думалъ, что дедукціи его имѣютъ то безусловное значеніе, на которое онѣ притязаютъ?

Ну, а религіи! Не смотрѣли развѣ въ древности стойки въ продолженіе многихъ столѣтій на народную вѣру какъ на поэтическое выраженіе этическихъ идей и не распространили ли они при этомъ больше религіозности, нежели всякіе жрецы? По мнѣнію Ланга Юпитеръ долженъ былъ уступить мѣсто Іеговѣ, Олимпъ христіанскому небу, потому что чувственное воззрѣніе монотеизма на божество не удовлетворяло уже развившемуся познанію, — потому что въ законченномъ монотеизмѣ христіанства была признана высшая истина. По дѣйствительно ли познаніе въ эпоху римской имперіи настолько подвинулось впередъ по сравненію съ эпохой Сократа и Протагора? Были ли массы когда либо болѣе суевѣрны, знать болѣе падка на чудесное, философы — болѣе мистики, нежели въ эпоху распространенія христіанства? И когда же собственно эта религія Юпитера и соединеннаго Олимпа, которая должна была тогда пасть, вообще существовала? Она пробивалась съ трудомъ, одновременно и рука объ руку съ начатками просвѣщенія, борясь съ древнею національною вѣрой, расщепленной на многія тысячи мѣстныхъ культовъ. Право поэзіи развивать и формировать религію хотя и не могло быть возвѣщено открыто, но оно тѣмъ не менѣе существовало, и во всемъ періодѣ расцвѣта эллинской культуры мы видимъ поэтовъ и философовъ, занятыхъ развитіемъ религіозныхъ ученій и воззрѣній. Правда, въ мѣстномъ культѣ требовалась безусловная вѣра; но что такое была это вѣра, какъ не благочестивая преданность души священнымъ сказаніямъ родного города? — чѣмъ инымъ она могла быть въ то время, когда каждый городъ, каждая деревня имѣли свою вѣру, и когда каждый образованный человѣкъ ставилъ себѣ строгимъ правиломъ признавать значеніе всякой вѣры на ея мѣстѣ и не нарушать ея? И развѣ во время

распространенія христіанства первыми присоединились къ новой вѣрѣ именно наиболѣе просвѣщенные умы и философскіе мыслители? Или развѣ въ исторіи обращенія выдающихся личностей главную роль играетъ умственное познаніе? И дѣйствительно ли народная масса потеряла вѣру въ старыхъ боговъ, когда она увидѣла себя вынужденною принять новую религію? Совсе не процессъ распространенія просвѣщенія представляетъ намъ исторія: всеобщее социальное разложеніе, борьба и нужда во всѣхъ слояхъ общества, міровая скорбь и невыразимая жажда блаженства не отъ міра сего—вотъ истинные источники великаго переворота. Одно просвѣщеніе могло бы такъ же хорошо примкнуть къ Юпитеру и Олимпу: имъ было бы легче справиться съ этимъ, чѣмъ нашимъ теперешнимъ теологамъ-реформаторамъ съ попыткой преобразовать христіанство въ чистую религію отъ разума.

«Почему»,—спрашиваетъ Лангъ,—«въ эпоху реформаціи католическое небо съ его святыми пало и уступило мѣсто гораздо болѣе безцвѣтному и менѣ поэтическому небу?» Отвѣтъ онъ снова находитъ въ прогрессѣ познанія. Почему же—спросимъ мы въ свою очередь—это католическое небо не пало у столь просвѣщенныхъ народовъ, какъ французы и итальянцы? Потому ли Германія провела реформацію, что она опередила всѣ другіе народы въ научномъ познаніи, или же она оказалась впереди остальныхъ народовъ въ познаніи потому, что по инымъ причинамъ сломала власть іерархіи и абсолютнаго единства вѣры? Если, наконецъ, спрашиваютъ, почему протестантскій міръ все болѣе и болѣе отдаленъ отъ правовѣрія, и отвѣтъ усматриваютъ во вліяніи научныхъ открытій, то мы на это должны замѣтить, что эти открытія вступаютъ въ особенно рѣзкій конфликтъ именно съ тѣмъ, что теологи-реформаторы желали бы сохранить изъ инвентаря христіанства, тогда какъ къ другимъ ученіямъ, напимѣръ, къ ученію объ искупительной смерти Сына Божія, они относятся гораздо болѣе безразлично. Очень ужъ узка та полоска омываемой кругомъ земли, которую реформированная теологія старается отстоять противъ волнъ надвигающагося матеріализма, и нигдѣ вымыслы умозрѣнія не нужны до такой степени какъ именно здѣсь, если еще желательно сохранить хоть нѣкоторые догматы. Самъ Лангъ вслѣдъ за критикой, направленной противъ насъ, пользуется для своей религіозной потребности именемъ Бога-Отца. Однако, его Богъ есть ничто иное, какъ «вѣчно въ себѣ совершенная, вѣв всякаго измѣненія міроваго процесса стоящая основа всего сущаго». Онъ не творитъ чудесъ, онъ не имѣетъ человѣческой души, онъ не заботится въ частности о благѣ или горѣ своихъ твореній, онъ нигдѣ не вмѣшивается въ ходъ естественныхъ законовъ; его существованіе покоится единственно на томъ, что въ противоположность матеріализму, рядомъ съ простою совокупностью всего сущаго требуется еще особое для него основаніе. И вотъ изъ этого-то основанія всего существующаго создается «отецъ». Для чего это? А потому,—что душа не можетъ обойтись безъ того, чтобы не представить себѣ существа, которое лично любить насъ и простираетъ къ намъ свою мощную длань, когда мы находимся въ нуждѣ. Можно ли требовать еще болѣе сильнаго доказательства поэтизирующаго принципа въ религіи?

Гомеръ не всегда сохранялъ свое значеніе, а вновь получилъ его, когда появилось поколѣніе, сдумѣвшее его оцѣнить, и тогда вмѣстѣ съ нимъ

воскресли и греческіе боги. Когда Шиллеръ сказалъ объ этомъ мірѣ боговъ: «Что будетъ безсмертно въ пѣснѣ, должно погибнуть въ жизни»— онъ очень хорошо зналъ, что на насъ дѣйствуетъ здѣсь самая сущность, духовное зерно греческаго ученія о богахъ, какъ оно дѣйствовало на Платона и Сократа.

### III. Теоретическій матеріализмъ въ его отношеніи къ нравственности и религіи.

Матеріализмъ древнихъ въ своей наиболѣе зрѣлой формѣ былъ прямо и открыто направленъ противъ религіи, окончательное уничтоженіе которой Лукрецій считаетъ важнѣйшимъ дѣломъ человѣка. Матеріализмъ новыхъ вѣковъ часто обнаруживаетъ ту же тенденцію, но послѣдняя рѣдко выступаетъ открыто, и даже въ этихъ случаяхъ обыкновенно направляется болѣе противъ христіанства, чѣмъ противъ религіи какъ таковой. Мысль о постепенномъ очищеніи народной вѣры отъ элементовъ суевѣрія пустила столь глубокіе корни, что большинство борцовъ противъ суевѣрія невольно слѣдовало этому направленію, даже тогда, когда ихъ собственный принципъ шелъ гораздо далѣе. Съ тѣхъ поръ какъ Вольтеръ съ непримиримою ненавистью преслѣдовалъ церковь и церковную вѣру, но въ то же время однако хотѣлъ сохранить вѣру въ Бога, бурные натиски продолжаютъ еще главнымъ образомъ направляться противъ ортодоксіи, противъ буквы традиціоннаго ученія церкви, тогда какъ основа всякой вѣры — чувство зависимости отъ неземныхъ силъ—почти всегда остается внѣ спора, и часто даже прямо признается. Философскія видоизмѣненія и истолкованія, искусство переложенія и передачи, которыя изъ «основы всего сущаго» умудряются сдѣлать «любящаго отца», играютъ большую роль въ исторіи развитія молодыхъ священниковъ, нѣсколько меньшую—въ сохраненіи извѣстной связи между народною вѣрой и образомъ мыслей образованнаго класса и почти никакой—въ нападкахъ матеріалистовъ и другихъ апостоловъ невѣрія на религію. Поразительно, какъ часто совершенно упускаютъ изъ виду тотъ способъ, какимъ ученая теологія обыкновенно раздѣляется съ догматами; болѣе свободныя среднія воззрѣнія, одухотворенное пониманіе церковныхъ преданій, разсматриваются какъ несуществующія, и вся отвѣтственность за грубость простонароднаго вѣрованія и уродливыя наросты крайнихъ направленій немилосердно взваливается на христіанство; однако, при всемъ этомъ «очищенное отъ всякаго суевѣрія христіанство», «чистое ученіе о Богѣ», или же еще «религія безъ догматовъ» признается весьма часто необходимымъ жизненнымъ элементомъ человѣчества.

Не трудно понять вліяніе этой полемики. Большинство болѣе или менѣе просвѣщенныхъ теологовъ совершенно не чувствуютъ себя задѣтыми этими нападками и смотритъ свысока на «ненаучность» подобнаго рода противниковъ. Вѣрующіе же считаютъ себя оскорбленными насмѣшками надъ тѣмъ, что для нихъ свято и заираются противъ всякой критики, даже



въ томъ случаѣ, гдѣ они и безъ подобныхъ нападокъ сами не прочь были бы ее примѣнить. Привлечены будутъ только колеблющіеся и давно отошедшіе отъ вѣры умы, которымъ внушаетъ уваженіе самоувѣренность новыхъ апостоловъ; а съ другой стороны еще болѣе укрѣпляются въ своемъ озлобленіи противъ вѣрующихъ всѣ тѣ, которые и помимо того принадлежали къ лагерю матеріалистовъ и радикальнаго просвѣщенія. Результатъ: противоположности, разрывающія нашу народную жизнь, обостряются, и мирное разрѣшеніе проблемы будущаго становится болѣе труднымъ.

Не таково было бы дѣйствіе полемики, которая серьезно и рѣшительно возбудила бы сомнѣніе въ возможности дальнѣйшаго существованія религіи вообще. Наше время по истинѣ даетъ еще достаточный матеріалъ для Лукреціева «*Tantum religio potuit suadere malorum*», и не мѣшало бы точнѣе изслѣдовать связь между плодами дерева и его корнемъ. Если такой умный и благочестивый теологъ, какъ Рихардъ Роте (Rothe)<sup>13</sup>, могъ придти къ мысли, что церковь постепенно должна раствориться въ государствѣ, то подобало бы и свободомыслящимъ въ свою очередь подвергнуть строгой критикѣ дуализмъ политическаго общезитія и религіознаго союза, а не переносить слѣпо старыя формы на совершенно чуждое имъ содержаніе. Съ недавнихъ поръ у насъ въ числѣ «свободныхъ общинъ» имѣется фракція, которая не только уничтожила безъ остатка старыя догматы вѣры, но и усматриваетъ особенный прогрессъ въ устраненіи торжественнаго и обрядоваго отправления извѣстныхъ дѣйствій, касающихся отношенія отдѣльнаго лица къ религіозной общинѣ. Такъ, напримѣръ, «крещеніе», которое до того сопровождалось торжественнымъ наминаніемъ родителямъ относительно воспитанія, а также порученіемъ ребенка благорасположенію всѣхъ сочленовъ общины, было отмѣнено по той причинѣ, что въ немъ усмотрѣли излишнее посредничество священника, а слѣдовательно, остатокъ священническаго авторитета. Люди этого направленія часто обращаются съ Ронге, Бальцеромъ и другими прежними главарями движенія, придерживающимися опредѣленныхъ, хотя и весьма общихъ положеній и соотвѣтственно простыхъ формъ культа, какъ съ высокомѣрными попами и ставятъ ихъ чуть ли не на одну доску съ непогрѣшимымъ папой<sup>14</sup>). Тѣмъ не менѣе они все еще учреждаютъ общины, назначаютъ проповѣдниковъ, и, поскольку возможно, ищутъ назиданія въ однообразномъ повтореніи отрицанія. При этомъ часто исчезаетъ граница между общиной и союзомъ—отчасти по винѣ государства, которое все еще ставитъ большія преграды свободному развитію союзовъ, а въ то же время допускаетъ образованіе религіозныхъ общинъ при самомъ незамѣтномъ минимумѣ религіи. Иногда въ качествѣ проповѣдниковъ этихъ общинъ выступали люди, почти не скрывавшіе своего отвращенія ко всякаго рода религіи. При разборѣ же ихъ сочиненій оказывается, что они съ любовью останавливаются на крайностяхъ ортодоксіи и шіетизма и обнаруживаютъ свой радикализмъ въ дерзкой насмѣлкѣ и сатиры, между тѣмъ какъ имъ и въ голову не приходитъ подвергнуть принципиальной критикѣ, включающей и свободныя воззрѣнія, самое право религіи. Въ этомъ кругу просто нѣтъ чутя къ идеальной сторонѣ религіозной жизни, и негодность всего, что не можетъ быть доказано какъ истинное обыкновенному уму, представляется чѣмъ-то само собою понятнымъ<sup>15</sup>).

То же одностороннее преобладаніе разсудочнаго принципа обнаруживается и въ попыткѣ одного смѣлаго «натуралиста» основать религіозную

общину «когитантовъ»; здѣсь, однако, выступаетъ новый моментъ, который вкратцѣ можно обозначить какъ рѣшительный протестъ противъ этического материализма. Община когитантовъ д-ра Левенталя должна быть «соціально-гуманитарнымъ религіознымъ союзомъ» — обществомъ, которое съ одной стороны дѣлаетъ предметомъ культа самое мышленіе и знаніе, съ другой—считаетъ своею основой насажденіе человѣческаго достоинства и человѣколюбія <sup>16</sup>). Еще рѣшительнѣе выдвигаетъ культъ и церемоніи Эдуардъ Рейхъ, писатель, выступившій въ цѣломъ рядѣ сочиненій въ защиту материалистическаго міровоззрѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ въ отдѣльной брошюркѣ представившій проектъ «церкви человѣчества». Рейхъ считается съ потребностями души и съ поэтическимъ чувствомъ человѣка и потому не скупится на празднества, дѣніе, хоры и торжественныя шествія. Символическія дѣйствія, праздничное украшеніе церкви, клятвенные обѣты и освященія придаютъ религіи «вѣчнаго свѣта» такой блескъ, подобный которому трудно найти между существующими религіями; тимпаны, трубы и литавры соединяются съ звуками органа и колокольнымъ звономъ, чтобы сообщить наиболѣе высокой подъемъ религіознымъ чувствамъ исполненной благоговѣнія толпы <sup>17</sup>).

Наиболѣе широко развилъ эту идею культа гуманности Коитъ, и по его системѣ религія занимала бы гораздо большее мѣсто въ жизни отдѣльнаго лица и народа, чѣмъ когда либо до того. Цѣлыхъ два часа втеченіе дня посвящаются исключительно молитвѣ, которая состоитъ въ изліяніи чувствъ, вызывающихъ въ насъ идеи почитанія, любви и привязанности—въ образѣ матери, супруги и дочери. Общественный культъ требуетъ восьмидесяти четырехъ праздниковъ въ году и располагаетъ девятью таинствами. Но самымъ замѣчательнымъ представляется, рядомъ съ сотнею странностей невиннаго характера, рѣшительное пристрастіе къ іерархическому управленію народомъ <sup>18</sup>). У Рейха мы также находимъ іерархически организованное духовенство, и религія когитантовъ имѣетъ по крайней мѣрѣ своего «магистра культа» (Kultmagister), облеченнаго нѣкоторымъ авторитетомъ сана.

Такимъ образомъ изъ «отжившей» христіанской религіи здѣсь воспринять такой факторъ, который безъ сомнѣнія принадлежитъ къ наиболѣе рискованнымъ и опаснымъ: организованное духовенство и авторитетъ сана. Можно поставить вопросъ, не было ли бы наше рѣшеніе инымъ, если бы намъ предстоялъ выборъ—либо сохранить нѣкоторыя шаткія ученія и мистически темныя догматы вѣры, но зато разрушить іерархію, либо же вновь наложить ея оковы, но получить вполнѣ просвѣщенные ученія.

Не заложены ли неизмѣнно въ самой природѣ человѣка психологическіе законы, которые, независимо отъ содержанія вѣры, дѣлаютъ всякую іерархію, всякое стоящее надъ народомъ духовенство властолюбивымъ и возбуждаютъ въ немъ рвеніе къ сохраненію своего авторитета? Въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ это дѣйствіе повсюду не только въ большихъ типичныхъ формахъ тибетской, средневѣковой-христіанской и древне-египетской іерархіи, но, какъ показали новѣйшія этнографическія изслѣдованія, даже въ самыхъ малыхъ религіозныхъ группахъ у отдаленнѣйшихъ народовъ, у самыхъ жалкихъ негритянскихъ племенъ и на самыхъ маленькихъ островахъ океана.

Если придерживаться того мнѣнія, что совершенное просвѣщеніе въ

теоретической области предохраняеть отъ этого явленія, то надо бы однако прежде указать, откуда возьмется та сила, которая явится такимъ могучимъ противувѣсомъ невольню прокрадывающимся властолюбивымъ вождѣльнїямъ. Трудно ожидать этого отъ чисто теоретическихъ занятїй, и что бы мы ни говорили о просвѣтляющей силѣ истины, у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ за то, что эта задача ей по плечу. Реформаторы также думали, что постигли всю истину и отдѣлались отъ всѣхъ заблужденїй, и тѣмъ не менѣе какое властолюбїе, какая нетерпимость, какой духъ гоненїя проявлялись и въ средѣ лютеранскаго духовенства, пока его не подавила и не укротила переросшая его власть современнаго государства! Или, можетъ быть, думать, что церковное ученїе абсолютнаго просвѣщенїя не даетъ болѣе матеріала для сильныхъ и ожесточенныхъ споровъ и для обвиненїй въ ереси?—пусть тогда бросягъ взглядъ на скудные естественно-научныя положенїя, которыя Ронге считалъ до такой степени важными и непоколебимыми, что помѣстилъ ихъ въ учебникъ закона Божїя <sup>19)</sup> для юношества. Здѣсь мы найдемъ много утвержденїй, которыя современная наука отчасти уже признала ложными, отчасти оставила подѣ большимъ сомнѣнїемъ. Подобныя заслужденїя, конечно, постоянно проникають въ школы или же распространяются путемъ популярно-научной литературы, и по временамъ они обнаруживаютъ поразительную живучесть. Мнѣнїя о существованїи центральнаго солнца, о замкнутой системѣ млечныхъ путей, повторяющейся въ туманныхъ пятнахъ, о населенности большинства небесныхъ тѣлъ «разумными существами, похожими на людей», о кометахъ какъ переходныхъ формахъ въ образованїи небесныхъ тѣлъ, и много другихъ долгое время остаются въ умахъ людей, не причиняя этимъ большого вреда. Но если такого рода положенїя освящаются религіей, и если къ тому же эта религія оберегается и охраняется дорожающимъ своимъ авторитетомъ духовенствомъ, тогда они дѣйствуютъ гораздо болѣе вреднымъ образомъ, и нельзя съ увѣренностью сказать, возможно ли при такихъ условїяхъ вообще продолжительное существованїе свободнаго естествознанїя. Какая борьба могла бы возникнуть при появленїи великихъ новыхъ принциповъ, — напрымѣръ, дарвинизма! Дарвинизмъ вызываетъ споры и теперь; но какъ добродушны они по сравненїю съ какими бы то ни было религіозными пререканїями, и насколько добродушнѣе они были бы, если бы и теперь нѣкоторая ожесточенность не была внесена въ нихъ отношенїями къ религіи.

Если государство наконецъ рѣшится дѣлать то, что составляетъ его прямую задачу, а именно, ввести въ общую народную школу преподаванїе естественныхъ наукъ, то этимъ будутъ достигнуты большїе и благотворные успѣхи. Пропастъ между воззрѣнїемъ народа и класса образованныхъ уменьшится, самостоятельность каждаго гражданина, способность противодѣйствїя всякаго рода обману и суевѣрїю увеличится, и отношенїе этого ученїя къ религіи мало по малу сложится такъ, какъ оно сложилось въ настоящее время у образованныхъ людей, не вызывая при этомъ никакого конфликта воззрѣнїй. Чѣмъ менѣе предвзято и болѣе положительно, т. е. безъ всякаго побочнаго полемическаго намѣренїя, будетъ вестись такое преподаванїе, тѣмъ благоприятнѣе будетъ совершаться процессъ уравниенїя старыхъ и новыхъ воззрѣнїй. Церковь же, какъ и всякая другая религіозная община, никонимъ образомъ не можетъ толковать этотъ предметъ такъ спокойно и свободно. Она придаетъ научнымъ положенїямъ освящен-

ніе и значеніе, въ которомъ они не нуждаются, и чѣмъ болѣе она закрѣпляетъ частное, тѣмъ болѣе она искажаетъ духъ цѣлаго.

Для распространенія теоретическаго знанія и просвѣщенія вообще не требуется никакого душевнаго подъема. Онъ даже не полезенъ, ибо истинное познаніе достигается скорѣе и легче при полномъ спокойствіи тихаго и методическаго наблюденія. Столь же мало нуждается и истина въ большомъ международномъ союзѣ; она сама образуетъ такой союзъ и прорывается черезъ всѣ соціальныя и географическія границы.

Иначе дѣло обстоитъ съ нравственностью, съ облагороженіемъ желаній и съ направленіемъ побужденій на благо цѣлаго. Но и тутъ одно нравственное поученіе врядъ ли способно вызвать душевное настроеніе, къ которому подходили бы трубные звуки и гимны. Всякая религія, какъ и всякая поэзія, связана съ человѣческими радостями и горестями, страхомъ, желаніями и надеждами, и если часто къ невыгодѣ религіи приводится то, что она возникла изъ страха и вождельнія, то этому можно противопоставить, что потому-то религія и является соответствующею областью для очищенія и облагороженія страха и вождельнія. Но достаточны ли для этого естественныя событія въ человѣческой жизни, рожденіе и смерть, бракъ и несчастія, — очень сомнительно. Разъ объектъ душевнаго движенія переносится отъ близкаго въ далекое, а побужденіе тѣмъ самымъ переводится отъ конечнаго на безконечное, то вступаетъ въ свои права мистика. Матеріаль, который съ одной стороны есть истинно человѣческой, съ другой же стороны трогаетъ сердца указаніемъ на божественное и вѣчное, составляетъ ту основу, съ которой неразрывно связана этическая тенденція религіи. Поэтому трагизмъ страдающаго сына Божія со времени мистерій древнихъ грековъ и до отпрысковъ христіанства въ протестантизмѣ былъ болѣе существенною составною частью истинно-религіозной жизни, чѣмъ всѣ остальные преданія и положенія. Но подобный матеріаль искусственно создать нельзя. Онъ долженъ развиваться постепенно. А если въ немъ нѣтъ болѣе нужды, то въ такомъ случаѣ становится очень сомнительнымъ, есть ли еще вообще нужда въ какой нибудь религіи.

Уже теперь проложилъ себѣ дорогу нѣкоторый культъ гуманности, который однако не содержитъ въ себѣ къ счастью никакого зачатка церковнаго строя съ замкнутыми формами и обособленнымъ сословіемъ духовенства. Празднества въ память великихъ людей, въ память основанія значительныхъ разсадниковъ культуры, благотворительныхъ учрежденій и обществъ, великіе народныя и международныя съезды для развитія наукъ и искусствъ или для защиты великихъ принциповъ — все это гораздо болѣе здоровыя начала вѣка гуманности, чѣмъ произвольно составленные святцы Конта или празднества «единодушія», «великихъ людей» и т. п., которыми Рейхъ хочетъ замѣнить христіанскія празднества. Но если здѣсь и можно распознать нарождающійся культъ гуманности, то съ сущностью религіи онъ не имѣетъ ничего общаго. Мы уже упомянули объ отсутствіи замкнутаго сословія духовенства, но и съ внутренней стороны духъ этихъ новыхъ учрежденій для укрѣпленія сердца и соединенія силъ въ борьбѣ за высокія цѣли челоуѣчества рѣшительно отличается отъ всего, что мы привыкли называть религіей. Въ великихъ людяхъ мы чтимъ не демоновъ, отъ власти которыхъ мы зависимъ, а роскошныя цвѣты и плоды того дерева, къ которому принадлежимъ и мы. Даже несомнѣнно существующая зависимость нашего мышленія и чувствованія отъ тѣхъ формъ, которыя созданы были вели-

кими умами прошедшихъ временъ сознается не въ смыслѣ религіозной зависимости, а какъ радостное признаніе тѣхъ жизненныхъ источниковъ, изъ которыхъ мы черпаемъ, которые продолжаютъ бить полнымъ ключемъ и общають также и впредь рождать новую и свѣжую жизнь<sup>20)</sup>.

Оказывается такимъ образомъ, что теоретическій матеріализмъ, рѣшительно отвергая религію и предоставляя заботу о нравственности и гуманности отчасти государству, отчасти частнымъ лицамъ, не только поступаетъ наиболѣе послѣдовательно, но и достигаетъ относительно наиболѣе благоприятнаго результата для духовной будущности человѣчества. Большая часть функцій, падающихъ теперь на церковь, перейдетъ тогда въ школу; но нужно употребить всѣ мѣры предосторожности, чтобы не дать ей превратиться въ замкнутое, управляющее человѣчествомъ учрежденіе, которое какъ бы собирается вступить въ оставленное наслѣдіе церкви. Это привело бы только къ новой касти. Только въ качествѣ органа государства и свободнаго предпріятія вполне проникнутыхъ самознаніемъ социальныхъ круговъ школа можетъ достигнуть такого развитія, которое будетъ способствовать успѣхамъ истиннаго образованія и подлинной нравственности, не приводя къ опасностямъ іерархическаго профессиональнаго авторитета и властолюбивой, корпоративной политики.

Но спрашивается затѣмъ: не приводить ли теоретическій матеріализмъ въ своемъ конечномъ выводѣ еще далѣе, и не стремится ли онъ, отвергая всякія этическія цѣли государства, къ социальному атомизму, при которомъ каждый отдѣльный атомъ общества просто слѣдовалъ бы своимъ собственнымъ интересамъ?

При разрѣшеніи этого вопроса столь же мало слѣдуетъ опираться на простую аналогію съ атомизмомъ и крайнимъ индивидуализмомъ, какъ съ другой стороны ограничиваться ссылкой на протестъ нашихъ матеріалистовъ противъ такого вывода. Аналогія эта помимо ея принципиальной несостоятельности дала бы намъ очень немного: признаетъ же матеріалисты вещи, образующіяся изъ атомовъ и оказывающія свою форму воздѣйствіемъ отъ цѣлаго на движеніе частей—почему бы ему не признавать и социальныхъ образованій, которыя какъ цѣлое опредѣляютъ путь отдѣльныхъ индивидовъ? А протестъ матеріалистовъ уже потому не можетъ рѣшить вопроса, что вопросъ этотъ не личный, а принципиальный. Подобно тому какъ могутъ быть матеріалисты, которые мирятся съ существующими религіями или стремятся создать новую, тогда какъ другіе съ помощью матеріализма желаютъ устранить фундаментъ всѣхъ религій—совершенно такъ же всѣ наши современные матеріалисты могли бы протестовать противъ этическаго матеріализма, тогда какъ позднѣйшая школа, можетъ быть, признаетъ его необходимымъ и истиннымъ его выводомъ. Исторически этическій матеріализмъ развился въ промышленномъ мірѣ, а теоретическій матеріализмъ—въ средѣ естествоиспытателей. Первый превосходно мирился съ церковной ортодоксіей, второй почти всегда боролся за просвѣщеніе. Все же можно бы существовать и болѣе глубокая связь, въ силу которой оба явленія, какъ слѣдствія одного и того же культурнаго состоянія, представлялись бы вытекающими изъ существенно одинаковыхъ источниковъ. Выступая вначалѣ отдѣльно, они лишь постепенно обнаружили бы свою внутреннюю связь, чтобы затѣмъ окончательно соединиться.

Совершенно справедливымъ является, конечно, протестъ матеріалистовъ противъ того воззрѣнія, которое подъ матеріализмомъ понимаетъ только

«погоню за чувственными удовольствиями». Необходимость чувственных вожделѣній прежде всего есть дѣло темперамента и воспитанія и принципиально не мирится ни съ какимъ философскимъ воззрѣніемъ, фактически же мирится съ всякимъ. Если даже, какъ у Аристиппа и Ламеттри, единичное чувственное наслажденіе возводится въ принципъ, то и тогда самообладаніе остается все-таки требованіемъ философіи, хоть бы только для того, чтобы сохранить возможно дольше способность къ наслажденію; съ другой же стороны чувственное вожделѣніе весьма часто прорывается именно у приверженцевъ философіи съ чисто аскетическими основоположеніями—будь то путемъ открытаго нарушенія собственныхъ принциповъ, или же ложными и запутанными путями самообмана.

Въ первой главѣ этого отдѣла мы видѣли, что страсть къ наслажденію нельзя даже считать выдающейся чертой нашего времени; такую скорѣе является исключительная забота о собственномъ интересѣ, особенно въ дѣлѣ наживанія денегъ. Этотъ принципъ исключительной заботы о собственномъ интересѣ, который мы признали за сущность этического материализма, правда, не рѣдко является въ связи съ теоретическимъ материализмомъ, какъ, напримѣръ, у Бюхнера въ первомъ изданіи его «Матеріи и силы»; гораздо чаще однако у тѣхъ материалистовъ, которые книгъ не пишутъ<sup>21</sup>).

Рѣшающимъ въ этомъ вопросѣ о связи между этическимъ и теоретическимъ материализмомъ является не историческое разсмотрѣніе и не собраніе мнѣній современниковъ, а изслѣдованіе того, возможно ли естественно обосновать этический принципъ съ точки зрѣнія теоретическаго материализма, и обратно—совмѣстимъ ли теоретическій материализмъ съ какимъ либо этическимъ принципомъ. Мы уже видѣли, что изъ строго материалистическаго міровоззрѣнія можно вывести не одинъ лишь принципъ эгоизма, но также и то, что является его великимъ противобѣсомъ—симпатію. Оба принципа можно, помимо всякихъ трансцендентныхъ идей или суевѣрныхъ гипотезъ, вывести попросту изъ чувственной природы человѣка, и при этомъ тотъ, кто имъ слѣдуетъ, можетъ быть въ полномъ смыслѣ слова материалистомъ. Для того же, чтобы примирить съ материализмомъ нравственный принципъ Канта, необходимо было бы свести этотъ принципъ съ высотъ его апріорности и обосновать психологически. Съ другой стороны, кто убѣжденъ въ апріорности нравственнаго закона, тотъ не можетъ оставаться при теоретическомъ материализмѣ; вопросъ о происхожденіи нравственнаго закона постоянно будетъ увлекать его за границы опыта, и онъ никоимъ образомъ не будетъ считать совершеннымъ и вполне вѣрнымъ такое міропредставленіе, которое основано на одномъ лишь опытѣ.

Однако и симпатія для материалиста не то, что для идеалиста. Бюхнеръ замѣчаетъ какъ-то, что въ сущности своей состраданіе есть только «утонченный эгоизмъ», и въ самомъ дѣлѣ это, по крайней мѣрѣ съ его материалистической точки зрѣнія, вполне допустимо<sup>22</sup>). Тогда симпатія зарождается естественно въ тѣснѣйшихъ кругахъ съ общими интересами, какъ напримѣръ въ семьѣ, и вполне совмѣстима съ самымъ рѣзкимъ эгоизмомъ по отношенію ко всему лежащему внѣ этого круга. Идеалистъ же, напротивъ однимъ прыжкомъ оказывается въ общемъ. Связь его съ другомъ есть для него только ближайшее звено безконечной общ-

мающей всё существа цѣпи: «отъ монголовъ», какъ говоритъ Шиллеръ, «до греческаго ясновидца, примыкающаго къ послѣднему серафиму». Естественныя чувства, возникающія въ тѣсныхъ кругахъ, тотчасъ же сводятся къ общей причинѣ и приводятся въ связь съ идеей, требующей безусловнаго признанія. Въ душѣ возникаетъ образъ идеальнаго совершенства, и созерцаніе этого идеала становится путеводною звѣздою при всѣхъ дѣйствіяхъ. Теоретическій матеріализмъ, оставаясь послѣдовательнымъ, не можетъ возвыситься до такого воззрѣнія, ибо для него это отправление отъ цѣлаго и отъ всеобщаго, ранѣе всякаго опыта установленнаго принципа есть заблужденіе. Матеріалистъ не можетъ слѣдовать словамъ Шиллера: «дерзай заблуждаться и мечтать», ибо для него высшій законъ—строгое согласіе его міропредставленія съ результатами мышленія и чувственнаго воспріятія.

Поэтому, хотя матеріализмъ и въ состояніи вывести изъ своихъ основныхъ положеній всѣ добродѣтели необходимыя для существованія общества, все же и тутъ скажется психологическій законъ, по которому при примѣненіи нашихъ принциповъ первоначальныя исходныя пункты, именно потому что они чаще другихъ повторяются и оставляютъ болѣе глубокіе слѣды въ душѣ, всегда получаютъ нѣкоторый перевѣсъ. Вслѣдствіе этого распространеніе матеріалистическаго міропониманія на протяженіи времени необходимо будетъ содѣйствовать этическому матеріализму, а съ другой стороны послѣдователи эгоизма, какъ нравственнаго принципа, мало по малу примкнутъ къ матеріализму, хотя бы они первоначально въ теоретической области придерживались совсѣмъ иныхъ воззрѣній.

Въ самомъ дѣлѣ теперь уже несомнѣнно, что міровоззрѣніе тѣхъ круговъ, которые прежде всего гонятся за наживой и слѣдуютъ практическому эгоизму, все болѣе и болѣе склоняется къ матеріализму, а въ то же время теоретическіе матеріалисты особенно охотно нападаютъ на тѣ черты христіанства, которыя стоятъ въ рѣзкомъ противурѣчьи къ духу современной промышленной жизни. Среди нападокъ, которыя въ новѣйшее время направляются не только противъ мнѣическихъ преданій христіанства, но и противъ его морали, не послѣднюю роль играетъ то направленіе, которое изображаетъ христіанство религіей зависти и ненависти бѣдныхъ къ богатымъ.

Всѣ эти взаимоотношенія и сдѣленія станутъ намъ еще яснѣе, если мы далѣе разсмотримъ міровоззрѣнія двухъ людей, которые выдѣляются послѣдовательностью и ясностью своего мышленія, также какъ и философскимъ образованіемъ, и которые лишь въ болѣе зрѣломъ возрастѣ рѣшительно примкнули къ матеріалистическому міропониманію. Къ тому же это, можетъ быть, будетъ желаннымъ дополненіемъ къ нашей исторіи матеріализма, хотя бы уже потому, что одна изъ подлежащихъ обсужденію системъ въ новѣйшее время возбудила большое вниманіе, другая же, наоборотъ, впервые здѣсь выводится за мирный кругъ частной переписки. Мы говоримъ о системахъ Фридриха Ибервега и Давида Фридриха Штраусса.

Матеріализмъ какъ у Ибервега, такъ и у Штраусса есть лишь конечный результатъ продолжительнаго развитія. Это можетъ показаться страннымъ, ибо матеріализмъ естественно представляетъ первую, грубую форму философіи, отъ которой не труденъ переходъ къ сенсуализму и къ идеа-

лизму, между тѣмъ какъ никакое другое послѣдовательное воззрѣніе путемъ одного лишь расширенія опыта или путемъ логической обработки не можетъ быть приведено къ матеріализму. И не таковъ въ самомъ дѣлѣ былъ ходъ развитія обоихъ философовъ хотя, какъ мы увидимъ, дарвинизмъ оказалъ на нихъ значительное и можетъ быть рѣшающее вліяніе. Наоборотъ, въ началѣ своего философствованія какъ Ибервегъ, такъ Штрауссъ, благодаря традиціи и ходу своего образованія находились на сколькой почвѣ; они погрузились въ такое мировоззрѣніе, которое не было ни объективно вѣрнымъ, ни соответствующимъ ихъ субъективному складу и наклонностямъ. Поэтому ихъ движеніе отъ одной ступени къ другой было въ существѣ процессомъ разложенія, который наконецъ разрѣшился отдохновеніемъ на прочной съ виду почвѣ матеріализма.

Ибервегъ былъ какъ бы predeterminedъ для матеріализма своимъ рѣшительнымъ отвращеніемъ къ Канту<sup>23)</sup>, которое съ самаго начала руководило имъ при выработкѣ его собственныхъ воззрѣній. Ученикъ Бенеке, примкнувшаго къ англійской философіи и сдѣлавшаго психологію основною наукою, Ибервегъ еще студентомъ защищаетъ, въ отличіе отъ своего учителя, натуралистическое направленіе этой психологіи. Но въ то же время, однако, онъ находился подъ могучимъ вліяніемъ аристотелика Тренделенбургъа, и дѣйствительно, элементы аристотелевской философіи главнымъ образомъ и отдѣляли его отъ матеріализма, такъ что постепенное преодоленіе ихъ и вызвало поворотъ въ его воззрѣніяхъ. Въ этомъ процессѣ развитія можно различить три ступени; первую — когда телеологическій принципъ еще сохраняетъ для него полную силу, вторую — на которой этотъ принципъ борется съ его натурализмомъ, и наконецъ третью — когда этотъ принципъ окончательно побѣжденъ.

Какъ далеко въ первой стадіи Ибервегъ былъ отъ матеріализма, можетъ показать слѣдующій краткій обзоръ его метафизики, какой даетъ д-ръ Лассонъ, близкій другъ и усердный корреспондентъ нашего философа<sup>24)</sup>; вотъ какъ представлялъ ее себѣ Ибервегъ въ то время, когда онъ писалъ свою логику (1855): «Она должна была содержать рациональную онтологію, теологію и космологію; введеніе должна составлять феноменологія со ссылками на логику. Онтологія разсматриваетъ эмпирически данныя формы, исходя изъ наиболѣе отвлеченной, и испытываетъ ихъ со стороны ихъ реальности и значенія. Она раздѣляется на ученіе о бытіи вообще (время, пространство, сила и субстанція — аналогично воспріятію), на ученіе о бытіи въ себѣ (индивидъ, родъ, сущность и явленіе — аналогично созерцанію и попятію) и ученіе о совмѣстномъ бытіи (отношеніе, причинность, цѣль — аналогично сужденію, заключенію, системѣ). Затѣмъ теологія (общая рациональная теологія) разсматриваетъ на основаніи этихъ онтологическихъ разсужденій доказательства бытія и вмѣстѣ съ тѣмъ сущность Бога. Космологія стремится изъ сущности Бога и цѣли его творенія постигнуть міръ и его формы. Міръ разсматривается какъ откровеніе Божіе, какъ временно-пространственное воплощеніе вѣчнаго и нераздѣльнаго совершенства Бога»<sup>25)</sup>.

По этимъ почти что напоминающимъ Гегеля конструкціямъ, можно конечно получить весьма несовершенное представленіе о тогдашнихъ воззрѣніяхъ Ибервега. Матеріалистическая черта его философіи, которая въ этомъ обзорѣ метафизики совершенно скрадывается, была тогда одновременно съ этимъ сильно развита въ его планѣ психологіи, за ко-



торую онъ, по его словамъ, охотнѣ всего принялся бы тотчасъ же послѣ логики. Я познакомился съ Ибервегомъ осенью 1855 года и въ моихъ почти ежедневныхъ съ нимъ бесѣдахъ очень много слышалъ объ этой психологіи и ровно ничего о метафизикѣ. Началь ли онъ уже тогда колебаться въ своихъ метафизико-теологическихъ воззрѣніяхъ, я не могу сказать. Во всякомъ случаѣ это колебаніе началось въ слѣдующіе годы, тогда какъ въ своихъ основныхъ психологическихъ воззрѣніяхъ онъ остался непоколебимымъ.

Эта психологія очень парадоксальна; тѣмъ не менѣ она покоится на рядѣ хорошо обоснованныхъ заключеній, которыя мы здѣсь возможно кратко постараемся передать.

Предметы видимаго нами міра суть наши представленія; они протяженны, слѣдовательно и наши представленія протяженны. Представленія находятся въ душѣ, поэтому и душа наша протяженна; затѣмъ эта протяженная душа и матеріальна, согласно понятію матеріи какъ протяженной субстанціи. Мы не можемъ имѣть представленій внѣ души; слѣдовательно, душа наша простирается такъ же далеко, какъ и совокупность всѣхъ воспринимаемыхъ нами предметовъ, включая солнце, луну и звѣзды,—или еще далѣе. При этомъ весьма вѣроятно, слѣдуя вѣскимъ заключеніямъ по аналогіи, что эти міры возникаютъ въ нашей душѣ не безъ внѣшней причины, и что эти вызывающія ихъ причины («вещи въ себѣ» Ибервега), хотя и не тождественны съ явленіями, но весьма на нихъ походятъ. Образное сравненіе съ камерой-обскурой ведетъ затѣмъ къ изображенному выше предположенію относительно исполнскаго и, можетъ быть, перевернутаго міра - оригинала, отражающагося въ совпадающихъ между собой міропредставленіяхъ индивидовъ. Если душа какъ «вещь въ себѣ» матеріальна, то надо полагать, что таковы и всѣ вообще «вещи въ себѣ». Такимъ образомъ и мы составляемъ матеріальное тѣло съ матеріальнымъ мозгомъ, и гдѣ-нибудь въ небольшой части этого мозга находится пространство, въ которомъ образуются наши представленія, и которое поэтому, какъ простая неорганизованная субстанція, обнимаетъ міръ являющихся намъ вещей <sup>26</sup>).

О томъ, что по мнѣнію Ибервега возможно строго математическое доказательство того, что міръ вещей въ себѣ пространственный и подобно міру явленій имѣетъ три измѣренія, мы уже упоминали. Остается только представить его воззрѣнія на матерію и на ея отношеніе къ сознанию.

Ибервегъ принималъ не атомы, а сплошное выполненіе пространства матеріей, и этой матеріи онъ приписывалъ во всѣхъ ея частяхъ способность, съ одной стороны, быть приводимой въ движеніе механическими силами, съ другой — испытывать «внутреннія состоянія», вызванныя механическими движеніями, но могущія въ свою очередь воздѣйствовать и на ихъ. Внутреннія состоянія нашей мозговой матеріи суть, по его мнѣнію, наши представленія; внутреннія же состоянія низшихъ организмовъ и неорганической матеріи онъ мыслилъ въ такомъ же приблизительно отношеніи къ нашему сознанию, въ какомъ у Лейбница «представленія» низшихъ монадъ находятся къ представленіямъ высшихъ; но у него смутное или даже болѣе чѣмъ смутное представленіе неорганической матеріи не есть, какъ у Лейбница, несовершенное представленіе вселенной, а нѣчто простое, элементарное, — одно лишь ощущеніе или слабая аналогія ощуще-

нія, изъ котораго вмѣстѣ съ болѣе совершенной организаціей матеріи выработываются и болѣе совершенныя психическія образованія.

Здѣсь можно ясно обозначить тотъ пунктъ, въ которомъ тогдашнія воззрѣнія Ибервега расходятся съ матеріализмомъ. Если допустить, что «внутреннія состоянія» матеріи исключительно зависятъ отъ вѣшняго движенія, тогда какъ послѣднее независимо отъ внутреннихъ состояній, то мы получимъ рѣшительный матеріализмъ, нисколько не уступающій атомистической теоріи или даже превосходящій ее. При этомъ нѣтъ необходимости отвергать всякое дѣйствіе внутреннихъ состояній обратно на движеніе, требуется только, чтобы это обратное дѣйствіе происходило по механическимъ эквивалентамъ предшествовавшихъ воздѣйствій; другими словами: законъ сохраненія силы долженъ быть проведенъ по отношенію къ организмамъ въ той же мѣрѣ, что и по отношенію неорганическому міру; движеніе всѣхъ тѣлъ даже и при включеніи внутреннихъ состояній должно совершаться такъ, какъ если бы ихъ не было. Это однако въ то время вовсе не было мнѣніемъ Ибервега. Онъ полагалъ, что законъ сохраненія силы психическими процессами нарушается<sup>27</sup>).

Что его прежде всего принуждало къ такому предположенію, это признаваемая имъ аристотелевская телеологія. Какъ только Ибервегъ ее оставилъ, его система необходимо должна была превратиться въ матеріализмъ. Дѣло въ томъ, что покуда въ организмѣ изъ ихъ идеи рождаются силы, опредѣляющія ихъ форму, эта форма не можетъ быть исключительно дѣломъ физическихъ и химическихъ силъ. Въ человѣческомъ мышленіи слѣдованіе понятій окончательно освобождается отъ физиологическаго основанія. Правда, идеи въ извѣстномъ смыслѣ суть свойства мозгового вещества, все же онѣ слѣдуютъ чисто логическимъ законамъ и могутъ представить такой конечный результатъ, котораго никоимъ образомъ нельзя объяснить механическими условіями движенія вещества. И это предположеніе телеологическое въ томъ смыслѣ, что дѣль у Аристотеля въ то же время есть руководящая идея, по отношенію къ которой всѣ остальные логическіе моменты получаютъ служебное значеніе. Для того, чтобы человѣкъ могъ исполнить свое предназначеніе, мысль о его согласной разуму жизненной дѣли должна добиться господства, вѣ всякаго отношенія къ матеріи.

На телеологіи же основалъ онъ и свое положеніе о сознательно правящемъ міромъ Богѣ; но именно въ этомъ пунктѣ онъ ранѣе всего сталъ колебаться. Въ появившемся анонимно «Посланіи Филалета» онъ прежде всего старается защитить хоть въ возможности существованія Бога отъ аргумента, почерпнутаго изъ формы міроваго дѣлага, и лишь послѣ того онъ пытается доказать на основанія телеологіи дѣйствительность его существованія. Упомянутое возраженіе для кого нибудь другого не имѣло бы, можетъ быть, большого значенія; но для Ибервега оно было почти подавляющимъ. Аналогія съ внутренними состояніями животнаго міра, и въ особенности человѣка, должна была необходимо привести его къ тому, чтобы и для божественнаго мышленія предположить аналогичное средоточіе распространенныхъ во вселенной элементовъ сознанія, а для этого онъ въ сущности, долженъ былъ предположить именно то, чего требуетъ и Дюбуа-Реймонъ,—міровой мозгъ и міровую нервную систему. Къ тому же и слабыя стороны телеологическаго принципа были ему не безызвѣстны, хотя въ то время онъ еще стойко защищалъ этотъ прин-

дипъ. Такъ, въ письмѣ отъ 18 ноября 1860 года онъ писалъ мнѣ слѣдующее: «Я знаю очень хорошо, что обыкновенно указываютъ на чисто субъективное значеніе понятія цѣли; но вѣдь и такое его значеніе сомнительно. Кто въ этомъ пунктѣ стоитъ на сторонѣ Спинозы, тотъ долженъ показать, какимъ образомъ явленія органической жизни, которыя удобнѣе всего объясняются съ помощью понятія цѣли, мыслимо себѣ представить безъ этого понятія. «Причинность» обыкновенно понимается какъ нѣчто объективное; однако, однимъ нагроможденіемъ атомовъ мы навѣрное ничего не подѣлаемъ; Гегелевская «имманентная цѣлесообразность», «творческое понятіе» занимаетъ какое-то неясное срединное положеніе между атомистикой и теологіей и указываетъ на нѣчто внѣ его стоящее. Кантовская теорія связана вообще съ кантіанствомъ, которое какъ цѣлое, представленное въ трехъ критикахъ, крайне шатко и является еще болѣе дикимъ у Фихте. Я приблизительно нахожусь въ томъ же затрудненіи, что и Гербертъ: съ одной стороны предположеніе необходимо, съ другой— оно или невыполнимо (по метафизикѣ Гербарта) или трудно выполнимо (съ точки зрѣнія Фехнера и моея). Помогите мнѣ выйти изъ затрудненія, и я Вамъ скажу спасибо; но для этого недостаточно, чтобы Вы доказали мнѣ невѣроятность того, что я и самъ считаю мало вѣроятнымъ; укажите мнѣ другой исходъ, который хоть въ нѣкоторой степени представился бы правдоподобнымъ. Я такого не знаю».

Относительно существованія Бога онъ пишетъ далѣе въ томъ же письмѣ: «Не вѣрьте вообще, что моимъ единственнымъ или хотя бы даже главнымъ намѣреніемъ было во что бы то ни стало спасти личнаго Бога. Что касается культа, то для всѣхъ разумительныхъ людей не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ долженъ содержать въ себѣ много антропоморфическаго, имѣющаго, слѣдовательно, только поэтическое значеніе. Если же антропоморфизмъ стремится пріобрѣсть религиозное значеніе, то въ этой антропоморфической формѣ должно быть выражено и нѣчто дѣйствительное, и вопросъ о томъ, что скрывается за поэтическимъ изображеніемъ, имѣетъ большую важность для философа и для всѣхъ покоящихся на философской основѣ религиозныхъ общинъ. Есть ли это единство мірового цѣлаго?—какова же форма его объективнаго бытія? Или, можетъ быть, человѣчeskій духъ?—каково же отношеніе всеобщаго духа къ индивидуальному? и т. д., и т. д.»—Далѣе онъ замѣчаетъ, что для него (въ «Посланіи Филалета») важнѣе было само разсужденіе, чѣмъ его результаты. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хотѣлъ показать тѣмъ, которые желаютъ быть либеральными и чувствуютъ отвращеніе къ «атеистамъ», что, хотя неопровержимыя соображенія и приводятъ къ предположенію Бога, но съ другой стороны однако здѣсь выступаютъ огромнѣйшія трудности, и поэтому должно допустить полную свободу преній.

Эту вторую стадію развитія Ибервега, стадію колебанія между материализмомъ и телеологіей, я взялъ за основаніе въ изложеніи его философіи въ моемъ, посвященномъ ему, сочиненіи, появившемся въ Берлинѣ 1871 года. Я не считалъ себя вправѣ по отдѣльнымъ слѣдамъ рѣшительнаго тяготѣнія къ материализму, встрѣчающимся и въ письмахъ Ибервега ко мнѣ, провозгласить материализмъ окончательнымъ результатомъ его философіи—тѣмъ болѣе, что изображенный мною Ибервегъ былъ, такъ сказать, Ибервегъ официальный, — составитель превосходныхъ и цѣнныхъ въ очень широкихъ кругахъ учебниковъ, мыслитель во всѣхъ

отношеніяхъ интересный, строго критикующій и тѣмъ не менѣ проникнутый полною терпимостью. Вскорѣ послѣ появленія моей маленькой біографіи я получилъ нѣсколько писемъ отъ д-ра Чольбе, известнаго матеріалиста, который въ Кёнигсбергѣ былъ весьма близкимъ другомъ Ибервега и до конца его дней ежедневно съ нимъ встрѣчался и философствовалъ. Чольбе оспариваетъ въ этихъ письмахъ, чтобы Ибервегъ когда либо признавалъ аристотелевскую телеологію, и чтобы Гартмановская «Философія безсознательнаго» нашла въ немъ сочувствіе, и утверждаетъ, что Ибервегъ былъ рѣшительнымъ дарвинистомъ. Въ письмѣ 17 августа 1871 года онъ пишетъ дословно слѣдующее: «Онъ былъ во всѣхъ направленіяхъ рѣшительнымъ атеистомъ и матеріалистомъ, хотя онъ въ качествѣ оффиціального профессора (главнымъ образомъ) считалъ своимъ долгомъ давать студентамъ только знанія по исторіи философіи и привить имъ искусство логики. Его мѣсто въ сущности въ Вашей «Исторіи матеріализма», и онъ представляется мнѣ блестящимъ примѣромъ того, какъ нелѣпо мнѣніе нѣкоторыхъ теологовъ и философовъ, будто невѣжество, глупость и низость образуютъ основаніе матеріализма. Вполнѣ соотвѣтствовало бы образу мыслей Ибервега, если бы Вы помѣстили его среди матеріалистовъ»<sup>28</sup>).

Доказательствомъ этого служатъ четыре письма Ибервега къ Чольбе<sup>29</sup>), который находился тогда въ Лейпцигѣ, отъ 4 января, 17 и 22 февраля и 16 марта 1869 года. — Въ письмѣ отъ 4 января Ибервегъ между прочимъ пишетъ: «То, что происходитъ въ нашемъ мозгу, было бы по моему невозможно, если бы тотъ же процессъ, который здѣсь выступаетъ лишь въ наиболѣе сильной и сконцентрированной формѣ, не происходилъ повсюду подобнымъ же образомъ, хотя бы и въ гораздо менѣе сильной степени. Пара мышей и кадка съ мукой — Вы знаете, я часто приводилъ Вамъ этотъ примѣръ. При достаточной пищѣ животныя размножаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ размножаются ихъ ощущенія и чувства; тѣ немногія, которыми надѣлена была первая пара, не могли просто распредѣлиться, ибо тогда потомство имѣло бы болѣе слабую способность ощущенія; слѣдовательно, уже въ мукѣ должны были находиться ощущенія и чувства, хотя бы слабыя, блѣдныя, не сконцентрированныя въ такой степени, какъ въ мозгу; мозгъ же дѣйствуетъ, какъ перегонный аппаратъ. Но разъ ощущенія и чувства въ мозгахъ животныхъ возбуждаются путемъ колебаній, то непонятно, откуда они взяли это свойство, если оно не было имъ присуще съизначала т. е. въ нѣкоторой (небольшой) степени уже въ формѣ муки (т. е. когда они существовали въ формѣ муки, герм. въ мукѣ)». Далѣе въ томъ же письмѣ говорится: «Въ нѣкоторомъ смыслѣ Вы справедливо указываете на то, что я совсѣмъ уничтожаю матерію. Мое возрѣніе съ одной стороны столь же «рѣзко матеріалистическое», какъ съ другой — исключительно спиритуалистическое. Все, что мы называемъ матеріей, состоитъ изъ ощущеній и чувствъ (но не однихъ нашихъ, какъ утверждаютъ послѣдователи Берклея), и въ этомъ смыслѣ психично; но это психическое протяженно, слѣдовательно «матеріально», ибо матерія, согласно опредѣленію, есть «протяженная субстанція».

Остальные три письма содержать космогонію Ибервега, которая замѣчательна присоединеніемъ одной своеобразной черты къ возрѣніямъ Канта и Лапласа. А именно, Ибервегъ (примыкая къ одному замѣчанію Канта) пытается вывести дедуктивно, что каждая пара смежныхъ небесныхъ тѣлъ, или цѣлыхъ солнечныхъ системъ и даже еще

большихъ космическихъ единицъ современемъ должна придти другъ съ другомъ въ столкновение. Слѣдствіе всегда одно и то же: воспламенение и разсѣяніе матеріи въ пространствѣ; а затѣмъ игра силъ приводитъ къ новому мірообразованію. При постепенномъ охлажденіи небесныхъ тѣлъ жизнь погнбааетъ, но столкновение рано или поздно снова восстанавливаетъ теплоту, и нѣтъ основанія отрицать возможность возрожденія жизни, хотя и неизвѣстнымъ намъ путемъ, но по тѣмъ же самымъ причинамъ, по какимъ она возникла до насъ. Первичное состояніе Канта и Лапласа есть такимъ образомъ только относительно первичное. Оно предполагаетъ столкновение прежнихъ міровъ и повторится еще безконечное число разъ, ибо мы не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ безконечности матеріи и пространства.

Къ этой остроумной теоріи, которую вполне возможно защищать, Ибервегъ присоединяетъ другое соображеніе, которому онъ придаетъ большое значеніе. Соображеніе это покоится на дарвинизмѣ. Вслѣдствіе послѣдовательнаго столкновения міровъ, учить Ибервегъ, должны образоваться все большія небесныя тѣла, и когда на нихъ разовьется жизнь, борьба за существованіе должна принять все большіе размѣры и вызвать поэтому все болѣе совершенныя формы.

Если соединить всѣ эти новыя черты вмѣстѣ съ представленною выше основой Ибервеговскаго міровоззрѣнія, то дѣйствительно получится вполне послѣдовательная и замкнутая въ себѣ матеріалистическая система. Но можно ли ее вмѣстѣ съ тѣмъ обозначить въ другомъ смыслѣ какъ «спиритуалистическую», — весьма сомнительно, такъ какъ настоящій спиритуализмъ всегда исключаетъ строго механическую причинную связь мірового дѣлаго. Къ тому же Ибервегъ весьма рѣдко выдвигаетъ эту сторону своего міровоззрѣнія, тогда какъ онъ часто и весьма охотно называетъ себя въ своихъ письмахъ матеріалистомъ. Мысль, что на основаніи его теоріи возможно было бы создать дѣйствительно послѣдовательный матеріализмъ, улыбалась ему еще въ то время, когда онъ еще не рѣшилъ окончательно на этотъ поворотъ въ своихъ воззрѣніяхъ. Такъ, въ письмѣ своемъ ко мнѣ, изъ Кёнигсберга отъ 14 декабря 1862 года, онъ приводитъ слѣдующую эпиграмму противъ Чольбе изъ «Вальгаллы нѣмецкихъ матеріалистовъ» (Walhalla deutscher Materialisten, Münster, 1861):

«Не совсѣмъ еще достигъ цѣли твой разумъ, такъ какъ безконечный міръ не заполняетъ твоего черепа» (Völlig ist Deine Vernunft noch immer zum Ziel nicht gekommen, da die unendliche Welt nicht Dir den Schädel erfüllt).

Онъ присоединяетъ къ этому слѣдующее замѣчаніе: «Если бы поэтъ знакомъ былъ съ моею статьею „Къ теоріи направленія зрѣнія“, онъ вѣроятно имѣлъ бы основаніе направить двустипіе и противъ меня, ибо я дѣйствительно прихожу къ такому выводу. Интересно знать, сохранилъ ли бы онъ и тогда свою надпись: „Матеріализмъ недоказуемъ“, я бы съ нимъ согласился, если бы онъ написалъ: матеріализмъ «не доказанъ» (у Чольбе и у остальныхъ)».

Что мы должны признать за Ибервегомъ концепцію обширной и оригинальной матеріалистической системы, не можетъ быть сомнѣнія. Тѣмъ не менѣе можно сомнѣваться, правъ ли Чольбе, называя Ибервега по просту «атеистомъ и матеріалистомъ». Прежде всего спрашивается, не покинулъ ли бы Ибервегъ при болѣе продолжительной жизни и эту точку зрѣнія, и не приняла ли бы его окончательная система иное

направленіе. Мнѣ кажется, что онъ вовсе не подвелъ окончательныхъ итоговъ, и еще въ послѣднихъ его письмахъ сказывается извѣстная готовность при большемъ досугѣ и спокойствіи вновь подвергнуть пересмотру весьма существенные элементы своего мировоззрѣнія. Что же касается «атеизма», то здѣсь Чольбе, не смотря на свою интимную дружбу съ Ибервегомъ, врядъ ли компетентный свидѣтель. Такъ какъ Чольбе при всемъ своемъ матеріализмѣ былъ ревностнымъ поклонникомъ папства, то на этой почвѣ между нимъ и Ибервегомъ было мало точекъ соприкосновенія; затѣмъ, въ письмахъ Ибервега къ Чольбе мы не находимъ никакихъ разсужденій по вопросу о религіи. Матеріализмъ Ибервега не исключаетъ все-таки возможности принять мировую душу; а для созданія культа Бога Ибервегу только и нужно, что признаніе существа, которое можно было бы при антропоморфическомъ пониманіи пересоздать въ Бога.

Если мы обратимся теперь къ этическимъ выводамъ Ибервеговскаго мировоззрѣнія въ цѣломъ, то прежде всего нужно упомянуть, что онъ въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ былъ консерваторъ. Конечно, онъ не одобрялъ той зловредной жажды реставраціи, которое долгое время слыло въ Германіи за «консерватизмъ», а шелъ по широкому теченію умѣреннаго либерализма, но при этомъ съ рѣшительнымъ личнымъ пристрастіемъ къ монархическому государственному устройству и къ возможно корректному разрѣшенію всякой проблемы на почвѣ разъ установившихся правовыхъ отношеній. Этотъ принципъ привелъ его даже къ защитѣ легитимизма, который являлся для него какъ бы представителемъ логики въ политикѣ. Какъ философъ, онъ не могъ не признать права идеи по отношенію къ устарѣвшей традиціи, а съ этимъ и право революціи, но онъ желалъ ограничить его самыми рѣдкими, несомнѣнными случаями внутренней необходимости. Перемѣны 1866 года не вызывали въ немъ никакихъ опасеній, и вообще онъ чрезвычайно былъ доволенъ ходомъ вещей въ Германіи съ 1858 года.

Въ соціальному вопросу онъ, за недостаткомъ собственныхъ познаній, питалъ «инстинктивную симпатію къ Шульце-Деличу». Мои статьи, написанныя совершенно въ иномъ духѣ, онъ читалъ внимательно, соглашался съ кой-какими мыслями, но главнымъ образомъ въ чисто теоретическихъ разсужденіяхъ, въ практическихъ же выводахъ онъ все снова приходилъ по возможности къ защитѣ существующихъ отношеній<sup>30)</sup>.

Зато онъ былъ очень радикаленъ по отношенію къ религіознымъ традиціямъ. Уже въ началѣ второго періода его философскаго развитія онъ носился съ мыслью, не составляетъ ли его долгъ—перейти въ свободныя общины, и удержало его только то соображеніе, что онъ не способенъ ни на какое призваніе, кромѣ профессуры, и что благодаря такой исключительности его природныхъ задатковъ, онъ имѣетъ нѣкоторое право оставаться на своемъ посту, пока это возможно безъ явной недобросовѣстности<sup>31)</sup>. Противъ положительнаго христіанства онъ въ своихъ письмахъ высказывался тѣмъ рѣзче, чѣмъ мучительнѣе его угнетало сознаніе, что онъ хотя и не говоритъ въ своихъ лекціяхъ и книгахъ ничего неправдиваго, но не можетъ также сказать и полной правды. Въ одномъ особенно бурномъ письмѣ ко мнѣ отъ 29 декабря 1862 года онъ между прочимъ замѣчаетъ, что за признаніе реформаціи пришлось бороться на смерть тридцать или болѣе лѣтъ; онъ не вѣритъ, чтобы общины, имѣющія своею теоретическою предпосылкой матеріализмъ, добились прочнаго при-

знанія прежде, «чѣмъ появятся фанатики матеріализма, которые, подобно старымъ пуританамъ, готовы будутъ жертвовать своею жизнью и, если надо будетъ, съ упоеніемъ разстрѣливать (niederkartätschen) въ продолженіе тридцати лѣтъ католическихъ и протестантскихъ христіанъ вмѣстѣ съ старыми рационалистами. Лишь послѣ того какъ будетъ одержана побѣда, кровавая побѣда, предстанетъ радостная и прекрасная задача снова ввести въ употребленіе начала кротости и гуманности. Чисто религиозной войны не будетъ; ими не были ни войны Константина, ни тридцатилѣтняя; но я вполне убѣжденъ, что не въ очень далекомъ будущемъ религиозный элементъ, различія міровоззрѣнія будетъ весьма тѣсно сплетенъ съ политическими противоположностями и войнами»<sup>32</sup>).

Три года спустя, въ то время, когда у Ибервега вѣроятно уже утвердилось міровоззрѣніе третьяго періода, онъ писалъ (въ письмѣ ко мнѣ отъ 31 декабря 1865) о религиозномъ вопросѣ, который ближе его сердцу, нежели социальный вопросъ, слѣдующее: «Религію, догматика которой не содержитъ въ себѣ ничего научно ложнаго, я во всякомъ случаѣ считаю, во-первыхъ—возможной, во-вторыхъ потребностью. Но, милый другъ, «Бога ради», не смѣшивайте этого положенія съ тѣмъ, что сама религія должна перейти въ науку. Наука и вымыселъ оба должны находиться въ чистой религіи—строго другъ отъ друга отдѣленные и все же тѣснѣйшимъ образомъ связанные. Это раздѣленіе и это совмѣстное дѣйствіе должны замѣнить первоначальное единство, которое, по мѣрѣ того какъ научное созданіе эпохи ушло далеко впередъ, становится невыносимымъ и приводитъ къ ужасной дилеммѣ: ограниченность или робкое ханжество... «Я не придерживаюсь того мнѣнія, будто для религіи существенно пребываніе въ состояніи младенчества. Намъ не нужно никакой иной «догматики», никакого тѣснаго «катехизиса», кромѣ естественной и исторической науки въ объединяющей формѣ изложенія, направляющей взоръ на цѣлое, на міровой порядокъ и замыкающей такимъ образомъ школьное образованіе! Но ученіе это такъ же мало умѣстно на (профессорской) кафедрѣ, какъ на христіанскихъ кафедрахъ церковная догматика какъ таковая; доктрина составляетъ только теоретическое основаніе проповѣди,—только отправный пунктъ для пѣнія и органной музыки и, если угодно, для картинъ и обрядовъ. Но рядомъ со строгаишимъ раздѣленіемъ должна существовать и тѣснѣйшая связь». Онъ старается затѣмъ показать, что новая теорія должна вызвать и новое искусство.

Такимъ образомъ здѣсь еще предполагается культъ, вполне аналогичный христіанскому. Нѣсколько иначе гласитъ эта эволюціонная теорія въ письмѣ 28 апрѣля 1869 года. Здѣсь Ибервегъ замѣчаетъ, что три функціи—познаніе, чувствованіе и хотѣніе—отдѣляются другъ отъ друга вполне ясно лишь съ развитіемъ образованія, и тогда наука, искусство и нравственность—теоретическое, эстетическое и этическое становятся рядомъ одно около другого. «Первоначально они представляются въ слитномъ состояніи, вродѣ зародышеваго (или выражаясь по Шеллинговски, — въ состояніи «индифферентности»), и это первоначальное слитное состояніе (Ineinander) и есть стадія религіи... Разложеніе того, что въ религіи слито, на эти три формы (а не одно только пониманіе религиозныхъ представленій какъ эстетическихъ формъ) было бы желательнымъ прогрессомъ, согласно сл Гетевскимъ изреченіемъ: „Тотъ, кто обладаетъ наукой и искусствомъ имѣетъ и религію; кто этимъ не обладаетъ, тотъ да имѣетъ ре

лигию“ (Wer Wissenschaft und Kunst besitzt, Der hat Religion. Wer diese beiden nicht besitzt, der habe Religion). Здѣсь въ самомъ дѣлѣ возникаетъ вопросъ, не пришелъ ли Ибервегъ относительно религиіи совершенно къ тому же пункту, что и Штрауссъ, воззрѣнія котораго мы сейчасъ разсмотримъ.

Бросающаяся въ глаза трудность этой эволюціонной теоріи заключается между прочимъ въ томъ, что теоретическіе и этическіе элементы, которые развиваются будто бы изъ «слитнаго зародышеобразнаго состоянія», религиіи, одновременно съ этимъ измѣняются качественно и становятся почти противоположными тому, что содержалось въ зародышѣ религиіи. О теоретической сторонѣ въ этомъ отношеніи нѣтъ надобности говорить; но и эстетическія, также какъ этическія требованія, которые Ибервегъ ставитъ религиіи будущаго, сильно расходятся съ христіанскими началами. Это весьма ясно обнаруживалось въ нашихъ частыхъ бесѣдахъ о будущности религиіи. Я часто старался показать, что съ одной стороны христіанство сидитъ еще крѣпкими корнями въ народной жизни, а съ другой стороны оно въ отдѣльныхъ чертахъ вообще незамѣнимо по психологическимъ и социальнымъ основаніямъ. Философски образованный человѣкъ, который хочетъ дѣйствительно вести свой народъ впередъ, долженъ—говорилъ я—сохранить съ нимъ внутреннюю связь и долженъ быть способенъ понимать бѣшеніе его сердца. А для этого необходимо религиозно-философское посредничество въ томъ видѣ, какъ оно было намѣчено Кантомъ и Гегелемъ,—необходимо искусство переложенія религиозныхъ формъ въ философскія идеи. Если переложеніе будетъ истинное, то даже душевное настроеніе философа при культѣ будетъ существенно тѣмъ же, что и у вѣрующаго. Поэтому выступленіе изъ церкви для философа не только не обязательно, а напротивъ должно быть сдерживаемо, ибо этимъ религиозная народная жизнь лишается одного по природѣ своей побуждающаго къ прогрессу элемента, и масса беззащитно предоставляется духовному господству слѣпыхъ фанатиковъ.

Этотъ «изоморфизмъ» душевныхъ процессовъ у философовъ и наивпо вѣрующихъ Ибервегъ признавалъ справедливымъ лишь въ очень ничтожной степени — главнымъ образомъ несомнѣнно оттого, что онъ въ принципѣ отвергалъ религиозные процессы въ душѣ, которыхъ требуетъ христіанство. Что касается эстетической стороны религиозной жизни, то мы, разумѣется, сходились въ томъ, что религиія будущаго по существу должна быть религіей примиренія и радости съ рѣшительнымъ направленіемъ въ сторону совершенствованія земной жизни, заброшенной христіанствомъ. И вотъ вслѣдствіе этого-то положенія Ибервегъ отвергъ всю христіанскую поэзію страданія и горя вмѣстѣ съ ея глубоко захватывающими мелодіями и съ величавой архитектурой среднихъ вѣковъ, которая была мнѣ очень дорога. Онъ упрекалъ меня въ томъ, что я хочу строить новые храмы человѣчества въ прежнемъ, готическомъ стилѣ,—онъ же требуетъ новой, радостной архитектуры. Я указывалъ на то, что мы во всякомъ случаѣ не въ состояніи устранить социальнаго бѣдствія и горя отдѣльнаго человѣка, что въ винѣ всѣхъ, даже самаго праведнаго, лежитъ глубокій смыслъ, что исключительное воззваніе къ силѣ воли единичнаго лица заключаетъ въ себѣ глубокую неправду и несправедливость: вотъ почему я требовалъ рядомъ съ новымъ радостнымъ строеніемъ религиіи будущаго по меньшей мѣрѣ готическую часовню для удрученныхъ сердецъ и нѣсколько такихъ



празднествъ въ народномъ культѣ, которыя бы и счастливаго учили погружаться въ пропасть нищеты и сходиться съ несчастнымъ и даже съ злымъ на почвѣ общей потребности въ искупленіи. Словомъ: если въ теперешнемъ нашемъ христіанствѣ горе и сокрушеніе составляютъ правило, а радостное возношеніе и побѣдное веселье—исключеніе, то я хотѣлъ бы видѣть это отношеніе обратнымъ, но не желалъ бы однако игнорировать темныхъ тѣней, которыя все таки имѣются въ жизни.

Я помню еще очень хорошо, какъ однажды рѣчь зашла о томъ, что слѣдовало бы наши лучшія церковныя пѣсни внести въ новый культъ, подобно тому, какъ псалмы были внесены въ христіанскій культъ. Ибервегъ спросилъ меня, какую, напримѣръ, изъ протестантскихъ пѣсень я бы выбралъ, и я, въ полномъ сознаніи нашего различія, тотчасъ же отвѣтилъ: «O, Haupt voll Blut und Wunden» (O, голова вся въ крови и ранахъ). Ибервегъ отвернулся и отказался отъ мысли столкнуться со мной относительно религіозной поэзіи церкви будущаго.

Съ такою же почти рѣзкостью Ибервегъ относился къ христіанской этикѣ. Онъ хотя и признавалъ принципъ любви и даже готовъ былъ приписать ему непреходящее значеніе, но тѣмъ рѣшительнѣе, полагалъ онъ, слѣдуетъ отвергнуть любовь какъ благо д а т ь. Замѣчательно, что особенно рѣзкое выраженіе по этому поводу вызвало у него мое сочиненіе «Рабочій вопросъ» (въ письмѣ отъ 12 февраля 1865). Не отъ послѣдовательнаго проведенія, а наоборотъ—отъ преобразования христіанскихъ принциповъ ждетъ онъ значительныхъ соціальныхъ улучшеній. «Богачъ и бѣдный Лазарь, подаеніе бѣднымъ, земное терпѣніе, потустороннія вѣчныя мученія въ аду, которыми Богъ, любящій бѣдныхъ, мститъ баловнямъ счастья—вотъ вѣдъ основныя идеи основателя царства Мессіи, и Закхей прекрасно знаетъ, чѣмъ угодить Иисусу, когда общалъ ему раздарить половину своего имущества. Это этическій дуализмъ въ самой яркой его формѣ. Мамона разъ навсегда несправедлива, — такова ужъ ея природа; не заботиться о ней, получать подачки отъ Бога и людей—вотъ въ чемъ праведность; а если злые люди для подаенія слишкомъ жестокосерды (или вѣрнѣе: требуютъ труда вмѣсто попрошайничества), то не возникаетъ мысль о положительной оцѣнкѣ труда, а бѣдствіе терпится и забывается въ нездоровомъ опьяненіи представленіями о блаженствѣ въ царствѣ Мессіи или вообще въ другомъ мірѣ. Святой Павелъ былъ слишкомъ образованъ и слишкомъ привыкъ къ труду, чтобы думать о работѣ и нищенствѣ такъ же грубо, какъ Иисусъ; но у него этотъ жалостливый христіанскій принципъ попрошайничества спустился во внутренній міръ, гдѣ онъ оказалъ еще худшее дѣйствіе: Божія благо д а т ь замѣнила сознательное этическое дѣйствіе, принципъ откровенія—работу изслѣдованія. Для первоначальнаго обузданія варваровъ это опьяненіе духовнымъ опіумомъ могло быть полезнымъ; теперь же оно дѣйствуетъ парализующимъ и подавляющимъ образомъ».—Совершенно въ такомъ же духѣ онъ высказался въ письмѣ отъ 29 іюня 1869 г. по поводу критики христіанской морали въ ученіи Валлиса<sup>33)</sup> о человѣческихъ обязанностяхъ: «Я вполне сочувствую тому, что указываютъ на недостатки христіанской этики, въ особенности на презрѣніе къ труду (въ самомъ широкомъ смыслѣ слова) рядомъ съ балговленіемъ ко всякаго рода моральнымъ показнымъ фокусамъ, какъ «любовь къ врагамъ» (сочетаемая съ осужденіемъ противниковъ и возбуждающихъ зависть людей на вѣчныя

муки ада) . . . . .  
 . . . . .  
 . . . . .»

Послѣ этого само собою понятно, что Ибервегъ обосновалъ этику какъ науку чисто натуралистически и антропологически. Краткія основанія системы нравственности, опубликованной Руд. Рейке по оставленной Ибервегомъ рукописи (1872), сходятся однако съ системами, покоющимися на предположеніи а priori даннаго принципа нравственности, въ томъ, что и Ибервегъ кладетъ въ основу своей этики различія въ оцѣнкѣ психическихъ функцій. Онъ раздѣляетъ эти различія на два главные класса: удовольствіе и страданіе являются показателемъ различія полезнаго и вреднаго, чувства уваженія и стыда — показателемъ различія между низшими и высшими функціями». А разъ существуетъ такого рода первичное чувство различенія низшихъ и высшихъ функцій, то существуетъ и естественная совѣсть, и тутъ уже само собой напрашивается изслѣдованіе относительно того, существуетъ ли связь между субъективнымъ обоснованіемъ ея и какимъ нибудь объективнымъ принципомъ.

Въ то время какъ смерть настгла Ибервега посреди его работъ и плановъ, на долю Давида Фридриха Штраусса выпало счастье дать все то, что онъ могъ дать. По его собственному свидѣтельству онъ своей послѣдней книгой сказалъ и то послѣднее слово, которое онъ еще имѣлъ сказать міру, и это послѣднее слово есть исповѣданіе материалистическаго міропониманія. Хотя Штрауссъ и замѣчаетъ, ссылаясь на Шопенгауэра и на автора «Исторія материализма», что материализмъ и идеализмъ переходятъ другъ въ друга и въ сущности составляютъ лишь общую противоположность дуализму; однако это отношеніе никоимъ образомъ не должно быть понимаемо такъ, будто безразлично, съ какого пункта исходить, или такъ, будто материализмъ и идеализмъ могли бы по произволу замѣщать другъ друга. На самомъ дѣлѣ материализмъ есть только первая, ближайшая, но въ то же время и наиболѣе низкая ступень нашего міровоззрѣнія; переведенный въ идеализмъ онъ совершенно теряетъ свое значеніе въ качествѣ умозрительной системы. Въ изслѣдованіи природы идеалистъ повсюду можетъ и долженъ пользоваться тѣми же воззрѣніями и методами, что и материалистъ; однако то, что для послѣдняго есть окончательная истина, для идеалиста является лишь необходимымъ результатомъ нашей организаци. Но недостаточно это просто признать: разъ при этомъ преобладаетъ мысль, что результаты нашей организаци есть единственное, что насъ должно интересовать, точка зрѣнія въ существѣ остается материалистическою, развѣ если для этого положенія, — въ послѣднее время, какъ извѣстно, занятаго и Бюхнеромъ, — придумать особое названіе. Истинный идеализмъ на ряду съ міромъ явленій всегда поставитъ міръ идеальный, за которымъ, хотя бы онъ представлялся только порожденіемъ фангази, онъ признаетъ всѣ тѣ права, которыя вытекаютъ изъ его отношеній къ нашимъ духовнымъ жизненнымъ потребностямъ. Поэтому онъ особенно охотно будетъ указывать на тѣ пункты, въ которыхъ обнаруживается невозможность постигнуть съ материалистической точки зрѣнія всю сущность вещей. У Штраусса мы нигдѣ не находимъ ни положительной, ни критической черты идеализма, и именно его способъ обсужденія поставленныхъ Дюбуа-Реймономъ границъ познанія природы ука-

зываетъ ясно, какъ рѣшительно онъ стоитъ на сторонѣ матеріализма <sup>34</sup>). Съ блестящимъ остроуміемъ выдвигаетъ онъ всѣ тѣ пункты, которые доказываютъ, что у Дюбуа-Реймона и въ мысляхъ не было своими «границами» познанія природы подвергнуть сомнѣнію и его сущность, т. е. послѣдовательное механическое міровоззрѣніе, или же за этими границами дать осясть устарѣлымъ догматамъ. Но самое ядро гносеологическаго вопроса Штрауссъ обсуждаетъ почти безъ пониманія и какъ нѣчто совершенно безразличное. Абсолютная пропасть между движеніемъ мозговыхъ атомовъ и ощущеніемъ, не говоря уже о томъ, что Штрауссъ сомнѣвается даже въ ея существованіи, не представляется ему во всякомъ случаѣ достаточнымъ основаніемъ, чтобы отчаяться въ своей затѣѣ,—по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока причинная связь между обоими явленіями представляется вѣроятною <sup>35</sup>). А это именно и есть точка зрѣнія матеріализма, который отклоняетъ неразрѣшимую проблему и, не выходя за предѣлы замкнутаго круга причинности, отсюда ведетъ свою полемику противъ религіи.

Совершенно такъ же, какъ для Ибервега разрушеніе его аристотелевской телеологіи, такъ для Штраусса освобожденіе отъ оковъ Гегелевской философіи почти необходимо должно было привести къ матеріализму; ибо никакая новая философія не затмила такъ рѣшительно и не заглушила своими діалектическими образованіями основного пункта философской критики, какъ это сдѣлалъ Гегель своимъ ученіемъ о тождествѣ мышленія и бытія. Весь духъ настоящаго гегелианца былъ какъ бы вышколенъ и вымуштрованъ въ томъ, чтобы слѣпо проходить мимо того пункта, на которомъ расходятся матеріализмъ и идеализмъ. У Штраусса этотъ поворотъ или по крайней мѣрѣ начало его, наступилъ вскорѣ послѣ его большихъ теологическихъ работъ; но было бы трудно — и это будетъ задача его біографа, которой мы не можемъ здѣсь касаться — представить этотъ процессъ во всѣхъ его стадіяхъ <sup>36</sup>). Его матеріалистическое завѣщаніе — сочиненіе: «Старая и новая вѣра» (*Der alte und neue Glaube*, 1872), является уже давно созрѣвшимъ плодомъ, и о какомъ бы то ни было желаніи автора перешагнуть за эту точку зрѣнія, не можетъ быть и рѣчи.

Книжка, которая возбудила такое большое вниманіе и привела въ негодованіе такое большое число противниковъ, содержитъ все необходимое для нашей цѣли. Теологическая тенденція побудила автора предпослать двѣ главы, въ которыхъ онъ старается отвѣтить на весьма важные два вопроса: «Христіане ли мы еще?» и: «Есть ли у насъ еще религія?» Затѣмъ только слѣдуетъ глава: «Какъ мы понимаемъ міръ?», которая и содержитъ матеріалистическое исповѣданіе автора. Послѣдняя глава: «Какъ мы устраиваемъ нашу жизнь?» вводитъ насъ въ этическую область и не разъ даетъ намъ возможность познакомиться съ воззрѣніями автора на государство и общество. Прежде всего мы займемся послѣдними двумя главами и лишь послѣ того бросимъ взглядъ на содержаніе предшествующихъ главъ.

Отвѣтъ на вопросъ, какъ мы понимаемъ міръ, есть образецъ сжатаго и живого изложенія законченнаго въ себѣ міросозерцанія. Безъ особенной полемики и излишнихъ отклоненій въ сторону Штрауссъ предоставляетъ своей системѣ оправдать себя въ естественномъ теченіи изложенія. Начиная съ чувственныхъ впечатлѣній, онъ скорыми, но вѣрными шагами приходитъ къ нашему представленію о вселенной, на безконечности которой онъ особенно настаиваетъ. Въ космогоніи онъ почти вполнѣ примыкаетъ

лъ Канту, старательно принимая въ соображеніе теперешнее состояніе естествознанія. Подобно Ибервегу онъ полагаетъ, что начальное состояніе разсѣянія матеріи должно быть разсматриваемо лишь какъ слѣдствіе столкновенія прежнихъ міровыхъ системъ. Но въ то время какъ Ибервегъ, опираясь на дарвинизмъ, выводитъ изъ этого процесса приближеніе міра все къ большому совершенству, Штрауссъ придаетъ большее значеніе вѣчности и существенной одноформенности безконечнаго цѣлаго. Во вселенной въ ея абсолютномъ смыслѣ постоянно имѣются остывающія и умирающія, а съ другой стороны вновь образующіяся изъ столкновенія міровыя системы. Жизнь вѣчна: она одновременно исчезаетъ въ одномъ, зарождается въ другомъ и находится въ полномъ расцвѣтѣ въ третьемъ мѣстѣ. Этотъ вѣчный процессъ не имѣлъ начала, какъ думалъ Кантъ, какъ не можетъ имѣть и конца, и этимъ самымъ исчезаетъ всякое основаніе для предположенія творца.

Затѣмъ въ остроумномъ разборѣ вопроса о населенности другихъ небесныхъ тѣлъ границы, слѣдуя извѣстнымъ намъ естественнымъ условіямъ, должны бы пожалуй быть проведены немного уже, но значительныхъ погрѣшностей и здѣсь нельзя замѣтить. Строго примыкая къ господствующимъ теперь воззрѣніямъ специалистовъ, Штрауссъ вкратцѣ касается эпохъ образованія земли, а затѣмъ онъ подробнѣе останавливается на вопросѣ о возникновеніи и развитіи органическихъ существъ, включая и человѣка. Тутъ Штрауссъ повсюду придерживается воззрѣній Дарвина и наиболѣе извѣстныхъ нѣмецкихъ дарвинистовъ, а тамъ, гдѣ мнѣнія расходятся, онъ съ вѣрнымъ тактомъ выбираетъ наиболѣе вѣроятное и естественное. Весь отдѣлъ производитъ впечатлѣніе серьезнаго и толковаго изученія этихъ вопросовъ, причѣмъ читателю въ легкой и пріятной формѣ предлагается лишь конечный результатъ тщательнаго и обширнаго изслѣдованія. Поэтому нигдѣ полемика его многочисленныхъ противниковъ не производитъ такого слабаго впечатлѣнія, какъ тамъ, гдѣ они стараются указать на естественно-научныя погрѣшности Штраусса, а главное—представить его дарвинизмъ какъ необдуманное принятіе на вѣру естественно-научныхъ догмъ. Теологическіе и философскіе противники заимствуютъ изъ спора естествовѣдцевъ матеріалъ самаго сомнительнаго свойства, чтобы побить имъ Штраусса, межъ тѣмъ какъ каждый точный знатокъ въ этой области легко вынесетъ убѣжденіе, что Штрауссъ прекрасно зналъ всѣ эти возраженія, но совершенно правильно понимая свою цѣль, также какъ и то мѣсто, которое онъ могъ отвести этимъ предметамъ, не имѣлъ достаточнаго основанія упоминать о нихъ и опровергать.

Если такимъ образомъ въ частностяхъ Штрауссъ почти всегда правъ по отношенію къ своимъ противникамъ, то все же онъ только представитель послѣдовательнаго матеріализма, и всѣ слабья стороны и несовершенства этого міровоззрѣнія касаются его въ той же степени, какъ и вообще новѣйшаго матеріализма. Образчики этого мы найдемъ ниже, теперь же обратимся къ его этическимъ и политическимъ воззрѣніямъ.

Тутъ намъ представляется совершенно иная картина. Штрауссъ находится на почвѣ научнаго изученія и вдумчиваго размысленія лишь постольку, поскольку это необходимо для общаго натуралистическаго обоснованія этики, да и здѣсь опредѣленный принципъ не вполне строго про-

веденъ. Но тамъ, гдѣ онъ переходитъ въ область политическихъ и социальныхъ учреждений, мы находимъ у него повсюду сильное преобладаніе субъективныхъ впечатлѣній и воззрѣній весьма слабо обоснованныхъ.

Штрауссъ совершенно послѣдовательно выводитъ первыя основныя добродѣтели изъ чувства общественности и потребности въ благоустроенной общественной жизни, а затѣмъ присоединяетъ и принципъ сочувствія. Но этимъ область нравственности представляется ему не вполне объясненной, и онъ дѣлаетъ скачекъ отъ натуралистическихъ принциповъ къ идеалистическому: въ нравственномъ дѣйствіи человѣкъ опредѣляетъ самого себя по идеѣ рода. Какъ человѣкъ приходитъ къ идеѣ своего рода, какъ въ немъ затѣмъ возникаетъ представленіе о «предназначеніи» человечества—этого Штрауссъ уже не изслѣдуетъ; дальѣйшія разсужденія скорѣе имѣютъ цѣлью развить объективно, что представляетъ собою человѣкъ, и въ чемъ находитъ онъ свое назначеніе. Изъ этого затѣмъ выводятъ его обязанности.

Прослѣдить это разсужденіе въ частностяхъ не стоитъ; но результаты его представляютъ большой интересъ. Штрауссъ является повсюду еще болѣе консервативнымъ, чѣмъ Ибервегъ, и тогда какъ у послѣдняго было хоть пониманіе для мнѣній, отклоняющихся отъ его собственного, Штрауссъ въ этой области является столь же рѣшительнымъ и догматичнымъ, какъ близорукимъ и поверхностнымъ. Только узостью нѣмецкой филистерской жизни прежнихъ дней можно до нѣкоторой степени объяснить, какъ человѣкъ съ такимъ острымъ умомъ могъ успокоиться на podobныхъ воззрѣніяхъ.

Наиболѣе рѣзко Штрауссъ нападаетъ на социализмъ, и это у него, какъ и у Ибервега, находится въ тѣсной связи съ высокой оцѣнкой новѣйшаго промышленнаго строя и съ рѣзкимъ осужденіемъ враждебной труду тенденціи христіанства. Штрауссъ также вспоминаетъ съ живѣйшимъ упрекомъ о мученіяхъ ада, которыя навлекаетъ на себя богатый человѣкъ, и о заповѣди зажиточному юношѣ продать свое добро и раздарить выручку бѣднымъ. «Настоящій культъ бѣдности и нищенства является общимъ для христіанства и буддизма. Нищая братія среднихъ вѣковъ, какъ и теперешнее нищенство въ Римѣ, являются вполне христіанскими учрежденіями, которымъ въ протестантскихъ земляхъ положены предѣлы благодарнаго образованія, исходящему изъ совершенно иного источника». Штрауссъ принимаетъ полностью панегирикъ Бо кля богатству, промышленности и любви къ деньгамъ и прибавляетъ къ этому слѣдующія замѣчанія: «Что стремленіе къ наживѣ требуетъ, какъ и всякое другое стремленіе, разумнаго ограниченія и подчиненія высшимъ цѣлямъ, этого мы не отрицаемъ; но въ ученіи Иисуса стремленіе это не признано въ самомъ существѣ, не понято его плодотворное вліяніе въ дѣлѣ образованія и гуманности; въ этомъ отношеніи христіанство является принципомъ прямо-таки враждебнымъ культурѣ. Своимъ существованіемъ среди теперешнихъ культурныхъ и промышленныхъ народовъ оно обязано лишь тѣмъ поправкамъ которыя вноситъ въ него свѣтское рациональное образованіе, и это послѣднее настолько великодушно, или же слабо и лицемерно, что приписываетъ ихъ не себѣ, а христіанству, которому онъ напротивъ враждебенъ»<sup>37</sup>).

Само собою понятно, что Штрауссъ отвергаетъ также и принципъ страданія, фанатическій аскетизмъ, презрѣніе къ міру и другія характерныя черты христіанства. Его этика, поскольку она выясняется изъ

его неутомимой полемике противъ всего христіанскаго, покоится всецѣло на мысли, что задача человѣка состоитъ въ цѣлесообразномъ устройствѣ жизни въ этомъ мірѣ путемъ труда и ошественнаго порядка, въ облагороженіи путемъ искусства и науки своего существа и въ стремленіи къ болѣе тонкимъ, духовнымъ наслажденіямъ. На вопросъ: христіане ли мы еще — онъ отвѣчаетъ поэтому рѣшительнымъ «нѣтъ»; а на вопросъ: имѣется ли у насъ еще религія—условнымъ «да»: смотря по тому будетъ ли признано религіей наше чувство зависимости по отношенію къ цѣлому и его законамъ, или нѣтъ. Культа на этомъ чувствѣ мы не построимъ, но все же она имѣетъ нравственное значеніе и связано съ извѣстнаго рода благоговѣніемъ; мы чувствуемъ себя оскорбленными, когда пренебрегаютъ этимъ благоговѣніемъ, какъ мы это, на примѣръ, находимъ въ пессимизмѣ Шопенгауера. Отдѣльная личность не можетъ стать выше цѣлаго; законмѣрное, полное жизни и смысла цѣлое есть наша высшая идея, и всякая истинная философія поэтому необходимо оптимистична<sup>38</sup>).

О религіозномъ культѣ въ свободныхъ общинахъ Штрауссъ отзывался неблагоприятно. Онѣ правда, поступаютъ, послѣдовательно, совершенно отбрасывая догматическія традиціи и становясь на почву естествознанія и исторіи; однако это не надлежащая почва для религіозной общины. «Я присутствовала на многихъ богослуженіяхъ свободныхъ общинъ и нашлась ихъ поразительно сухими и противными. Я положительно жаждала чего-нибудь похожаго на библейскую легенду или христіанскіе праздники, чтобы получить хоть что-нибудь для фантазіи и души; но этой отрады я не нашлась. Нѣтъ, на этомъ пути ничего не выйдетъ! Послѣ того какъ снесено церковное зданіе, устраивать молитвенныя собранія на голы, съ трудомъ уравненнымъ мѣстѣ — тоскливо до ужаса». Штрауссъ даже тогда не вступилъ бы въ «церковь разума», если бы государство щедро предоставило бы ей всѣ права старой церкви. Онъ и его единомышленники могутъ обойтись безъ всякой церкви. Они ищутъ назиданія въ томъ, что открываютъ свою душу для всѣхъ высшихъ интересовъ человѣчества, и прежде всего для жизни народа. Они стараются подкрѣпить свое національное чувство изученіемъ исторіи и наряду съ этимъ расширять свои свѣдѣнія о природѣ; «наконецъ въ сочиненіяхъ нашихъ великихъ поэтовъ при воспроизведеніи твореній нашихъ великихъ композиторовъ мы находимъ такой матеріалъ для возбужденія ума и сердца, фантазіи и юмора, что не остается желать ничего лучшаго. Такъ мы ведемъ счастливое существованіе».

Но мы это и въ состояніи!—наши средства позволяютъ намъ это. Ибо «мы», отъ имени которыхъ говоритъ Штрауссъ, по его собственному указанію, «не только ученые и художники, но и чиновники, военные, промышленники и помѣщики». Народа онъ касается лишь весьма поверхностно. Наши національные поэты существуютъ и для массы народа, но отъ концертовъ масса должна пока еще отказаться. «Натанъ» Лессинга и «Германъ и Доротеа» Гёте тоже заключаютъ въ себѣ «спасительныя истины», и они, конечно, понятнѣе библіи, которая непонятна даже многимъ теологамъ. О спасительныхъ истинахъ, которыя народъ по традиціи отъ отца къ сыну вычитываетъ изъ Библіи и будто бы понимаетъ, не говорится болѣе ни слова. Это вѣдь заблужденія, а потому они не имѣютъ права на существованіе, хотя бы именно въ этихъ передающихся изъ

рода въ родъ идеяхъ заключалось высшее значеніе, которое можетъ имѣть библія для нуждающагося въ угѣшеніи сердца бѣднаго и незначительнаго человѣка. Когда въ школахъ меньше будутъ заниматься еврейской исторіей, тогда улучшится дѣло всеобщаго пониманія нашихъ великихъ поэтовъ. Но откуда въ нашемъ столь превосходно обставленномъ государственномъ строѣ явится импульсъ для столь значительнаго измѣненія—это не изслѣдуется. Да оно въ сущности и не нужно; ибо истинный выводъ изъ всего возрѣнія собственно вѣдь такой: народъ можетъ оставаться тамъ, гдѣ онъ въ силу священныхъ законовъ вселенной находится, — лишь бы «мы», образованные и состоятельные, избавились наконецъ отъ обузы казаться и слыть христіанами, въ то время какъ мы уже болѣе не христіане.

Обстоятельная критика этого возрѣнія <sup>39)</sup> послѣ всего, что было уже сказано, излишня—тѣмъ болѣе, что непосредственно слѣдующая заключительная глава еще разъ и вполне выяснитъ наше отношеніе къ этимъ вопросамъ. Во всякомъ случаѣ не случайно то, что два столь высоко одаренныхъ и благородныхъ человѣка, притомъ столь различныхъ по своему складу, какъ Штрауссъ и Ибервегъ, со своимъ матеріализмомъ связываютъ оправданіе новѣйшаго промышленнаго строя и на мѣсто религіи угнетенныхъ и оскорбленныхъ ставятъ религію привилегированной аристократіи, которая отвергаетъ всякую церковную связь съ массою. Въ нашей новѣйшей культурѣ замѣтно движеніе въ сторону матеріализма, которое увлекаетъ съ собою всякаго, не нашедшаго гдѣ либо прочной опоры. Философы и экономисты, государственные люди и представители промышленности сходятся въ похвалѣ современности и ея побѣдамъ. Къ похвалѣ современности примыкаетъ культъ дѣйствительности. Идеальное теперь не въ курсѣ; что не можетъ быть оправдано естественно-научнымъ или историческимъ путемъ, осуждается на гибель, хотя бы съ нимъ были связаны тысячи радостей и уладъ народа, къ этому теперь уже нѣтъ чутья.

Въ своемъ «Послѣсловіи вмѣсто предисловія» Штрауссъ замѣчаетъ, что, соединивъ матеріализмъ съ политически консервативными принципами, онъ въ сущности навлекъ на себя неудовольствіе всѣхъ партій. Но Штрауссъ забылъ при этомъ свою собственную армію, тѣхъ «мы», отъ имени которыхъ онъ говоритъ. Когда я прочелъ указанное мѣсто послѣсловія, я отложилъ на минуту книгу въ сторону и сталъ перелистывать случайно лежавшій на столѣ иллюстрированный литературный листокъ. Взглядъ мой сперва упалъ на карикатуру «коммуниста», затѣмъ на изображеніе кабинета Фейербаха рядомъ съ біографической замѣткой о немъ, представляющею одну сплошную похвалу. Редакціи этихъ листковъ прекрасно знаютъ, что любить публика, и повидимому ядро этой публики находится въ несомнѣнномъ родствѣ съ тѣмъ обществомъ, отъ имени которыхъ Штрауссъ представилъ свое исповѣданіе.

Намъ скажутъ: вѣдь соціалисты тоже слѣдуютъ матеріализму! Но это однако нисколько не противорѣчитъ нашему замѣчанію. Соціалисты и приверженцы существующихъ соціальныхъ отношеній сходятся въ томъ, что всѣ они отвергаютъ указаніе религіи на загробную жизнь и хотя бы основать счастье человѣчества въ нашей земной жизни. Къ тому же главари соціалстовъ, задающіе въ этомъ отношеніи тонъ, суть болѣе частью люди съ образованіемъ, которые, по крайней мѣрѣ въ Германіи прошли чрезъ школу Фейербаховскихъ идей. Большая масса ихъ при-

верженцевъ въ этомъ отношеніи довольно равнодушна. Руководимые только представленіемъ о своей нуждѣ, они бросаются въ руки всякаго, кто обѣщаетъ рѣшительное улучшеніе или по крайней мѣрѣ рѣшительную борьбу и надежду на мечь, предоставляя ему во всемъ прочемъ исповѣдывать, по желанію, папскую непогрѣшимость или атеизмъ. Многіе годы социализмъ привыкъ ненавидѣть церковь какъ союзницу государства. Какъ только обнаруживается болѣе глубокой разладъ между церковью и государствомъ, тотчасъ же часть социалистовъ — крайне неблагообразно, но все же естественно — начинаетъ заигрывать съ церковью. Единственная цѣль крайнихъ вожаковъ этого направленія переворотъ; обстоятельства же складываются такъ, что только крайніе могутъ быть вожаками, ибо только крайнія тенденціи приводятъ въ движеніе массы. Если социализмъ когда либо достигнетъ этой ближайшей, чисто отрицательной цѣли и среди всеобщаго хаоса долженъ будетъ приступить къ положительной формировкѣ своихъ идей,—холодное господство абстрактнаго разума едва ли удержится. Если же, чего добраго, дойдетъ до разрушенія нашей теперешней культуры, то трудно предположить, чтобы пріемниками явилась какая нибудь изъ существующихъ церквей, а тѣмъ менѣе материализмъ; скорѣе всего изъ какого-нибудь угла, о которомъ никто не думалъ, вынырнетъ нѣчто до послѣдней крайности нелѣпое, вродѣ книги Мормона или спиритизма, съ которыми затѣмъ сольются законныя идеи времени и можетъ быть опредѣлять такимъ образомъ на тысячелѣтія впередъ новое средоточіе общаго умственнаго настроенія.

Есть только одно средство избѣжать альтернативы переворота или мрачнаго застоя: это средство не состоитъ въ пушкахъ, которыя будутъ направлены противъ социалистовъ и демократовъ, какъ думаетъ Штрауссъ, а единственно лишь въ своевременномъ одолѣніи материализма и въ исцѣленіи того раскола въ нашей народной жизни, который произошелъ вслѣдствіе того, что образованный классъ отдалился отъ народа и его духовныхъ подробностей. Идеи и жертвы могутъ еще спасти нашу культуру и превратить путь опустошающей революціи въ путь благодатныхъ реформъ.

#### IV. Точка зрѣнія идеала.

Материализмъ составляетъ первую, самую низкую, но за то сравнительно и самую твердую ступень философіи. Въ непосредственной связи съ познаніемъ природы онъ, не считаясь съ границами этого познанія, образуетъ замкнутую систему. Необходимость, господствующая въ естественныхъ наукахъ, придаетъ системѣ, ближе всего къ нимъ примыкающей, значительную степень простоты и прочности въ ея отдѣльныхъ частяхъ. Эта прочность и необходимость отражается при этомъ и на самой системѣ какъ таковой, но отраженіе это обманчиво. Именно то, что превращаетъ материализмъ въ систему—основная гипотеза, обнимающая общую связью отдѣльныя естественныя познанія въ одно цѣлое—есть не только болѣе шаткая его часть, но и вообще не выдерживаетъ.



глубже проникающей критики. Совершенно то же отношеніе повторяется и въ отдѣльныхъ наукахъ, на которыя опирается матеріализмъ,— слѣдовательно и въ каждой отдѣльной части системы. Прочность этихъ частей, разсмотрѣнная ближе, оказывается лишь прочностью фактовъ науки, и особенно сильна она для непосредственно данной частности. Объединяющій пунктъ, превращающій факты въ науку и науки въ систему, есть продуктъ свободнаго синтеза и вытекаетъ, значить, изъ того же источника, что и созданіе идеала. Но въ то время, какъ послѣднее совершенно свободно обращается съ матеріаломъ, синтезъ въ области познанія свободенъ только въ своемъ возникновеніи изъ направленнаго на творчество человѣческаго духа; съ другой же стороны онъ связанъ задачей привести между собою въ наибольшую гармонію необходимыя, независимыя отъ нашего произвола факторы познанія. Подобно тому какъ техникъ въ своемъ изобрѣтеніи связанъ его цѣлью, тогда какъ сама идея изобрѣтенія свободно выростаетъ изъ его духа, такъ и всякая научная индукція есть одновременно рѣшеніе данной задачи и созданіе творческаго духа.

Матеріализмъ болѣе другихъ системъ опирается на дѣйствительность, т. е. на совокупность необходимыхъ явленій, возникающихъ въ силу нашей чувственной организаціи. Дѣйствительность же, какою ее воображаетъ себѣ человѣкъ и къ которой онъ страстно стремится, когда это созданіе его воображенія поколеблено — абсолютно прочное, отъ насъ независимое и все же нами познаваемое бытіе — такая дѣйствительность не существуетъ и не можетъ существовать, ибо синтетическій, творящій факторъ нашего познанія входитъ уже и въ самыя первыя чувственныя впечатлѣнія и элементы логики<sup>40</sup>). Міръ есть не только представленіе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и наше представленіе: онъ есть продуктъ организаціи рода—въ общихъ и необходимыхъ чертахъ всякаго опыта, индивида—въ свободно обращающемся съ объектомъ синтезѣ. Можно такимъ образомъ сказать: «дѣйствительность» есть явленіе для рода, обманчивая же видимость—явленіе для индивида—явленіе, которое становится заблужденіемъ лишь тогда, когда ей приписывается «дѣйствительность», т. е. бытіе для рода.

Однако внести гармонію въ явленія и объединить данное многообразіе есть задача не только синтетическихъ факторовъ опыта, но и факторовъ умозрѣнія. Но здѣсь связующая организація рода насъ оставляетъ; индивидъ творитъ по своей собственной нормѣ, и произведеніе его лишь постольку получаетъ значеніе для рода, т. е. для націи и современниковъ, поскольку творецъ-индивидъ богато и нормально одаренъ, поскольку типиченъ его образъ мыслей и, наконецъ, поскольку онъ по духовной своей силѣ призванъ управлять умами.

Идейное творчество умозрѣнія не совсѣмъ еще однако свободно; оно, какъ и эмпирическое изслѣдованіе, стремится къ цѣльному изображенію даннаго въ его связи, но здѣсь отсутствуетъ руководящее принужденіе принциповъ опыта. Лишь въ творествѣ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова—въ поэзіи—сознательно оставляется почва дѣйствительности. Въ умозрѣніи форма преобладаетъ надъ матеріей, въ поэзіи она вполне властвуетъ надъ нею. Поэтъ свободною игрой своего духа создаетъ міръ по своему желанію и отликаетъ крайне подвижную матерію въ тѣмъ болѣе строгую

форму, которая носитъ свою цѣнность и значеніе въ себѣ самой, независимо отъ задачъ познанія.

Начиная отъ нижайшихъ ступеней синтеза, въ которыхъ индивидъ представляется еще всецѣло связаннымъ съ основными чертами рода, вплоть до его творческой дѣятельности въ поэзіи сущность этого акта постоянно направлена на созданіе единства, гармоніи, совершенной формы. Тотъ самый принципъ, который безгранично господствуетъ въ сферѣ красоты, въ искусствѣ и поэзіи, является въ сферѣ дѣйствія истинною этическою нормой, лежащею въ основаніи всѣхъ другихъ принциповъ нравственности, а въ сферѣ познанія—образующимъ и формирующимъ факторомъ нашего міропредставленія.

Хотя такимъ образомъ міропредставленіе, полученное нами черезъ посредство нашихъ чувствъ, помимо нашей воли формируется по присущему намъ идеалу, все же по сравненію со свободными созданіями искусства весь міръ дѣйствительности является негармоничнымъ и полнымъ невзгодъ. Здѣсь именно и находится источникъ всякаго оптимизма и пессимизма. Безъ сравненія мы не были бы въ состояніи произнести сужденіе о достоинствѣ этого міра. Когда мы съ какого нибудь высокаго мѣста созерцаемъ ландшафтъ, то все наше существо склоняется къ тому, чтобы приписать ему красоту и совершенство. Надо сперва путемъ анализа разрушить могучее единство этой картины, чтобы вспомнить, что въ этихъ мирно уютящихся на склонѣ горы избушкахъ живутъ бѣдные, мучащіеся люди, что, можетъ быть, за тѣмъ завѣшаннымъ окошкомъ ужасно страдаетъ какой нибудь больной, что надъ шумящими макушками отдаленнаго лѣса хищныя птицы разрываютъ свою трепещущую въ судорогахъ добычу, что въ серебристыхъ волнахъ рѣки тысячи маленькихъ существъ, едва увидя свѣтъ, находятъ жестокую смерть. Для нашего созерцающаго взора иссохшіе стьба деревьевъ, погибшія поля, опаленные солнцемъ дуга суть только отбѣнки на картинѣ, которая радуетъ нашъ глазъ и укрѣпляетъ нашъ духъ.

Такимъ представляется міръ оптимистическому философу. Онъ превозноситъ гармонію, которую онъ самъ въ него внесъ. По сравненію съ нимъ пессимистъ тысячу разъ правъ; и все же не могло бы существовать никакого пессимизма безъ того естественнаго идеальнаго представленія о мірѣ, которое живетъ внутри насъ. Лишь противоположность ему дѣлаетъ дѣйствительность дурною.

Чѣмъ свободнѣе процессъ синтеза, тѣмъ эстетичнѣе наше представленіе о мірѣ, тѣмъ сильнѣе нравственное воздѣйствіе этого представленія на нашу практическую дѣятельность. Не только поэзія, но и умозрѣніе. Несмотря на то, что оно какъ будто имѣетъ цѣлью одно лишь познаніе, преслѣдуетъ также въ существенномъ эстетическую, а затѣмъ, вслѣдствіе воспитательной силы красоты, и этическую цѣль. Въ этомъ смыслѣ можно было бы пожалуй согласиться съ Штрауссомъ, что всякая истинная философія всегда оптимистична. Однако философія представляетъ нѣчто большее, чѣмъ поэтизирующее умозрѣніе. Она охватываетъ также логику, критику и теорію познанія.

Въ частности эти функціи нашихъ чувствъ и связующаго разума, создающія для насъ дѣйствительность, могутъ быть названы низшими по сравненію съ высокимъ пареніемъ духа въ свободно творящемъ искусствѣ. Но въ цѣломъ и въ общей связи ихъ невозможно подчинить какой-нибудь другой дѣятельности духа. Хотя наша дѣйствительность и

не отвѣчаетъ желаніямъ нашего сердца, она все же представляетъ прочную основу всего нашего духовнаго бытія. Индивидъ вырастаетъ на почвѣ рода, и общее, необходимое познаніе есть единственно вѣрный путь къ возвышенію индивида до эстетическаго пониманія міра. Разъ этотъ путь оставленъ, умозрѣніе не можетъ уже стать ни типичнымъ, ни значительнымъ; оно становится фантазіей, субъективнымъ произволомъ и безсодержательною игрой. Но по возможности вѣрное пониманіе дѣйствительности есть прежде всего главная основа повседнежнаго бытохода, необходимое условіе сношенія между людьми. Общее въ познаніи рода есть въ то же время законъ всякаго обмѣна мыслей. Мало того: оно вмѣстѣ съ тѣмъ единственный путь къ господству надъ природою и ея силами.

Какъ бы далеко не распространялось видоизмѣняющее дѣйствіе психическаго синтеза,—хотя бы даже на самыя наши элементарныя представленія о вещахъ, объ объектѣ,—мы все же убѣждены, что въ основѣ этихъ представленій и вырастающаго изъ нихъ міра лежитъ нѣчто такое, что не въ насъ беретъ свое начало. Это убѣжденіе опирается главнымъ образомъ на то, что мы находимъ между вещами не только связь—ее можно было бы принять за тотъ самый планъ, по которому мы ихъ построили—но и взаимодействіе, которое, нисколько не интересуясь нашимъ мышленіемъ, идетъ своимъ путемъ захватываетъ насъ самихъ и подчиняетъ своимъ законамъ. Это чуждое, это «не-я» въ свою очередь становится «объектомъ» нашего мышленія лишь благодаря тому, что оно воспринимается каждымъ индивидомъ въ общихъ и необходимыхъ формахъ познанія рода; но это вовсе еще, конечно, не значитъ, что оно состоитъ изъ однихъ этихъ формъ познанія. Въ законахъ природы заключаются не только законы нашего познанія: мы находимъ въ нихъ также свидѣтельства чего то другаго—силы, которая то подчиняетъ насъ, то сама подчиняется намъ. Въ сношеніи съ этой силой мы можемъ руководствоваться только опытомъ и дѣйствительностью, и никакое умозрѣніе не изобрѣло еще средства воздѣйствовать на міръ вещей волшебствомъ одной мысли.

Методъ же, который ведетъ насъ какъ къ познанію, такъ и къ подчиненію себѣ природы, требуетъ ни болѣе ни менѣ, какъ постояннаго разрушенія синтетическихъ формъ, въ которыхъ намъ является міръ,—съ цѣлью устранивъ все субъективное. Но разумѣется новое, болѣе соответствующее фактамъ познаніе опять таки лишь путемъ синтеза могло обрѣсти форму и устойчивость, между тѣмъ изслѣдованіе вынуждено было обращаться все къ болѣе и болѣе простымъ воззрѣніямъ, пока оно наконецъ не установилось на основоположеніяхъ механическаго міровоззрѣнія.

Всякое искаженіе дѣйствительности подрываетъ основы нашего духовнаго существованія. Поэтому какъ противувѣсь метафизическимъ измышленіямъ, которыя берутъ на себя смѣлость проникнуть въ сущность природы и опредѣлять по однимъ лишь понятіямъ то, что можетъ дать только опытъ, — матеріализмъ оказываетъ истинное благодѣяніе. Вотъ почему всѣ философы, которыя имѣютъ тенденцію придавать значеніе только дѣйствительному, необходимо будутъ тяготѣть къ матеріализму. Но зато матеріализмъ стоитъ внѣ связи съ высшими отправлениями свободнаго человѣческаго духа. Помимо своей теоретической несостоятель-

ности, онъ бѣденъ возбуждающими мотивами, бесплоденъ для искусства и науки, безразличенъ или склоняется въ сторону эгоизма въ отношеніяхъ людей между собою. Онъ врядъ ли въ состояніи замкнуть въ кругъ свою систему, не сдѣлавъ займа у идеализма.

Когда видишь, какъ Штрауссъ разукрашиваетъ свою вселенную, чтобы имѣть возможность ее почитать, приходишь къ мысли, что онъ въ сущности не очень далеко ушелъ отъ деизма. Едва ли не дѣло вкуса, чтимъ ли мы мужского рода—«бога», женскаго—«природу» или средняго—«цѣлое». Чувства тѣ же, да и въ способѣ изображенія предмета этихъ чувствъ незамѣтно существеннаго отличія. Въ теоріи и Богъ болѣе не личный, а во вдохновенномъ подъемѣ души и «цѣлое» трактуется какъ личность.

Естественное не можетъ привести къ этому. Естествознаніе аналитично и останавливается на частностяхъ. Отдѣльное открытіе радуется намъ, методъ вызываетъ въ насъ удивленіе, а непрерывное слѣдованіе открытій, пожалуй, направляетъ нашъ взоръ въ безконечную даль все болѣе совершеннаго познанія. Но съ этимъ вмѣстѣ мы покидаемъ уже почву строгой науки. Вселенная со стороны чисто естественно-научнаго пониманія можетъ такъ же мало вдохновить насъ, какъ прочитанная по складамъ Иліада. Воспринимая цѣлое какъ единое, мы этимъ актомъ синтеза привносимъ въ объектъ наше собственное существо, подобно тому какъ мы въ созерцаніи придаемъ ландшафту гармоническую форму, хотя бы онъ въ частностяхъ заключалъ въ себѣ много негармоническаго. Всякое объединеніе слѣдуетъ эстетическимъ принципамъ, и всякое приближеніе къ цѣлому есть приближеніе къ идеалу.

Пессимизмъ, который тоже опирается на цѣлое, есть продуктъ рефлексіи. Тысячи превратностей жизни, хладная жестокость природы, страданія и несовершенства всѣхъ существъ собираются въ отдѣльныхъ ихъ проявленіяхъ, и сумма этихъ наблюденій противопоставляется идеальному образу оптимизма, какъ грозная жалоба на міровое цѣлое. Однако этимъ путемъ замкнутое міропредставленіе не достигается,—разрушается только міропредставленіе оптимизма, и это большая заслуга, если оптимизмъ становится догматичнымъ и выступаетъ въ роли представителя истинной дѣйствительности. Пессимизмъ съ успѣхомъ разрушаетъ всякаго рода великодушныя мысли о встрѣчающейся мѣстами дисгармоніи, которая растворяется въ гармоніи великаго цѣлаго, о всеохватывающемъ, божественномъ созерцаніи міра, въ которомъ разрѣшаются всѣ загадки и исчезаютъ всѣ трудности; однако разрушеніе это касается только догмы, но не идеала. Оно не въ состояніи устранить тотъ фактъ, что духъ нашъ созданъ для того, чтобы все вновь воспроизводить изъ себя гармоническое представленіе о мірѣ, что онъ здѣсь, какъ и повсюду, рядомъ съ дѣйствительностью и выше ея ставитъ идеаль и отдыхаетъ отъ борьбы и нуждъ жизни, переносясь въ мысляхъ въ міръ всѣхъ совершенствъ.

Затѣмъ это идеальное стремленіе человѣческаго духа почерпаетъ новую силу въ познаніи, что и дѣйствительность наша не есть абсолютная дѣйствительность, а лишь явленіе, — которое для индивида имѣетъ принудительное значеніе и исправляетъ его случайныя комбинаціи, для рода же—составляетъ необходимый продуктъ его задатковъ во взаимодействіи съ неизвѣстными факторами. Эти неизвѣстные факторы мы представляемъ себѣ вещами, которые не зависятъ отъ

насть, и которымъ слѣдовательно присуща абсолютная дѣйствительность, признанная нами невозможною. Однако, она и въ самомъ дѣлѣ невозможна, ибо уже въ понятіи вещи, выдѣленной какъ нѣчто единое изъ безконечной связи бытія, заключается тотъ субъективный факторъ, который воплѣвъ на своемъ мѣстѣ въ качествѣ составной части нашей человѣческой дѣйствительности, но за предѣлами ея служить лишь для выполненія, по аналогіи съ этой дѣйствительностью, пробѣла абсолютно непостижимаго, которое мы во всякомъ случаѣ должны предположить.

К а н т ъ, вслѣдствіе невозможности вѣрнаго рѣшенія, отвергнувъ стремленіе метафизики къ открытію истинныхъ основъ бытія и свелъ задачу этой науки къ отысканію всѣхъ а priori данныхъ элементовъ опыта. Однако еще вопросъ, не является ли эта новая задача столь же неразрѣшимою; затѣмъ вопросъ и то, не будетъ ли человекъ, въ силу его, даже Кантомъ признаннаго, естественнаго стремленія къ метафизикѣ, все вновь пытаться переступить положенныя границы и строить въ воздухѣ мистурныя системы мнимаго познанія абсолютной сущности вещей. Софизмы, благодаря которымъ это становится возможнымъ, неисчерпаемы, и межъ тѣмъ какъ эти софизмы хитро обходятъ занятую критикой позицію, геніальное невѣжество легко и еще съ болѣе блестящимъ успѣхомъ прорывается сквозь всѣ препятствія.

Одно несомнѣнно: человекъ нуждается въ дополненіи дѣйствительности созданнымъ имъ самимъ идеальнымъ міромъ, и въ служащихъ для этой цѣли твореніяхъ участвуютъ лучшія и высшія функціи его духа. Но развѣ необходимо, чтобы эта свободная дѣятельность духа все снова являлась въ обманчивой формѣ доказывающей науки? Въ такомъ случаѣ и материализмъ будетъ все вновь появляться и разрушать болѣе смѣлыя умозрительныя построенія, пытаясь отвѣтить на стремленіе разума къ единству минимумомъ возвышенія надъ дѣйствительнымъ и доказуемымъ.

Мы не должны отчаиваться въ возможности иного разрѣшенія задачи, — особенно въ Германіи, съ тѣхъ поръ какъ Ш и л л е р ъ въ своихъ философскихъ поэтическихъ твореніяхъ далъ намъ произведенія, соединяющія съ благороднѣйшею строгостью мысли высочайшій подъемъ надъ дѣйствительностью и придающія идеалу непреодолимую силу, отводя его прямо и открыто въ область фантазіи. Это однако не значитъ, что всякое умозрѣніе должно принять также и ф о р м у поэзіи. Безъ сомнѣнія философскія произведенія Шиллера представляютъ нѣчто большее, чѣмъ простые продукты естественнаго стремленія къ умозрѣнію! Они вылились изъ истинно религіознаго подъема души, стремящейся къ кристально чистымъ источникамъ всего того, что человекъ когда либо почиталъ божественнымъ и неземнымъ. Пускай метафизика и впредь пытается разрѣшать свою неразрѣшимуя задачу! Чѣмъ болѣе она будетъ теоретическою и чѣмъ болѣе она захочетъ соперничать съ науками дѣйствительности въ достовѣрности, тѣмъ менѣе она въ силахъ будетъ достигнуть общаго значенія. Напротивъ, чѣмъ болѣе она приводитъ въ связь міръ сущаго съ міромъ цѣнностей и своимъ пониманіемъ явленій стремится къ этическому воздѣйствію, тѣмъ болѣе она предоставитъ господства формѣ надъ матеріею и, не насилуя фактовъ, воздвигнетъ въ архитектурѣ своихъ идей вѣчному и божественному храмъ почитанія. Свободная же поэзія должна совершенно оставить почву дѣй-

ствительности и обратиться къ мнѣ съ тѣмъ, чтобы дать невыразимому форму словъ.

Здѣсь предъ нами вполне удовлетворительное разрѣшеніе вопроса о ближайшемъ и далекомъ будущемъ религіи. Существуютъ только два пути, о которыхъ можно теперь серьезно говорить, послѣ того какъ оказалось, что одно лишь просвѣщеніе кончается пошлостью, вовсе при этомъ не освобождаясь отъ шаткихъ догмъ. Одинъ путь — это совершенное уничтоженіе и упраздненіе всякой религіи и перенесеніе ея задачъ на государство, науку и искусство; другой — состоитъ въ томъ, чтобы вникнуть въ сущность религіи и преодолѣть всякій фанатизмъ и суевѣріе сознательнымъ возвышеніемъ надъ дѣйствительностью и рѣшительнымъ отреченіемъ отъ искаженія дѣйствительнаго съ помощью мѣа, который вѣдь не можетъ служить цѣли познанія.

Въ первомъ изъ этихъ путей лежитъ опасность духовнаго оскуднѣнія; на второмъ — стоишь передъ великимъ вопросомъ, не совершается ли именно теперь въ самой сущности религіи такое превращеніе, которое дѣлаетъ невозможнымъ уловить эту сущность съ достовѣрностью. Но послѣднее вызываетъ меньше сомнѣній, ибо именно принципъ одухотворенія религіи долженъ облегчить и сдѣлать болѣе мирнымъ всякій переходъ, обусловленный культурными потребностями прогрессирующаго времени.

Къ тому же еще сомнительно, возможно ли вообще упраздненіе всякой религіи, какъ бы желательно оно ни казалось многимъ хорошимъ и мыслящимъ людямъ. Ни одинъ разумный человекъ не можетъ думать при этомъ о внезапномъ, а тѣмъ болѣе о насильственномъ шагѣ. Въ этомъ принципѣ скорѣе можно видѣть руководственное правило для болѣе образованныхъ людей, хотя бы напимѣрь въ смыслѣ Штраусса, остатокъ религіи котораго къ дѣлу не идетъ. Затѣмъ будутъ пытаться привлечь государство и школу, съ цѣлью мало по малу лишить религію почвы въ народной жизни и такимъ образомъ систематически подготовить ея исчезновеніе. Но даже при такомъ образѣ дѣйствія подлѣжитъ еще большому сомнѣнію, не вызоветъ ли это въ народѣ, не смотря на все школьное просвѣщеніе, реакцію въ пользу крайне фанатическаго и узкосердечнаго пониманія религіи, или, не пустятъ ли оставшіеся корни новые, можетъ быть, дикіе, но жизнеспособные ростки. Человекъ ищетъ истины въ дѣйствительномъ и стремится къ расширенію своихъ знаній, пока онъ чувствуетъ себя свободнымъ. Но стоитъ лишь связать его тѣмъ, что можетъ быть достигнуто чувствами и разумомъ, — онъ возмущается, и тогда свобода его фантазіи и души, можетъ быть, выразится въ болѣе грубыхъ формахъ, чѣмъ тѣ, которыя наконецъ удалось разрушить.

Покуда сущность религіи искали въ извѣстныхъ ученіяхъ о Богѣ, о человеческой душѣ, о мірозданіи, его порядкѣ, всякая критика, которая по логическимъ основаніямъ начала отдѣлять мякину отъ пшеницы, неминуемо должна была превратиться въ полнѣйшее отрицаніе. Просвѣданіе до тѣхъ поръ, пока наконецъ не осталось ничего.

Если же сущность религіи видѣть въ возвышеніи душъ надъ дѣйствительностью и въ созданіи родины духа, тогда и самыя очищенныя формы въ состояніи будутъ вызывать въ существѣ тѣ же исихическіе процессы, какъ и слѣпая вѣра необразованной толпы, и никакая философская утонченность идей никогда не приведетъ этого къ нулю. Недостигаемый образецъ этого даетъ Шиллеръ, который въ своемъ

«царствѣ тѣней» обобщаетъ христіанское ученіе объ искушеніи въ идею эстетическаго искупленія. Возвышеніе духа въ вѣрѣ здѣсь становится переходомъ въ воображаемое царство красоты, гдѣ всякій трудъ обрѣтаетъ отдохновеніе, всякую борьбу и нужду — міръ и спокойствіе. Душа же, пораженная страшною мощью закона, передъ которымъ не можетъ устоять ни одинъ смертный, раскрывается волѣ Божьей, признаваемой ею истинною сущностью собственной ея воли, и такимъ образомъ примиряется съ божествомъ. Хотя эти моменты подъема и преходящи, все же они дѣйствуютъ на душу освобождающимъ и очищающимъ образомъ, а въ отдаленіи видѣется завершеніе, котораго никто не можетъ насъ лишить, — завершеніе, изображенное въ воспесеніи Геркулеса. — Это стихотвореніе есть продуктъ такого времени и такого круга развитія, которые никоимъ образомъ не были склонны признавать слишкомъ много за специфически христіанскимъ; творецъ «Боговъ Греціи» не измѣняетъ себя — въ извѣстномъ смыслѣ здѣсь все языческое, и тѣмъ не менѣе Шидлеръ здѣсь много ближе къ традиціонному религіозному настроенію христіанства, нежели просвѣщенная догматика, которая произвольно удерживаетъ понятіе Бога и отбрасываетъ какъ противуразумное ученіе объ искушеніи.

Необходимо слѣдовательно привыкнуть къ тому, чтобы придавать большее значеніе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, принципу созидающей идеи какъ таковой, безъ всякаго отношенія къ ея согласію съ историческимъ и естественно-научнымъ познаніемъ, въ то же время однако не искажая послѣдняго; необходимо привыкнуть видѣть въ мірѣ идей, какъ образомъ выраженіи полной истины, столь же необходимый факторъ человѣческаго прогресса, какъ и познаніе разума, выводя большее или меньшее значеніе каждой идеи изъ этическихъ и эстетическихъ основъ. При этомъ требованіи конечно, многимъ изъ старо и ново-вѣровъ покажется, будто ихъ лишаютъ почвы подъ ногами и все же требуютъ, чтобы они стояли какъ ни въ чемъ не бывало. Но въ томъ-то и вопросъ, что именно есть почва для идей: заключается ли она въ расположеніи ихъ по этическимъ соображеніямъ въ мірѣ идей какъ цѣломъ, или же въ отношеніи представленій, въ которыхъ выражается идея, къ эмпирической дѣйствительности. Когда было доказано вращеніе земли, всякій филистеръ полагалъ, что онъ упадетъ, если это опасное ученіе не будетъ опровергнуто, подобно тому какъ теперь многіе боятся превратиться въ чурбана, если Фохтъ имъ докажетъ, что у нихъ нѣтъ души. Если религія чего нибудь стоитъ, если ея непреходящее значеніе заключается въ этическомъ, а не въ логическомъ содержаніи, то такъ же, надо думать, было и раньше, какъ бы необходимой ни считалась вѣра въ букву.

Если бы это не было ясно сознаваемо мудрецами и хоть смутно — народомъ, какъ возможно было бы, чтобы поэтъ и художникъ въ Греціи и Римѣ отважились вливать въ міръ новую жизнь и придавать идеалу божества новыя формы? Даже съ виду столь неподвижный католицизмъ пользовался догмой въ сущности только какъ могучимъ цементомъ, въ цѣляхъ сохраненія единства въ исполнскомъ зданіи церкви, но въ то же время поэтъ въ легендѣ, философъ въ глубокомысленныхъ и свободныхъ умозрѣніяхъ схоластики распорядились матеріаломъ религіи совершенно свободно. Вѣроятно никогда, съ тѣхъ поръ какъ стоитъ міръ, люди, которые въ состояніи стать выше точки зрѣнія грубаго суевѣрія, не считали религіозное мнѣніе въ томъ же родѣ истиннымъ, что и чувственное познаніе,

результатъ вычисленія или простаго умозаключенія,—хотя вѣроятно ни когда, вплоть до новѣйшаго времени, отношеніе этихъ «вѣчныхъ истинъ» къ неизмѣннымъ функціямъ нашихъ чувствъ и разума, не понималось вполне ясно. Въ рѣчахъ и сочиненіяхъ наиболѣе правовѣрныхъ ревнителей всегда можно отмѣтить тотъ пунктъ, гдѣ они открыто переходятъ къ символу, и передаютъ пластическое изображеніе субъективнаго развитія религиозной мысли въ тѣхъ же выраженіяхъ и съ тою же силой, съ какою они такъ наглядно и живо развиваютъ сравнительно объективныя ученія, принятая большою общиною и неприкосновенныя для каждаго. Если эти истины общаго церковнаго ученія превозносятся какъ «вышшія», съ которыми никакое другое познаніе, даже таблица умноженія, сравниться не можетъ, то тутъ по крайней мѣрѣ всегда чувствуется, что это предпочтеніе покоится не на большей достовѣрности, а на большей цѣнности ихъ, противъ которой безсилна и логика, и осязаніе, и зрѣніе,—ибо идея, какъ форма и сущность душевнаго состоянія представляется болѣе могущественнымъ объектомъ стремленія, чѣмъ наидѣйствительнѣйшая матерія. Но даже и тамъ, гдѣ совершенно опредѣленно превозносится бѣльшая прочность, высшая достовѣрность и надежность этихъ религиозныхъ ученій, все это представляетъ собою только описательныя выраженія или иносказанія восторженной души, въ которыхъ проявляется наружу ея сильнѣйшее стремленіе къ живому источнику религиознаго назиданія, укрѣпленія и оживленія, нисходящему изъ божественнаго міра идей, въ противоположность трезвенному познанію, обогащающему разумъ мелкою и собственно ни на что не годной монетою. На высшей точкѣ такого душевнаго настроенія мы видимъ такого человѣка, какъ Лютеръ, который противоположностью своего убѣжденія разрушилъ созданіе тысячелѣтія и даже проклялъ разумъ, возстающій противъ того, что онъ всю силу своего пылакаго духа позналъ какъ идею новой эпохи. Этимъ объясняется и то значеніе, какое истинно вѣрующія души всегда придавали внутреннему опыту и переживанію какъ доказательству вѣры. Многіе изъ этихъ вѣрующихъ, которые обязаны своимъ душевнымъ миромъ пламенной молитвѣ и духовному общенію съ Христомъ, какъ съ личностью, теоретически прекрасно знаютъ, что тѣ же душевные процессы происходятъ и при совершенно другихъ вѣрующія и повторяются съ тѣми же послѣдствіями и съ тѣми же свидѣтельствомъ даже у приверженцевъ совершенно чуждыхъ религій. Но ихъ противоположность по отношенію къ этимъ послѣднимъ и шаткость доказательства, на которое равно опираются противорѣчащія другъ другу представленія, обыкновенно не доходятъ до ихъ сознанія, ибо они гораздо болѣе интересуются общою противоположностью между вѣрой и невѣріемъ. Не ясно ли, что сущность дѣла заключается въ формѣ духовнаго процесса, а не въ логико-историческомъ содержаніи отдѣльныхъ воззрѣній и ученій? Эти воззрѣнія и ученія находятся, можетъ быть, съ формою процесса въ той же связи, что въ тѣлесномъ мірѣ соединенія вещества съ кристаллическою формою; но кто докажетъ намъ эту связь, и какія явленія изоморфизма окажутся здѣсь?

Это преобладаніе формы въ вѣрѣ обнаруживается еще въ той удивительной чертѣ, что вѣрующіе различныхъ, даже враждебныхъ исповѣданій больше сходятся между собою и проявляютъ больше симпатіи къ самымъ яркимъ своимъ противникамъ, чѣмъ къ людямъ, относящимся къ



религіознымъ спорнымъ вопросамъ равнодушно. Но наиболѣе своеобразное проявленіе религіознаго формализма выступаетъ въ философіи религіи. какъ она сложилась въ Германіи главнымъ образомъ послѣ Канта. Эта философія есть въ сущности переложеніе религіозныхъ ученій въ метафизическія. Шлейермахеръ—человѣкъ, который въ своемъ отношеніи къ противостороннимъ преданіямъ и естественно-историческимъ невозможностямъ, былъ не менѣе далекъ отъ слѣпой вѣры, чѣмъ материалисты—поистинѣ внесъ въ церковь потокъ обновленія тѣмъ, что выдвинулъ этическое и идеальное содержаніе религіи. Великій Фихте возвѣстилъ зарю новой міровой эпохи, наступающую чрезъ изліаніе Святого Духа на всю плоть. Духъ, о которомъ въ Новомъ Завѣтѣ предвозвѣщено, что онъ наставитъ учениковъ Христа во всякой истинѣ,—этотъ духъ есть ничто иное, какъ духъ науки, который открылся въ наши дни. Онъ научаетъ насъ въ прямомъ познаніи абсолютному единству человѣческаго бытія съ божественнымъ, которое Христосъ впервые возвѣстилъ міру въ притчѣ. Откровеніе Царства Божія есть сущность христіанства, и это царство есть царство свободы, обрѣтаемой раствореніемъ собственной воли въ волю Божью: смерть и воскресеніе. Всѣ ученія о воскресеніи мертвыхъ въ физическомъ смыслѣ суть только ложно понимаемое ученіе о небесномъ царствіи, которое въ существѣ своемъ есть принципъ новаго устройства міра. Фихте совершенно серьезно требовалъ пересозданія человѣческаго рода по принципу человѣчества въ его идеальномъ совершенствѣ, въ противоположность своевольнымъ стремленіямъ индивидовъ. Такимъ образомъ радикальнѣйшій философъ Германіи есть въ то же время человѣкъ, всѣ чувства и мысли котораго находятся въ рѣзкой противоположности къ экономическому основоположенію объ интересахъ и ко всей вообще догматикѣ эгоизма. Не даромъ поэтому Фихте первый возбудилъ въ Германіи соціальныя вопросы, который никогда бы не возникъ, если бы интересъ былъ единственнымъ рычагомъ человѣческихъ дѣйствій, если бы экономическія законы, совершенно вѣрные въ отвлеченіи, управляли вѣчно и неизмѣнно, подобно односторонне властвующимъ естественнымъ законамъ, всѣмъ ходомъ человѣческаго труда и борьбы, а высшая идея, ради которой благороднѣйшіе представители человѣческаго рода тысячелѣтія боролись и страдали, никогда не проявлялась бы наружу.

«Нѣтъ не оставилъ насъ, священный палладіумъ человѣчества,—отрадная мысль, что всякій трудъ нашъ и всякое страданіе послужатъ для новаго совершенства и счастья нашего рода, что мы работаемъ для него и работаемъ не напрасно, что на томъ мѣстѣ, гдѣ мы мучаемся и гибнемъ, и—что еще хуже—такъ грубо заблуждаемся и грѣшимъ, расцвѣтетъ нѣкогда родъ, который отважится на все, что онъ захочетъ, ибо онъ будетъ хотѣть одного лишь добра; а въ то время мы въ горнихъ обителяхъ будемъ радоваться, глядя на наше потомство и распознавая въ ихъ добродѣтеляхъ ростки каждаго изъ сѣмянъ, нами посѣянныхъ. Всели въ насъ, надежда на это время, чувство собственного нашего достоинства и дай намъ почувствовать это достоинство хоть въ нашихъ наклонностяхъ, если наше теперешнее состояніе ему противорѣчитъ! Влей отвагу и высокое вдохновеніе въ наши предпріятія, и если намъ суждено въ нихъ погибнуть, то да поддержитъ насъ мысль: мы исполнили свой долгъ.—да утѣшитъ другая: ни одно сѣмя, посѣянное нами,

не пропадаетъ въ нравственномъ мірѣ; въ день жатвы мы увидимъ плоды его и сожемъ себѣ изъ нихъ безсмертныя вѣнки!» <sup>41)</sup>

То поэтическое вдохновеніе, съ какимъ Фихте написалъ эти строки, охватило его не вслѣдствіе расплывчатаго религіознаго созерцанія, а въ виду Канта и — французской революціи. Такъ тѣсно слиты были у него жизнь и ученіе! И межъ тѣмъ какъ наемники церкви пользовались словомъ жизни для служенія смерти, невѣжеству, князю міра сего, въ немъ поднимается духъ, разрывающій всѣ цѣпи, и онъ заявляетъ во всеуслышаніе, что ниспроверженіе прежняго строя Франціи все же принесло нѣчто лучшее, чѣмъ деспотическія учрежденія, имѣющія цѣлью пониженіе человѣческаго достоинства.

Замѣчательно, что при болѣе близкомъ разсмотрѣніи, возрѣнія и стремленія людей представляются совершенно иными, чѣмъ это обыкновенно кажется. Весьма избито положеніе, что крайности соприкасаются; однако это положеніе далеко не всегда оправдывается. Никогда смѣлый вольнодумецъ не почувствуетъ симпатіи къ косному церковному управленію и къ вѣрѣ въ мертвую букву; но такое чувство можетъ явиться у него по отношенію къ пророческому восторгу истинно вѣрующаго, у котораго слово стало плотью, и который являетъ свидѣтельство объ охватившемъ его духѣ. Никогда просвѣщенный догматикъ эгоизма не пойметъ скромныхъ людей деревни, молящихся на колѣняхъ о царствѣ не отъ міра сего; но у него всегда найдетъ сочувствіе богатый пасторъ, который храбро охраняетъ вѣру, умѣетъ отстаивать свое достоинство и умно распоряжаться своимъ добромъ, и который чокается съ нимъ шампанскимъ на знатныхъ крестинахъ или на торжественномъ освященіи новой желѣзнодорожной линіи.

Вслѣдствіе того, что настоящая сущность человѣка опредѣляется формою его духовной жизни, именно его отношеніе къ иномыслящимъ служить для духа надлежащимъ пробнымъ камнемъ—исходитъ ли онъ отъ истины, или нѣтъ. Плохой послѣдователь Христа, въ истинномъ смыслѣ вѣрующаго, тотъ, кто не можетъ допустить, что Господь, когда онъ явится въ облакахъ, чтобы судить живыхъ и мертвыхъ, постыжить атеиста Фихте одесную, межъ тѣмъ какъ тысячи повторявшихъ съ вѣрующими «Господи, господи!» будутъ стоять опую. Лишь плохой другъ истины и справедливости можетъ презирать Франке какъ мистика, и въ молитвѣ Лютера видѣть не болѣе, какъ пустой самообманъ. Несомнѣнно, поскольку религія во внутренней своей сущности представляетъ противоположность этическому материализму, она всегда будетъ имѣть друзей среди наиболѣе свѣтлыхъ и свободныхъ умовъ, и спрашивается только, не видѣлся ли и въ нее самой принципъ этического материализма,—духъ «мірской суеты» какъ называють это теологи,—настолько, что наиболѣе, чистые духомъ должны порвать со всѣми ея существующими формами и искать новыхъ путей. Въ этомъ именно пунктѣ, въ отношеніи существующихъ религій къ общей культурной задѣлкѣ эпохи, и заключается истинная тайна ихъ превращеній и ихъ устойчивости, и всѣ нападки критическаго разума, какъ бы справедливы и непреложны они ни были, являются не столько причиной, сколько симптомами упадка религій или же великаго броженія во всей вообще культурной жизни ихъ послѣдователей. Поэтому и консервативнее направленіе, которое приняла философія религіи со времени Гегеля,—толкованія у него, впро-

чемъ, приблизительно тѣ же, что у Фихте— не принесло прочныхъ плодовъ ни церкви, ни философіи. Но того уже не можетъ случиться, чтобы знаніе незатемненной истины было удѣломъ однихъ только философовъ, а масса вновь была бы отгѣснена въ торжественный полумракъ стараго символа. Подобно тому какъ въ политикѣ ученіе о разумности существующаго роковымъ образомъ оказало содѣйствіе абсолютизму, такъ и философія, особенно философія Шлейермахера и Гегеля, послужила опорой тому направленію, которое, потерявъ невинную наивность старой мистики, старалось спасти религію отрицаніемъ отрицанія. Въ тѣ времена, когда воздвигались соборы и слагались могучіе религіозныя напѣвы, не отвѣтная критика умныхъ апологетовъ охраняла религіозныя догмы отъ острія критики, а благоговѣйный трепеть, съ какимъ сердца воспринимали таинства, и священный страхъ, съ какимъ вѣрующій въ своемъ собственномъ внутреннемъ мірѣ избѣгалъ касаться границы, гдѣ истина расходилась съ вымысломъ. Этотъ священный трепеть не есть слѣдствіе ложныхъ заключеній, которыя привели къ предположенію сверхчувственнаго—онъ скорѣе ихъ причина, и, можетъ быть, это отношеніе причины и слѣдствія заходитъ въ самыя древнія времена неразвитой культуры и неразвившихся религій. Вѣдь даже Эпикуръ рядомъ съ чувствомъ страха считалъ источникомъ религіи величественныя видѣнія божественныхъ образовъ!

Что станетъ съ «истинами» религіи, когда исчезнетъ всякое благочестіе, и явится поколѣніе, которое либо совершенно не знало глубокихъ душевныхъ потрясеній религіозной жизни, либо, измѣнивъ свои взгляды, отвернулось отъ нихъ? Всякій глупый мальчишка потѣшается надъ таинствами и съ самодовольнымъ презрѣніемъ смотритъ на тѣхъ, которые вѣрують еще въ такой вздоръ. Пока религія въ полномъ расцвѣтѣ, сомнѣнія не всегда касаются наиболѣе парадоксальныхъ положеній. Теологическіе критики употребляютъ большую массу остроумія и учености, чтобы исправить традицію на какомънибудь пунктѣ, очень еще отдаленномъ отъ самаго ядра вѣры. Естественвѣды считаютъ необходимымъ свести какоенибудь отдѣльное чудо на физически объяснимое явленіе. На такого рода пунктахъ подтачиваніе продолжается и далѣе, а когда въ нападеніи и запитѣ исчерпаны всѣ средства, тогда обыкновенно наступаетъ конецъ также и ореолу неприкосновенности религіознаго преданія и особенно высокаго его значенія. Затѣмъ только приступаютъ къ гораздо болѣе простымъ вопросамъ: какъ примирить зло міра со всемогуществомъ и всеблагостью Бога? почему религіи другихъ народовъ не въ той же степени хороши? отчего нѣтъ теперь чудесъ и притомъ вполне осязательныхъ? какимъ образомъ Богъ можетъ гнѣваться? почему служители Бога такъ злы и мстительны? и т. д.

А когда къ этому присоединяются еще нѣкоторыя естественнаучныя познанія, какія преподаются теперь во всякой народной школѣ, то нѣтъ конца тому вздору, надъ которымъ можетъ потѣшаться насмѣшникъ,— не требуется для этого ни выдающихся умственныхъ силъ, ни основательнаго образованія. И если на ряду съ этимъ люди глубокаго ума и высокаго образованія, привыкшіе съ дѣтства къ богатой внутренней жизни, еще придерживаются религіи и многочисленными корнями фантазіи, сердца, воспоминаній о возвышенныхъ, прекрасныхъ минутахъ цѣпо держатся за старую, завѣтную почву, то мы имѣемъ здѣсь контрастъ, показываю-

щій достаточно ясно, гдѣ суть тѣ источники, которыми питается потокъ религиозной жизни.

Правда, пока религія находится въ замкнутыхъ церковныхъ общинахъ подъ оцкою священниковъ, которые противупоставляютъ себя народу въ качествѣ привилегированныхъ посредниковъ божественныхъ таинствъ, до тѣхъ поръ точка зрѣнія идеала никогда не сѣмѣтъ проявиться въ религіи въ чистомъ видѣ. И помимо того идеологія слишкомъ легко воспринимаетъ въ себя ядъ буквенной вѣры. Символь непроизвольно и мало по малу превращается въ застывшую догму, какъ икона — въ идола, а естественная противуположность между поэзіей и разумомъ легко вырождается въ религиозной области въ нерасположеніе ко всему по просту правильному, полезному и цѣлесообразному, которое въ наше время стѣсняется какъ будто со всѣхъ сторонъ широкой размахъ свободной души. Извѣстно, какое зло причинилъ не въ одномъ благородно настроенномъ умѣ переходъ отъ юношеской идеологіи къ романтическимъ блужданіямъ и наконецъ къ озлобленному пессимизму. Нельзя винить друзей истины и прогресса за ихъ недовѣріе ко всему тому, что противится господствующему въ наше время стремленію къ прозѣ, въ особенности, если оно носитъ церковную окраску. Ибо, если во времена освободительныхъ войнъ романтизмъ, казалось, выполнилъ высшую цѣль эпохи, то съ другой стороны очевидно, что направленіе нашего времени въ сторону открытій, изобрѣтеній, политическихъ и социальныхъ улучшеній имѣетъ передъ собою громадныя, можетъ быть, рѣшающія для будущности всего человечества задачи, для достойнаго и успѣшнаго рѣшенія которыхъ безъ сомнѣнія требуется вся трезвость серьезнаго труда и неподдѣльное чувство правды критической совѣсти. А когда настанетъ день жатвы, тогда конечно явится пламя генія, который изъ атомовъ создастъ нѣчто цѣлое, не вѣдая самъ, какъ онъ этого достигъ.

Межъ тѣмъ прежнія формы религіи вовсе еще не вполнѣ отжили, и зряде ли ихъ идеальное содержаніе когда либо изсякнетъ совершенно, прежде чѣмъ появятся новыя формы этического идеализма. Смѣна возрѣній и стремленій на землѣ не происходитъ такъ просто и гладко. Культъ Аполлона и Юпитера еще не потерялъ коопчательно своего значенія въ то время, когда вторгнулось христіанство, а католицизмъ еще хранилъ въ себѣ богатую сокровищницу духа и жизни, когда выступилъ Лютеръ. Такъ и теперь новая религиозная община могла бы съ бою овладѣть міромъ силою своихъ идей и чарами своихъ социальныхъ принциповъ, въ то время какъ многіе стволы стараго насажденія стоятъ еще въ полной жизненной силѣ и несутъ плоды; но голое отрицаніе разбивается тамъ, гдѣ кончается область пережитаго и умершаго, которая одна становится его жертвой. Въ состояніи ли старыя исповѣданія создать потокъ новой жизни, а съ другой стороны, сѣмѣтъ ли лишенное религіи братство раздуть огонь столь пожирающей силы, — мы не знаемъ; одно лишь несомнѣнно: для того, чтобы возникло новое и погнбло старое необходимо соединеніе двухъ моментовъ — воспламеняющей міръ этической идеи и спеціальнаго дѣла, достаточно могущественнаго, чтобы поднять на значительную ступень угнетенныя массы. Трезвеннымъ рассудкомъ, искусственными системами этого не сдѣлаешь. Въ борьбѣ съ расщепляющимъ эгоизмомъ и мертвящимъ холодомъ сердца побѣда останется только за великимъ идеаломъ, который, подобно «страннику изъ иного міра», явится

изумленнымъ народамъ и своимъ требованіемъ невозможнаго вырветъ дѣйствительность изъ ея устоевъ.

Но пока эта побѣда не одержана, пока не существуетъ новаго общезжитія, въ которомъ бѣдный и угнетенный чувствовалъ себя человѣкомъ среди людей, не надо слишкомъ торопиться съ разрушеніемъ вѣры, дабы не выплеснуть съ ванной и ребенка. Пусть распространяютъ науку, пусть провозглашаютъ истину на всѣхъ перекресткахъ и на всѣхъ языкахъ, а затѣмъ будь, что будетъ; борьбу же за освобожденіе, намѣренную, непримиримую борьбу, пусть направятъ въ ту сторону, откуда исходитъ опасность для свободы, препоны для истины и справедливости—противъ свѣтскихъ и гражданскихъ учрежденій, черезъ посредство которыхъ церковныя общины оказываютъ деморализующее вліяніе, и противъ порабощающей силы вѣроломной, систематически подрывающей народную свободу іерархіи. Когда будутъ устранены эти учрежденія и сломленъ терроризмъ іерархіи, тогда самыя крайнія мѣрныя будутъ существовать другъ подлѣ друга, не приводя къ фанатическимъ вмѣшательствамъ и не препятствуя непрерывному прогрессу возрѣнія. Правда, что прогрессъ этотъ разрушить суевѣрный страхъ, и разрушеніе это въ большей своей части уже совершилось даже въ низшихъ слояхъ народа. Если вмѣстѣ съ суевѣрнымъ страхомъ исчезнетъ и религія,—то и пусть; если же она не исчезнетъ, то ея идеальное содержаніе доказало свою годность, и оно тогда должно остаться и впредь въ той же формѣ, пока время не создастъ новой. При такихъ условіяхъ не бѣда даже и то, что большинство вѣрующихъ и даже часть духовенства считаетъ содержаніе религіи дословно истиннымъ; ибо тамъ, гдѣ отсутствуетъ всякое насиліе, врядъ ли возможна та совершенно мертвая и безсодержательная вѣра въ букву, которая всегда оказываетъ вредное вліяніе.

Если духовное лицо, въ силу преобладающихъ у него ассоціаций идей, можетъ быть носителемъ представляемаго имъ идеальнаго элемента жизни лишь при томъ условіи, чтобы мыслить его надлѣннымъ обычною дѣйствительностью, и воспринимать исторически все то, что имѣетъ только символическое значеніе, то въ этомъ ему должна быть предоставлена полная свобода, предполагая, конечно, что онъ исполнитъ свой долгъ въ первомъ отношеніи. Когда іерархія будетъ совершенно лишена всякой свѣтской власти, не исключая и основы гражданскихъ правъ союзовъ, а образованіе государства въ государствѣ не будетъ допущено ни въ какой формѣ,—самое опасное оружіе духовнаго господства будетъ сломлено. При этомъ должна быть предоставлена не только полная свобода преподаванія науки, какъ въ строгой ея формѣ, такъ и въ популярномъ изложеніи, — должна быть также предоставлена свобода публичной критики всѣхъ обнаружившихся золь и злоупотребленій. Само собою понятно, что поскольку государство еще поддерживаетъ своими средствами и силою существующія религіозныя общины, оно вправѣ и въ то же время обязано требовать отъ духовенства извѣстной высоты научнаго образованія, и надо очень остерегаться того, чтобы въ виду теперешнихъ условій, небрежное отношеніе къ этимъ обязанностямъ не завело насъ въ лабиринтъ мнимаго отдѣленія государства отъ церкви. Одно только отдѣленіе государства отъ вѣры имѣетъ ясный и хорошій смыслъ. Всякая церковная организація религіозной общины есть уже государство въ государствѣ, и въ

любой моментъ легко можетъ забраться и въ гражданскую область. При извѣстныхъ условіяхъ такая сила, съ культурно-исторической точки зрѣнія, можетъ быть вправѣ и даже предназначена разрушить дряхлый и отжившій государственный строй; обыкновенно же, и въ особенности въ нашу эпоху, когда культурныя задачи, которыя нѣкогда были предоставлены церкви, все болѣе и болѣе переходятъ къ государству, политическая организація послѣдней должна возбуждать въ государствѣ подозрѣніе и даже серьезныя опасенія. Лишь съ уничтоженіемъ политической церкви станетъ возможной безусловная свобода вѣры. Однако, покуда церковь рядомъ съ своими властолюбивыми стремленіями является для народа также представительницей нравственнаго идеализма, государство не можетъ ставить себѣ задачей уничтоженія ея догматики. Правда Фихте требовалъ, чтобы духовный народный учитель, роль котораго состоитъ въ томъ, чтобы являться посредникомъ между народомъ и научно образованными, вырабатывалъ свою религіозную систему прямо таки въ школѣ философовъ. Онъ хотѣлъ совершенно вычеркнуть изъ университетской программы теологію, если она не отречется торжественно отъ своего «требованія тайны»; если же она пойдетъ на это, то практическая часть—полагалъ онъ—должна быть отдѣлена отъ теоретической, а послѣдняя—совершенно раствориться въ общемъ научномъ преподаваніи<sup>42</sup>). Это въ ядрѣ своемъ исполнѣе основательное требованіе теперь еще менѣе осуществимо, чѣмъ въ то время, когда оно было выставлено Фихте. Задача посредничества между народомъ и болѣе образованными классами, если даже приступить къ ней со всею серьезностью, можетъ быть разрѣшена лишь при соблюденіи ея психологическихъ условій, т. е. лишь на протяженіи долгаго времени и постепенно. Но и распространеніе достаточно глубокаго философскаго образованія среди духовенства не можетъ быть достигнуто одною лишь организаціей занятій. Тѣмъ временемъ попеченіе о развитіи идеальнаго момента въ народѣ не должно быть прервано. Понятно, желательно было бы, чтобы каждый священникъ по крайней мѣрѣ имѣлъ ясное представленіе о предѣлахъ того значенія, какое присуще всему идеальному; но если вслѣдствіе узости ума и недостатка надлежащихъ средствъ образованія это не можетъ быть достигнуто безъ вреда для силы, которая призвана распространить идею,—тогда вообще лучше до поры до времени пожертвовать просвѣщеніемъ, нежели силой.

Совершенно аналогично дѣло обстоитъ, съ другой стороны, съ материалистическимъ естествовѣдомъ. Конечно, успѣхъ его благодѣтельныхъ и самоотверженныхъ изслѣдованій существенно зависитъ отъ его преданности избранной имъ отрасли человѣческой дѣятельности. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что только методически строгій эмпиризмъ можетъ привести его къ цѣли, что онъ не можетъ отказаться отъ точнаго и непредубѣжденнаго наблюденія чувственнаго міра и отъ безпощадной послѣдовательности умозаключеній, и что наконецъ материалистическія гипотезы даютъ наибольшіе шансы на новыя открытія. Если при этомъ духъ его настолько глубокъ и всестороненъ, чтобы съ такого рода правильною дѣятельностью связать признаніе идеальнаго, однако не внося этимъ въ область своихъ изслѣдованій запутанности, неясности и бесплодной нерѣшительности, то онъ безъ сомнѣнія отвѣчаетъ высшимъ требованіямъ истинной и полной человѣчности. Но если на это надѣяться нельзя, то въ большинствѣ случаевъ гораздо

лучше имѣть въ этихъ областяхъ самыхъ крайнихъ матеріалистовъ, чѣмъ фантазеровъ и людей со сбивчивымъ, слабымъ умомъ. Уже въ самомъ служеніи великому принципу и важному предмету заключается столько идеальнаго, сколько необходимо нужно—даже больше, чѣмъ когда либо достигаетъ большинство людей. Тѣ матеріалисты, которые дѣйствительно создаютъ что нибудь въ своей наукѣ, едва ли склонны будутъ разыгрывать роль миссіонеровъ отрицанія, и если бы это даже случилось, они принесли бы человѣчеству меньше вреда, чѣмъ люди неясной мысли.

А разъ обѣ крайности, даже при всей ихъ односторонности, имѣютъ право на существованіе, то возможно будетъ также ихъ сносное, если не интимное, сожитіе въ обществѣ, какъ только послѣдніе слѣды фанатизма исчезнутъ изъ нашего законодательства. Осуществится ли это—другой вопросъ. Къ религіозному перевороту относится то же, что и къ соціальному, передъ которымъ мы теперь находимся. Желательнѣе было бы, чтобы переходное время прошло мирно, но бурный его характеръ вѣроятнѣе.

Такимъ образомъ матеріалистическій споръ нашихъ дней стоитъ передъ нами, какъ серьезное знаменіе времени. Теперь опять, какъ въ періодѣ до Канта и до французской революціи, въ основѣ распространенія матеріализма лежитъ общее ослабленіе философскаго стремленія и идейнаго момента. Въ такія времена переходящій матеріалъ, въ которомъ наши предки выразили все возвышенное и божественное, насколько они были въ состояніи это постигнуть, пожирается пламенемъ критики, подобно тому какъ органическое тѣло, въ которомъ погасла жизнь, становится ареной дѣятельности химическихъ силъ и разрушается въ своей прежней формѣ. Однако, какъ въ круговоротѣ природы изъ распадѣнія низшихъ веществъ выступаетъ новая жизнь, и гдѣ исчезаетъ старое, на его мѣсто является высшее—такъ и тутъ мы можемъ ожидать, что черезъ новый подъемъ идеи человѣчество взойдетъ на болѣе высокую ступень.

А тѣмъ временемъ разрушительныя силы дѣлаютъ только свое дѣло. Онѣ послушны неумолимому категорическому императиву мысли—совѣсти разума, которая просыпается какъ только въ созданіяхъ трансцендентнаго выступаетъ буква, оставленная духомъ, ищущимъ новыхъ формъ. Одно лишь можетъ привести человѣчество къ вѣчному миру: если будетъ познанъ непреходящій характеръ всякаго творчества въ искусствѣ, религіи и философіи, и на этомъ основаніи будетъ навсегда устранена борьба между изслѣдованіемъ и вымысломъ. Тогда водворится и богатая переливами гармонія истиннаго, добраго и прекраснаго вмѣсто того коснаго единства, за которое хватаются наши теперешнія свободныя общины, видя единственную основу въ эмпирической истинѣ. Будутъ ли впредь воздвигаться высокіе соборы, или свѣтлые и веселые залы, прозвучать ли съ новою силою на землѣ органичныя звуки и колокольный звонъ, или же гимнастика и музыка въ эллинскомъ смыслѣ станутъ въ центрѣ образованія новой міровой эпохи—прошедшее не погибнетъ совершенно, устарѣвшее не воскреснетъ неизмѣнно въ прежнемъ видѣ. Въ извѣстномъ смыслѣ и идеи религіи непреходящи. Кто станетъ опровергать мессу Палестины или уличать въ заблужденіи мадонну Рафаэля? Gloria in excelsis останется всемірноисторическою силою и будетъ раздаваться еще столѣтія, пока нервъ человѣческой въ состояніи будетъ испытывать трепетъ передъ возвышеннымъ

Простыя мысли объ искупленіи отдѣльнаго человѣка черезъ раствореніе своеволія въ волѣ, управляющей всѣмъ цѣлымъ,—образы смерти и воскресенія, выражающіе самое глубокое и возвышенное, что исполняетъ трепетомъ человѣческую душу—тамъ, гдѣ никакая проза въ своихъ холодныхъ словахъ не въ силахъ изобразить всю полноту сердца,—наконецъ, тѣ ученія, которыя повелѣваютъ намъ дѣлать хлѣбъ съ голоднымъ и объявить благу обществу, которое считаетъ свою цѣль достигнутой, если силою разума ему удастся учредить лучшую полицію, или новыми изобрѣтеніями удовлетворить все вновь являющіяся потребности. Уже не разъ эпоха матеріализма была только затишьемъ передъ грозой, которая невѣдомо откуда появлялась, чтобы дать міру новую форму. Мы оставляемъ критику въ такой моментъ, когда Европу волнуетъ социальный вопросъ—вопросъ, на обширномъ полѣ котораго какъ бы выстроились для великой рѣшительной битвы всѣ революціонные элементы науки, религіи и политики. Будетъ ли эта битва безкровною борьбой умовъ, или же она, подобно землетрясенію, съ громомъ превратитъ въ прахъ развалины пройденной міровой эпохи и похоронитъ подъ этими развалинами миллионы людей—во всякомъ случаѣ новая эпоха одержитъ побѣду не иначе, какъ надпоставъ на своемъ знамени великую идею, которая отвергаетъ эгоизмъ и на мѣсто неутомимаго труда, руководимаго одною лишь личною выгодой, ставитъ какъ новую цѣль человѣческое совершенство въ человѣческомъ общежитіи. Конечно, предстоящая борьба была бы смягчена, если бы направляющіе умы глубже поняли природу человѣческаго развитія и историческихъ процессовъ, и есть надежда, что въ далекомъ будущемъ человечество даже при самыхъ великихъ переворотахъ не станетъ прибѣгать къ позорной помощи огня и меча. Конечно, и теперь для изнуряющей духовной работы было бы высшей наградой, если бы она могла содѣйствовать тому, чтобы, избѣгнувъ страшныхъ жертвъ, проложить мирный путь непредотвратимому и перенести невредимыми всѣ сокровища культуры въ новую эпоху. Однако надежда на это мала, и мы не можемъ скрыть отъ себя, что слѣпыя страсти партій все возрастаютъ, и безпощадная борьба интересовъ становится все болѣе и болѣе недоступной влиянію теоретическихъ изслѣдованій. Стремленіе наше во всякомъ случаѣ не пропадетъ даромъ. Истина, даже слишкомъ поздняя, всегда является достаточно рано,—ибо человечество еще не умираетъ. Счастливыя натуры угадываютъ моментъ; но мыслящій наблюдатель никогда не вправѣ молчать, хотя бы онъ зналъ, что его пока услышатъ только немногіе.



## Примѣчанія къ I отдѣлу.

1). Здѣсь прежде всего слѣдуетъ упомянуть объ Отто Либманѣ, который въ своемъ сочиненіи „Kant und die Epigonen“ (1865) высказалъ убѣжденіе, что „слѣдуетъ вернуться назадъ къ Канту“ (стр. 215).—Въ томъ же приблизительно смыслѣ высказался о значеніи Канта для современной философіи Юргенъ Бона Мейеръ (I. V. Meyer: Kant's Psychologie 1870, введ. стр. 1—3), который по поводу возгорѣвшагося тогда „спора о тѣлѣ и душѣ“ далъ уже въ 1856 г. одно изъ лучшихъ освѣщеній этого вопроса съ кантовской точки зрѣнія. — Но рѣшающее значеніе имѣло въ особенности сочиненіе Германа Когена (Dr. Hermann Cohen: Kants Theorie der Erfahrung, Berlin 1871): здѣсь впервые вся сила сосредоточеннаго труда была направлена на то, чтобы окончательно овладѣть терминологіей Канта и, опираясь такимъ образомъ на точнѣйшее опредѣленіе понятій, глубже проникнуть въ смыслъ его философіи; безусловная необходимость такого приѣма какъ разъ теперь, послѣ страннаго спора между Тренделенбургомъ и Куно Фишеромъ, стала для всякаго очевидною. Что основательность, съ какою д-ръ Когенъ взялся за дѣло, не осталась безплодною, покажетъ, можетъ быть, и наше теперешнее изложеніе кантовской философіи въ ея отношеніи къ материализму. Измѣненія, внесенныя во второе изданіе нашего изслѣдованія главнымъ образомъ должны быть приписаны вызванному сочиненіемъ д-ра Когена пересмотру всей Кантовской системы.—Весьма тщательна и основана на точномъ изученіи частей также статья Эмilia Арнольдта (Dr. Emil Arnold: Kants transscendentale Idealität des Raumes und der Zeit. Für Kant gegen Trendelenburg), помѣщенная въ „Altpreuss Monatschrift“ т. VII; отдѣльно: Königsberg, 1870. — Глубокое пониманіе главнаго пункта Кантовской философіи обнаруживаетъ Карлъ Твестенъ въ своемъ вышедшемъ въ 1863 году сочиненіи: „Шиллеръ въ его отношеніи къ наукѣ“ (Carl Twesten: Schiller in seinem Verhältniss zur Wissenschaft). Это сочиненіе относится къ болѣе позднему времени, чѣмъ изданное недавно посмертное историко-философское сочиненіе Твестена, въ которомъ онъ присоединяется къ позитивизму. Если сравнить выраженія Твестена на стр. 2 сочиненія о Шиллерѣ, то необходимо приходишь къ убѣжденію, что Кантъ одержалъ у него верхъ надъ Контомъ.

2) Срвн. D-г. M. J. Schleiden: Ueber den Materialismus der neueren deutschen Naturwissenschaft, sein Wesen und seine Geschichte 1863. Рѣзкая, но не лишняя основаній критика этого сочиненія вышла анонимно подъ заглавіемъ: M. J. Schleiden über den Materialismus. Dorpat 1864.

3) Срвн. предисловіе ко 2 изд. „Kritik d. r. Vernunft“. Впрочемъ, Кантъ даетъ здѣсь понятъ (прим. къ стр. XXII изд. Hartenstein'a III, стр. 20 и слѣд.; р. перев.

„Критики чистаго разума“ Н. Соколова, 1896—97, стр. 18), что онъ за проведенную критику претендуетъ также на роль Ньютона, теоріей котораго было доказано то, что, по его мнѣнію, Коперникъ выставилъ лишь какъ „гипотезу“ (срвн. объ этомъ т. I стр. 283). Но для освѣщенія сущности кантовской реформы приведенное въ предисловіи сравненіе съ Коперникомъ имѣетъ большее значеніе.

4) Срвн. *Krit. d. r. Vern., transcendent. Methodenlehre*, 4, Hauptst. („Кр. ч. раз.“ перев. Соколова, 4 глава, стр. 594).

5) См. *The philos. works of D. Hume, Edinburgh*, 1826, I, стр. 315; нѣм. перев. Юмовскаго трактата о человѣческой природѣ (*David Hume: Von der menschl. Natur*) Л. Н. Jakob'a, 1798, I, 4,5: *Von der Immaterialität der Seele* стр. 480.

6) См. *The philos. works of David Hume*, I стр. 319 ff.; нѣм. перев. Jacob'a, I, 4,6: *Von der persönl. Identität*, стр. 487 и слѣд.

7) *Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik, die als Wissenschaft wird auftreten können*, Riga 1783, стр. 167 и слѣд.; изд. Hartenst. стр. 101 и слѣд. (Иммануиль Кантъ: Прологомены ко всякой будущей метафизикѣ, могущей возникнуть въ смыслѣ науки, русскій перев. Владиміра Соловьева, 2 изд. 1893 стр. 148).

8) *Prolegomena* 1783, стр. 204 и слѣд.; Hartenst. стр. 121 и слѣд. (перев. Вл. Соловьева стр. 180—181).

9) Споръ англійскихъ философовъ объ апіорности въ математикѣ начался съ того, что Юелль въ своемъ „*Mechanical Euclid*“ выступилъ противъ того, проводимаго Дюгальдомъ Стюартомъ, возрѣнія, что основныя ученія геометріи построены на гипотезахъ. Гершель напечаталъ въ „*Edinburgh Review*“ статью, въ которой защищалъ возрѣніе Стюарта. Юелль отвѣтилъ въ своей „*Philosophy of the inductive sciences*“. London 1840, I, стр. 70 и слѣд. въ отдѣлѣ „*The philosophy of the pure sciences*“, въ которомъ имѣется особая глава (5, стр. 93 и слѣд.) съ отвѣтомъ на возраженія Гершеля. Гершель продолжалъ споръ въ появившейся въ 1841 г. въ июньской книжкѣ „*Quarterly Review*“ рецензіи на оба главныя сочиненія Юелля — „*Hist. of the ind. sciences*“ („Исторія индукт. наукъ“, р. перев. М. Антоновича и А. Пыпина, 3 т., 1867—1869) и „*Philosophy of the ind. sciences*“. Затѣмъ въ борьбу вступилъ Милль въ своей „*Системѣ логики*“ (1843) и продолжалъ ее въ послѣдующихъ изданіяхъ этого сочиненія, послѣ того какъ Юелль отвѣтилъ ему въ особой полемической статьѣ (*On induction, with especial reference to Mr. Mill's System of Logic*). Другія полемическія статьи и обсужденія цитируются Миллемъ въ его логикѣ. При нашемъ изложеніи мы пользовались 3 изд. оригинала, London 1851 и 3 изд. нѣмецк. перевода Schiel'a (по 5 изд. оригинала) 1868, кромѣ того „*Philos. of the ind. sciences*“ Юелля.

10) Уже большая ошибка заключается въ томъ, что Милль въ своей столь пространной полемикѣ не приводитъ нигдѣ возрѣній Юелля его собственными словами и въ ихъ дѣйствительной связи, а всегда подставляетъ такія понятія, въ казыхъ спорный вопросъ выстукаетъ съ его точки зрѣнія. Мы приведемъ пару примѣровъ получающихся отъ этого искаженій, причемъ, во избѣжаніе сомнѣній, намъ необходимо пользоваться словами оригинала. Въ 5 главѣ II книги, сказано (въ р. перев. „*Системы логики*“ Милля съ 10 англ. изд. подъ ред. В. Ивановскаго, 1899, цитируемое мѣсто находится на стр. 182): „*It is not necessary, to show that the truths which we call axioms are originally suggested by observation, and that we should never have known that two straight lines cannot inclose a space, if we had never seen a straight line: thus much being admitted by D, Whewell, and by all, in recent times, who have taken his view of the subject. But they contend, that it is not experience which proves the axiom; but tha*

its truth is perceived a priori, by the constitution of the mind itself, from the first moment when the meaning of the proposition is apprehended; and without any necessity for verifying it by repeated trials, as is requisite in the case of truths really ascertained by observation". Напечатанный раздвинутым шрифтом слова „suggest“ (внушение) и „proves“ (доказательства) в этом смыслѣ и связи у Юелля не встрѣчаются. Все это противоположеніе внушенія и доказательства навязано ему поверхностнымъ воззрѣніемъ эмпириковъ, для которыхъ „опытъ“ является чѣмъ-то готовымъ, противопоставляемымъ пассивному духу чуть ли не какъ живое существо. По Юеллю во всякомъ познаніи формальный, активный и субъективный элементъ, который онъ называетъ „idea“ (у Канта „форма“), дѣйствуетъ совместно съ материальнымъ, пассивнымъ и объективнымъ, — „sensation“ (по Канту — „воспріятіе“ или „многообразное въ воспріятіи“). Само собою разумѣется, что уже въ первоначальномъ познаніи аксиоматической истины оба момента дѣйствуютъ совместно, да и вообще они, подобно формѣ и веществу крестяго кубика, могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга лишь въ понятіи. Поэтому не можетъ быть и рѣчи о признаніи того, будто „опытъ“ безъ указаннаго формальнаго элемента даетъ аксіому; признается лишь тотъ фактъ, что формальный элементъ проявляетъ свое дѣйствіе только въ соединеніи съ внѣшнимъ и объективнымъ элементомъ. Затѣмъ убѣжденіе въ истинности аксіомы, какъ доказательный моментъ, тоже не можетъ быть отдѣлено отъ чувственности. Когда поэтому рѣчь идетъ о „constitution of the mind“ (устройствѣ ума), то не слѣдуетъ относить это, въ духѣ Платона, къ „интеллектуальному воззрѣнію“, а къ формѣ той же чувственности, посредствомъ которой мы вообще получаемъ впечатлѣнія извнѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и опытъ. Съ полною ясностью говорить объ этомъ пунктѣ Юелль (Philos. of the induct. sciences I. стр. 92). „The axioms require not to be granted, but to be seen. If anyone were to assent to them without seeing them to be true, his assent would be of no avail for purposes of reasoning; for he would be also unable to see in what cases they might be applied“. (Аксиомы не признаются — онѣ должны быть видимы. Если ктонибудь призналъ аксіомы, не видя ихъ истинности, то его признаніе не имѣло бы никакого значенія для дѣлей мышленія, ибо онѣ были бы также неспособны видѣть, въ какихъ случаяхъ онѣ могутъ быть примѣнены).—Далѣе въ той же главѣ логики Милля, § 5 (въ р. перев. стр. 184): „Intuition is imaginary looking“ (ссылка на Phil. of the ind. sc. I, стр. 130), but experience must be real looking: if we see a property of straight lines to be true by merely fancying ourselves to be looking at them, the ground of our belief cannot be the senses, or experience; it must be something mental“. Это именно мѣсто, въ которомъ Милль стремится передать воззрѣніе Юелля, очевидно и навело д-ра Когена въ его книгѣ „Kants Theorie der Erfahrung“, стр. 96 (въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ между прочимъ съ такою образцовой ясностью представлено отношеніе Милля къ Канту) на ложную мысль приписать Юеллю ученіе, родственное Лейбницевскому мировоззрѣнію (I. c. стр. 95), которое-де справедливо оспаривается Миллемъ. Объ этомъ нѣтъ рѣчи; выраженіе „нѣчто духовное“ (something mental), которое очень на то похоже, было подсунуто Юеллю Миллемъ; поэтому же и выраженіе „imaginary looking“ нельзя перевести какъ „воображаемое видѣніе“, а просто какъ видѣніе въ воображеніи. Къ тому же въ упомянутомъ мѣстѣ (I, 130) Юелль и не думаетъ придавать особенное значеніе различію между видѣніемъ въ фантазії и дѣйствительнымъ видѣніемъ; онъ наоборотъ ясно говоритъ: „If we arrange fifteen things in five rows of three, it is seen by looking, or by imaginary looking, which is intuition, that they may also be taken as three rows of five“. Такимъ образомъ видѣнію дѣйствительному и видѣнію въ фантазії весьма опредѣленно приписывается одинаковое значеніе въ процессѣ позна-

дія. Значить, Юелль по крайней мѣрѣ въ этомъ пунктѣ является настоящимъ кантіанцемъ; мы указываемъ на это тѣмъ охотнѣе, что раньше, при первомъ изданіи нашего труда, мы не замѣтили этого — тоже потому, что были введены въ заблужденіе Миллемъ.

11) Сравн. Cohen: Kants Theorie, стр. 95, гдѣ въ выраженію Милля, будто аксіома: двѣ прямыя линіи не могутъ замыкать пространства—„естъ индукція, опирающаяся на чувственное доказательство“, кратко прибавлено: „Это совершенно въ духѣ Канта“.

12) Когенъ (Cohen: Kants Theorie, стр. 96) замѣчаетъ: „Но если теперь спросить: откуда мы „знаемъ“ и можемъ знать, что дѣйствительныя линіи совершенно такія же, какъ и воображаемыя?—то Милль отвѣчаетъ: особой достовѣрности для математики въ самомъ дѣлѣ нѣтъ. Но этимъ однако онъ отрывается отъ того, что говорилъ объ очевидности этой науки“.

13) Sitzungsber. der Wiener Akademie, philos.-hist. Klasse, т. 67, 1871, стр. 7 и слѣд.

14) Сведеніемъ атомовъ къ извѣстнымъ общимъ основнымъ понятіямъ о пространствѣ занимался поэтому уже Лейбницъ; сравн. его статью: „In Euclidis tractat“ въ его матем. сочиненіяхъ, изд. Gerhardt'омъ, 2 отд. 1 т.; приведено Ибервегомъ въ его вполнѣ сюда относящейся рецензии на сочиненіе Delboeuf'a: Prolégomènes philosophiques de la géométrie, 1860 — въ 37 томѣ „Zeitschrift f. Philosophie u. phil. Kritik“. Ибервегъ здѣсь, какъ и въ своей статьѣ, появившейся еще въ 1851 году въ „Leipziger Archiv f. Philol. u. Pädag. (т. VII, стр. 1) „О принципахъ геометріи“, стремится доказать, что аподиктичность математики совмѣстима съ ея происхожденіемъ изъ эмпирически найденныхъ аксіомъ. Попытки Ибервега, также какъ Дельбѣфа и другихъ, показываютъ, что можно вывести общія свойства пространства болѣе рационально, чѣмъ это сдѣлано было Эвклидомъ, по что никоимъ образомъ нельзя ихъ свести къ понятіямъ, которыя были бы ясны безъ возрѣнія.

15) Ueberweg: System der Logik, 8 изд., стр. 267: „Не въ вспомогательныхъ линіяхъ заключается сила доказательства, а въ томъ, что благодаря имъ дѣлается возможнымъ примѣненіе прежде доказанныхъ положеній, а въ послѣдней инстанціи—аксіомъ и опредѣленій, къ тому положенію, которое требуется доказать, и это примѣненіе по существу своему есть силлогистическій приемъ; вспомогательныя же линіи суть только путевые указатели, а не пути познанія, — лѣса, а не строительные камни. — Дѣло конечно идетъ о томъ, необходимы ли, или нѣтъ, эти указатели и лѣса для развитія науки, и нужно ли, или не нужно, обращаться къ помощи возрѣнія (которое трудно здѣсь смѣшать съ „опытомъ“), чтобы убѣдиться въ ея возможности.“

16) Это положеніе, признанное Циммерманномъ (въ указ. соч. стр. 18) „глубоко аналитическимъ“, обстоятельно доказывается Ибервегомъ въ его упомянутомъ въ прим. 14 сочиненіи 1751 г.: два различныхъ способа избавиться отъ синтеза a priori!

17) Какъ мало Кантъ заслуживаетъ здѣсь того упрека въ поверхностности, который проглядываетъ въ Циммермановскомъ изложеніи его ученія, можетъ показать хотя бы одно, упущенное Циммерманномъ изъ виду, замѣчаніе Канта, въ которомъ онъ предостерегаетъ отъ того, чтобы соединеніе 7 и 5 не смѣшивалось со сложеніемъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ понятіи сложенія уже заключается прибавленіе единицъ пяти къ единицамъ семи, такъ что, начиная съ восьми мы пять разъ, и каждый разъ на одну единицу, подвигаемся въ рядѣ чиселъ: это именно и есть то самое, чему дѣти въ школѣ научаются лишь съ трудомъ, послѣ какъ они

уже покончили съ нумераціей. Такимъ образомъ подь „соединеніемъ 7+5“ Кантъ повимаеть не то соединеніе, которое получается путемъ возвращенія въ суммъ единицъ и новаго счета, а просто связь сосчитанной группы 7 съ сосчитанной же группой 5. Больше ничего и не заключается ни въ понятіи соединенія, ни первоначальному значенію знака +. Но такъ какъ послѣдній употребляется также какъ знакъ сложенія, то Кантъ и считалъ необходимымъ предостеречь отъ того самого недоразумѣнія, въ которое впасть Циммерманъ.—Срвн. „Krit. d. r. Vern“. Elementarl. II Th. I Abth. II Buch., 2. Hauptst., 3 Abschn. Hartenst. IV, стр. 157 („Крит. ч. раз.“ перев. Н. Соколова, Элемент. ученіе II ч. I отд. II книга, стр. 153—154).—Если мы говоримъ, что положеніе Канта оправдывается уже тѣмъ простымъ фактомъ, что „обыкновенно такъ не поступаютъ“, то этимъ конечно указано и то, что различіе между аналитическимъ и синтетическимъ сужденіемъ относительно, — слѣдовательно одно и то же сужденіе можетъ быть то аналитическимъ, то синтетическимъ, смотря по характеру и кругу представленій субъекта, произносящаго сужденіе. Но никакую научную разработку понятія числа невозможно однако уничтожить синтетическій элементъ ариметики; можно его только перемѣстить и болѣе или менѣе сократить. Но Кантъ во всякомъ случаѣ заблуждается, когда думаетъ, что такихъ синтетическихъ положеній въ ариметикѣ безконечное множество (потому онъ и называетъ ихъ не аксіомами, а числовыми формулами). Число ихъ зависитъ скорѣй отъ системы счисления, а бы синтезъ трехъ десятковъ и двухъ десятковъ представляеть совершенно ту же функцію, какъ и синтезъ трехъ булыжниковъ и двухъ булыжниковъ. — Правда, Кантъ говоритъ („Кр. ч. раз.“, введеніе ко 2 изд., пер. Соколова стр. 37), что при большихъ числахъ особенно ясно выступаетъ ихъ синтетическая природа, ибо сколько бы мы здѣсь ни выворачивали понятій, безъ помощи воззрѣнія (Anschauung) мы путемъ одного расчлененія понятій никогда не нашли бы суммъ. Этому утвержденію Ганкель (Hankel: Vorles. über die complexen Zahlen, часть 1, 1867, стр. 53) противувоставляетъ прямо противоположное: съ помощью пяти пальцевъ можно еще пожалуй обосновать  $2 \times 2 = 4$ , но доказать такимъ путемъ положеніе  $1000 \times 1000 = 1.000.000$  было бы напраснымъ стараніемъ. Послѣднее несомнѣнно вѣрно; въ отрицательной же части Кантовскаго утвержденія много зависитъ отъ того, что понимать подь понятіемъ числа. На дѣлѣ операціи съ большими числами не выводятся прямо ни изъ понятія, ни изъ воззрѣнія, а производятся сплошь по той системѣ дѣленія на частичныя дѣйствія, которая лежитъ уже въ основаніи системъ счисления и нашла себѣ въ арабской системѣ цифръ совершенно соотвѣтствующее письменное выраженіе. Въ повседневномъ обиходѣ мы опираемся почти исключительно на воззрѣніе этихъ знаковъ, именно. въ послѣдовательномъ порядкѣ частичныхъ дѣйствій. Что воззрѣніе знаковъ есть тоже воззрѣніе, могущее замѣнить воззрѣніе вещей, это вполнѣ ясно доказалъ Милль (Система логики, II книга, гл. VI, § 2; р. перев. подь ред. В. Ивановскаго, стр. 200 и слѣд.). Мы совершаемъ послѣдовательный рядъ этихъ частичныхъ дѣйствій чисто механически, однако правила этого механизма могутъ быть сокращены научнымъ образомъ съ помощью того (априорнаго—по Миллю „индуктивнаго“) положенія, что равное съ равнымъ даетъ равное. Съ помощью такого же положенія наука можетъ довести синтетическіе элементы ариметики до минимума, но никогда не можетъ устранить ихъ окончательно, и въ ариметикѣ, также какъ въ геометріи, не только при первыхъ зачаткахъ, но и при дальнѣйшемъ развитіи науки отъ времени до времени (въ ариметикѣ — при переходѣ къ новому роду дѣйствій) необходимы синтетическія положенія, полученные съ помощью воззрѣнія.

Здѣсь слѣдуетъ еще прибавить, что и Зигвартъ въ своей логикѣ (1879),

которая не могла уже быть разсмотрѣна въ текстѣ, указываетъ на относительность различія между Кантовскими аналитическими и синтетическими сужденіями (стр. 106 и слѣд.). Можно даже признать, что все это различіе съ точки зрѣнія логики имѣетъ весьма сомнительную цѣнность, нисколько не умаляя этимъ того значенія, какое оно имѣетъ въ „Критикѣ чистаго разума“. Но когда Зигвартъ утверждаетъ, что всѣ единичныя сужденія воспріятія—напримѣръ: „эта роза желта“, „эта жидкость кисла“—суть аналитическія, то опредѣленіе аналитическаго, лежащее въ основаніи такого пониманія, еще болѣе сомнительно по своему достоинству, чѣмъ опредѣленіе Канта. Сужденіе „эта жидкость кисла“ не можетъ быть отдѣлено отъ синтеза представленій, предпосылаемаго Зигвартомъ (стр. 110) какъ особый актъ, иначе — оно утратило бы всякій опредѣленный смыслъ. Сужденіе „эта роза желта“ логически въ той же мѣрѣ многозначно, въ какой можно предполагать различными тѣ условія, въ которыхъ оно было высказано. Также и сужденіе „подсудимый виновенъ“ въ устахъ свидѣтеля (стр. 103 примѣч.) не можетъ быть разсматриваемо какъ аналитическое, ибо говорящему понятіе „подсудимаго“ дано судомъ, и онъ произноситъ свое сужденіе не для того, чтобы анализировать себѣ это понятіе, а для того, чтобы вызвать синтезъ представленій субъекта и предиката у судей или у присяжныхъ. Впрочемъ, совершенно тщетны будутъ попытки классифицировать безконечно многообразныя варіаціи психологическаго содержанія одного и того же словеснаго выраженія по понятіямъ, имѣющимъ большее, нежели относительное значеніе. Для оцѣнки кантовскаго дѣленія и построенныхъ на немъ выводовъ этотъ вопросъ не важенъ, ибо Кантъ безъ сомнѣнія относитъ генезисъ опытнаго сужденія къ моменту воспріятія; хо тя бы сужденіе было связано минуто спустя. Совершенно то же относится и къ сужденію  $7 + 5 = 12$ , которое, согласно Канту, надо мыслить возникающимъ въ тотъ моментъ, когда сложеніе единицъ достигаетъ 12 и происходитъ, слѣдовательно, синтезъ представленій (признанный и Зигвартомъ необходимымъ), тогда какъ согласно Зигварту этотъ психическій актъ синтеза представленій совершается ранѣе, и уже за нимъ слѣдуетъ, какъ особый актъ, аналитическое сужденіе (аналитическое—по его опредѣленію,—сравни стр. 101: т. е. вновь разлагающее полученный синтезъ представленій на субъектъ и предикатъ). И если даже принять опредѣленіе Зигварта, то существенное въ утвержденіи Канта все же остается, но должно быть отнесено тогда не къ сужденію, а къ дѣлающему возможнымъ сужденіе психическому акту синтеза въ воспріятіи.

18) Сравни объ этомъ Тайлоръ: Первобытная культура, р. перев. подъ ред. Коропчевскаго въ двухъ томахъ 1872—1873, т. I, гл. VII: Искусство счисления, стр. 220—250. Здѣсь указано на то, что люди считали по пальцамъ, прежде чѣмъ нашли слова для чиселъ. Такъ, одно индѣйское племя на Ориново обозначаетъ число 5 „дѣлой рукой“, 6—обозначается выраженіемъ, которое значитъ: „возьми одинъ на другой рукъ“; для 10 они говорятъ „обѣ руки“; затѣмъ идутъ пальцы ногъ, такъ что „дѣлая нога“ означаетъ 15, „одинъ на другой ногъ“—16; „одинъ индѣецъ“—20, „одинъ на рукъ другого индѣйца“ — 21 и т. д. — Переводъ библии на меланезійскій языкъ передаетъ число 38 (Еванг. Іоан. 5, 5) выраженіемъ: „одинъчеловѣкъ и обѣ стороны, пять и три“. Какъ тѣсно возникшіе такимъ путемъ знаки и выраженія сливаются съ представленіемъ считающаго, показываетъ въ особенности одно странное грамматическое построеніе въ языкѣ Зулу. Здѣсь слово «указательный палецъ» (второй руки, на которой счетъ начинаютъ съ большого пальца) означаетъ число семь. Вълѣдствіе этого, напримѣръ, предложеніе «было семь лошадей» выражается такъ: „лошади указали“. Тамъ, гдѣ поздне, независимо отъ счета по пальцамъ, были изобрѣтены числительныя, для изображенія чиселъ

пользовались свойствами тѣхъ предметовъ, у которыхъ заимствовано было обозначеніе, напримѣръ „луна“ или „земля“ (потому что онѣ имѣются только въ одномъ экземплярѣ) для 1, „глазъ“, „крыло“, „рука“—для двухъ. Заимствительнъ затѣмъ способъ счета Леттовъ: „при счетѣ раковъ и мелкой рыбы, они бросаютъ ихъ по три, и потому слово *metteps*—«бросаніе» получило значеніе 3; камбала же вяжется партиями въ тридцать штукъ, и слово *kahlis*—«веревка» получило значеніе этого числа“ (I. с. стр. 236).

19) Срвн. Mill: System of Logik, кн. II, гл. VI, § 2 и кн. III, гл. XXIV, § 5.—Русск. пер „Системы логики“ Милля, подъ ред. В. Ивановскаго, стр. 202—203 и стр. 491—494.

20) Здѣсь слѣдуетъ еще упомянуть о стремленіи математиковъ окончательно освободиться отъ „ковъ воззрѣнія“ и создать якобы чисто интеллектуальную математику, совершенно свободную отъ „воззрѣнія“. Пока эти стремленія остаются въ кругу специалистовъ и не опредѣляютъ принципиально своего отношенія къ философскимъ вопросамъ, трудно сказать, имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ оппозиціей противъ Кантовскаго воззрѣнія, или только съ инымъ способомъ выраженія. Въ извѣстномъ смыслѣ даже простая аналитическая геометрія освобождается отъ воззрѣнія, т. е. ставитъ на мѣсто геометрическаго „воззрѣнія“ несравненно болѣе простое „воззрѣніе“ арифметическихъ и алгебраическихъ отношеній величинъ. Въ новѣйшее время, однако, пошли уже значительно дальше, и граница между чисто технико-математическими предположеніями и философскими предположеніями была не разъ нарушена, хотя до сихъ поръ не достигнуто еще полное разъясненіе спорнаго пункта. Такъ, въ особенности Ганкель въ упомянутомъ въ 17 прим. сочиненіи не разъ открыто заявляетъ притязаніе на то, что его „всеобщее ученіе о формахъ“ представляетъ математику чисто умозрительную, освобожденную отъ всякаго „воззрѣнія“: „въ ней соединяются не количества или ихъ образы—числа, а умозрительные (*intellectuelle*) объекты—мысленные предметы, которымъ могутъ, но не должны соответствовать дѣйствительные предметы или отношенія между ними.“ Общія формальныя отношенія, составляющія предметъ этой математики, онъ называетъ также „трансцендентальными“ или „потенціальными“, поскольку они заключаютъ въ себѣ возможность реальныхъ отношеній (*Vorles. über compl. Zahlen*, I. стр. 8 и слѣд.). Ганкель рѣшительно возстаетъ (стр. 12) противъ того, чтобы эта чисто формальная математика разсматривалась только какъ о б о б щ е н і е простой арифметики; она, по его мнѣнію, „совершенно новая наука“, правила которой простой арифметикой не доказываются, а лишь подтверждаются на примѣрахъ. Однако, именно это „подтверженіе на примѣрахъ“ и есть наглядное доказательство синтетической основы этой новой науки, которая затѣмъ, конечно, можетъ примѣнять д е д у к т и в н ы й м е т о д ъ къ своимъ мысленнымъ предметамъ—совершенно такъ же, какъ это дѣлаетъ алгебра по отношенію къ общему числовому знаку, и арифметика по отношенію къ дѣйствительнымъ числамъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только у Ганкеля, такъ же какъ у Г р а с с м а н а, истиннаго изобрѣтателя этого общаго ученія о формахъ—срвн. его вполне философское „Ученіе о линейномъ протяженіи“ (*Grassmann: Lineale Ausdehnungslehre*, 1844) и болѣе обширное сочиненіе, выдержанное болѣе въ математической формѣ, „Ученіе о протяженіи“ (*Grassmann: Ausdehnungslehre*, 1862)—стоитъ только, полагаемъ мы, ближе присмотрѣться къ какому нибудь изъ общихъ понятій, которыми они оперируютъ, и факторъ наглядности станетъ совершенно осознательнымъ. Откуда мы, напримѣръ, можемъ знать, что „соединеніе“ „замѣна“ и т. д. вообще что нибудь означаютъ, если мы не обратимся къ помощи воззрѣнія связанныхъ и замѣненныхъ предметовъ, хотя бы то были лишь буквы *a* и *b* и *b* и *a*?—Значитъ, на томъ и останется, что и „чисто формальная математика“ въ дѣйствительности возникла благо-

даря принципу обобщенія, какъ и большинство наиболѣе значительныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ математикой въ послѣдніа столѣтія. Она отъ этого нисколько не утрачиваетъ въ своемъ значеніи, и очень можетъ быть, что благодаря тому же принципу и тѣмъ же путемъ отъ математики будетъ пролить новый свѣтъ и на л о г и к у.—Заходящія въ область трансцендентнаго (въ философскомъ смыслѣ) изслѣдованія Р и м а н а и Г е л м г о л ц а будутъ еще упомянуты ниже. Здѣсь мы замѣтимъ только, что І. К. Беккеръ съ большимъ знаніемъ дѣла отстаивалъ противъ нихъ значеніе „воззрѣнія“ въ Кантовскомъ смыслѣ. См. I. C. Becker: *Abhandlungen ans dem Grenzgebiete der Mathem. u. der Philosophie*, 1870, и въ „*Zeitschrift für Mathem. u. Physik*“ 19 Jahrg., стр. 314 и слѣд. статья „*Ueber die neuesten Untersuchungen in Betreff unserer Anschauungen vom Raume*“.

21) Въ первомъ изданіи здѣсь было сказано нашей „способности мышленія“, причѣмъ это выраженіе было употреблено въ томъ его общемъ смыслѣ, въ какомъ и Кантъ часто говоритъ о душевныхъ способностяхъ, а именно—разумѣя подъ этимъ лишь простую возможность данной функціи, безъ всякаго отношенія къ опредѣленному психологическому воззрѣнію. Мы предпочли удалить и этотъ остатокъ схоластическаго воззрѣнія на психологію. Впрочемъ, здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что извѣстная полемика Г е р б а р т а противъ теоріи душевныхъ способностей, касается только извѣстнаго популярнаго, хотя и широко распространеннаго искаженія ея. Настоящее же схоластическое школьное представленіе всегда заключалось ни въ чемъ иномъ, какъ въ томъ, что во всѣхъ психическихъ дѣйствіяхъ участвуетъ одна и та же единая душевная сущность, и что способность не есть отдѣльный органъ, а лишь (объективно мыслимая) возможность этой опредѣленной дѣятельности. Въ такомъ положеніи дѣло находится еще и у В о л ь ф а, если имѣть въ виду его опредѣленія, а не его разсужденія, которые часто основаны на популярномъ пониманіи способностей, по аналогіи съ тѣлесными органами.—Кантъ пошелъ еще далѣе въ отвлеченіи отъ психологическаго, такъ какъ онъ вѣдь не могъ предположить и единой душевной сущности. Для него поэтому душевная способность есть только одна возможность функціи неизвѣстнаго субъекта, и теорію способностей онъ очевидно удержалъ только потому, что считалъ ее дѣйствительно удобною для обзора и классификаціи всѣхъ явленій. Выводы изъ этой классификаціи часто, однако, уводили его далеко отъ цѣли. Почему мы пользовались далеко не строго кантовскимъ выраженіемъ „организация“ или его синонимомъ „устройство“, пайдетъ свое объясненіе ниже.

22) Такъ къ особенности К у н о Ф и ш е р ь и отчасти сходящійся съ нимъ Ц и м м е р м а н ь въ упомянутой уже статьѣ: „*Kant's mathematisches Vorurtheil*“ *Sitzungsber. d. Wiener ph.-h. kl. m.* 67 (1871), стр. 24—28. — Ю. Б. Мейеръ (I. B. Meyer: *Kant's Psychologie*, стр. 129 и слѣд.) весьма хорошо изобразилъ нахождение апіорнаго путемъ настоящей рефлексіи. Сравн. также Cohen: *Kant's Theorie der Erfahrung*, стр. 105—107.—Когенъ на томъ же мѣстѣ высказывается противъ положенія І. Б. Мейера: „Мы не находимъ у Канта яснаго выраженія относительно того, что хотя мы не изъ опыта получаемъ апіорныя формы, но доходимъ до сознанія этого достоянія путемъ рефлексіи надъ опытомъ“. Въ этой формѣ направленный противъ Канта упрекъ является, конечно, неосновательнымъ, но нужно однако признать, что Кантъ недостаточно взвѣсилъ то, что и рефлексія надъ опытомъ есть также индуктивный приѣмъ и никакимъ инымъ быть не можетъ. Всеобщность и необходимость математическихъ положеній не выводятся, правда, изъ опыта (надъ математическими объектами), а открываются путемъ рефлексіи. Однако рефлексія—не надъ объектами математики, а надъ математическимъ, какъ объектомъ—безъ опыта не можетъ возникнуть. А изъ этого слѣдуетъ, что притязаніе на несо-



миѣнность по л н а г о т ы с к а н і я всего апіорнаго неосновательно; а такое именно притязаніе предъявляеть Кантъ, причеъ онъ опирается, конечно, не на апіорное выведеніе апіорнаго, а на неоспоримую яко бы классификацію даннаго на логику и психологию.

23) Большинство всѣхъ темноъ „Критики чистаго разума“ вытекаетъ единственно изъ того обстоятельства, что Кантъ предпринимаетъ по существу своему психологическое изслѣдованіе безъ какой бы то ни было спеціальной психологической предпосылки. Форма выраженія, часто представляющаяся новичку безъ нужды натянутою, имѣетъ свое основаніе въ томъ, что Кантъ ведетъ изслѣдованіе о необходимыхъ условіяхъ всякаго опыта съ такою всеобщностью, что оно одинаково хорошо подходитъ къ любому представленію о трансцендентной сущности души, или точнѣе говоря, что оно разбираетъ функціи познающаго челоуѣка (не „души“), вовсе не касаясь сущности души, даже не предполагая вообще души, какъ отдѣльнаго отъ тѣла существа.

24) Въ предисловіи къ первому изданію (1781) Кантъ говоритъ: „что касается достовѣрности, то я самъ уже произнесъ надъ собою судъ; именно, я сказалъ, что въ этомъ видѣ разсужденій отнюдъ недозволительно высказывать только миѣнія, и что все, что только напоминаетъ гипотезу, здѣсь есть запрещенный товаръ, который не имѣетъ рѣшительно никакой цѣны и, какъ только онъ будетъ замѣченъ, его тотчасъ же надо подвергнуть запрещенію. Каждое познаніе, которое должно стоять твердо а priori, тѣмъ самымъ заявляетъ свои права на безусловную необходимость; особенно опредѣленіе всего чистаго познанія а priori должно имѣть еще больше значенія, именно, должно быть мѣриломъ, а поэтому и примѣромъ всякой аподиктической (философской) достовѣрности“ (См. „Кр. ч. раз.“, пер. Соколова, стр. 603). Эта роль могла бы быть истолкована вполне въ пользу пониманія Куно Фишера (—вообще совершенно недопустимаго: срви. выше, прим. 22), еслибы изъ того же предисловія не было ясно, что Кантъ имѣлъ при этомъ въ виду только общую дедуцію категорій, вообще какъ одного изъ условій всякаго опыта (перев. Соколова, стр. 105 и слѣд.), и что онъ съ другой стороны былъ зараженъ тѣмъ предразсудкомъ, будто уже „обыкновенная логика“ является примѣромъ того, что „всѣ простыя дѣйствія логики могутъ быть исчислены вполне и систематически“, такъ что мнимая увѣренность при отысканіи полной таблицы категорій не есть достовѣрность дедукціи изъ принциповъ а priori, а достовѣрность полного обзора чего-то предположительно даннаго. — Даже сильное мѣсто въ „Пролегоменахъ“ (пер. Владимира Соловьева, стр. 36), гдѣ Кантъ предостерегаетъ отъ „игры въ вѣроятности и предположенія“ и утверждаетъ, что „апіорность познанія предполагаетъ его необходимость“,—еще не говоритъ за то, будто и существованіе такого познанія должно быть выведено изъ принципа а priori. Наоборотъ, содержаніе этого познанія а priori достовѣрно; существованіе же его, по Канту, выводится изъ внутренне воспринятаго факта путемъ несомнѣнныхъ заключеній по закону противорѣчія.—Впрочемъ, мы считаемъ необходимымъ указать на то, что это объясненіе извлечено изъ дѣйствительнаго приема Канта, и что у насъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакого совершенно безспорнаго довазательства того, что Кантъ вполне ясно понималъ методическія основанія своего великаго предпріятія. Скорѣе весьма вѣроятно, что въ этомъ пунктѣ Кантъ не совѣмъ еще оставилъ воззрѣнія, проводимыя имъ въ относящейся къ 1763 году статьѣ: „Ueber die Evidenz in metaphysischen Wissenschaften“, хотя воззрѣнія эти совершенно не мирятся съ точкой зрѣнія «Критики чистаго разума». Хотя мы такимъ образомъ и въ этомъ пунктѣ по всѣмъ основаніямъ видоизмѣнили свой взглядъ на методъ Канта, который мы проводили въ первомъ изданіи „Ист. матер.“, все таки мы не можемъ не замѣтить, что мѣста, подобныя вышеприведеннымъ, и

многія другія въ томъ же родѣ должны были сильно говорить и въ пользу противоположнаго воззрѣнія.

25) Выраженіе „физико-психическая организація“, можетъ быть, не совсѣмъ удачно, но оно стремится намѣтить ту мысль, что физическая организація, какъ явленіе, есть въ то же время и психическая организація. Это воззрѣніе, правда, идетъ дальше Канта, но не настолько далеко, какъ это могло бы казаться съ перваго взгляда, въ тому же дѣло идетъ о такомъ пунктѣ, который можно защищать а между тѣмъ это измѣненіе ставить вполне ясное, наглядное понятіе на мѣсто мало понятнаго Кантовскаго представленія о трансцендентальныхъ предположеніяхъ опыта. Вся разница въ томъ, что на мѣсто того совершенно непостижимаго, что въ вещи въ себѣ составляетъ основаніе синтетическаго сужденія а priori, Кантъ ставитъ понятія, какъ нѣчто намъ доступное, и говоритъ объ этихъ понятіяхъ, категоріяхъ, такъ, какъ будто они были источникомъ апіорнаго, тогда какъ они — самое болѣе — суть лишь простѣйшее его выраженіе. Если мы хотимъ опредѣлить истинную причину апіорнаго, то мы вообще не можемъ говорить о „вещи въ себѣ“, ибо понятіе причинности не касается ея (или — что то же самое: сужденіе относительно „вещи въ себѣ“ имѣетъ значеніе только для завершения нашего круга представленій). „Вещь въ себѣ“ намъ необходимо замѣстить явленіемъ. Да и понятіе есть тоже только явленіе. А если мы поставимъ его на мѣсто причины понятія, или станемъ разсматривать его, такъ сказать, какъ конечную причину всего являющагося, то впадемъ въ платонизмъ, который отклоняется отъ критическаго основнаго принципа гораздо болѣе опаснымъ образомъ, чѣмъ выборъ выраженія «организація». Словомъ: своимъ упорнымъ и очевидно хорошо обдуманымъ отверженіемъ понятія организаціи, къ которому онъ самъ былъ вѣроятно очень близокъ, Кантъ избѣгаетъ только видимости матеріализма и вслѣдствіе этого впадаетъ въ идеализмъ, отвергнутый имъ же самимъ въ другихъ мѣстахъ. Если мы захотимъ обойти эту дилемму, то вся критика разума превратится въ простую тавтологію слѣдующаго содержанія: причина синтеза а priori заключается въ синтезѣ а priori, Если же напротивъ допустить понятіе организаціи, то не только исчезаетъ тавтологія (которая, впрочемъ, даетъ наиболѣе простое, хотя и наиболѣе несправедливое толкованіе «Критики разума»), — исчезаетъ также и необходимость гипостазировать категоріи въ духѣ Платона; зато, какъ связано, остается видимость матеріализма — но эту видимость должно взять на себя всякое послѣдовательное толкованіе теоретической части Кантовской философіи.

Въ чемъ заключались сомнѣнія, и до какой степени направились при трансцендентальномъ изслѣдованіи понятіе организаціи, лучше всего показываетъ книга Рейнгольда (Reinhold: Theorie des menschl. Vorstellungsvermögens, 1789), которая, какъ извѣстно, пытается разрѣшить задачу „Критики разума“ инымъ образомъ. Здѣсь „теорія общей способности представленія“ начинается съ опредѣленія этой способности „условіями“ процесса представленія; это стремленіе обойти всѣ особыя метафизическія и психологическія предположенія (а также и склонность къ тавтологіи) — подлинно кантовскія. Затѣмъ слѣдуетъ длинное разсужденіе, которое главнымъ образомъ имѣетъ цѣлью показать, что въ объясненіе способности представленія не должно вносить понятіе организаціи, такъ какъ философы не пришли въ соглашеніе относительно того, покоится ли способность представленія на одной организаціи (матеріалисты), или на простой субстанціи безъ всякой организаціи или же, наконецъ, на какомъ нибудь способѣ совмѣстнаго дѣйствія обоихъ этихъ факторовъ. Ясно, что здѣсь рѣчь идетъ объ организаціи, какъ вещи въ себѣ ибо въ противномъ случаѣ ее невозможно было бы послать въ одинъ рядъ съ чисто трансцендентными монадами и другими выдумками метафизиковъ. Если же

напротивъ понимать организацію какъ явленіе, т. е. съ оговоркою, что она, можетъ быть, есть явленіе неизвѣстной вещи въ себѣ, тогда исчезаетъ не только матеріализмъ, но и уничтожается всякое право причислять это предположеніе къ выдумкамъ метафизиковъ. А затѣмъ эти послѣдніе могутъ либо ничего болѣе не предполагать въ основѣ этой организаціи (матеріализмъ), либо же считать основой ея дѣятельность монады (идеализмъ Лейбница), а то и нѣчто безусловно неизвѣстное (критицизмъ); во всякомъ случаѣ какъ явленіе организація дана, тогда какъ все остальное есть въ концѣ концовъ только порожденіе фантазіи. Вслѣдствіе этого я вижу здѣсь прямую необходимость это единственно данное, въ которомъ всѣ отличительныя особенности чловѣческаго существа — насколько мы о нихъ знаемъ — протекаютъ по нити причинности, привести въ соединеніе также и со „способностью представленія“ или съ причиной синтеза а priori. Но тогда уже нельзя, какъ это, наиримѣръ, дѣлаетъ обыкновенно Отто Либманнъ, говорить объ организаціи духа, ибо она трансцендентна и должна быть просто отнесена къ другимъ трансцендентнымъ предположеніямъ. Подъ организаціей вообще, или физико-психической организаціей, скорѣй надо понимать то, что представляется нашему вѣншему чувству какъ часть физической организаціи, находящаяся въ ближайшей причинной связи съ психическими функціями; но въ то же время мы можемъ предполагать въ видѣ гипотезы, что въ основаніи этого явленія лежитъ чисто духовное отношеніе вещей въ себѣ, или же дѣятельность духовной субстанціи. Чтобы вѣрно опредѣлить положеніе Канта по отношенію къ такому пониманію причины а priori, слѣдуетъ на ряду со многими однозвучными, но менѣе ясными мѣстами главнымъ образомъ обратить вниманіе на конецъ критики второго парадоксизма трансцендентальной психологіи („Критика ч. раз.“, перев. Н. Соколова, стр. 636). Приведемъ здѣсь только слѣдующее мѣсто: „Такимъ образомъ то, что въ одномъ отношеніи называется тѣлеснымъ, въ другомъ отношеніи можетъ быть и мыслящимъ существомъ, хотя мыслей его мы и не видимъ, а видимъ только слѣды ихъ въ явленіи. Съ этимъ падаетъ и то выраженіе, что только души (какъ особый видъ субстанцій) мыслятъ; скорѣе было бы справедливо говорить, какъ и говорятъ обыкновенно, что мыслятъ люди, т. е. именно то, что, какъ вѣншее явленіе, протяженно, съ внутренней стороны (въ себѣ самомъ) есть субъектъ не сложный, но простой и мыслящій“.

26) Впрочемъ, показать, что „чистаго мышленія“ въ смыслѣ метафизиковъ (въ этомъ пунктѣ не составляетъ исключенія и Кантъ) во все не существуетъ, — задача будущаго. Кантъ представляетъ чувственность вполне пассивною; поэтому активный разумъ даже только для того, чтобы получить пространственный образъ чувственныхъ предметовъ, долженъ создать единство въ многообразіи. Но въ этомъ, конечно, безусловно необходимомъ и субъективномъ актѣ синтеза не заключается ничего такого, что мы обыкновенно называемъ „разумомъ“. Лишь при искусственно внесенномъ сюда предположеніи, что всякая самопроизвольность присуща „мышленію“, а всякая пассивность — чувственности, возможно вообще привести синтезъ отъ впечатлѣній къ вещамъ въ связь съ разумомъ. Но если найдутъ, что синтезъ впечатлѣній въ вещи предполагаетъ категорію субстанціи, то слѣдуетъ спросить: именно какъ категорію? — отвѣтъ можетъ быть только отрицательный. Напротивъ того, чувственный синтезъ впечатлѣній есть основаніе, на которомъ категорія субстанціи только лишь развивается. Полное доказательство первоначальной чувственности всякаго мышленія завело бы насъ слишкомъ далеко. Слѣдуетъ еще только замѣтить, что даже аподиктичность логики должна быть всецѣло сведена къ пространственнымъ образамъ представляемаго, и что столь презираемые

„ослиные мосты“ (Eselbrücken) логическихъ круговъ (или линий, угловъ и т. д.) весьма далеки отъ того, чтобы быть только дидактической надстройкой, а скорѣе заключаютъ въ себѣ основаніе аподиктичности логическихъ правилъ. Доказательства этого я уже нѣсколько лѣтъ излагаю въ моихъ чтеніяхъ по логикѣ и надѣюсь, если мнѣ суждено еще нѣсколько лѣтъ сохранить способность къ труду, представить ихъ и болѣе широкимъ кругамъ.

27) Впрочемъ, новѣйшія изслѣдованія какъ будто доказываютъ противное, однако дѣло требуетъ еще подтвержденія. Именно, изслѣдованія Де в о р а и М а къ - К е н д р и к а относительно измѣненія электромоторной силы зрительнаго нерва отъ воздѣйствія свѣта на сѣтчатку показали, что измѣненіе это пропорціонально не количеству свѣта, а логарифму частнаго и отсюда выводится заключеніе, что психо-физическій законъ Фехнера вызывается не сознаниемъ, а анатомическимъ строеніемъ и физиологическими свойствами самаго органа. Срвн. англ. журналъ „Nature“, № 193 отъ 10 іюля 1873 и нѣм. переводъ въ журн. „Naturforscher“ изд. д-ромъ Sklarek'омъ, VI № 37, отъ 13 сент. 1873.

28) Само собою разумѣется, что здѣсь не можетъ быть допущена „теорія пробѣловъ“ Тренделенбурга, ибо послѣдній не только того мнѣнія, что пространство одновременно субъективно и объективно, но онъ даже приводитъ ихъ между собою въ причинную связь и полагаетъ, что Кантъ упустилъ изъ виду эту возможность, между тѣмъ какъ Кантъ всеобщности и необходимости пространства и времени, а слѣдовательно, „эмпирической реализмъ“ именно на томъ и основывается, что эти формы только и исключительно субъективны. Срвн. объ этомъ тщательное изслѣдованіе Э. м. А р н о лъ д а (Dr. Emil Arnold: Kant's transscendentale Idealität des Raumes und des Zeit. 1870; отпечатокъ изъ „Altpreuss. Monatsschrift, т. VII), а также Dr. Cohen: Kant's Theorie der Erfahrung, V, стр. 62—79.—Но во избѣжаніе недоразумѣнія, къ этимъ, въ строгой связи съ системою вполне справедливымъ разсужденіямъ, слѣдуетъ еще прибавить, что Канту никоимъ образомъ не могло придти на умъ, доказывать безпространственность и безвременность вещей въ себѣ,—это не согласуется со всею критическою точкою зрѣнія. Онъ удовлетворяется доказательствомъ того, что пространство и время (о которыхъ мы вообще что либо знаемъ лишь благодаря нашему представленію) внѣ предѣловъ опыта вовсе не имѣетъ никакого значенія. Если Кантъ вмѣсто болѣе точнаго выраженія: наше представленіе о пространствѣ „ничего не означаетъ“, иногда кратко говорить: „пространство есть ничто“, то это нужно понимать въ такомъ же смыслѣ: наше пространство, и никакого другаго мы не знаемъ. Мы еще можемъ предположить, что другія существа (срвн. слѣдующее примѣч.) также имѣютъ пространственныя представленія, но что касается пространственности какъ свойствъ вещей въ себѣ, то мы даже не въ состояніи постигнуть ея возможности. До этого пункта и не далѣе простирается отрицаніе. Но кто однако въ видѣ догадки, стоящей всецѣло внѣ системы, пожелаетъ принять, что вещамъ въ себѣ присуща протяженность трехъ измѣреній, того Кантъ могъ бы упрекнуть только въ томъ, что онъ занимается пустяками. О доказанной невозможности объективнаго пространства въ этомъ смыслѣ не можетъ быть и рѣчи; можно только утверждать, что всякое перенесеніе свойствъ извѣстнаго намъ пространства на это воображаемое (срвн. напримѣръ безконечность!) лишено основанія, вслѣдствіе чего воображаемое понятіе дѣйствительно становится пустымъ.

29) Срвн. „Крит. ч. раз.“, перев. Соколова, стр. 73, въ концѣ общихъ замѣч. къ трансцендентальной эстетикѣ (изд. Hartenst. III, стр. 79): „Даже не нужно, чтобы мы ограничивали способъ созерцанія въ пространствѣ и времени чувствен-

ностью человѣка; можетъ быть, что всѣ конечныя мыслящія существа сходягся въ этомъ отношеніи съ людьми (хотя рѣшительно утверждать этого нельзя); но и при этой всеобщности чувственности не перестаетъ быть чувственностью“ и т. д. Далѣе, опять таки, конечно, внѣ общей связи системы, дѣлается много разъ повторяющееся указаніе, что иного рода пониманіе, а именно „интеллектуальное воззрѣніе“ свойственно только первосуществу (Богу). Впрочемъ, этотъ призракъ—„интеллектуальное воззрѣніе“ въ одномъ мѣстѣ въ значительной мѣрѣ вторгается и въ самую систему, а именно, въ разобранномъ выше (прим. 25) произвольномъ предположеніи, будто одно наше мышленіе можетъ быть активно, чувственность же наша — только пассивна. — Замѣтимъ кстати, что вышеприведенное мѣсто изъ Канта можетъ служить яснымъ примѣромъ проблематической необходимости; а между тѣмъ проф. Шиллингъ (Schilling: Beitr. zur Gesch. u. Kr. d. Mat., 1867) усматривалъ въ такого рода сочетаніи „явное логическое противорѣчіе“. Мы упоминаемъ объ этомъ исключительно только для того, чтобы показать, какъ бессмысленно трактуются иногда логика.

30) Пролегомена ко всякой будущей метафизикѣ, перев. Влад. Соловьева, стр. 4—10. Hartenst. IV, стр. 5—9).

31) Какъ явствуетъ изъ всего предыдущаго, здѣсь дѣло идетъ объ „области опыта“ въ томъ смыслѣ, въ которомъ одномъ и имѣетъ мѣсто полное раздѣленіе между трансцендентнымъ и эмпирическимъ, между сферами „феноменовъ“ и „нуменовъ“. Что это совершенно въ духѣ Канта, ясно для всякаго знатока его философіи. Тѣмъ не менѣе я счелъ необходимымъ въ своихъ „Neuen Beitr. zur Gesch. des Mater.“ (1867), стр. 31—36, привести этому полное доказательство, и я не хочу умолчать, что озлобленный тонъ, въ какомъ я отвергъ наивный педантизмъ теперь уже умершаго проф. Шиллинга, главнымъ образомъ былъ вызванъ обнаруживающимся здѣсь незнаніемъ Канта. Если бы это произошло послѣ спора между Куно Фишеромъ и Тренделенбургомъ, то я безъ сомнѣнія судилъ бы о Шиллингѣ снисходительнѣе.

32) Въ предисловіи къ „Allgem. Naturgesch. u. Theorie des Himmels (1755)“ сказано: „Эпикуръ дошелъ даже до такого безстыдства, что желалъ, чтобы атомы безъ всякой причины уклонялись отъ своего прямого движенія, для того чтобы встрѣтиться другъ съ другомъ“ (изд. Hartenst. I, стр. 217).

33) „Система Логикѣ“, русск. перев. подъ ред. В. Ивановскаго, стр. 455. (Ch. XXI, § 1, стр. 96, 3. изд. англ. оригинала; нѣм. пер. Schiel'я, 3 изд. II, стр. 106).

34) Совсѣмъ, конечно, иной вопросъ, не долженъ ли законъ причинности въ концѣ концовъ получить настолько очищенную форму, чтобы всѣ побочныя антропоморфическія понятія, которыя мы соединяемъ съ представленіями причины, какъ и съ представленіями необходимости, возможности и т. д., совершенно отпали, или же были сведены на безвредный минимумъ. Въ этомъ смыслѣ, конечно, даже категорія причинности не можетъ претендовать на неприкосновенность, и если, напримѣръ, Контъ совершенно устраняетъ понятіе причины и замѣняетъ его понятіемъ неизмѣннаго порядка явленій, то такой приемъ никоимъ образомъ нельзя осуждать на основаніи аліорности понятія причинности. И въ понятіи причинности можно отдѣлнить необходимый факторъ отъ примѣсей воображенія, и по мѣрѣ развитія духовной культуры подобное очищеніе (какъ, напримѣръ, и при понятіи силы) становится все болѣе настоятельною потребностью. Что касается причинности, то, какъ видно будетъ дальше, было бы крайне важно по своимъ послѣдствіямъ, если бы рѣшительно устранено было, по крайней мѣрѣ, одно изъ побочныхъ антропоморфическихъ представленій, именно то, которое при причинѣ (Ur-Sache)—элементу, такъ связать ак-

тивному, производящему—приписываетъ высшее достоинство и значеніе, чѣмъ слѣдствію.

35) Переменная моего воззрѣнія по этому пункту была уже подготовлена собственными занятіями, когда появилось замѣчательное сочиненіе Когена: *Kants Theorie der Erfahrung*“, побудившее меня еще разъ основательно пересмотрѣть мои взгляды на кантовскую критику разума. Результатомъ было то, что я въ большинствѣ пунктовъ, поскольку дѣло касалось объективнаго изложенія воззрѣній Канта, долженъ былъ согласиться съ пониманіемъ Когена, съ тою однако оговоркой, что Кантъ и теперь вовсе не представляется мнѣ такимъ послѣдовательнымъ и свободнымъ отъ противорѣчій, какимъ онъ является у Когена. У насъ положено теперь начало Канто-вѣдѣнію которое вѣроятно скоро вызоветъ подражаніе, и вполне естественно, что оно, подобно Аристотеле-вѣдѣнію Тренделенбургской школы, прежде всего исходитъ изъ того, что понимаетъ объектъ своего изслѣдованія какъ свободное отъ противорѣчій цѣлое. Пункты, съ которыми совладать невозможно, обнаружатся на этомъ пути наиболѣе ясно. Рѣшающее значеніе для представленнаго здѣсь „пониманія вещи“ въ себѣ имѣютъ особенно мѣста въ отдѣлахъ: „О феноменахъ и нуменахъ“ („Кр. ч. р.“, пер. Соколова стр. 209) и Объявленіи рефлексивныхъ понятій (тамъ же, стр. 226). — Сравн. впрочемъ Cohen: *K. Th. d. E.*, стр. 252 и слѣд.

36) Извѣстные стихи: *In's Innere der Natur dringt kein erschaffener Geist,—glücklich, wem sie nur die äussere Schale weist*“ (во внутреннюю сторону природы не проникаетъ никакой сотворенный духъ,—большое уже счастье, если она покажетъ свою наружную оболочку), которые Гёте (стихотворенія, отд.: „*Gott, Gemüth u. Welt*“, подъ заглавіемъ: „*Allerdings. Dem Physiker*“) „проклиналъ тайкомъ“ (*fluche drauf, aber verstohlen*) еще 60 лѣтъ тому назадъ \*) должны быть понимаемы въ смыслѣ философіи Лейбница, согласно которой всякое чувственное воззрѣніе, а слѣдовательно и все наше представленіе о природѣ, есть только смутное представленіе чистой божественной идеи (или интеллектуальнаго, не-чувственнаго воззрѣнія). По Канту внутренняя сторона природы, въ смыслѣ трансцендентнаго основанія явленій, для насъ, правда, сокрыта, но намъ въ сущности нѣтъ никакого интереса доискиваться до нея; внутренняя же сторона природы въ смыслѣ естествознанія оступна не ограниченному развитію познанія.

37) Срвн. выше, примѣч. 25.—По поводу разсужденій Когена (Cohen: *Kant's Theorie der Erfahrung*, стр. 207) слѣдуетъ еще замѣтить, что недостаточно защищать Канта тѣмъ, что система его останется неизблемой даже въ томъ случаѣ, если нѣкоторыя категоріи совершенно отпадутъ или будутъ иначе выводиться. Несомнѣнно вѣрно, что система эта покоится на трансцендентальной дедукціи категорій, а не на метафизической, т. е. что истинное доказательство Канта заключается въ томъ, чтобы представить эти понятія какъ условія возможности синтетическихъ познаній а priori. Можно было бы поэтому думать, что совершенно безразлично, будетъ ли такого рода коренное понятіе устранено болѣе точнымъ анализомъ, разъ только сохранится его неизмѣнный факторъ (срвн. также примѣч. 34), лежащій въ основаніи синтеза а priori; однако, здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что такой анализъ, выступая за предѣлы Кантовскаго воззрѣнія, въ то же время весьма вѣроятно приведетъ къ сокращенію (а можетъ быть и восполненію) таблицы категорій, и что вслѣдствіе этого, конечно, отпало бы одно притязаніе Канта, весьма важное съ точки зрѣнія законченности его системы именно, притязаніе на безусловную полноту его таблицы. Слѣд.

\*) 79 лѣтъ тому назадъ: упоминаемое стихотвореніе Гёте написано въ 1820 году.  
*Перев.*

комъ сильное отгѣненіе чисто трансцендентальной точки зрѣнія приводить, какъ уже было указано выше, къ тавтологіи: опытъ получаетъ свое объясненіе изъ условій возможнаго вообще опыта. Для того чтобы трансцендентальная дедукція дала вмѣсто этой тавтологіи синтетическій результатъ, категоріи необходимо должны быть еще чѣмъ нибудь другимъ, а не только условіями опыта. Это выражено у Канта въ обозначеніи ихъ какъ „коренныхъ понятій чистаго разума“; мы же замѣнили это терминомъ „организация“. Именно потому Кантъ долженъ былъ стремиться отыскать послѣднія и неизмѣнныя „коренныя понятія“, а не произвольную сѣтъ антропоморфически затемненныхъ понятій, о которыхъ нельзя даже сказать, что одно или нѣкоторыя изъ нихъ соотвѣтствуютъ конечному, логически необходимому коренному понятію. При этомъ случаѣ замѣтимъ еще, что можно обойтись не только, какъ это показалъ Кантъ, безъ понятія „причины“,—мы надѣемся показать далѣе, что понятія „возможности“ и „необходимости“ тоже могутъ быть окончательно выведены изъ философскаго употребленія.

38) Здѣсь необходимо ясно указать, что это относится не только къ построеніямъ „Критики практическаго разума“, болѣею частью совершенно несостоятельнымъ, но что недостатокъ этотъ выстаетъ совершенно ясно уже въ „Систематическомъ изложеніи всѣхъ основоположеній“ (*Systematische Vorstellung aller Grundsätze*) „не говоря уже о „Начаткахъ метафизики“ (*Metaphysische Anfangsgründe*), такъ что, если бы желали поддержать для категоріи число 12 на этомъ основаніи, то серьезная критика высказалась бы, конечно, не въ пользу „выведенія изъ одного принципа“.

39) Сравн. объ этомъ мою статью „Ueber die Principien der gerichtlichen Psychologie mit bes. Berücksichtigung von Jdeler's Lehrbuch der ger. Psych.“ въ „Deutsche Zeitschr. für Staatsarzneikunde“, изд. Schneider, Schürmayer и Knolz, Neue Folge т. XI, выпускъ 1 и 2 (Erlangen 1858).

40) „Природа человѣка“—точнѣе, а „природа человѣческаго духа“, какъ было сказано въ 1 изд.,—популярнѣе. Не безынтересно видѣть, какъ Кантъ, напримѣръ, во введеніи ко второму изд. (VI), избѣгаетъ выраженія „природа духа“ или еще болѣе—„души“, дабы не возникла мысль, будто эта „природа“ есть нѣчто само по себѣ отличное отъ физической организаціи. Но онъ, напротивъ, совершенно свободно говорить о природѣ и побужденіяхъ „разума“, подъ которымъ слѣдуетъ понимать именно только функцію человѣка—оставляя при этомъ нерѣшеннымъ вопросъ объ отношеніи между тѣломъ и душой. Сравн. примѣч. 25.

41) Что психологія въ томъ смыслѣ, въ какомъ одномъ она въ будущемъ можетъ называться наукой, должна исходить не изъ понятія души, а изъ психическихъ функцій и опираться при этомъ на физиологію,—мы покажемъ впоследствии. Отношеніе „тѣла и души“, въ смыслѣ старой метафизики, вовсе еще поэтому не должно быть рѣшено въ материалистическомъ смыслѣ. Оно вообще оставляется въ сторонѣ какъ нѣчто такое, къ чему дѣйствительное изслѣдованіе въ границахъ возможнаго опыта не приводитъ. Сравн. предшеств. примѣчаніе.

42) Въ первомъ изданіи мы удовлетворились изображеніемъ этой стороны Кантовскаго ученія о свободѣ, исходя изъ того воззрѣнія, что она содержитъ наиболѣе существенное, по крайней мѣрѣ въ теоретическомъ отношеніи, и что такія мѣста изъ „Критики практическаго разума“ (Hartenst. V, стр. 105; р. перев. Н. Соколова 1897, стр. 120—121), которыя приняты въ соображеніе, въ дальнѣйшемъ могутъ быть понимаемы именно какъ отступленія отъ истиннаго принципа, тогда какъ все ученіе объ „объективной реальности“ понятія свободы только лишь затемняетъ дѣйствительную сущность дѣла. Теперешнее болѣе полное изложеніе связано съ трѣшеніемъ отъ чрезмѣрной популярности; но тѣмъ не менѣе оно, можно надѣ-

ягся, будетъ понятно тому кругу, который вообще интересуется научной исторіей материализма. Главное здѣсь то, что даже мистическій оттѣнокъ, какой получаетъ учение о свободѣ при переходѣ въ практическую область, не исключаетъ строгаго господства естественныхъ законовъ въ эмпирической психологіи, вслѣдствіе чего Кантовская „трансцендентальная свобода“ и въ этой области сильно отличается отъ того ученія о свободѣ, которую приписали ему Шлейденъ, Иделеръ и другіе „кантіанцы“. Но мы должны были совершенно отказаться отъ доказательства нѣкоторыхъ нашихъ положеній, которыми большею частью имѣется въ виду передать вращѣ смыслъ и духъ Кантовскаго ученія, а не его букву, — ибо въ противномъ случаѣ при нѣкоторой обстоятельности примѣчанія эти разрослись бы въ особую книгу.

43) Если иногда именно Гегелевское вліяніе на историографію изображается какъ особенно вредное, то это имѣетъ свое основаніе главнымъ образомъ въ той склонности подгонять факты подъ философское построеніе, поразительный примѣръ которой мы видѣли также и въ исторіи материализма (Срвн. т. I, стр. 196 и слѣд.). Но изъ-за этого слишкомъ ужъ забываютъ, какъ низко стояла въ Германіи историографія до Гегеля. Не безъ основанія говорить Целлеръ (Gesch. d. deutschen. Phil., стр. 824): „Если наша теперешняя историографія не удовлетворяется болѣе учеными изысканіями и критическимъ разборомъ преданій, сопоставленіемъ и прагматическимъ объясненіемъ фактовъ, а главнымъ образомъ стремится къ тому, чтобы понять существенную связь явленій и постигнуть въ дѣломъ историческое развитіе и управляющія имъ духовныя силы, то этотъ прогрессъ въ значительной мѣрѣ слѣдуетъ приписать вліянію, какое оказала Гегелевская философія исторіи даже на тѣхъ, которые никогда не принадлежали къ Гегелевской школѣ“. — Правильная точка зрѣнія нѣсколько затемняется, когда исходящему отъ Канта и Шиллера „идеалистическому“ направленію въ исторіи противопоставляютъ современное направленіе какъ безусловно реалистическое. Если Александръ Гумбольдтъ (Срвн. Tomaschek: Schiller in s. Verh. zur. Wissenschaft., стр. 130) приравниваетъ идеалистическое направленіе къ предположенію „жизненныхъ силъ“ въ физиологіи то отношеніе идеи къ факту, можно было бы, пожалуй, вѣрнѣе пояснить примѣромъ вліянія теоріи Дарвина на естественно-научное изслѣдованіе. И здѣсь склонность къ построеніямъ можно одѣлать отъ направленія, строго исходящаго изъ фактовъ, и при этомъ волюнѣ признать значеніе такой широкой точки зрѣнія для пониманія и обсуждения отдѣльных фактовъ.

44) Срвн. Cabanis: Rapports du physique et du moral de l'homme et lettre sur les causes premières, 8 изд., дополн. примѣч. etc. L. Peisse'a, 1844 (на русск. яз. въ перев. П. Бибикова изд. «Отношенія между физической и нравственной природой человека», Спб., 1865—66). Первая половина сочиненія была прочитана въ концѣ 1795 г. въ академіи и въ 1798—99 напечатана въ запискахъ академіи; вторая половина появилась въ 1 изд. всего сочиненія въ 1802 г. „Письмо о первопричинахъ“, одна изъ послѣднихъ работъ, появилась черезъ много лѣтъ послѣ смерти автора, въ 1824 году. Много спорили о томъ, мирится ли пантеистическая философія письма, а въ особенности рѣшительно выраженный витализмъ (допущеніе субстанціальной жизненной силы рядомъ съ органическими силами природы и надъ ними), съ материалистическимъ духомъ главнаго сочиненія, или нѣтъ. Издатель Пейсъ въ предпосланной имъ статьѣ о жизни и ученіи Кабаниса и во многихъ своихъ примѣчаніяхъ показалъ, что хотя у Кабаниса и нельзя искать строгой философской послѣдовательности, и хотя въ сочиненіяхъ его встрѣчаются многія незначительныя колебанія и даже противорѣчія, все же нѣтъ основанія предполагать въ метафизическомъ письмѣ перемѣну во взглядахъ или сознательное отреченіе. Такъ, напримѣръ, приведенное мѣсто изъ болѣе ранняго сочиненія показываетъ, что Кабанисъ еще до



составленія глазнаго своего труда былъ рѣшительнымъ приверженцемъ витализма Штала. Склонность къ пантеизму легко замѣтить въ историческомъ отдѣлѣ его сочиненія: „Отнош. между физич. и нравств. природой человѣка“, особенно въ его сужденіяхъ о натурфилософіи стоиковъ. Съ этимъ можно вполне примирить то, что мы находимъ уже у Кабаниса почти всѣ сильныя слова нынѣшнихъ нашихъ материалистовъ, такъ напримѣръ,—что мысли суть органическое выдѣленіе мозга («Отнош. между физич. и нравств. природой человѣка», перев. Библикова т. I, втор. мем. § VII, стр. 167).

45) Сравн. втор. мем., § VIII, стр. 170—171 въ изд., указанномъ въ предыд. примѣч.

46) Мы можемъ сослаться здѣсь на остроумную и весьма поучительную книгу Г. Бѣмера (Dr. H. Böhmer: „Geschichte der Entwicklung der naturwissenschaftl. Weltanschauung in Deutschland“). Авторъ, правда, возноситъ Гердера на счетъ Канта и исповѣдуетъ „реализмъ“, слабыя стороны котораго мы надѣемся доказать ниже.

47) О новѣйшей дѣятельности Штраусса на этомъ мѣстѣ, конечно, еще не можетъ быть рѣчи.

48) Въ одномъ циркулярн. предп. министерства духовн. дѣлъ, просвѣщ. и врачевн. дѣлъ отъ 21 авг. 1824 говорится: „Корол. научн.-испытательной комм. вмѣстѣ съ тѣмъ предлагается обратить строгое вниманіе на основательность и внутреннее содержаніе философіи и ея преподаваніе, дабы мелкіе и поверхностные философскіе софизмы, которыми въ новѣйшее время слишкомъ часто ограничивалось философское преподаваніе, уступили, наконецъ, мѣсто основательному изученію философіи,—дабы истинное изученіе философіи вновь заняло свое столь же почетное, сколько полезное положеніе и направленіе,—и дабы университетская молодежь, которую упомянутая лжефилософія только смущала и сбивала съ толку, вмѣсто этого съ помощью основательной подготовки въ чисто философскомъ духѣ научалась ясному, правильному и основательному употребленію своихъ духовныхъ силъ“. *R ö n n e*: *Unterrichtswesen des Preuss. Staates II*, стр. 42. Подъ „упомянутую лжефилософіей“ разумѣется вѣроятно философія Бенеке, срвн. *Ueberweg: Grundriss d. Phil. III*, 3 изд. стр. 319. (Ибервегъ - Гейнце: *Ист. новой философіи пер. Колубовскаго*, 2 русск. изд., 1899, стр. 428 и слѣд.). Тенденція и дѣйствіе же циркуляра притогдашнихъ условіяхъ несомнѣнно имѣли цѣлью монополію Гегелевской философіи.

49) О Контѣ и его системѣ сравн. *Auguste Comte and positivism*, by John Stuart Mill, reprinted from the *Westminster Review* 1865 (р. перев. подъ ред. Н. Неклюдова и Н. Тиблена, 1867, подъ заглавіемъ: „Огюсть Контъ и положительная философія. Изложеніе и изслѣдованіе Г. Г. Льюиса и Д. С. Милля“, въ двухъ книгахъ: книга вторая—Дж Ст. Милль: *Ог. Контъ и позитивизмъ*). Понятіе и тенденцію позитивизма вкратцѣ разъясняетъ „*Discours sur l'esprit positif*, par Auguste Comte, 1844.—Главное сочиненіе Конта—это шеститомный „*Cours de philosophie positive*“ 1830—1842; второе изданіе съ предисловіемъ Литтре вышло въ 1864 г.—Въ Германіи Контъ обратилъ на себя вниманіе лишь недавно. Въ „*Исторіи нов. философіи*“ Ибервега (*Grundriss III*, стр. 361 и слѣд.) Конту посвящена замѣтка, составленная *Полемъ Жане* \*); но ему здѣсь однако не воздается должное: его ученіе о трехъ періодахъ, теологическомъ, метафизическомъ и позитивномъ представляется какъ отрицательная часть его философіи, такъ что для положительной части остаются

\*) Въ «Исторіи нов. философіи» Иверберга-Гейнце, перев. Колубовскаго, 2 русск. изд. 1899, въ примѣчаніи на стр. 596 указано, что „статьи о философіи во Франціи, Бельгіи и Швейцаріи написаны Рюиссеномъ, профессоромъ философіи въ Парижѣ“.

всего двѣ мысли—„извѣстная историческая гипотеза“ и „извѣстное расположеніе наукъ“. Въ дѣйствительности же положительный трудъ Конта главнымъ образомъ заключается въ выработкѣ и послѣдовательномъ проведеніи своеобразнаго понятія „позитивнаго“. Подробности даетъ Дюрингъ (Dühring: „Krit. Geschichte d. Phil., 2 изд. 1873, стр. 494—510).

50) Feuerbach: Grundsätze der Philosophie der Zukunft, Leipzig 1849. стр. 81, § 55.

51) Эти положенія находятся въ §§ 32, 33, 37 и 39 Grunds. der Philosophie der Zukunft.

52) Тамъ-же, § 34.

53) Тамъ-же, §§ 40 и 42.

54) Phil. d. Zuk. §§ 42, 61 и 62.—Эти весьма существенныя мѣста Шаллеръ (Schaller: Darstellung u. Kritik der Phil. Feuerbachs), напримѣръ, совершенно упустилъ изъ виду, и потому неудивительно, что онъ отождествляетъ Фейербаховскую мораль съ моралью Штирнера и заканчиваетъ тѣмъ, что объявляетъ эгоизмъ и софистику — „принципіальное развращеніе духа“—неоспоримыми слѣдствіями изъ Фейербаховскихъ принциповъ. — Здѣсь слѣдуетъ еще замѣтить, что очень заманчиво было провести параллель между „туизмомъ“ Фейербаха и „альтруизмомъ“ Конта; однако безъ пространныхъ поясненій невозможно указать, что общее у нихъ обихъ, не представляя при этомъ сходства болѣе, чѣмъ оно въ дѣйствительности. Фейербахъ во всякомъ случаѣ исходитъ отъ индивида, который ищетъ своего дополненія въ другомъ и лишь путемъ личной любви приходитъ къ дѣйствію на благо дѣлаго. У Конта же исходная точка—общество и влеченіе человѣка къ обществу; его правило нравственности „vivre pour autrui“ не вытекаетъ свободно, подобно страсти, изъ души человѣка, а вынуждено искать опоры въ идеѣ долга по отношенію къ обществу.

55) Наиболѣе безпугно употребляется слово „гипотеза“ въ „Заключительныхъ размышленіяхъ“ въ „Kraft und Stoff“, стр. 259 и слѣд. 1 изд. Здѣсь даже религіозные догматы называются гипотезами. Напротивъ, правильное употребленіе мы находимъ, напримѣръ, въ „Natur und Geist“, стр. 83, гдѣ атомистика называется „научной гипотезой“.

56) Какъ релятивистическое (а то даже какъ идеалистическое) слѣдуетъ разсматривать взятое у Молашота положеніе, что вещи существуютъ только другъ для друга (срвн. ниже прим. 58). Далѣе сюда относится его ученіе о безконечности въ наименьшемъ и требуемая этимъ относительность понятія атома (Срвн. Buchner: Kraft u. Stoff, 1 изд. стр. 22 и слѣд. Natur und Geist, стр. 82 и слѣд. Что, не смотря на это, атомы въ другихъ мѣстахъ разсматриваются какъ факты, открытія и т. д.,—у Бюхнера не должно насъ поражать.—Въ шести чтеніяхъ о теоріи Дарвина (Buchner: Sechs Vorl. ueber die Darwin'sche Theorie, 1868, стр. 383 и слѣд.) Бюхнеръ рѣшительно отвергаетъ систематическій матеріализмъ и желалъ бы назвать свою философію „реализмомъ“.

57) Соответственныя мѣста находятся, правда, главнымъ образомъ въ Natur und Geist (1857)—сочиненіи, которое является совершенно неудавшеюся попыткою этого обыкновенно столь ловкаго писателя представить обширному кругу читателей свою философію въ формѣ спокойнаго и возможно безпристрастнаго разсужденія. Срвн. тамъ же стр. 83: «Такъ какъ познаніе наше не проникаетъ въ самую глубь природы и истинная глубочайшая сущность матеріи вѣроятно навсегда останется для насъ неразрѣшимой проблемой...»;—стр. 173: «... я предпочитаю сознаться тебѣ въ нашемъ невѣжествѣ касательно времени и вѣчности, пространства и безконечности».—Въ высшей степени характерно для Бюхнеровскаго образа мыслей то мѣсто

(тамъ же, стр. 176 и слѣд.), гдѣ авторъ относительно вопроса о безконечности пространства и времени, заставляетъ представителя своего возрѣнія („Августа“) удивляться тѣмъ, что границы, въ которыя время, пространство и причинности какъ будто замыкають наши понятія, „находятся на такомъ разстояніи, что онѣ почти не затрогивають моего философскаго возрѣнія на міръ и матерію.“ Весьма замѣчательно и слѣдующее (впослѣдствіи большею частью выпускаемое) мѣсто изъ „Kraft und Stoff (1 изд., стр. 261): ... „За тѣмъ, что недоступно нашему чувственному познанію, могутъ существовать всевозможныя вещи, но все это она („гипотеза“) можетъ (предполагать) лишь произвольно, лишь идеально, метафизически. Тотъ, кто отвергаетъ опытъ, отвергаетъ и всякое вообще человѣческое разумѣніе, и даже еще не понимая, что человѣческое знаніе и мышленіе безъ реальныхъ объектовъ—*non sens*“. Приблизительно то же говоритъ и Кантъ, только нѣсколько иными словами.

58) Это въ той же мѣрѣ относится и къ Бюхнеру, который въ 82 примѣч. къ своему сочиненію: „Die Stellung des Menschen in der Natur“ (1870) въ благодарность за наше признаніе его поэтической одаренности посвятилъ намъ хвалебный гимнъ „вещи въ себѣ“, предпославъ ему пространную, но не слишкомъ ясную полемику. Полнѣйшее непониманіе Кантовскаго положенія, что понятія наши не сообразуются съ предметами, а наоборотъ — предметы съ нашими понятіями, мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ. Кто изъ нашего отдѣла о Кантѣ не вынесъ, какъ это слѣдуетъ понимать, не вынесетъ этого и изъ новаго разсужденія въ этомъ примѣчаніи.—Бюхнеръ пытается сначала свести различіе между вещью въ себѣ и явленіемъ къ старому различію первичныхъ и вторичныхъ свойствъ, но онъ не рѣшается однако сдѣлать единственно вѣрный выводъ матеріализма, что движущіеся атомы суть «вещь въ себѣ». Съ важнымъ значеніемъ физиологіи органовъ чувствъ для этого вопроса Бюхнеръ, ни мало не входя въ разсмотрѣніе научной стороны дѣла, раздѣляется такимъ же поверхностнымъ образомъ, какъ весьма часто раздѣляются и съ матеріализмомъ, а именно, указаніемъ на то, что главное въ немъ уже давно было сказано. Все, что точка зрѣнія современной науки въ состояніи сдѣлать для того, чтобы вновь и глубже обосновать уже прежде возникшую общую мысль, отгнѣяется Бюхнеромъ живѣйшимъ образомъ тамъ, гдѣ это для него удобно, и совершенно игнорируется, гдѣ это представляетъ трудности для его возрѣвій.—Затѣмъ, что Кантовская „вещь по себѣ“ есть „новое созданіе мысли“, „непредставляемое“, „непознаваемое“ и т. д.—это намъ извѣстно и безъ Бюхнера. Однако „немыслимое“ есть нѣчто совершенно иное, а между тѣмъ у Бюхнера оно сходитъ за одно съ другими предикатами. Онъ заявляетъ, что вещь въ себѣ немыслима, „ибо всѣ вещи существуютъ только другъ для друга и въ взаимныхъ отношеніяхъ ничего не значать“. Но если именно эти „отношенія“ вещи къ человѣку суть его воспринимаемыя нами свойства (или, что же они такое?), то не утверждается ли этимъ положеніемъ „вещь въ себѣ“? Возможно, что вещь въ нѣ всякихъ отношеній дѣйствительно ничего не значить, какъ предполагаетъ Бюхнеръ, сходясь въ этомъ съ догматическимъ идеализмомъ; но и тогда она, мыслимая какъ источникъ всѣхъ ея дѣйствительныхъ отношеній къ различнымъ другимъ вещамъ,—все таки нѣчто иное, чѣмъ простое, доходящее до нашего сознанія отношеніе къ намъ. Последнее же есть только то, что въ обычномъ словоупотребленіи называется „вещью“, а въ критической философій — „явленіемъ“. Наконецъ, тотъ способъ, какимъ Бюхнеръ сводитъ субъективность нашихъ чувственныхъ воспріятій къ отдѣльнымъ обманамъ чувствъ, доказываетъ, что онъ недостаточно освоился съ эмпирическимъ матеріаломъ въ этой области. Онъ обѣщаетъ вернуться къ этому предмету въ болѣе

подходящемъ мѣстѣ. Если это будетъ сдѣлано съ должнымъ знаніемъ предмета, то соглашеніе вѣроятно не представитъ большихъ трудностей.

59) Neue Darstellung des Sensualismus, Leipzig 1885. Предисловіе, стр. VI.

60) Entsteh. des Selbstbewusstseins, Leipzig. 1856, стр. 52 и слѣд.; N. D. d. Sensualism. стр. 5. — Срви. далѣе C z o l b e: Die Grenzen u. d. Urspr. der menschl. Erkenntnis, 1865, стр. 280 и слѣд.

61) Neue Darstell. d. Sensual., стр. 187 и слѣд.

62) Въ сочиненіи „Die Grenzen u. Urspr. der menschl. Erkenntnis“ (1865) Ч о л ь б е говоритъ о процессахъ въ чувствительныхъ нервахъ болѣе въ духѣ раціональной физиологіи (стр. 210 и слѣд.); возрѣніе о неизмѣнности мірового порядка, вѣчномъ существованіи нашей солнечной системы и т. д. находится тѣмъ не менѣе и здѣсь (стр. 129 и слѣд.) и упорно защищается, несмотря на безспорнѣйшіе выводы механики и вопреки имъ.

63) Не трудно убѣдиться въ сомнительности приема, избраннаго Ч о л ь б е. Хорошія и великія гипотезы болѣею частью содержатъ въ себѣ одно-единственное предположеніе, которое подтверждается въ очень многихъ случаяхъ; здѣсь же мы имѣемъ цѣлый рядъ гипотезъ, которыя едва ли вообще возможно провѣрить путемъ опыта. При томъ онѣ не стоятъ особнякомъ и не служатъ только для объясненія спеціальныхъ случаевъ, какъ это часто бываетъ въ области естествознанія, — каждая изъ нихъ есть необходимая подпора для другой и для всей системы: если даже только одна изъ нихъ невѣрна, то невѣрна и вся система. Предположимъ вѣроятность истинности каждой отдѣльной гипотезы равной вѣроятности противоположнаго, т. е. =  $\frac{1}{2}$ , тогда вѣроятность истинности всей системы выразится  $\frac{1}{2}^n$ , причеиъ  $n$  означаетъ число гипотезъ. Этимъ простымъ математическимъ закономъ обусловливается сомнительность всѣхъ построеній съ необходимыми вспомогательными гипотезами, — что мы, впрочемъ, чувствуемъ и помимо математическаго доказательства.

64) „Die Grenzen u. der Urspr. der menschl. Erkenntnis, im Gegensatz zu Kant und Hegel. Naturalistisch—teleologische Durchführung des mechan. Princips“, von Dr. H. C z o l b e, 1865, стр. 50 и 51.

65) Болѣе подробныя свѣдѣнія о личности и возрѣніяхъ Ч о л ь б е даетъ хорошій біографическій очеркъ Э д. И о н с о н а (D-r Ed. Ionson) въ „Altpreuss. Monatsschrift“, X т. выпускъ 4, стр. 338—352 (также отдѣльно, Königsberg, A. Rosbach'sche Buchdr. 1873).

## Примѣчанія къ II отдѣлу.

Мы приводимъ здѣсь изъ перваго изданія отрывокъ, выпущенный изъ текста въ интересахъ болѣе связности изложенія. По поводу факта учрежденія особаго естественно-научнаго факультета тамъ было замѣчено слѣдующее:

„Старые факультеты открывались сравнительно скоро послѣ основанія парижскаго университета, устройство котораго стало образцомъ для Германіи. Каждый изъ этихъ факультетовъ стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ какою либо практическою профессіей; философскій факультетъ превратился въ особое цѣлое только по выдѣленіи троихъ остальныхъ факультетовъ. Въ противоположность тремъ специальнымъ факультетамъ онъ сохранилъ характеръ общаго факультета, посвященнаго отчасти общей подготовкѣ къ профессиональнымъ занятіямъ, отчасти же свободной наукѣ. Всѣ вновь возникающія науки естественно входили въ программу философскаго факультета, если онѣ не находились въ прямой связи съ какою либо профессіей. Если бы первоначальный принципъ устройства университетовъ остался въ силѣ, то могло бы возникнуть нѣсколько новыхъ факультетовъ, вполне соответствующихъ существующимъ факультетамъ—напримѣръ, факультетъ камеральныхъ наукъ, педагогическій, сельскохозяйственный. Въ сущности нѣтъ никакого основанія возражать противъ того, что какою нибудь факультетъ учреждается по новому принципу; мы желали бы только установить, что это такъ есть, и рассмотреть поближе этотъ новый принципъ. Передъ нами форменная война факультетовъ, въ которой на долю философовъ выпадаетъ самая плачевная роль. Медики требуютъ учрежденія естественнонаучнаго факультета. Естествоиспытатели хотятъ въ полномъ составѣ покинуть материнскія объятія философскаго факультета (*facultas artium*). Ихъ прежніе коллеги не желаютъ ихъ пускать, и происходитъ настоящая борьба за эмансипацію. Понятно еще, если филологъ-педагогъ заходитъ слишкомъ далеко, въ видахъ сохраненія нѣкотораго единства въ образованіи будущихъ учителей; но настоящій философъ никогда не долженъ былъ бы выступать противъ фактически ощущаемой потребности въ подобномъ отдѣленіи и настаивать на сохраненіи существующаго устройства. Напротивъ того, ему бы слѣдовало задать себѣ вопросъ, въ чемъ причина той оттаивающей силы, которая вызываетъ это отдѣленіе,—онъ долженъ былъ бы самою своею дѣятельностью постараться стать необходимымъ для тѣхъ, кого онъ хотѣлъ бы удержатъ. Если въ университетѣ нѣтъ людей, которые въ подобныхъ случаяхъ становятся выше спора и стараются прежде всего выискнуть во внутреннюю сторону вопроса, то значить въ немъ нѣтъ вообще философовъ. Фейербахъ говорить, что специфическій признакъ философа состоитъ въ томъ, чтобы не быть профессоромъ философіи; это, конечно, злонамѣренное преувеличеніе,—но вѣрно однако то, что въ настоящее время самостоятельному и искреннему мыслителю не легко полу-

чить кафедру въ Германіи. Часто жалуются на пренебреженіе къ естественнымъ наукамъ, но можно было бы жаловаться на удупеніе философіи. Нельзя винить тюрингенскихъ естествоиспытателей за то, что они желаютъ освободиться отъ трупа, но мы рѣшительно отвергаемъ то, будто подобное отдѣленіе обусловлено самою сущностью естествознанія и философіи“.

„Исный и прозрачный методъ естественныхъ наукъ, убѣдительная сила ихъ опытовъ и демонстрацій является могучей оградой противъ извращенія ихъ ученій людьми, работающими въ духѣ прямо противоположномъ принципу естествонаучнаго изслѣдованія. И однако же, если философія будетъ совершенно задавлена и устранена, то настанетъ время, когда на естественныхъ факультетахъ разные Рейхенбахи будутъ излагать свои теоріи „одъ“, а Рихтеры опровергать законъ Ньютона. Въ философіи легче совершить преступленіе противъ мысли и легче его прикрыть: здѣсь нѣтъ такого нагляднаго и логически достовѣрнаго критерія здраваго и истиннаго, какъ въ естествознаніи. Мы до поры до времени предлагаемъ какъ необходимый исходъ слѣдующее. Если естествоиспытатели добровольно опять приблизятся къ философіи, не жертвуя ни на іоту строгостью своего метода, если поймутъ, что всѣ различія между факультетами излишни, если философія изъ крайнаго члена ряда превратится въ связующее звено между различными науками и будетъ служить посредникомъ въ плодотворномъ обмѣнѣ положительными результатами, тогда мы можемъ принять, что она снова вернулась къ главной своей задачѣ—освѣщать своей эпохѣ путь факеломъ критики, соединять въ одинъ фокусъ лучи познанія, содѣйствовать историческимъ революціямъ и смягчать ихъ“.

„Пренебреженіе къ естественнымъ наукамъ въ Германіи объясняется тою же консервативною тенденціей, что подавленіе и искаженіе философіи. Прежде всего недо ставало денежныхъ средствъ, и въ этомъ отношеніи мы къ сожалѣнію не скоро еще догонимъ Англію и Францію (въ настоящее время это, по крайней мѣрѣ относительно Франціи, уже невѣрно). Фонъ-Мольтъ въ физическомъ кабинетѣ одного нѣмецкаго университета увидѣлъ странную машину, которая должна была изображать собою воздушный насосъ. Академическая коммиссія, отъ которой зависѣло разрѣшеніе и распоряженіе относительно закупки физика, чтобы не давать работы иностранному механику, постановила отдать подрядъ на воздушный насосъ ремесленнику, изготовляющему пожарные насосы. По этому поводу вздыхаютъ объ опекѣ надъ физикомъ со стороны его факультетскихъ коллегъ. Но развѣ утвержденная смѣта для подобныхъ закупокъ, предоставленная въ полное распоряженіе физика, не мыслима безъ раздѣленія факультетовъ? И развѣ при современномъ положеніи вещей именно философія, который долженъ знать научные методы и условія ихъ приложенія, не является естественнымъ союзникомъ физика?“

„Нѣтъ!—тутъ вотъ и загвоздка. Философы вродѣ Декарта, Спинозы, Лейбница, Канта играли бы эту роль; но большинство современныхъ профессоровъ философіи...—тутъ фонъ-Мольтъ совершенно правъ. Но если въ настоящее время не легко ожидать подобной совмѣстной дѣятельности, то не слѣдуетъ винить въ этомъ самоѣ философію, а еще менѣе сущность философскаго мышленія“.

2) Б ю х н е р ъ по поводу 12 изданія своего сочиненія „Kraft und Stoff“ („Сила и матерія“) написалъ „самокритику“ (въ 3 изданіи „Natur und Wissenschaft“, 1874), въ которой онъ ставитъ себѣ въ особенную заслугу, что онъ опять вернулъ ф и л о с о ф и и ея права въ области естествознанія. Онъ допускаетъ, что одновременно дѣйствовали и другія обстоятельства, но именно его сочиненіе „Сила и матерія“ расчистило дорогу и вызвало борьбу въ такой степени, что въ ней принялъ участіе весь міръ ученыхъ и неученыхъ, и борьба эта улеглась не ранѣе, чѣмъ привела къ опредѣленнымъ результатамъ. Въ этомъ смыслѣ „Сила и матерія“ можетъ быть положительно названа книгой

„дѣлающею эпоху, и книгѣ этой должно быть и будетъ удѣлено мѣсто въ исторіи науки, пока такая исторія вообще будетъ существовать“. Гораздо больше правъ могъ бы предъявить Бюхнеръ на сохраненіе его имени въ общей исторіи культуры, такъ какъ онъ съ громаднымъ успѣхомъ въ надлежащій моментъ громко провозгласилъ то, что думали многие, и что другіе, впрочемъ, могли бы изложить лучше и съ естественно-научной, и съ философской точки зрѣнія. Мы говоримъ „лучше“—но съ большимъ ли успѣхомъ, это еще вопросъ, такъ какъ недостатокъ научной опредѣленности и отсутствіе потребности проникнуть въ глубь явленій именно и содѣйствовали существеннымъ образомъ успѣху Бюхнера. Бюхнеръ впадаетъ, конечно, въ самообманъ, когда приписываетъ своей „теоріи“ и научное значеніе, такъ какъ онъ не только не даетъ ничего существенно новаго ни въ цѣломъ, ни въ частностяхъ, но во многихъ отношеніяхъ остается даже позади взятой на себя задачи дать общую картину механическаго міросозерцанія. Такъ, напримѣръ, Бюхнеръ въ своей „самокритикѣ“ представляетъ ученіе о сохраненіи силы какъ позднѣйшее подтвержденіе и восполненіе его точки зрѣнія, причемъ онъ наивно относитъ его ко времени пятаго изданія своей книги, тогда какъ всякій всесторонне образованный естествоиспытатель и философъ долженъ былъ знать это важное ученіе въ 1855 г., когда вышло въ свѣтъ первое изданіе „Силы и матеріи“. Майеръ, пришелъ къ этому закону уже 1842 г., въ 1847 г. вышло въ свѣтъ изслѣдованіе Гельмгольца о сохраненіи силы, а въ 1854 г. появилось уже во второмъ изданіи популярная статья того же изслѣдователя „Ueber die Wechselwirkung der Naturkräfte“ (О взаимодействіи силъ природы“, рус. пер. подъ редакціей проф. О. Хвольсона и С. Терешина 1896—97, ч. I, стр. 1—31).

3) Замѣтимъ кстати, что вызвавшее столько толковъ изреченіе Фохта, существенно высказано уже Кабанисомъ: мозгъ, по его словамъ, совершаетъ „la sé création de la pensée“ (Cabanis: Rapports du physique et du moral de l'homme, Paris 1844 г. р. 138; „Отношеніе между физической и нравственной природою человѣка“ р. пер. Ш. Бибикова, 1865 стр. 167). Французскій издатель Пейссъ замѣчаетъ по этому поводу: „Cette phrase est restée célèbre“ (эта фраза стала знаменитой).

4) Отличіе „наукъ о духѣ“ отъ наукъ „естественныхъ“ ясно проведено Миллемъ въ его логикѣ. Хотя онъ считаетъ необходимымъ и для тѣхъ и для другихъ наукъ въ сущности одинаковый методъ изслѣдованія, но въ качествѣ приверженца англійской ассоціативной психологіи, онъ преувеличиваетъ значеніе субъективнаго наблюденія, считаясь собственно только съ нимъ однимъ, и слишкомъ низко цѣнитъ значеніе для этихъ наукъ ориентировки въ соответствующихъ явленіяхъ (физиологической методъ). Правильнѣе понимаетъ это различіе Гельмгольцъ въ своей лекціи „Ueber das Verhältniss der Naturwissenschaften zur Gesamtheit der Wissenschaft“. Здѣсь на первый планъ выступаютъ различія въ характерѣ матеріала, въ методахъ и въ доказательствахъ. Если Гельмгольцъ вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ отъ историка, филолога, юриста и т. д. „точного и богато развитаго созерцанія душевныхъ движеній человѣка“, предполагающаго „извѣстную теплоту чувствъ и интересъ къ наблюденію душевныхъ состояній другихъ людей“, то съ этимъ можно согласиться. Все это средства, служащія для того, чтобы тоньше воспринять и правильнѣе истолковать доступныя внѣшнему наблюденію знаки, выраженные въ словѣ, письмѣ, жестахъ и памятникахъ всякаго рода. Но гипотетическій умъ Лапласа не нуждается въ этомъ отношеніи въ какихъ либо особенныхъ, а лишь въ среднихъ человѣческихъ дарованіяхъ, чтобы вполне усвоить также всѣ науки о духѣ, поскольку изучаемыя имъ явленія вообще доступны его чувствамъ,—потому что его знаніе внѣшнихъ фактовъ даетъ ему средство контролировать и совершенствовать принципы толкованія знаковыхъ; а такъ какъ онъ въ то же время понимаетъ всѣ языки (потому что

въ его міровой формулѣ содержатся условія возникновенія и превращенія всѣхъ полныхъ значенія звуковъ), то онъ знаетъ также, какъ любой человѣческой умъ, начиная съ самаго одареннаго и кончая самымъ ограниченнымъ, истолковываетъ знаки душевныхъ явленій. Конечно, поэтому онъ при всемъ своемъ безконечномъ знаніи все таки не станеть, если въ немъ не было къ этому задатковъ.

5) Взглядъ Кирхмана, Чольбе, Шпиллера и другихъ, что качества, которыя со времени Локка, а въ сущности уже со времени Демокрита, разсматриваются какъ явленія „вторичныя“ и притомъ только субъективныя, должны обладать объективной реальностью, обусловливается прежде всего несовершенною теоріей познанія, и нѣтъ возможности оспаривать положеніе, что „красный цвѣтъ“ „кислый кусъ“, „колокольный звонъ и т. д.“ суть субъективные феномены; но если естествознаніе представляетъ для соответствующихъ явленій также и въ мозгу только движенія атомовъ, тогда какъ ощущенія несомнѣнно существуютъ (имѣютъ эмпирическую реальность),—то я на этомъ основаніи могу сдѣлать предположеніе, что и въ вибрирующей струнѣ находится еще нѣчто другое, хотя и не тождественное съ моимъ представленіемъ о звучащихъ и цвѣтныхъ объектахъ, но имѣющее съ ними несравненно больше средства, нежели находящійся въ волнообразномъ движеніи атомъ.

6) Spiller: Das Naturerkennen nach seinen angeblichen und wirklichen Grenzen, 1873. И это сочиненіе въ той части, гдѣ авторъ возражаетъ Дюбуа-Реймону, изобилуетъ недоразумѣніями такого же рода, о какомъ говорилось въ текстѣ.

7) Zollner: Ueber die Natur der Kometen. Beiträge zur Geschichte und Theorie der Erkenntniss. 2 изд. 1872, стр. 320 и слѣд.

8) Мы приводимъ здѣсь еще нѣсколько отрывковъ изъ перваго изданія, посвященныхъ специально требованію философскаго образованія для естествоиспытателей (—тамъ они находились въ связи съ вышеупомянутой рѣчью ботаника фонъ-Моля).

„Мы требуемъ отъ современнаго естествоиспытателя больше философскаго образованія, но не болшей склонности сочинять собственныя оригинальныя системы. Напротивъ того, въ этомъ отношеніи мы все еще не освободились отъ вредныхъ послѣдствій натурфилософской эпохи. Матеріализмъ есть послѣдній отпрыскъ этой эпохи, когда всякій ботаникъ или физиологъ считалъ себя обязаннымъ осчастливить міръ какой нибудь системой“.

„Кто же собственно просилъ Окена, Нисъ-фонъ-Эзенбека, и другихъ естествовѣдovъ философствовать, вмѣсто того чтобы изслѣдовать? Развѣ когда либо и какой либо философъ, даже въ эпоху наибольшаго сумасбродства, думалъ серьезно о замѣнѣ точнаго изслѣдованія своей системой? Даже Гегель, наиболѣе самонадѣянный изъ новѣйшихъ философовъ, никогда не считалъ своей системы окончательнымъ завершеніемъ научнаго познанія, чего слѣдовало бы ожидать съ оспариваемой нами точки зрѣнія. Онъ хорошо понималъ, что никакая философія не можетъ стать выше совокупнаго духовнаго содержанія своей эпохи,—хотя онъ въ своемъ ослѣпленіи недостаточно цѣнилъ богатія философскія сокровища, которыя мыслитель находитъ готовыми въ отдѣльныхъ наукахъ, и слишкомъ мало цѣнилъ духовное содержаніе точныхъ наукъ. Съ другой стороны, естествоиспытатели падали тогда ницъ предъ умозрѣніемъ, точно передъ идоломъ; еслибы ихъ наука имѣла тогда въ Германіи болѣе прочное основаніе, то она устояла бы противъ напора маній умозрѣнія“.

Далѣе по поводу утвержденія фонъ-Моля, что взаимное пониманіе между естествознаніемъ и философіей часто совершенно невозможно, сказано слѣдующее:

„И такъ, естествоиспытатель черпаетъ свое знаніе въ вещахъ, а философъ все стремится познать изъ самого себя—и потому они другъ друга не понимаютъ? Но



вѣдь недоразумѣніе можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда они оба говорятъ о тѣхъ же вещахъ и доказываютъ различное различными методами. При этомъ они либо даютъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, что пользуются различными методами, либо нѣтъ. Если, напримѣръ, профессоръ философіи желаетъ доказывать врачамъ „естественно-научнымъ путемъ“ всякаго рода метафизическіе фокусы, то виновенъ въ недоразумѣніи именно этотъ профессоръ и только онъ одинъ. Всякій истинный философъ даетъ подобному антропологу столь же суровый отпоръ, какъ и естествоиспытатель—пожалуй даже еще болѣе суровый, такъ какъ онъ, будучи знаткомъ обоихъ методовъ, легче замѣчаетъ методическую ошибку. Примѣръ такого отпора далъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ (1857) Лотце въ своемъ полемическомъ сочиненіи, направленномъ противъ антропологіи Фихте младшаго. Онъ сдѣлалъ при этомъ только одну ошибку: совершенно уничтоживъ научно своего противника, онъ потомъ вѣжливо предложилъ ему миръ и взаимные подарки, на манеръ Гомеровскихъ героев. Но гомеровскіе герои не подносили подарковъ убитому врагу.

„Совершенно то же мы имѣемъ въ томъ случаѣ, когда естествоиспытатель совершаетъ такую же ошибку, т. е. преподноситъ свои метафизическія бредни подъ видомъ фактовъ. Въ этомъ случаѣ отпоръ часто даетъ ему болѣе строгій естествоиспытатель, такъ какъ онъ всѣхъ лучше знаетъ исторію возникновенія такихъ шпимыхъ фактовъ, и это, какъ извѣстно, порою случалось испытать на себѣ именно нашимъ матеріалистамъ.

„Но если философъ и естествоиспытатель даютъ себѣ ясный отчетъ въ различіяхъ между ихъ методами, т. е. если одинъ пользуется умозрительнымъ методомъ, а другой—эмпирическимъ, то ихъ ученія не противорѣчатъ другъ другу, потому что только послѣдній говоритъ о познаваемомъ разумомъ объектѣ опыта, первый же стремится удовлетворить природной потребности души въ творчествѣ. Если, напримѣръ, гегелианецъ говоритъ, что ощущеніе есть „то, въ чемъ вся природа является какъ глухая работа духа самаго по себѣ“, а физиологъ называетъ его „реакціей нервного процесса на мозгъ“ или „на сознаніе“, то обоимъ нѣтъ никакого основанія съ негодованіемъ отворачиваться другъ отъ друга. Философъ долженъ понимать физиолога; что же касается послѣдняго, то это уже дѣло его вкуса или потребности, желаетъ ли онъ далѣе слушать метафизика или нѣтъ“.

„Если мы требуемъ отъ естествоиспытателя болѣе высокаго философскаго образованія, то мы настоятельно рекомендовали бы ему не умозрѣніе, а философскую критику, которая необходима ему именно потому, что онъ самъ въ своемъ собственномъ мышленіи, несмотря на всю точность спеціальнаго изслѣдованія, никогда не въ состояніи будетъ совершенно подавить метафизическое умозрѣніе. Онъ нуждается въ критикѣ понятія именно для того, чтобы вѣрнѣе познавать свои собственные трансцендентныя идеи и въ этомъ ихъ качествѣ отличать ихъ отъ того, что даетъ опыт“.

„Если философіи въ этой области до нѣкоторой степени отводится роль судьи, то въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго притязанія на опеку. Не говоря уже о томъ, что въ этомъ смыслѣ можетъ быть философомъ всякій, кто умѣетъ обращаться съ общими законами мышленія,—по всякомъ случаѣ приговоръ никогда не относится къ собственно эмпирической области, а лишь къ незамѣтно примѣшавшейся метафизикѣ или къ чистго логической сторонѣ умозаключенія и образованія понятій. Что же собственно значить то сопоставленіе, какое дѣлается между отношеніемъ естественныхъ наукъ къ философіи и положеніемъ философіи относительно теологической догмы? Если этимъ хотятъ указать на необходимость эмансипации, то передъ нами грубый анохронизмъ. Философія не имѣетъ уже надобности стремиться къ освобожденію отъ теологическихъ догматовъ. Само собою понятно, что она ни въ коемъ случаѣ не должна ру-

ководиться послѣдними; она наоборотъ всегда будетъ признавать за собою право все таки принимать въ соображеніе эти догматы,—именно въ качествѣ объектовъ своего изслѣдованія. Догматъ для философа—не естественно-научное положеніе, а выраженіе вѣрованій и умозрительной дѣятельности извѣстнаго историческаго періода. Если философъ желаетъ разрѣшить свою задачу въ этой области, то онъ долженъ стремиться понять возникновеніе и крушеніе догматовъ въ связи съ культурно-историческимъ развитіемъ человѣчества“.

„Точное изслѣдованіе должно быть для всякаго философа насущнымъ хлѣбомъ. Пусть гордый эмпирикъ предпочитаетъ замыкаться въ своей собственной области,—онъ все же никогда не въ состояніи воспрепятствовать философу послѣдовать за нимъ и туда. Съ современной точки зрѣнія никакая философія безъ точнаго изслѣдованія немыслима, а съ другой стороны и точное изслѣдованіе нуждается въ постоянномъ очищеніи съ помощью философской критики. Нельзя считать диллетантомъ того философа, который знакомится съ важнѣйшими результатами и методами изслѣдованія всѣхъ естественныхъ наукъ, ибо это изученіе составляетъ необходимую основу всѣхъ его дѣйствій. Точно также не диллетантъ и тотъ естествоиспытатель, который составляетъ себѣ опредѣленный, исторически и критически обоснованный взглядъ на мыслительный процессъ человѣчества—на тотъ процессъ, съ которымъ, онъ, не смотря на всю кажущуюся объективность своихъ изслѣдованій и выводовъ, неразрывно связанъ. Но мы несомѣнно назовемъ недостойнымъ диллетантизмомъ (не отрицаемъ, впрочемъ, что выдающіеся умы способны на самомъ дѣлѣ охватить обѣ области), когда философъ по примѣру Бэкона съ недисциплинированнымъ умомъ и неопытною рукою продѣлываетъ всякаго рода не выдерживающіе критики эксперименты и когда естествоиспытатель, не заботясь о томъ, что до него было продумано и высказано, произвольно оперируетъ надъ унаслѣдованными понятіями, и выстраиваетъ себѣ съ грѣхомъ пополамъ метафизическую систему“.

„Но столь же справедливо, что философъ и естествоиспытатель могутъ непосредственно оказать другъ на друга благотворное вліяніе, когда они становятся на почву, которая обща и должна остаться общей для нихъ обомъ—на почву критики матеріала точнаго изслѣдованія въ отношеніи возможныхъ выводовъ, изъ него. Если обѣ стороны на самомъ дѣлѣ руководствуются при этомъ строгою и трезвою логикой, то наслѣдственные предразсудки руются подъ перекрестнымъ огнемъ, и отъ этого останутся въ выигрышѣ обѣ стороны“.

„Какой же смыслъ имѣетъ теорія взаимнаго *laisser passer* въ виду полной невозможности соглашенія? Намъ кажется, что именно въ этомъ принципѣ обнаруживается крайняя односторонность матеріализма. Слѣдствіемъ всеобщаго примѣненія этого принципа было бы распаденіе цѣлаго на эгоистическіе кружки. Философія окончательно подпала бы цеховому духу факультетовъ; религія— и это также находится въ тѣсной связи съ этическимъ матеріализмомъ—въ формѣ грубой ортодоксіи оперлась бы на землевладѣніе и на политическія права церкви; промышленность бездушно устремилась бы въ погоню за минутной предпринимательской прибылью; наука превратилась бы въ отличительный признакъ замкнутого круга, а государство склонилось бы къ цезаризму“.

9) По астрологическимъ правиламъ седьмымъ мѣсяцемъ управляетъ двусмысленная луна, восьмымъ—приносящая гибель Сатурнъ, девятымъ—Юпитеръ, звѣзда счастья и совершенства. Поэтому полагали, что ребенку, родившемуся подъ дѣйствіемъ Сатурна, грозилъ большія опасности, чѣмъ родившемуся подъ дѣйствіемъ луны.

10) О научныхъ и личныхъ достоинствахъ Бэкона ср. I т. нашего труда стр. 125 и 284 и примѣч. 60.

11) Въ первомъ изданіи въ этомъ мѣстѣ находилось методологическое разсуж-

деніе, по своей детальности несоответствовавшее дѣлямъ книги; приводимъ изъ него отрывокъ, сохранившій, по нашему мнѣнію, интересъ и до сихъ поръ.

„Быть можетъ мы имѣемъ право называть матеріалистическою одну своеобразную черту повѣйшаго естествознанія; черта эта заключается въ оппозиціи противъ строгости точнаго изслѣдованія—правда, оппозиціи, которая опирается не на распущенность идеи, а вытекаетъ изъ пероцѣпки непосредственнаго чувственнаго убѣжденія.

Чтобы не вдаваться въ туманныя общія мѣста, приведемъ одинъ замѣчательный примѣръ подобной оппозиціи, которая за послѣдніе годы обнаружилась въ Германіи. Мы говоримъ о реакціи нѣсколькихъ физиологовъ противъ статьи математика Радике о значеніи и цѣнности ариметическихъ среднихъ. Радике въ 1858 г. опубликовалъ въ „Archiv für phys. Heilkunde“ обстоятельное изслѣдованіе, которое задавалось цѣлью подвергнуть критической провѣркѣ чрезмѣрный по изобильности матеріалъ химико-физиологическихъ открытій. Онъ пользовался при этомъ остроумнымъ, самостоятельнымъ и вполне правильнымъ методомъ, стараясь логически использовать отношеніе ариметическаго средняго изъ рядовъ опытовъ къ отклоненіямъ отъ этого средняго, замѣчаемымъ въ отдѣльныхъ опытахъ. При примѣненіи указанныхъ положеній ко многимъ до сихъ поръ очень цѣннымъ изслѣдованіямъ Радике нашелъ, что опыты этихъ изслѣдованій не дали здѣсь вообще никакихъ научныхъ результатовъ, такъ какъ отдѣльныя наблюденія представляли такія громадныя различія, что отсутствуетъ достаточная вѣроятность считать ариметическое среднее изъ нихъ продуктомъ изслѣдуемаго вліянія. Эта въ высшей степени цѣнная работа, съ математической стороны не вызвавшая никакихъ споровъ, подала нѣкоторымъ извѣстнымъ медикамъ поводъ для возраженія, причемъ были высказаны нѣкоторые своеобразныя сужденія, которыя мы считаемъ нужнымъ здѣсь отмѣтить. Такъ, напримѣръ, Фиродтъ (Vierordt) одобрительно относясь вообще къ статьѣ Радике, замѣтилъ, что „кромѣ чисто формальной, обладающей нѣкоторой математическою доказательностью, логики теоріи вѣроятностей существуетъ еще во многихъ случаяхъ логика самихъ фактовъ; когда послѣдняго рода логика применяется правильно, то она обладаетъ нѣкоторою, иногда даже очень большою степенью убѣдительности въ глазахъ спеціалиста“. Подукупающее, но собственно неудачно выбранное выраженіе „логика фактовъ“ встрѣтили сочувствіе у многихъ, кому безпощадная строгость математическаго метода была не на руку. Но профессоръ Ибервегъ, обладающій выдающимся талантомъ къ анализу подобныхъ вопросовъ, показалъ, какъ скромны права этого выраженія (Archiv für pathol. Anat. XVI). Онъ убѣдительно доказалъ, что то, что можно было бы назвать „логикой фактовъ“, во многихъ случаяхъ имѣетъ, пожалуй, нѣкоторую цѣнность въ качествѣ подготовительной ступени къ болѣе строгому изслѣдованію, „вродѣ того, какъ нѣкоторую цѣнность имѣетъ опредѣленіе по глазомѣру въ тѣхъ случаяхъ, когда невозможно математически точное измѣреніе“,—но по совершеніи точнаго вычисленія невозможно уже болѣе говорить объ особомъ результатѣ, добытомъ на основаніи логики фактовъ. Въ самомъ дѣлѣ, то непосредственное убѣжденіе, которое возникаетъ у спеціалиста во время опытовъ, подвержено ошибкамъ въ той же мѣрѣ, какъ и возникновеніе всякаго другого предразсудка. У насъ нѣтъ основанія ни сомнѣваться въ томъ, что во время экспериментовъ образуются подобныя убѣжденія, ни признавать за ними болшую лѣвность, чѣмъ за тѣми убѣжденіями, которыя создаются въ не-научной области. Доказательную силу въ точныхъ наукахъ имѣетъ не матеріальный процессъ, не экспериментъ въ его прямомъ воздѣйствіи на чувства, а идеальный выводъ изъ результатовъ. Несомнѣнно однако же, что у многихъ изслѣдователей, особенно у физиологовъ, существуетъ склонность усматри-

вать существенный элемент исследования въ самомъ экспериментѣ, а не въ его логико-математическомъ истолкованіи. Благодаря этому возможенъ возвратъ къ крайнему произволу въ теоріяхъ и гипотезахъ, такъ такъ матеріалистическое представленіе о непосредственномъ общеніи между вышними предметами и нашими чувствами противорѣчитъ человѣческой природѣ, которая ухитряется вносить предубѣжденія всюду, даже въ самую какъ будто непосредственную дѣятельность чувствъ. Въ дѣлѣ ить вліяніе этихъ предубѣжденій—въ этомъ именно состоитъ секретъ всей методики точныхъ наукъ, причѣмъ совершенно безразлично, идетъ ли дѣло о случаяхъ, въ которыхъ приходится оперировать надъ средними величинами, или же о такихъ, въ которыхъ имѣть уже значеніе единичный опытъ. Средняя величина служитъ прежде всего для исключенія объективныхъ колебаній; но чтобы избѣжать также и субъективныхъ ошибокъ, первое условіе то, чтобы была опредѣлена вѣроятная ошибка для самой средней величины, обозначающая въ точности область произвольныхъ истолкованій. Лишь тогда, когда вѣроятная ошибка настолько мала, что за результатомъ можетъ вообще быть признано значеніе,—рядъ наблюденій, рассматриваемый какъ цѣлое, будетъ логически въ той же мѣрѣ обоснованъ, что и единичный экспериментъ въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ по существу дѣла не требуется выдѣленія объективныхъ колебаній при посредствѣ точныхъ среднихъ величинъ. Если, напримѣръ, цѣль опыта состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить отношеніе вновь открытаго металла къ магниту, то при принятіи всѣхъ обычныхъ предосторожностей и при хорошемъ качествѣ приборовъ уже единичный опытъ имѣть доказательную силу, такъ какъ онъ можетъ быть легко повторенъ и маленькія различія въ силѣ дѣйствія, которыя всегда будутъ наблюдаться, не могутъ овать вліянія на положеніе, которое имѣется въ виду доказать“.

„Съ этой точки зрѣнія подлежатъ оцѣнкѣ и нѣсколько болѣе осторожная полемика, Фойта противъ Радике (Voit: Untersuchungen über den Einfluss des Kochsalzes, des Kaffees und der Muskelbewegungen 1860). А именно, онъ при своихъ собственныхъ изслѣдованіяхъ часто находилъ различія въ цифрахъ отдѣльныхъ наблюденій, которыя слѣдуетъ рассматривать не какъ случайныя колебанія, а скорѣе какъ различія, обусловливаемые природою организма и наблюдаемая съ большою правильностью; такъ, напримѣръ, собака, надъ которой производятъ экспериментъ, при одной и той же мясной пищѣ, выдѣляетъ сначала меньшее, а потомъ большее количество мочевины, а обратное съ такою же правильностью наблюдается при голоданіи. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда предполагаются подобныя различія, вытекающія изъ существа дѣла, то невозможность оперированія надъ средними величинами до такой степени ясна, что трудно понять, какъ можно было вообще этотъ случай выставить противъ Радике. Слѣдуетъ ли въ этомъ случаѣ, какъ полагаетъ Фойтъ, признавать за всякимъ единичнымъ способомъ дѣйствія эксперимента, зависить, какъ и при всякомъ экспериментѣ, отъ того, можно ли его повторять при тѣхъ же условіяхъ. Лишь повтореніе можетъ показать, выясняется ли съ достаточною отчетливостью искомое положеніе уже при всякомъ единичномъ опытѣ, или же требуется рядъ совершенно иначе комбинированныхъ опытовъ, изъ которыхъ необходимо будетъ выводить среднія величины“.

„А именно, если при первомъ рядѣ опытовъ получились величины  $a, b, c, d$ , указывающія не на простыя колебанія, а на извѣстный ростъ, то, чтобы констатировать это, необходимъ второй рядъ опытовъ, который, допустимъ, дастъ величины  $a_1, b_1, c_1, d_1, \dots$ . Если и въ этомъ рядѣ величинъ окажется тотъ же ростъ, и если желательно установить только самый фактъ роста вообще, но можно на этомъ остановиться. Но если желаютъ получить точныя цифровыя результаты, а совпаденіе не полно, то

приходится продѣлать третій рядъ опытовъ съ величинами  $a_1, b_1, c_1, d_1, \dots$  и такъ далѣе до  $a_n, b_n, c_n, d_n, \dots$ , откуда само собою вытекаетъ, что теперь приходится комбинировать величины  $a_1, a_2, a_3, a_n$ , а затѣмъ  $b_1, b_2, b_3, \dots, b_n$  и т. д. По къ этой комбинаціи слѣдуетъ прибавить методъ, указанный Радикъ, во всей его строгости“.

12) Buchner: *Natur und Geist*, стр. 102: „атомы древнихъ—философскія категоріи или измышленія; атомы нашего времени—отрывки естествознанія“.

13) Коппъ (Kopp: *Geschichte der Chemie II* стр. 307 и слѣд.) несправедливо приписываетъ Бойлю теорію „притяженія“ атомовъ. „Этотъ химикъ держался уже того взгляда, что всё тѣла состоятъ изъ мельчайшихъ частицъ, взаимнымъ притяженіемъ которыхъ объясняются явленія соединенія и разложенія. Чѣмъ сильнѣе сродство двухъ тѣлъ между собой тѣмъ сильнѣе взаимное притяженіе ихъ мельчайшихъ частицъ, тѣмъ тѣснѣе прилегаютъ ихъ частицы другъ къ другу при соединеніи“. Въ этомъ изложеніи вѣрны только послѣднія слова. Въ приводимомъ Коппомъ примѣрѣ также не говорится ни слова о сродствѣ и притяженіи. Выраженіе „coalition“, „associate“ и друг. всегда относится только къ связи путемъ соприкосновенія. Дѣйствительный взглядъ Бойля всего яснѣе изложенъ въ отдѣлѣ „De generatione, corruptione et alteratione“ (стр. 21—30) сочиненія „De origine qualitatum et formarum, Genevae 1688“. Здѣсь всюду идетъ рѣчь о прикрѣпленіи, отрываніи атомовъ и т. д., а причиною измѣненія является (§ 4) „motus, quacumque causa ortus“, т. е. предполагавшееся уже древними постоянное стремительное движеніе атомовъ, которое они выводили изъ всеобщаго и вѣчнаго паденія. Этому послѣднью, Бойль, конечно, не признавалъ, но онъ не ставитъ на его мѣсто притяженія и отталкиванія—понятій, которыя могли возникнуть только нѣсколько десятилѣтій спустя, подъ влияніемъ Ньютоновскаго ученія о тяготѣнн. Напротивъ того, тамъ, гдѣ Бойль обращается къ умозрѣнью, онъ усматриваетъ причину движенія атомовъ въ дѣятельности Бога, а въ обыкновенныхъ естественнонаучныхъ сужденіяхъ онъ вовсе не касается этого вопроса и довольствуется предположеніемъ, что такого рода движеніе существуетъ.

14) Dalton: *Neu system of chemical philosophy I*, 2 изд., 1842, стр. 141 и слѣд. и 143 и слѣд.—Сравн. Копп.: *Gesch. d. Wissensch. in Deutschland; Entwickel. der Chemie*, 1873, стр. 286, гдѣ однако же не достаточно принято во вниманіе то обстоятельство, что замѣчаніе о всеобщемъ признаніи этого не относится къ утвержденію одинаковости атомовъ въ однородныхъ тѣлахъ. Вейрихъ (Wehrich: *Ansichten der neueren Chemie*, стр. 7; „Воззрѣнія современной химіи“, перев. Ф. Ласгафта, 1874, стр. 11—12) говоритъ, что мнѣніе объ одинаковости атомовъ въ одномъ и томъ же тѣлѣ и различіи ихъ въ различныхъ тѣлахъ, кажется, высказано было барономъ Гольбахомъ, но беретъ свое начало у Анаксагора. На самомъ же дѣлѣ, взгляды Гольбаха не на столько совпадаютъ съ Анаксагоровскими, а взгляды Дальтона съ Гольбаховскими, чтобы можно было тутъ установить преемственность.

15) Коппъ (Kopp: *Gesch. d. Chemie II*, стр. 286 и слѣд.), опровергаетъ тотъ взглядъ, будто выраженіе „affinitas“ введено въ химію впервые Бархузеномъ въ 1696 г. Онъ указываетъ, что этотъ терминъ встрѣчается у различныхъ писателей 1648 г. (Глауберъ), но встрѣчается уже и у Альберта Великаго (Albertus Magnus: *De rebus metallicis*—сочиненіе, напечатанное въ 1518 году). Упомянемъ еще, что терминъ „affinis“ въ химическомъ смыслѣ встрѣчается уже въ энциклопедіи Альстеда, (Alsted: *Encyclopädie*, 1630, стр. 2276) и слѣдовательно также и въ источникахъ, которыми пользовался этотъ компиляторъ. Въ алхимическомъ происхожденіи самого понятія не можетъ быть никакаго сомнѣнія.

16) Мы можемъ сослаться здѣсь на примѣръ Бойля, который въ раннихъ своихъ трудахъ, какъ напримѣръ въ „*Chemista sceptius*“ еще пользуется понятіемъ сродства (ср. Копп.: *Gesch. de Chemie II*, стр. 286), тогда какъ въ цитированномъ

выше (прим. 13) сочиненіи „О происхожденіи качествъ и формъ“, гдѣ онъ становится на точку зрѣнія Гассенди (сравни. „Исторія матеріализма“, т. I, стр. 157 и относящіяся сюда примѣч.), онъ избѣгаетъ этого термина.

17) Корр: *Gesch. der Chemie* II, стр. 290.

18) Подробно сообщаетъ о Рихтерѣ и его открытіяхъ Копль (Корр: *Entwickelung der Chemie* въ „*Gesch. d. Wissensch. in Deutschl.*“, 1873, стр. 252 и слѣд.).

19) О гипотезѣ Авогадро сравни. Lothar Meyer: *Die modernen Theorien der Chemie und ihre Bedeutung für die chemische Statik*, 2 изд. 1872, стр. 20 и слѣд. (Лотаръ Мейеръ: Новѣйшія теоріи химіи и ихъ значеніе для химической статики, пер. П. Аванасьева, 1866, стр. 13 и слѣд.) - Далѣе, Wehrich: *Ansichten der neueren Chemie*, 1872, стр. 8 и слѣд. (р. пер. Ф. Лесгафта, стр. 13 и слѣд.)

20) Корр: *Entwickelung der Chemie*, стр. 597.

21) Fechner: *Atomenlehre*, 2 изд., 1864, стр. 229 и слѣд.

22) Тамъ же, стр. 231 и слѣд.

23) Тамъ же, стр. 76 и 77.

24) Redtenbacher: *Das Dynamidensystem, Grundzüge einer mechanischen Physik*, 1857 (4), стр. 95 и слѣд.

25) Fechner: *Atomenlehre*, стр. 88 и слѣд.

26) Изъ принципа послѣдовательнаго замѣщенія одного атома водорода однимъ атомомъ метила Кольбе вывелъ существованіе ряда неоткрытыхъ соединеній и предсказалъ ихъ химическое свойство; позднѣйшія изслѣдованія блистательно подтвердили его предсказанія (Wehrich: *Ansichten der neueren Chemie*, стр. 44; р. пер. Ф. Лесгафта, 1874, стр. 70—71). То обстоятельство, что Кольбе былъ тогда рѣшительнымъ противникомъ теоріи типовъ, не имѣетъ тутъ никакого значенія, такъ какъ его теорія замѣщенія впоследствии слилась съ усовершенствованною теоріей типовъ. Лотаръ Мейеръ (Lothar Meyer: *Die modernen Theorien der Chemie*, 2 изд. 1872 §§ 181 и 182; указанный выше, въ примѣч. 19, р. пер. П. Аванасьева не законченъ и доходитъ только до § 94) между прочимъ касается очень далеко вѣдущихъ умозрѣній о существованіи и свойствахъ не открытыхъ еще элементовъ, а въ заключеніи 2 изданія (особенно стр. 360 и слѣд.) онъ обсуждаетъ вопросъ о возможности, а также объ опасностяхъ дедуктивнаго метода въ химіи.

27) Сравни. въ высшей степени ясное, понятное даже для не-спеціалиста, подробное изложеніе того, на что нами въ текстѣ указано только вкратцѣ, въ сочиненіи Гофмана: „*Einleit. in d. moderne Chemie*“ 5 изд. 1871. (Гофманъ: Введеніе къ изученію современной химіи, р. пер. подъ ред. Θ. Савченкова, 1866).

28) Срни. Wehrich: *Ans. d. n. Chemie* стр. 38 и слѣд. (перев. Ф. Лесгафта, 1874 стр. 63 и слѣд.).

29) Clausius: *Abhandlungen über die mechanische Wärmetheorie* (первоначально появилось въ *Poggend. Ann.*), 1854 и (2 часть) 1867; *Abhandl. XIV* (II, стр. 229 и слѣд.): *Ueber die Art der Bewegung, welche wir Wärme nennen* (О родѣ движенія, называемаго нами теплотой). Клаузиусъ называетъ тамъ своимъ ближайшимъ предшественникомъ Кронига (Kronig), который въ своемъ сочиненіи „*Grundzüge einer Theorie der Gase*“ исходитъ въ существенномъ изъ тѣхъ же взглядовъ; но въ примѣчаніи, онъ излагая исторію общей идеи о поступательномъ движеніи молекулъ газовъ, восходитъ къ Дан. Бернуллі и Лесажу, а затѣмъ черезъ нихъ къ Бойлю, Гассенди и Лукрецію. Самъ Клаузиусъ пришелъ къ своему взгляду независимо отъ своихъ предшественниковъ; впрочемъ, вліяніе преемственности въ этомъ ряду не подлежитъ сомнѣнію.

30) Наиболѣе замѣчательна попытка преобразовать этимъ путемъ химію въ механику атомовъ въ сочиненіи Наумана (Naumann: *Grundriss der Thermo-*

chemie, 1869; „Основанія термохиміи“, р. перев. К. Лисенко, 1871). Въ этой очень ясно написанной книжкѣ престо, безъ обращенія къ высшей математикѣ, изложены важнѣйшія положенія теоріи Клаузіуса.

31) Гюйгенсъ въ своемъ трактатѣ „De lumine“ (Opera Amstelod. 1728, I, стр. 10. и слѣд.) говоритъ о томъ, что для передачи движенія отъ одного упругаго тѣла къ другому необходимо требуется время, и замѣчаетъ при этомъ слѣдующее: „Nam invenit, quod ubi impuleram Globum ex vitro vel achate in frustum aliquod densum et grande eiusdem materiae, cuius superficies plana esset et halitu meo aut alio modo obscurata paululum, quaedam maculae rotundae supererant, maiores aut minores, prout maior aut minor ictus fuerat, unde manifestum est, corpora illa paucillum cedere, deinque se restituere; cui tempus impendant necesse est.“ Трактатъ „De lumine“ относится къ 1690 г., тогда какъ основы открытаго Гюйгенсомъ закона эластическаго удара были ему извѣстны уже въ 1668 г. (срви. Dühning: Princip der Mechanik, стр. 163; Дюрингъ: Критическая исторія общихъ принциповъ механики, пер. Н. Маркуева, 1893, стр. 141). Поэтому нѣтъ ничего неслучайнаго въ томъ, что Гюйгенсъ вывелъ свои законы удара изъ общихъ филозофическихъ принциповъ, прежде еще чѣмъ онъ продѣлалъ упомянутые здѣсь опыты. Это подтверждается также его обоснованіемъ законовъ удара, опирающимся не на опытъ, а на общія разсужденія.

32) Du Bois-Reymond: Untersuch. über thierische Electricitat, 1848, I т., предисловіе, стр. XI и слѣд.

33) Срви. замѣтку о лекціи англійскаго физика Масквелля въ журналѣ „Der Naturforscher“, 1873, № 45, гдѣна стр. 421 помѣщена таблица съ соответствующими числовыми данными для четырехъ различныхъ газовъ.

34) Срви. цитированную въ пред. примѣч. лекцію Масквелля и „Vierteljahrs-Revue der Fortschr. der Naturwissenschaften“ Клейна, т. II, 1874, стр. 119 и слѣд.

35) Lothar Meyer: Die modernen Theorien der Chemie, 2 изд. §§ 154 и 155 (относительно русск. переп. этого сочин. см. выше примѣч. 26).

36) Не имѣетъ никакого значенія возраженіе Бюхнеровскаго Августа (Büchner: Natur und Geist, стр. 86),—что нельзя понять какимъ образомъ изъ непротяженныхъ, негѣлесныхъ элементовъ могутъ возникнуть наполняющая пространство матерія и тѣла, или какимъ образомъ изъ силы можетъ возникнуть вещество. Совсѣмъ вѣдь нѣтъ надобности, чтобы вещество возникало, если только сила въ состояніи оказывать такое вліяніе на наши чувства или на тѣ центры силы, которые въ концѣ концовъ должны воспринимать наши чувственные впечатлѣнія, что возникаетъ представленіе о тѣлахъ. Что это представленіе есть нѣчто отличное отъ вызывающей его причины, и что у насъ только въ этомъ представленіи имѣются вообще протяженные и однородныя тѣла, долженъ признать и атомистикъ, сводящій тѣла на атомы, не содержащіяся въ нашемъ представленіи о тѣлѣ. Что тѣла и сами по себѣ, независимо отъ нашего представленія, могутъ состоять изъ простыхъ атомовъ, старается доказать Фехнеръ, (Fechner: Atomenlehre, 2 изд. стр. 153). Но тутъ, какъ и во всемъ міровоззрѣніи Фехнера, а къ сущности уже у Демокрита, на сцену выступаетъ новый принципъ, согласно которому вещи и ихъ свойства возникаютъ изъ атомовъ—принципъ взаимозависимости въ нѣкоторомъ цѣломъ. Но именно этотъ принципъ представляется болѣе глубокой критикѣ заложеннымъ прежде всего только въ субъектѣ.

37) Срви. Mach: Die Geschichte und die Wurzel des Satzes von der Erhaltung der Arbeit, 1872. На стр. 30 сказано: „то обстоятельство, что до сихъ поръ не удалось дать удовлетворительную теорію электричества, зависитъ, можетъ быть, отъ того, что электрическія явленія старались объяснять непремѣнно молекулярными

процессами въ пространствѣ съ тремя измѣреніями“. Тамъ же, на стр. 55: „мои попытки объяснить механически спектры химическихъ элементовъ и несовпаденіе теоріи съ опытомъ уаръбили меня въ томъ взглядѣ, что химическіе элементы не слѣдуетъ представлять себѣ въ пространствѣ съ тремя измѣреніями“.

38) Zollner: Die Natur der Kometen, 2 изд. 1872, стр. 299 и слѣд.

39) Helmholtz: Ueber die Erhalt. der Kraft—докладъ, прочитанный въ засѣданіи берлинскаго физическаго общества 23 іюля 1847 г. Этотъ строго научный докладъ—первое послѣ работъ Майера изслѣдованіе принципа сохраненія силы, появившееся въ Германіи—не слѣдуетъ смѣшивать съ носящею то же заглавіе популярной статьей во 2 выпускѣ популярно-научныхъ лекцій Гельмгольца („Популярныя рѣчи“, р. перев. подъ ред. О. Хвольсона и С. Терешина, ч. I, „О сохраненіи силы“, стр. 35—71). Цитированное выше мѣсто находится въ указанномъ изслѣдованіи на стр. 3 и 4.

40) Срвн. Fechner: Atomenlehre, 2 изд. глава XV и XVI, особенно стр. 105 и слѣд., а по вопросу о понятіи силы стр. 120.

41) Zollner: Die Natur der Kometen, 2 изд. стр. 334—337.

42) Helmholtz: Uber die Wechselwirkung der Naturkräfte und die darauf bezügl. neuesten Ermittlungen der Physik, 1854; перепечатано въ „Popular-wissensch. Vortr.“ выпускъ II, 1871 (р. пер. „Популярныхъ рѣчей“ Гельмгольца подъ ред. О. Хвольсона и С. Терешина, „О взаимодействіи силъ природы“, ч. I стр. 1—31).—Цитированное мѣсто находится на стр. 16. Изъ той же лекціи взяты дальнѣйшія замѣчанія объ отношеніи между теплотой и механической силой во вселенной.

43) J. R. Mayer: Naturwissenschaftl. Vortrage, 1871, стр. 28. Это мѣсто взято изъ лекціи „О землетрясеніяхъ“, прочитанной въ іюнѣ 1870 г. Касаться подробнѣе невѣроятности изложенной тамъ теоріи землетрясеній нѣтъ надобности; подробности о вычисленіи Адамса можно найти у Целльнера (Zollner: Die Natur der Kometen, стр. 469 и слѣд.). Целльнеръ (ibid. стр. 472 и слѣд.) обращаетъ вниманіе на то, что уже Кантъ въ 1754 г. доказывалъ, что приливъ и отливъ должны замедлять вращательное движеніе земли.

44) Въ послѣднее время принятое здѣсь объясненіе измѣненій пути кометы Энке вызываетъ много сомнѣній, такъ какъ для другихъ кометъ при самыхъ точныхъ изслѣдованіяхъ не найдено подобныхъ измѣненій. Съ другой стороны Целльнеръ показалъ, что все мировое пространство, надо думать, наполнено остатками атмосферныхъ газовъ различныхъ небесныхъ тѣлъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ атмосфера не могла бы пребывать въ равновѣсіи. Если бы поэтому—къ чему теперь склоняются многіе естествоиспытатели—и совсѣмъ было отвергнуто существованіе эфира, все же пришлось бы предположить повсюду существованіе очень разрѣженныхъ газовыхъ массъ, которыя должны были бы оказывать хотя бы минимальное дѣйствіе въ томъ же смыслѣ.

45) „Но присоединяясь къ весьма вѣроятному мнѣнію, что найденная астрономами поразительно малая, для столь большаго тѣла какъ солнце, плотность есть слѣдствіе его высокой температуры, и что современемъ она можетъ увеличиться, мы можемъ вычислить, что сгущенію солнечной массы, въ результатъ котораго получилось бы уменьшеніе его діаметра на  $\frac{1}{10000}$ , соответствуетъ выдѣленіе количества тепла, достаточнаго для покрытія его убыли за 2100 лѣтъ. Столь малое измѣненіе діаметра могло бы быть замѣчено лишь при наиболѣе точныхъ наблюденіяхъ и то съ величайшимъ трудомъ“. Helmholtz: Wechselw. der Natrkräfte, стр. 42 (Гельмголецъ: Популярныя рѣчи, „О взаимодействіи силъ природы“, р. пер. ч. I стр. 26). О „метеорной теоріи“, изложенной впервые I. P. Майеромъ, а затѣмъ нѣкоторыми англійскими физиками, срвн. Тиндаль: Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія, пер. подъ ред. Шимкова, 1888.



46) Клаузиусъ (Clausius: *Abh. über d. mechan. Wärmetheorie* II стр. 44) представляетъ два слѣдующихъ положенія: 1) энергія вселенной представляетъ собою постоянную величину, 2) энтропія вселенной стремится къ максимуму. О понятіи „энтропія“ см. тамъ же, стр. 34 и слѣд. Вся эта дедукція предполагаетъ конечность матеріалаго міра въ безконечномъ пространствѣ. Популярно излагаетъ этотъ выводъ Гельмгольцъ въ лекціи „О взаимодействіи силъ природы“ р. пер. ч. I, стр. 13—14.

47) Meier: *Methaphysik*, 3 часть § 785; цит. у Геннингса (Hennings: *Geschichte von den Seelen der Menschen und Thiere*, 1774, стр. 504, примѣчаніе).

48) По новѣйшимъ изслѣдованіямъ во всякомъ случаѣ нѣкоторые низшіе организмы, напримѣръ, бактеріи размножаются подобнымъ образомъ.

49) Рефератъ объ этихъ опытахъ, составленный на основаніи II флюгеровскаго „*Archiv für die ges. Physiol.*“ VII стр. 549 и VIII стр. 227 можно найти въ „*Naturforscher*“ д-ра Скларека 1873 № 33 и 49.—Опроверженіе опытовъ Бастіана см. между прочимъ „*Naturforscher*“ 1873 № 26 (стр. 209 и слѣд.) и № 48 (стр. 453 и слѣд.).

50) Haeckel: *Natürliche Schöpfungsgeschichte*, 4 изд. 1873, стр. 306 и затѣмъ 309 и слѣд.—Срви. того же автора „*Beiträge zur Plastidentheorie*“ въ „*Jenaische Zeitschrift*“ т. V, выпускъ 4. Въ этой статьѣ, посвященной преобразованію целлюлярной теоріи, вызванному новѣйшими изслѣдованіями, и выводамъ изъ новаго воззрѣнія созерцанія, мы находимъ слѣдующее: „Важнѣйшій фактъ, установленный тщательными изслѣдованіями Гёксли надъ батибіемъ, состоитъ въ томъ, что дно открытаго океана на значительныхъ глубинахъ [болѣе 5000 фут.] покрыто громадными массами нѣжной живой протоплазмы, и протоплазма эта сохраняетъ здѣсь самую простую и первичную форму, т. е. не имѣетъ никакой вообще опредѣленной формы и едва представляетъ слѣды индивидуализаціи. Этотъ замѣчательный фактъ не можетъ не вызывать глубочайшаго удивленія и невольно напоминаетъ намъ о „первичной слизи“ Окена. Эта универсальная первичная слизь прежней натурфилософіи, которая по воззрѣніямъ этой послѣдней возникла въ морѣ и составляетъ первоисточникъ всего живого, продуктивный матеріалъ всѣхъ организмовъ—эта знаменитая и ославленная первичная слизь, все значеніе которой было уже *implicite* обосновано „теоріей протоплазмы“ Макса Шульце, благодаря открытію батибія превратилась какъ будто въ дѣйствительность.

51) Томсонъ развилъ эту гипотезу въ своей очень содержательной рѣчи при открытіи сѣзда британскихъ естествоиспытателей 1871 г. „О новѣйшихъ успѣхахъ естествознанія“. Подробное извѣщеніе изъ этой рѣчи въ „*Naturforscher*“ 1871 г. № 37. Интересующія насъ здѣсь мѣста перепечатаны также у Целльнера (Zöllner: *Die Natur der Kometen*, пред. стр. XXIV и слѣд.).

52) Срви. Zöllner: *Die Natur der Kometen*, предисловіе, стр. XXV и отвѣтъ Гельмгольца въ предисловіи къ нѣмецкому переводу 2 части I тома „*Handb. der theoret. Physik*“ Томсона и Тэга, стр. XI и слѣд.

53) Fechner, G. Th.: *Einige Ideen zur Schöpfungs- und Entwicklungsgeschichte der Organismen*, 1873 г. Въ этой работѣ, представляющей особенную цѣнность по отношенію къ вопросамъ, возбужденнымъ Дарвиномъ, Фехнеръ устанавливаетъ гипотезу, что въ органическихъ молекулахъ частички находятся въ иного рода движеніи, чѣмъ въ неорганическихъ. Въ послѣднихъ частички колеблются около опредѣленныхъ положеній равновѣсія, причемъ перемѣщеніе точки *b* относительно точки *a* не можетъ превышать 180° (если измѣрять по перемѣщенію радіуса вектора къ *b* отъ *a*, какъ центра). Такимъ образомъ ихъ относительное положеніе не измѣняется. Напротивъ, частички органическихъ молекулъ, полагаетъ Фехнеръ, перемѣщаются другъ относительно друга такимъ образомъ, что ихъ относительное положеніе непре-

равно изменяется— „как это бывает в томъ случаѣ, если частички двигаются другъ относительно друга по кругу или по другимъ запутаннымъ путямъ“. Этотъ характеръ движенія поддерживается „внутренними“ силами молекулы. Фехнеръ далѣе полагаетъ, что это состояніе матеріи—первоначальное, неорганическое же возникло впоследствии. Органическія и неорганическія молекулы могутъ вступать въ тѣсную связь другъ съ другомъ и въ слѣдствіе такого смѣшенія разница между органическими и неорганическими состояніями имѣетъ относительный характеръ, такъ что невозможно провести строго опредѣленную границу между тѣми и другими.

54) Абсолютное понятіе вида, противъ котораго мы здѣсь боремся, имѣетъ двойной корень: во первыхъ, въ метафизическомъ значеніи платоно-аристотелевскаго εἶδος, и во вторыхъ... въ преданіи о Ноевомъ ковчегѣ. Само собою понятно, различіе органическихъ формъ по видамъ служитъ не только практическимъ цѣлямъ удобнаго обозрѣнія, но имѣетъ и извѣстное значеніе по существу, помимо всякихъ догмъ <sup>o</sup> неизмѣнимости и трансцендентномъ основаніи видовъ. Изъ самой дарвиновской теоріи съ помощью принципа возрастающей устойчивости можно сдѣлать тотъ выводъ, что организмы втеченіе очень большихъ промежутковъ времени должны пріобрѣсти тенденцію группироваться по видамъ и ограничиваться другъ отъ друга,—но это совершенно не то, что абсолютное понятіе вида, которое въ эпоху реакціи противъ матеріализма Фохта и другихъ часто выступало въ формѣ, противорѣчащей всѣмъ основнымъ положеніямъ естествознанія.

55) Andreas Wagner: Naturwissenschaft und Bibel, im Gegensatz zu dem Kohlerglauben des Herrn Carl Vogt, als des wiedererstandenen und aus dem Französischen ins Deutsche übersetzten Bory. 1855. Срвн., напримѣръ, стр. 29: „подобныя указанія (о плодовыхъ ублюдкахъ)... основываются на заявленіяхъ сельскихъ хозяевъ и путешественниковъ, у которыхъ однако мы не встрѣчаемъ тѣхъ точныхъ доказательствъ, какихъ требуетъ судебный слѣдователь для точной установки фактовъ“.—Стр. 31: „такія указанія либо прямо ложны, либо лишены юридической доказательности“ и т. д.

56) Вѣсто одного большого труда вышелъ рядъ отдѣльныхъ сочиненій, изъ которыхъ особенно богатъ матеріалами двухъ-томный трудъ: „Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія“ р. пер. В. Ковалевскаго, перераб. проф. Мензбиремъ и К. А. Ковалевскимъ, изд. Поповой. III т. 1899, (нѣмец. пер. „Das Variiren der Thiere und Pflanzen im Zustand der Domestication“ Carus'a, 2 изд. 1873).

57) Мое сужденіе объ „Isis“ Раденгаузена было бы въ настоящее время не такъ благоприятно, особенно въ томъ, что касается историческихъ разсужденій книги, въ которыхъ много недостаточно обоснованнаго и невѣрнаго. Но это не касается интересующихъ насъ здѣсь замѣчаній относительно телеологіи. Мимоходомъ замѣтимъ, что рецензентъ „Liter. Centralblatt“ (1863 стр. 486) отзываясь о книгѣ слѣдующимъ образомъ: „Книга написана съ безстрастнымъ спокойствіемъ и сухою самоувѣренностью напомиающими Спинозу“. Упомянутая въ текстѣ борьба противъ точки зрѣнія, которую можно было бы назвать Эмпедокловской, помѣщена въ „Liter. Centralblatt“ 1864 стр. 843 и слѣд.

58) Вигандъ (Wigand: Der Darwinismus u. d. Naturforschung Newtons und Cuviers 1874, I, стр. 421) совершенно не понялъ всего этого мѣста: онъ полагаетъ—будто здѣсь „основными чертами природы признаются величайшая нецѣлесообразность и случайность“, между тѣмъ какъ здѣсь прежде всего дѣло идетъ только о томъ чтобы точно обозначить противоположность между способомъ, какимъ преслѣдуетъ извѣстную цѣль и р и р о д а, и способомъ, какимъ преслѣдуетъ цѣль ч е л о в ѣ к ѣ. Образъ дѣйствій чловѣка, который бы сталъ поступать на подобіе природы, пришлось бы назвать крайне нецѣлесообразнымъ; это доказываетъ, что способъ дѣй-

ствія природы (мы пользуемся этимъ образнымъ выраженіемъ ради краткости) во всякомъ случаѣ принципиально совершенно отличенъ отъ способа дѣйствія чловѣка, и что такимъ образомъ антропоморфическая форма телеологіи, о которой одной только и идетъ здѣсь рѣчь, совершенно не выдерживаетъ критики. Я нигдѣ не говорю, будто по моимъ взглядамъ цѣлью природы является „величайшая бережливость“. Я просто сравниваю образъ дѣйствія природы съ образомъ дѣйствія чловѣка при стремленіи къ извѣстной цѣли. Что природа фактически достигаетъ цѣли—какъ это указываетъ Вигандъ, какъ будто въ видѣ возраженія—само собою понятно и предполагается въ самомъ началѣ всего разсужденія. Но если Вигандъ прибавляетъ: „и безъ ущерба для другихъ цѣлей“, то это, какъ и дальнѣйшее продолженіе его примѣчанія, представляетъ собою только оптимистическую метафизику, которой по меньшей мѣрѣ съ такимъ же правомъ можно было бы, на основаніи фактовъ, противопоставить пессимистическую.—Срвн., впрочемъ, въ текстѣ относящаеся сюда мѣсто: „Есть тутъ однако и другая сторона“ и т. д.

59) Мы оставили въ томъ же видѣ и это мѣсто перваго изданія, хотя оно уже и не относится прямо къ дарвинизму. Понятія „индивидъ“ и „видъ“ тѣсно связаны другъ съ другомъ—по крайней мѣрѣ, съ гносеологической стороны. Одинъ и тотъ же синтетическій процессъ подводитъ разнообразное явленіе либо подъ одно, либо подъ другое изъ этихъ понятій, и вопросъ о первенствѣ цѣлаго или частей въ сущности представляетъ собою только другую форму вопроса о платоновскомъ предсуществованіи идеи въ отношеніи къ единичному существу.

60) *Wirschow*, Rhd.: Vier Reden über Leben und Kranksein, 1862, стр. 37—76; срвн. особенно стр. 58 и 59 (р. пер.—Вирховъ: Четыре лекціи о жизни и болѣзненномъ состояніи, 1866, стр. 28—42, особ. стр. 47—48).

61) *Vogt*: Bilder aus dem Thierleben, 1852, стр. 332. Строеніе открытыхъ въ послѣднее время монерь особенно батибія какъ будто противорѣчитъ этому взгляду; однако трудно рѣшить, сколько индивидуальности можно приписать подобному живому комку слизи. Изъ того обстоятельства, что мы съ помощью нашихъ средствъ изслѣдованія не находимъ строенія въ этихъ протоплазматическихъ образованіяхъ, нельзя еще заключать, что у нихъ нѣтъ строенія. Нѣсколько выяснится этотъ вопросъ, когда намъ станетъ извѣстна механика этихъ простѣйшихъ жизненныхъ явленій; но отъ такого положенія вещей мы еще очень далеки.

62) Какъ извѣстно, эти опыты возобновлены опять въ новѣйшее время и давали не разъ благоприятные результаты.

63) Срвн. *Vogt*: Bilder aus dem Thierleben, стр. 124—142. Новѣйшія, относящіяся сюда открытія вкратцѣ изложены у Гегенбауера (*K. Gegenbauer*): Grundz. der Vergl. Anatomie, 1870, стр. 110 и слѣд.; *K. Gegenbauer*: „Основанія сравнительной анатоміи“, р. пер. А. Герда, 1866, стр. 65, также примѣч. Мы здѣсь отмѣтимъ только то, что у актинофора такимъ образомъ сливаются даже три индивида. Срвн. по этому вопросу ученіе объ индивидуальности Геккеля въ „Generelle Morphologie“ I, стр. 265 и слѣд.

64) Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ относящихся сюда фактовъ — это колоніальная нервная система въ колоніяхъ мшанокъ. Срвн. *Gegenbauer* Grundz. der Vergl. Anatomie, стр. 190 и слѣд. (р. пер. Герда, стр. 97 и слѣд. \*).

65) *Haackel*: Die Kalkschwämme; eine Monographie in 2 Bdn. Text und Atlas; I т.: Biologie der Kalkschwämme, 1872, 4 отд.: „Philosophie der Kalkschwämme“, стр. 476 и слѣд.

\*) Р. перев. не вполне соответствуетъ нѣмецкому, болѣе позднему изд. 1870 г., на которое ссылается Ланге.

66) Фехнеровскій принципъ стремленія къ устойчивости нѣсколько сходенъ съ тѣмъ, какъ Целльнеръ (*Natur der Kometen*) съ помощью шоненгауеровской философіи и механическаго принципа наименьшаго насилія старается доказать, что всякая система колебаній атомовъ въ данномъ пространствѣ имѣетъ стремленіе довести до минимума число столкновеній (а съ тѣмъ вмѣстѣ и количество ощущеній неудобовольствія).—Въ принципѣ тенденціи къ устойчивости Фехнеръ вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ примиреніе принципа причинности и телеологіи, такъ какъ въ силу этого принципа земля необходимо должна стремиться къ состоянію, при которомъ „все какъ нельзя лучше подходитъ другъ къ другу“ (*Fechner: Einige Ideen zur Schöpfungs- und Entwicklungsgeschich. der Organismen, 1873, стр. 88 и слѣд.*).—Идеи Фехнера и Целльнера до сихъ поръ представляютъ собою только смѣло брошенные, метафизическія мысли—недоказанныя и неразвитыя. Если напротивъ того мы ограничимся относительнымъ приспособленіемъ организмовъ къ условіямъ существованія какого-нибудь большаго періода, то тенденція устойчивости вытекаетъ здѣсь непосредственно изъ принципа борьбы за существованіе.

67) Сравни Дарвина: Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія, р. пер. В. Ковалевскаго, 1899; соч. Дарвина, изд. О. Н. Поповой т. III, ч. I, гл. V, стр. 85 и слѣд. (нѣм. перев. Carus'a: *Das Variiren der Thiere u. Pflanzen im Zustande der Domestication, 1873, I стр. 175*). Здѣсь показано, что прирученные голуби, происходящіе всѣ отъ одного дикаго вида, образуютъ болѣе 150 видовъ и должны были бы быть подраздѣлены по меньшей мѣрѣ на пять новыхъ родовъ, если бы къ нимъ были приложены тѣ же принципы, какіе прилагаются къ видамъ, находимымъ въ дикомъ состояніи.

68) Тамъ же, р. пер. изд. О. Н. Поповой т. III, ч. I, гл. VI, стр. 137 (нѣмец. перев. Carus'a I, стр. 242).

69) *Fechner: Einige Ideen zur Schöpfungs- und Entwicklungsgesch.*, стр. 71 и слѣд.

70) Срни. объ этомъ Wallace: *Contribution to the theory of natural selections*, 2 изд. 1872 (р. пер. подъ ред. Н. Вагнера, подъ заглавіемъ—Уоллесъ: Естественный подборъ, 1880; существуетъ еще переводъ этого же сочиненія подъ ред. проф. К. Э. Линдемана 1876; нѣмец. перев. В. Meyer'a: *Beiträge zur Theorie der natürlichen Zuchtwahl, 1870*).

71) Мы слѣдуемъ тутъ изложенной въ „*Naturforscher*“ 1871, № 15, стр. 118 и слѣд. рѣчи Беннета, произнесенной на слѣздѣ естественныхъ испытателей въ Ливерпулѣ, гдѣ она, какъ указано, встрѣтила „одобреніе со стороны очень компетентныхъ изслѣдователей“.

72) Срни. отчетъ объ этихъ опытахъ въ „*Naturforscher*“ 1871, № 38, стр. 310 и слѣдущ.

73) Дарвинъ: „Происхожденіе видовъ путемъ естественнаго отбора“, р. пер. съ 6 англ. изд. К. Тимирязева 1896, соч. Дарвина изд. О. Н. Поповой, т. I, ч. II, гл. V, стр. 93—96 (нѣмецкій переводъ: *Entstehung der Arten*, 5 изд. съ 6 англ. 1872, стр. 159—164). Далѣе: „Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія, р. пер. этой части сочиненія въ изд. О. Н. Поповой еще не имѣется; въ старомъ изд. 1868, т. II, стр. 350 и слѣд. (нѣмец. пер.: *Das Variiren der Thiere und Pflanzen* 2 изд. 1873, стр. 364 и слѣд.)

74) Тамъ же р. пер. стр. 133 (нѣмец. пер. стр. 232 и слѣд.).—Срни. Naegeli: *Entstehung und Begriff der naturhistor. Art.*, 1865. Срни. также Oskar Schmidt: *Descendenzlehre und Darwinismus*, 1873 (*Intern. Bibl. II*), стр. 146 и слѣд.

75) Kölliker: *Morphologie und Entwicklungsgeschichte des Pennatulidenstammes, nebst allgemeinen Betrachtungen zur Descendenzlehre*, 1872; срни. въ особенности стр. 26 и слѣдущ.

76) Срвн. Haesckel: Schöpfungsgeschichte, 4 изд., стр. 215 и слѣд.

77) Вейрихъ (Weirich: Die Ansichten der neueren Chemie, 1872, стр. 43 и слѣд.; „Возрѣнія современной химіи“, перев. Ф. Лесгафта, 1874, стр. 69 и слѣд.) излагаетъ теорію Кольбе, согласно которой одинъ атомъ водорода можетъ быть замѣщенъ метиломъ  $C_2H_5$ . Но въ самомъ метилѣ содержится въ свою очередь водородъ, каждый атомъ котораго можетъ быть замѣщенъ атомомъ метила. Путемъ такого замѣщенія муравьиная кислота превращается въ уксусную, уксусная—въ пропионовую, пропионовая—въ масляную и т. д. Само собою понятно, что изложенная въ текстѣ общая мысль не зависитъ отъ этой частной теоріи, но она даетъ болѣе наглядное представленіе о томъ, что можно разумѣть подъ закономъ развитія, когда мы предполагаемъ послѣдовательное возникновеніе болѣе сложныхъ образованій изъ болѣе простыхъ.

78) Haesckel: Naturl. Schöpfungsgesch., 4 изд., стр. 264 и слѣд. Совершенно правильно замѣчено также на стр. 295: „Всѣ жизненные явленія процессовъ формировація организмовъ такъ же непосредственно обусловлены химическимъ составомъ и физическими силами органическаго вещества, какъ и жизненные явленія неорганическихъ кристалловъ, т. е. процессы ихъ роста и образованія специфической формы суть непосредственныя слѣдствія ихъ химическаго состава и физическаго состоянія.“—Въ „Generelle Morphologie“ (I, стр. 198) Геккель говоритъ: (мы знаемъ), „что эти въ высшей степени простые начатки всѣхъ органическихъ индивидовъ неодинаковы и что въ высшей степени ничтожныхъ различій въ ихъ матеріальномъ составѣ, въ строеніи ихъ бѣлковыхъ соединеній, достаточно для того, чтобы вызвать дальнѣйшія различія въ эмбриональномъ развитіи; такъ, напримѣръ, несомнѣнно, что только въ высшей степени ничтожныя различія обуславливаютъ непосредственную передачу индивидуальныхъ отцовскихъ качествъ потомству при посредствѣ минимальныхъ количествъ бѣлка зооспермы“. Но не слѣдуетъ ли сдѣлать дальнѣйшій выводъ изъ этого правильнаго возрѣнія, бросающаго яркій свѣтъ на значеніе „внутреннихъ причинъ“ для развитія? Не надо ли намъ перестать приписывать преувеличенную важность чисто морфологическому сходству въ виду того факта, что важнѣйшія различія живыхъ существъ заложены уже въ зародышѣ?—Вѣдь о прямомъ указаніи на эти различія мы, при имѣющихся у насъ средствахъ наблюденія, и думать не можемъ. Конечно, никто не будетъ считать ничтожной первопричину различія между Моцартомъ и совершенно не музыкальнымъ человѣкомъ или различіе между Гёте и пѣтухомъ только оттого, что это различіе связано съ ничтожною малою матеріальною величиною. Но то обстоятельство, что величина эта для насъ въ настоящее время совершенно неуловима, даетъ право изслѣдователю не заниматься ею спеціально, дабы не тратить время на безплодные изысканія; конечно, при изслѣдованіи, по своей основѣ чисто морфологическомъ, можно отвлекаться отъ этой совершенно неуловимой величины; но когда дѣло идетъ о сущности развитія, и морфологическая точка зрѣнія оказывается сама по себѣ не достаточной, то упущеніе этой величины приводитъ къ такой же грубой ошибкѣ, какъ если бы при какомъ либо вычисленіи мы желали вычеркнуть одно изъ важнѣйшихъ производныхъ только оттого, что оно намъ неизвѣстно: здѣсь вѣдь дѣло идетъ не о матеріальной величинѣ самой по себѣ, а о важности послѣдствій, обусловленныхъ ея присутствіемъ.

79) Срвн. Preyer: Ueber die Erforschung des Lebens, 1873, стр. 22 (р. пер. подъ заглавіемъ: „Изслѣдованіе жизни“, 1873, стр. 20): „движенія протоплазмы въ крошечномъ зародышѣ сѣмени, подъ влияніемъ теплоты, превращаютъ окружающую землю, воздухъ и воду въ гигантское дерево, а движеніе протоплазмы въ нагрѣтомъ яйцѣ превращаетъ содержимое яйца въ животное. Что служитъ первымъ поводомъ

къ этому измѣненію? Что заставляетъ вещество сопоставляться такъ, чтобы въ результатѣ явилась жизнь? Химія напрасно ищетъ отвѣта“.

80) Въ „Generelle Morphologie“ I стр. 198, Геккель замѣчаетъ: „по нашему мнѣнію съ точки зрѣнія основныхъ взглядовъ на органическое развитіе почти безразлично, возникли ли въ первичномъ морѣ въ эпоху перваго самозарожденія въ различныхъ мѣстностяхъ многочисленныя, сѣзначала различныя монеры, или многочисленныя одинаковыя монеры, которыя дифференцировались только впоследствии (путемъ ничтожныхъ измѣненій въ атомистическомъ строеніи бѣлка)“. Если Геккель потомъ все болѣе и болѣе переходилъ къ односторонней защитѣ монофилетическаго происхожденія, подтвержденіемъ котораго въ его глазахъ является существованіе стадіи гастролы у известковыхъ губокъ, то это объясняется значительнымъ преобладаніемъ у него чисто морфологической точки зрѣнія. Геккель въ своемъ ученіи объ индивидуальности (Generelle Morphologie I стр. 265 и слѣд.) очень ясно изложилъ различіе между морфологическою и физиологическою индивидуальностью. Если приложить то же различіе къ теоріи происхожденія видовъ, то на нашъ взглядъ нельзя выставить никакихъ существенныхъ возраженій противъ чисто морфологическаго монофилетизма, но мы считаемъ вопросъ о внутреннемъ строеніи и его отношеніяхъ къ необходимому будущему развитію болѣе важнымъ.

81) Natürl. Schöpfungsgesch., 4 изд., стр. 373. Высказанное тамъ положеніе, что въ общемъ гипотезы о монофилетическомъ происхожденіи обладаютъ болѣею внутреннею вѣроятностью, чѣмъ полифилетическія, нельзя считать прямо противоположнымъ взгляду, изложенному нами въ текстѣ. Это послѣднее воззрѣніе относится исключительно къ первому возникновенію жизни, поскольку можно опредѣлить его условія и на основаніи ихъ заключать о дѣйствительномъ ходѣ вещей. Геккель же напротивъ того имѣетъ въ виду происхожденіе любого изъ существующихъ видовъ или любой изъ гипотетической основной формы, въ связи съ вопросомъ, развивается ли эта форма первоначально въ различныхъ мѣстахъ и съ соответствующими измѣненіями, или только въ одномъ мѣстѣ и въ одинаковой формѣ—такъ что, напримѣръ, широкое распространеніе какого либо вида сводится не на одновременное возникновеніе его въ различныхъ мѣстахъ, а на переселеніе.—Срвн. примѣч. 80.

82) Излагаемый нами здѣсь взглядъ на Кантовскую телеологию во всякомъ случаѣ не обычный. Мы руководствуемся отчасти собственными изслѣдованіями, отчасти недавно вышедшимъ чрезвычайно яснымъ изслѣдованіемъ Августа Штадлера (August Stadler: Kant's Teleologie und ihre erkenntnisstheoretische Bedeutung, 1874). Если Штадлеръ, можетъ быть, и заходитъ мѣстами слишкомъ далеко, усматривая полное совпаденіе между Кантомъ и основными положеніями естественныхъ наукъ и придавая недостаточно значенія слабымъ сторонамъ кантовской философіи, то съ другой стороны Штадлеръ вполнѣ доказалъ, что только такое пониманіе соответствуетъ принципамъ трансцендентальной философіи и сводитъ противорѣчія Канта къ минимуму. Мы не можемъ входить здѣсь въ подробности и отсылаемъ читателей къ книжкѣ Штадлера.

83) Срвн. Philosophie des Unbewussten. Einleitendes. II. Wie kommen wir zur Annahme von Zwecken in der Natur? (На русск. яз. существуетъ полное изложеніе „Философіи безсознательнаго“ Гартмана проф. А. Козлова, подъ заглавіемъ: Сущность міроваго процесса 1873).

84) Waitz: Anthropol. der Naturvolker, fortges. v. Gerland, VI ч., 1872, стр. 797 (въ р. пер. имѣется только I ч. этого сочиненія, подъ заглавіемъ—Вайцъ: Антропология первобытныхъ народовъ, перев. А. Федченко, 1867 г.) срвн. Oscar Schmidt: Descendenzlehre und Darwinismus, 1873, стр. 280.—

Австралийскіе туземцы все необъяснимое для нихъ въ природѣ сводятъ на devil-devil: это — „имя божества, о которомъ они не имѣютъ яснаго представленія, и произошло оно очевидно отъ англійскаго devil (дьяволъ)“. Шмидтъ справедливо указываетъ на отсутствіе достаточнаго основанія для того предположенія, что раньше существовали болѣе развитыя, позднѣе забытыя религіозныя представленія. Сведеніе всего необъяснимаго на devil-devil очевидно является скорѣе зачаткомъ философіи, которая обходится безъ отдѣльныхъ божествъ. Devil-devil въ глазахъ австралийскихъ негровъ представляется вѣроятно всевѣдущимъ, всемогущимъ и т. д., не будучи въ то же время личностью — совѣтъ какъ Гартмановское „безсознательное“.

85) Не безинтересно сравнить совершенно ненаучныя разсужденія Гартмана объ „инстинктѣ“ въ растительномъ царствѣ съ новѣйшими научными изслѣдованіями объ относящихся сюда явленіяхъ роста растений, гелиотропизма, ра скрыванія и закрыванія цвѣтковь, изгиба усиковъ вьющихся растений и т. д. Вносящія много свѣта открытія Сакса, Гофмейстера, Пфеффера, Франка, Баталина, Фамилицына, Приллье и другихъ, все безъ исключенія достигнуты на основаніи предположенія, что эти явленія животной жизни обоснованы строго механически, и предположеніе это во многихъ случаяхъ блистательно подтвердилось. Упомянемъ лишь вкратцѣ, что гелиотропизмъ сведенъ на замедленіе роста, вслѣдствіе вліянія свѣта и послѣдующаго попутаго искривленія; охватываніе предметовъ усиками вьющихся растений основано на доказанной опытами раздражительности слабѣе растущей стороны; различное положеніе днемъ и ночью листьевъ Oxalis'a зависитъ отъ вліянія свѣта на опредѣленные мѣста сгиба; наконецъ, растеніе (не смотря на всевѣднѣе „безсознательнаго“) можно ввести въ обманъ, направляя искусственный свѣтъ исключительно на эти мѣста сгиба и т. д. — Приведемъ также наблюденія Найта (Knight), помѣщавшаго растенія на ободѣ быстро вращающагося колеса и нашедшаго, что главные корни растутъ въ направленіи дѣйствія центробѣжной силы; затѣмъ опыты Сакса по вопросу о вліяніи влажности почвы на направленіе корпей. (Сравн. Sachs: Grundzüge der Pflanzenphysiologie, 1873; Hofmeister: Allg. Morphologie der Gewächse, 1868; Pfeffer: Physiol. Untersuchungen, 1873; затѣмъ, „Naturforscher“, 1871, Nr. 49; „Botan. Zeit“ 1871, №№ 11 u. 12; „Naturf.“, 1872, Nr. 4 и т. д.). Что было бы со всеми этими цѣнными изслѣдованіями, если бы изслѣдователи свели явленія къ цѣлесообразному вмѣшательству „безсознательнаго“ или какаго либо другаго призрака?

86) Сравн. по этому поводу отличающіяся большою ясностью объясненія Лаласа (Phil. Versuch über Wahrscheinlichkeiten 6. Grundsatz, иѣм. пер. Langsdorff'a, 1819). Если издатель иѣмецкаго перевода именно тутъ возражаетъ Лапласу и порицаетъ (стр. 20, примѣч.) дѣленіе возможныхъ случаевъ на обыкновенные и необыкновенные, на томъ основаніи, что послѣдніе тождественны съ менѣе вѣроятнымъ, то онъ не понялъ самого существеннаго въ очень тонкомъ психологическомъ замѣчаніи Лаласа. Задача въ томъ, чтобы доказать, что изъ нѣкоторыхъ, одинаково невѣроятныхъ (и съ отвлеченной точки зрѣнія одинаково „необыкновенныхъ“) случаевъ, мы одинъ тотчасъ же воспринимаемъ и познаемъ во всей его необыкновенности, т. е. какъ случай, который происходитъ только одинъ разъ среди миллионъ, тогда какъ другіе случаи сливаются для насъ психологически съ длиннымъ рядомъ подобныхъ же случаевъ и производятъ поэтому впечатлѣніе обыкновеннаго, не смотря на то, что ихъ вѣроятность также мала, какъ и случаевъ перваго рода. То же относится и къ приведенному въ текстѣ, въ видѣ при-

мѣра, игроку, который одинъ разъ выигрываетъ десять разъ подрядъ, а другой разъ попеременно выигрываетъ и проигрываетъ въ строго опредѣленномъ порядкѣ.

Впрочемъ, Лапласъ связываетъ это различіе съ заключеніемъ отъ явленія къ его причинамъ и это, кстаи сказать, и есть тотъ пунктъ теоріи вѣроятности, изъ котораго долженъ былъ бы исходить Гартманъ въ своемъ изслѣдованіи, а не опираться крайне грубо и очевидно ложно на третье положеніе Лапласа, изъ котораго здѣсь можно было вывести только то, что сложные случаи на самомъ дѣлѣ сложны. Но въ случаяхъ, относящихся къ шестому положенію, замѣчательными или необыкновенными всегда представляются тѣ, которые носятъ до нѣкоторой степени характеръ человѣческой цѣлесообразной дѣятельности, хотя бы въ видѣ только нѣкоторой чисто виѣшней симметріи, напримѣръ, когда изъ милліона чиселъ выходитъ 666666. Тутъ мы однимъ взглядомъ опредѣляемъ отношеніе между числителемъ и знаменателемъ дроби, опредѣляющей вѣроятность, и представляемъ себѣ возможность того, что кто нибудь намѣренно сопоставилъ цифры такимъ образомъ. Подавляющимъ это послѣднее впечатлѣніе является тогда, когда частный случай имѣетъ особенное значеніе—напримѣръ, когда буквы Е В Р О П А слѣдуютъ именно въ этомъ порядкѣ, хотя порядокъ этотъ нисколько не менѣе вѣроятенъ, нежели какое нибудь другое бессмысленное сопоставленіе этихъ буквъ. Числитель дроби, опредѣляющей вѣроятность  $= 1$ , а знаменатель  $=$  числу всѣхъ возможныхъ комбинацій этихъ шести буквъ и становится еще больше, если принять, что онѣ выпуты на угадъ изъ „кассы“ наборщика. Прежде всего здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что дѣйствительности подобныхъ случаевъ, а слѣдовательно, и общей ихъ возможности, теорія вѣроятности вовсе не касается. На это обратилъ вниманіе уже Дидро въ 21-й главѣ своихъ „Pensées philosophiques“, причемъ онъ показалъ, что возникновеніе Илиады или Вольтеровской „Генриады“ изъ случайной комбинаціи буквъ не только не представляетъ ничего невозможнаго, но стало бы даже очень вѣроятнымъ, если бы только можно было продолжать рядъ опытовъ до безконечности. Въ дѣйствительности же мы сравниваемъ въ этихъ случаяхъ крайне ничтожную вѣроятность случайнаго сочетанія съ гораздо большею вѣроятностью сочетанія намѣреннаго. Здѣсь въ самомъ дѣлѣ у всѣхъ вѣрящихъ въ привидѣніе очень сильно искушеніе допустить, подобно Гартману, дѣйствіе какаго-либо привидѣнія. Даже остроумный математикъ Пуассонъ, разсматривая этотъ вопросъ въ § 41 своего руководства по теоріи вѣроятностей (нѣмец. перев. Schnuse, 1841, стр. 85 и слѣд.), замѣчаетъ слѣдующее: „если мы наблюдаемъ явленіе, которое само по себѣ представляло очень малую вѣроятность, и находимъ въ немъ вновь что либо симметрическое или замѣчательное, то мы естественно приходимъ къ мысли, что оно не дѣйствіе случая или, общѣ говоря, причины, сообщающей ему эту ничтожную вѣроятность, а зависитъ отъ болѣе могучей причины, напримѣръ, воли какаго либо существа, преслѣдовавшего при этомъ опредѣленную цѣль“. Тутъ вопросу дана такая общая математическая постановка, что сюда подойдетъ и въ высшей степени естественное заключеніе дикаря о дѣйствіи духовъ, и правильное заключеніе научно образованнаго человѣка. Но послѣдній, не смотря на всѣ соблазны аналогіи, не введетъ въ свои расчеты такихъ „существъ“, какія ему не даны,—а даны ему въ качествѣ цѣлесообразно дѣйствующихъ существъ только человѣкъ и высшія животныя. Выхода за эти предѣлы, онъ можетъ еще, конечно, размышлять о цѣлесообразномъ устройствѣ вселенной, но ни одинъ случай сочетанія, какъ бы изумительно это сочетаніе a priori ни было, не побудитъ его допустить мистическое вмѣшательство „существа, о которомъ онъ не имѣетъ представленія“.



87) Вряд ли намъ нужно еще разрушать у нашихъ читателей ту иллюзію, будто „философія безсознательнаго“ содержитъ „умозрительные результаты, добытые индуктивно-естественно-научнымъ методомъ“. Едва ли въ какой либо другой книгѣ нашего времени хватанный отовсюду естественно-научный матеріалъ находится въ такомъ рѣзкомъ контрастѣ со всѣми существенными чертами естественно-научнаго метода.

---

## Примѣчанія къ III отдѣлу.

1) Сравн. между прочимъ слѣд. мѣста „Antropologie“ § 1: „То, что человѣкъ можетъ имѣть представленіе о своемъ „я“, безконечно возвышаетъ его надъ всѣми живущими на землѣ тварями. Это дѣлаетъ его личностью и, вслѣдствіе единства сознанія, онъ при всѣхъ могущихъ съ нимъ случиться перемѣнахъ остается одною и гою же личностью, т. е. по своему положенію и достоинству совершенно отличною отъ вещей и отъ имъ подобныхъ неразумныхъ животныхъ, съ которыми можно поступать по желанію“. Далѣ „Примѣчаніе“ въ статьѣ „Muthmaßlicher Anfang der Menschengeschichte“ (Предполагаемое начало исторіи человѣческаго рода), 1786, Hartenstein IV, стр. 321: „Изъ этого изложенія первоначальной исторіи человѣчества явствуетъ, что исходъ человѣка изъ рая, предоставленнаго ему разумомъ для первоначальнаго пребыванія его рода, есть ничто иное, какъ переходъ отъ грубаго, чисто животнаго существа къ человѣчеству, отъ помочей инстинкта въ руководство разума—словомъ: изъ подъ опеки природы къ состоянію свободы“. Въ своей рецензіи на сочиненіе Москати (1771), Hartenst. II, стр. 429 и слѣд., Кантъ соглашается съ доводами итальянскаго анатома въ пользу первоначальнаго хожденія человѣка на четырехъ ногахъ. Заключительныя слова рецензіи гласятъ: „Изъ этого видно, что первая забота природы заключалась въ томъ, чтобы человѣкъ, какъ животное, сохранился самъ по себѣ и для своего вида; для этого служило то положеніе, которое наиболѣе соответствовало его внутреннему строенію, расположенію плода и противодѣйствию опасностямъ—т. е. положеніе горизонтальное; ясно также, что въ него заложено зерно разума, которое, если оно разовьется, предназначаетъ его для жизни въ обществѣ; благодаря ему же, онъ навсегда принимаетъ наиболѣе для этого подходящее положеніе, именно вертикальное; вслѣдствіе этого онъ, съ одной стороны, выигрываетъ безконечно много по сравненію съ животными, но зато долженъ, съ другой стороны, примириться съ неприятностями, вытекающими для него изъ того, что онъ такъ гордо поднялъ голову надъ своими прежними товарищами“. Не такъ опредѣленно высказывается онъ по поводу хожденія на четырехъ ногахъ въ томъ мѣстѣ своей антропологии (II, E, „Vom Charakter der Gattung“, Hart. VII, стр. 647), гдѣ онъ обсуждаетъ перешедшую отъ животнаго состоянія „техническую одаренность“ человѣка и въ заключеніи ставитъ вопросъ: „есть ли онъ по природѣ животное общественное, или одиночно живущее, избѣгающее сосѣдства?—последнее наиболѣе вѣроятно“.

2) Гётте, въ мелкихъ статьяхъ „Zur Naturwissenschaft im Allgemeinen“; „Principes de philosophie zoologique“ par Geoffroy de St. Hilaire, въ концѣ перваго отдѣла.

3) Vogt: Vorlesungen über den Menschen, 1863, II, стр. 269 (р. пер. А. Кашина, подъ заглав.: „Человѣкъ, мѣсто его въ мірозданіи и въ исторіи земли. Лекціи Карла Фохта“, 1865, стр. 398—399).

4) Vierteljahrs-Revue der Fortschr. der Naturw. hg. von d. Red. der Gaa (Dr. H. Klein), I т. 1873, стр. 77 и слѣд.: „Хотя найденныя Деноаи (Desnoyers) въ третичномъ песчаникѣ долины Соми кости *Elephas meridionalis* съ ясными зазубринами имѣютъ только сомнительное значеніе, такъ какъ Ляйэлль убѣдительно образомъ доказалъ, что подобныя же зазубрины производятся также нѣкоторыми грызунами въ отложеніяхъ этой мѣстности,—тѣмъ не менѣе невозможно отнести къ позднѣйшему времени зазубрины, указанныя Делонаэ (De launay) на двухъ ребрахъ *Halitherium*'а, вымершаго вида морской коровы новѣйшей третичной формациі: онѣ несомнѣнно произошли еще тогда, когда кости не были въ окаменѣломъ состояніи. Буржуа нашелъ возлѣ Pont Leroу въ мергелевомъ известнякѣ Босы пласты, содержащій кремневые обломки, несомнѣнно обработанные человѣческой рукой (цитир. въ *Mort. Matériaux* II ser. V, стр. 297). Извѣстно, какъ затруднительно въ такихъ случаяхъ опредѣлить, имѣемъ ли мы дѣло съ естественнымъ, или съ искусственнымъ произведеніемъ, но въ этомъ случаѣ Ларте (Lartet), Моргилье (Mortillet), Ворсаэ (Worsae) и другіе опытные изслѣдователи сходятся въ мнѣніи, что кремни въ Thenay возлѣ Pont-Leroу обработаны людьми и принадлежать сполноному пласту средне-третичнаго періода“. —Срвн. тамъ же, на стр. 81 о замѣчательной находкѣ Тарди (Tardу), „открывшаго возлѣ Орильява между ископаемыми остатками диногеріума грубо выстѣченный изъ камня ножъ, относящійся, надо думать, къ миоценовому періоду“.

5) Vierteljahrs-Revue I, стр. 99 и слѣд.

6) Vierteljahrs-Revue I, стр. 102 и слѣд.

7) Срвн. Лѣббокъ: Историческія времена или первобытная эпоха человѣчества, представленная на основаніи изученія остатковъ древности и нравовъ и обычаевъ современныхъ дикрѣй; р. пер. подъ ред. Д. Н. Анучина, 1876, стр. 328 и слѣд. (нѣмец. перев. Раззю подъ загл.: *Die vorgeschichtliche Zeit, erläutert durch die Ueberreste des Alterthums und die Sitte und Gebräuche der jetzigen Wilden*, съ предисл. Вирхова, 1874, II, стр. 110 и слѣд) о теоріи Адемара, по которой сѣверное и южное полушарія, хотя и получаютъ отъ солнца одинаковое количество тепла, но сохраняютъ его не въ одинаковой мѣрѣ, вслѣдствіе большаго числа ночныхъ часовъ (связанныхъ съ лучеспусканіемъ) въ южномъ полушаріи. Если признать эту разницу, то изъ нея вытекаеть и перемѣна состоянія обоихъ полушарій въ извѣстномъ періодѣ приблизительно въ 21.000 лѣтъ. О климатическихъ вліяніяхъ измѣненій экацентрицитета земной орбиты см. тамъ же стр. 330—331 (нѣм. перев. стр. 116) таблицу предшествующаго милліона лѣтъ; здѣсь особенно выступаютъ два періода наибольшаго холода, изъ которыхъ одинъ излюбленный Ляйэлемъ!) быть за 800 000, другой приблизительно только за 400.000 лѣтъ до нашего времени.

8) Дарвинъ: Происхожденіе человѣка и половой подборъ, р. пер. И. Сѣченова, II т. собр. соч. Дарвина въ изд. О. Н. Поповой 1896, гл. VI, стр. 110—111 (нѣм. пер. 1871, I, стр. 175).

9) Совершенно подобное же орудіе найдено проф. Фразомъ въ Голенфельсѣ: „У нижней челюсти (медвѣдя) отбиты *Condylus* и *Processus coronoideus*, чтобы удобнее было ее держать; такимъ образомъ получилось орудіе, которое благодаря острому влыку на концѣ замѣняло топоръ мясника. Находка единственной такимъ образомъ обломанной нижней челюсти не могла бы имѣть никакого значенія, но такъ какъ найдено было значительное число совершенно одинаково обдѣланныхъ челюстей, то признава была намѣренная обработка такой формы“. „По тщательнѣйшемъ изслѣдованіи всѣхъ замѣтныхъ на медвѣжьихъ костяхъ слѣдовъ удара—я

вполнѣ убѣдился въ существованіи у этого племени обычая выбивать изъ мяса дичи кости при помощи очищенной нижней челюсти“. „Я пробовалъ бить по свѣжимъ костямъ старую тысячелѣтнюю медвѣжьей челюстью и дѣлалъ, напримѣръ, при этомъ на свѣжихъ твердыхъ костяхъ оленя очень легко совершенно такія же дырки, какія мы наблюдаемъ на медвѣжьихъ костяхъ“. Archiv f. Antrop. V, 2, стр. 184, цит. въ Vierteljahrs-Revue I, стр. 104 и слѣд.

10) Извѣстенъ ли былъ огонь во всѣхъ племенахъ, слѣды которыхъ мы находимъ въ глубокой древности, остается, разумѣется, подъ сомнѣніемъ, такъ какъ и въ новѣйшее время найдены были племена, не знавшія огня (Лѣббокъ: Доистор. времена, р. пер. подъ ред. Д. Н. Анучина 1876, стр. 445 и слѣд.; нѣмец. пер. П, стр. 256 и сл.). Что касается Европы, то тутъ слѣды огня находятся не только въ древнѣйшихъ свайныхъ постройкахъ и въ кучахъ раковинъ въ Даніи, извѣстныхъ подъ названіемъ „духонныхъ отбросовъ“, но также и въ отдѣльныхъ пещерахъ, такъ, напримѣръ, въ пещерѣ Ориньяка (срвн. Ляйяль: Геологическія доказательства древности человѣка, р. пер., 1864, стр. 171, нѣм. перев., Büchner'a 1864, стр. 132), гдѣ вмѣстѣ съ углями и золой найдены были покраснѣвшіе отъ дѣйствія огня песчаники, составлявшіе очевидно очагъ. Около Pasly, въ дилувіальномъ пластѣ очень древняго происхожденія, Колландъ вмѣстѣ съ остатками угля и золы нашелъ въ большомъ количествѣ кости мамонта, пещернаго медвѣдя, исполинскаго оленя и др. (Vierteljahrs-Revue I, стр. 94; срвн. тамъ же стр. 99 и слѣд. объ обломкахъ угля въ пещерѣ Кро-Маньона).

11) Кантъ въ своей антропологіи (II, Е. „Der Charakter der Gattung VII, стр. 652 и слѣд.) замѣчаетъ, что кромѣ человѣка въ его настоящемъ состояніи ни одно животное не имѣетъ обыкновенія кричать при своемъ вступленіи въ жизнь. Онъ полагаетъ, что этотъ предательскій, привлекающій враговъ, крикъ отсутствовалъ, вѣроятно, первоначально и у человѣка; онъ явился въ періодъ домашней жизни, хотя намъ и неизвѣстно, посредствомъ какихъ причинъ природа установила такое развитіе. „Этотъ отмѣченный нами фактъ“, прибавляетъ Кантъ, „заводитъ насъ далеко; онъ, напримѣръ, наводитъ насъ на мысль, не слѣдовало ли, при великихъ естественныхъ переворотахъ, за этою второю эпохой еще и третья, втеченіе которой орангъ-утангъ или шимпанзе выработали органы, служащія для ходьбы, для ощупыванія предметовъ и для рѣчи, до степени человѣческаго строенія, тогда какъ внутренняя сторона ихъ представляла органъ для употребленія разума и развила въ постепенно, благодаря общественной культурѣ“.

12) Ляйяль: Геолог. доказат. древности человѣка, р. пер. стр. 171 и стр. 173 и слѣд. (нѣм. пер., стр. 132 и стр. 142 и слѣд.)

13) Лѣббокъ: Доист. времена, р. пер. подъ ред. Д. Н. Анучина, 1876, стр. 271 и слѣд. (нѣм. пер. П, стр. 47 и слѣд.); Vierteljahrs-Revue I, стр. 101 и слѣд.

14) Можно было бы задаться вопросомъ, для чего могъ служить при такомъ низкомъ уровнѣ культуры вполнѣ развитой человѣческой мозгъ, или для чего онъ служить въ настоящее время австралійцу и обитателю огненной земли? Исходя изъ этой мысли, Уоллесъ предполагаетъ возможнымъ существованіе особыхъ, въ отличіе отъ всего животнаго царства, условій для развитія человѣка. Онъ прямо утверждаетъ, что большой мозгъ дикаря далеко превышаетъ дѣйствительныя потребности его состоянія; но въ такомъ случаѣ становится совершенно непонятнымъ, какимъ образомъ могъ развиться такой мозгъ путемъ борьбы за существованіе и естественнаго подбора (Уоллесъ: Естественный подборъ, р. пер. подъ ред. Н. И. Вагнера, 1880, гл. X, стр. 360 и слѣд.; пер. подъ ред. К. Э. Линдемана 1876, гл. IX, стр. 340

и слѣд., статья „Границы естественнаго подбора въ его примѣненіи къ человѣку“; нѣмец. перев. Меуер’а, 1870, стр. 380 и слѣд.). Въ этомъ случаѣ Уоллесъ, съ одной стороны, ставитъ дикаря слишкомъ низко по отношенію къ животнымъ, а съ другой — исходитъ изъ невѣрнаго представленія о природѣ мозга. Большой мозгъ отнюдь не служитъ, какъ могли думать прежде, исключительно высшимъ духовнымъ функціямъ, — онъ представляетъ изъ себя аппаратъ для координаціи самыхъ разнообразныхъ движеній. Какая масса координирующихъ центровъ и соединительныхъ путей требуется только для рѣчи и для ассоціаціи ея звуковъ съ разнообразнѣйшими ощущеніями! И разъ этотъ сложный аппаратъ уже существуетъ, то между высшими мыслительными функціями какого нибудь философа или поэта и мышленіемъ дикаря разница можетъ заключаться только въ очень тонкихъ различіяхъ; нѣкоторыя изъ нихъ никогда не удастся прослѣдить въ мозгу, такъ какъ они по характеру своему болѣе функціональны, нежели субстанціональны (сравн. объ этомъ гл. „Мозгъ и душа“). Иначе, какъ могли бы мы объяснить одинаковость, въ самыхъ общихъ чертахъ, строенія мозга у бѣднаго и необразованнаго поселяннина и у его талантливаго, научно-образованнаго сына, не говоря уже о дикарѣ и первобытномъ человѣкѣ? И вообще очень сомнительно, чтобы большая масса нынѣшняго человѣчества такъ значительно превосходила дикарей въ смыслѣ сложности своихъ умственныхъ функцій. Тѣ, которые ничего не изобрѣтаютъ, ничего не улучшаютъ и, ограничиваясь подражательною дѣятельностью въ предѣлахъ своей профессіи, несутся въ общемъ потокѣ, знакомы съ очень незначительнымъ уголкомъ многообразной жизни современнаго культурнаго міра. Ловомотивъ и телеграфъ, предсказаніе въ календарѣ солнечнаго затмѣнія и существованіе обширныхъ бібліотекъ, заключающихъ сотни тысячъ томовъ—все это для нихъ разъ навсегда данныя вещи, которыя не наводятъ ихъ на размышленіе. И дѣйствительно ли при существованіи строжайшаго раздѣленія труда, простирающагося и на болѣе высокія соціальныя положенія, функціи такого пассивнаго члена современнаго общества значительно выше функцій туземцевъ Австраліи,— это подлежитъ большому сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что послѣдніе, какъ у Уоллеса, такъ и вообще въ Европѣ, встрѣчаютъ слишкомъ низкую оцѣнку. „Australische deutsche Zeitung“ въ Тамундѣ, въ своемъ отзывѣ о новѣйшей картѣ юговосточной Австраліи Петермана, высказываетъ по этому поводу слѣдующее (перепечат. въ „Köln. Zeit.“): „Необыкновенно благопріятный климатъ Австраліи избавляетъ это счастливѣйшее, можетъ быть, изъ всѣхъ дикихъ человѣческихъ племенъ отъ заботы о постройкѣ укрывающихъ и защищающихъ жилищъ, а географическія очертанія и большое разнообразіе и смѣна характера мѣстности не даютъ ему устраиваться осѣдло—природа страны принуждаетъ его къ постоянной кочевой жизни. Онъ вездѣ дома, вездѣ для него накрытъ столъ, для наполненія котораго, однако же, требуется съ его стороны напряженнѣйшій трудъ и величайшая хитрость. Онъ знаетъ, самымъ точнымъ образомъ, когда въ данной мѣстности поспѣваетъ та или другая ягода, тотъ или другой плодъ или корень, когда владетъ свои яйца утка или чернаха, когда прилетаетъ та или другая перелетная птица, когда и гдѣ можно полакомиться такою-то личинкой, куколкой и т. п., когда опосумъ бываетъ наиболѣе жиренъ, когда та или другая рыба проходитъ тутъ или тамъ, куда кенгуру и эму ходятъ на водопой и т. д. И этотъ родъ жизни, который онъ вынужденъ вести, нравится ему, становится его второю натурою, и дѣлаетъ его въ извѣстномъ смыслѣ интеллигентнѣе всякаго другаго дикаря. Въ школахъ при хорошемъ преподаваніи дѣти этихъ дикарей не отстаютъ отъ дѣтей европейцевъ, а въ нѣкоторыхъ предметахъ даже превосходятъ ихъ. Совершенно

справедливо представлять себѣ австралійскихъ чернокожихъ какъ одну изъ низшихъ расъ. Въ извѣстномъ смыслѣ нѣтъ народа болѣе ловкаго, чѣмъ они“.

15) Удачное сопоставленіе относящихся сюда фактовъ можно найти у Бара (Вагер: *er vorgeschichtliche Mensch*, стр. 133 и слѣд.) сравн. также „*Naturforscher*“ 1874 г. № 17 о раскопкахъ въ Таингенѣ (на линіи Шаффгаузенъ-Констанцъ), гдѣ между прочимъ найдено на оленьемъ рогѣ изображеніе оленя, которое „по тоности и характеру очертаній и по деталямъ исполненія“ значительно превосходитъ всѣ до сихъ поръ извѣстные рисунки, найденные въ южнофранцузскихъ пещерахъ. Вторъ сообщенія (А. Геймъ въ „*Mittheil. der antiquar. Gesellsch. in Zurich*“, . XVIII, стр. 125) указываетъ на то, что эти изображенія звѣрей попадаются всегда вмѣстѣ съ нешлифованными орудіями изъ кремня; онъ полагаетъ, что онѣ значительно старше древнѣйшихъ свайныхъ построекъ въ Швейцаріи, въ которыхъ не найдено ничего подобнаго. Такимъ образомъ выходитъ, что болѣе древнее племя, стоящее на гораздо высшей ступени культуры, достигло извѣстной удюжественной техники, которая затѣмъ исчезла.

16) Дарвинъ: Происхожденіе челоѣка р. пер. И. Сѣченова, собр. соч. Дарвина въ изд. О. Н. Поповой 1896, т. II, гл. III, стр. 59 (нѣм. пер. *Carus'a*, I. стр. 47).

17) Мы не можемъ остановиться здѣсь болѣе подробно на много обсуждавшемся въ послѣднее время вопросѣ о происхожденіи языка -- это завело бы насъ лишкомъ далеко. Замѣтимъ только, что попытка отыскать въ какомъ либо факторѣ языка, напримѣръ, въ образованіи имѣющихъ опредѣленный смыслъ корней, «а б о ю т н о е» различіе между челоѣкомъ и животными, неизбежно должно привести къ такой же окончательной неудачѣ, какъ и всякое другое доказательство такихъ нимо абсолютныхъ различій. Всѣ отдѣльные факторы челоѣческаго существованія культуры—общаго характера; но поскольку однако каждая опредѣленно выраженная своеобразная особенность заключаетъ въ существѣ своемъ нѣчто абсолютное—можно сказать, что абсолютное различіе между челоѣкомъ и животными заключается въ своеобразномъ способѣ совмѣстнаго дѣйствія всѣхъ относительныхъ различій для воспроизведенія особенной формы. Такое же абсолютное своеобразіе формы существуетъ въ этомъ смыслѣ, конечно, и у животныхъ и отнюдь не заключаетъ въ себѣ чего-то неизмѣннаго; но у челоѣка оно все же получаетъ болѣе высокое значеніе—не съ естественно-исторической, а съ этикетической точки зрѣнія—и можетъ служить совершенно достаточнымъ основаніемъ для различія, напримѣръ, духовнаго элемента отъ „животнаго“.

18) Впослѣдствіи, именно этимъ случаемъ удачнаго скрещиванія видовъ хотѣли воспользоваться какъ свидѣтельствомъ въ пользу неизмѣнчивости ихъ: утверждали, что „ $\frac{3}{8}$  зайца“ Ру при дальнѣйшемъ скрещиваніи возвращаются къ чистому магеринскому типу кролика. (Срвн. „*Revue des deux mondes*“ 1869, 15 Mars, 2 livre, стр. 413 и слѣд.). Но этимъ прежде всего нисколько не опровергается постоянство скрещиваемой расы; такъ же мало можно утверждать, что новые „кролики“ не отличаются какими либо существенными и постоянными чертами отъ первоначальнаго материнскаго типа, ибо въ такомъ случаѣ разведеніе ихъ не имѣло бы цѣли. Относительно главнаго вопроса въ настоящее время, когда эти животныя, также какъ и вообще племянный скотъ, составляютъ предметъ значительной торговли, не зачѣмъ и говорить. Что же касается приближенія промежуточной формы къ одному изъ типовъ испытанныхъ и уврѣжденныхъ втеченіе тысячелѣтій, то оно вполне согласуется со взглядами, развитыми выше, на стр. 162 и слѣд.

19) „Происхожденіе отъ обезьянъ“ получаетъ свой ненавистный характеръ, играю-

шій роль при популярной борьбѣ противъ дарвинизма, разумѣется, только вслѣдствіе сравненія съ нынѣ живущими видами обезьянъ, на основаніи которыхъ собственно и составляется обычное представленіе объ обезьянѣ. Поэтому не имѣетъ ни какого значенія, опредѣляется ли эта исчезнувшая основная форма уже и въ зоологическомъ смыслѣ какъ обезьяна, или нѣтъ, — такъ какъ она во всякомъ случаѣ обладала свойствами, значительно отличающими ее отъ современныхъ обезьянъ. Оскаръ Шмидтъ (Oscar Schmidt: Descendenzlehre und Darwinismus, стр. 272 и слѣд.) замѣчаетъ по этому поводу: „Развитіе человѣкоподобныхъ обезьянъ уклонилось въ сторону отъ ближайшихъ человѣческихъ предковъ, и человѣкъ такъ же мало можетъ превратиться въ гориллу, какъ бѣлка въ крысу“... „Костяной черепъ этихъ обезьянъ достигнулъ крайняго предѣла, подобно черепу домашнихъ животныхъ. Но этотъ предѣлъ наступаетъ только мало по малу по мѣрѣ роста; у теленка черепъ еще очень незначителенъ и сохраняетъ форму, свойственную его антилопообразнымъ предкамъ“... „Въ то время какъ въ раннюю пору развитія черепъ антропоморфныхъ обезьянъ съ полною ясностью обнаруживаетъ происхожденіе ихъ отъ предковъ, обладавшихъ черепомъ болѣе совершеннымъ со стороны формы и способнымъ къ развитію, и зубами, очень близкими къ человѣческимъ, — преобразование этихъ частей заодно съ мозгомъ, вслѣдствіе оставшагося неизмѣннымъ малаго объема этого послѣдняго, приняло у нихъ, такъ сказать, роковое направленіе; въ человѣческой же вѣтви подборъ дѣйствовалъ въ направленіи болѣе строгаго сохраненія этихъ качествъ черепа“. Срвн. также лекцію того же автора: Die Anwendung der Descendenzlehre auf den Menschen, 1873, стр. 16—18. — Наскел: Naturliche Schöpfungsgesch., 4 изд., стр. 577.

20) См. т. I, стр. 210 и 311, прим. 72.

21) Müller: Handbuch der Physiol. des Menschen, I. т., 3 изд. (1837), стр. 855.

22) Die Phrenologie, von Dr. M. Castel, 1845, стр. 27 и слѣд.

23) Срвн. Longe: Anat. и Physiol. des Nervensystems, вѣм. перев. Dr. Hein'a I, 1847, стр. 617 и слѣд.; стр. 620.

24) Longe, въ переводѣ Hein'a, I т. стр. 552 и слѣд.

25) Срвн. Piderit: Gehirn und Geist. Entwurf einer Physiol. Psychologie 1863 (Пидеритъ: Мозгъ и его дѣятельность, р. пер. Н. П. Хмыловскаго, 1866). Правда здѣсь мысль о сведеніи душевной дѣятельности къ рефлекторной еще соединяется съ невыдерживающимъ критики различіемъ „органа представленія“ отъ „органоволи“. — Вундтъ, который не только начерталъ планъ „физиологической психологіи“ но и хорошо его исполнилъ, совершенно ясно доказалъ полнѣйшую аналогію между „сложными мозговыми рефлексами“ и рефлексами спиннаго мозга (Вундтъ: Физиологическая психологія, р. пер. В. Кандинскаго 1880, стр. 964—965). — Срвн. также Ногвицъ: Psychol. Analysen, 1872, стр. 202.

26) Срвн. Pflüger: Die sensorischen Funktionen des Rückenmarks der Wirbelthiere, 1853; о противоположномъ опытѣ—Goltz: Die Functionen der Nervencentren des Frosches, въ „Königsberger med. Jahrb.“ II (1860). Подробное описаніе второго опыта см. Wundt: Vorles. über die Menschen- und Thierseele, 1863, II, стр. 427 и слѣд. (Вундтъ: „О душѣ человѣка и животныхъ“, пер. Е. Кемница, 1865—1868, т. II, стр. 533 и слѣд.; пер П. Розенбаха, 1894, стр. 126). — Срвн. также Wundt: Physiol. Psychologie стр. 824—827 (Вундтъ: Физиологическая психологія, пер. В. Кандинскаго, стр. 961—964).

27) Несмотря на то, мы отнюдь не склонны рассматривать самый рефлексъ, какъ вѣчто объективно соответствующее (субъективному) ощущенію; это можно бы скорѣе принять за сопротивленіе, которое рефлексу приходится преодолѣвать въ центральномъ органѣ, такъ что нужно предполагать тамъ меньше

ощущенія, чѣмъ свободнѣе протекаетъ рефлексъ. При задержкѣ рефлекса со стороны управляющаго имъ центра приходится принять, что центръ также становится мѣстомъ возникновенія ощущенія; у взрослой особи съ развитымъ мозгомъ ясное и опредѣленное ощущеніе получается, можетъ быть, вообще только въ мозгу, тогда какъ процессы подчиненныхъ центровъ участвуютъ только въ общемъ ея настроеніи. Къ этому примыкаетъ въ высшей степени трудный вопросъ о сознаніи, ибо невозможно, разумѣясь, обозначить какую либо опредѣленную степень физической возбудимости въ какой нибудь части центральныхъ органовъ, которая была бы сама по себѣ и необходимо связана съ сознаніемъ. Скорѣе можно сказать, что вступленіе какого либо возбужденія въ сознаніе зависитъ всегда отъ отношенія между силою всѣхъ одновременно существующихъ возбужденій эмоціональной сферы. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же физическій процессъ съ тѣмъ же самымъ рефлексорнымъ результатомъ могъ бы происходить то сознательно, то безсознательно. Это имѣетъ значеніе и для ученія о „скрытыхъ“ или „безсознательныхъ“ представленіяхъ, такъ мало до сихъ поръ разъясненныхъ. Тутъ, разумѣется, дѣло не въ „безсознательномъ сознаніи“, а просто въ безсознательной игрѣ того самаго механизма, который при другомъ характерѣ общаго состоянія связанъ съ субъективнымъ дѣйствіемъ какого нибудь опредѣленнаго представленія. Существованіе въ этомъ смыслѣ скрытыхъ представленій составляетъ азбуку всякой эмпирической психологіи. При болѣе внимательномъ наблюденіи становится очевиднымъ, что изъ этой игры того самаго механизма, который при другомъ общемъ состояніи мозга связанъ съ представленіемъ, вытекаютъ не только цѣлесообразныя и въ то же время безсознагельныя дѣйствія, но также процессы ассоціаціи самаго разнообразнаго рода.

Что касается этого явнаго вліянія общаго состоянія органически связаннаго дѣлага, томы согласны съ Вундтомъ въ томъ, что для вопроса о сознаніи совѣмъ не безразлично, соединенъ ли еще какой нибудь центръ спинного мозга съ головнымъ, или отдѣленъ отъ него (срвн. „Physiol. Psych.“, стр. 714 и слѣд.; р. пер. В. Кандинскаго стр. 738 и слѣд.). Мы согласились бы съ нимъ и въ томъ, что въ спинномъ мозгу животнаго, у котораго въ силу его организаціи нѣтъ большого мозга, нужно признать болѣе ясное сознаніе, нежели въ отдѣленномъ спинномъ мозгу животнаго съ болѣе высокою организаціей. Далѣе несомнѣнно также, что принятіе сознанія въ изолированныхъ центрахъ второго и третьяго ряда не вноситъ въ объясненіе движеній (Вундтъ, 1. с. стр. 829; р. пер. стр. 964). Но мы не можемъ согласиться съ Вундтомъ въ томъ, что отсутствіе всякаго воспоминанія и потому всякаго вытекающаго отсюда самопроизвольнаго движенія (см. нѣм. изд. стр. 825 и слѣд.; р. пер. стр. 960 и слѣд.) у обезглавленной лягушки служитъ аргументомъ противъ дѣйствительности существованія сознанія. Несомнѣнно, всякое сознаніе повидимому должно обладать синтезомъ, —что принимаетъ и Вундтъ,—но нѣтъ необходимости, чтобы этотъ синтезъ захватывалъ продолжительный періодъ времени и приводилъ къ единству различныхъ ощущеній. Уже въ простомъ соединеніи вновь возникающаго состоянія съ предшествующимъ заключается синтезъ, дѣлающій сознаніе логически понятнымъ. Ощущеніе должно относиться къ перемѣнѣ—этого достаточно. Впрочемъ, повторяемъ здѣсь еще разъ: движенія ни въ коемъ случаѣ не должны выводиться изъ частичнаго сознанія, предполагаемаго только въ видѣ гипотезы, а наоборотъ—необходимо, исходя изъ своеобразнаго соединенія болѣе простаго и болѣе понятнаго механизма съ частичнымъ сознаніемъ, объяснить, какъ цѣлое неизмѣримо болѣе сложнымъ способомъ можетъ слѣдовать строго фізіологической механикѣ и въ то же время быть субстратомъ разно-



образнаго комплекса представлений. Машину нужно объяснять, исходя из отдѣльных колесъ, а не придавать отдѣльному колесу рядомъ съ другими его качествами еще и мистическую силу, свойственную ему какъ части машины.

28) Müller: Handbuch der Physiologie I, 3 изд., стр. 845.

29) Сравни. Huschke: Schädel, Hirn und Seele, 1854, стр. 177 и слѣд.

30) Сравни. главнымъ образомъ Me y n e r t: Vom Gehirne der Säugethiere, въ сочиненіи Stricker'a: Handbuch der Lehre von den Geweben, 1871, стр. 894 и слѣд.

31) Сравни. Hermann: Grundriss der Physiol., 4 изд. стр. 316 и слѣд. (Германя: Основы физиологіи человѣка, р. пер. подъ ред. И. Сѣченова. 1875, стр. 291 и слѣд.). Wundt: Physiol. Psych., стр. 104 и многія другія мѣста („Физиол. псих.“ р. пер. Кандинскаго, стр. 396 и др.).

32) Тутъ является на помощь тотъ важный принципъ, что слабое возбужденіе, заключающееся въ какомъ нибудь нервѣ, повышаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ восприимчивость этого нерва ко всякому новому раздраженію. Сравни. Негшанн: Grundr. d. Physiol. 4 изд., стр. 323 (р. пер. п. ред. И. Сѣченова, стр. 297 и слѣд.). Это обстоятельство бросаетъ яркій свѣтъ на ассоціацію представлений.

33) Nothnagel въ „Virchow's Archiv für pathol. Anat. u. Physiol.“ т. 57, стр. 196 и слѣд.

34) Nothnagel, l. c. стр. 201 и 205.

35) Hitzig: Untersuchungen über das Gehirn, 1874, стр. 31 и 56.

36) Феррье сообщаетъ о своихъ изслѣдованіяхъ въ „West Riding Lunatic Asylum Reports“ за 1873 г.; краткій рефератъ напечатанъ въ „Academy“, Ноябрь 1, 1873. Сравни. кромѣ того рефератъ и критику у Гитцига (Hitzig: Unters. über d. Gehirn, стр. 63, 113).

37) Hitzig: Unters. etc, стр. 52; сравни. F e c h n e r: Elemente d. Psychophysik, I. стр. 7.

38) Wundt: Grundzüge d. Physiol. Psych., 1873, стр. 226 и 228 (р. пер. Кандинскаго, стр. 266 и 269).

39) Я выпустилъ бы, вѣроятно, въ этомъ 2 изд. слѣдующій далѣе примѣръ, если бы чрезвычайно характерное недоразумѣніе не показало мнѣ, что подобная наглядность не только нужна для многихъ читателей, но должна бы еще по возможности сопровождаться комментариемъ, притѣмъ даже для такихъ круговъ, въ которыхъ можно было бы предполагать больше пониманія. Такъ, напримѣръ, проф. Р. Зейдель въ своей лекціи, озаглавленной: „Опроверженіе матеріализма и механическаго мировоззрѣнія“ (R. Seydel: Widerlegung des Materialismus und der mechanischen Weltanschauung, 1873), подвергая нашъ примѣръ подробному разбору, съ удивительною наивностью трактуетъ основной пунктъ, ради котораго только и приводится этотъ примѣръ, какъ случайную и очевидную „ошибку“ (!). Онъ говоритъ (стр. 17):

„Тутъ Ланге въ одномъ пунктѣ очевидно допустилъ ошибку, которую мы не можемъ поставить на счетъ матеріалистическаго воззрѣнія какъ таковаго. Вѣдь само собою разумѣется, что депеша, какъ физическій объектъ, т. е. бумага, карандашъ и свѣтотвыя волны, не можетъ быть помѣщена въ этотъ причинный рядъ! Причиной, побудившей вулца вскочить, могло быть только содержаніе извѣстія, т. е. не то, чѣмъ депеша была, а то, что она значила. Какъ это ни ясно“ и т. д.,

Не могу не выразить при этомъ случаѣ пожеланія, чтобы наконецъ и среди „философовъ“ вошло въ обычай хорошенько поучиться, прежде чѣмъ пускаться въ разсужденія. Тотъ, кто имѣетъ хотя бы самое поверхностное представленіе о не-

прерывности физического причинного ряда, не говоря уже о законѣ сохранения энергіи, долженъ понимать, что въ этомъ примѣрѣ „бумага, карандашъ и свѣтотыя волны“ принадлежатъ именно къ этому ряду, и кто внимательно прослѣдитъ ходъ моей аргументаціи, тотъ долженъ, кажется, уразумѣть, что я привожу этотъ примѣръ именно ради этой парадоксальной видимости. Я хотѣлъ такимъ образомъ заставить мыслящаго читателя уяснить себѣ механическое воззрѣніе со всѣми вытекающими изъ него выводами, и это средство должно оказать свое дѣйствіе на всѣхъ тѣхъ, которые настолько свѣдущи въ физикѣ, чтобы понимать, что по крайней мѣрѣ „содержаніе“ и „значеніе“ не суть силы, переходящія на меня изъ депеши,—они и во мнѣ только возникаютъ. Въ меня вступаютъ извнѣ лишь эти свѣтотыя волны, и весь вопросъ только въ томъ, хотимъ ли мы принять всѣ выводы механическаго воззрѣнія или нѣтъ. Нужно уяснить себѣ, отвѣчаемъ ли мы утвердительно или отрицательно на тотъ вопросъ, который Германъ (Hermann: *Physiol.*, 4 изд. стр. 459) формулировалъ съ образцовой ясностью: „одно и то же сцѣпленіе центростремительныхъ впечатлѣній въ томъ же организмѣ можетъ и не имѣть всегда роковымъ образомъ одинъ и тотъ же эффектъ—вызвать, напримѣръ, то же самое видимому произвольное движеніе“ (р. пер. п. ред. Сѣченова, стр. 429). Нужно знать, принимаемъ ли мы вмѣстѣ съ Гельмгольцемъ (Helmholz: *Populare Vortr.* 2 изд. стр. 200; р. пер. подъ ред. Хвольсона, вып. I, стр. 70) законъ сохранения силы также и для живыхъ существъ, или нѣтъ.

Правда, немало и такихъ добродушныхъ „матеріалистовъ“, которые, не уяснивъ себѣ хорошенько этой необходимости, очень склонны, когда передъ ними ставится подобный примѣръ, прибѣгнуть къ пустымъ фразамъ о „содержаніи“, о „значеніи“,—но это все люди, ничему толкомъ не учившіеся. Впрочемъ, и между основательными ислѣдователями и глубокими умами встрѣчаются люди, отступающіе передъ этимъ крайнимъ выводомъ,—люди, не рѣшающіеся признать значеніе закона сохранения силы также и по отношенію къ человѣку. Въ виду этого популярное „опроверженіе матеріализма“ могло бы очень хорошо, опираясь на нашъ примѣръ, сказать: „Если механическое мировоззрѣніе правильно, то весь послѣдующій эффектъ въ этомъ примѣрѣ могъ быть вызванъ только проникающими въ глазъ свѣтотыя волнами вмѣстѣ съ имѣющимися уже въ мозгу потенциальными силами; но такъ какъ это совершенно невѣроятно, то“ и т. д.—На дѣлѣ же это невѣроятіе вовсе не такъ велико если только имѣть въ виду элементарныя основы физиологической психологіи. Вѣдь мы имѣемъ тутъ дѣло не со „свѣтотыя волнами“ вообще, а съ опредѣленными формами и соединеніями буквъ, и при чтеніи эти впечатлѣнія дѣйствуютъ на центръ органа рѣчи частью черезъ зрительный нервъ, частью черезъ двигательный центръ глазныхъ мышцъ при посредствѣ нитей ассоціативной системы. Здѣсь-то выступаютъ „многозначительныя“ слова. Что же это значитъ на языкѣ физиологіи? Только то, что при этомъ возбуждается группа клѣточекъ и нервовъ, соединенная чрезвычайно многими и сильными проводящими путями съ другими областями [мозговой коры. Весьма энергичный процессъ „ассоціаціи“ представленій распространяется по разнымъ направленіямъ и приводитъ весь мозгъ въ состояніе сильнаго возбужденія, тогда какъ „незначительныя“ слова, т. е. такія, которыя имѣютъ мало старыхъ и сильно проводящихъ путей въ другія области мозга или вовсе ихъ не имѣютъ, не въ состояніи были бы этого сдѣлать. Эффектъ вскакиванія и т. д. объясняется при этомъ на основаніи извѣстнаго „телеологическаго“ механизма, который играетъ роль и въ случаѣ съ обезглавленною лягушкою.

Мы даемъ здѣсь, разумѣется, не „объясненіе“ физическаго явленія, а лишь намекъ на возможность объясненія для тѣхъ изъ вашихъ читателей, которыя<sup>е</sup>

вмѣстѣ съ Зейделемъ могло бы показаться „само собою разумѣющимся“, что дѣло обстоитъ совершенно иначе. Истинная основа принципа сохраненія энергій есть, согласно нашему послѣдовательно проводимому воззрѣнью, его аксиоматическая природа какъ связующаго принципа міра явленій. „Опроверженіе же матеріализма“ слѣдуетъ брать частью изъ болѣе глубокихъ гносеологическихъ источниковъ, а частью оно, въ отношеніи именно къ нашему примѣру, содержитсяъ уже въ глѣхъ замѣчаній, которыя мы высказали выше по поводу сочиненія Дюбуа-Реймона „Границы познанія природы“; срвн. въ особенности аргументацію на стр. 91 и слѣд.

40) „Die Grundlegung der mathem. Psychologie. Ein Versuch zur Nachweisung des fundamentalen Fehlers bei Herbart u Drobisch“, 1865. Корнелиусъ въ „Zeitschr. f. ex. Phil.“ т. VI, вып. 3, сдѣлалъ попытку опроверженія, на которую, какъ мнѣ кажется, несмотря на ея самоуверенный тонъ, нѣтъ надобности отвѣчать. Хладнокровнаго сравненія доводовъ за и противъ было бы достаточно для выясненія неосновательности математической психологіи. Виттштейнъ пытался дать новое обоснованіе математической психологіи, свободное отъ ошибки, указанной мною въ обоснованіи Гербарта, но ведущее вмѣстѣ съ тѣмъ и къ совершенно другимъ результатамъ. Не трудно однако же уразумѣть, что если отказаться отъ притязанія на строго метафизическую дедукцію принципа, то съ методологической стороны не представляется пока вообще никакого повода для построения подобной теоріи.

41) Herbart: Psychologie als Wissenschaft I, стр. 44, (начало § 17) \*) „Мы недавно получили исторію психологіи Каруса,—несомнѣнно очень хорошее сочиненіе. Однако гораздо желательнѣе была бы критика психологіи въ духѣ Шлейермахеровой критики ученія о нравственности“.

42) Срвн. съ этимъ Вентапо: Psychol. vom empir. Standpunkte, 1874, I, стр. 13.

43) Ученіе о „внутреннемъ чувствѣ“ имѣетъ свои корни въ разсужденіяхъ Аристотеля (De anima III, с. 2) о воспріятіи воспріятій. Оно развито у Галена, который различаетъ три внутреннія чувства: φανταστικόν, διανοητικόν и μυημονεωτικόν. Задача ихъ заключается въ томъ, чтобы овладѣть матеріаломъ, доставляемымъ внѣшними чувствами, и сознательно его понять („sensus communis“ у схоластиковъ, соответствующій Галеновскому φανταστικόν), затѣмъ, вывести изъ него путемъ соединенія и раздѣленія другія познанія (cogitatio — διανοητικόν), сохранить ихъ и возвратить сознанію путемъ воспоминанія (memoria). Этимъ тремъ внутреннимъ чувствамъ присвоиваются особые органы въ мозгу—въ передней, средней и задней части головы. Надъ ними, какъ существенно различный по своей природѣ, стоялъ разумъ. Это ученіе сохраняло господствующее значеніе (срвн., напримѣръ, въ психологіи Меланхтона гл. „De sensibus interioribus“) вплоть до Декарта, который отказался отъ Галеновскаго основанія и установилъ совершенно другое дѣленіе, въ послѣдствіи многократно смѣшиваемое съ традиціями „внѣшняго“ и „внутренняго“ чувства. По воззрѣніямъ Декарта, чувства даютъ въ мозгу только чисто тѣлесныя изображенія вещей, воспринимаемыя душой. Этотъ поразительно наивный антропоморфизмъ, который попросту помѣщаетъ въ человѣкѣ человѣка, соединяется съ такою же наивною абстракціей: тѣлесные образы предметовъ въ мозгу протяженны; но ихъ „воспріятіе“ (perceptio) душой есть актъ „мышленія“ (cogitare) въ широкомъ смыслѣ, т. е. непротяженный актъ непротяженнаго существа. Такимъ образомъ объектъ представленія, который собственно и есть то, что наполняетъ наше сознаніе, произвольно и вопреки смыслу отдѣляется отъ акта представленія. Благодаря этому стало возмож-

\*) Русск. перев. этого сочиненія („Психологія какъ наука“, пер. А. Нечаева, съ предисловіемъ проф. Введенскаго, 1895—изд. вмѣстѣ съ „Психологіей“ Гербарта не полонъ: § 17, на который ссылается Ланге, не переведенъ. Перег.

нымъ то безусловно не-чувственное и безпространственное мышленіе, которое тянется черезъ всю новѣйшую философію (самую рѣзкую оппозицію противъ этого фантома мы находимъ у Беркляя), и преспокойно говорятъ о „представленіяхъ“ души, какъ будто вмѣстѣ съ ними мыслится и содержаніе, которое вѣдь одно существенно; но какъ только приходится защищать безпространственность души, представленіе снова понимается просто какъ актъ представленія, т. е. какъ нѣчто такое, что, отдѣленное отъ представленнаго предмета, есть чистое ничто. Лейбницъ установилъ затѣмъ различіе чувственной „перцепціи“ (у Декарта „percipere“ есть воспріятіе души) отъ „appercepціи“, которая представляетъ сознательное воспріятіе предмета душой; и различіе это въ традиціи слилось съ „внутреннимъ“ и „внѣшнимъ“ чувствомъ, хотя Лейбницъ при этомъ вовсе не считается съ ученіемъ о внутреннемъ чувствѣ. У Вольфа, Вильфингера и у другихъ выдающихся послѣдователей его также не встрѣчается прямого обсуждения этого ученія. Тѣмъ не менѣе Вольфъ въ „Рациональной психологіи“ говоритъ о внутренней и внѣшней „асупен“ чувства (§ 269), понимая подъ этимъ усиленіе чувственной способности воспріятія вслѣдствіе какой нибудь внутренней или внѣшней причины — опять, слѣдовательно, различіе совершенно другого рода. Тетенсъ (Tetens: *Philos. Versuch über die menschliche Natur*, 1777, I, стр. 45) высказываетъ сожалѣніе по поводу того, что Вольфъ не пользуется понятіемъ „внутреннее чувство“. Самъ онъ, значительно приближаясь къ Локковскому противоположенію „reflexion“ и „sensation“ называетъ „представленіями внутреннего чувства“ тѣ, которыя „мы имѣемъ о самихъ себѣ, о перемѣнахъ, внутри насъ происходящихъ, о нашихъ отправленияхъ и нашихъ способностяхъ“.

Кантъ вводитъ „внутреннее чувство“, повидимому, по той же причинѣ, по какой онъ вообще понятіямъ прежней психологіи и логики предоставилъ такое широкое и поистинѣ роковое вліяніе на свою систему: причина та, что онъ рассчитывалъ найти въ старой и въ нѣкоторомъ смыслѣ испытанной сѣти представленій гарантію полноты подлежащихъ разсмотрѣнію явленій. Что главное мѣсто занимала для него не прежняя теорія, а установленное ею дѣленіе, обнаруживается частью въ свободѣ, частью также въ осмотрительности его опредѣленій, которыя вездѣ по возможности мало связаны съ унаслѣдованными понятіями и имѣютъ въ виду только точное, ничего безъ нужды не предрѣшающее отграничиваніе матеріала. По мнѣнію Когена (Cohen: *Kants Theorie der Erfahrung*, I, стр. 146 и слѣд.), Кантъ принимаетъ внутреннее чувство для того, чтобы опровергнуть „матеріальный идеализмъ“ именно въ той области, въ которой онъ искалъ главныя свои опоры, и чтобы отнять у догмата о сущности души его существовательнѣйшую основу. Кантъ поэтому прямо заявляетъ, что либо слѣдуетъ совсѣмъ отвергнуть внутреннее чувство, либо субъектъ, составляющій его предметъ, надо, подобно предметамъ внѣшняго чувства, считать явленіемъ. Вопросъ, насколько Кантъ при этомъ (по Когену) былъ уже на пути къ совершенно здоровой психологіи, преобразившей „способности“ въ процессы,—мы оставляемъ открытымъ. Во всякомъ случаѣ ближайшій результатъ принятія этого внутреннего чувства былъ отрицательный и сбивалъ съ толку. Не мѣшаетъ здѣсь также упомянуть, что связанная съ ученіемъ о „внутреннемъ чувствѣ“ трансцендентальная дедукція въ времени далеко не представляетъ очевидности, равной дедукціи пространства,—она, напротивъ, вызываетъ сильнѣйшія сомнѣнія.

44) Мы охотно признаемъ, что наблюденіе процессовъ, обозначаемыхъ какъ „внутренніе“, въ новѣйшее время сдѣлало большіе успѣхи. и кое что полезное дали въ этой области не только физиологи, но и люди, поставившіе себѣ задачей созданіе эмпирической психологіи,—какъ, напримѣръ, Штумпфъ въ своемъ тонко

разработанномъ изслѣдованіи о плоскостномъ представленіи чувства зрѣнія (Stumpf: „Ueber den psychol. Ursprung der Raumvorstellung“ 1873, I гл.;—гораздо менѣе удачны его изслѣдованія во 2 гл. о представленіи глубины чувства зрѣнія). Однако нетрудно видѣть, что пріемъ здѣсь совершенно тотъ же, что и при внѣшнемъ наблюденіи, и что такой родъ „самонаблюденія“, если пользоваться этимъ выраженіемъ, простирается такъ же далеко, какъ и воображеніе, функціи котораго такъ близко родственны функціямъ внѣшняго воспріятія.—Брентано (Brentano: Psychol. vom empir. Standpunkte, I, 1874) совершенно согласенъ съ моею критикою „самонаблюденія“ по методѣ Фортлаге, но утверждаетъ (стр. 41), будто я, подъ вліяніемъ господствующей въ этой области пуганицы, несправедливо отвергаю внутреннее „воспріятіе“, т. е. также и „внутреннее чувство“ (срвн. предшествующее примѣч.). Невозможно, полагаетъ онъ, направить вниманіе непосредственно на психическія явленія, поэтому нельзя ихъ и „наблюдать“,—ихъ можно только „воспринимать“, и воспріятіе это можно затѣмъ при помощи памяти подвергнуть точному изслѣдованію. Объектъ внутренняго воспріятія, въ противоположность внѣшнему, составляютъ, по мнѣнію Брентано, „психическіе феномены“, которые можно отличить отъ физическихъ посредствомъ критерія „намѣреннаго несуществованія“ (intentionale Inexistenz), т. е. отношенія къ чему-либо какъ объекту (стр. 127). Вслѣдствіе этого Брентано причисляетъ къ физическимъ феноменамъ не только явленія, которыя мы узнаемъ при посредствѣ чувствъ, но также и образы фантазіи; психическимъ же онъ считаетъ представленіе какъ процессъ (стр. 103 и слѣд.). Благодаря этому Брентано, какъ и Декартъ (ср. предыдущее примѣч.), пріобрѣтаетъ, правда, твердое различіе между физическимъ и психическимъ, но съ рискомъ принять за базисъ всей своей системы нѣчто совершенно иллюзорное. На невозможность отдѣлить самый процессъ представленія отъ его содержанія мы указали уже въ примѣч. 43. Но какъ обстоитъ дѣло съ душевными движеніями? Гнѣвъ, напримѣръ, согласно Брентано, есть психическій феноменъ, потому что онъ относится къ извѣстному предмету; но что же собственно при гнѣвѣ можетъ быть воспринято и затѣмъ наблюдаемо при помощи памяти? Ничего, кромѣ однихъ чувственныхъ симптомовъ, воспріятіе которыхъ находится повсюду въ полной аналогіи съ обыкновенными внѣшними воспріятіями. Духовный элементъ гнѣва заключается въ способѣ выраженія, въ мѣрѣ, въ соединеніи и послѣдовательности этихъ симптомовъ, а не въ отдѣлимомъ явленіи, доступномъ особу воспріятію.

45) Schaller: Psychologie, 1860, стр. 17.

46) И въ этой области со времени выхода нашего перваго изд. появилось нѣсколько многообѣщающихъ попытокъ къ выясненію этого. Съ одной стороны мы имѣемъ опыты Верта надъ свѣтовыми впечатлѣніями водяной блохи, которые какъ будто доказываютъ, что у этихъ животныхъ впечатлѣніе свѣта вызывается тѣми же самыми лучами, что и у человѣка (сообщ. въ засѣданіи Парижской Академіи 2 Августа 1869), а съ другой стороны—изслѣдованія Эймера и Шёбля (Eimer und Schöbl, Archiv für mikroskop. Anat. VII, вып. 3, цитиров. въ „Naturf.“ IV, № 26) относительно органовъ осязанія въ рыльцѣ крота и во внутреннемъ ухѣ мышей, въ которомъ находится такое необыкновенное изобиліе осязательныхъ аппаратовъ, что намъ приходится представлять себѣ родъ ощущенія, также какъ и ихъ функціи специфически отличными отъ того, что мы называемъ осязаніемъ. Намъ недостаетъ еще пока точныхъ опытовъ надъ ихъ дѣятельностью, а съ другой стороны намъ недостаетъ физиологическаго и анатомическаго объясненія давно извѣстныхъ дѣйствій „чувства летучей мыши“—Fledermaussinnes (опыты Спалланцани). Совершенно иного рода ощущенія, непохожія на наши, вызы-

вають, вѣроятно, и приводимые въ движеніе звуковыми колебаніями волоски на свободной поверхности тѣла раковъ (Hensen: Studien über das Gehörorgan der Decapoden, 1863, цитир. у Гельгольца: Lehre v. den Tonempfindungen, стр. 234 и слѣд.; р. пер. М. Пѣтухова: Ученіе о слуховыхъ ощущеніяхъ, 1875, стр. 210 и слѣд.), также какъ и нервныя волоски на верхнихъ покровахъ молодыхъ рыбъ и голий амфибій (по Ф. Шульце въ „Müllers Archiv“ 1861, стр. 759).— Вундтъ (Wundt: Physiol. Psychol. стр. 242, примѣч. 1; р. пер. В. Кандинскаго, стр. 392, примѣч. 1) замѣчаетъ: „Впрочемъ, слѣдуетъ допустить, что могутъ быть организмы, въ которыхъ существующіе у человѣка задатки непрерывности обонятельныхъ и вкусовыхъ ощущеній могутъ достигъ полного развитія, точно также какъ съ другой стороны весьма вѣроятно, что нѣкоторые организмы не имѣютъ присущей человѣку непрерывности слуховыхъ и зрительныхъ ощущеній, а вмѣсто того характеризуются раздѣльною многообразностью этихъ ощущеній“.

47) Сравни. Kussmaul: Unters. üb. das Seelenleben des neugeborenen Menschen, 1859.

48) Bastian: Der Mensch in der Geschichte, 1860, 3 тома; Beiträge zur vergl. Psychol., 1868; Ethnologische Forschungen, 1871.— Въ особенности въ сочиненіи: Das Beständige in den Menschenrassen (1868) Бастіанъ пускается въ рѣзкую и слишкомъ далеко заходящую критику дарвинизма, что однако не наноситъ никакого ущерба достоинству его основной мысли—объяснять параллелизмъ въ умственномъ состояніи народовъ, въ особенности въ ихъ мифологическихъ преданіяхъ, не столько ихъ общимъ происхожденіемъ отъ одного и того же первобытнаго племени, сколько одинаковымъ психологическимъ складомъ, который неизбѣжно долженъ былъ привести къ одинаковымъ и сходнымъ формамъ суевѣрія и легендъ.

49) Domrich: Die psychischen Zustände, ihre organische Vermittelung und ihre Wirkung in Erzeugung körperlicher Krankheiten, 1849.

50) Въ свои лекціи по психологіи я вводилъ всегда нѣсколько опытовъ этого рода и все болѣе убѣждался въ ихъ основательности и доказательной силѣ, также какъ и въ ихъ педагогическомъ значеніи.

51) Сравни. Berichte der konigl. sachs. Gesellsch. d. Wissensch., phil.-hist. Classe, 1866 г., засѣд. отъ 26 мая, стр. 75 и слѣд., затѣмъ 1871 г. засѣд. отъ 1 іюля, стр. 1 и слѣд. Открывъ своими изслѣдованіями совершенно новый путь, Дробишъ не только далъ блестящій примѣръ примѣненія численнаго метода къ филологіи, но и представилъ важное въ психологическомъ отношеніи доказательство того, что въ языкѣ и поэзіи мы находимъ извѣстнаго рода правильность, существованія которой въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ писатели вовсе не сознаютъ. Что субъективно скъзывается какъ таеъ, чувство, вкусъ, то объективно выступаетъ какъ повинующійся опредѣленнымъ законамъ творческой истиннѣ. Это бросаетъ между прочимъ совершенно другой свѣтъ на безчисленные метрическіе „leges“, открытые у латинскихъ писателей со времени появленія работъ Ритшля о Плавтѣ. Многое, что до сихъ поръ принималось, хотя и не безъ удивленія, за сознательное правило, оказывается теперь произведеніемъ бессознательно дѣйствующаго естественнаго закона.

52) Сравни. Herbert Spencer: Principles of psychology, 2 изд. 1870 и 1872 (Гербертъ Спенсеръ: Основанія психологіи, р. пер. со второго англ. изд. 1876, изд. Билибина). Alexandre Bain: The senses and the intellect, 2 изд. 1864; — The emotions and the will, 2 изд. 1865 (извлеченіе изъ этого сочиненія подъ заглав.: Психо-физическіе этюды, перев. Ф. Резенера, 1869). — То же автора 3 т. „Internationale Bibliothek“: Geist und Körper, die Theorien über ihre gegens. Begiehungen, 1874 (Банъ: Душа и тѣло, р. пер. съ 6 англ. изд., 2 изд., Кіевъ, 1884).

53) Dr. Johnson: Die Ableitung der Raumvorstellung bei den englischen Psychologen der Gegenwart в „Phil. Monatsh.“, IX, 1 янв. 1873, стр. 43 и слѣд. — C. Stumpf: Ueber den psychologischen Ursprung der Raumvorstellung, 1873.

54) Spencer: Princ. of psychol., 2 изд. I, стр. 140, § 56; Under its subjective aspect, Psychology is a totally unique science, independant of and antithetically opposed to all other sciences whatever“ (Спенсеръ: Основанія психологии, р. пер. 1876, т. I, гл. VII, § 56. стр. 146: „Съ субъективной своей стороны психология есть наука, совершенно единственная въ своемъ родѣ, независимая отъ всѣхъ какихъ бы то ни было другихъ наукъ и даже антитегически противоположная имъ“).

55) Банъ: Душа и тѣло, р. пер. 1884, стр. 49: „Существуетъ определенное измѣненіе ощущенія, однообразное возрастаніе удовольствія или неудовольствія, соотвѣтствующее повышенію температуры на 10, 20 или 30 градусовъ. Такъ при всякихъ обстоятельствахъ существуетъ чувствительный эквивалентъ алкоголя, духовъ, музыки и т. д.“.

56) Л. с. стр. 55 и слѣд.

57) Въ послѣднее время нѣкоторые ученые (Штумпфъ, Brentano и др.) пытались устранить изъ психологии „безсознательныя“ или „скрытыя“ представленія. Если при этомъ ищутъ опоры у Лотце, то противъ этого немного можно сказать, ибо Лотце прямо принимаетъ, что представленія связаны съ отравленіями мозга, которыя, не возбуждая сами по себѣ сознанія, тѣмъ не менѣе принимаютъ участіе въ нашемъ мыслительномъ процессѣ (Medic. Psychol. §§ 409 и 410). А если онъ вѣстѣ съ тѣмъ относитъ ассоціаціи (§ 411) не къ физиологии, а къ „метафизической психологии“, то это съ его стороны непослѣдовательность, легко устранимая при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи. Все остальное не болѣе какъ споръ о словахъ. Но Brentano несомнѣнно допускаетъ ошибку по существу, когда полагаетъ, что всюду можно обойтись одними, прежде сознательными, а потомъ забытыми, представленіями. Сравн. въ особенности его неудовлетворительную попытку опровергнуть положенія Маудсли касательно безсознательной умственной работы (Brentano: Psych. vom empir. Standp., стр. 138 и слѣд.). Именно Гёте, замѣчаніемъ котораго, — что необыкновенное дарованіе представляетъ только незначительное отклоненіе отъ обыкновеннаго, — Brentano пользуется какъ аргументомъ противъ безсознательной работы гения, высказываясь такъ часто и съ такою ясностью о безсознательныхъ процессахъ, дающихъ начало художественному творчеству, что его свидѣтельство должно быть признано весьма вѣскимъ. А тотъ фактъ, что гениальные мыслители рѣдки, ничего не доказываетъ, потому что отсюда вовсе еще не слѣдуетъ, что и гениальная манера творчества тоже рѣдка. Мы находимъ ее въ болѣе или меньшей степени у каждаго художника. — Собраніе относящихся сюда мнѣній писателей и художниковъ I. K. Фишера (Fischer: Das Bewusstsein, 1874, гл. 6).

58) Какъ мало основательно стремленіе этического матеріализма считать нравственную статистику, вслѣдствіе ея противоположности ученію о свободѣ воли, специфически матеріалистическою наукой, доказываетъ тотъ интересный фактъ, что лучше обработкою ея мы въ настоящее время обязаны строго лютеранскому богослову, который стремится обосновать на этомъ эмпирическомъ фундаментѣ свою христіанскую этику. Сравн. Oettingen: Die Moralstatistik. Inductiver Nachweis der Gesetzmässigkeit sittlicher Lebensbewegungen im Organismus der Menschheit, 1868; недавно вышло 2 изд. — Нравственная статистика, разумѣется, такъ же мало наука строго лютеранская, какъ и матеріалистическая.

59) Чтобы поставить читателя до нѣкоторой степени внѣ зависимости отъ другихъ пособій, специальное развитіе указанныхъ здѣсь пунктовъ должно было бы

быть очень обстоятельнымъ; но оно тѣмъ болѣе излишне, что помимо руководство по физиологiи и болѣе крупныхъ монографiй Гелмгольца и другихъ, мы имѣемъ еще „Популярныя рѣчи“ послѣдняго (р. пер. О. Д. Хвольсона и С. Терешина, 1896—1897); далѣе „Физиол. психологiю“ Вундта (р. пер. В. Кандинскаго, 1880), въ которой всѣ относящiяся сюда вопросы развиты самымъ подробнымъ образомъ. Срви. далѣе Fick: Die Welt als Vorstellung, acad. Vortrag, 1870 и Preyer: Die fünf Sinne des Menschen, 1870 (Прейеръ: Пять чувствъ человѣка, р. пер. 2 изд. Семенюты, Одесса, 1876).

60) Что это не совсѣмъ безразлично, какъ сказано въ 1 изд., показало мнѣ то, какъ новѣйшiе кантианцы упорно говорятъ о духовной организаци; это вызываетъ такое представление, будто она есть нѣчто совсѣмъ особенное. Несомнѣнно однако, что не только болѣе правильно само по себѣ, но и болѣе согласно съ воззрѣнiемъ Канта разсматривать эту „духовную“ организацию только какъ трансцендентную сторону являющейся физической—„мозгъ какъ вещь въ себѣ“ (Ding an sich des Gehirns), какъ любилъ выражаться Ибервегъ.—Срви. кромѣ того выше примѣч. 25 въ I отд., стр. 354.

61) Lichtenberg: Vermischte Schriften, изд. Kries'a, стр. 31 и 44 (Лихтенбергъ: Афоризмы, пер. Н. Соколова, 1899, отд. „Философскiя замѣтки“, стр. 87 и 99).

62) Helmholtz: Handbuch der physiol. Optik, § 29, стр. 606 и слѣд. и стр. 594.

63) У описанной выше относительной и дидактической заслуги Мюллера - Ибервеговской теорiи не въ силахъ отнять что нибудь и новѣйшая форма, которую пытался придать проекционному ученiю Штумпфа (Stumpf: Ueber den psychol. Ursprung der Raumvorstellung, 1873). Штумпфъ несправедливо изображаетъ мое согласiе съ теорiей Ибервега какъ безусловное (прим. къ стр. 190), тогда какъ различiе въ нашихъ точкахъ зрѣнiя, которое я теперь полнѣе развилъ, достаточно ясно выступаетъ уже въ 1 изд. и составляетъ естественное слѣдствiе моихъ гносеологическихъ воззрѣнiй. По отношенiю къ Ибервегу Штумпфъ начинаетъ съ невѣрнаго заявленiя, будто тотъ упустилъ изъ виду, что „представлять себѣ что либо находящимся на извѣстномъ разстоянiи“ и „имѣть свое представленiе на этомъ разстоянiи или представлять себѣ это послѣднее находящимся на этомъ разстоянiи“—вовсе не одно и то же. Къ Ибервегу нельзя подходить такъ просто: его мiросозерцанiе, при всей своей странности въ цѣломъ, тщательно продумано во всѣхъ своихъ частяхъ, и именно вопросъ: что собственно значить представлять себѣ что вибудь какъ находящееся на извѣстномъ разстоянiи?—можно разсматривать какъ исходный пунктъ его психологическаго построенiя, ибо Ибервегъ находить, что эти слова не имѣютъ никакого смысла, если не разсматривать и самое разстоянiе какъ нѣчто чувственно познаваемое. Поэтому только второе положенiе, по своему смыслу ясно и соответствуетъ положенiю дѣла, первое же покоится на схоластически-картезианскомъ призракѣ отдѣлимаго отъ своего содержанiя представленiя. Разборъ Ибервеговскаго примѣра съ пластинкой камеры-обскуры также основывается у Штумпфа (стр. 191) на полнѣйшемъ недоразумѣнiи. Образъ пластинки обнимается, разумѣется, только внѣшней ея видъ, но не то, что на ней изображено,—подобно тому какъ мы разсматриваемъ снаружи человѣка, въ мозгъ котораго мы не въ состоянiи заглянуть. Отожествлять вполне образъ съ истиннымъ „существомъ“ пластинки, — эта мысль не можетъ явиться у того, кто серьезно стремится уяснить себѣ воззрѣнiе Ибервега. Остроумный, но рискованный выводъ Штумпфа, что зрительное представленiе должно первоначально имѣть три измѣренiя, мы оставляемъ открытымъ. Избѣгая, въ видахъ упрощенiя проблемы о зоспрятiи глубины, понятiя „внѣ насъ“ и разбирая вмѣсто этого одно лишь ви-



дѣліе вещей „на разстояніи“, Штумпфъ такимъ образомъ оставляетъ нерѣшеннымъ самое ядро вопроса о проекціи, ибо вопросъ этотъ постоянно имѣетъ дѣло съ разстояніемъ вещей отъ нашего тѣла и представляемыхъ вещей отъ представляемаго тѣла.

64) Ибервегъ отвѣтилъ на эту критику въ позднѣйшихъ изданіяхъ своей логики и въ „Grundr. d. Gesch. d. Phil.“ III, § 27 (Ибервегъ-Гейнце: Ист. нов. филос., перев. И. Колубовскаго, 2 русск. изд. 1898, § 26, стр. 246 — 284). По отношенію къ реальности времени онъ замѣчаетъ (ср. съ § 44 въ 4 изд. его логики, изд. Ю. В. Мейеромъ, стр. 85, прим.), что было бы несправедливо (съ точки зрѣнія нашей критики) переносить время на другія существа, если оно есть ничто иное, какъ форма воззрѣнія; но оно—„психическая реальность“, ибо мы (какъ это будто бы доказано въ § 40) имѣющіяся у насъ на лицо психическія образованія необходимо воспринимаемъ такими, какіе они есть. Но самое „воспріятіе“ (Auffassung) есть уже новый психическій процессъ, въ которомъ воспринимаемое не можетъ не потерпѣть измѣненія, между тѣмъ и самое представленіе времени проявляется видимому только въ такихъ вторичныхъ психическихъ образованіяхъ. Въ простомъ совершенно сосредоточенномъ созерцаніи даже движущихся предметовъ, какъ, напри мѣръ, несущихся тучъ, текущей рѣки и т. д., я не нахожу ни малѣйшаго сознанія времени. Если же оставаться въ предѣлахъ того простого факта, что мы, какъ бы то ни было, представляемъ себѣ время, и что, слѣдовательно, представленіе времени въ насъ дѣйствительно существуетъ, то въ этомъ отношеніи время не имѣетъ ни малѣйшаго преимуществва передъ пространствомъ, и заключеніе по аналогіи относительно всѣхъ вообще другихъ существъ невозможно; оно возможно только, какъ признавалъ уже и Кантъ, по отношенію къ такимъ существамъ, которыя, подобно намъ, одарены способностью къ познанію. Доказательство трансцендентальной реальности пространства трехъ измѣреній у Ибервега покоится всецѣло на утвержденіи, что математическое познаніе объектовъ не было бы въ такой мѣрѣ для насъ возможно (какъ, напри мѣръ, въ астрономіи), если бы число измѣреній существующаго самого по себѣ міра не совпадало съ ихъ числомъ въ мірѣ явленій. Но что и помимо этихъ условій возможенъ былъ бы нѣкоторый математическій порядокъ явленій,—этого Ибервегъ вовсе не отрицаетъ. Однако, въ какой собственно мѣрѣ міръ намъ понятенъ? Астрономія представляетъ вѣдь только спеціальныи случай, на мѣсто котораго при другихъ условіяхъ могло бы стать нѣчто другое. Затѣмъ, мы не имѣемъ никакого абсолютнаго мѣрила для того, чего мы могли бы вообще требовать со стороны постигаемости міра, и такимъ образомъ точка зрѣнія Ибервега ведетъ къ скрытому *retitio principii*.

65) Приведенныя здѣсь замѣчанія о допустимости пространственныхъ представленій съ болѣе или менѣе, чѣмъ тремя измѣреніями перепечатаны безъ перемѣнъ изъ I изд.; они, слѣдовательно, высказаны были ранѣе извѣстныхъ „математическихъ“ умозрѣній Гелмгольца и Римана, которыя вызвали такой шумъ. Мы должны поэтому, во избѣжаніе смѣшенія понятій, указать здѣсь на то, что въ текстѣ рѣчь идетъ только о допустимости пространственныхъ или пространственно-образныхъ представленій въ болѣе, или менѣе, чѣмъ три измѣренія; послѣднее относится именно къ воззрѣніямъ болѣе чѣмъ въ три измѣренія, для которыхъ мы, разумѣется, не можемъ найти аналогіи въ томъ, что мы называемъ пространствомъ. Мы могли бы поэтому отклонить отъ себя рѣзкое порицаніе, высказанное недавно Лотце въ своей „Логикѣ“ (1874), на стр. 217, по поводу злоупотребленія пространственнымъ представленіемъ для „логической игры“ съ четырьмя или пятью измѣреніями. Лотце заходитъ однако же слишкомъ далеко, когда провозглашаетъ: „Нужно остерегаться всѣхъ подобныхъ попытокъ!—это гримасы науки, кото-

рыя своими совершенно бесполезными парадоксами запугивают обыкновенное сознание и лишают его несомненно принадлежащаго ему права на ограничение понятий". Подобнаго права обыкновеннаго сознания по отношенію къ наукѣ не существуетъ и всего менѣе для математиковъ, издавна привыкшихъ путемъ самыхъ смѣлыхъ обобщеній приходить къ лучшимъ своимъ результатамъ. Срвн. отрицательныя, несоизмѣримыя, мнимыя и сложныя числа, дробныя и отрицательныя показатели и т. д. Неодобрительное сужденіе Дюринга (Dühring: Princ. der Mechanik, стр. 488 и слѣд.; р. пер. Н. Маркуева 1893, подъ заглав.: „Критич. ист. общихъ принциповъ механики“, стр. 415 и слѣд.) также недостаточно мотивировано, хотя и опирается на остроумную попытку автора (въ „Natürl. Dialectik“ 1865, и впервые въ достойной вниманія диссертациі „De tempore, spatio, causalitate atque de analysis infiniteimalis logica“ 1861) устранить изъ математики все мистическое посредствомъ болѣе точнаго опредѣленія понятий. „Мистическаго“ въ новѣйшей математикѣ накопилось такъ много, что критики отдѣльныхъ понятий теперь уже недостаточно. Необходимо въ нѣкоторой философіи математики разсмотрѣть въ общей связи вопросъ о томъ, почему обобщающее уничтоженіе всѣхъ границъ возрѣнія и реальной возможности ведетъ какъ разъ къ простѣйшимъ формуламъ, которыя въ приложеніи къ реальному вопліи подтверждаются. То, что Дюрингъ (Dühring: Natürl. Dial., стр. 162 и 163) высказываетъ по поводу „проведенія черезъ невозможное“, еле касается истинной проблемы. Съ другой стороны будетъ, пожалуй, опрометчиво пользоваться вмѣстѣ съ Либманомъ (срвн. въ особенности его статью въ „Phil. Monatsh.“, VII т., вторая половина, 8 вып. стр. 337 и слѣд. „Ueber die Phänomenalität des Raumes“) этими математическими умозрѣніями какъ положительными аргументами въ пользу феноменальности пространства, такъ какъ они покуда еще представляютъ ничто иное, какъ математическія соображенія относительно допустимости общаго пространственнаго понятія, въ составъ котораго входитъ какъ частный случай и наше звѣздное пространство.

66) Брентано (Brentano: Psychol. I, стр. 144) замѣчаетъ по поводу приведенныхъ ранѣе словъ касательно заключенія, дѣлаемаго глазомъ въ явленіяхъ слѣпаго пятна,—что для него, не совсѣмъ ясно, дѣйствительно ли я принимаю здѣсь „посредствующій процессъ“, подобный сознательнымъ выводамъ. Дѣло кажется мнѣ очень простымъ: оно заключается въ подведеніи подъ добытую индуктивнымъ путемъ первую посылку. При сознательномъ процессѣ мы разсуждали бы такъ: каждый разъ, когда мы имѣемъ частичныя явленія  $x_1, x_2, x_3...$  передъ нами должна находиться однородная поверхность; теперь явленія  $x_1, x_2, x_3...$  даны, слѣдовательно, передъ нами однородная поверхность. Соответствующій физиологическій процессъ заключается очень просто въ томъ, что въ силу привычки (обусловленной приобрѣтенными проводящими путями) раздраженіе извѣстныхъ частей мозга посредствомъ  $x_1, x_2, x_3...$  вызываетъ всегда представленіе поверхности (т. е. механическія условія для сингеза въ представленіи поверхности). Когда возникаютъ явленія  $x_1, x_2, x_3$  и т. д., за ними, если мы хотимъ, непосредственно слѣдуетъ въ конкретномъ случаѣ представленіе поверхности. Такимъ образомъ «посредство» состоитъ въ томъ, что спеціальныи случай, представляемый второю посылкою, встрѣчается съ выработаннымъ механизмомъ первой посылки, вслѣдствіе чего заключительное положеніе—видѣніе поверхности—вытекаетъ само собой. Мнѣ кажется, что другою рода „посредства“ не бываетъ и при обычныхъ приемахъ заключенія—развѣ только то, что при этомъ вводится еще и отыскиваніе второй посылки, т. е. находящей въ этомъ случаѣ примѣненіе первой посылки. Это отыскиваніе второй посылки въ нашемъ случаѣ разумѣется отпадаетъ. Обѣ посылки соединяются немедленно и съ естественною неизбѣжностью.

Что касается упрека, направленного против Гелмгольца, Целльнера и др. въ томъ, что они недостаточно изслѣдовали вопросъ, дѣйствительно ли объясненіе путемъ бессознательныхъ заключеній представляется единственно возможнымъ, и затѣмъ, что они не дѣлали попытки объяснить явленія на основаніи законовъ ассоціаціи, то на это можно возразить, что дѣйствительно очень легкое и само собою напрашивающееся объясненіе, основанное на ассоціаціи, отнюдь не противорѣчитъ объясненію, основанному на бессознательномъ заключеніи. Если, на примѣръ (сохраняя прежнее обозначеніе) заявленіямъ  $x_1, x_2, x_3, \dots$  слѣдуетъ по закону ассоціаціи образъ поверхности, то образъ этотъ, надо думать, уже часто связывался съ этими явленіями, а это тождественно съ наличностью индуктивной первой послы, подъ которую подводится новый частный случай. Объясняютъ же послѣдовательные приверженцы ассоціативной психологіи посредствомъ ассоціаціи и обыкновенное, сознательное умозаключеніе! Но болѣе точное естествовѣдѣніе, вполне понятно, неохотно обращается къ этимъ способамъ объясненія, такъ какъ это собственно не объясненія, а лишь вынужденная замѣна недостающихъ объясненій.

67) Срвн. R o k i t a n s k y: Der selbständige Werth des Wissens, 1869, стр. 35.

## Примѣчанія къ IV отдѣлу.

1) Часто совершенно несправедливо разъединяли оба главныя произведенія Адамъ Смита и разсматривали при этомъ его нравственное ученіе какъ сравнительно незначительный первенецъ, который наряду съ „Богатствомъ народовъ“ совершенно не можетъ быть принятъ во вниманіе. Что основныя идеи обоихъ произведеній созрѣли у Смита одновременно, вполне очевидно доказано Боклемъ (Ист. цивилиз. въ Англіи, пер. А. Буйницкаго, изд. Павленкова, 1895, т. II, гл. VI, стр. 551—569), да къ тому же и самъ Смитъ въ предисловіи къ одному изъ позднѣйшихъ изданій „Теоріи нравственныхъ чувствъ“ заявляетъ, что оба сочиненія задуманы по одному общему плану, причемъ „Богатство народовъ“ представляетъ только отрывокъ обширнаго социально-политическаго сочиненія, которое согласно этому плану должно было слѣдовать за „Теоріей нравственныхъ чувствъ“. Тѣмъ не менѣе можно вмѣстѣ съ Лексисомъ (Lexis: Französische Ausfuhrprämiën, стр. 5) сомнѣваться, намѣренно ли Адамъ Смитъ примѣнилъ методъ абстракціи такимъ образомъ, что въ одномъ сочиненіи представилъ человѣка исходящимъ исключительно изъ эгоизма, въ другомъ—исключительно изъ симпатіи. Бокль старается обстоятельно обосновать такой взглядъ и находить въ этомъ методѣ преимущество передъ индуктивнымъ, исходящимъ изъ фактовъ: упрощеніе принциповъ дѣлаетъ возможнымъ примѣненіе дедуктивнаго метода, а ошибка отъ односторонности устраняется тѣмъ, что исходятъ изъ различныхъ принциповъ, такъ что дѣйствительность составитъ изъ тѣхъ вліяній, которыя согласно „Теоріи нравственныхъ чувствъ“ вытекаютъ изъ симпатіи, и тѣхъ, которыя согласно „Богатству народовъ“ вытекаютъ изъ эгоизма. Въ противоположность этому воззрѣнію Бокля, Лексисъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что человѣческіе мотивы не поддаются сложенію и вычитанію, и уже въ совмѣстномъ дѣйствіи съ другими становятся иными, чѣмъ они были сами по себѣ. Въ дѣйствительности же Смита этотъ методологическій вопросъ вовсе не интересовалъ. Скорѣе уже въ „Теоріи нравственныхъ чувствъ“ можно всюду между строкъ прочесть, что человѣческіе поступки въ существенномъ своемъ основаніи эгоистичны и въ слѣдствіе вліянія симпатіи лишь видоизмѣняются. Затѣмъ въ „Богатствѣ народовъ“ Смитъ изслѣдуетъ такую область, въ которой, по его мнѣнію, непосредственныя вліянія симпатіи равняются нулю, а имѣютъ значеніе лишь косвенныя ея вліянія, т. е. защита права государствомъ. Срвн., напримѣръ, слѣдующее его замѣчаніе въ „Theory of moral sentiments“ (Part II, sect. II, chap. II): „In the race for wealth and honours, and preferments, he may run as hard as he can, and strain every nerve and every muscle in order to outstrip all his competitors. But if he should jostle, or throw down any of them, the indulgence of the spectators is entirely at an end“. (А. Смитъ: Теорія нравственныхъ чувствъ, пер. Бибикова, 1868, стр. 115: „Мы можемъ прости-

рять наши поиски за богатствомъ, за почестями до какой угодно степени и пользоваться всѣмъ для пріобрѣтенія превосходства надъ другими людьми. Но если мы станемъ поперегъ ихъ дороги, то снисходительность къ намъ общества прекращается“). Съ этимъ вполне совмѣстима та мысль, что если только соблюдается право, то при этой погодѣ отдѣльныхъ личностей за богатствомъ и цѣлое само болѣе всего приближается къ цѣли обогащенія. Тѣхъ социальныхъ золь, которыя вытекаютъ изъ этого соперничества за богатство, Смитъ въ ихъ полномъ развитіи (чему не малосодѣйствовала его собственная теорія) еще не зналъ, а поскольку они были ему извѣстны, считалъ ихъ непоправимыми. Онъ не зналъ ни одной формы симпатіи, которая съ успѣхомъ могла бы противодѣйствовать этому злу,—потому ему въ этомъ отдѣлѣ его общественно-политическаго сочиненія незащѣмъ было говорить о симпатіи. Если бы у насъ было все сочиненіе, то мы, можетъ быть, въ другихъ отдѣлахъ встрѣтили бы нѣчто другое.

2) Можно раздѣлить огромную массу нашихъ нѣмецкихъ экономистовъ, какъ по ихъ тенденціи, такъ и по отношенію ихъ къ научному методу, на два класса: на тѣхъ, которые придерживаются дедукціи, не зная, что она поковится на отвлеченіи, и тѣхъ, которые избѣгаютъ отвлеченія и исходятъ изъ дѣйствительности, но при этомъ не умѣютъ обращаться съ индуктивнымъ методомъ. Блестяще исключеніе представляетъ Лексисъ, который во всѣхъ отношеніяхъ, отъ логическихъ основаній до математическихъ выкладокъ, выказываетъ себя мастеромъ научнаго метода. Незначительное вниманіе, которое до сихъ поръ было оказано его классическому произведенію: «Ueber die französischen Ausfuhrprämiën» (1870) является наиболѣе яснымъ признакомъ крайняго недостатка научной глубины у нашихъ экономистовъ—какъ „школы свободной торговли“, такъ и катедеръ-соціалистовъ. Лексисъ разсматриваетъ всю дедуктивную политическую экономію лишь какъ подготовительную ступень для ориентировки въ проблемахъ, за которой только должна слѣдовать настоящая наука, покоящаяся главнымъ образомъ на статистикѣ. Это воззрѣніе заходить, пожалуй, слишкомъ далеко, но во всякомъ случаѣ отношеніе между дедукціей и индукціей по мѣрѣ того, какъ будутъ производиться дѣйствительно дѣльные индуктивные изслѣдованія, станетъ такимъ, какъ представляетъ его Лексисъ.

3) Подробности объ этомъ можно найти въ главѣ: „Das Glück“ моего сочиненія: Die Arbeiterfrage. Срвн. 3 изд. стр. 113—132 и относящіяся сюда примѣчанія (Ланге: Рабочій вопросъ, р. пер. А. Б. Влѣка съ предисл. Р. И. Сементковскаго 1892, гл. III: „О счастья“, стр. 50—97 и относ. сюда примѣч.).

4) О Мандевиллевской баснѣ о пчелахъ срвн. мѣста, обозначенныя въ именномъ указателѣ I тома,—въ особенности примѣч. 75 къ IV отдѣлу, стр. 312. Слѣдуетъ упомянуть, впрочемъ, еще поразительно мягкое и сравнительно благоприятное сужденіе Адама Смита о Мандевиллѣ въ его „Theory of moral sentiments“, Part VII, sect. II, chap. IV (р. пер. Бибикова, 1868, стр. 400—409), гдѣ указывается, что басня о пчелахъ не могла бы вызвать столько шума, если бы она не содержала въ себѣ истинъ, которыя преувеличеніемъ только искажены. Главная ошибка Мандевилля заключается, по мнѣнію Смита, въ томъ, что онъ, въ согласіи съ нѣкоторыми п аскетическими народными представленіями, во всякой страсти усмагривалъ непременно порокъ.

5) Schultze-Delitzsch: Capitel zn einem deutschen Arbeiterkatechismus, 1863.—Срвн. тамъ же, стр. 49 и слѣд. выведеніе промышленнаго прогресса изъ личнаго интереса, о которомъ говорится, что онъ есть „любовь каждаго человѣка къ своему собственному «я»; затѣмъ стр. 91 и слѣд. опроверженіе „братства“ какъ экономическаго принципа. На стр. 93 говорится: „Оно (братство) начинается тамъ, гдѣ кончается экономика и государство; его область не жива, не право и обя-

занность, его сила не насиліе, а свободная любовь“. Срвн. объ этомъ мѣстѣ мое сочиненіе: „Mill's Ansichten über die sociale Frage“, 1866, стр. 14 и слѣд.

6) О Куперѣ (Cooper) срвн. Roscher: Volkswirtschaft I, примѣч. 2 къ § 12 (Рошеръ: Начала народнаго хозяйства, пер. И. Бабста, 1860—1862, т. I, отд. перв., примѣч. къ § 12, стр. 25).—Соотвѣтственное мѣсто у Макса Вирта находится въ отдѣлѣ о земельной рентѣ (Max Wirth: Nationalök. I, 2, 9): „Совершенно безразлично какаго рода была эта прежняя услуга, этотъ трудъ. Земля первоначально можетъ быть приобретена пугаемъ о мѣнѣ или завоеваніи... При завоеваніи захваченная земля является наградою за опасность, которой предприниматель подвергъ свой наивысшій капиталъ—свою жизнь; въ то же время это есть вознагражденіе за затраченный на военныя издержки оборотный капиталъ“.

7) Болѣе подробное доказательство можно найти въ заключающейся во 2 и 3 изд. „Arbeiterfrage“ главѣ „Das Glück“ (р. пер. Влѣка, 1892, стр. 50).

8) Roscher: System der Volkswirtschaft, I, § 204 съ примѣчаніями (р. пер. И. Бабста, 1860—1862, § 204, особ. стр. 159 и слѣд. и стр. 165).—Въ настоящее время особенно вредно отражается на крѣпкомъ республиканскомъ государственномъ строѣ Швейцаріи, а еще болѣе Соединенныхъ Штатовъ, значительное вліяніе крупныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ.

9) Здѣсь дѣло главнымъ образомъ заключается въ доказательствѣ того, что владѣлецъ предмета получаетъ ренту отъ чужого труда: земельная рента есть важнѣйшій частный случай этого. Подробнѣе изложено и точнѣ обосновано это пониманіе земельной ренты какъ „ренты первенства“ (Prioritätsrente) въ двухъ новѣйшихъ изданіяхъ моего сочиненія „Arbeiterfrage“, въ 6 главѣ: „Eigenthum, Erbrecht und Bodenrente“; въ 3 изд., стр. 297—322 съ относящимися сюда примѣчаніями (р. пер. Влѣка, 1892, гл. VI: Частная собственность, право наслѣдства и поземельная рента, стр. 179—233, съ относ. сюда примѣч.).

10) Frankl in: Observation concerning the increase of mankind, 1751. Срвн. Mohl: Gesch. u. Liter. der Staatswissensch., III, стр. 476. О другихъ предшественникахъ Мальтуса тамъ же; затѣмъ Roscher: Volkswirtschaft I, § 242, примѣч. 15 (пер. И. Бабста, т. I, § 242, примѣч. 14, стр. 248 и слѣд.) и Маркс: Das Kapital, 1 нѣм. изд., стр. 603, примѣч. 76 (Карль Марксъ: Капиталъ, р. пер. 3 русск. изд. СПб. 1898, I, стр. 538 примѣч. 79).

11) Срвн. мою статью „Vives“ въ „Encykl. des ges. Erzieh. u. Unterrichtswesens“, въ 9 томѣ, стр. 737—814, въ особенности стр. 761 и слѣд.

12) Срвн. Lang: Versuch einer christlichen Dogmatik, allen denkenden Christen dargeboten, второе изд. 1868, стр. 3—6. Брошенный тамъ же упрекъ (стр. 5), что при моемъ воззрѣніи „совершенно безразлично“, поклоняется ли философъ „какъ религиозный человѣкъ“ Маріи, или личному Богу, — уничтожается указаніемъ, что въ идейной жизни человѣчества я предполагаю необходимый ходъ развитія. Намъ пригодна не любая позсія, а лишь та, которая соотвѣтствуетъ нашему времени и нашему культурному состоянію. Что Лангъ также возвращается къ „двойной бухгалтеріи“, происходитъ отъ той односторонности, съ которою онъ, вопреки самымъ яснымъ объясненіямъ, старается понять все съ точки зрѣнія познанія. Такимъ образомъ онъ могъ придти и къ положенію: „Если въ мѣрѣ заложенъ столь бессмысленный дуализмъ между вѣрой и знаніемъ, то не существуетъ научнаго познанія міра“. Почему же вѣтъ, разъ наука будетъ придерживаться исключительно знанія? Только отъявленный теологъ всегда думаетъ, что сюда же относятся и его догматы вѣры. „Дуалистическій міръ не есть предметъ науки; только единый міръ можетъ быть познаваемъ“. Но наука и не знаетъ никакого дуалистическаго міра, ибо для нея вся жизнь въ идеѣ покоится только на психологическихъ процессахъ, которые

хотя и безконечно тонки и глубоко заложены, но все же въ концѣ концовъ подлежать тѣмъ же естественнымъ законамъ, что и всѣ другія психическія явленія. Постольку требованіе монизма вполне основательно. Но когда желаютъ устранить дуализмъ мышленія и поэтическаго творчества, ощущенія и хотѣнія, воспріятія и дѣятельности, то поступаютъ такъ же неразумно, какъ если бы ради единства познанія желали уничтожить противоположность дня и ночи. Точно также остается и противоположность между идеаломъ и дѣйствительностью; научное же познаніе имѣетъ дѣло только съ дѣйствительностью. Для него единство получается благодаря тому, что идеальный міръ есть въ то же время психологическій фактъ.

13) Срвн. *Stille Stunden*, Aphorismen aus Richard Rothe's handschriftl. Nachlass, 1872: стр. 273 и слѣд.; 319 и слѣд.

14) Срвн. статью Johannes'a Ronge: „Die neue Bildersturmerei“ (Новое иконоборство) въ журналѣ: *Neue religiöse Reform*, 1874, № 29—31.

15) Срвн. между проч. Dr. Friedr. Mook: *Das Leben Jesu für das Volk bearbeitet*, 1873.

16) Срвн. первые нумера изд. Dr. Ed. Löwenthal'емъ журнала: *Der Cognition*, Flugblätter für Freunde naturalistischer Weltanschauung.—Издатель Лёвенталь авторъ вышедшаго во многихъ изданіяхъ сочиненія: *System und Geschichte des Naturalismus*, 1862.

17) *Eduard Reich: Die Kirche der Menschheit*, 1873.

18) Срвн. Mill: *Auguste Comte and positivism*, 1865, стр. 140 и слѣд. (Дж. Ст. Милль: О. Контъ и позитивизмъ, р. пер. подъ ред. Н. Неклюдова и Н. Тиблена, 1867, стр. 141 и слѣд.).

19) *Johannes Ronge: Religionsbuch für den Unterricht der Jugend*; 1 часть: *Die Gesetze der Natur sind Gesetze Gottes und in Harmonie mit den Gesetzen der Sittlichkeit, oder die natürliche und sittliche Weltordnung Gottes als freies Vorbild unserer Lebensordnungen*, 1863 (Законы природы суть законы Бога и находятся въ гармоніи съ законами нравственности, или естественный и нравственный міровой порядокъ Бога какъ свободный прообразъ нашихъ жизненныхъ порядковъ. (Обложка—черная. Почему?)

20) Стюартъ Милль въ своихъ только что вышедшихъ „Обытахъ о религіи“ (*Three essays on religion*, 1874) называетъ чувства, которыя мы питаемъ въ отношеніи къ благу всего человѣчества, и нравственный подъемъ, вызываемый памятью о великихъ людяхъ или умершихъ друзьяхъ, дѣйствительною религіей. Въ то же время онъ считаетъ сущностью религіи сильное и глубокое стремленіе нашихъ чувствъ къ какому нибудь идеальному объекту, признаваемому нами совершеннымъ въ наивысшей степени и далеко превышающимъ всѣ объекты нашихъ своекорыстныхъ желаній. Если приложить этотъ масштабъ, то всѣ драмы Шиллера и двѣ трети его лирики окажутся религіозною поэзіей. Да и сама поэзія, взятая во всемъ ея значеніи, будетъ такимъ образомъ тождественна съ религіей; между тѣмъ, обѣ онѣ являются составными частями одного общаго болѣе широкаго понятія (l. c. стр. 109).

21) *Büchner: Kraft und Stoff*, 1855, стр. 256 и слѣд.

22) *Büchner: Die Stellung des Menschen in der Natur*, 1870, примѣч. 104, стр. CXLIII в слѣд.

23) Срвн. мое, посвященное памяти Ибервега, сочиненіе: *Friedrich Ueberweg* v. F. A. Lange, 1871 (помѣщено въ „*Altpreuss. Monatsschrift*“, изд. Reicke и Wichert'омъ, т. VIII, вып. 5—6, стр. 487—522; напечатано особо).—Упомянутое тамъ письмо Ибервега „проф. Дильтеку“ (стр. 37), специально касающееся отношенія Ибервега къ Канту, въ дѣйствительности обращено не къ Дильтеку, а къ Гер-

ману Когену, автору сочиненія: „Kants Theorie der Erfahrung“. Это письмо послано Когеномъ проф. Дильтею, отъ него перешло къ издателю Ибервега д-ру Т а х е, а отъ послѣдняго безъ конверта и точнаго обозначенія переслано было вмѣстѣ съ другимъ матеріаломъ мнѣ.

24) При этомъ случаѣ—еще маленькую поправку къ моему сочиненію „F. Ueberweg“: на стр. 16 вмѣсто „гербартианца Лацаруса“ (Herbartianer Lazarus) слѣдовало назвать д-ра Лассона. Ибервегъ въ своихъ письмахъ часто называлъ послѣдняго Lazarus'омъ, такъ какъ д-ръ Лассонъ до перехода своего въ христіанство носилъ фамилію Лацаруссонъ (Lazarussohn).

25) Lasson: Zum Andenken an Friedr. Ueberweg; отдѣльный оттискъ изъ „Philos. Monatsheften“ Bergmann'a, т. VII, вып. 7, 1871, срви. тамъ же, стр. 20.

26) См. выше стр. 256 и слѣд.—Срви. также мое сочиненіе: Friedrich Ueberweg, стр. 120 и слѣд.

27) Еще въ письмѣ отъ 9 января 1863 г. Ибервегъ старается доказать, что чистый механизмъ мы имѣемъ только тамъ, гдѣ внутреннія состоянія матеріи остаются неизмѣнными и не оказываютъ воздѣйствія на направленіе движенія. Но это представляется ему для психическихъ процессовъ весьма невѣроятнымъ. Онъ не хочетъ однако оспаривать „право на существованіе въ наукѣ“ той гипотезы, которая всѣ движенія стремится объяснить только на основаніи закона сохраненія силы, т. е. чисто механически. По его мнѣнію даже вполне своевременно выставить эту гипотезу, и это наилучшимъ образомъ проведетъ ее, добудетъ прочное мѣсто въ исторіи психологіи. Въ своей статьѣ „Zum Andenken an Fr. Ueberweg“ (въ 29 т. „Preuss. Jahrbücher“) проф. Дильтей совершенно неправильно считаетъ воззрѣніемъ Ибервега слѣдующее положеніе: „и именно въ каждомъ отдѣльномъ пунктѣ одинъ и тотъ же реальный процессъ представляется двойнымъ—какъ психическое явленіе и какъ движеніе“. Это воззрѣніе Ибервегъ часто приводитъ какъ спинозизмъ въ отличіе отъ своего, согласно которому внутреннія состоянія хотя и возбуждаются вѣншимъ движеніемъ и въ свою очередь оказываютъ воздѣйствіе на его направленіе, но все же не тождественны съ нимъ.

28) Само собою понятно, что въ этомъ отношеніи я думаю о характерѣ Ибервега совершенно то же, что и Чольбе. Я увѣренъ, что самъ Ибервегъ, если бы онъ предвидѣлъ свою смерть (по мнѣнію Чольбе онъ до послѣдней минуты надѣялся на выздоровленіе), не успокоился бы до тѣхъ поръ, пока не изложилъ бы для печати своихъ наиболѣе существенныхъ воззрѣній въ полной ихъ связи.

29) Эти письма вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими были мнѣ переданы Чольбе для свободнаго пользованія ими, и поэтому они и послѣ смерти Чольбе остались среди моихъ бумагъ.

30) Ибервегъ изложилъ впечатлѣніе, которое оставило на немъ чтеніе моего сочиненія „Рабочій вопросъ“ (правда, въ первомъ, очень еще неудовлетворительномъ, изданіи этого сочиненія) въ письмѣ отъ 12 февраля 1865.

31) Письма Ибервега ко мнѣ отъ 18 ноября 1860 г. и 28 декабря 1861 г.

32) Отъ психологическаго объясненія этого бурнаго письма, которое я попытался дать на 22 стр. моей статьи „Friedr. Ueberweg“, я и сейчасъ еще не могу отказаться; однако, съ другой стороны, я не могу теперь смотрѣть на суровый приговоръ надъ христіанствомъ какъ на минутное разстройство и долженъ придать ему болѣе значеніе.

33) „Die Lehre von den Menschenpflichten in ihrem Verhältniss zur christlichen Sittenlehre. Aus den hinterlassenen Papieren eines Philosophen herausgegeben von Rud. Valliss, 1868.



34) Срвн. „Ein Nachwort als Vorwort zu der neuen Aufl. m. Schrift: Der alte und Glaube von D-r F. Strauss“. 1873, стр. 22 и слѣд.

35) Л. с. стр. 28 и слѣд.: „есть ли это слово учителя послѣднее слово въ этомъ вопросѣ—это въ концѣ концовъ можетъ рѣшиться только время; къ счастью я могу пока имъ довольствоваться, не считая дѣла потеряннымъ“. Вѣдь здѣсь рѣчь идетъ о такомъ пунктѣ, въ которомъ авторитетъ учителя ничего не значить, и сужденія всякаго, кто понимаетъ вопросъ, имѣютъ одинаковое значеніе.

36) Нѣкоторую опору мы и теперь уже находимъ въ превосходномъ сочиненіи Целлера: „David Friedrich Strauss, in seinem Leben und seinen Schriften geschildert“, 1874. Что сочиненіе Целлера не выдаетъ себя за полную біографію, объ этомъ заявляетъ самъ авторъ на IV стр. предисловія.

37) D. Fr. Strauss: Der alte u. d. neue Glaube, 2 изд., стр. 63 и 64.

38) D. Fr. Strauss: Der alte u. d. neue Glaube, 2 изд., стр. 141—147. Заслуживаетъ упоминанія грубый софизмъ, съ помощью котораго Штрауссъ (стр. 145) выгнается опровергнуть пессимизмъ: если міръ дурень, то дурно и мышленіе пессимиста; если же оно дурно, тогда міръ хорошъ!

39) Замѣтимъ кстати, что даже Штрауссовскій минимумъ религіи тоже еще содержитъ въ себѣ недоказуемые догматы и положенія, выходящія за предѣлы дѣйствительности вслѣдствіе этическихъ цѣлей. Недоказана и недоказуема прежде всего безконечность міра; благочестивымъ же заблужденіемъ является оптимизмъ, ибо онъ, также какъ и его противоположность — пессимизмъ — есть только продуктъ человѣческой идеологіи. Міръ дѣйствительности самъ по себѣ ни хорошъ, ни дурень.

40) Что положенію  $A=A$ , строго говоря, нигдѣ не соответствуетъ дѣйствительность, на это недавно съ большой энергіей указывалъ А. Спиръ (A. Spir), который положилъ это въ основу странной философской системы. Всѣ трудности, заключающіяся въ этомъ фактѣ, гораздо легче однако устраняются другимъ путемъ. Положеніе  $A=A$ , хотя и составляетъ основу всякаго познанія, все-таки само по себѣ не есть ничто познанное, а лишь дѣйствіе духа, актъ первоначальнаго синтеза, въ силу котораго необходимымъ началомъ всякаго мышленія являются равенство и постоянство, встрѣчающіяся въ природѣ лишь сравнительно и приблизительно, но никогда абсолютно и совершенно. Такимъ образомъ положеніе  $A=A$  уже на самомъ порогѣ логики указываетъ намъ на относительность и идеальность всего нашего познанія.

41) J. G. Fichte: Beitrag zur Berichtigung der Urtheile des Publikums über die französische Revolution, 1873; 1 книга, конецъ первой главы.

42) J. G. Fichte: Deducirter Plan einer zu Berlin zu errichtenden höhern Lehranstalt; писано въ 1807 г., Stuttg. u. Tüb. 1817, стр. 59 и слѣд.



## УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

Цифры обозначаютъ страницы.

- Августинъ 146.  
Авогадро 115. 116. 125. 374.  
д'Аламберъ 3, 254.  
Альбертъ Великій (Albertus Magnus) 373.  
Альстедъ 373.  
Амперъ 119. 122. 127.  
Анаксагоръ 373.  
Апельтъ 2.  
Аристиппъ 310.  
Аристотель 1. 36. 54. 63. 70. 145. 156.  
160. 161. 196. 296. 314. 358. 395.  
Арнольдтъ (Arnoldt) 345. 356.
- Бальцеръ 305.  
Бархузенъ 373.  
Бастіанъ (Bastian) 148. 240. 377. 398.  
Баталинъ 383.  
Бауэръ Бруно 75.  
Беккеръ, І. К. (Becker) 352.  
Бёмеръ, Г. (Bohmer, H.) 361.  
Бенеке 18. 312. 361.  
Беннетъ 165. 166. 380.  
Бентлей 31.  
Берклей 3. 4. 7. 69. 254. 396.  
Берне 58.  
Бернулли, Дан. 374.  
Бергъ 397.  
Берцелій 116.  
Бильфингеръ 396.  
Битти 28. 29.  
Блюменбахъ 186. 196.  
Бойль 111. 118. 373. 374.  
Бокль 250. 276—278. 325. 404.  
Бонне 146.  
Боппъ 240.  
Босковичъ 118.  
Брентано (Brentano) 395. 397. 399. 402.  
Броунъ Томасъ 242.  
Брукъ, фонъ 61.  
Брэмъ 214.  
Бургавъ 113.
- Буше-де-Пергъ (Boucher de Perthes) 187  
190.  
Бэконъ 4. 77. 85. 109—110. 370.  
Бэнь (Bain) 243. 245. 398. 399.  
Бэръ (Baer) 390.  
Бюффонъ 113. 186.  
Бюхнеръ (Büchner) 34. 48. 63—69. 80—  
84. 111. 119—122. 126. 135. 152.  
185. 204. 205. 212. 310. 322. 362.  
363. 366. 367. 373. 375. 388. 407.
- Вагнеръ, Ад. 248. 250.  
Вагнеръ, Андр. (Wagner) 153. 154. 378.  
Вагнеръ, Р. 62. 80. 196.  
Вайтцъ (Waitz) 196. 232. 233. 240. 249.  
382.  
Валлисъ (Valliss) 321. 408.  
Вавъ-Гельмонтъ 145.  
Веберъ, В. 123. 130.  
Веберъ, Э. Г. 24. 59.  
Везали 277.  
Вейрихъ (Wehrich) 373. 374. 381.  
Вивесъ 292.  
Вигандъ (Wigand) 378. 379.  
Винкельманъ 31.  
Виртъ (Wirth) 279. 406.  
Вирховъ 75. 159. 160. 379. 387. 393.  
Виттштейнъ 395.  
Вокасонъ 199.  
Вольтеръ 278. 304. 384.  
Вольфъ 23. 352. 396.  
Вундтъ 225. 391—393. 398. 400.
- Галенъ 395.  
Галлеръ 36. 234.  
Галль 200. 201. 206. 230.  
Ганземанъ 58.  
Ганкель (Hankel) 349. 351.  
Гарвей 277.  
Гарригу 190.

- Гаргманъ 179—183. 316. 383. 384.  
 Гассенди 106. 111. 118. 374.  
 Гауссъ 131. 138.  
 Гегель 23. 40. 46—48. 52. 53. 58. 60. 63.  
     69. 70. 77. 83. 183. 237. 292. 302.  
     312. 315. 320. 323. 338. 339. 360.  
     361. 364. 368.  
 Гегенбауръ (Gegenbauer) 379.  
 Геймъ 390.  
 Гейне 51. 58.  
 Гейнротъ 59.  
 Геккель (Haeskel) 148—151. 162. 170.  
     172—174. 377. 379. 381. 382. 391.  
 Гексли 149. 377.  
 Гелмгольцъ 105. 131. 135. 136. 139. 142.  
     143. 150. 151. 252. 260. 264. 267.  
     268. 352. 367. 376. 377. 394. 398.  
     400—402.  
 Гельвецій 274. 278.  
 Гельдерлинъ 75.  
 Гензенъ (Hensen) 398.  
 Генгстенбергъ 60.  
 Геннингсъ (Henniugs) 377.  
 Гераклитъ 40. 63.  
 Гербартъ (Herbart) 23. 229—233. 302.  
     315. 352. 395.  
 Гервинусъ 58.  
 Гердеръ 50. 361.  
 Герландъ (Gerland) 240. 382.  
 Германъ (Hermann) 393. 394.  
 Гертвигъ 212.  
 Гершель 12. 346.  
 Гете 36. 46. 51. 159. 186. 187. 319. 326.  
     358. 381. 386. 399.  
 Гильбертъ 230. 277.  
 Гиппархъ 141.  
 Гицигъ (Hitzig) 220. 222. 223. 225. 393.  
 Глауберъ 373.  
 Глиддонъ 196.  
 Гоббсъ 4. 52. 112. 118.  
 Гольбахъ 3. 373.  
 Гольцъ (Goltz) 391.  
 Горацій 287.  
 Горвицъ (Horwicz) 391.  
 Гофманъ 374.  
 Гофмейстеръ (Hofmeister) 383.  
 Грассманъ (Grassmann) 351.  
 Гуицингъ 148.  
 Гумбольдтъ, Ал. 31. 46. 59. 360.  
 Гумбольдтъ, В. 46. 240.  
 Гушве (Huschke) 213. 393.  
 Гуцковъ 51. 60.  
 Гэй-Люссаъ 115. 119.  
 Гюйгенсъ 375.  
 Дальтонъ (Dalton) 112—116. 118. 373.  
 Дарвинъ 79. 152 — 177. 185. 187. 189.  
     194—197. 241. 324. 360. 362. 377.  
     380. 387. 390.  
 Деваръ 356.  
 Декартъ 85. 90. 93. 98. 111. 112. 117.  
     118. 207. 241. 253. 366.  
 Дельбёфъ (Delboeuf) 348.  
 Демокритъ 3. 40. 48. 111. 134. 368.  
     375.  
 Дидро 45. 384.  
 Дильтей 407. 408.  
 Довъ 59.  
 Домрихъ 241. 398.  
 Дробишъ (Drobisch) 242. 249. 250. 264.  
     395. 398.  
 Дрозъ 199.  
 Дюбуа-Реймонъ (Du-Bois-Reymond) 87.  
     98. 127. 129. 134. 180. 314. 322. 323.  
     368. 375. 395.  
 Дюлонгъ 116.  
 Дюрингъ (Dühring) 361. 375. 402.  
 Егеръ 194.  
 Жанъ 361.  
 Жоли 145.  
 Жоржъ 237.  
 Жоффруа, Ст. Ф. 114.  
 Зейдель (Seydel) 393. 395.  
 Зигваръ 249. 350.  
 Ибервергъ (Ueberweg) 13. 17. 18. 80. 97.  
     136. 256. 257. 259. 260. 266. 311—  
     325. 327. 348. 361. 371. 400. 401.  
     407. 408.  
 Иделеръ (Jdeler) 359. 360.  
 Ионсонъ (D-r Jonson) 364. 399.  
 Кабанисъ (Cabanis) 49. 50. 360. 367.  
 Камперъ 186.  
 Кангъ 1—101. 128. 139. 178. 197. 203.  
     231. 233. 234. 247. 250. 254. 265.  
     269. 277. 295. 297. 299. 301. 312.  
     316. 317. 320. 324. 333. 337. 338.  
     343. 345—361. 363. 364. 366. 376.  
     382. 386. 388. 396. 400. 401. 407.  
 Карусъ 213. 232.  
 Кастель (Castel) 201. 391.  
 Кевюле 117. 124.  
 Келлеръ 193.  
 Кёлликеръ (Kolliker) 168. 169. 380.  
 Кеплеръ 2. 229. 277.  
 Кетле 59. 247—250.  
 Кирхманъ 368.  
 Клаузиусъ (Clausius) 124. 131. 143. 374.  
     375. 377.  
 Клейнъ 375. 387.  
 Клопштокъ 46.  
 Кнольцъ (Knolz) 359.  
 Когенъ (Coben) 345. 347. 348. 352. 356.  
     358. 396. 407.

- Колландъ 388.  
 Кольбе 374. 381.  
 Кольберъ 280.  
 Комбе 205.  
 Комбетъ 202.  
 Кондильякъ 256.  
 Контъ 45. 52. 104. 244. 245. 285. 292.  
     295. 306. 308. 345. 361—362. 407.  
 Коперникъ 2. 4. 110. 277. 346.  
 Коппъ (Kopp) 113. 373. 374.  
 Корнелиусъ 395.  
 Котта, В. 203.  
 Коши (Cauchy) 119. 121. 122.  
 Кремонлини 8.  
 Крёнигъ (Krönig) 374.  
 Кромвель 293.  
 Куперъ (Cooper) 279. 406.  
 Куссмауль (Kussmaul) 398.  
 Кэри 280. 288.  
 Кювье (Cuvier) 186. 187. 193. 196. 378.
- Лавуазье 104.  
 Ламаркъ 164.  
 Ламеттри, де 48. 66. 186. 310.  
 Лангвизеръ 91. 94. 98.  
 Лангъ 302—303. 406.  
 Лапласъ 2. 65. 87. 88. 91. 93. 139. 141.  
     142. 316. 317. 367. 383. 384.  
 Лассонъ 312. 408.  
 Лаубе 51.  
 Леббокъ 240. 387. 388.  
 Леуенталь (Löwenthal) 306. 407.  
 Лежандръ 17. 18.  
 Лейбницъ 13. 16. 23. 69. 86. 243. 313.  
     347. 348. 355. 358. 366. 396.  
 Лексисъ (Lexis) 404—405.  
 Лере (Leuret) 59.  
 Лесаажъ 374.  
 Лессингъ 326.  
 Либихъ 59. 101. 102. 109. 110. 117.  
 Либманъ 345. 355. 402.  
 Литтре 361.  
 Лихтенбергъ 254. 400.  
 Локъ 4. 5. 76. 86. 204. 368. 396.  
 Лонже (Longet) 59. 203. 212. 391.  
 Лотце 75. 77. 236. 249. 253. 369. 399. 401.  
 Лукрецій 296. 304. 305. 374.  
 Льюисъ 361.  
 Лютеръ 104. 293. 336. 338. 340.  
 Ляйэлль (Lyell) 101. 163. 187. 387. 388.
- Мажанди 59.  
 Майеръ, I. P. 142. 367. 376.  
 Масквель 130. 131. 375.  
 Мальтусъ 289.  
 Мандевилль 274. 405.  
 Мариотъ 125.  
 Маркъсъ 406.  
 Махъ (Mach) 133. 375.  
 Мейеръ (Meier) 146. 377.  
 Мейеръ, Ю. В. (Meyer) 345. 352. 401.
- Мейеръ Лотаръ (Meyer) 123. 374. 375.  
 Мейнертъ (Meynert) 216. 217. 393.  
 Меланхтонъ. 395.  
 Милль 12. 22. 33. 34. 45. 244. 247. 285.  
     288. 291. 293. 295. 346. 347. 348.  
     349. 351. 361. 405. 407.  
 Мичерлихъ 116.  
 Моаньо (Moigno) 119.  
 Молемотъ 27. 49. 59. 62. 63. 67. 69. 70.  
     73. 76. 126. 127. 129. 152. 209.  
     238—362.  
 Моль, Г. фонъ 85.  
 Моль, Р. фонъ. 406.  
 Моръ Томасъ 292.  
 Москати 386.  
 М-к. Кендрикъ 356.  
 Мукъ (Moock). 407.  
 Мундтъ, Т. 51. 60.  
 Мюллеръ Иоганъ 59. 201. 210. 211. 212.  
     254.—256. 260. 391. 393. 400.  
 Мюссэ 145.
- Науманъ (Naumann) 374.  
 Найтъ (Knight) 383.  
 Нагели (Naegeli) 168. 169. 380.  
 Нейманъ, К. 219.  
 Нейманъ, Ф. Е. 131.  
 Нибуръ 31. 46.  
 Нисъ-фонъ-Эзенбекъ 368.  
 Ноттъ 196.  
 Нотнагель 220. 222. 393.  
 Ньютоуъ 1. 86. 113. 138. 139. 346. 366.  
     373. 378.
- Окенъ 46. 368. 377.  
 Освальдъ 28.  
 Оуэвъ (Owen) 292.
- Парацельсъ 145.  
 Паскаль 234.  
 Пастёръ 145. 151.  
 Пейссъ (Peisse) 360. 367.  
 Пидеритъ (Piderit) 391.  
 Платонъ 4. 43. 44. 106. 302. 304. 347.  
 Плотинъ 183.  
 Плюкеръ 230.  
 Плуже (Plouchet) 148.  
 Преьеръ (Preyer) 381. 400.  
 Приллъ 383.  
 Пристлей 28. 244.  
 Причардъ 196. 240.  
 Протагоръ 3. 4. 70. 302.  
 Пти 116.  
 Пуассонъ 384.  
 Пуше 145. 167.  
 Пфефферъ (Pfeffer) 383.  
 Пфлюгеръ (Pflüger) 148. 208. 209. 377. 391.
- Раденгаузенъ 156. 158. 378.

- Радике 371. 372.  
 Рамъ 190.  
 Редгенбахеръ 121. 122. 128. 374.  
 Рейке (Reicke) 322. 407.  
 Реймарусъ 238.  
 Рейнгольдъ (Reinhold) 354.  
 Рейхенбахъ 366.  
 Рейхъ (Reich) 306. 308. 407.  
 Ренне (Rönne) 361.  
 Ридъ 28.  
 Риманъ 352. 401.  
 Риттеръ 46.  
 Ритшль 398.  
 Рихгеръ 114. 374.  
 Розе 59.  
 Рокитанскій (Rokitansky) 268. 403.  
 Ронге (Ronge) 305. 307. 407.  
 Роте, Рих. (Rothe) 305. 407.  
 Рошеръ 283. 406.  
 Ру 197. 390.  
 Руссо 241.
- Саксъ. (Sachs) 383.  
 Санкторій 110.  
 Сегвинъ (Seguin) 119.  
 Смитъ Адамъ 269. 276. 285. 404.  
 Снелль 198.  
 Сократъ 302. 304.  
 Спалланцани. 397.  
 Спенсеръ 243. 245. 398. 399.  
 Спиноза 40. 63. 85. 315. 366. 378.  
 Спиръ (Spir) 409.  
 Спурцгеймъ 201. 205.  
 Стинструпъ (Steenstrup) 158.  
 Стоксъ 131.  
 Стюартъ, Дуг. 242. 346.
- Тайлоръ 240. 350.  
 Твестень (Twesten) 345.  
 Тегенсъ (Tetens) 396.  
 Тиндаль 376.  
 Толандъ 68.  
 Томашекъ 360.  
 Томсонъ 131. 149. 150. 377.  
 Тренделенбургъ 312. 345. 356. 357. 358.  
 Тэтъ 377.
- Уликъ 299—301.  
 Уоллесъ. (Wallace) 330. 388. 389.  
 Уэвель (Юель) 11—13. 346. 347. 348.
- Фаминцынъ 383.  
 Фаредэй 119. 131. 230.  
 Фейербахъ (Feuerbach) 52—57. 69. 70.  
 75. 76. 104. 144. 285. 327. 362.  
 365.  
 Феррье 220. 223. 393.  
 Фехнеръ 24. 119—123. 137. 151. 164.
- Фикъ (Fick) 400.  
 Фильоль 190.  
 Фирордтъ (Fierordt) 371.  
 Фихте 21. 40. 47. 49. 77. 301. 315. 337.  
 338. 339. 342. 409.  
 Фихте, млад. 236. 369.  
 Фишеръ, I. К. (Vischer) 399.  
 Фишеръ Куно 345. 352. 353. 357.  
 Флурансъ 59. 202. 210—216.  
 Фойтъ (Voit) 372.  
 Фольгеръ 286.  
 Фортлаге 234—236.  
 Фохтъ (Vogt) 59. 62. 63. 67. 75. 76. 81.  
 90. 145. 147. 152. 160. 161. 185. 186.  
 191. 203. 204. 228. 335. 378. 379.  
 386.
- Фразъ 188. 387.  
 Франке 338.  
 Франклинъ 288. 406.  
 Франкъ. 383.  
 Френкель 118.  
 Фризь 2
- Целлеръ 360. 409.  
 Целльнеръ (Zöllner) 99. 133. 138. 150. 151.  
 368. 376. 377. 380. 402.  
 Циммерманъ, Р. 16. 18. 348. 349. 352.
- Чольбе (Czolbe) 33. 34. 36. 51. 74—80.  
 81. 141. 144. 228. 261. 266. 316.  
 317. 318. 364. 368. 408.
- Шаллеръ (Schaller) 237. 362. 397.  
 Шваннъ 147—148.  
 Шёбль (Schöbl) 397.  
 Шейтлинъ 214. 238.  
 Шеллингъ 46—48. 52. 58. 69. 119. 183. 319.  
 Шенбейнъ 117.  
 Шиллеръ 26. 44. 45. 46. 47. 49. 51. 58.  
 194. 304. 311. 333—335. 345. 360. 407.  
 Шиллингъ (Schilling) 357.  
 Ширмайеръ (Schürmayer) 359.  
 Шлейденъ (Schleiden) 2. 37. 345. 360.  
 Шлейермахеръ 337. 339. 395.  
 Шмерлингъ 187.  
 Шмидтъ (Oscar Schmidt) 380—383. 391.  
 Шнейдеръ (Schneider) 359.  
 Шопенгауеръ 1. 43. 58. 63. 64. 97. 322. 326.  
 Шпилеръ 97. 368.  
 Штадлеръ (Stadler) 382.  
 Шталь 360. 361.  
 Штейнталь 240.  
 Штирнеръ 57. 58. 362.  
 Штрауссъ, Д. Ф. (Strauss) 51. 60. 75. 78.  
 311. 312. 320. 322—328. 330. 332.  
 334. 361. 408. 409.  
 Штумпфъ (Stumpf) 396. 397. 399—401.

Шульце-Деличъ (Schultze-Delitsch) 275. Эренбергъ 59. 148.  
318. 405. Эрстедъ (Oersted) 34. 230.  
Шульце, М. 377. Эскироль 59.  
Шульце, Ф. Г. 398. Эттингенъ. (Oettingen) 399.

Эвклидъ 15. 16. 348. Юмъ 4—6. 9. 11. 27—32. 34. 45. 86. 91.  
Эймеръ (Eimer) 397. 97. 346.  
Эмпедокль 40. 113. 156. 158. 177. 378. Юнгъ 118.  
Эпикуръ 4. 32. 33. 49. 77. 138. 192.  
339. 357.











85-00

**ЦГПБ**

им. Н. А. Некрасова



2 000000 834627

